

Огонь со мною

Надежда Кузнецова

18+

Надежда Кузнецова

Огонь со мной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70460626

SelfPub; 2024

Аннотация

Маленькие брат и сестра остались без родителей. Мама и папа не успели защитить детей и обучить суровым правилам выживания во время войны бессмертных. На чьей они стороне? Кто они? Примут ли они себя, когда узнают правду о своем происхождении? Правда не может прятаться вечно, она, как вода, рано или поздно найдет свой путь. Не напугает ли их ответ на вопрос: кто ты – маг или чародей? Смогут ли эти дети смириться с такой правдой и признать себя монстрами или попытаются что-то изменить? Так много вопросов, но как найти на них ответы в мире многовековой вражды между бессмертными? Смогут ли те, кто еще вчера мечтал уничтожить друг друга, забыть о ненависти и желании отомстить? Чтобы выжить в подобной ситуации, иногда нужно услышать врага.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	29
Глава 2	41
Глава 3	58
Глава 4	70
Глава 5	83
Глава 6	96
Глава 7	115
Глава 8	133
Глава 9	152
Глава 10	168
Глава 11	185
Глава 12	201
Глава 13	214
Глава 14	226
Глава 15	245
Глава 16	276
Глава 17	315
Глава 18	337
Глава 19	349
Глава 20	364
Глава 21	391
Глава 22	403

Глава 23	425
Глава 24	448
Глава 25	467
Глава 26	477
Глава 27	501
Глава 28	513
Глава 29	524
Глава 30	554
Глава 31	585
Глава 32	605
Глава 33	620
Глава 34	642
Глава 35	658
Глава 36	671
Глава 37	682
Глава 38	697
Глава 39	712
Глава 40	728
Глава 41	746
Глава 42	758

Надежда Кузнецова

Огонь со мной

Маленькие брат и сестра остались без родителей. Мама и папа не успели защитить детей и обучить суровым правилам выживания во время войны бессмертных. На чьей они стороне? Кто они? Примут ли они себя, когда узнают правду о своем происхождении? Правда не может прятаться вечно, она, как вода, рано или поздно найдет свой путь. Не пугает ли их ответ на вопрос: кто ты – маг или чародей? Смогут ли эти дети смириться с такой правдой и признать себя монстрами или попытаются что-то изменить? Так много вопросов, но как найти на них ответы в мире многовековой вражды между бессмертными? Смогут ли те, кто еще вчера мечтал уничтожить друг друга, забыть о ненависти и желании отомстить?

Чтобы выжить в подобной ситуации, иногда нужно услышать врага. Месть! Ненависть! Вражда! Мы не можем забыть наших врагов, они не могут простить нас. Но что нам остается? Воевать дальше? А что если существуют в жизни ситуации, когда необходимо забыть о мести, забыть былую боль? Месть – это как любовь, где необходимы две стороны. Стороны, которые готовы жить или готовы убивать и погибать дальше. А, может быть, есть другой путь? Еще один вопрос, но, пожалуй, самый важный. В любви тоже присутствуют нотки мести, но все, что

делается в любви и ради любви, приводит в итоге к созиданию, а не разрушению, к созданию чего-то иного, чего-то лучшего.

Мир значительно сложнее, чем нам кажется, а тем более если это мир бессмертных. В этом мире есть зелья и магия, интриги и заговоры, сверхспособности, порталы в неизведанные миры.

Способны ли две враждующие расы бессмертных, которые потеряли своих близких в многовековых войнах, сменить войну на хотя бы временный мир, смогут ли созидать вместо того, чтобы разрушать?

Пролог

Мы в комнате заброшенного дома, который когда-то был библиотекой. Старый диван, источающий неприятный запах сырости, нельзя назвать лучшим элементом декора, но это единственный сносный предмет мебели в комнате, на котором можно комфортно расположиться. Прижав колени к груди и положив на них голову, я продолжала следить за папой, который сегодня по не понятной мне причине вел себя как-то подозрительно.

Мама ушла два дня назад, и ничего необычного в этом не было. Она часто уходила. В первый день ее отсутствия папа был спокойным, на второй день начинал хмуриться и реже обращать на нас с Ремисом внимание, вернее, он почти

переставал нас замечать. Но на третий день мама всегда возвращалась, а значит, не было повода для беспокойства. Вот и сегодня – третий день, и мама должна вернуться. Почему же тогда отец так переживает?

В этом здании было так тихо, что можно было услышать, как стрелки старых часов на противоположной стене отстукивают секунды нарастающего безумия папы. Он стоял у огромного — от потолка до пола — окна, завешанного старой простыней, и, казалось, она не могла помешать ему всматриваться в темную пустоту опустившейся на город ночи.

За окном было так темно, что я не понимала: отец смотрит сквозь темноту, которая напоминает штору, или обладает способностью видеть через ткань? Зачем отец стоит у окна, сжимая кулаки? Даже если мама приблизится к дому, отец просто не сможет различить ее силуэт. Но я не решалась подойти к нему. Когда он ждал маму, он всегда был напряжен и в такие минуты не разговаривал – ни со мной, ни с Ремисом. Сегодня же все иначе: не могу сказать, что именно не так, но волнение папы настолько велико, что передается и мне. Я тоже переживаю за маму и очень хочу, чтобы она оказалась рядом с нами как можно скорее.

– Ремис, что ты делаешь? – Отведя взгляд от папы, я перевела его на младшего братика. Он не разделял нашего волнения, а значит, мог отвлечь от мрачных мыслей. Мне хотелось, чтобы в комнате появились еще какие-нибудь звуки, кроме тиканья часов и скрипа карандаша, которым Ремис

что-то размашисто вырисовывал на куске картона, тем самым заштриховывая мой страх и паническую атаку папы.

– Лисюю масыну, – прошепелявил братик.

Я посмотрела в его голубые глаза: чистые и огромные глаза ребенка, в которых не отражается наш с папой ужас. Малыш просто рисует машинку. Ремис не считает дни и часы, он еще не понимает, что может скрываться за папиным отрешенным взглядом на второй и третий день отсутствия мамы. Он просто рисует и просто ждет, когда мама принесет конфеты. Почему же тогда я, наблюдая за безмятежностью брата, не уверена, что у нас все будет хорошо? Папа и Ремис рядом, а мама... она вернется. Все будет хорошо, я должна в это верить и не поддаваться папиному волнению.

Я сползла с дивана, чтобы поправить брату штанишки, которые на пару размеров больше, чем нужно, зато плюшевые и теплые, что очень важно для этого холодного города. Но мне хотелось видеть брата одетым так же, как дети за окном. На них была одежда по размеру и по погоде, а ботинки не промокали. Мы же всегда были одеты в «случайные» вещи.

Ремис немного поворчал, выражая таким образом недовольство тем, что я мешаю ему заниматься любимым делом, и продолжил рисовать. Он обожал рисовать. Когда папа рассказывал нам на ночь сказки, утром Ремис обязательно пытался изобразить героев, о которых услышал накануне, а результатом своего творчества неизменно всех нас веселил. Его уморительные каракули поначалу всех нас очень развле-

кали, но, надо признать, с каждым днем рисунки брата становились все лучше и лучше. Я погладила Ремиса по белокурой голове, а он, оторвавшись от рисунка, улыбнулся мне, и эта детская улыбка была такой светлой и безмятежной, что я даже немного ему позавидовала.

Вдруг отец отошел от окна и стал расхаживать по комнате, что-то бормоча себе под нос. О, Боги! Это еще хуже, нежели он молча стоит у окна. Мамочка, где ты? Сущий кошмар, когда мамы нет рядом. На второй день после ее ухода папа превращается в незнакомца, который бесцельно бродит туда-сюда, а все заботы о младшем братике ложатся на меня.

Когда мне показалось, что я расслышала среди бурчания нечто вроде «нельзя было отпускать ее одну», снизу раздался шум открывающейся двери, а затем легкие и быстрые постукивания каблучков. Мама вернулась! Ее шаги я научилась различать уже давно.

– Хвала Богам! – воскликнул отец.

– Это было в последний раз! Слышишь меня? Я не отпускаю тебя больше одну! – Отец говорил так каждый раз, когда мама возвращалась, и каждый раз они спорили, а спустя какое-то время мама вновь уходила.

Едва мама поднялась на этаж, который сегодня напоминал зал ожидания на вокзале, как отец подхватил ее и закружил так, что она бросила сумки и засмеялась.

Отлично! Нам с Ремисом как раз хватило времени на то, чтобы покопаться в них в поисках чего-нибудь вкусного. Ро-

дители еще какое-то время будут заняты своим разговорами, состоящими из расспросов отца и маминых ответов сквозь смех, а мы тем временем успеем поглотить сладкого столько, что даже от ужина будем готовы отказаться к неудовольствию мамы.

– Солнце, у меня отличная добыча! Ты не поверишь! Мне удалось подработать, и я даже скопила приличную сумму денег.

Видя, что ее слова не произвели на отца должного эффекта, мама добавила:

– Я принесла еды, много, нам хватит на месяц. А еще новые теплые вещи для всех!

Теплые вещи в этом городе я ценила больше всего и не понимала, почему мы не можем пойти днем в один из тех шикарных магазинов, о которых я столько слышала и которые видела по телевизору. В этом последнем месте нашего пребывания телевизора не было, но у меня отличная память!

Этому может быть только одно объяснение: мы определенно прячемся от кого-то. Это даже мне понятно. За окном нашего дома, временного дома, другого у нас никогда не было, свободно ходят по улицам люди, беззаботно и весело резвятся дети, и никто ни от кого не прячется в отличие от нас.

Если нас и выводят на улицу, то только ночью, когда там уже нет детей, с которыми мне так хочется подружиться и которые так же недосыгаемы, как папа на третий день отсутствия мамы.

Вся наша жизнь связана с ночными переездами в различные города, названия которых я уже даже не пытаюсь запоминать. Места для временного проживания — это всегда заброшенные здания в какой-нибудь глуши. Города новые, но правило остается старым и неизменным: нам строго-настрого запрещается выходить из дома днем. Родители всегда оберегали нас от посторонних глаз, но причину такой скрытности нам никогда не пытались объяснить. Больше недели мы обычно нигде не задерживались. Однако в этом странном городе мы уже почти месяц, и я уже начала считать эту заброшенную библиотеку нашим домом.

Мне всегда было любопытно, как это — иметь свой дом, не испытывать голод или страх. С чем можно сравнить такое чувство? Хотя постоянный страх, видимо, испытывают только родители, а я просто слеую за их молчаливым страхом. Страхом, причины которого мне неведомы. Надеюсь, что Ремис его не чувствует, он просто рисует и спит на кушетке. Иногда я фантазировала, что, если бы у нас был дом, наш собственный дом, тогда не было бы ни голода, ни страха. Дом в моих мечтах был небольшим, но с отдельными комнатами для меня, Ремиса и родителей. А еще гостиная, где мы вечерами пьем чай с печеньем и играем у камина. О, у нас обязательно был бы камин!

Вид огня меня всегда завораживал, даже незначительная вспышка пламени на спичке буквально приковывала мой взгляд. Папа как-то заметил такую мою странную реакцию, и

на его лице отразилось нечто похожее на панику. Я тогда подумала, может быть, он так же сильно любит огонь, и спросила, видит ли он все его оттенки: от холодного голубого – когда огонь только зарождается, он слаб, невинен и хрупок, как младенец, до огненно-красного – этот огонь уже достиг своей полной силы и готов поглотить все вокруг. Такой огонь не знает пощады, он верит в свою силу и мощь. Раз вы позволили прожить огню так долго, теперь вы должны смириться с тем, что победить его у вас нет возможности. Папа лишь покачал головой и сказал, что очень сильно меня любит и беспокоится обо мне. Больше я не стала его расспрашивать, поскольку это был как раз второй день маминого отсутствия, а это не время для разговоров с папочкой.

А сегодня вместо камина мы использовали уже повидавшую виды старую горелку. Кажется, она осталась у мамы от набора для приготовления фондю. Печенье и тортолини, которые мама приносила, когда возвращалась, она выдавала нам с братом через день, чтобы мы не расправились со сладостями за пару часов. Но, заглянув сегодня в ее сумки, я поняла, что сладкого у нас много и мы с Ремисом не сможем съесть все конфеты и за месяц.

Когда папа наконец-то успокоился, а мама приготовила ужин, настало время для очередных историй. Наша жизнь вернулась в прежнее русло – к заброшенным зданиям и непонятным городам, а папа принялся рассказывать нам о магах и акритах. Об акритах Ремис любил слушать больше всего.

А меня все эти истории не то чтобы пугали, но в моем воображении все эти персонажи выглядели какими-то страшными, я не хотела бы сидеть с ними у камина в своем доме. Поэтому, взяв стакан молока, я направилась к мамочке на диван. Я тоже по ней сильно скучала. Папа был рядом, да, но в то же время он был таким напряженным и отстраненным, что мне казалось, будто мы с братиком одни. Я прижалась к мамочке и обняла ее.

– Я скучала по тебе.

Прижимаясь к маме, я чуть не разлила молоко.

– Чем занимались? – мамочка прислонила щеку к моей макушке. Так она делала всегда, когда была уставшая, но очень хотела поговорить со мной.

– Мы бегали на верхнем этаже, там так много книг! Ты знала об этом? Вот только их язык я не знаю, так что мы просто играли там в прятки, а еще Ремис кинул в меня книгой! – Пожаловалась я маме.

– Книги скорее всего на русском языке, я тебя потом этому языку научу, а насчет Ремиса... Милая, он еще маленький, не обижайся на него. Он тебя любит.

Мама накинула на меня плед и прижала к себе еще крепче.

Я глянула на Ремиса, да, он и впрямь еще маленький, но ведь он специально кинул в меня книгу, и любви в его поступке я что-то не заметила. Но говорить об этом маме я не стала.

Ремис же тем временем слушал папины истории завороченно, как и всегда, уютно расположившись на его коленях. Глаза Ремиса были широко распахнуты, рот немного приоткрыт, и, когда история переходила в нечто захватывающее, он кивал. В руках он держал печенье, а папа периодически подносил молоко к губам Ремиса, чтобы он не забывал запивать сладости.

– Мама, мы еще останемся тут?

Я немного отодвинулась от мамы и посмотрела в ее почему-то грустные глаза. Ее взгляд был устремлен на Ремиса.

– Мне этот дом нравится больше, чем предыдущие.

– Это не наш дом, малышка, – мама начала гладить меня по голове, и на ее лице появилась моя любимая улыбка, та, которая говорит, что мы тут задержимся на какое-то время, а еще, что она очень и очень любит меня и гордится мной. – Как бы я хотела, чтобы у нас был свой дом! Безопасный дом.

Последние слова мама произнесла очень тихо. Но я смогла их расслышать и была полностью с ней согласна. Я тоже хочу свой дом.

– Ты же больше не уйдешь?

Отсутствие дома и постоянные уходы мамы делали наше существование просто невыносимым.

– Кто-то же должен ходить... по магазинам, милая. – Мама мне улыбнулась еще нежнее и подмигнула. – Но скажи мне, вы с Ремисом не снимали цепочки, которые я подарила вам в прошлый раз?

Я передала стакан с молоком маме и освободившейся рукой потянулась за ворот кофты. Достав длинную цепочку со странным амулетом, я протянула ее маме.

– Нет, моя цепочка на мне. А почему я должна ее носить? Она не очень-то красивая.

– Просто пообещай, что не снимешь ее.

Мама поцеловала меня в лоб и спрятала цепочку с амулетом обратно, взяв меня за руку.

– Ремис хотел ее снять, но папа его отругал.

Брат иногда ведет себя так, словно желает кому-то насолить просто из вредности, чаще именно мне. Когда я сказала, что цепочку надо носить всегда, он нарочно решил ее снять. Но папа ему помешал.

– О! Но... хорошо, просто пообещай, что вы не будете их снимать.

– Ладно. Но Ремис...

– Алика, я серьезно. Проследи, чтобы Ремис ее не порвал или не снял.

– Почему я должна следить за Ремисом? Он...

– Он твой младший брат, – мама немного отодвинулась, и все следы улыбки исчезли с ее лица. – Малышка, когда меня нет, просто пообещай, что ты будешь о нем заботиться.

– Обещаю.

Я глубоко вздохнула. Следить за Ремисом – это худшее наказание. Но я старалась делать все, о чем бы меня ни попросила мама. Наверное, так я надеялась, что она сочтет ме-

ня достаточно взрослой и не будет покидать меня так надолго. Знаю, что она уходит не из-за меня, но так мамочка будет знать, что я уже взрослая, и когда-нибудь она обязательно возьмет меня с собой, а не оставит присматривать за глупым Ремисом.

– Иди ко мне, красавица. – Мама опять крепко прижала меня к себе и стала поправлять плед на моей спине.

– Мама, я...

– Что это? – Мама, вскрикнув, вскочила с дивана, и, когда я пришла в себя после испуга, смогла понять, что ее так встревожило.

– Ремис это нашел сегодня...

– Вы выходили из здания?

Мама уже стояла у дивана, а в руке сжимала полупрозрачный камень.

– Я нет, но Ремис...

– Что случилось? – Отец подлетел к нам так быстро, что Ремис от неожиданности упал.

– Ты обновлял... – мама чуть ли не перед носом папы трясла камнем, – пожалуйста, скажи, что ты обновил... сигнализацию!

Ремис остался сидеть на полу, а я начала сползать с дивана. Мама была так напугана, словно она держала в руках не просто камень, а хвост дракона, непонятно откуда взявшийся в этой комнате.

– Что? Откуда... – папа выхватил камень из рук мамы и

на его лице отразился тот же ужас, что и на лице мамы.

– Мы должны...

Мама не успела закончить фразу, как где-то внизу раздался грохот, похожий на взрыв. А дальше все произошло так быстро, что я даже не успела спросить: а что случилось? Папа накинул на Ремиса свою рубашку и приказал застегнуть ее, я была все еще закутана в плед, и, хотя на улице было очень холодно, мама все же схватила нас с Ремисом за руки и повела к лестнице.

– Я их отвлеку, – крикнул папа. – Прячь детей!

– Не смей показывать...

– Я знаю!

Папа прокричал, что постарается отвлечь их и увести от здания. Я не понимала, кого он имел в виду. Убегая, он посмотрел на меня и Ремиса таким взглядом, которого я не видела никогда. В нем была и огромная любовь ко всем нам, и страх за нас. Подобных эмоций на лице папы не было, даже когда мама уходила на неделю.

На минуту мне показалось, что он куда-то уезжает, словно он, как и мама, хочет оставить нас на некоторое время. По маминым щекам текли слезы, и она одними губами произнесла: «Я люблю тебя».

Вдруг здание содрогнулось так, что старая штукатурка с потолка осыпала нас с Ремисом, и мне показалось, что нам на голову вот-вот свалится и сам потолок. Затем раздался звук разбивающегося стекла, снизу доносились крики на непо-

нятном языке. Я даже подумала, что это полиция пришла нас арестовывать. Я читала в газетах, что такое случается с теми, кто незаконно находится в чужом доме. Мы ведь не одни из этих преступников, правда? Но мне некому было задать этот вопрос. Ни мамы, ни папы рядом уже не было. Причем не знаю как, но я понимала, что папы нет даже в доме, я чувствовала это. А мы с Ремисом все еще в этом заброшенном здании. Не знаю, может ли полиция арестовать детей... А если может, что нам с Ремисом делать?

Все, что я могу сейчас сделать, — это прижаться к братику. Хотя, если закрыть глаза, тогда не так страшно.

Прошло чуть больше тридцати минут с тех пор, как раздался первый взрыв.

Мама схватила меня и Ремиса, бросив перед этим нам какие-то вещи, и спрятала нас на лестничном пролете. Она поставила перед нами несколько коробок, укутала нас в одеяло, а после этого крепко обняла. Она обнимала меня и Ремиса, всхлипывала и шептала, как сильно она и папа нас любят, чтобы мы никогда не забывали об этом. В этот момент я не плакала, просто не понимала, почему она нам это говорит сейчас, словно я их больше никогда не увижу. Словно они с папой прощаются с нами. Ведь это неправда! Мы просто опять прячемся, а завтра соберем вещи и покинем это место в поисках другого. Ведь все, как обычно? Ну да, взрыв — это не совсем обычное явление, но ведь все будет хорошо, как всегда, разве нет?

Спустя какое-то время мама поцеловала меня и Ремиса, обняла нас так крепко, что мне даже пришлось задержать дыхание. Да что происходит?! Затем она немного отстранилась и стала нас осматривать, словно пыталась запомнить, будто впитывала нас в свои будущие воспоминания. Не знаю, откуда у меня взялись такие мысли, но было очень жутко. Почему мне кажется, что я никогда больше ее не увижу? Почему мне кажется, что грустные глаза мамы излучают тревогу не за нее или папу, а только за меня и Ремиса? Почему я теперь думаю, что эта ночь будет отличаться от всех, что были прежде, и что у нас все изменится?

Мама еще раз окинула нас взглядом, потом зачем-то подняла руки, а спустя секунду побежала вниз по лестнице, оставив нас одних. Все последующие минуты, которые тянулись мучительно долго, мы, вернее точно я, слышали крики, стоны и еще я чувствовала вибрацию, такую, как будто под землей проезжает поезд метро. Мы сидели на широком лестничном пролете, а Ремис вжимался своим маленьким тельцем в стену, вздрагивая и все сильнее плача при каждом новом взрыве.

Место, где мы находились, было темное, мрачное и совсем не освещалось. Мысленно я проговаривала и проговаривала все, что родители сказали нам, но в памяти всплывали только последние слова мамы: «Сидите тихо и не высовывайтесь, что бы ни происходило вокруг! Если кого-то увидите, то не произносите ни звука. Просто сидите тут как мышки!». Ах,

да, еще она сказала, чтобы мы с Ремисом не забывали, кто мы. Но это мама прошептала уже мне на ухо, когда уходила. Больше я ничего не могла осмыслить из сказанного ею каких-то десять минут назад. Только чтобы мы прятались и скрывались от посторонних глаз.

Это огромное здание, которое при свете дня мне еще очень нравилось, теперь после взрывов, криков и из-за пронизывающего холода кажется абсолютно чужим и неприятным.

Мы сидим на темной лестнице между этажами, где ужасно пахнет и очень холодно. Почему родители нас тут оставили одних? Что нам делать, где прятаться? Прямо тут на лестнице? Просто продолжать тут сидеть? Папа сказал, что в этой заброшенной библиотеке тридцатых годов нас никто не будет искать, и это было ровно до того, как в здание с ярким светом и звуком, похожим на падение целого дома, кто-то ворвался, значит, нас кто-то все-таки нашел. И почему мама настаивала, чтобы мы оставались среди этих коробок?

Теперь Ремис после каждого грохота и звука разбитого стекла все сильнее сжимает мою руку. Еще пара взрывов, и он точно оторвет мне ее по самое плечо. Но это вся реакция брата на происходящее. Я не могу его сейчас винить, его ужас мне понятен. Странно только то, что он молчит. Его огромные глаза заполнены слезами, которые тихо без всхлипов маленького избалованного ребенка стекают по его пухлым щечкам. Заметив, что он по-прежнему сжимает в своей

крошечной ладошке печенье, которое не успел съесть вместе с вечерней порцией молока и папиных сказок, я поправила на нем огромную отцовскую фланелевую рубашку, в которой он буквально утопал.

Одежды у нас было мало: то, что нам кинула мама, мы уже нацепили на себя, но это не сильно спасало от холода. Оба тряслись, хотя сейчас сложно сказать, это от страха или от ледяного воздуха.

Каждый раз, когда что-то взрывалось, одной, свободной от хватки Ремиса рукой я прижимала голову братика к себе, чтобы хоть немного заглушить шум от битвы, которая разворачивается где-то. Сейчас я уже не уверена, на первом этаже здания или где-то еще. Вскоре стало очевидно, что все мои попытки защитить брата от шума тщетны, он продолжает плакать, а от того, что он не отвечает на мои вопросы, мне становится еще страшнее, ведь я единственная, кто может ему помочь, но понятия не имею, как это сделать. Я все плотнее прижимаюсь к Ремису, но с тем же успехом могу, например, начать танцевать, потому что Ремис словно оцепенел, он никак не реагирует на меня и мои попытки до него достучаться. Мама всегда могла его успокоить, мне это не по силам.

Брат продолжал цепляться за меня мертвой хваткой, будто собака, которая, защищая хозяина, закусилла руку врага и отпустит, только если ее убьют. Я шепчу Ремису, что он должен меня отпустить, и тогда мы сможем спрятаться в дру-

гом месте. Но он меня явно не слышит. Зато я отлично слышала приближающиеся к нам шаги. Скоро кто-то нас тут найдет. Я начинаю трясти Ремиса изо всех сил:

– Ремис, вставай! Нам надо уйти и найти другое место!

Сюда точно кто-то идет, и это не родители, это кто-то чужой. Вначале шаги были еле различимые и приглушенные, но по мере приближения становились все громче и громче. Времени на то, чтобы убежать, почти не осталось.

– Пожалуйста, Ремис! Хочешь, я отдам тебе свою подушку? Ты ведь считаешь, что она лучше твоей? Хочешь?

Мне показалось, что он пошевелил губами, но невозможно разобрать, что он говорит.

– Ремис, пожалуйста, отпусти меня, и давай спрячемся, ладно?

– Мама сказала, что мы должны сидеть тут!

Только мой навык шептаться с ним под одеялом с фонариком помог мне понять, что он сказал.

– Да, Ремис, верно! Но ты же слышишь, кто-то идет сюда, а еще мама сказала, что мы должны все время прятаться, помнишь? Давай, скорее, пойдем поищем безопасное место, где нас никто не найдет! Пожалуйста, Ремис? – Едва ли уже не рыдая, прошептала я на ухо брату.

Когда я почувствовала, что хватка Ремиса ослабевает, не стала терять ни секунды и, не успев полностью освободиться от объятий брата, схватила его за рубашку, плюхнула одеяло на его плечи и, резко поставив братика на его крошечные

ножки, рванула, кажется, на четвертый этаж.

Открыв дверь, я почувствовала запах плесени. Она, собственно, была во всем этом темном и сыром здании. Зато я заметила, что на этаже много шкафов. Это как раз то, что нам нужно, решила я. Пробежав с братом немного вглубь, я нашла огромный деревянный шкаф с приоткрытой дверью. Старый и немного покосившийся, замка на нем нет, а значит, можно скрыться внутри.

Я постаралась очень тихо открыть дверцу, но из-за сырости она предательски заскрипела, противясь малейшим движениям. С грустью я увидела, что внутри много старых, отсыревших и позабытых людьми книг. Мне придется вытащить хотя бы часть из них, чтобы спрятаться в этом шкафу. Но искать другой подходящий шкаф уже нет времени, поэтому надо просто освободить немного места для меня и Ремиса. К тому же я подумала, что раз люди потеряли эти книги, то и нас тут не найдут. Таков был мой план, и я аккуратно начала вытаскивать книги.

Ремис же мне совсем не помогал, он лишь стоял рядом, крепко держал одеяло, которым нас укутали родители, и смотрел на входную дверь. Главное, что не цепляется за меня и не мешает.

Освободив достаточно места, я впихнула брата и себя на вторую снизу полку, тихонько прикрыла дверцу шкафа, хотя полностью она не закрывалась. Надеюсь, полка нас выдержит и не рухнет, шкаф-то совсем старый. Мне оставалось толь-

ко молиться богам, чтобы в такой темноте наше ненадежное убежище оказалось достаточным для нашего укрытия от тех, кто вторгся в наш дом. «Это не наш дом», — пришлось мысленно напомнить себе.

Взглянув на Ремиса, я поняла, что ему страшно как никогда, я попыталась его обнять, но в тесноте шкафа это было почти невозможно. Тогда я решила его немного отвлечь, нашептывая слова поддержки, от которой я и сама бы сейчас не отказалась. Но я ведь обещала маме, что буду хорошо присматривать за Ремисом в ее отсутствие, а я всегда сдерживаю свои обещания. Если, конечно, они не касаются сладостей.

В момент, когда я, вспомнив любимую историю Ремиса, уже сделала рваный вдох и собралась начать увлекательный для брата рассказ, услышала крик мамы, а мгновение спустя и надрывный голос отца.

Вздох застрял в моей груди, выдохнуть из-за охватившего меня ужаса никак не получалось. Я окаменела, по спине побежали мурашки, а в горле пересохло настолько, что я даже побоялась сглотнуть, казалось, мне просто будет больно.

Мне никогда раньше не приходилось слышать крика родителей, и сейчас он вызвал во мне ужас.

Если папа не просто ходит по комнате и ворчит, а громко кричит, значит, он действительно сильно напуган. Чуть позже я услышала, как отец закричал, и это уже не просто крик, это явная мольба. Мольба отпустить... маму. Мамочка! Что происходит с мамочкой? Что вынудило моего папу так кри-

чать и молить о пощаде?

Внутри меня все сжалось. Я начала всхлипывать. Что мои родители могли сделать такого ужасного? Что значит «отпустить маму»? Кого они так сильно оскорбили или обидели?

В этот момент я взглянула на Ремиса. Если до этого он вздрагивал от взрывов и цеплялся за мою руку, то теперь он словно был в другом месте и перестал слышать то, что происходит вокруг нас. Он больше ничего не слышит! Он что, оглох? Ремис сидел, уткнувшись головой в поджатые колени, слезы высохли на его щечках, а глаза уставились в одну точку, он даже моргал редко. Но об этом я подумаю позже, сейчас все мое внимание было приковано к происходящему с родителями.

– Вам никогда их не найти! Их тут нет! Их нет даже в этой стране, я позаботился об этом! Убейте меня, но отпустите мою жену, будьте милосердны! – Услышала я надрывный голос отца.

О ком он говорит? Кого не найти? Нас? Эти люди пришли за мной и Ремисом? Но почему? Боги, они хотят убить моего отца? Или нас всех?

Кто бы там ни был, он не должен так мучить моих родителей. Мы же просто жили в этом здании, как и во многих других. Мы не причиняли никому вреда! Зачем так поступать с нашей семьей?

Ответом на просьбы отца и стоны мамы был лишь леденящий душу смех. Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть

этот смех. На миг меня словно сковало в ужасном предчувствии событий, которые навсегда изменят мою жизнь. Я даже забыла, где нахожусь, поскольку перед глазами проплывали образы родителей, картинки наших многочисленных переездов из одного места в другое. И если я не любила переезды, то теперь была бы рада уехать отсюда как можно дальше, только бы с родителями и братом.

Смех! Я вновь услышала его, который был теперь еще громче. Так ужасно смеялся не один человек, а как минимум трое. Это был даже не смех, а рык разъяренного зверя, перед которым жертве остается только замереть, прикинувшись мертвой и не интересной хищнику добычей.

Незнакомец, продолжая смеяться, что-то ответил моему папе, но я не смогла понять, что. Я не понимаю языка, на котором говорят эти люди. Но мне очень хотелось, чтобы они отпустили мамочку и папочку. Я закрыла глаза и начала мысленно умолять их об этом. Мне бы хотелось услышать, что люди, которые сейчас заставляют моих родителей страдать, неудачно пошутили и папа с мамой могут уходить, захватив с собой меня и брата.

Но вместо этого воздух, пропитанный плесенью, страхом и слезами, прорезал крик папы: «НННННННННН!»

Одно слово. Одно громкое, пронзительное слово, способное перевернуть весь мир. Я не знаю, что именно случилось, но этот крик папы отражал самую сильную боль в его жизни. Я начала плакать, стараясь заглушить рукой вырывавши-

еся из груди рыдания, чтобы не привлекать к нам с Ремисом внимание.

Мне никогда по-настоящему не было так больно или страшно, как сейчас. Я жила в любви и, хотя у меня не было друзей, а все мои игрушки вместились в пакет из супермаркета, мне всегда было весело с моими родителями и даже с братом. А сейчас мое желание закричать было настолько сильным, что я не могла совладать с собой.

Слезы стали меня душить, дышать было невообразимо тяжело, от отчаяния и беспомощности я прижалась к брату. Вряд ли Ремис сможет мне помочь, но одно лишь его присутствие действовало на меня, как легкое успокоительное.

Маму больше не было слышно, а вскоре и папин голос стих. Совсем. В здании воцарилась тишина, странная и пугающая. Казалось, даже Ремис перестал дышать, а я — всхлипывать. Вместо этого я начала вслушиваться в жуткую тишину, воцарившуюся сразу после последнего крика отца. И не могла ничего услышать. Ничего. Только абсолютная зловещая тишина.

Куда все подевалось: люди, говорящие на непонятном языке, скрип полов этого старого здания, взрывы, крики? Ничего не было. Даже непонятная вибрация прекратилась. Только я, брат и наше с ним дыхание в покосившемся шкафу.

Это только я ничего не слышу или Ремис тоже? Может быть, я тоже оглохла? Замерев, я продолжала вслушиваться

в тишину, но оказалось, что с последним криком папы весь мир замер: никаких голосов, шагов, даже открытые окна перестали стучать от ветра. Тишина, которая не успокаивала, а, наоборот, не давала дышать, как будто впитала в себя весь воздух. Первым моим желанием было выскочить из шкафа и выбежать на улицу, но страх сковал меня по рукам и ногам, все, что я могла, – смотреть на Ремиса в надежде, что он ничего не понимает. Я молилась всем богам, чтобы он ничего не понимал именно сейчас!

Я беззвучно открывала и закрывала рот, ловя необходимый мне воздух, пытаясь выдавить из себя хотя бы приглушенный звук, чтобы нарушить эту мерзкую тишину. Кажется, я забыла, как говорить. Не знаю, что и кому я должна сказать, нужно просто что-то сделать. Нужно понять, что все хорошо, мы живы и родители к нам придут, найдут нас. И когда я подумала, что и сама растворилась в этой тишине и даже, может быть, умерла, Ремис медленно поднял голову и встретился со мной глазами. Его маленькие пересохшие губы медленно зашевелились.

– Алика, мама и папа умерли, да? – спросил Ремис без слез.

Он впервые четко произнес букву «р», и в этот момент я осознала, что теперь никто, кроме меня, уже не сможет похвалить его за это.

Глава 1

В этом году осень задерживается: дни все еще изнуряюще жаркие, холода как будто и не предвидятся, но единственным напоминанием о том, что здесь погода очень изменчивая, является тот факт, что, несмотря на знойный день, земля уже холодная. Просидев пару часов на промозглой земле, я растеряла всю восторженность от своей первой официальной вылазки на чародейскую операцию. А когда моя спина онемела от неподвижного ожидания старта, даже прекрасный вид леса, который вот-вот встретит золотую осень, меня совсем не радовал.

Не то чтобы я ожидала чего-то захватывающего от предстоящей охоты на магов (для меня и Ремиса, скорее, здесь будет отведена роль статистов), но мой страх от встречи с магами немного отступил, а вместо него появилась раздражающая неуверенность, от чего я ко всему прочему начала еще и злиться на саму себя.

Чем дольше я сижу тут и думаю о том, как встречу первого мага в своей жизни, тем острее чувствую, что мне нечего ему противопоставить. Я, да и Ремис тоже, еще даже не бессмертные, а маги – одни из самых сильных бессмертных, во всяком случае были таковыми когда-то. Почему из всех молодых чародеев присоединиться к этой операции предло-

жили именно нам?

Пожалуй, лучше мне на этом остановиться, пока параноидальные мысли не завели меня в царство самобичевания и страха до дрожи в коленях. Взглянув на Ремиса, я поняла, что его подобные мысли не терзают: обычно сомнения в нем не задерживаются дольше, чем на время, потраченное на опустошение банки пива в компании друзей-лоботрясов. Ремис сидит в наушниках, и если он сейчас о чем-то и думает, так только о том, какую музыку загрузить в свой телефон и в какой клуб пойти в эту пятницу. Как он может быть настолько спокойным? Он словно на отдыхе: скрестил ноги и болтает ими в такт музыке! Брат неисправим. Он всегда в мейнстриме, всегда знает, кто, где и что. Он тот, кто веселится на всю катушку, потому что может!

Признаю, я всегда ему немного завидовала. Не то чтобы я хотела жить, как он, но мне не хватает его ощущения жизни — живем один раз, а значит, надо познать и успеть все и прямо сегодня, прямо в этот самый момент, и неважно, к чему это приведет.

Брат придерживается принципа, что, пока он не достиг бессмертия и официально не вступил в ряды наемников, может жить, не ограничивая себя ни в чем. Он играет в варкрафт и ходит на клановые встречи с игроками. Его не беспокоит, что у них не получится завязать крепкие дружеские отношения. Он говорит: «Сегодня я пью с ними пиво, и нам весело. Зачем думать о том, что завтра кого-то собьет

школьный автобус?» В этом весь Ремис. Но при этом он очень практичен, все его решения продуманы, он в отличие от меня никогда по-настоящему не влипал в неприятности. Брат умеет выпутываться из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций, заранее просчитывая последствия всех своих безумств. При всей кажущейся легкомысленности он совсем не глуп.

Я очень горжусь им, но никогда не признаюсь в этом. Все наши разговоры и споры в девяносто процентов случаев заканчиваются руганью и обидами с моей стороны. Не то чтобы он специально стремится меня расстроить, но чувства такта ему не хватает. Мне даже кажется, что он в некотором роде стыдится своей непутевой сестры. И чем больше я стараюсь доказать ему, что его старшая сестра – очень способный и перспективный чародей, тем чаще попадаю в самые нелепые ситуации.

В то время как захлестнувшие меня от известия об операции эмоции — а это были шок, страх, радость, взволнованность – сменяли одна другую и я в растерянности металась по своей комнате, решая, что мне необходимо взять с собой, Ремис был собран ровно через две минуты. Несмотря на то что он гулял две недели, а сегодня нас внезапно вызвали сопровождать операцию, он просто схватил свои вещи и уже готов к новым событиям. Вот так просто и без лишних переживаний!

Именно сейчас мне хотелось просто ударить брата. Нет,

ну правда! Разве можно так относиться к нашей первой официальной вылазке в качестве чародеев? Он слушает музыку, качает головой в такт, а я вся на нервах. Он даже не замечает, как я извелась, искусала губы в кровь. Такое ощущение, что меньше всего в жизни его волнует мое самочувствие. А эти его наушники, с которыми он не расстается?

Боги, иногда я ненавижу эти новые технологии! Все люди в наушниках: в метро, такси, парке, даже на свиданиях. Да, последнее свидание у меня так и прошло: мы в баре, он в наушниках, я ему что-то говорю, а он не слышит. Я не могу похвастаться красноречием, но сам факт того, что человек не вытащил наушники при встрече со мной, говорит о многом. После такого «отличного» общения я решила выпить виски со льдом, утопив в нем свое уязвленное самолюбие. Так мне было проще смириться с мыслью, что я просто безнадежна во всем, с чем бы ни имела дело! Да, я напилась, и, к счастью, мне полегчало, уже стало все равно, какую музыку слушает на свидании мой парень. Главное, я не в его вкусе, как, впрочем, и он не в моем, а фраза «жили они долго и счастливо» не про нас. В тот вечер я решила, что никто мне не нужен сейчас, я же бессмертная, вернее, скоро ею стану, а значит, рано или поздно смогу найти подходящего парня.

Но все-таки на следующий день, преодолевая утреннее похмелье, я задумалась: а каково это — с кем-то встречаться? Хоть парень с наушниками обычный смертный и у нас не получилось бы с ним построить рай в шалаше, но все же!

Каково это, когда ты кого-то любишь всем сердцем и в ответ получаешь те же любовь, страсть и уважение?

Я пыталась ходить на свидания, но смертные – это все-таки табу, а чародеи просто бегут от меня, как от чумной. Я даже попыталась счастье с территом, которого случайно встретила в баре, но он при одном только взгляде на меня лишь рыкнул, развернулся и ушел в закат. Может, что-то со мной не так? Ведь даже Ремис избегает моего общества.

Не могу сказать, что очень переборчива, но определенно в мой список «Не встречаться» теперь входят парни с наушниками, территы, смертные и вообще все, кто на меня косо смотрит. Учитывая, что последние – это большинство, мне только и остается, что мечтать о... Нем. Нет-нет, такие мысли нужно гнать прочь из головы! Неуверенность в себе и пустые мечты будут отвлекать меня от важной операции, и я что-нибудь обязательно испорчу.

Я выдернула наушник из левого уха брата, за что он наградил меня хмурым взглядом. Ну не могу я спокойно смотреть, как он развлекается, когда в моей голове полная каша, и чем дальше, тем хуже.

– Слушай, все время, пока мы тут сидим, меня мучают странные мысли.

– Что? У тебя есть мысли? – Он усмехнулся, словно сказал что-то очень забавное. – А какие?

В ответ на его шутку я лишь скривила лицо в гримасе, давая понять, что юмор я не оценила.

– Я серьезно! Нас впервые взяли на задание, где мы не просто ученики, мы участники. Но мы еще даже не достигли бессмертия. Говорят, это очень важное задание. Но тогда зачем выбрали нас? – Задав эти вопросы, я только усилила свои сомнения.

– Прекрати, мы уже владеем телекинезом, хороши в битвах, да и в зельеварении не так уж и облажались. Так что почему бы и нет?

Но я могу согласиться с Ремисом только в части телекинеза. В битве, может, Ремис и силен, но я точно драться не умею, а зелья... этим мастерством даже Ремис не может похвастаться. Тем временем он вытащил из уха второй наушник, значит, настроен слушать меня, что в наших родственных отношениях большая редкость.

– Да, но, согласись, маги... черт, на битвы с магами отправляются только сильнейшие. Могли вызвать кого-то вроде Кремера, но никак не нас.

– Кремера, да? Хм... сестренка, да ты никак вступила в его фан-клуб?

На лице Ремиса отобразилось что-то вроде отвращения, но он продолжил:

– Да, он реально крутой наемник, но, видимо, не его размах, а я не считаю себя неудачником, я тоже смогу справиться, уверен в этом. А ты *опять* боишься?

Вот в этом весь мой брат: я смогу, я справлюсь. Зачем заморачиваться? Я в отличие от Ремиса пребываю в вечном

страхе: что, если я не справлюсь?! Да, я боюсь, как всегда, и, как всегда, Ремиса это раздражает.

Но как он догадался, что я все время думаю о Кремере? Нет, я вовсе не вступала в его фан-клуб, хотя, если быть откровенной, то я просто смущаюсь признаться даже самой себе, что он мне очень и очень нравится. Решив сменить тему, я постаралась вернуть разговор в русло моих сомнений и беспокойства.

– Я? Ты меня обижаешь! Нет, просто подозрительно все это, тебе не кажется?

Конечно, я лукавила, и Ремису это было прекрасно известно, он слишком хорошо меня знает. Встреча с несколькими магами не может не вызывать во мне волнения. Вот если бы в этой операции участвовал Кремер, тогда я бы тоже напялила наушники и излучала уверенность. Да, я опять о нем подумала.

Подул прохладный ветер, который не только принес дополнительную порцию сухих листьев, но и вызвал дрожь по всему моему телу, или скорее вибрацию. Примерно ту, которую я когда-то испытывала. Очень давно. Нахлынули неприятные воспоминания, а это никак не способствует боевому настрою. Я постаралась избавиться от воспоминаний уже натренированным методом: вдох — и я думаю о Кремере, выдох — о Ремисе, который несмотря ни на что всегда рядом, даже если только для того, чтобы подразнить меня или отругать.

Выдох, сопровождаемый мыслями о Ремисе, по идее должен был принести мне успокоение, но, посмотрев на брата, я вновь насторожилась. Все его тело напряглось и вытянулось в струну. Он начал осматриваться. Хм, странно! Что его так смутило? Или вибрацию ощущаю не только я?

И тут я заметила, что к нам подкрадывается Филипп, одетый в черную униформу наемника-чародея, как я люблю это называть. У чародеев нет никакой особенной униформы, но на задание они одеваются во все черное: джинсы или брюки, футболка или свитер, но обязательным атрибутом является специальный пояс, в котором находятся различные зелья.

Чем сильнее чародей, тем сильнее зелье, которое он может приготовить. Именно по этой причине у нас с братом в поясах зелья, приготовленные не нами, поскольку по меркам чародеев мы еще младенцы неопытные.

– Алика, незаметно приблизься к той поляне, замри там и не высовывайся, – приказал мне Филипп.

При этом он не смотрел на меня, а оглядывался по сторонам. Одной рукой он нервно провел по волосам, а другой ощупал свой пояс, проверяя, на месте ли зелья.

Мне стало совсем неудобно.

– Но тогда меня будет видно как на ладони, разве нет? Поляна просматривается со всех сторон.

Не то чтобы команды можно было обсуждать, но эта команда – чистое безумие. Я окинула взглядом поляну, и еще меньше мне захотелось идти в ее направлении.

– А твоего мнения тут не спрашивают, – фыркнул Филипп и добавил:

– Не заставляй меня жалеть о том, что доверял тебе и взял на операцию.

Брат недоуменно слушал нас, а потом стал озираться, видимо, пытаясь понять смысл такого перемещения. В какой-то момент наши взгляды встретились, и я увидела тот же неподдельный ужас в глазах Ремиса, что и у меня. Выйти на ничем не прикрытую поляну – это стать мишенью, и не просто мишенью, а мишенью для магов. Это слишком расходуется с фразой Филиппа «Не высовывайся».

О да, страх, который является моим спутником в последние годы, лизнул меня за пятки и сковал движения. Но что мне оставалось делать? Ослушаться приказа, и тогда прощайте, серьезные операции, и добро пожаловать, дополнительные усмешки чародеев в мой адрес. Достаточно того, что меня и так называют самым трусливым чародеем. Надо собраться и сделать шаг к первой встрече с магами. Прижав пояс с зельями ближе к телу, я еще раз взглянула на Ремиса, который продолжал хмуро на меня смотреть, но уже без осуждения, что было странно. Да, Ремис, мне это тоже совсем не нравится. И эту мысль я ранее пыталась до тебя донести!

Взяв себя в руки и мысленно проклиная всех магов, я начала пробираться сквозь кусты и высокую траву к поляне, на которую указал Филипп.

Сердце дико колотилось, не могу сказать, что дрожали руки, но ноги точно плохо меня слушались. Пару раз я споткнулась и чуть не упала, обернувшись посмотреть, как реагирует Филип на мои неловкие перемещения, но его лицо не выражало никаких эмоций. Что тоже довольно необычно, ведь он был одним из тех, кто никогда не скрывал своего негативного отношения ко мне и Ремису, а теперь словно отрешился от меня и моих действий.

Поляна оказалась очень светлой, солнцем освещались все кусты и деревья, найти укромное место оказалось непростой задачей. Прислонившись к стволу толстого дерева, отдышавшись и сдвинув колени, чтобы не рухнуть от волнения, я достала зелье, которое способно образовывать туман. Мне казалось, что это поможет мне хоть как-то спрятаться от магов, если они приблизятся. К тому же все усиливавшаяся вибрация делу совсем не помогала. Оставалось только гадать, насколько сильны эти маги и сможем ли мы их одолеть. От предстоящей встречи с ними меня потряхивало, я боюсь магов, нет – я их очень боюсь! Черт, а есть в этом мире хотя бы что-то, чего я НЕ боюсь? Разве что мультфильмов для возрастной категории 3+, но и там я частенько переживаю за судьбу героев.

Я вновь посмотрела туда, где по идее должны были находиться Филипп и Ремис, но там уже никого не было. Такое чувство, словно меня все бросили, и на миг я задумалась: а вдруг это все просто очередной розыгрыш? Я – любимый

объект насмешек чародеев. Но Филипп, может, и грубый, но все же не способен на такие поступки. Не увидев ни Ремиса, ни Филиппа, ни других чародеев, прибывших сюда вместе с нами, я поняла, что осталась тут совсем одна. Судорожно сглотнув, я в панике начала оглядываться по сторонам в поисках хотя бы намека на появление мага, чтобы использовать зелье и немедленно спрятаться.

Хруст ветки привлек мое внимание. Примерно в двадцати метрах от меня внезапно возникли двое незнакомцев, которые пристально меня разглядывали. Ужас пронзил все мое тело и лишил возможности двигаться. Я никогда до этого не видела магов, но, встретив их впервые, мне одновременно стало и страшно, и... любопытно. Буквально секунду назад их там не было! Откуда они взялись? Телепортировались?

Их испепеляющие взгляды не сулили мне ничего хорошего. А если они еще и пустят в ход свою магию – я определенно труп. Интересно, а как работает их магия? Но сейчас не подходящее время для любопытства, зато самое подходящее для небольшого тумана! Дрожащими руками я вскрыла пузырек с зельем и вылила его себе под ноги в надежде укрыться от магов в тумане, который должен был появиться от зелья. Но ничего не произошло: ни тумана, ни даже легкой дымки. Что происходит?! Не успела я обдумать свой промах с зельем, как в шаг от меня возник мужчина. Удивление, шок, кошмар – все это отражалось в ярко голубых глазах, которые смотрели прямо на меня! Человек улыбался, вот толь-

ко в его улыбке не было ничего приятного. Это был скорее оскал хищника, который догнал свою жертву. И этой жертвой сейчас была я. Я не успела даже вскрикнуть.

– Ну привет, крошка! – Это последнее, что я запомнила, затем последовал удар по голове, и в глазах потемнело.

Глава 2

Пробуждение было, мягко говоря, не из приятных. Ощущения примерно такие, как если бы самое сильное похмелье умножить на двадцать. Голова словно наполнена горячим свинцом, который перекачивается в черепной коробке и буквально готов расплавить мозги. Язык прилип к небу, губы потрескались, и перед еще закрытыми глазами возник образ воды в большом стакане, вкусной такой воды, холодной и спасающей. Сделать хотя бы один глоточек! Я попыталась открыть глаза, и со второй попытки мне это почти удалось, но лучше бы я их не открывала. Кажется, это только усилило боль в голове.

Я понимаю, что лежу в каком-то темном помещении на грязном полу лицом вниз. Сплевывая песок, я попыталась приподняться, но поняла, что связана: руки, ноги и все тело перемотаны тоненькой цепочкой. Что странно, меня связали цепью, но не туго. Я могу поднять руки и пошевелить ногами, я даже могу сесть. Вернее, могла бы, но не могу. Это я из-за удара по голове такая слабая или что? Почему я не могу подняться, что мне мешает? Почему я не в состоянии разорвать цепочку, хоть и дернула ее руками так сильно, насколько смогла?

Повозившись с цепью еще какое-то время и потеряв

остатки сил, я стала изучать окружающую обстановку. Где-то слышались голоса, но разобрать слова было невозможно, слишком далеко находились говорящие.

Сколько времени я была в отключке, где я? Что с Ремисом и остальными? В голове замелькал калейдоскоп вопросов, ответов на которые у меня не было. Могу сказать уверенно лишь то, что, раз уж я в цепях, значит, операция прошла не столь гладко, как задумывалось. Неужели я попала в плен к магам?

Паника начала усиливаться с каждым ударом сердца. Мне остается только надеяться, что кто-то выжил и успел сообщить о провале операции, чтобы какой-нибудь бэтмен из мира чародеев спас меня. Надо только постараться выжить до тех пор, когда меня спасут.

Боги! Я в плену у магов! Все страхи, которые я пережила во сне и наяву, даже минимально не могли сравниться с тем, что я чувствую сейчас. Больше всего я боялась магов, которые убили моих родителей. И теперь я у них в плену. Буду ли я кричать так же, как кричал мой папа? Или буду стонать, как моя мама?

Может, еще не время терять надежду? Почему-то в этот момент подумалось о Кремере. Этот многовековой чародей точно подходит под образ спасателя попавших в беду чародеев-неудачников. Весь бессмертный мир вздрагивает при одном лишь упоминании его имени. Кремер, спаси меня! Молитвы о Кремере комом застряли в моем пересохшем гор-

ле. Кремер, спаси меня! Но зачем чародеям меня спасать? Я не представляю особой ценности для их сообщества. Они, конечно, в беде не бросят, именно к ним в первую очередь обращаются за помощью в поиске пропавших бессмертных. А лучше всего в спасении несчастных зарекомендовал себя именно Кремер. Может, мне повезет, и этот наемник спасет меня?

Мне довелось лишь раз видеть его лично. Это случилось почти год назад, на празднике Морифа, грандиозном ежегодном событии, где чествуют особо проявивших себя чародеев. Там же они обмениваются опытом в зельеварении и объявляют чародеев, достигших бессмертия. Помню, как тогда поразил меня Кремер. Он сидел по правую руку от главного чародея Кевилса и смотрел на все происходящее весьма отрешенно. Казалось, его совершенного не интересовало происходящее: ни чародеи, достигшие бессмертия, ни новые знания о зельях, хотя тут, я думаю, он сам многих смог бы удивить. Но все же почему-то мне показалось, что ему просто скучно, парень явно искал предлог, чтобы сбежать с этого значимого и грандиозного ежегодного мероприятия. Если до этого я, слушая рассказы о Кремере, просто восхищалась им, то, встретив его лично и увидев, как он выглядит в жизни, как достойно и уверенно ведет себя, тут же влюбилась. И за последний год мои чувства к нему только окрепли, и каждое слово, произнесенное в его адрес или по поводу его подвигов, лишь усиливало во мне слепую любовь и восхи-

щение этим мужчиной.

Весь тот вечер я не могла отвести от него глаз, и мне даже показалось, что он тоже несколько раз посмотрел на меня. Но, скорее всего, я просто принимаю желаемое за действительное. Ну с чего бы Кремер обратил на меня внимание? Я даже еще не бессмертная и ничем не выделяюсь среди остальных чародеев. Зато взгляд его темных глаз я постаралась запомнить. Его грустные, холодные и отстраненные, но в то же время притягательные глаза регулярно всплывали в моей памяти. Полная противоположность моим – запуганным и загнанным, во всем ищущим уловку и подвох.

Кремер всем своим видом демонстрировал силу, власть и значимость, причем для этого ничего особенного-то и не делал. В нем около двух метров сплошных мускулов, но при этом движения грациозны, вальяжны, словно мало, что в этом мире способно вызвать в нем хоть малейшее напряжение.

Молодые чародеи подходили к столу Совета и знакомились с боссами всех чародеев, а я так и не рискнула подойти к их столу. Я бы просто мямлила, как испуганная овечка, а это не тот эффект, который я хотела бы произвести на Кремера. Страхи, которые мы испытываем, способны сковать нас, словно цепи, которыми я покрыта в данный момент.

Я так мечтала добиться уважения если не во всем мире бессмертных, так хотя бы среди чародеев. Но чем яснее я сейчас осознаю, в какой ситуации оказалась, тем лучше по-

нимаю, насколько у меня мало шансов реализовать эту мечту. Мол, посмотрите на меня: все, чего я смогла добиться, так это позволила себя схватить, не оказав никакого сопротивления, даже зелье не сработало, хотя это странно. Наверное, на такую, как я, Кремер даже не взглянул бы, а если бы и взглянул, то с отвращением. Ведь всему миру бессмертных известно, что именно чародеи создают смертельные ловушки, в которые никто не хотел бы угодить, а не сам чародей оказывается в ловушке и в плену, как я. И тут мои мысли и самобичевание прервались. В помещение, где я продолжала беспомощно валяться, с грохотом открылась дверь.

– О! Я вижу, что малышка уже очнулась, очень рад, – сказал парень, чьи глаза я видела в последний раз перед тем, как потерять сознание. – Как себя чувствуешь? Надеюсь, очень плохо, а если нет, то мы скоро это исправим, – продолжил он с той же жуткой улыбкой, с которой вырубил меня при первой нашей встрече.

– Кто ты?

Неужели этот писк принадлежал мне? Так, соберись! — приказала я себе. В конце концов ты обладаешь силой телекинеза, не достигнув даже бессмертия, что уже считается круто в мире чародеев, хотя это и не является обязательным атрибутом силы чародея. И если я проявлю себя среди магов, то, может быть, хотя бы Ремис наконец-то станет гордиться мной!

– Милая, – бархатным и в то же время несущим угрозу

голосом произнес маг, – здесь вопросы задаем мы, а ты будешь хорошей девочкой и ответишь на них или очень сильно пожалеешь.

Это уже не сулило ничего хорошего для меня, хотя по цепям я могла бы и раньше догадаться, но то, каким ровным тоном произносил эти слова маг, оставило во мне надежду, что пытки — не главное блюдо в меню магов. Хотя кого я обманываю? Это же маги. Циничность их преступлений далеко за гранью понимания.

– Вы убьете меня?

Взять себя в руки и собраться у меня пока не получается. Конечно, они тебя убьют, они же маги – главные враги чародеев. Идиотка, веди себя достойно! Только о каких вопросах говорит маг? Мне ничего не известно о планах чародеев. В эту сферу меня пока не допускают. Так что есть шанс избежать пыток.

Проигнорировав мой вопрос, маг лишь широко улыбнулся, а глаза его заблестели, словно он уже продумывал способы моего убийства. Он наклонился, схватил меня, резко дернул вверх, чтобы я могла стоять, тут же закинул себе на плечо и куда-то потащил. От подобных манипуляций с моим несчастным телом меня сильно затошнило. Еще бы не хватало, чтобы я на плече мага опустошила свой желудок. Надо глубоко дышать! Давай же, Алика, дыши, дыши!

Глоток свежего воздуха принес некоторое облегчение, во всяком случае головокружение прекратилось, а вместе с ним

и тошнота. И пока меня несли, я даже попыталась изучить обстановку, вглядываясь в стены, потолок, пол. Нас учили, что чародей, попавший в плен, должен изучить обстановку, понять слабые и сильные стороны врага. Но ничего интересного или того, что хоть как-то намекало бы на путь спасения, найти пока не получалось.

Удалось лишь заприметить серые каменные стены, черный потолок и то, что пол был покрыт песком. Мне казалось, что это — дорога на плаху, а я — овечка, которую несут на убой. Бедная, маленькая и беспомощная. Как же я порой себя ненавижу! Ремис обладает такой же силой, но при этом всегда с гордо поднятым подбородком, никому не позволяет себя унижать, всегда бесстрашен и уверен в себе. А я? Мне даже самой себе страшно признаться, что я не хотела бы быть наемником, как все чародеи, ведь тем самым я отвергаю саму сущность чародеев. Что же со мной не так? Всегда в стороне, всегда в тени, молчу, даже если есть, что сказать. Неуверенная и слабая, одним словом, овечка. Поэтому меня и схватили. Стояла у дерева, как на жертвенном алтаре: берите меня, маги, я вся ваша и даже сопротивляться не буду.

Но случилось то, что случилось, и теперь надо каким-то образом найти в себе силы и проявить себя хоть раз в жизни. Именно тут, у магов. Даже если мне суждено погибнуть, пусть до чародеев хотя бы долетят слухи, что я сделала это достойно. Лучше так, чем остаться в истории пустым местом, о котором если и будут вспоминать, то только как о

комке, сотканном из страхов и неуверенности в себе.

Меня внесли в освещенную свечами комнату. Зачем магам свечи? Или они не знают об электричестве? Они совсем дикие варвары что ли?

– Посади ее на стул, – сказала девушка голосом, который не соответствовал ее хрупкости и красоте, но по какой-то странной причине привел меня в чувства быстрее, чем это мог бы сделать ушат холодной воды, опрокинутый прямо мне на голову.

Девушка совсем не была похожа на варвара, она была очень красива. Длинные, пышные локоны светлых волос, почти доходящие до поясницы, небесного цвета глаза, обрамленные темными густыми ресницами. Лицо овальной формы, острый носик, тонкие скулы делают ее внешность просто кукольной. Одета она в белое легкое льняное платье на бретелях, которые лишь подчеркивали обманчивую хрупкость девушки. Глубокий вырез дарил комплименты ее прекрасной груди и белоснежной коже.

Меня грубо кинули на стул, спинка которого удержала меня от падения. В комнате помимо моего улыбчивого учителя — «улыбашки», как я мысленно прозвала любителя бить меня по голове, и девушки, находился еще один маг. Он был в белой футболке, которая отлично подчеркивала его мускулистую фигуру, черных джинсах и ботинках на широкой подошве. Смотрел он на меня весьма угрожающе и вместе с тем с любопытством. Темные волосы закрывали большую часть

его лица, а в руке он держал бокал, наполненный какой-то жидкостью, напоминавшей коньяк или виски. Да, от виски и я бы сейчас не отказалась.

Тут до меня дошло, что девушка и парень с бокалом виски были на той поляне, где меня взяли в плен, они неожиданно появились после того, как вибрация, которую я ощущала, усилилась и игнорировать ее уже было попросту невозможно. Если все они выжили, тогда что же случилось с чародеями? Как чародеи позволили меня схватить?

Минуты две все молчали и просто смотрели на меня. Мой же взгляд метался от мага к магу, а также по всей комнате. Сложно сказать, что бы я сейчас хотела увидеть. Проще сказать, что бы я не хотела увидеть, — орудий пыток.

Свечей в комнате было много, и это давало возможность неплохо ее рассмотреть: высокий потолок, витражные окна, на полу паркет из темного дерева, незажженный камин, на котором стояли фотографии в рамках. В целом комната на варварскую землянку не походила.

Мой взгляд вернулся к магам, которые все так же молча меня разглядывали с напряженными выражениями лиц. То ли огонь от свечей так меня согрел внутренне, то ли осмелев от того, что в комнате не было орудий пыток, и поняв, что убивать прямо сейчас меня никто не собирается, я решила нарушить тишину первой.

– Ну и по какому поводу собрание? – Твердым голосом произнесла я, мысленно похвалив себя за смелость.

Девушка ухмыльнулась и подошла ближе.

– А она мне даже нравится, – сказала она таким тоном, словно раздавала команды магам.

– Не обманись, ей нельзя верить, – ответил парень в черных джинсах, сделав глоток из бокала.

– О! Я не столь наивна, дорогой. Но ты не можешь отрицать, что от нее исходит сила.

Эти слова меня напрягли. Сила? От меня? Да сейчас вся моя сила направлена на стремление удержаться на стуле, не разрыдаться и не затопить этот прекрасный паркет слезами, умоляя о пощаде.

– Итак, скажи нам, давно ли ты сотрудничаешь с чародейками? И почему? – Спросила девушка так спокойно, словно мы говорим о погоде.

Сотру... что я делаю? Я ведь правильно ее расслышала?

– Кхм, сотрудничаю? О чем ты? Если я и сотрудничаю, то примерно так же, как и вы между собой.

Несмотря на то что мои руки связаны были не сильно, я предпочла сейчас ими не размахивать, а просто махнула головой в сторону магов.

– Я чародей. О каком сотрудничестве ты говоришь?

Я мямлила и бубнила, поскольку ее вопрос откровенно поставил меня в тупик.

– Чародей? Ты?

Если словами можно захлебнуться, то это был именно тот случай. Девушка обернулась и посмотрела на своих друзей.

На их лицах застыли немые вопросы и даже растерянность.

Парень с бокалом попытался шагнуть в мою сторону, но почему-то остановился. Что их всех привело в такое недоумение? Что я такого сказала, чего они сами не знали?

– Так, детка, если ты решила играть, то запомни, что я – мастер игр. Особенно люблю ролевые, но тут все зависит от того, насколько ты хочешь выиграть. А главное — у кого.

Красавица взяла стул, поставила его спинкой напротив меня и оседлала его, при этом платье ее неприлично задралось.

Нет, нет, играть с ней я точно не собираюсь. Эта чокнутая не входит в круг играющих по пятницам в покер девчонок. Черт, каких девчонок, какой покер? Алика, ты совсем слетела с катушек? Девичники с чародейками по пятницам – твоя мечта, а эта магиня – твой кошмар, который превратился в реальность!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь! – Сглотнув, ответила я магине.

Игры с магами – это последнее, чего мне хотелось бы, даже по пятницам и даже в покер.

– О чем я? Ой, да я о том, что хочу посмотреть, как ты истекаешь кровью.

Она выпрямилась и ухватилась за спинку стула.

– О! Нет, я придумала: а давай мы просто поиграем в плохого доктора. Я буду доктором, буду изучать твою анатомию и все твои слабые места. Сразу предупреждаю: у меня тон-

кий слух и я не переношу громких звуков. Так что постарайся не кричать.

Я тихо всхлипнула, а остальные маги просто рассмеялись. Каким богам молиться в схожих ситуациях?

– Чего вы хотите от меня?

Да, мне почти удалось произнести эти слова без дрожи в голосе. Продолжать в том же духе? Ведь это заставило магов умолкнуть, а магиня уставилась на меня, ее ответом было лишь моргание.

– Вы, маги, славьтесь злостью и бесчеловечностью. Почему бы вам просто не убить меня? Без издевательств. Проявить хоть раз милосердие! – Выпала я, стараясь сдерживать слезы.

И тут я вспомнила мольбы отца о милосердии в тот ужасный вечер в заброшенной библиотеке, от чего в животе узлом сжались все внутренности.

Кажется, этими словами вместо ожидания пощады я умудрилась только рассердить всех. Парень, который тихо и мирно попивал виски до сих пор, бросил свой бокал в камин и буквально в три шага долетел до меня. Схватил за цепи и, слегка приподняв, уставился на меня.

– Ты называешь магов бесчеловечными? ТЫ! – Заорал он прямо мне в лицо.

Мне только и оставалось, что смотреть в его черные глаза. Вероятно, это будет последним, что я увижу в своей жизни. Но они хотя бы красивые, призналась я себе, кажется, за се-

кунду до своей смерти.

По какой-то причине смерть пока меня не настигала, поскольку маг продолжил говорить, правда, уже более спокойным тоном:

– Чародеи веками уничтожали магов, убивали детей, никого не щадили. Детей! – Его голос походил на тихий рык. – Почему бы нам не желать после этого смерти чародеям? Так ведь, нет? Не мы их преследуем, чародеи преследуют нас. Везде!

Мне показалось, что он готов разорвать меня на части. Затем он сменил крик на ропот человека, потерявшего всяческую надежду. Все, что я могла, это просто смотреть на него и ждать своей участи. Я вцепилась в тонкую нить цепи, что сковывала мои движения, и обмякла в руках разъяренного мага. Его реакция на мои слова была сравнима с инъекцией, которая парализует тело и разум. О чем он, черт возьми, говорит?!

– Оставь ее, Дориус!

Кажется, блондинку покинуло все веселье.

– Она не понимает. Боюсь, она реально верит в то, что говорит и делает.

Маг усадил меня на стул и отошел на приличное расстояние. А «улыбашка» уже не улыбался, он хмурил брови и молча смотрел на меня. Я же тем временем пыталась переварить слова магини.

– В то, что говорю и делаю? – Прошептала я. – Я нико-

гда не убивала детей, – продолжила я, задыхаясь от возмущения, – чародеи только отлавливают негодяев, которые творят зло, которые не способны мирно жить. Маги сеют раздор, они виновники многих катастроф! Вы направляете всю свою силу на разрушения, мучите всех, кто попадаете вам на глаза. Чародеи лишь пытаются вас остановить!

Сказав это, я поняла, что мои слова не сильно повлияли на эмоции магов. Они не сдвинулись с места, смотрели на меня, как на нечто весьма нелепое, неожиданно появившееся в их гостиной и несущее откровенную чушь. При этом они понимают, что могут в любую минуту прекратить это представление, раздавив меня, как таракана.

Что еще странно: слова парня об убийствах детей меня несколько встревожили. Не то чтобы я ему поверила, но никто при мне никогда не обсуждал убийства детей магов, я всегда думала, что речь идет о взрослых магах. Не могу представить, чтобы чародеи убивали детей, пусть даже и магов. Какой смысл наемникам убивать детей?

– Меня зовут Элли, и я все же предлагаю тебе немного поиграть, а именно воспользоваться телекинезом и отбросить меня к стенке.

Услышать такое от магини было неожиданно. Буквально. Очень странное предложение. С чего бы это ей захотелось отлететь к стенке? Маги — дикари, конечно, но к чему подобные «игры»? И еще кое-что меня сильно насторожило. Откуда ей известно, что я владею силой телекинеза? Для ча-

родеев это большая редкость.

– Эмм... что? – Удивленно переспросила я.

– Воспользуйся телекинезом и откинь меня. Давай, детка. Ты сможешь, я даже встану поближе, чтобы ты не промахнулась.

Я бы не промахнулась, в телекинезе сложно промахнуться, ведь команду ты даешь мысленно, а руки лишь усиливают направление мысли. Вопрос только: на кой черт это магине? В чем подвох? Но она настроена вполне серьезно, и пусть ее улыбка не вводит в заблуждение. Она не шутит.

– Телекинезом? – Решила я уточнить.

– Но ты же владеешь телекинезом, так ведь?

Все присутствующие ухмылялись.

– У меня связаны руки.

Я, конечно, хотела бы надрать магам задницы, но что-то мне подсказывало, что это был бы некий трюк сумасшедшего. Да, связанные руки не сильно помешают мне использовать телекинез, но слабость во всем теле пыталась докричаться до уголков моего разума, что я не готова к играм с магами. И в просьбе магини есть что-то, чего я не понимаю, но при этом она прекрасно отдает себе отчет в том, что делает.

– Ну же, девочка, если ты действительно владеешь телекинезом, то сможешь справиться даже со связанными руками, – впервые с момента моего появления в этой комнате подал голос «улыбашка», – или тебе вернуть пояс чародеев? – Заржал он.

И тут меня словно ударили. Пояс! Никто не может стянуть пояс с чародея, даже если он еще не достиг бессмертия! А пояса на мне нет!

Что, черт возьми, произошло со мной на той поляне, а главное, после того как я потеряла сознание? Мои дальнейшие размышления оборвали.

– Мы ждем! Цепи тебе не помешают, – сухо произнесла блондинка.

Это верно. Да она читает мои мысли! Так, ладно. Если они желают, чтобы я пнула блондинку, мне стоит воспользоваться шансом. Что я теряю? Я ведь хотела проявить себя? Вот он – мой шанс. Кто сказал, что находиться в плену не всегда весело? Пнуть красотку? С удовольствием! Я справлюсь, пусть это будет последнее, что я смогу сделать. Тут я, несмотря на сковывающую меня цепь, подняла руки и посмотрела на магиню, которая, вместо того чтобы удивиться, лишь вздернула бровь и улыбнулась. «Сейчас я сотру ухмылочку с твоего прекрасного лица, дорогая», – прошептала я себе под нос. Дав мысленно команду, я направила все силы прямоком на нее, а руками указала путь. Лети-лети, блондинка, вместе со стулом! На, получай!

Руки мои немного вздрогнули, цепь звякнула, улыбка магини стала еще шире и... больше ничего не произошло. Она как сидела, обняв руками спинку стула, так и осталась в своей позе королевы вечера и даже не шелохнулась.

– Тут явно что-то пошло не так! – Сказал «улыбашка»

и громко рассмеялся.

– Какого... черта?

Я посмотрела на свои руки, они были как чужие. Впервые за последние лет девять я не смогла использовать телекинез.

– Что такое, милочка? – С явной издевкой в голосе спросила Элли. – Не смогла? Ну, должна сказать, что серебро обратительно влияет на магов и намертво перекрывает нашу силу.

При этих словах она кивком указала на цепь, что окутывала меня.

Смысл ее слов медленно, но верно прокладывал дорогу к осмыслению происходящего. Да, я слышала, что серебро плохо влияет на магов, как и на их союзников вампиров, только в отличие от вампиров серебро физического вреда магам не причиняет, зато умиряет их силу. Я осмотрела цепь, и тут мозг начал подавать мне тревожные сигналы о том, что цепь серебряная, я чувствую слабость и не могу использовать телекинез. Но с чего бы серебряная цепь так могла повлиять на меня и мой телекинез? Почему моя сила пропала? Я ведь не маг!!!

Глава 3

– Вижу, что твой мозг сейчас пытается разгадать ребус. Позволь облегчить тебе задачу.

Элли выдержала театральную паузу, после чего плавно взмахнула рукой и обратилась к остальным магам:

– Позвольте представить самого глупого мага всех времен и народов, который еще и предательски сотрудничает с чародеями, пытающимися нас уничтожить!

У меня отвисла челюсть, буквально. Если она так шутит, то юмор магов мне не понять. Мое серое вещество, которое до этого пыталось найти логичное объяснение тому, что мне представили, теперь забуксовало где-то на полпути к не желательному для меня осмыслению. Но происходящее оставляло немного вариантов для поиска подходящего ответа.

– Ха, по-моему, малышка в шоке, Элли, – сказал «улыбашка», – мне кажется, что она нам не верит.

– Да, и это печально, Маркус.

Блондинку явно дико забавляло мое состояние человека, который вдруг узнал, что земля не плоская. Не знаю, как люди на это реагировали, но, думаю, наши состояния сейчас очень схожи.

Когда смешки и хмыканья утихли, Элли уставилась на меня, а во взгляде читалось уже даже не веселье, а скорее смер-

тельная угроза.

– Как тебя зовут, детка, и сколько тебе лет? – Спросила красотка без намека на былое веселье.

– Алика.

У меня перехватило дыхание, я тяжело вздохнула и продолжила:

– Мне 23, и я не понимаю, при чем тут серебро, маги и я.

Несмотря на все попытки, я до сих пор не могла сложить пазл. Серебро, я, сотрудничество с чародеями, маги...

– Если ты не лжешь, а, судя по твоему лицу, это именно так, тогда у тебя сегодня будет вечер откровений, – хмыкнула Элли, но ее глаза были абсолютно серьезными, как и у Маркуса, и у парня с бокалом.

Этот парень уже без виски присел на коленки и оперся о стул, на котором сидела Элли. Мягко он обратился ко мне, и в его голосе звучала... обеспокоенность:

– Ты – маг, молодой маг, но, судя по силе, которую мы ощущаем, ты довольно могущественный маг. Только мы все никак не можем взять в толк, что ты делала с чародеями! Ответь, и мы не причиним тебе вреда.

– Эй, Дориус, говори за себя! Я еще не передумал свернуть ей шею за предательство! – Раздраженно крикнул «улыбашка», даже не пытаясь скрыть своего презрения ко мне.

– Маг? Предательство?

На этом силы окончательно меня покинули, и слезы, все это время подступавшие к горлу, наконец скатились по ще-

кам.

– Я не понимаю, о чем вы. Я не маг, я чародей, – шмыгнула носом, – что вы сделали со мной, с моими силами, где остальные чародеи? Там, ну вы знаете, о чем я спрашиваю.

Последние слова я уже просто прошептала.

Что, черт возьми, происходит? Почему они думают, что я маг? Что случилось с остальными чародеями? Что с моим братом? Медленно, но верно я начинала осознавать происходящее с убедительностью надвигающегося поезда, причем понимая, что встречать на перроне мне некого. И никто не встретит меня.

– О, малышка! Мы их убили, всех. Если хочешь, могу провести экскурсию, их внутренности до сих пор украшают местную флору.

Ненавижу Маркуса! Ненавижу его! Как можно быть таким жестоким? После его слов у меня похолодело все внутри. Грудь сдавило, и я не могла даже вздохнуть. Я осталась одна. Одна в ситуации, выхода из которой нет.

То есть я больше не увижу своего брата? Я вспомнила, когда видела Ремиса в последний раз. Он тоже почувствовал, что операция пройдет неудачно? Они и его убили? Боги, нет! Мой брат! Мой единственный близкий человек! Нет, только не Ремис, только не он! Боги, пожалуйста, этого не может быть! Да, мы часто ссорились, но без него я не понимаю, как жить дальше. Я не смогу без него, он – все, что осталось от моей семьи. Ремис! Я должна о нем заботиться, нет... я не

должна, но мы должны быть вместе, я не могу без него. Ремис... РЕМИС!!!

Внутренне я просто кричала, чуть не упала со стула, силы покинули меня, но «улыбашка» не позволил мне свалиться, поймал и жестко усадил обратно. Я даже не обратила на это внимания, думая лишь о братике, с которым мы столько пережили вместе, и, хоть я не могу сказать, что мы всегда прикрывали спины друг другу, слышать от «улыбашки», что Ремиса больше нет, было просто невыносимо.

Меня бросило в жар, казалось, что тело готово взорваться. На лбу выступил пот, кровь по венам побежала быстрее и нестерпимо стучало в висках. Не могу дышать, кажется, я задыхаюсь, а цепи только ухудшают положение. Кислород мне сейчас так же необходим, как огню, чтобы ярче гореть. Слезы теперь полились ручьем, я уже не могла это контролировать. Началась истерика. Внутренний жар, сдерживаемый цепями и окружением, уже невозможно было унять, слезы стали освобождением и успокоением. Страх смывался по мере того, как они градом проливались по щекам, скованность плавилась, прежние сомнения в том, кто я – маг или чародей, уже не имели значения. Все крутилось вокруг смерти брата.

– Фу! Прекрати, ненавижу бабские истерики! – Фыркнул Маркус.

– Что? Маркус при виде женских слез теряет силу воли, бодрящий дух и становится уязвимым? – Элли рассмеялась, но при этих ее словах маг только сильнее нахмурился.

Дориус взял Элли за руку и, притянув к себе, нежно поцеловал в висок.

– Полагаю, она нам сейчас ничего не скажет, у нее истерика, позволь Маркусу ее унести, – нежно прошептал Дориус.

– Согласна.

Элли приняла руку Дориуса и поднялась со стула.

– Маркус, будь любезен, отнеси ее в комнату на первом этаже. Дай ей воды и сними цепи.

– Снять цепи?

Я почти не следила за их диалогом, все мои мысли были только о Ремисе, но шок и неуверенность слышались в словах «улыбашки».

– Ты меня верно услышал.

– Но она...

– Сделай, как говорю, и поднимайся сюда, – прервала его Элли.

Маркус подошел ко мне, и наши взгляды встретились: мои глаза, наполненные слезами, и его, наполненные презрением. Я не ждала от него понимания, я почему-то подумала, что его взгляд обещает боль и что сейчас он опять меня ударит. Но удара не последовало. Он грубо схватил меня и вновь закинул на свое плечо, прошептал какие-то проклятья, после чего направился к выходу из комнаты.

Весь путь я не могла ни о чем думать, кроме как о брате, мне было плевать, как грубо меня кинул на плечо Маркус. Мне вдруг стало понятно, что во всем мире не найдется че-

ловека, которому было бы не все равно, что мне сейчас больно. Что теперь? Кто у меня остался? Мы с братом погибли на первой же нашей операции, технически я еще не мертва, но, вероятно, это ненадолго.

Я не заметила, как Маркус донес меня до комнаты. Резко открыв дверь, он дошел до кровати и небрежно скинул меня с плеча. Меня подбросило на матрасе, что немного привело меня в чувство и, все еще ожидая нападения от Маркуса, я устала на него, прикрывая себя руками.

Мы молча смотрели друг на друга: я в ожидании его нападения, а он просто с неприкрытой ненавистью. Ждать от него сказок на ночь не приходилось, но затянувшееся молчание начинало нервировать. Он еще какое-то время продолжал пялиться на меня, а затем резко развернулся и прошагал к шкафу у противоположной от кровати стены. Достал бутылку воды и кинул мне. Я едва успела ее поймать. Забыв о приличиях, я остервенело стала открывать бутылку зубами, затем впиалась в нее и не отпустила, пока не осушила. «Улыбашка» все так же стоял и молча смотрел на меня, словно пытался что-то понять. И, вероятно, понял, поскольку заговорил тихим голосом:

– Ты – маг, и если пытаешься нас обмануть, то ты идиотка. Мы убили тех чародеев, Элли сказала, чтобы мы тебя не убивали из-за твоей силы. Но если ты предала магов и теперь на стороне чародеев, то не рассчитывай остаться в живых.

Говоря это, Маркус не улыбался, но и не угрожал. Он го-

ворил так, словно пересказывал скучную новость из интернета.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Я не маг, я — чародейка.

– Правда? Телекинез – довольно редкая штука для чародеев, а ты еще даже не бессмертная. Это тебя не наводит на размышления? Не находила ли ты в себе иные способности, которые совсем не свойственны чародеям?

Он говорил спокойно, словно вел светскую беседу, но его слова вызвали во мне воспоминания месячной давности. Когда я пришла домой, будучи в отвратительном настроении и желая телекинезом разнести вазу с цветами, вместо простого телекинеза я запустила огненный шар в стену над вазой. Тут же в комнату ворвался Ремис и испуганно спросил, в чем дело. Я настолько была шокирована, что просто передвинула вазу на место, где в стене остался след от горящего шара. «Ничего не случилось» – вот, что я тогда сообщила Ремису. Не понимая, что произошло, я решила отложить объяснения до лучших времен. Иные способности, говорите? Этого не может быть! Думала ли я, что тот шар — как бы очень нетипичная штука для чародеев? ДА! Но сколько я ни пыталась, больше шар из меня не вылетал, даже намек не было. Потому и забыла об этом. Может, не того зелья хлебнула? Но маг ли я? Определенно нет!

– Нет, никаких иных способностей у меня нет. Ну кроме умения раздражать людей отсутствием чувства юмора и

неумением общаться с братом.

При этих словах на меня накатила очередная волна слез. Брат. У меня больше нет брата.

– Брат? Ты сказала «брат»?

Выражение лица Маркуса мгновенно изменилось, и он, сделав шаг ко мне, буквально навис надо мной.

– Был, у меня был брат, вы его убили, он был со мной.

Не было смысла врать, ведь они сказали, что убили всех, значит, и Ремиса.

Маркус выпрямился и зашагал по комнате от меня к окну, от окна ко мне. Так он изображал тигра в клетке еще примерно минуту, а потом остановился посередине комнаты и вновь уставился на меня.

– Хм, мы его не убили, если ты говоришь о втором маге, что был там вместе с тобой.

– Мы не маги! – Практически выкрикнула я.

Вместе с этим криком во мне затеплилась надежда. Я готова поверить в то, что я черт рогатый, лишь бы брат был жив, и последние слова Маркуса я начала впитывать в свое сердце, чтобы немного успокоить боль.

Он говорит, что не убивал мага, я не маг, могу быть в этом уверена, но готова поверить даже мерзкому магу, что он не убивал брата. Я готова ему верить, и мне отчаянно хочется верить ему прямо сейчас.

– Да, да, вы не маги. Интересно. Мы не знали, что вы еще и брат с сестрой. Я должен сообщить об этом. Но признайся

сама себе: там, на поляне, разве ты ничего не ощущала? Не ощущала приближение силы? Маги могут чувствовать друг друга, это похоже на вибрацию. Разве ты никогда ничего подобного не чувствовала? Так узнавать о силе магов могут только сами маги. Именно так мы и нашли вас и вышли на ту поляну. Только вот ловушки чародеев мы не ожидали.

И пока он тянулся ко мне, чтобы снять цепи, его слова о вибрации пробудили во мне ту же вибрацию, только ощутила я ее не физически, а эмоционально. Ведь я же чувствовала ее, эту самую проклятую вибрацию!

Маркус подошел ко мне и нежно, надо признать, взял мои руки в свои. Когда все крепления были убраны и цепь спала с меня, оказавшись в руках Маркуса, он не ушел сразу, а какое-то время с цепями в руках смотрел на меня изучающе. Наверное, сомневался в правильности своих действий. Но вскоре очень тихо произнес:

– Вот, – он вложил цепь мне в ладони, – ты все поймешь сама, Алика. А, и еще...

И тут его рука потянулась к моей шее, он ухватился за цепочку, на которой висел мамин медальон. Это была единственная вещь, оставшаяся от родителей. Медальон, который незадолго до своей смерти мама подарила мне и точно такой же Ремису, попросив никогда их не снимать. Когда маг попытался сдернуть его с моей шеи, я стала сопротивляться, но Маркус оказался проворнее, и цепочка с медальоном очутилась в его руках.

– Отдай! – Потребовала я.

– Что, эту дрянь тебя чародеи заставили носить?

Я ожидала злости в его словах, ведь я с ним, хоть и безуспешно, но боролась. Однако в его словах была слышна, скорее, боль.

– Нет, это мне подарила мама, очень давно! Отдай, Маркус, пожалуйста!

– Твоя мать жива?

– Нет! Ее и отца убили, когда мы с братом были еще детьми.

– И этот медальон тебе дала мама, которую, как ты думаешь, убили... маги?

Что его так удивляет? Не могу понять его заикленности на этом вопросе.

– Да.

Маркус, рассматривая медальон, продолжил:

– С чего бы ей это делать?

Он перевел взгляд с медальона на меня, и в его глазах я вновь увидела странную боль.

– Хотя, если ты была маленькая, а вы пряталась, тогда это объяснимо.

– Откуда ты зна...

– Твоя мать сдерживала ваши силы, чтобы вы по незнанию не выдали ваше месторасположение чародеям, вот почему она надела этот серебряный медальон на тебя!

Он говорил совершенный, просто невысказанный бред! То-

гда почему от его слов все струны моей души натянулись и готовы порваться? Маркус жестокий, но почему его глаза излучают страдание, когда он смотрит на медальон?

Не могли глаза мага так обманывать, слишком много скрытой боли было в этом взгляде. Он быстро взял себя в руки после того, как всучил мне цепи, хотя медальон так и не вернул, затем отошел к двери, но не сразу покинул комнату. Маг еще какое-то время наблюдал за мной. Что он хочет? Чего ждет?

Когда я отбросила цепь, до недавнего времени сковывавшую меня, я мгновенно испытала невероятный прилив сил. Словно в вены ввели жидкость, которая расправляет крылья. Мне даже захотелось заглянуть себе за спину, потому что там неминуемо должны появиться крылья, готовые вознести меня к голубым небесам. Маркус подмигнул мне и улыбнулся, а после, довольный собой, развернулся и вышел из комнаты.

Когда он ушел, я просто сидела неподвижно на кровати и наслаждалась приливом сил. Увидев пустую бутылку из-под воды, я схватила ее и буквально расплющила несчастный пластик. Я подкинула то, что осталось от бутылки, вверх и силой телекинеза переместила на деревянную прикроватную тумбу. Я одновременно и радовалась, и ужасалась. Во-первых, сила ко мне вернулась, но она вернулась сразу после того, как сняли цепи. Во-вторых, а это плохая новость для меня, серебро влияет на мои силы. Но это происходит лишь с магами и вампирами. Уж точно я не вампир, но... я маг?

Глава 4

Я маг? Нет, этого просто не может быть! Чародеи не позволили бы магам жить среди них. Так что есть другое объяснение. Но какое? Не знаю, но я не маг... я не маг... я не могу быть магом... я не маг!

Я бродила по комнате кругами и бормотала себе под нос как безумная:

– Я не маг, я не маг, чародеи убили бы меня уже давно, так что нет, я точно не маг!

Прокручивая в голове все, что произошло со мной за последнее время, я вспоминала родителей, но не могла даже представить, что наши родители маги. Может быть, кто-то один из них? Мама или папа? А второй – чародей? Только так можно объяснить, почему чародеи нас не убили, если мы с Ремисом маги. А вдруг Ремис не маг, а только я?

Я остановилась у кровати не в силах больше терпеть пытку вопросами, которые крутились в мозгу и ответов на которые не было.

Обессиленная я упала поперек кровати и на минуту просто закрыла глаза, вслушиваясь в дикий ритм своего сердца. А еще временами этот ритм сбивался, и я опять чувствовала вибрацию, которая то усиливалась, то утихала. Это какое-то издевательство над моей нервной системой! Но, должна при-

знать, когда я смирилась с этой вибрацией, мне было приятно ее ощущать. Как ласковые поглаживания перышком по коже она действует немного успокаивающе и даже усыпляюще, если, конечно, не думать о природе такой вибрации. При мыслях об этом сердце начинало бешено колотиться.

Меня клонило в сон, глазам все сложнее и сложнее было оставаться открытыми. А что я могу с этим поделать? У меня есть кровать и мои мысли, которые сегодня я точно не смогу привести в порядок. Поэтому по примеру Скарлетт О'Хара я решила «подумать об этом завтра». Тело требовало отдыха, теперь у меня была такая возможность, и ею необходимо воспользоваться.

Если верить Маркусу, второго мага они не убили, значит, брат жив. Я зацепилась за эту мысль, ведь это единственное, что позволяло не впасть в истерику. После моего похищения и сообщения о том, что я маг, мне только и оставалось, как верить, что Ремис жив. Это все, что у меня осталось. Все. Как в ту ночь в шкафу.

Много лет я гоню от себя воспоминания о той ночи, иначе рискую утонуть в слезах и одиночестве. Да, именно в одиночестве, поскольку Ремис после этого никогда не был со мной так же близок.

В последнее время я все чаще сожалею о том, что не бессмертная и мне свойственны обычные недостатки смертных – усталость, голод, боль от ран. Все это мешает, чертовски мешает! Но наличие комфортной кровати обещало, что я

могу поспать, а с проблемами и сомнениями разберусь позже. Сейчас я не была способна даже продумать план побега. Нет, я немного успокоилась, поверив магам, и ухватилась за их слова как за соломинку. Я готова признать, что я маг, только пусть братик будет жив. Ладно! Если в этом заключается сделка, где мне расписаться? Я признаю себя магом, но брат должен жить!

Я все же смогла уснуть, хотя чему удивляться? Комфортная кровать и мои травмы располагали к этому, но я пыталась оставаться в сознании так долго, насколько это было возможно. Меня разбудил странный звук, словно кто-то пытается открыть окно. Теперь грохот в комнате уже невозможно было игнорировать. Если я это слышу, то и маги должны это услышать!

Я по-детски прижала подушку к груди, вслушиваясь. Сомневаюсь, что кто-то из магов пытался попасть в комнату. Тогда кто? Никто посторонний не мог пробраться на их территорию. Никогда! Даже чародеи всегда выманивали магов, а не проникали к ним, если только это не какая-нибудь случайность, и эта «случайность» обычно была результатом детально продуманного плана чародеев или оплошности самих магов.

Борясь с внутренним страхом и желанием сбежать, я аккуратно на цыпочках подошла к окну. Надо признать, что и у чародеев, и у магов ночное видение не работает в отличие от других бессмертных. Я пыталась взглянуть в темноту, но

так ничего и не смогла различить. Оконные рамы вздрагивали, колыхались и хлопали, словно невидимая рука пыталась их раскрыть. Если бы не щеколда на окнах, они распахнулись бы уже давно.

Сложно сказать, что мною двигало. То ли страх навсегда остаться в заключении у магов, то ли угроза смерти и потеря брата, но, решив, что мне уже нечего терять, я попыталась открыть окно. С помощью телекинеза я развела тяжелые гардины и отодвинула щеколду. Опасаясь высунуться, я решила, что замереть как мышка (ой, это же мое привычное состояние) – самое правильное решение сейчас. В комнате нависла тяжелая тишина, разбавленная лишь моим не менее тяжелым дыханием. Ничего не происходило, ветер колыхал гардины, за которыми я спряталась.

Но как долго мое любопытство будет спать и как долго я буду пребывать в состоянии легкой заморозки страха? Просто посмотрю, что там за окном, да? Я медленно вскарабкалась на высокий подоконник и начала разглядывать темноту, буквально всматриваться в ночь, и внизу увидела... Ремиса!!! Он! Жив! Он жив, жив, жив! Я готова была кричать от радости и восторга, вновь видя братика. Как он выжил – это совершенно неважно, главное, что он жив!

От нахлынувших на меня эмоций, всепоглощающего облегчения и удовольствия я чуть не выпала из открытого окна и не закричала. Но Ремис жестом указательного пальца у губ приказал мне сохранять тишину и кинул мне веревку. Где

он ее взял? Хотя чему я удивляюсь? Это же Ремис! Схватив край веревки, я стала метаться по комнате в поисках места, за что ее зацепить. Не найдя ничего лучше, привязала веревку к ножке кровати. Да, слабая штука при побеге, но за неимением ничего лучшего берем, что есть.

Закрепив веревку, я вернулась к окну. Ремис жестом показал, чтобы я спускалась. Просунув свое тело через оконную раму, я молилась, чтобы веревка меня выдержала! Он ЖИВ! Он пришел за мной! Это все, что сейчас имеет значение, даже если я покалечусь, выпав из окна!

Спуск был не из легких, руки не слушались и тряслись еще и от переполнявших меня эмоций, и от того, сколько всего мне нужно рассказать Ремису. Мне было не столько страшно, сколько волнительно от предстоявшего разговора с Ремисом. Вдруг он будет на меня злиться за то, что я так легко позволила магам схватить себя? Вдруг он посчитает, что это я во всем виновата? И что будет, если я грохнусь и нас с Ремисом схватят? Так, хватит паниковать! Мне нужно сосредоточиться и прекратить трястись!

И вот мои ноги коснулись земли. Мне показалось, что спускалась я целую вечность. Все мои сомнения рассеялись сразу же, как только Ремис крепко меня обнял. Впервые, нет, не впервые, но во взрослой жизни во всяком случае мы обнялись так, словно пережили апокалипсис. Обнявшись, мы просто дышали и чувствовали, что мы есть друг у друга. И это было странно, правда, странно. Ведь с тех пор... по-

сле ночи, проведенной в шкафу, мы ни разу не обнимались, словно боялись напомнить друг другу о тех событиях. И это заставило меня расплакаться, хотя мне всегда было стыдно рыдать в присутствии брата, но только не сегодня.

– Я думал, они тебя тоже убили! – Прошептал Ремис, уткнувшись мне в шею.

– А я думала, что они убили тебя! – Борясь, но проиграв слезам, прошептала я в ответ. – Нам надо срочно уходить отсюда.

– Да, пойдём.

Он взял меня за руку и повел в сторону леса.

– Ты знаешь, куда идти?

Несмотря на усталость и эмоции, я старалась трезво мыслить. Я понимала, что мы находимся на территории магов. Они для чего-то меня схватили и не убили. Сложно себе представить, что они позволят так легко улизнуть от них.

– Да, я спрятал машину недалеко от шоссе и пошел за тобой. Нам нужно лишь добраться до нее.

– Но как ты меня нашел?

– Это была резня, Алика.

Теперь мы бежали, и, не сбавляя темпа, Ремис пыхтел и буквально выплевывал слова от злости.

– Их всех убили. Если бы я послушал Филиппа и пошел к тебе на помощь, то и меня бы убили или схватили. Не могу понять, кто придумал этот план, но он был провальным! Я не послушался Филиппа, и только поэтому я все еще жив!

Ремис хоть и старался говорить шепотом, его ярость была выше осторожности, и, если бы не ночь, когда, как известно, звуки усиливаются, он вполне мог бы перейти на крик. А нашей задачей было – спастись от магов.

– Я видел, как к тебе приблизился маг и вырубил тебя. Все, что я мог сделать, так это преследовать мага, чтобы узнать, куда тебя унесли. Да, я подвел Филиппа и, возможно, провалил операцию. Но сестра у меня одна, а операций может быть много. Я спрятался, я, признаюсь, убежал, но ровно на такое расстояние, с которого мог наблюдать за тобой. Так я и вышел к этому дому.

Мы уже оба дышали тяжело, пока бежали по лесу к машине. Я не понимала, где именно мы находимся, и доверилась Ремису, внимательно вслушиваясь в каждое его слово. И чем больше я слушала, тем сложнее мне было понять логику всей операции.

– Тут защита стоит, – продолжал Ремис, хотя я немного потеряла нить его монолога. – Я истратил весь запас зелий, который был в моем поясе чародея. Подогнал машину поближе и пошел за тобой. Так что у меня плохие новости – зелья у нас больше нет. Есть только мы и наш телекинез. Так что соберись, сестренка, знаю, ты напугана и наверняка дико устала, но мы должны добежать до машины и убраться отсюда как можно скорее.

А вот и первые звоночки в дверь логики:

– Ремис, никто не может пройти через защитные и охран-

ные заклинания магов. Только сами маги.

Смутное и отвратительное предчувствие, которое меня накрыло ранее и от которого все сложнее было избавиться, особенно после того, что мне сообщил брат.

– Я почувствовал барьер, но не рискнул проникнуть. Тогда я просто вылил все зелья, что были при мне, и прошел сквозь барьер.

Я с трудом сглотнула – это все, что мне удалось сделать, ну и еще просто моргать, и прошептала:

– Только маги могут пройти сквозь барьер.

– Да о чем ты говоришь? Я использовал зелья и прошел!

Ремис преодолел магический защитный барьер! Даже если предположить, что он очень крутой чародей, кто смог создать зелье для прохода сквозь магический барьер? Маги почувствовали бы это! Но я решила не спорить с братом сейчас, когда мы бежали к машине и изрядно запыхались. Когда в ночных тенях я смогла различить силуэт машины брата, мне хотелось зарыдать от счастья.

– Машина! – Крикнул брат, – прыгай!

Меня не нужно было просить дважды, я с блаженством уселась на сиденье рядом с водителем. Машина Ремиса напоминала весь стиль его жизни – «мы сейчас тусуемся, ибо неизвестно, что будет завтра». Везде валялись банки из-под содовой, текилы и другой выпивки. Какие-то бумаги, бита, даже кусок дерева. Даже не хочу спрашивать, откуда и зачем ему полено в машине. Все это не имело значения. Я и брат,

мы снова вместе, мы живы, мы в его машине. Чувство успокоения накрыло меня. Я все-таки выжила! Пусть и с помощью моего наикрутейшего братика. Ремис, я тебя обожаю! Я ведь и раньше знала, что он найдет выход из любой ситуации.

– Пристегнись, сестренка, мы будем ехать очень быстро!

Не успела я пристегнуться, как брат вдавил педаль газа в пол и машина заревела так, будто окружающий нас лес вздрогнул. Я даже немного поежилась. И хоть я догадывалась, что маги уже знали о моем побеге, мне все-таки не хотелось озвучивать это событие столь громко.

Какое-то время мы ехали молча, но, когда Ремис включил негромко музыку и стал тихонько подпевать, чувство эйфории от встречи с живым братом начало понемногу улетучиваться, а на смену пришли воспоминания о словах, сказанных магами. Как бы я ни старалась отвлечься, все время мысленно возвращалась к разговору с той троицей. Вначале я даже постаралась убедить себя, что они просто сумасшедшие, что они просто издеваются, но факты упрямо говорят сами за себя. Вибрация, серебро, которое лишило меня сил, огненный шар... Что если мы с Ремисом действительно маги? Что если нас просто использовали в своих целях чародеи? Но зачем им это? Почему просто не убить нас? А если они все-таки захотят нас убить после этой операции? А если вся эта операция и была направлена против нас? Маркус сказал, что они почувствовали нас и вышли на поляну. Может, так и задумывалось? Филипп велел мне выйти на поляну в

качестве приманки? Тогда в этом был смысл. Внутри у меня все сжалось от нехорошего предчувствия, я посмотрела на Ремиса. Необходимо все рассказать ему, но при этом опять не разругаться. Хотя если постараться и подобрать верные слова, то уверена, что смогу достучаться до Ремиса. В любом случае нам нужно поговорить еще до того, как мы вернемся в замок чародеев.

– Слушай, а как ты меня все-таки выследил? Дом магов был недалеко от места нападения?

– Да, та поляна, где тебя вырубил, была буквально в ста метрах от их дома. Он довольно хорошо скрыт, плюс защитная магия. Если не знать точно, что он там, его просто невозможно найти. Эти ублюдки умеют хорошо прятаться. Я выследил их, подогнал машину ближе и вернулся за тобой. Еще какое-то время наблюдал за домом, так я и увидел, что тебя внесли в комнату, следил через бинокль.

– Тебе не кажется, что нам как-то очень легко удалось сбежать, учитывая, что... ну это же все-таки маги? Я думаю, они знают, когда на их территорию кто-то вторгается. А ты не просто прошел барьер, но еще и меня вытащить успел.

– Какая разница? Главное, мы живы и сбежали, – ответил мне Ремис, но по выражению его лица стало заметно, что он задумался. – Ты хочешь сказать, что они могут сейчас следить за нами?

– Нет, то есть я не знаю. Просто мне кажется, что они позволили нам уйти. Ведь меня даже развязали вместо того, что-

бы запереть в подвале. Они оставили меня в комнате, откуда можно сбежать.

– Не совсем понимаю, о чем ты говоришь, но ответь мне: они пытали тебя, избивали?

На этих словах Ремис буквально вцепился в руль мертвой хваткой и сильно стиснул зубы.

– Нет, ничего такого, что и странно. Если так подумать, то они обходились со мной довольно хорошо.

Немного помедлив, все еще сомневаясь, пересказывать ли Ремису свой разговор с магами и как лучше сообщить ему об услышанном от магов, я решила, что если уж мы возвращаемся к чародеям, то брат должен знать о моих опасениях.

– Маги мне сказали довольно странные вещи.

– Что именно?

Ремис немного успокоился, когда я его заверила, что меня не мучили.

– Ну они... они предположили, что я маг, а вовсе не чародей.

– Что? – Ремис так громко и неожиданно рассмеялся, что я вздрогнула. – Ты — маг? Черт, я знал, что маги психи, но оказалось, они еще и идиоты! Ты – маг?! Может, они просто смеялись над тобой?

– Я тоже так вначале подумала, но есть определенные вещи, которые заставляют меня думать, что, возможно, это не магический бред.

– Какие вещи? Например? – Все еще улыбаясь, но уже яв-

но не веселясь, спросил брат.

Прикусив нижнюю губу, я какое-то время смотрела на Ремиса, не зная, с чего начать.

– Помнишь, месяц назад ты вломился ко мне в комнату, когда слышал непонятный шум? Так вот, я не хотела тебя беспокоить, но это я вместо телекинеза, направленного на вазу, запустила огненный шар в стену. Огонь, понимаешь? Из руки, не зельем, а просто от меня. Это что-то вроде новой силы, как я теперь думаю. Но, Ремис, чародеи так не могут, это под силу только магам.

Ремис резко ударил по тормозам, от чего машину немного занесло, но он вырулил и остановился на обочине, громко матерясь при этом. Когда машина остановилась, он, даже не поворачиваясь ко мне, закричал:

– О чем ты, черт побери, говоришь?

Время выкладывать все начистоту.

– Я говорю, что, возможно, я способна на большее, чем просто на телекинез. А еще, когда маги обмотали меня цепью, она оказалась серебряной, и у меня напрочь пропали все силы. Серебро может лишать силы только магов.

Видя, как шокировала Ремиса и как тяжело он вздохнул, я решила все же продолжить:

– Скажи, ты когда-нибудь ощущал на себе нечто похожее на вибрацию? Сегодня, например?

Кадык Ремиса скользил по его горлу вверх-вниз-вверх-вниз, и это подсказывало, что и он ощущал эту проклятую

вибрацию.

– Вот именно так маги и ощущают друг друга. Ремис, так ты почувствовал приближение этих трех магов. И я думаю, раз я маг, то и ты маг, иначе ты не прошел бы сквозь их защитный барьер.

Какое-то время мы молча смотрели друг другу в глаза. Затем Ремис отвернулся, уставился вперед и, не произнося ни слова, вырулил на дорогу, чтобы продолжить движение.

– Ремис, поговори со мной! О чем ты думаешь?

– Я думаю, что этому всему есть другое логичное объяснение. Мы вернемся домой и поговорим с наставником. Уверен, он найдет, что нам сказать.

– Тебе не кажется, что если мы маги, то нам опасно возвращаться к чародеям?

– Нет, там наш дом, мы одна семья, они не тронут нас.

Но в голосе Ремиса все же не было уверенности.

– Надеюсь, что ты прав.

Мне ужасно хотелось домой, но в то же время не давала покоя мысль, что сегодня на этой операции должны были погибнуть не только те три мага, но и мы с братом.

Глава 5

Спустя пару часов мы подъехали к общежитию, но вместо того, чтобы пойти в свои комнаты, Ремис решил выяснить все сразу, раз и навсегда. Схватив меня за руку, он буквально побежал в здание, где проходили все наши тренировки, где находился склад ингредиентов для зелий, библиотека, кабинеты главных чародеев и наставников. Было раннее утро, но мы знали, что наш с Ремисом наставник уже на месте.

– Ты уверен, что нам необходимо переговорить с Феликсом прямо сейчас? Может, хотя бы переоденемся?

Со сбитым дыханием пробегая уже третий лестничный пролет, я постаралась притормозить Ремиса и, возможно, оттянуть неизбежное и окончательное крушение всяческих надежд на наше дальнейшее мирное сосуществование с чародеями.

– Нет причин затягивать с этим. Тебе нужны ответы, и мы их получим, – Ремис говорил так, будто ответы нужны только мне, но я не стала с ним спорить. – В конце концов мы в любом случае должны отчитаться о том, что произошло в том лесу.

После слов Ремиса, которые были резкими не из-за того, что он был зол на меня, просто ему тоже нелегко давались слова, когда приходилось перескакивать через ступени

в этой спринтерской гонке навстречу катастрофе. Я надеялась, что Ремис хотя бы перед тем, как постучаться в дверь Феликса, переведет дыхание, но нет, он распахнул дверь, и мы буквально вломились в кабинет наставника.

– Феликс, нам надо срочно поговорить! – Зарычал Ремис.

Феликс ошарашенно смотрел на нас. То ли от того, что мы так грубо вломились в его кабинет, то ли в принципе не ожидал нас уже увидеть. И что-то мне подсказывало, что речь идет о втором моем предположении.

– Ремис, Алика... что случилось? Где Филипп? Я его не видел! Все хорошо? Операция прошла успешно?

Феликс явно пытался изобразить удивление, но то, как полились из него вопросы, и то, как он тщетно пытался изобразить на лице радость, меня насторожило.

– Нет, Филипп и остальные чародеи мертвы, меня схватили, но Ремис меня вытащил. Я могу рас...

– Да, она выжила, но не в этом суть, – прервал меня брат, все еще учащенно дыша. – Эти идиоты сообщили ей, что она и я – маги. Наговорили всякого бреда, и, кажется, Алика сильно повредила голову, раз верит в подобную чушь. Скажи нам, может ли чародей владеть не только телекинезом? Может...

– А вы владеете какой-то дополнительной силой? Какой именно?

Казалось, сказанное Ремисом не сильно удивило Феликса, и от этого у меня засосало под ложечкой. Не нравится мне

это, ой, как не нравится! Я бессознательно стала потихоньку пятиться к двери.

– Так может или нет?

Ремис пытался вернуть Феликса к нужным ему ответам. Я заметила, что Феликс потянулся к своему столу, что-то ища в выдвижном ящике, но, так ничего и не достав, просто взглянул на Ремиса, а потом и на меня. Его лицо не выражало ни тревоги, ни удивления. Скорее, наоборот – он словно ждал этого момента, ждал этого разговора.

– Нет, Ремис, не может.

Феликс медленно встал и, отчеканивая каждое слово, начал обходить стол. Такое впечатление, что ему физически неприятно разговаривать с нами, но он вынужден это делать.

– Чародей может приобрести дар телекинеза при определенных обстоятельствах, – продолжил Феликс, встав перед нами и скрестив руки на груди. Его поза выказывала презрение к нам и некую угрозу. – Но даже у чародеев-долгожителей нет никаких гарантий, никто точно не знает, почему у одних чародеев появляются эти способности, а у других – нет.

Он немного замялся, а потом его взгляд стал холодным и угрожающим.

– Я знал, что рано или поздно вы догадаетесь, нам было интересно, какие силы у вас проявятся, мы лишь частично сдерживали вас, чтобы силы проявлялись постепенно. На этой операции вы должны были погибнуть. Мы не могли

больше рисковать и ждать, когда вы достигните бессмертия и обретете полную магическую силу.

Ремис стоял неподвижно. Если у меня еще было время подумать, что я маг, и в определенной степени даже свыкнуться с этой мыслью, то Ремис явно до последнего надеялся, что он чародей и это все — простое недоразумение. Холодное утверждение Феликса, что мы должны были умереть, подняло мой уровень адреналина до максимума. Если маги нас отпустили (а теперь я в этом убеждена), то убежать из главного здания чародеев нам вряд ли позволят. Я дотянулась до руки Ремиса и стала подталкивать его в сторону двери.

– Вы хотели убить нас? – Шепотом спросил Ремис.

Видно, что слова Феликса его потрясли и он не может прийти в себя и поверить в то, что ему только что сообщили.

– Да, так всегда поступают чародеи – убивают магов. Знаю, вы немного шокированы, но в интересах чародеев мы пошли на это. Мы взяли двух маленьких детей магов, попытались вырастить их в наших стенах, чтобы побольше узнать о том, как проявляются силы магов.

Мне подумалось, что Феликс что-то недоговаривает, но я не планировала продолжать этот разговор, я хотела поскорее покинуть это помещение, а заодно и здание, при этом желательно живой.

– Пойдем, Ремис, нам надо уходить, – шептала я Ремису, продолжая тянуть его к двери.

– Ой, вынужден вас расстроить, но живыми вы отсюда не

уйдете, – холодно отрезал Феликс.

Кажется, это отрезвило и Ремиса. Он крепче сжал мою руку и буквально метнулся к двери, распахнул ее и вытянул меня за собой прочь из кабинета теперь уже бывшего наставника.

– Нам надо только добежать до машины, – устремившись к лестнице, сообщил мне брат. – Поверить не могу, что они реально попытаются нас убить... – продолжал бубнить Ремис.

Я на мгновение резко остановилась, чем вызвала у Ремиса ярость.

– Чего встала, нам надо бежать! – Прошипел он.

Я протянула руку к его шее и, вцепившись в цепочку с медальоном, сорвала ее и кинула в сторону.

– Серебро сдерживает магов, а этого нам сейчас не надо. Бежим!

Я изо всех сил рванула к лестнице. На самой лестнице мы никого не встретили, но, выбежав в холл, я громко выругалась.

– Вот, ЧЕРТ!

В холле находилось около дюжины чародеев, и все их взгляды были направлены на нас, в руках они держали какие-то склянки, и я даже не хотела знать, что именно там было. Пока я пыталась просчитать, как нам прорваться сквозь толпу чародеев и добраться до машины Ремиса, брат уже вступил в бой.

Не стоит удивляться, что именно Ремис первым среагировал и приступил к действию. Он раскидывал чародеев с помощью телекинеза. Немного опешив от его силы, я присоединилась. Вероятно, адреналин придает мощности, поскольку раскидать дюжину чародеев нам не составило особого труда. Чародеи с легкостью подбрасывались в воздух и с жутковатым звуком ударялись об пол, уже не предпринимая попыток подняться.

Не успела я восхититься нашими умениями, как появился он! Бэтмен, спасатель неудачников-чародеев и... самый красивый мужчина на земле. Кремер!

Кремер, вот он – источник моих самых захватывающих снов за последний год. Мои боги, его глаза! Теперь я могу их рассмотреть на таком небольшом расстоянии, на которое я не осмелилась приблизиться к нему в прошлом году. Он сейчас так рядом и в то же время так далеко. Глаза цвета молочного шоколада, густые длинные ресницы. Высокие скулы и гордый аккуратный нос. Волосы чуть не достают до плеч, черные, цвета вороньева крыла, такие невероятно привлекательные, что так и хочется запустить в них руку то ли для того, чтобы придать прическе еще больший беспорядок, то ли пригладить эти шелковистые пряди. Он был одет в белую футболку с треугольным вырезом, обнажавшим невероятно красивую кожу на груди, и джинсы темно-синего цвета. Ткань плотно обтягивала его мышцы, отлично демонстрируя мускулистые, но в то же время не перекачанные ноги.

Когда мой взгляд с его ног вернулся к его лицу, я поняла, что он так же пристально рассматривает меня. Чуть склонив голову набок, он загадочно улыбался. Так и хочется прочертить пальчиком по контуру этих соблазнительных губ. Я, наверное, могла бы вечно любоваться этим мужчиной, но Ремис быстро вернул меня к реальности.

– Я его отвлеку, а ты пробирайся к машине. Подожди меня две минуты, если я не выйду, то уезжай без меня.

Тихо, но уверенно и вот так грубо брат заставил меня перевести взгляд от Кремера к нему.

– Что? Я не оставлю тебя, даже не мечтай!

– Ах, это наши знаменитые мааааги? – Пропел Кремер.

Просто невероятный голос, от которого женщины теряют голову. Что со мной? Он нас убить хочет, а я тут о сексе думаю!

Ни один мускул не дрогнул на лице Кремера, когда он оценивающе осматривал валяющихся без сознания чародеев. Когда его взгляд вернулся к нам, все мое сексуальное влечение резко испарилось. Во взгляде теперь читалась наша с Ремисом смерть. В руке Кремер держал зелье. Кремер и зелье – очень плохое сочетание... для магов.

И тут я вскинула руки в его направлении. Сложно сказать, чего именно я хотела добиться этим жестом. Знаю, что Кремер – тот редкий чародей, который тоже владеет силой телекинеза, поэтому мне бы не удалось сбить его с ног. Он с легкостью отразил бы подобный удар. Вот только к моему удив-

лению в него полетел огненный шар размером с футбольный мяч. Несмотря на то что он смог увернуться от шара, такого развития событий он явно не ожидал.

– Алика, твою мать, скажи мне, что ты сделала это специально и сможешь повторить! – Прошептал Ремис, не сводя глаз с Кремера.

Я совершенно не знала, что на это ответить. Нет, это не специально, но мне не хотелось бы, чтобы Кремер услышал мои отрицания, пусть думает, что я могу кидаться огнем, как испанцы помидорами в праздник «Ла Томатина».

– А вот это уже неожиданно, – подал голос Кремер, – это меняет дело.

Он улыбнулся так сладко, но в то же время опасно.

Какое дело? Что меняет? Нет, я, конечно, не хотела слышать уточнений от Кремера. Все, что я хотела сейчас, – оказаться в машине Ремиса и быть на пути туда, где нас не найдут еще примерно лет сто.

В это мгновение вдруг откуда-то появились еще порядка дюжины чародеев, которые вперили свои взгляды на лежавших на полу коллег, а потом и на Кремера, ожидая от него команд. Затем все уставились на нас.

– Никто не вмешивается и не мешает мне!

Команда Кремера прозвучала жестче приказа военачальника, ведущего роту солдат в бой.

Он не хотел, чтобы другие чародеи мешали ему... самостоятельно убить нас? Вероятно, Ремис посчитал так же, по-

скольку, пока я возилась со своим телекинезом-огнем, он резко направил удар в Кремера, но тот с легкостью отбил удар. Ремис продолжал держать меня за руку и потихоньку продвигал к выходу.

– Черт, он очень силен! – Проворчал Ремис.

А на что ты рассчитывал, братец? На то, что Кремера можно сбить с ног телекинезом? Этот чародей знает нашу силу, мы для него не опаснее разъяренной осы.

Прямыми ударами Кремера не свалить, надо что-то придумать. И срочно! Оглянувшись, я нашла очевидное решение. Осмелев, я начала швырять чародеев в Кремера. Да, получается! Это отвлекло Кремера и дало нам возможность скорее продвинуться в сторону выхода.

Ремис подхватил мою идею и с еще большим энтузиазмом стал закидывать Кремера чародеями, которые нас окружали. Вскоре нам даже удалось сбить его с ног – лучший шанс для побега, поскольку оставшаяся половина чародеев просто пялилась на происходящее, не решаясь нарушить команды Кремера.

Выбежав на улицу, Ремис закрыл дверь и подкинул рядом стоявшую машину в воздух, после чего бросил ее у дверей, тем самым создав отличное препятствие.

– В машину! – Скомандовал Ремис, и я не нуждалась в уговорах.

Мы вскочили в машину, благо, ключи были в замке зажигания. Мы так спешили поговорить с Феликсом, что Ремис

не стал заморачиваться и запирает ее. Машина завелась и с визгом рванула с места.

Я же продолжала смотреть на заблокированную дверь.

О, я прекрасно понимаю, что Кремера это задержит в лучшем случае на минуту. Он не остановится и точно кинется в погоню. Но использовать магию открыто он не рискнет, поскольку это считается страшным преступлением в мире бессмертных и наказывается смертью. Поэтому нам надо ехать в город, желательно на центральную улицу. Несмотря на то что еще раннее утро, в центре должно быть многолюдно.

– Ремис, мы должны ехать в город.

– Я знаю, туда и направляюсь, но успеть бы. Дверь их не задержит.

Лицо брата было сосредоточием ярости.

– Поверить не могу, что я гребаный маг. Еще вчера был чародеем, а теперь я маг!!! Ну и куда мы теперь? Что будем делать? Все наши вещи в общежитии, там вся наша жизнь!

Он продолжал сыпать проклятиями, а я боялась оглядываться по сторонам. Мне казалось, что Кремер в любой момент обрушится на нас и прикончит. Мне вспомнились фильмы с погоней, где некий монстр высаживается на крышу и прорывается прямо сквозь нее. От таких мыслей я даже немного съехала на сиденье, ну так, на всякий случай. Но ведь в данный момент речь идет о Кремере! Кто знает, на что он в действительности способен.

– Мы даже не знаем, как пользоваться магией, а на нас

теперь охотится Кремер – один из сильнейших наемников в мире бессмертных.

– Алика, ты могла бы не так откровенно восхищаться тем, кто собирается нас прикончить? Это бесит меня еще больше!

Я откровенно восхищаюсь? Может быть, но это не отменяет того, что мы не умеем пользоваться магией, а на нас открыли охоту чародеи.

В попытке немного отвлечь брата, да и себя от мыслей о Кремере я спросила разъяренного Ремиса:

– А ты никогда не замечал в себе никаких других сил?

– Нет... то есть... я не знаю.

Он быстро глянул на меня, но также быстро вернул внимание к дороге.

– Однажды я бросил бутылку в мусорное ведро и на какой-то миг задумался, а пустая ли она. И в этот момент бутылка зависла в воздухе. То есть как будто бы фильм на паузу поставили, не знаю, как объяснить. Я тогда сам не понял, что произошло. Минуту я тупо пялился на бутылку, а затем она упала. Я тогда не стал придавать этому значения, решил, что сбой в телекинезе или что-то типа того.

– Телекинез так не работает.

– Я знаю.

Ремис ударил по рулю и вцепился в него так, что костяшки пальцев его рук побелели.

– Ты что? Хочешь меня еще больше разозлить? Алика, дай мне хоть одну минуту, чтобы успокоиться и прийти в

себя, ладно?

Последние слова Ремис прорычал, даже не посмотрев на меня. Это обидно. Почему он срывается на мне? Мы сейчас в одной лодке. В чем я-то виновата?

– Ладно, я просто пытаюсь разобраться с силами, ну... с тем, что мы имеем в запасе, чтобы понимать, как драться с Кремером.

– Ты в своем уме? – Фыркнул брат.

Да, у меня поразительный талант злить Ремиса.

– Драться она с Кремером собралась. У него военного опыта больше пятисот лет, он перебил больше магов, чем мы с тобой испортили ингредиентов для зелий. А мы еще даже не бессмертные. Все, что мы можем, так это прятаться и надеяться, что он нас не найдет хотя бы ближайшие лет триста.

Эти слова вернули меня к давним воспоминаниям о родителях. Они тоже все время прятались, теперь мне хотя бы понятно почему. За ними тоже кто-то гнался? Может, это Кремер их преследовал? Меня вдруг осенило: чародеи убили родителей той ночью, это были вовсе не маги, как нам рассказывали. Чародеи!

Мы жили у чародеев после смерти родителей и даже не подозревали, что скорее всего именно они и убили родителей и именно от них нас прятали. Это так больно! Ведь я считала чародеев своей семьей, доверяла им, рассказывала о себе, своих успехах и неудачах. О! Как же, наверное, они смеялись над нами с Ремисом! Ком подкатил к горлу, а глаза

наполнились слезами. Я обняла себя за живот, мне словно воткнули туда кинжал, так стало невыносимо от пронзившей меня догадки.

– Алика, у меня тут возникла идея! Ой, ну только не реви, сейчас не до слез.

– Прости, – проямлила я, вытирая слезы. – Так о чем ты? Ты что-то придумал?

– Да, может, нам вернуться к тем магам, от которых мы убежали? Сейчас я начинаю верить, что они специально дали нам уйти. Ты говоришь, что не поверила им. А что, если они дали тебе возможность самой убедиться? И меня они не убили там, в лесу, хотя, думаю, такая возможность у них была.

– Но если за нами погоня и нас преследуют, то мы приведем Кремера прямо к их порогу. А они и так обвинили меня в сотрудничестве с чародеями. Не думаю, что нас тепло встретят с чашкой горячего шоколада. Они считают нас предателями магов.

– Не могу их винить за подобные подозрения, но мы ведь несознательно сотрудничали.

– Давай остановимся в центре и решим, что нам дальше делать.

– Да, давай. Главное – успеть туда доехать, – согласился со мной Ремис.

Глава 6

Когда ты так стремишься куда-то попасть как можно скорее, особенно если это вопрос жизни и смерти, а в нашем случае это не фигура речи, путь кажется бесконечным как сам космос. Несмотря на то что мы в пути только час, ощущения такие, что мы уже сутки пытаемся оторваться от погони.

К счастью, вскоре замаячили первые признаки оживленного города: на обочине начали появляться заправочные станции, закулочные и мелкие лавочки с дешевым барахлом. Проехав еще минут сорок, мы увидели крыши высотных домов, которые, словно дразня нас, обещали временную безопасность. Я продолжала ерзать на сидении и осматриваться в поисках надвигающейся погони. Еще совсем немного, и мы окажемся в центре города. Это наш островок безопасности.

– Черт, бензин заканчивается. Думаю, до города хватит, но все равно меня это беспокоит. У меня не так уж и много наличных, а наши счета, уверен, они уже успели заморозить.

– Ремис, у меня нет денег, я все оставила дома, не думала, что на операции понадобятся.

– Догадываюсь, у меня в бардачке завалилось немного, но надолго их не хватит. Проклятье! Даже не знаю, как мы будем теперь жить, вернее, выживать.

Идея вернуться к магам все больше укреплялась в моем сознании, и я ее озвучила:

– Вероятно, нам все же надо вернуться к магам.

– Как их зовут-то хоть? Они не представились?

– Девушку — Элли, парня с голубыми глазами — Маркус, а другого парня, кажется, Дориус, но я не уверена.

Заехав в город, мы облегченно вздохнули. Потолкавшись в пробках, добрались до главной улицы и остановились у торгового центра, не рискнув заезжать на подземную парковку. Выйдя из машины, мы встали рядом и стали осматриваться. Вероятно, нам теперь всю жизнь придется оглядываться по сторонам в поисках угрозы. Только вампиры и акриты не желают смерти магам, зато остальные расы бессмертных не упустят шанса прикончить мага.

Проходящие мимо люди внимательно меня рассматривали, что сильно раздражало. Но сложно было их винить в этом, потому что одета я была, мягко говоря, странно: в грязный, местами порванный комбинезон, еще и на голове полный беспорядок. Ну хотя бы пояса чародея на мне не было. Зато теперь мне понятно, почему маги стянули с меня пояс без угрозы для их жизни. Я не чародей, и пояс не привязан ко мне. Они это понимали.

Ремис одет вполне прилично. Темные брюки и футболка не выделяли его из толпы.

– Я своим видом привлекаю внимание.

Ремис осмотрел меня и тихо ответил:

– Да, но на смену имиджа сейчас нет ни времени, ни денег. Сейчас мы бросим машину тут, а сами пешком пойдём до другого торгового центра, чтобы нас не вычислили.

– Разумно, согласна.

Я посмотрела на старенький фольксваген гольф. Сколько же он повидал за свою долгую жизнь! Брат хоть и не самый заботливый автовладелец, но все же очень любит свою машину.

– Ты не оплатил парковку, – произнесла я, все еще надеясь, что мы не прощаемся с нашим четырехколесным другом.

– Серьезно? Мне кажется, что штраф за неоплаченную парковку – это сейчас меньшее из наших бед. Я не забыл.

– Ты решил бросить машину, так ведь?

– Да, без денег и бензина она нам не понадобится. Только захвачу некоторые вещи, и мы пойдём. Да и по машине нас быстро найдут.

Ремис немного покопался в салоне, затем открыл багажник, вытащил оттуда пару бутылок воды, какие-то вещи и ботинки, запихнул все это в небольшой рюкзак, закинул его на плечо и скомандовал:

– Пошли, мы и так тут задержались. Надо найти достаточно открытое и людное место, хочу сесть и выпить кофе. Сэндвич тоже не помешал бы.

Я лишь утвердительно кивнула, а от разговоров о еде и кофе у меня заурчало в животе.

Пройдя молча пару кварталов, мы уткнулись в торговый комплекс со стеклянными стенами, в котором явно много мест, где можно перекусить, и людей. А главное — там много входов и выходов, что сейчас для нас основной приоритет в выборе закусовых.

Мы поднялись на третий этаж, Ремис пошел за кофе и сэндвичами, а я — искать удобный для наблюдения за окружающей обстановкой столик. Минут десять спустя появился Ремис, держа в руках бумажные стаканы, а в зубах — пакет с едой. Его спокойный вид меня поддерживал, без его собранности я бы давно уже расклеилась. Кивнув, он указал на другой столик, а не тот, у которого я уже расположилась. Спорить с братом не в моих правилах, хотя его выбор мне не понравился, поскольку с этого места не просматривался лифт.

Когда мы наконец уселись, я сразу же набросилась на еду, до этого момента не осознавая, насколько же я голодна. О, да! Сэндвич с семгой — мой любимый. И Ремис об этом помнит! А глоток обжигающего кофе стал той вишенкой на торте, которая подчеркнула мое блаженство.

Люди, которые сновали туда-сюда с большими пакетами в руках, кричащие или смеющиеся дети, бесконечно выпрашивающие у родителей игрушки и сладости, создавали ощущение безопасности. Мне очень хотелось хотя бы ненадолго стать частью этой беззаботной толпы, окунуться в повседневную жизнь этих людей, стать самой обычной девушкой, которая завтракает в компании брата.

Может, все не так уж плохо и мы выберемся из переделки? Кремер! Опять я о нем думаю, а на душе как-то тепло становится, что нелогично, учитывая его планы на наш счет. Но я не могу думать о нем иначе, нежели как о самом прекрасном бессмертном мужчине во вселенной. Я поймала себя на мысли, что почти готова сдаться ему, только бы еще хоть раз взглянуть в его глаза и услышать его голос. Да, за такого мужчину и умереть можно. О чем я думаю? Он же прибьет меня и брата, даже не поморщившись. Соберись! Не время для романтических мечтаний!

– Ну привет-привет! Давно не виделись.

Я чуть не подавилась, увидев Маркуса, стоявшего у нашего столика. Ремис напрягся и, кажется, был готов вцепиться парню в глотку.

– Ма... маа... Маркус... Я... мы, тут... мы тут... – у меня определенно пропал дар речи.

– Что вы? Кофе попиваете, когда за вами гонится довольно сильный чародей?

«Улыбашка» не меняется, это воплощение самоуверенности и цинизма. Довольно сильный чародей? Он это серьезно? Он не считает Кремера самым сильным? Мне даже как-то обидно за Кремера стало.

– Чародей? – Ремис, как обычно, первым обрел дар речи. – Должно быть, Кремер нашел нас. Вот дерьмо! Алика, вставай, нам надо валить отсюда.

– А ты, должно быть, ее брат?

– Да, это Ремис, мой брат, – выдохнула я.

– Отлично, ну и куда же это вы намерены валить? – Передрознил Ремиса Маркус. – Я так полагаю, вечер откровений перешел в утро разрыва делового партнерства с чародеями?

– Мы не...

– Не тут, обсудим плюсы и минусы проживания у чародеев позже, а сейчас нам надо уходить, если, конечно, вы не желаете, чтобы Кремер присоединился к вашему завтраку, – прервал Ремиса Маркус.

– Но прежде нам надо что-то быстро придумать с внешним видом милой леди, она привлекает слишком много внимания.

Произнеся это, маг щелкнул пальцем и указал рукой в мою сторону.

– Вы хотите, чтобы мы последовали за вами? – Недоуменно уточнил брат.

– А у вас большой выбор? – Хмыкнул Маркус. – Поверь, мы вам сейчас нужны даже больше, чем вы нам.

– А мы вам нужны?

На этот вопрос «улыбашка» только презрительно фыркнул, не посчитав нужным ответить.

Не говоря больше ничего, Маркус развернулся на пятках и стремительно стал удаляться. Мы переглянулись с Ремисом, вскочили на ноги и бросились догонять мага.

Маркус жестом указал на ближайший магазин, вероятно, захотел меня переодеть. Не то чтобы я была против, но ско-

рость, с которой он забежал в магазин, говорит только о том, что мне необходимо очень быстро переодеться и сбежать. Я схватила первую попавшуюся на глаза футболку и джинсовые шорты, рассматривать их времени не было.

– Бегом в примерочную! Жду у выхода.

Он сорвал этикетки с выбранной мною одежды и направился к кассе. Надо же, он еще и расплатиться решил! Может, маги не так уж и плохи?

Скорость моего переодевания поразила даже меня, но все-таки я оставила секунд десять на то, чтобы посмотретья в зеркало. Мои каштановые волосы были спутанными, на голове засохшая грязь. Ужас! Неудивительно, что люди так пялились. На правой щеке виднелся синяк. Странно, но я не помню, когда ударилась щекой. Наверное, это от падения в лесу. Глаза были немного потухшими, а синяки не придавали лицу привлекательности, хотя мне всегда нравилось, как я выгляжу. Моя внешность – это, пожалуй, единственное, чем я искренне гордилась. Без ложной скромности могу сказать, что родители подарили мне красоту, но сегодня перед Кремером я предстала явно не в лучшем виде. И снова мысли о Кремере? Надо выметаться отсюда. Выбежав из примерочной, я обнаружила у входа скучающего Маркуса и нервно озирающегося по сторонам Ремиса. Маркус осмотрел меня с ног до головы, а Ремис проигнорировал.

– Отлично, теперь правило побега номер один: не использовать магию без крайней нужды. Чародеи не могут вычис-

лить нас до тех пор, пока мы не задействуем магию. И правило номер два: во всем беспрекословно слушаться меня, пока мы не сбежим. Все ясно? – Спокойно, но твердо отчеканил каждое слово Маркус.

– Да, – ответили мы с братом в унисон.

– Как вы нас нашли? – Спросил Ремис.

– Позже, все вопросы позже.

Маркус вытащил телефон и кому-то позвонил.

– Да, они со мной, выходим, ждите у входа через пять минут.

Он слегка повернул голову в нашу сторону.

– Двигаемся быстро, но не бежим, чтобы не привлекать внимание. Вперед!

Следуя за Маркусом, я судорожно искала глазами Кремера. Он должен быть где-то рядом, если верить магу. Спустя минуту мне уже почти в каждом встречном темноволосом мужчине виделся Кремер. У Маркуса зазвонил телефон (довольно забавный он установил себе звонок, напоминает детскую песенку, как-то не ассоциируется подобное с ним).

– Да, – ответил Маркус, – понял тебя, припаркуйся у южного входа, мы выйдем там.

Когда он закончил говорить по телефону, повернулся к нам:

– Итак, мальчики и девочки, а теперь нам реально придется бежать. Кремер только что вошел в здание. Идем к южному выходу, вернее, теперь уже бежим. Ну и чего смотрим на

меня? Я сказал «бежим»!

Мы сорвались с места и помчались, расталкивая людей. Я старалась не отставать, но угнаться за парнями было нелегко. Спустившись по лестнице, Маркус неожиданно остановился у ближайшего магазинчика и, махнув нам рукой, завернул за угол. Нам не нужно было дополнительное приглашение, чтобы последовать за ним. К моменту, когда мы оказались у выхода, я уже порядком запыхалась, давно я не бегала столько и так быстро, как сегодня утром.

Крутящаяся стеклянная дверь вращалась мучительно медленно. Черт бы ее побрал!

Когда мы почти вышли на улицу, краем глаза я увидела Кремера. И на сей раз это не обман зрения, это действительно он. Эмоции на его лице не читались, он походил на обычного скучающего посетителя торгового центра. Увидев нас, он ускорил шаг в нашу сторону, но не побежал.

– Кремер нас нашел! – Прошептала я.

– Я вижу, шевелитесь! У входа черный джип, бегите к нему, – прорычал Маркус.

Выскочив из двери на улицу, мы увидели тот самый джип с затемненными стеклами. Дверь открылась, явно приглашая нас в него запрыгнуть. Я даже боялась обернуться, чтобы посмотреть, как далеко от нас Кремер. Не задумываясь, буквально влетела в машину, следом за мной — Ремис, Маркус же сел впереди рядом с водителем.

– Гони, Кремер нас нашел! – Скомандовал Маркус низким

голосом без намека на прежний издевательский тон.

Машина тут же двинулась, плавно набирая скорость. Я наконец-то решила посмотреть в окно. Кремер стоял неподвижно и наблюдал за тем, как мы удаляемся. Неужели оторвались? Сделав глубокий вдох, я немного успокоилась и обнаружила, что рядом с нами сидит Элли, а за рулем — Дориус.

Элли окинула меня и Ремиса беглым взглядом, а потом обратилась к Дориусу:

– Домой нельзя, нас там может ждать сюрприз. Надо замести следы. Поехали до переправы.

– Думаешь, туда они за нами не последуют? – Уточнил Дориус, глядя на Элли в зеркало заднего вида.

– Последуют, но там есть ловушки, не забывай. Если не убьем, так выьем из игры на долгое время. В конце концов давно я не разминалась с чародеями.

– Ха! А кто буквально вчера деревья ими украшал? – Снова улыбаясь, вклинился в диалог Маркус.

– Так это же обычные сопляки, я даже зевала, убивая их. Скукотища сплошная. А вот сразиться с Кремером – это уже занятнее, – елеиным голоском ответила Элли.

Мы с Ремисом молча слушали беседу этих троих, не решаясь вклиниться в разговор. Удивительно, как легко и непринужденно они говорили о битве с чародеями и возможной «игре» с Кремером. Определенно они нас спасли, но какие у них планы на наш счет, неизвестно. Множество вопросов

крутилось в моей голове, но я не смела их задать. У Ремиса же не было проблем с тем, чтобы озвучить их:

– Почему вы помогаете нам?

Все трое посмотрели на Ремиса, словно удивившись, что помимо них в машине еще кто-то есть. Элли, улыбнувшись, произнесла:

– Может, потому что вы маги? Как тебе такой ответ?

– Тогда почему вы ранее позволили нам сбежать? Почему сразу не остановили, когда мы были у вас? Вы следили за нами, иначе бы не нашли, а потом помогли сбежать от Кремера, тем самым посадив его себе на хвост. Я не вижу логики в этих действиях, – не унимался Ремис.

– А ты всегда и во всем ищешь логику, да, сладкий? – Нежно проворковала Элли, заработав хмурый взгляд Дориуса, который он послал девушке через зеркало на лобовом стекле.

Ремис лишь приподнял одну бровь, показывая, что ответ его не удовлетворил. Да, братик, покажи им! У меня духу не хватит так с ними общаться! «Горжусь тобой», – мысленно кричала я Ремису.

– Ну ладно, ты так очаровательно хмуришься, что я прямо не могу устоять.

Кажется, Дориусу не понравилось кокетство Элли, и он издал звук, похожий на рык. Она же просто нежно похлопала его по плечу и продолжила:

– Нам показалось, что твоя милая сестренка не поверила

нам, так что, удерживая ее, мы ничего бы не добились, а так посмотри, как все мило устаканилось!

– Ты называешь это «мило устаканилось»? Да у нас Кремер на хвосте!

С таким доводом Ремиса я была полностью согласна.

– Кроме того, если бы вы не связали Алику, не вырубил ее и не напугали, может быть, тогда диалог сложился бы удачнее.

– Могу поспорить, тем более что у меня слабость к связыванию красивых девушек, – вклинился в разговор «улыбашка».

Он что, заигрывает со мной? Настал мой черед кидаться хмурыми взглядами. Я хотела было ответить, открыла рот для гневной тирады, но меня опередила Элли:

– Маркус, не выдавай все свои грязные секреты так сразу нашим новым друзьям. Что они подумают о нас?

– Ваши грязные секреты меня волнуют сейчас меньше всего, ты так и не ответила, зачем вы нас спасли, – вернул разговор в нужное ему русло Ремис.

Элли продолжала улыбаться и пристально смотреть Ремису в глаза. В гляделки они играли примерно минуту, после чего блондинка постучала идеально наманикюренными пальчиками по коленке и ответила:

– Ремис, даже если бы Алика нам поверила, тебя, мой упрямый мальчик, было бы сложнее убедить. Да, не все из нас были согласны с планом отпустить вас, это было весьма

рискованно. Мы рады, что вам удалось вырваться из логова чародеев, при этом по-прежнему гордо неся свои головы на плечах. Догадываюсь, что побег был фееричным. Подробности поведаете позже за бокалом отличного красненького. Ты спрашиваешь, почему мы вам помогаем и спасаем? Так устроен мир, знаешь ли. Уж не знаю, кто придумал идею, что нужно помогать ближнему и страждущему...

Ремис хотел прервать этот монолог, но Элли мягко взмахнула рукой, давая понять, что она еще не закончила.

– Так вот, в этом мире принято, чтобы маги помогали магам. Нравится тебе это или нет. Мы не всегда были вместе, – она указала рукой на Дориуса и Маркуса, которые молча слушали с хмурыми выражениями на лицах. – Мы тоже когда-то случайно нашли друг друга. Проведя вместе какое-то время, мы поняли, что вместе наша магия сильнее. Я не забиваю свою голову ненужной информацией и понятия не имею, как это работает, но это факт. Чем больше магов, которые держатся вместе, тем сильнее магия. И, опережая твое любопытство, скажу: да, мы почувствовали вашу с сестрой магию, и должна признаться тебе, сладенький, ваша магия очень сильна. Не побоюсь сказать, что сильнее нашей. А ведь вы даже не достигли бессмертия. Обещаю, мы очень постараемся, чтобы вы оба дожили до того, как бессмертие вас настигнет. Я уже вся в предвкушении того, какими же могущественными вы станете.

Тут Элли неожиданно стала хлопать в ладоши, как ребе-

нок, нашедший подарок под елкой.

– Я знаю, что мы с вами станем очень хорошими друзьями, пусть даже из всех тут присутствующих эта мысль греет только меня.

Взглянув на Ремиса, я поняла, что не у одной меня отвисла челюсть в буквальном смысле. «Шабаш» — вот какое слово приходит на ум. Если верить этой блондинке, то объединение магов усиливает магию каждого шабаша. А в этом есть смысл! Если магия — это некая энергия, то обмен ею кажется логичным. Я плохо знаю стиль жизни и поведения магов, чародеи не заостряли на этом внимания, поскольку их больше интересовала смерть магов, а не их продолжительная и успешная жизнь. Но все-таки было не совсем понятно, насколько долго длился эффект, если так можно сказать, от объединенной силы.

– Вы говорите, что маги вместе сильнее. Означает ли это, что нам необходимо быть вместе во время сражений с чародеями или достаточно жить под одной крышей, чтобы постоянно получать что-то в виде подзарядки? – Осмелилась спросить я.

Какое-то время мне никто не отвечал и даже не смотрел в мою сторону. Возможно, они просто не услышали мой вопрос, все словно погрузилось в свои мысли и ничего не слышали, и не видели вокруг себя. Пока я размышляла над тем, как привлечь к себе внимание, а не гнев, Маркус очнулся:

– И то, и другое. Живя вместе, маги совершенно точно

увеличивают силу друг друга, но сила, как и любая живая энергия, может истощаться и нарастать. Это наше слабое и в то же время сильное место. Маги зависят не только друг от друга, но и от своего внутреннего состояния. Я говорю о гневе, радости, страхе, других эмоциях, а также о физическом состоянии, например, голоде. Голодный и запуганный маг – жалкое зрелище.

Я не ожидала такого от Маркуса. Он разговаривал со мной так только один раз, когда в той комнате пытался объяснить, что я маг. Значит, они предполагают, что мы станем жить вместе? Эта мысль меня даже обрадовала, по крайней мере мы больше не одиноки, а, учитывая наше с Ремисом плачевное положение, идея совместного проживания меня сильно обнадежила.

– И еще, Алика, – теперь Маркус почти полностью повернулся ко мне, и на его лице вновь появилась ухмылка. – Вскоре нам предстоит сразиться с Кремером. Если ты станешь нам мешать или постарайся ему каким-то образом помочь, то запомни, что маг, который рядом и даже если он без сознания, обладает теми же возможностями, что и в здравом уме и рассудке.

Вот, только я решила, что Маркус не такой уж и противный, как он убедил меня в обратном.

– Я, я... зачем мне ему помогать? Зачем помогать тому, кто пытается нас убить? – Опешила я от предположения Маркуса, но где-то глубоко в душе понимала, что он прав.

Отчего-то мысль о мертвом Кремере мне совсем не согрела душу. Я кинула взгляд на Ремиса, он смотрел на меня с отвращением, а потом просто закатил глаза, давая понять, что в курсе моих мыслей о Кремере.

– Малышка, все твои эмоции как открытая книга, которую легко читать. Каждый раз при упоминании о Кремере твои глаза загораются, – продолжил ухмыляться Маркус.

– Вы говорили, что вибрация дает понять о нахождении рядом мага. Но я никогда не чувствовала вибрацию от Ремиса, – решила я сменить тему и увести диалог подальше от разговоров о Кремере.

– Это потому что вы брат и сестра, у вас родственная энергия и один источник магии, я так полагаю. Но знаю точно, что если бы один из вас попал в беду и попытался воспользоваться всей полнотой магии, то другой почувствовал бы некий огромный выброс энергии и вибрация появилась бы. – Маркус проговорил это тоном учительницы младших классов. – Если маги долго живут вместе, вибрация исчезает, при обмене энергией они перестают чувствовать друг друга как нечто новое или постороннее. Их энергия воспринимается как что-то родственное. Эффект пропадает при долгой разлуке, и при встрече опять появляется вибрация.

– Помимо телекинеза появилась ли у вас еще какая-то сила? – Неожиданно подал голос Дориус.

Мы с Ремисом переглянулись, видимо, оба еще сомневались в том, нужно ли делиться этой информацией. Но решив,

что раз уж мы будем жить вместе, то они в любом случае вскоре узнают о нас все сами, потому призналась:

– Я могу кидаться огненными шарами, а Ремису удалось заставить бутылку зависнуть в воздухе, как будто кто-то поставил время на паузу. Мы не знаем, что это такое.

После этих слов Дориус затормозил и так лихо свернул с дороги на обочину, что мне даже показалось, что мы летим в кювет. Он заглушил двигатель, а все три пары магических глаз уставились на меня и брата.

Они переводили взгляды с меня на Ремиса и наоборот, но никто ничего не говорил. В тот момент мне захотелось просто исчезнуть, и я начала вжиматься в сиденье. Было в их взгляде что-то пугающее. Или скорее они выглядели ошеломленными.

– Что такое? И почему мы остановились? Разве мы не должны продолжать двигаться? Или будем ждать, когда Кремер нас догонит? – Попытался нарушить затянувшуюся тишину Ремис.

– Милый, – едва ли не шепотом Элли обратилась к Дориусу, – ты думаешь о том же, о чем и я?

– Да.

Дориусу пришлось прокашляется, чтобы продолжить:

– Теперь понятно, почему Кремер так отчаянно желает до них добраться, – ответил он.

После этого Дориус вернул свое внимание ко мне и спросил:

– Кремер видел, как ты владеешь огнем? Что вы помните о родителях? Я так полагаю, вы были совсем маленькие, раз не понимали, кем они были, и чародеи так легко могли вами манипулировать.

– Я не назвала бы свои случайные попытки кинуть шар владением огнем, и да, Кремер видел, именно сегодня я в него запустила шар, не могу сказать, что специально. Что касается родителей, то...

– Нет, родители никогда не говорили, кто мы, они не использовали магию, по крайней мере я не помню такого. Они перемещались с места на место, всегда прятались и нигде не задерживались дольше чем на неделю. В ту ночь, когда мы их видели в последний раз, родители сказали, чтобы мы не забывали, кто мы. Но, поскольку мы не знали, кто мы, то, собственно, и помнить было нечего. И да, мы были совсем детьми, когда попали к чародеям. Мне было пять лет, Алике — девять.

У меня сложилось впечатление, что Ремис, говоря это, впал в ярость, а еще меня сильно удивило, как много брат помнит о родителях. Мне все время казалось, что он ничего не помнит, кроме той ночи в шкафу. Он всегда избегал этой темы, и, если речь вдруг заходила о родителях, смотрел на меня с немым укором. Только я никогда не могла понять причину этого немомго упрека с его стороны.

– Но меня больше интересует ваша реакция и шок на ваших лицах. Потрудитесь объяснить! – Напирал брат на ма-

гов.

Но вместо объяснений Дориус кивнул Маркусу. Жест, который, видимо, мог понять только Маркус, а далее он просто молча завел машину, вырулил на шоссе, и мы продолжил путь. Пока мы продвигались на большой скорости, прошло уже точно больше часа, но никто, кроме тихой музыки по радио, не нарушил молчания в машине. Уверена, брат тоже ждал, что маги наконец-то заговорят и хоть что-то пояснят, но эти трое с угрюмыми выражениями лиц просто были погружены в свои думы.

Спустя какое-то время мы свернули с шоссе на узкую бугристую дорогу, ведущую в лес.

– Почти приехали. На барже мы будем особенно уязвимы, поскольку деваться там некуда, ну разве что вплавь через реку. Поэтому предлагаю всем приготовиться к возможной ловушке Кремера. Главное — успеть перебраться на другой берег, там уже, можно сказать, наша территория, – монотонно выдал инструкции Маркус.

Глава 7

Мы подъехали к берегу широкой реки, где помимо нас четыре машины ждали переправы. Заняв свое место в очереди, Дориус заглушил двигатель. Напряжение, которое можно было буквально пощупать руками, не исчезло. Я не знала, когда придет баржа, но если эти маги собираются и дальше играть в суровую молчанку, то ожидание станет мучительным.

– Пойду разведу обстановку, – сказал Дориус и вышел из машины.

– Что мы будем делать, если Кремер появится до того, как мы окажемся на барже?

– Алика, не паникуй! Вот если Кремер окажется на барже вместе с нами, тогда можешь начинать волноваться.

Элли развалилась на сидении, такая спокойная, словно собралась в парк на пикник и Кремер – вовсе не повод для беспокойства.

– Хорошо. Что мы будем делать, если Кремер окажется на барже? Ведь он не может развязать битву в толпе, так?

– Да чтоб тебя! Я не могу тут находиться, пойду к Дориусу!

Маркус открыл дверь и выскочил из машины, с такой яростью хлопнув дверью, что огромный джип покачнулся.

Что я такого спросила? Или у меня обнаружился новый талант легко и непринужденно приводить в бешенство не только Ремиса, но теперь еще и Маркуса? Ну я многосторонняя личность, да! Что тут еще скажешь?

– Если бы это был какой-то другой чародей, то я могла бы рассчитывать на это, – ровным тоном начала мне отвечать Элли, словно и не было этой вспышки гнева у Маркуса. – Но именно этот чародей способен преподносить сюрпризы. Не удивлюсь, если он явится не один. Чародеи с помощью своих зелий и заклинаний могут стереть память людям. Конечно, далеко не всем чародеям это под силу, но мы говорим о Кремере. Несколько людишек его не остановят.

Элли, видимо, тоже не хотела больше отвечать на мои вопросы, потому что вслед за Маркусом покинула машину и направилась напрямик в объятия Дориуса, стоявшего у самого берега.

Подойдя к нему, она нежно обняла мужчину за талию и положила голову ему на грудь. Несмотря на то что она сама не маленькая, ростом больше 175 см, рядом с огромным Дориусом выглядела гномом. На ней было воздушное лиловое шелковое платье. Не совсем подходящая «униформа» для отправившейся спасать Ремиса и меня магини, но, видимо, для Элли выглядеть всегда безупречно и женственно — образ жизни, который она не спешит менять даже ради возможной драки с чародеями.

Судя по тому, как нежен Дориус с Элли, можно предпо-

ложить, что между этими двумя глубокие чувства. Те чувства, которые дарят женщине тот самый счастливый взгляд. Женщина может даже этого сама не осознавать, что таким взглядом она объявляет всему миру: «Я самая прекрасная и всемогущая женщина!». Она счастлива, любима и это видно невооруженным глазом. Рядом с такими женщинами я всегда ощущаю себя чумазой школьницей. Осмотрев свою одежду, я тяжело вздохнула и уставилась в окно, прижавшись лбом к стеклу. Ничего женственного и привлекающего для взгляда мужчины в моей одежде нет, как и в моих запуганных глазах.

Как же я мечтаю о том, что однажды и у меня будет мужчина, к которому можно прижаться, который будет нежен со мной, но при этом сможет меня защитить, отгородить от любой угрозы, рядом с которым я смогу взглянуть на мир смело и не закрываясь, а открываясь жизни. Перед глазами вновь возник образ Кремера. Да, если находиться рядом с таким мужчиной, то можно шагать по жизни смело. Интересно, есть ли у него девушка и как он ведет себя с ней? Сможет ли он поцеловать так, что уйдут любые мысли, страхи и неуверенность? Так, что даже пальчики на ногах будут загибаться от удовольствия? Я тяжело вдохнула и медленно выдохнула. Нет, теперь мне этого уже точно никогда не узнать, ведь мы собираемся его убить.

Вот бы мне выпал шанс с ним поговорить! Хотя что тогда? Изменил бы он свое решение убить меня и перестал бы

нас преследовать? Нет, пора взрослеть и прекратить витать в облаках. Жаль, что я все-таки не чародейка, тогда все стало бы куда проще. Рано или поздно мы с ним познакомились бы поближе, тогда, может быть, все мои мечты о нем осуществились бы. Он, наверное, ушел бы от меня уже через день, но и одного дня в объятиях мужчины мечты бывает достаточно, чтобы еще долго чувствовать себя счастливой, мысленно возвращаясь к сладким воспоминаниям о времени, проведенном вместе.

Все эти годы без родителей мне было невероятно одиноко. Вероятно, я так увлеклась Кремером только из-за того, что мне хотелось, чтобы в моей жизни был кто-то, кто может дать мне понять, что я не одна на этой планете и что есть человек, кому не плевать, о чем я думаю, какое мороженое предпочитаю и что меня пугает больше всего.

В этот момент мне захотелось поговорить с братом, обсудить все, что с нами произошло за последние сутки, но я поняла, что он так же далек от меня, как и Кремер. Ремис сидел, облокотившись на спинку впереди стоящего водительского кресла и, казалось, даже не знал о моем существовании. Почему брат всегда рядом со мной все эти годы и в то же время так далек от меня? Почему после той ночи с родителями ищет любой повод отделаться от меня? Это причиняет мне такую боль, что порой хочется кричать. Не понимая, что делаю, я потянулась рукой к брату, но не успела до него дотронуться. Вернулись Дориус и Элли.

– Загружаемся, через минуту будем на барже.

Дориус завел мотор и стал ждать, когда человек на барже даст команду заезжать.

Ремис выпрямился, даже не заметив моих поползновений в его сторону. Элли, заскакивая в машину, подмигнула мне. И хоть мне уже начала нравиться эта девушка, я понимаю, что всего лишь сменились декорации: был дом чародеев, а теперь будет дом магов, но я так и останусь аутсайдером везде и во всех мирах.

– А где Маркус? – Поинтересовалась я.

– Он проследит за нашей погрузкой, убедится, что все идет по плану, – ответил Дориус, глядя на меня через зеркало на лобовом стекле.

Я кивнула в ответ Дориусу в знак благодарности за то, что он в отличие от остальных магов разговаривает со мной спокойно, без высокомерия и неприязни. Мне подумалось, что это его обычная манера общения, даже несмотря на то, что я еще помню тот момент, когда он схватил меня в ярости и кричал в лицо. Но ведь и ситуация тогда к этому располагала. В их доме я посмела кидаться обвинениями в адрес всех существующих магов, будучи при этом сама магом, к тому же привела с собой их смертельных врагов. Так что глупо винить Дориуса в том, что однажды он вышел из своего привычного состояния «дзена». Сейчас этот мужчина внушает доверие, за его спокойствием и невозмутимостью невольно желаешь найти укрытие, зная, что он способен вычислить и

устранить любую угрозу.

Тем временем погрузка на баржу продолжилась без каких бы то ни было происшествий и признаков присутствия Кремера или других чародеев. Мы заняли свое место на ней, а чуть погодя вышли из машины. Все, кроме меня, смотрели по сторонам, пристально разглядывая каждого, кто появлялся на барже. Я же наблюдала за магами, за их движениями и за тем, как они перешептывались между собой. Не найдя для себе иного занятия, я с замиранием сердца смотрела на человека, который начал поднимать откидную аппарель баржи. Это означало, что сюда уже никто не заедет и мы мирно переправимся на другой берег. Дориус стоял у носовой части баржи, смотря куда-то вдаль. Вероятно, продумывал план нападения на Кремера после того, как тот попадет в его ловушку на противоположном берегу.

Мы двинулись в путь по реке, и я осмелилась отойти на несколько шагов от магов, встала у самого края баржи и пригретая теплым солнечным светом наслаждалась видом реки. Огромная и могущественная, с ее силой принято считаться, ее течения изучают, русла пытаются запечатлеть на картах, а она молчаливо позволяет собой любоваться. Когда она проявляет свой характер – жди беды... Сейчас же она спокойна, слышен лишь гул двигателя тягача баржи, но не этой мощной стихии. Не только люди склонны воздавать должное водной стихии в искусстве, но и бессмертные не смогли устоять перед подобным проявлением природного могущества.

Некоторые черпают из рек силы, призывая духов воды. Почти все бессмертные так или иначе восхваляют водную стихию в своих легендах, мифах и сказаниях.

Наблюдая за чародеями, а теперь и за магами, я поняла: чем сильнее бессмертный, тем тише он заявляет о себе. Прославленные бессмертные, о которых мне довелось узнать, обрастают мифами и сплетнями, но они не спорят, не кричат о своих подвигах, не опровергают эти самые мифы и сплетни, слухами интересуются только их жертвы.

Но в то же время я тоже всегда вела себя тихо, а силы или власти у меня нет. Вода меня отталкивает, никогда не тянуло искупаться в океане, взять акваланг и погрузиться к красотам, которые скрыты в глубинах. Нет, это не моя стихия. Предпочитаю любоваться реками и озерами со стороны. Взглянув на свои руки, я заметила, что крепко держусь за перила, так, на всякий случай, чтобы не упасть в реку. Плавать я умею, но добровольно зайти в воду глубже чем по пояс меня не заставить. Может, это связано с тем, что я очень люблю огонь, а вода и огонь — понятия несовместимые?

А может, хватит уже искать в себе хоть какие-то признаки сильного бессмертного?

Мне пора взглянуть на себя трезво. Я не великий бессмертный, но и не стремлюсь им стать. Откуда во мне это желание непременно доказать свою значимость, вернее, показать близким, что я... нормальная, такая, как все? И почему меня так сильно волнует мнение окружающих?

Возможно, могущественным магом я никогда не стану, но и оставаться вечной жертвой тоже нет никакого желания. Все, чего я жажду в данный момент, – это чтобы меня окружали близкие люди, на которых можно положиться.

Все мечты о Кремере или размышления о брате – это ничто иное, как мечты рыбака о крупном улове, который позволит накормить себя и близких, то есть удовлетворить потребности живого существа в безопасности и сытости, – не больше и не меньше.

Именно с этим связаны мои попытки найти надежную опору – будь то близкий и надежный друг, мужчина или брат. А когда я обрету это, быть может, исчезнут мои страхи, и я смогу наконец наслаждаться жизнью, не боясь собственной тени. Вначале моим жизненным щитом были родители, позже я возлагала напрасные надежды на брата. Затем зацепилась за образ Кремера, как за спасательный круг. В нем я видела не просто красивого мужчину, а того, с кем мне было бы безопасно. Скорее всего дело именно в этом. Но теперь рядом со мной есть сильные маги, мне только надо найти с ними общий язык.

Легче сказать, чем сделать, поскольку общение с окружающими – это навык, который развит во мне крайне слабо.

Но теперь на горизонте новая жизнь в качестве мага! Надо дать себе шанс и просто поверить в себя, не ожидая поддержки окружающих. Необходимо найти внутренние силы, а не искать внешнего помощника. Внушить себе мысль, что

больше никому и ничего не обязана доказывать. Уж Ремису точно! Я обещала за ним приглядывать, но необходимо отпустить себя, снять с себя клятву, которую я однажды дала маме. Ремис уже не ребенок, он гораздо сильнее меня, это ему впору начать проявлять обо мне заботу.

Так я бродила по барже, погрузившись в свои размышления, пока не наткнулась на парня, который до этого бойко руководил погрузкой машин. Мне показалось странным, что баржа заполнена лишь наполовину, но если я сразу не придала этому значения, то теперь решила поговорить с этим молодым человеком, чтобы немного отвлечь себя, тем более что он не был сейчас занят и вряд ли я ему помешаю. Стоял он ровно и почти неподвижно, пристально глядя на берег широкой реки.

– Я думала, что баржа должна быть забита под завязку. Разве это выгодно, когда полупустая баржа отправляется на другой берег?

– Все должно быть выполнено спокойно и без лишних вопросов, – ответил парень.

Судя по его загару и выгоревшим волосам, он много времени проводит на этой реке и ему, конечно, виднее, но я не унималась.

– Мне просто интересно, так всегда или просто сегодня какой-то необычный день?

Не знаю, почему я предпочла разговаривать сейчас с ним, а не с кем-то из магов. Наверное, мне просто хотелось по-

говорить с кем-то не из мира бессмертных, кто не угрожает мне или брату, с кем можно просто общаться, не опасаясь последствий.

– Все должно быть выполнено спокойно и без лишних вопросов, – повторил он.

Если в первый раз этот ответ, не сильно соответствующий вопросу, меня не насторожил, то в этот раз...

– Простите, с вами все в порядке? – Спросила я, взяв его за руку, чтобы заставить взглянуть на меня.

– Все должно быть выполнено спокойно и без лишних вопросов.

Что? За? Черт?

Я дернула его сильнее, так, что он оторвался от разглядывания берега и повернулся ко мне.

И теперь я увидела его глаза. Они словно стеклянные, но очень мутные, смотрят сквозь меня, тело парня – на барже, а его разум где-то в ином месте.

От неожиданности я попятилась от него, поняв, что здесь не обошлось без магии. Неужели наши маги его заколдовали, чтобы мы отчалили раньше положенного? А маги так могут или это... не маги?

В замешательстве я попыталась найти кого-то из магов, но вместо них заметила мужчину, выходящего из ближайшей машины. Он что-то бормотал одними губами, и мне показалось, что он сморит на меня, и только на меня. Более того, он решительно шагнул по направлению ко мне, держа в руке

цепь. По привычке я стала искать глазами брата, но нашла Маркуса, который сощутив глаза, двинулся в мою сторону.

– Маркус! Что-то не так! – Нервно крикнула я громче, чем намеревалась.

В эту же секунду все маги обратили на меня внимание. Они рассредоточились вокруг нашей машины, а затем стали оглядываться. Парень с цепью в руках в одно мгновение очутился возле меня, схватил мои руки и сцепил их за спиной. Прделано это было с нечеловеческой скоростью. Но поскольку я все-таки пыталась вырваться из захвата, цепь на руки ему не удалось накинуть.

Не успела я подумать, что так могли двигаться только бессмертные, как почувствовала холодный металл у виска. В считанные секунды я оказалась захвачена чародеем, а металл у моей головы – это скорее всего пистолет с серебряными пулями. И хотя огнестрельное оружие, которым пользуются люди, бессмертные считают недостойным себя, чародеи не брезгают использовать его против магов. Меня как пока еще смертную способны убить и простые пули, но, думается, пистолет сейчас заряжен именно серебряными.

– Шевельнешься, и ты труп, ясно? – Прошипел чародей мне на ухо.

Маркус сделал уверенный шаг в мою сторону, но тут из других машин начали выходить и другие чародеи. Голос с крыши корабля, который буксировал баржу, заставил всех замереть.

– Еще хоть шаг, маги, и она умрет. Маркус, держи руки за спиной, иначе ты сильно пожалеешь!

Кремер! Большинство чародеев сейчас стояли спиной ко мне, для них я не была угрозой, чего не скажешь о других магах. Насколько я смогла рассмотреть, на барже примерно пятнадцать чародеев, не считая Кремера на тягаче. Уверена, что и в самом тягаче есть кто-то еще из их армии. Не надо быть гением, чтобы понять, что нас явное меньшинство. Они окружили нас со всех сторон, при этом у кого-то были пистолеты, а кто-то держал склянки с зельем в поднятых руках. Как мы могли их не узнать? Как оказались в ловушке? Да, традиционные пояса чародеев могли быть замаскированы особым заклинанием или банально скрыты под одеждой. Но как мы не заметили Кремера?!

Кремер! Он все продумал. Он играл с нами.

Маркус замер, но проигнорировал приказ Кремера завести руки за спину. Вместо этого он посмотрел на знаменитого чародея, а затем на меня.

– Кремер, ты пришел сюда, чтобы убить ИХ. Так на кой хер мне следовать твоим советам? Ублюдох, ты и так намерен нас всех убить!

Догадываюсь, что Кремер явился не на свидание меня пригласить. Но зачем же так ему грубить? Маркус, из тебя так себе переговорщик, у меня дуло у виска. О чем ты думаешь?!

Я посмотрела на Кремера и встретила с ним взглядом.

Он был... само спокойствие. Если он и желал кого-то убить, то тщательно скрывал данное намерение. Неужели он не горит желанием отомстить за игру в снежки, устроенную нами с чародеями не так давно в замке? Он не убил нас с братом там, разве он не мечтает наверстать упущенное за последние двенадцать часов и достичь цели, о которой нам говорил Феликс? Чародеи убивают магов, а Кремер сегодня оплошал в этом вопросе. Неужели его это не разозлило?

Кремер прищурился и посмотрел на Маркуса, но я заметила, что некий жест его руки был адресован тому, кто держал дуло у моей головы.

Дуло от моей головы немного отдалилось. Это же хороший знак, да? Нет? Что это было тогда?

– Маги, уберите руки за спину, и, возможно, сегодня я буду добрым, что бывает крайне редко, поверьте мне.

К счастью, после недолгих раздумий Маркус, и другие маги убрали руки за спину. Кроме Ремиса! Брат смотрел на того, кто стоял за моей спиной. Но, судя по всему, неповиновение Ремиса не беспокоило Кремера, он смотрел на Маркуса. Почему Кремера интересуют лишь действия Маркуса? Неужели он самый сильный из всех присутствующих магов?

Глаза Маркуса были опущены, вероятно, он не привык проигрывать. Мне подумалось, что, если даже этот маг склонил голову в подчинении, значит, наши дела совсем безнадежны. Я не могла отвести от него взгляда, поскольку страшно было найти глазами Ремиса. Возможно, это будет наше

последнее молчаливое общение. Но тут Маркус поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза и одними губами прошептал: «Огонь».

Боги, ОГОНЬ! Огонь? Я нервно прикусила губу. Что мне делать? Что делать? С превеликим удовольствием я запустила бы огонь, да только я его не контролирую, а у моего виска дуло пистолета!

Что еще мне остается? Что всем нам остается делать? Поскольку почти все внимание чародеев сосредоточено не на мне, возможно, мне необходимо сделать так, как говорит «улыбашка». И если это был знак от него к началу пути нашего спасения, разве я могу ослушаться? Дуло у виска? Плевать. Может, я и не выживу, но хотя бы попытаюсь спасти Ремиса! Mamочka, я же обещала тебе, что буду его оберегать!

Секунду-другую я размышляла, в кого направить удар. На огненный шар я особо не надеялась, но телекинезом-то я точно смогу воспользоваться! Поскольку на мне давно нет серебряной цепочки с амулетом, я уже успела почувствовать, что сила во мне несколько возросла. Хотя скорее всего после первого же удара получу серебро в висок. Но какие у меня варианты? Решилась, вдохнула побольше воздуха, посмотрела на небо, потом на брата, выдохнула. Минимальный мой план заключается в спасении Ремиса. Не исключено, что одного моего удара будет достаточно. Необходимо только точно его рассчитать. В кого его запустить? В Кремера? Увернется, а попутно разозлится. Не годится. В спины чародеев?

А вдруг это не причинит особого ущерба и не отвлечет других чародеев, а второй попытки у меня не будет?

Мой взгляд упал на машину, что стояла между мной и чародеями, вот в нее и запущу... Что бы там ни вылетело из моей руки – сила телекинеза или огонь, главное – угодить в машину. Она взлетит и придавит часть чародеев, а если получится ее взорвать, то это нанесет еще больший урон чародеям. Сгодится любой из этих вариантов. Надеюсь только, что не прибью тем самым и магов, а то я тот еще боец и стратег – могу и так «помочь» своим.

Давай, Алика, поверь в себя хотя бы на минутку, хотя бы на миг!

Я с силой врезала затылком в нос чародея, который удерживал меня. Раздался хруст сломанного носа, значит, мой удар достиг промежуточной цели. Не зря я все-таки в прошлом году посетила пару занятий по самообороне. Застав врасплох чародея, я выкрутилась из его захвата и смогла выставить перед собой руку. Мысленно отдав себе приказ «Огонь», я ударила. Огня не последовало, но вместо одной машины, как я рассчитывала, на воздух взлетели две. Чародей немного отпрянул, этого хватило для того, чтобы я смогла развернуться и ослабить его захват на мне, а пистолет оказался на более безопасном расстоянии от моей головы. Долго не размышляя, я с яростью выдернула вторую руку, сделав приличный шаг в сторону. Следующий удар телекинеза, направленный в грудь мужчины, скинул его с баржи. Отлич-

но! Минус один! Нет, это чародея, конечно, не убьет, но на какое-то время помешает ему вернуться в бой.

Оглядевшись, я поняла, что битва в самом разгаре. Маркус будто высасывал энергию из чародеев. Взмах рукой, и чародеи, слегка нагнувшись в его сторону, падали замертво. Я такого никогда раньше не видела!

Но силы по-прежнему были неравны. Кремера нигде не было видно. Ремис всюду дрался, причем врукопашную. На ватных ногах я помчалась к нему без особого понимания, как помочь магам, вернее, как не путаться у них под ногами и не помешать битве. Направив энергию рукой, я откинула противника брата, одновременно радуясь, что не промахнулась и не попала в Ремиса. Он успел глянуть на меня, и в его глазах читалась... гордость? Воодушевившись, уже чуть более уверенная в себе, я кинулась в гущу столкновения. Дориус изящно раскидывал чародеев, те, кто подходил слишком близко, теряли головы, но перед этим взрывались. Боги, какие маги сильные!!!

Пытаясь найти в суматохе Элли, я не заметила приближающегося ко мне чародея справа. Когда я все-таки его заметила и развернулась, чтобы ударить, сама получила жесткий удар по голове. Ноги подкосились, в глазах потемнело, но я пыталась ухватиться за перила, установленные на барже, но ожидаемо промахнулась.

Я падала в воду. Больно приложившись лицом о мутную и холодную гладь реки, стала тонуть. Помнится, я где-то чита-

ла, что находиться в воде рядом с проходящей баржей очень опасно. Человека может затянуть под нее, и он захлебнется, будучи не в состоянии выплыть на поверхность воды.

Сияясь избежать подобной участи, с помощью телекинеза я пыталась оттолкнуть себя как можно дальше от огромной ржавой смертельной посуды, но круговорот воды затягивал так сильно, что мне не хватало сил. Откуда в этом месте такое течение, словно под баржей воронка, которая меня засасывает? Это так и должно быть? Об этом и говорилось в той статье? Я махала руками и ногами все сильнее и все отчаяннее. Но это только увеличивало тягу воды. Мои легкие уже не справлялись, все отчетливее давал о себе знать кислородный голод, а боль от удара по голове только ослабляла меня. Казалось, что я вот-вот потеряю сознание. А ледяная вода тоже делу не помогала.

Нет! Умереть под баржей – как же это глупо! Я все глубже и глубже погружалась, а воронка подо мной все увеличивалась. Что-то неумолимо тянуло меня вниз, некая невидимая сила, с которой мне никак не удавалось справиться. Я тону, боги! Я тону! Мне так хотелось сделать глоток воздуха! А мозг отказывался понимать, что данное элементарное действие просто невозможно в этих условиях. Стиснув зубы, я из последних сил ударила волной телекинеза по барже. Когда даже руки уже отказывались подниматься, я ощутила легкое прикосновение к ногам, а потом кто-то крепко обнял меня. Это последнее, что я помнила перед тем, как погрузиться в

темноту. Я опять потеряла сознание в самый разгар битвы.

Глава 8

За последние сутки я уже дважды теряла сознание от ударов по голове. Правда, в последний раз я чуть не утонула и именно поэтому потеряла сознание. Или все-таки от удара по голове? А может, я все-таки захлебнулась и умерла? Спорно! Учитывая боль в голове, нет. Похоже, я очнулась в каком-то очередном плену. Мысли путались, и я никак не могла начать здраво мыслить. Открыв глаза, я не увидела ничего, вокруг непроглядная тьма, как и в прошлый раз. Разница лишь в том, что тело мое находится не на земле, а... в воде? А еще на мне нет цепей. Могу с уверенностью сказать, что вместо них вокруг моей талии чьи-то теплые и сильные руки. Это Ремис меня держит? Почему он не вытащил меня из воды и почему так темно? С большим трудом я подняла голову и тихо застонала, когда меня затошнило от головной боли.

– Давай, давай! Открывай глазки и скажи «привет»!

Я услышала очень знакомый голос. Наверное, я еще не пришла в сознание. Это сон, да? Мне снится этот голос, правда же? Но жесткий захват на талии дал мне понять, что я не сплю.

– Давай же, девочка, не время погружаться в сновидения. О! Мой! Бог! Скорости, с которой мои мозги вернулись

к жизни, позавидовали бы в советском Центре управления полетами при запуске экспедиции на Луну в завуалированном соревновании в этом вопросе с НАСА.

Кремер! Я в воде с Кремером! И он держит меня в руках! А еще темно, хоть глаз выколи! Не то чтобы еще сутки назад я не мечтала оказаться в его объятьях, да еще и наедине, но точно не при данных обстоятельствах!

– Я... ээм, я не...

Дар речи так же быстро, как возможность мыслить, не вернулся. Увы...

Я в руках Кремера. Буквально.

Не об этих ли сильных руках, что сейчас меня держат, я мечтала? Я. В. Руках. Кремера.

Более того, я сижу на его коленях. Мое тело охватила дрожь. То есть помимо возможности вновь гонять серое вещество в мозгу (хотя вряд ли это можно назвать мыслительной деятельностью) ко мне вернулось и осязание.

– Я видел, как тебя ударили по голове. Ты в разуме, ты знаешь, кто ты, помнишь, что произошло? Что последнее ты помнишь?

Ой, ну разве не об этом я мечтала? Разве не о беспокойстве обо мне со стороны Кремера? Да! Но я точно не мечтала о его беспокойстве за мою способность здраво размышлять.

– Где я? – Ответила я вопросом на вопрос.

– Этого даже я пока не понял. Так что соберись. Мы с тобой сейчас в одинаковом дерьме. Так ты знаешь, кто ты?

Надо же, какой своевременный и правильный вопрос!

Еще вчера я думала, что я чародей, чуть меньше суток назад узнала, что я маг, меня дважды за сутки били по голове, и я дважды приходила в сознание в темноте. Он спрашивает, кто я? Я неудачница, а что? Вполне здравый ответ, но озвучить его Кремеру я бы не додумалась даже в страшном сне. Понятия не имею, что на меня нашло, но я закричала:

– Я – МАГ!

И когда эхо в пещере стихло, а руки на моей талии напряглись еще сильнее, стало очевидным, что я только что подтвердила сомнения Кремера в своей адекватности.

– Шшш, тихо, не кричи. Это я знаю, я имел в виду, ты... а, ладно, уже неважно.

Конечно, мне сразу стало легче от его слов, и дрожь во всем теле от его голоса не стала сильнее.

– Не кричи? Ты – Кремер, я права?

Глупый вопрос, конечно, но я решила удостовериться в том, что окончательно не свихнулась и действительно кричу на Кремера, сидя на его коленях где-то в темноте и в воде.

– Да, – спокойно и даже с некой издевкой в голосе ответил Кремер.

Внутри все сжалось: черт, это все – правда! Кремер, он рядом. Я год мечтала об этом.

Но вопрос в другом: почему, когда моя мечта сбылась, хоть и не совсем так, как хотелось, вместо блаженства во мне словно закипает кровь, побуждая кричать на Кремера в бе-

шенстве? На кого я злюсь? Ответ очевиден – на себя!

Надо было тише подать знак магам о странностях на барже, а не орать так, чтобы все чародеи вышли на тропу войны. Что еще? Надо было отказаться от операции против магов. Была ли такая возможность, не знаю, но я даже не пыталась. И самое главное: той ночью надо было найти другое место в библиотеке, чтобы спрятать себя и Ремиса получше, нежели в том шкафу! Быть мышкой! Серой, маленькой и неприметной! Что сложного? Но даже с этим я не справилась! Я всегда и во всем проигрываю, всегда!

– Что ты помнишь? – Кремер продолжал задавать раздражающие мои нервные окончания во всем теле вопросы.

Я помню, что свалилась с баржи, помню, что Ремис остался без меня, помню, что Кремер оказался со мной где-то, куда даже проктолог побоится заглянуть.

Именно сейчас, именно в эту минуту я меньше всего хотела оказаться с Кремером наедине! Почему-то Маркус уже не кажется мне ужасным, лучше выслушивать его саркастические выпады, чем быть тут с Кремером и дрожать от смеси страха и злости. Я хотела бы быть на барже, помогать магам. Хоть раз в жизни сделать что-то правильное и не глупое. Но только каждый раз мои попытки кому-то помочь проваливаются. Даже утонуть толком не смогла. Вместо этого сбежала с поля боя, да, упала, но другой справился бы, смог бы. И теперь сижу черт знает где с Кремером, который подвергает сомнению мою адекватность. Безнадежная и жалкая.

– Я все помню, – я выпрямилась и поднялась с его колен, что заставило Кремера ослабить хват на моей талии. – Помню, как убили моих родителей, а я не смогла уберечь себя и Ремиса; помню, как чародеи пытались нас обучать и позвали на эту первую и последнюю для нас с братом операцию, где меня схватили маги, а потом Феликс сказал, что нас использовали для какого-то эксперимента и мы должны были сдохнуть, а позже ты пытался нас убить; помню, как Ремис сказал, что мы теперь должны жить своей жизнью, а в его глазах читалось обвинение; помню, как еще вчера думала, что все будет хорошо. Еще вчера я так думала!

Мой голос сорвался практически на ультразвук. А если добавить к этому еще и эхо в пещере, все вместе звучало жутко даже для моих ушей. Как только чародей ослабил руки на мне, я тут же упала в воду. Хоть вода и не холодная, но я была очень слаба, голова раскалывалась, тело дрожало, и держаться на поверхности стало тяжким испытанием.

Сколько ни пыталась, я не смогла дотронуться дна, бездна под ногами усилила мой ужас и, что странно, вызвала еще большую ярость. Я барахталась, пыталась куда-то плыть, но из-за крошечной тьмы ничего не могла разглядеть и плыла, сама не зная куда, главное – подальше от Кремера и его возможных комментариев по поводу моей жалкой жизни и никчемности. Вскоре я нащупала руками гладкую каменную поверхность, но зацепиться было не за что: ни выступа, ни впадинки. Где я? Это какая-то пещера? Все пытаюсь как-то

задержаться на поверхности и вцепиться в каменную стену, я услышала голос, он был все также раздражающе рядом:

– Это бесполезно, мы заперты в пещере, плыви на мой голос, здесь можно сидеть, а не барахтаться в воде.

Отказываясь повиноваться, я демонстрировала Кремеру, что могу проявлять волю, а не все время быть заложницей обстоятельств. Это первое. Второе: плыть самой в руки к чародею – это последнее, что должен делать разумный маг.

– Мне и тут хорошо, – огрызнулась я, ловя ртом воздух.

– Да, поэтому ты там захлебываешься, в чем, собственно, нет нужды.

– А с тобой рядом мне будет лучше? И ты даже не попытаешься меня убить?

– Ну по крайней мере не сейчас, если тебя это успокоит.

Вот уж успокоил так успокоил!

– А когда ты собираешься меня убить, позволь полюбопытствовать?

(Какого черта вода соленая? Ведь я падала в реку!)

– Будь хорошей девочкой и плыви сюда, на мой голос. Нам надо поговорить.

– О чем?

– О том, как выжить, ну как вариант.

Я на какой-то момент задумалась, что выбрать: разговор с Кремером или эту скользкую каменную поверхность, которая не дает мне возможности уцепиться за нее? Вывод, казалось бы, очевиден, но я все же маг, а Кремер – чародей.

Выбор невелик: умереть от воды или от зелий! Но если взвесить все «за» и «против», то ясно, что сама я не выпутаюсь из этой ситуации. А если он меня сразу не убил, то, наверное, пока и не собирается.

– Хорошо, я отплыла достаточно, – сплевывая воду, ответила я ему. – Говори что-нибудь, чтобы был хоть какой-то ориентир.

– Ты довольно громко упомянула, что Ремис смотрел на тебя обвиняюще. В чем именно он тебя обвиняет?

– Не твоего ума дело! Когда я просила, чтобы ты говорил, я не имела в виду копание в моем прошлом!

Я развернулась и уже более спокойно плыла по направлению голоса Кремера: так вот, что чувствуют моряки, плывущие на зов русалок? Я – жалкая, правда, жалкая!

Было жутко, что под ногами бездна, но я предпочла просто плыть и слушать его голос.

– Ты сама сказала, что он смотрел на тебя обвиняюще. За что? Ответь мне, в чем твой брат может тебя обвинять?

– В том, что я...

Откровенно говоря, я сама не понимала. Я всегда ощущала себя старшей, а значит, ответственной за Ремиса. Когда мы были маленькими и у него возникали проблемы, он прятался за мою спину. Но когда мы повзрослели, в похожих ситуациях он просто игнорировал меня, только при этом смотрел на меня так, будто это я виновата в его проблемах. Это ощущение вечной вины за все, буквально за все, не отпус-

кало меня. Мысль о том, что я никчемная старшая сестра, стойко засела в моей голове, и на подсознательном уровне я всегда и во всем обвиняла себя, и только себя, чтобы при этом Ремис ни делал. Наверное, именно отсюда моя неуверенность в себе, моя извечная боязнь всего и вся.

– Не знаю, – призналась я, – не уберегла его от проблем, свалившихся на наши головы.

– От чего ты могла его уберечь?

– Ну теперь, как я понимаю, от лжи чародеев, от убийства наших родителей. Рад? Тебе это нравится? Мучения детей-магов тебе нравятся?

Я стала немного успокаиваться, пока нервными движениями по воде приближалась к Кремеру, даже дрожь в теле начала постепенно исчезать. Или, может быть, я привыкла к температуре воды.

– Нет – вот ответ на все твои вопросы. Ты не смогла бы уберечь его от смерти родителей. Твои родители совершили ошибку, а вы были слишком малы, чтобы сопротивляться и что-то решать.

Когда я уже почти успокоилась, позволяя голосу Кремера действовать на меня умиротворяюще, и почти доплыла, свежая волна эмоций накрыла меня: обида, новый уровень ярости, боль из-за смерти родителей, а еще слезы начали наполнять мои глаза, слезы от ощущения своего полнейшего бессилия. Я уже настолько устала физически и эмоционально, что была не способна маскировать свои чувства.

– Родители совершили ошибку? КАКУЮ? – Прокричала я, опять захлебываясь. – Их ошибка лишь в том, что они были маги, теперь я это понимаю! Чародеи убили их! УБИЛИ! Зверски! Мы с Ремисом, будучи маленькими детьми, были этому свидетелями и все слышали, ВСЕ! Сейчас я чувствую себя настолько глупой неудачницей из-за того, что не смогла все это понять раньше, не сообщила об этом Ремису!

Кремер нащупал мои руки, подтянул меня ближе и вновь усадил к себе на колени. Хотя вода и мешала тому, чтобы мы прижались друг к другу плотнее, но все же тепло его тела немного притупило во мне неуместную ярость.

– Шшш, девочка, не кричи.

Он обнял меня крепче, рукой обхватил мою голову и прижал к груди так, что я слышала размеренный ритм его сердца.

– Все мы теряем кого-то, но это не значит, что мы неудачники. Успокойся, Алика. Если твой брат из-за этого думает, что ты неудачница, он просто глупый щенок.

– Не говори так! – Хлюпая носом, но все сильнее прижимаясь к Кремеру, прошептала я.

Сидеть у него на коленях, когда он успокаивает твою израненную душу, это так благословенно приятно. Ярость неожиданно быстро сменилась благодарностью и... невероятным спокойствием, словно и не было в моей жизни последних событий, перевернувших мою жизнь с ног на голову.

– Конечно, ты его любишь, поэтому так реагируешь.

Именно близкие могут причинить самую страшную боль, даже не думая об этом.

Кремер запустил пальцы в мои влажные волосы и начал нежно массировать голову.

– С чего ты взяла, что Ремис так к тебе относится? Когда я видел его в замке, он готов был голову отдать за тебя.

– Мне кажется, это был минутный порыв благородства.

– У благородства не бывает минутных порывов, оно либо есть, либо его нет. Он бился за тебя, за свою сестру, и неважно, понимаешь ты это или нет.

Почему-то, разговаривая с чародеем о своих семейных проблемах, мне казалось это естественным и совсем не смущало. Странно!

Я немного расслабилась, даря себе минуту слабости последовать за эмоциями. Чародей пытался заверить меня, что я ошибаюсь насчет брата. И мысль, что Ремис бился за меня, согревала и в некотором роде убаюкивала. Что может быть лучше этого? Так сильно хотелось поверить в то, что Ремис, несмотря на все свое ворчание, так же, как и я его, сильно меня любит и так же дорожит мной. Нет, я верила, вернее, хотела верить в это, но услышать подтверждение от постороннего человека было приятнее во сто крат.

– Чародеи... на той барже убили Ремиса?

– Не думаю. К моменту, когда я спрыгнул за тобой в воду, маги были вполне себе живые.

– Не смешно.

– А я и не смеюсь.

Кремер неслучайно оказался в воде? Он... спрыгнул за мной?

– Зачем ты прыгнул за мной? Хотел лично убить?

– Нет, хотел лично схватить тебя.

О! Ну еще лучше.

– Зачем?

Ответил он не сразу, явно задумавшись:

– Тебе не обязательно это знать.

Не успела я поразмыслить над его задумчивостью, как он развернул меня и прижал спиной к своей груди. Я не стала возражать. Мне было так приятно, что кто-то, кроме родителей, меня обнимает и успокаивает. Просто обнимает и произносит слова утешения, которые так мне необходимы.

За веру в слова явного врага о брате я готова была отдаться в такие нужные объятия, которые дарил мне Кремер.

Если бы еще месяц назад мне кто-то сказал, что он будет таким образом исцелять мою истерзанную душу, я бы рассмеялась, а сейчас прижимаюсь к его груди, а он продолжает гладить меня по голове, пальцами распутывая мои мокрые волосы. В этом не было ничего эротичного, просто мое сердце наполнялось благодарностью за подаренные минуты спокойствия.

Какое-то время мы еще оба молчали, погружившись в размышления. В размышления, которые могут настичь любого, кто оказался в замкнутой пещере под водой.

– Что нам делать? Я имею в виду, как мы выберемся отсюда? Ты заметил, что вода соленая? Почему вода в реке соленая?

– Соленая вода и меня сбивает с толку, я пока не нашел этому объяснения. Но сейчас... – он тяжело вздохнул, – ты должна запустить огненный шар. Подкинь шар вверх, я его задержу, и мы сможем осмотреться.

Я мгновенно замерла, и он это почувствовал, поскольку его руки, которые разглаживали мои волосы до этого, тоже замерли.

Как признаться мужчине, к которому испытываешь сильные чувства, что мое владение огнем не так безупречно, как он полагает? Конечно, я запустила в него шар в том замке, но это была случайность, сюрприз даже для меня.

– Я не могу.

Эти три слова я произнесла с таким трудом, что напряглась всем телом. Я так часто произносила фразу «Я не могу», что она стала частью моей жизни. Я не могу произнести это заклинание, я не могу приготовить зелье, я не могу заставить брата полюбить меня... А что Кремер? А вдруг он после этих слов просто столкнет меня в бездну темной воды как нечто ненужное и бесполезное?

– Ты о чем? Ты кинула в меня шар, я лишь прошу повторить этот трюк. Выпусти шар вверх, чтобы я его подхватил.

– Я не могу это контролировать, я... я... кинула шар не специально, я не хотела.

– Твоя сила проявилась лишь недавно, и ты еще не научилась ее контролировать?

В его словах не было обвинения или презрения, это меня немного успокоило.

– Да, я пыталась просто телекинезом ударить тебя, но вместо этого вылетел шар.

Он лишь усмехнулся.

– Я не планировала тебя убивать.

Мне казалось, что необходимо внести ясность в этот вопрос. Жизненно необходимо!

– О... рад слышать. Не тому, что ты могла бы меня убить, но это полезно знать в нынешних обстоятельствах.

Отлично, теперь он насмехается.

– В любом случае я не смогу запустить шар.

– В этом ты ошибаешься. Что ты чувствовала, когда появился шар?

– Страх?

Хотела сказать утвердительно, но получился вопрос. Что я чувствовала: страх, неуверенность? Точно. Так и есть. Но если честно, то я думала о его глазах, губах и о том, что мои руки сотворят с его волосами – дай только шанс!

– Страх – это сильная эмоция. Магов питают эмоции. Если ты испытываешь страх сейчас, то у тебя должно получиться.

– Но сейчас я не испытываю такого страха.

Сейчас я чувствую спиной твою, Кремер, крепкую грудную клетку и твои руки на себе. И разумному магу это долж-

но бы внушать страх, но мне невероятно комфортно.

– Очень зря. Как ты правильно заметила, – тут он фыркнул, – пытаясь осуществить олимпийский заплыв и чуть при этом не утонув, вода – соленая! А мы упали в реку, вода должна быть пресной. Детка, черт его знает как, но мы с тобой попали куда-то, где нас явно не должно быть. Если ты мне не поможешь, мы вскоре помрем от кислородного голодания. Вернее, ты умрешь, а я как бессмертный буду тут воскресать и умирать бесконечное количество раз. И если тебя это не пугает, то ты смелее, чем даже я.

Что?! Об этом я как-то не подумала! Теперь я напугалась настолько, что сжалась, как подгоревший кусок мяса в духовке.

– Понимаешь, что ты просто обязана сейчас кинуть огонь? На счет «три». Готова?

Я выставила руку вперед и попыталась сосредоточиться. Представила огонь, выходящий из нее. Как он появляется из руки, мой красивый огненный шар, как это было в холле замка. Давай же, выходи, треклятый огонь!!!

– Раз... два... три!

Я метнула руку перед собой, но ощутила лишь, как из пальцев повалил дым. Это даже не телекинез, просто дым. К слову, видно его не было, но запах дыма – обалденный!

– Прости, не получилось.

– Ничего, у мальчиков такое случается часто. Не переживай.

Я даже рассмеялась. Он шутил в такой ситуации?! Он не упрекал, не злился и не ворчал. Он шутил... без злости в голосе. Это было впервые со смерти родителей по отношению ко мне. А ведь это – Кремер, он не совершает ошибок.

– Может, дело не в страхе? – Предположил Кремер. – Может, если ты подумаешь о чем-то очень хорошем, то получится лучше?

На этих словах он начал нежно поглаживать костяшками пальцев мое плечо, спускаясь ниже до самого запястья. Это напрочь лишило меня способности мыслить. Он заигрывает со мной?

– Ты не помогаешь, Кремер!

Только не останавливайся!!!

– Правда?

– Твои руки отвлекают.

Не вздумай прекращать, продолжай!

– Я пытался расслабить тебя, ты очень напряжена.

Ох, поверь, я напряжена, ты должен продолжать!

– Может, это потому, что мы в замкнутой пещере с водой?

– Так и есть. Но если ты расслабишься и представишь что-то очень захватывающее, то, уверен, у тебя все получится.

Например, что? Его руки не только на моей руке, но и на ключице, шее, продвигаются вниз к груди. О, да! Это определенно мне поможет.

– Что, например?

Боги, этот хриплый голос – мой?

– Я не знаю, что бы помогло тебя сейчас вдохновить.

Твои руки и губы на моем теле, подумалось мне.

– Давай еще раз попробуй, только на сей раз думай о чем-то фантастическом, о том, что может поглотить тебя в лучшем смысле этого слова.

Мне показалось или голос Кремера стал ниже?

– Я постараюсь! Мне кажется, я готова.

Еще бы! Я готова стянуть с себя шорты, развернуться к нему лицом и гори в аду кислородный голод!

– И я тоже готов.

Он намеренно так говорит. Голос, от которого тает снег!

– На счет «три»!

Счета не помню, но я подняла руку, и из нее вылетел шар, меньше, чем накануне, но все же шар! У меня получилось!

Кремер, увидев шар, махнул рукой и стал держать его телекинезом под сводом, как я теперь поняла, большой пещеры.

– Молодец! Теперь давай посмотрим, с чем мы имеем дело.

Шар вращался, контролируемый Кремером. Казалось, что огню это совсем не нравится, он потрескивал, от него отлетали искорки, шар словно ворчал и сопротивлялся. Но Кремер рукой и своей силой продолжал удерживать его, как если бы держал факел с огнем. Медленно приблизив его к себе, Кремер приступил к изучению стен и окружающей обстановки.

Когда из-за огня у меня появилась возможность снова ви-

деть, я поняла, что моя одежда, и без того выбранная в спешке, теперь похожа на половую тряпку, которой пришлось прикрыться. Может, погасить огненный шар? Не хочу, чтобы Кремер видел меня такой. Но я не знаю, как тушить собственный огненный шар... Тогда я суматошно стала приводить себя в порядок – поправлять то, что когда-то называлось одеждой, разглаживать волосы...

– Кстати, о чем ты подумала? Это должно быть что-то очень хорошее, ведь у тебя все получилось, – ровным и незаинтересованным голосом спросил Кремер.

Я не стала говорить о его губах на моем животе, о руках на моих бедрах, поэтому быстро так ответила:

– Да, собственно, ни о чем конкретном, о море, о солнце...

– Конечно, ну да! Моря тебе сейчас и не хватает, действительно, – не глядя на меня, ответил Кремер, хотя могу поклясться, что он ухмылялся.

Несмотря на то что огненный шар получился небольшим, освещение, которое он давал, позволяло разглядеть обстановку.

Пещера площадью метров сорок примерно. Вода спокойная, словно застывшая, и лишь наши с Кремером движения вызывают небольшие колебания. Потолок гладкий, как и выступ, на котором мы сидим. Ни одного острого угла или углубления. Такое впечатление, что пещера была кем-то создана специально и гладко отшлифована, а не возникла по воле природы.

Пока Кремер держал шар, я смогла быстро осмотреться и заметила, что могу вполне комфортно сползти с его колен и сесть рядом на выступ в скале, который теперь был отчетливо виден. Что я и поспешила сделать. Он не возражал и был занят осматриванием пещеры. Кремер остановил свой взор на одной точке, на стене, которая была слева от него. Но из-за его широкой спины я не могла рассмотреть, на что он так сосредоточенно уставился.

– Что там? Ты что-то увидел?

Какое-то время он молчал, но потом ответил:

– Я не уверен, но это очень напоминает древнюю наскальную живопись.

– Живопись под водой? Я тебя умоляю, – фыркнула я.

– Алика, русла рек, как и прибрежные зоны морей, менялись со временем. Многие архитектурные и археологические памятники до сих пор находят под водой. Природа меняется. Скорее всего не всегда находилась под водой и эта пещера. Мы сейчас должны понять, что она из себя представляла до того, как ее затопила вода. Так мы сможем понять, как отсюда выбраться.

После этих его разъяснений я призадумалась, а сколько же Кремеру действительно лет. Сомневаюсь, что он изучал историю или археологию в университете. Что-то мне подсказывало, что он делился собственным жизненным, так сказать, опытом.

– Уже есть предположения?

– Может, и есть, – угрюмо ответил Кремер и приблизил шар еще ближе к стене.

– Ну что там? Что ты нашел?

– Ты сильна в погребальных культах?

– Что?

Словосочетание «погребальный культ» мне совсем не понравилось.

– Я вижу изображения реки, сундука, и, кажется, солнца, но не уверен.

– Так, река, сундук и солнце... и что это значит?

У меня были нехорошие предчувствия насчет ответа Кремера.

– Фейсал, – тихо, почти шепотом ответил Кремер.

Глава 9

– Дориус! Помоги Ремису!

В попытке добраться до Алики я продолжал вытягивать жизненные силы чародеев, одновременно поражаясь тому, что даже не достигшие бессмертия Источники способствовали такому приливу сил.

Только бы не потерять их теперь, когда все маги смирились со своей участью вымирающей расы бессмертных. Их находка стала поистине событием. Конечно, мы почувствовали силу и пошли на ее зов и, как в лучших традициях чародеев, ожидали ловушки. Но мы рассчитывали встретить древнего мага, который слоняется по миру в поисках магической поддержки, но уж точно не ожидали наткнуться на Источников.

Оказалось, что мы встретили наивных детей, которым чародеи запудрили мозги. Странно, что их не убили сразу, но самоуверенность ублюдков-чародеев их самих вскоре погубит. Если, конечно, Кремер сейчас не уничтожит Источников.

– Маркус! Алика! Гребанный ад! Она упала за борт! – Прокричала Элли, хотя разобрать ее крик через завесу ее защиты довольно сложно.

Продолжая пробиваться сквозь машины, чародеев и од-

новременно уворачиваясь от склянок, которыми нас щедро закидывали чародеи, я понял, что упустил из виду, каким образом Алика «покинула» баржу. Зато я четко осознал, что Кремер прыгнул в воду, вероятно, следом за ней, и сделал он это явно специально. Хорошая новость: Кремер больше не на борту нашего праздника жизни. Плохая – Алика ТО-ЖЕ! Источник в опасности! Ладно, оставим панику, необходимо собраться и выиграть очередную битву с чародеями. Секунд пять ушло на принятие решения: спасаем Ремиса, затем ищем Алику. Есть еще надежда, что, прыгнув в воду, Кремер не сразу найдет ее, а к моменту, когда мы покончим с оставшимися чародеями, мы все же успеем спасти еще и Алику.

Прикончив чародея, направлявшегося в сторону Ремиса, я развернулся и оценил картину: Дориус помог Ремису освободиться от серебряной сети, которую на него накинули, в то время как Элли защитным барьером отбивалась от серебряных пуль и склянок. Либо ублюдки не знают, какой силой обладает Элли, либо они безнадежно глупы. Барьер Элли в ее полной силе невозможно пробить! Магия воздуха! А с Источником на борту это вообще нереально.

Выставив руки перед собой, я направил через них всю силу, которую долго копил для подобной схватки (вчерашняя битва не в счет – там не было Кремера). Сила из рук потянулась к ближайшим трем чародеям, которые по глупости предпринимали нелепые попытки убить Ремиса и не посчи-

тали нужным обратить внимание на меня. Я стал вытягивать их жизнь, нисколько не заботясь, что впитываю в себя и их слабости. Похмелье будет недолгим, сомневаюсь, что эти уроды слишком древние. Стараюсь никогда не убивать кого бы то ни было с помощью силы вытягивания энергии, поскольку энергия смерти сильных бессмертных может надолго вывести меня из строя, тем более если речь идет о чародеях. Но этот случай явно входит в список исключений. Трое упали замертво, что отвлекло других. Этого вполне хватило Дориусу, чтобы помочь Ремису подняться, а также задвинуть его и Элли себе за спину. К чести этого пока еще недомага он тут же пришел в себя и присоединился к битве. Из арсенала мага, не достигшего бессмертия, он отлично владеет лишь телекинезом, зато злость и желание выжить явно творят чудеса. Пару чародеев он знатно придавил машиной, надеюсь, тем самым раздавил и их мерзкие пояса с зельями.

– Ремис, держись за нас и постарайся не высовываться.

Подбежав к Дориусу и Элли, я встал рядом. Теперь мы прикрывали Ремиса единой стеной. Не думаю, что с берега, куда мы уже хоть и не плыли, но все же ранее направлялись, кто-то мог нам угрожать и выстрелить в спину, за которой прятался Источник. Не люблю, когда спина не прикрыта, но основная опасность хоть сейчас и была где-то за бортом, все же эта кучка недобитых чародеев еще могла причинить вред Ремису, и потому прикрыть его собой – самое оптимальное решение.

– Трое справа – мои, а твои – те, что слева. Давай кончать их уже. – Как обычно, спокойно и невозмутимо, словно играя в покер, Дориус рулил парадом.

Обожаю этого парня. За последние лет двести он стал мне не просто другом, он стал моим братом. Всегда рядом, даже если физически мы далеко друг от друга. Я просто знаю, что у меня есть Дориус. Брат, друг, компаньон, защитник, тот, на кого я всегда могу рассчитывать и кому могу доверять даже в те минуты, когда сам в себе не особенно уверен.

– Отличный план, гексоген, – ухмыляясь, ответил я Дориусу.

Я точно знаю, что он ненавидит, когда я так его называю, но как не позлить его во время битвы с чародеями? Да, это то, что доктор прописал. В любой другой ситуации я не рискнул бы так с ним шутить, но на поле боя с Источником за спиной можно и потыкать дракона палкой. Он это тоже осознавал, поэтому сейчас ответом с его стороны было лишь раздраженное шипение.

– Мальчики, я прикрываю, вы убиваете – все, как обычно, но нам надо спешить, так что не растягивайте удовольствие! Алика отправилась в заплыв с Кремером, а сочетание понятий «заплыв» и «Кремер», не говоря уже об Источнике с Кремером, мне очень не нравится.

Элли, милая Элли! Ее щебетание порой меня выбешивает больше, чем обнаружение своей машины на штрафстоянке. Но ее присутствие в битвах необходимо как воздух, который

является ее родной стихией. Ее сила в блокировке заклятий, она как сам воздух обволакивает нас, создавая непробиваемый щит. Ее сила еще и в умении исцелять, она словно дарит жизненные силы, способна вдохнуть жизнь в раненого или даже умирающего. Это ее вторая способность, но не менее сильная, нежели создание блокировки и защиты. Кроме того, в повседневной жизни она умеет легко решать любые проблемы, вытаскивать из любого дерьма, в которое мы порой вляпываемся. Но это скорее ее личностные качества, а не магическая сила. Наш командир в юбке, за которым мы следуем не то чтобы покорно, но и не особо возражая.

– Элли, ты-то уж точно прикроешь. Только не отвлекайся на прическу, прошу тебя.

– ЧТО?!

Отлично! Теперь и Элли в бешенстве, у чародеев осталась лишь секунда до их смерти.

Я все-таки говнюк и признаю это.

Иииии... именно так: мысленное направление силы, легкий взмах руки, и я впитал всю жизненную силу трех чародеев, что стояли слева от меня, один за одним, один за одним... О, Дуфф-Кайден, благодарю тебя! Источник рядом – это все-таки мегакруто! А Дориус, почти играючи, весьма элегантно снес головы оставшимся. Бедные, у них не было ни единого шанса. Нет, шанс, конечно, был, но он сейчас где-то за бортом.

Фух, можно выдохнуть. Чародеи мертвы. Все. Ну почти

все. Надежды на то, что Кремер упал в воду и захлебнулся, мало. Но все-таки нас сейчас явное большинство. А еще мы живы. Хотя чему я удивляюсь? У нас теперь отличная команда!

– Алика! Алика!

Ремис бросился бегать по барже от одного борта к другому, всматриваясь в мутную воду реки. Учítывая, что с момента, как Алика упала в реку, прошло не более пяти минут, все же это весьма опасно. Вода слишком холодная, а в воду она упала явно не по своей воле, скорее всего после приличного чародейского удара. Остается лишь гадать: удар был физический или же это заклинания чародеев?

– Я ее не вижу, твою мать! Где она?

Я присоединился к Ремису в попытке разглядеть силуэт Алики на поверхности реки. Меня сильно встревожило, что я не ощущаю ее вибрации, но Ремису я об этом не сказал.

– Я не чувствую ее, – почти шепотом произнесла Элли, глядя на Ремиса. – Ремис, я ее не чувствую, остановись.

– Нет, она где-то там, я знаю. Помогите мне ее найти.

Ремис начал снимать ботинки, затем потянулся к штанам.

– Остановись.

Дориус схватил Ремиса за плечо.

– Ты ее не найдешь, вода слишком холодная, ты смертный, ты не сможешь долго находиться в воде. Остановись!

Мы с Элли подошли к Ремису, но он вырывался из рук Дориуса, рыскал глазами по водной глади и совершенно не

собирался нас слушать. Вот только отсутствие вибрации от Алики – Источника могло говорить только об одном – ее нет. Ее больше нет. Мы потеряли Источника. Не уберegli!

Кремер, будь ты проклят, сукин сын! Когда первая радость от победы на барже прошла, когда пришло понимание, что Алика не ощущается, ее сила утихла, ее нет, на смену эйфории пришла ярость. И я знаю, кого в этом винить. Кремер! Я найду тебя и уничтожу в миг, когда встречу, как только окажешься на расстоянии моего удара – ты умрешь! Слышишь, ублюдок?! Я готов был проорать эти слова во всеуслышание, но сдержался, чтобы не ухудшать состояние Ремиса.

– Посмотри на меня!

Элли мягко прислонила ладони к лицу Ремиса и повернула его так, чтобы их глаза встретились.

– Мне жаль, поверь, правда, жаль, но ее нет. Ее больше нет. Почувствуй, прислушайся. Ты ее брат и как никто из нас должен это понять. Ее больше нет.

– Пошла к черту, ведьма!

Нет, кажется, Ремис не готов смириться. И на этот раз Элли не справилась с ролью нашего компаса мира и согласия.

Но куда подевался Кремер? Утонуть он не мог. Да, чародей может утонуть, но потом он воскреснет, тело же целое, а значит, бессмертный воскреснет. Плюс к этому скорость, с которой чародеи воскресают. Нет. Что-то тут не так. Даже если он потерял сознание и упал в воду, захлебнулся и

утонул, то он уже должен воскреснуть, заскочить на баржу и всех нас тут порешить. Но его нет! Его тоже нет. И это очень сильно нервирует и заставляет о многом задуматься.

– Так, Ремис, нырять в ледяную воду – не вариант. Предлагаю взять себя в руки. Элли, душка, ты, конечно, умеешь успокаивать, но, признаюсь, даже меня твои слова сейчас нервируют. Алика исчезла, но, что более странно, исчез и Кремер. А значит, есть вероятность, что она жива.

На этих моих словах Ремис перестал вырываться из захвата Дориуса и Элли.

– Ты думаешь, что он использовал заклинание и теперь мы их не чувствуем? Не думаю, Маркус. Вряд ли зелье чародея способно заглушить Источника.

Дориус обладает железной логикой, но, как сейчас видно, она порой бывает не к месту.

– Знаю, но если поразмыслить, то все как-то не складывается.

Этими словами я привлек всеобщее внимание. Да неужели? Они готовы выслушать меня, даже когда я сам не совсем понимаю, о чем говорю!

– Сами подумайте...

Раз слушают, пусть слушают дальше.

– Кремер устраивает нам ловушку, затем практически в самом начале спектакля и до антракта покидает сцену. Он не мог не знать, что оставшаяся кучка балбесов нам не ровня, но все же предпочел кинуть своих явно на смерть и сли-

нять, нырнул в воду. Для чего? Алика смертная, и он знает об этом, она явно получила травму, то есть далеко не убежит, вернее, не уплывет.

Тут я засмеялся, да, признаю, порой я смеюсь не по делу. И когда больше никто не засмеялся, я продолжил:

– Тогда зачем сбегать? Зачем ему идти за Аликой вместо того, чтобы разобраться с нами, а затем тупо прикончить Источников? Один Источник за бортом, второй ему сейчас не страшен.

Ремис фыркнул, но, кажется, его разум победил битву с гордыней, и парень не стал мне перечить, во всяком случае вслух. Хотя вряд ли он уже понял, кто они такие с Аликой и что такое «Источник».

– Источник? – Спросил Ремис.

Ну, что я говорил? Не понял.

– Вы с Аликой – Источники.

Дориус, Дориус, да ты просто мастер объяснений. Горжусь тобой!

Брови Ремиса поползли вверх, он открыл рот, закрыл, открыл. Забавно так, прям как рыба на песке. Затем произнес:

– Источники – они не существуют... больше не существуют.

А парень быстро нашел способ снова связно строить предложения. Молодец, Ремис!

Дориус продолжил:

– Либо чародеи вас обучали не должным образом, либо

они действительно не думали, что вы проживете долго. Да, Ремис, ты и Алика – Источники. Живые, существуете и определенно не миф.

Пока Дориус говорил, Элли мягко водила рукой по груди Ремиса, все еще пытаюсь его успокоить.

– Как сказала Алика, она может управлять огнем, а на это способны лишь Источники. Ты ее брат, соответственно, тоже Источник. Сегодня в бою мы это почувствовали. Ты был рядом, моя сила, как и силы Элли и Маркуса, были значительно выше. Источник – это основа, связь всех магов и безграничная власть. Именно поэтому ваши родители прятались и прятали вас, именно поэтому, полагаю, за ними охотились и именно поэтому в конечном счете они погибли. Не знаю, кто именно был Источником: твои мать или отец, а может, оба, но вы с Аликой определенно унаследовали первородную силу магии. Такой магией обладают лишь прямые потомки Источников. Те, ком...

– Кому Дуфф-Кайден даровал часть себя и своей божественной силы, – закончил за Дориуса Ремис.

Видимо, все-таки чародеи их обучали.

– Именно! Так что не глупи. Я не позволю тебе рисковать собой и прыгать в воду. Ты еще смертный и можешь погибнуть.

– Мне плевать, кем ты нас считаешь, но, если ты думаешь, что я перестану искать сестру, то сильно ошибаешься!

Ремис отпихнул руку Элли от своей груди, но и раздевать-

ся дальше не стал. Отошел от нас и начал разглядывать место боя.

– Слушай, силу Алики невозможно заглушить зельем или заклинанием, но тот факт, что Кремер тоже пропал, вселяет надежду, что она еще жива.

Дориус подошел к Ремису в надежде его успокоить. И тут я, взглянув на реку, заметил, что вокруг баржи появились большие волны, но на это странное явление, похоже, никто, кроме меня, сейчас не обратил внимания.

– Поэтому вы пришли за нами? Мы вам нужны просто как зарядка для ваших сил?

– Нет, Ремис. Вспомни, когда мы появились, еще не догадывались, кто вы такие. Просто не хотели, чтобы чародеи использовали вас в своих играх.

Я даже удивился, когда Элли отключила свой режим глупой блондинки.

– Хотя я абсолютно уверена, что Маркусу не терпелось встретиться с Кремером и надрать ему задницу.

Режим блондинки снова включен. Все нормально.

Источники Источниками, но, начав ощущать слабость, которая всегда охватывает меня после использования силы вытяжения сил чародеев, я присел и прислонился к уцелевшей после схватки чужой машине (наша все же разрушена). Голова немного кружилась, и на меня накатила дикая усталость. Спорить и тем более успокаивать Ремиса у меня уже не было ни желания, ни сил. Кроме того, нам надо еще как-то до-

браться до берега, в наше укрытие.

На барже и корабле, который ее тащил, я насчитал троих человек. Они все еще находились под действием заклинаний, но вроде бы не пострадали. Не причинять вреда людям – это правило соблюдают все. Хотя маги и вампиры в меньшей степени. Вампиры потому, что люди для них – простой и быстрый источник питания, а маги... ну маги никогда особо ни о ком не заботились, кроме самих себя. Что значит человек или даже целая деревня людишек, если на кон поставлена жизнь мага? Из-за такой нелюбви к людям помимо остальных наших действий, которые не укладываются в кодекс чести других бессмертных, на нас ополчились и боги, и все остальные бессмертные. Акриты тоже из нашей «песочницы» – самые древние союзники магов. Людей акриты не убивают только потому, что живут в ином измерении и на Земле бывают крайне редко.

Дориус присел передо мной, всматриваясь в глаза.

– Хреново выглядишь. Был кто-то древний? – поинтересовался он. – Совсем плохо? Могу чем-то помочь?

– Нет, кажется, никаких древних чародеев не было, иначе слабость была бы сильнее и в чувства я приходил бы не меньше суток... Вытащи нас на берег, люди в коматозе, кораблем некому управлять, кроме тебя. Ну и не дай нашему Источнику храбро покончить со своей жизнью, – попросил я Дориуса.

– Боюсь, кораблем никто не сможет управлять, я промах-

нулся и, кажется, взорвал машинное отделение. Судя по дыму, корабль больше не на ходу.

Немного помолчав, Дориус продолжил:

– Будь сдержаннее с Ремисом. Да, чародеи их с Аликой обманули, но дай им шанс. Я все еще верю, что и Алика смогла уцелеть. Источники живы – это самое главное.

– Класс! Что будем делать? Только не говори, что ночевать на барже! Я хочу бренди, нашу хижину, душ и сладкий сон.

Я не стал спорить насчет Ремиса и Алики. Да, я был рад найти Источников живыми, но по-прежнему относился к ним настороженно, поскольку до недавнего времени они счастливо проживали и работали с чародеями.

Однако признаю – факт исчезновения Алики меня очень злил. Она напоминала мне о младшей сестре, которая исчезла прямо у меня из-под носа. Сколько бы я ни старался ее найти, скольких мне довелось убить, чтобы узнать хоть что-то о ее местонахождении или о том, как она погибла и кто именно виновен в ее смерти. Но результатов ноль! Вот был маг, а в следующую секунду его больше нет. Ни следов, ни весточки, ни малейшего намека, никаких сведений о ее судьбе.

Кремер, как же я тебя ненавижу! Всем своим существом я презираю тебя! Однажды у меня будет шанс тебя уничтожить, и я сделаю это! Ты будешь умирать медленно и мучительно!

– Не беспокойся, отдыхай, я что-нибудь придумаю, – ска-

зал Дориус, похлопав меня по плечу.

Он поднялся и пошел к Ремису, который стоял, низко опустив голову и уперевшись руками в ржавую цепь, служившую ограждением, чтобы случайно никто не свалился с баржи. Элли была рядом и что-то тихо ему говорила, иногда хихикая. Знаю, что Элли все понимала. Что возможная смерть Алики будет огромной потерей для нас. Но, как всегда, Элли показывала, что ничто не способно ее сломить. Провались хоть весь мир в ад, Элли останется стоять на своих стройных ножках и махать ручкой с шикарным маникюром этому миру, который летит в преисподнюю. Я никогда не видел, чтобы Элли проронила хоть одну слезинку. Зная ее столь же долго, как и Дориуса (мы много страдали, через многое прошли), с большей вероятностью увижу Дориуса, отбросившего свою холодную логику, танцующим на сцене ночного клуба со стриптизершей, чем Элли, утирающую слезы. Я ею восхищался, но ровно в те минуты, когда она меня не раздражала, а делала она это почти постоянно.

– Корабль сломан, мне нужна ваша помощь.

Элли обернулась, а вместе с ней и Ремис.

– Сдвинуть эту баржу возможно лишь силой телекинеза. Маркус вне игры, так что мы должны втроем.

– Ремис, ее тут нет, поверь мне. Но чем скорее мы выберемся на берег, тем быстрее найдем, где ее искать.

Ремис явно не спешил покидать реку, но лишь кротко кивнул, чему я обрадовался, раз он решил прекратить спор

и помочь моим друзьям.

– Что я должен делать?

– Просто стой рядом и положи свои руки мне и Элли на плечи.

– Что, я для вас всего лишь аккумулятор? Я не настолько беспомощный!

Мне кажется или Ремис хочет напасть на Дориуса?

– Ты еще смертный, но знаю, что, когда ты достигнешь бессмертия, я обзавидуюсь твоей силой! – Чуть ли не подпрыгнув от восхищения, ответила Элли. – Но ты прав, сейчас от тебя нам нужна лишь энергия Источника. Это очень грубо с нашей стороны, но, боюсь, твоя сила заморозки нам сейчас скорее помешает, чем поможет.

– Сила заморозки?

– Сделав выводы из того, что ты рассказал, я назвала твою силу заморозкой. Тебе нравится?

Кажется, Элли всерьез думала, что, давая названия силам магов и Источника, она вносит свою лепту в историю магии. Хотя по хмурому взгляду Ремиса нельзя сказать, что он доволен. Я его понимаю, этот парень еще не успел ознакомиться со всеми талантами Элли.

– Знаешь что, дамочка? Ты начинаешь меня бесить! – рывкнул Ремис, окинув раздраженным взглядом Элли с ног до головы.

О! Я, кажется, нашел себе нового друга!

– Пойдемте, надо уходить, – сообщил Дориус командным

тоном, дабы пресечь все дальнейшие споры.

Троица подошла к задней части баржи. Мне лишь оставалось ждать, сейчас я был слабее младенца.

Как часто я проклинал эту уязвимость магов – наша сила не бесконечна, мы, как батареи: можем заряжаться, но точно так же иссякаем. Все зависит от того, как и в каких обстоятельствах использовать магию. Это похоже на игру в шахматы: перед каждой игрой необходимо изучить противника и четко продумать варианты, стратегию, иначе до исхода битвы сил может не хватить. Однако при наличии Источника рядом силы магов практически не истощаются. Неужели маги смогут возродиться?

О, великий Дуфф-Кайден! Пусть Ремис не будет пешкой чародеев, пусть он и Алика будут даром, посланным нам свыше. Если она жива, я отдам свою душу, только бы вернуть ее к магам. На этих молитвах я погрузился в темноту, но сделал это с улыбкой на устах. Не помню, чтобы за последние десятилетия я со спокойной душой погружался в темноту.

Глава 10

Нахмурившись, я продолжала глупо пялиться на Кремера в тщетной попытке переварить его слова. Фейсал! Бог правосудия. Говорят, жизнь у него не сахар, но именно он стоит во главе суда над всеми душами, которые попадают к нему. А это не только души умерших простых людей, но и души бессмертных – всех, кто желает справедливого суда. А также тех, кто призван туда вопреки своему желанию.

Смертные и бессмертные, все, кто хочет жизни после смерти, кто верит в справедливый суд всей своей жизни, попадают к нему. Те, кто об этом не задумывается, просто попадают в потусторонний мир прямиком в руки Хафисвальда, или некий ад, как его называют люди.

– Ты хочешь сказать, что мы попали на суд к Фейсалу?

В этот момент я перевела свой взгляд на огонь, который освещал пещеру.

– Мы попали к вратам Фейсала, да. Но вот на суд к нему я не спешу.

Мне показалось, что Кремер был не то чтобы испуган, но ситуация явно заставляла его нервничать.

– Теперь я понимаю, почему не сработал кристалл с телепортом. Из этого места никто не сможет сбежать, используя другой портал.

– Но мы же не умерли? Ведь так?

Я начала ощупывать себя, пытаюсь найти подтверждение своим словам. Вроде бы все как обычно, и нет оснований подозревать, что мы уже трупы. После беглого осмотра себя и Кремера я вернула взор на огненный шар.

– Мы определенно не умерли, но попали в один из множества порталов, ведущих к Фейсалу.

– Зачем ему порталы? Ведь к Фейсалу попадают, когда умирают, и только те, кто верит в суд богов.

– Не только. Раньше, много тысячелетий тому назад к нему обращались за справедливым судом, когда еще бессмертные не были в состоянии войны. Да, портал создан лишь для бессмертных, смертные к нему попадают после смерти, но бессмертные могли оказаться у его милости по своей воле и при жизни. Именно бессмертные всех рас обращались напрямую к Фейсалу, чтобы разрешить конфликты между фракциями. Но спустя какое-то время... – тут он замолчал, пытаясь подобрать слова.

– ...маги решили вершить свое «правосудие» и провозгласили себя главными бессмертными, – закончила я за Кремера.

– Точно! Тогда не будем тратить время на экскурс в историю и сосредоточимся на решении насущных проблем. А я думаю, у нас огромная проблема: не хочу проходить через этот портал, но, кажется, что иным способом нам отсюда не выбраться. Если, конечно, ты не обнаружила в себе силы, ко-

которые способны помочь нам проплыть огромное расстояние под водой в поисках иного выхода.

Да, я определенно обратила внимание на слово «нам», то есть он надеется, что я в состоянии помочь? Ему? Кремеру?! Я?!

Он же тем временем, совершенно не напрягаясь, продолжал удерживать с помощью своей силы мой огненный шар. К моему огню, к моей силе, которая не позволяет нам заблудиться, Кремер не испытывает никакого трепета, относится к огненному шару у потолка, как к свечке в темном коридоре.

К моему огню я уже успела в какой-то степени привыкнуть сама и даже рассмотреть его со всех сторон. Но почему к нему так равнодушен Кремер? Да, моя сила, которая сейчас удерживается в руках чародея, не похожа на обычный огонь, он перламутровый с яркими венами, по которым течет энергия. Переливающийся сосуд округлой формы, вмещающий в себя нечто самое прекрасное во всей вселенной, – огонь, ослепительный и завораживающий, приковывающий взгляд. Но, возможно, столь прекрасен он только для меня, я никогда не видела огонь, который был бы более величественным и впечатляющим. От красно-оранжевого света исходит обволакивающее тепло, к которому хочется приблизиться и от которого практически нет дыма, да и аромат скорее озона, а не гари, как от костра или свечки.

Меня магнитом тянуло к пламени, как в детстве. Слов-

но зачарованная или загипнотизированная я была не в силах отвести взгляд в сторону, а от мысли, что это моих рук дело, становилось уютно, как будто я после длительного путешествия вернулась в родной дом и опустила утомленное тело к уютному и теплomu местечку в доме – к камину. Удивительно, но какой-то маленький шар огня полностью изменил мои эмоции. Не было тупой ярости, нервозности, вместо этого спокойствие, полностью исчез страх нахождения в замкнутом пространстве с тем, кто желает моей смерти.

Впервые в жизни я почувствовала, что могу сама контролировать свою жизнь. И это было невероятным, доселе не известным мне чувством.

Я бы сейчас хотела нам помочь, но не представляю, как это сделать. Мне вдруг стало абсолютно наплевать, что обо мне подумают Кремер, Ремис, маги, даже сам ДUFF-Кайден, несмотря на то, что он мой прародитель.

– Ты думаешь, что пройти в портал Фейсала – это очень плохо?

– Плохо? Знал я одного бессмертного, который вернулся после его суда. Поверь мне – это последнее, что ты захочешь познать и через что пожелаешь пройти. По легендам у каждого, кто оказывается у порога к portalу, остается лишь два пути: передумать и уйти или очутиться прямо у Фейсала. Только вот передумать и уйти – это явно не наш вариант, учитывая, что дышать под водой мы не можем.

– Не только дышать, перемещаться под водой мы тоже не

можем, так что у нас не остается иного пути.

– Ты как-то слишком спокойна. Еще недавно ты кричала, как банши¹, и готова была утонуть, а теперь осмелела?

Тут он, вероятно, заметил, что я неотрывно смотрю на шар, и замолчал. На какое-то время в пещере воцарилась тишина. Кремер начал медленно приближать мой огонь ближе и в итоге придвинул его ко мне так, что теперь огонь был между нами. За это я была безумно благодарна чародею, этот жест с его стороны был неожиданным проявлением понимания. Он словно прочитал мои мысли и почувствовал мою тягу к огню. Разве чародеи могут понять, чего жаждут маги? А разве я сама знаю, чего жажду? Как давно я узнала, что являюсь магом? Только вчера. Но свою любовь к огню ощущала с пеленок. Сколько себя помню, столько была влюблена в этот опасный, яркий и теплый очаг жизни и смерти одновременно. Огонь может подарить жизнь, но может жестоко эту самую жизнь и отобрать. Двойственность: жизнь и смерть, яркость огня и серость пепла. Что более прекрасно? Как выбрать то, что привлекает в этом огне больше всего? Невозможность сделать выбор завораживает. Я люблю огонь за его многогранность. Это немислимо, но, даже не подозревая, что могу управлять огненной стихией, задолго до того, как впервые из моей руки появился огонь, я уже боготвори-

¹ Банши – женщина из ирландского фольклора. Считалась разновидностью фей. Может принимать различные облики – от старухи до красавицы. Когда кто-то оплакивает, издает пронзительные вопли, которые являются смесью криков птиц, детей, волчьего воя.

ла эту стихию, мысленно приклоняясь перед ней.

– Думаю, ты можешь смело его коснуться, тебе он явно не причинит вреда.

– Я знаю, – вдруг выпалила я, хотя понятия не имела, откуда я это знаю.

Но это самое дорогое, что у меня есть, нечто, неразрывно связанное со мной, моя душа. Я протянула руку и нежно, словно маленькую птичку, погладила шар подушечками пальцев. Он тут же оживился, начал менять форму, это заставило меня улыбнуться.

Играю с огнем, глажу его, готовая заплакать от всепоглощающего удовольствия.

– Смотри, он, как довольный кот, так и жди, что сейчас замурлычет от того, что его гладят и чешут за ушком.

– Ты ведь никогда не видела силу своей магии, верно? – Еле слышно спросил Кремер.

С трудом оторвав от шара свой взор, я перевела его на Кремера. Как же тесно он ко мне прижался! Он держал мой собственный огонь, как заклинатель змей дудочку, позволяя мне вдоволь им налюбоваться. И в этот момент я не понимала, кем сильнее хочу любоваться – Кремером или моим огнем.

– Нет, я первый раз так близко к огню, и меня это совсем не пугает, скорее, наоборот, мне кажется, я там, где должна быть.

Кремер резко втянул воздух, но ничего не ответил. Я при-

двинулась к шару, почти касаясь его подбородком (мне захотелось прижаться к нему щекой), мягко обхватила запястье Кремера и притянула его руку, удерживающую огонь, еще ближе. Единственное, чего я сейчас боялась, так этого того, что Кремер отдернет руку. К счастью, он этого не сделал. Я продолжала смотреть на Кремера и притягивать его руку, держащую мою силу, и вскоре шар коснулся моей щеки. Невольно я всхлипнула.

Ощущения были такие, как если бы кто-то нежно провел перышком по лицу. А если учесть, что я буквально тонула в объятиях Кремера, меня начали переполнять эмоции. На какое-то мгновение я осознала, каково это – почувствовать вкус рая. Ощущение правильности происходящего, как если бы я нашла свое место в этой жизни.

Необычайно красивые глаза Кремера, его дыхание, запах озона, смешанного с ароматом мужчины, его близость – все это заставляло меня настолько позабыть обо всем, что второй рукой я потянулась к лицу чародея, но в последний момент передумала... лишь для того, чтобы потянуться к его взлохмаченным волосам. Они были влажными, но необычайно мягкими. Обхватив двумя пальчиками прядь его волос, я немного потянула ее к себе. Он не сопротивлялся и молча смотрел мне прямо в глаза, будто что-то хотел сказать, но по какой-то причине молчал. Наклонив голову, следуя за моими пальцами, тянувшими прядь его волос, он слегка приоткрыл рот и облизал губы. Это заставило меня отвлечься от

его глаз и проследить за движением его языка.

Внутри меня что-то явно стало зарождаться. Дрожь? Нет, скорее предвкушение. Я придвинулась еще ближе, теперь нас разделял только огонь, который касался моей груди, в то время как Кремер старался не прикасаться к нему.

– Ты можешь прикоснуться? – Спросила я тихо.

– К чему?

Кремер переместил свой взгляд к моим губам.

– К огню.

Мне хотелось сказать иное, до боли хотелось попросить его прикоснуться к моим губам.

– Я не хочу, чтобы ты боялся.

Кремер перевел взгляд от меня к шару и обратно. Затем слегка прищурился и ответил:

– С чего ты взяла, что я тебя боюсь? Девочка, меня сложно напугать, предпочитаю сам наводить страх.

Да, но по какой-то странной причине мне тоже больше не страшно.

– Ты хочешь меня напугать?

Я продолжала гладить его необыкновенные волосы, накручивая на пальчик прядки.

– Я не играю в игры, Алика, запомни это. А если и играю, то лишь по моим правилам и на моих условиях.

Его слова явно противоречили голосу и движениям. Кремер отодвинул ногу в сторону, чтобы приблизиться ко мне максимально плотно, затем прислонил колено к моему бед-

ру. Так мои ноги оказались зажатými его сильными ногами. Прислониться к его груди мешал только огонь, который Кремер продолжал держать с помощью телекинеза. Шар прикасался ко мне, но не к нему.

– Я тоже не хочу играть. Но разве мы сейчас делаем то, чего действительно хотим?

Я начала наклонять голову в его направлении. Желание прикоснуться к его губам своими стало непреодолимым. То ли близкая смерть заставляет нас забыть о прежних несущественных страхах и неуверенности в себе, то ли действительно страх исчез вместе с проявлением моей силы. Еще вчера я бы не посмела так откровенно желать Кремера и не бояться этого озвучить. Но сейчас я хочу заполучить то, чего желаю больше всего.

– Я знаю, чего хочу, во всяком случае сейчас, – прошептала я, глядя на губы Кремера.

Кремер не ответил, но тоже стал склонять голову ко мне. Я уже ощущала его дыхание на своих губах, медленное и размеренное с запахом корицы и озона. Наши глаза встретились. Я не видела в его взгляде отвращения, которого так раньше боялась. Мне показалось, что он хотел того же, чего и я. Он чуть прикрыл веки, немного задержал дыхание. Готовая встретить его губы, я наклонилась к нему еще чуть ближе и, приоткрыв рот, попыталась его поцеловать. Я уже готова была вкусить его приятное дыхание вместе с его губами, которые кажутся очень жесткими и в то же время слад-

кими, а озон лишь добавлял... черт, ОЗОН...

– Аааааа... твою мать!

Кремер откинул шар и с силой оттолкнул меня.

Прежде чем шар упал в воду, я увидела, что Кремер тоже направляется к воде. Судя по его разъяренному лицу, падать туда он не хотел. В момент, когда шар коснулся воды, послышалось шипение, звук которого быстро перекрыли проклятья Кремера. Он что-то кричал, как я понимаю, на норвежском. Этот язык я понимаю плохо, но слова *helvetet* (черт) и *häxa* (ведьма) разобрала четко.

– Ты это специально? – Кремер буквально зарычал на меня.

– Что? Что случилось?

Несмотря на то что мой шар упал в воду и погас, Кремер (и тут я пришла в ужас) горел, и даже вода не могла погасить огонь.

– Я горю! – закричал Кремер.

Его крик отражался от стен, стал поистине пробирающим все мое существо.

– Погаси огонь или, я клянусь, ты даже до суда Фейсала не доживешь!!!

Я готова была прыгнуть к нему и начать тушить огонь, хоть и не понимала, как именно это сделать. Если вода не способна, то что же *Я* могу сделать?

– Как? Почему ты горишь!

Я все-таки бросилась в воду и поплыла. Несмотря на то

что Кремер сейчас выглядел, как зверь, загнанный в угол, мне отчаянно хотелось ему помочь. Он горел, испытывая ужасную боль. Он отчаянно хлопал себя по груди, но огонь продолжал прожигать ее. В воздухе витал запах горелой плоти. Боже, Кремер горит, он горит из-за меня!

– Потуши огонь, сука!

Так меня еще никто не называл, эта фраза подействовала на меня как пощечина.

– Я не знаю, КАК! – Закричала я в ответ и принялась хлопать Кремера по груди, что вызвало в нем дополнительную ярость.

– Что ты делаешь? Забери огонь! Как вызвала, так и забери!!!

Он продолжал бесполезные попытки затушить огонь, захлебываясь в воде. Мне было невыносимо смотреть, как он страдал, но я просто не понимала, как именно справиться с подобной ситуацией. Еще совсем недавно я мечтала научиться вызывать огонь, а теперь я больше всего хочу этот самый огонь задавить, потушить, уничтожить!

– Скажи, КАК! Скажи, ЧТО я должна сделать?

И тут я почувствовала, как во мне словно что-то взорвалось. Я перестала хлопать по груди Кремера и посмотрела на свои руки. Мои собственные ладони стали казаться мне чужими, пальцы покалывало, но внутри тела разливалось тепло. Если бы не ужасные обстоятельства, я бы сказала, что ощущения весьма приятные.

– Забери... не знаю... ПРОШУ... ТЕБЯ!

Слова Кремера, прозвучавшие как мольба, быстро меня отрезвили и, я даже бы сказала, встряхнули. Где-то я подобное уже слышала. Эти слова, эти самые слова и похожий крик. Папа. Мой папа когда-то тоже так кричал. Я вновь посмотрела на свои руки, затем на Кремера, во мне что-то переключилось или, быть может, сломалось, мое тело вдруг перестало что-либо чувствовать. Я растворилась в пространстве, не понимая, где сейчас нахожусь. То есть мысленно я была тут, но физические ощущения просто исчезли, вместо этого появилось лишь желание защитить Кремера. Защитить любой ценой. Я не хочу больше слышать таких слов, не могу терпеть подобное отчаянье, такую боль!

Я отплыла от Кремера примерно на метр. Жутко, но его горящее заживо тело давало отличное освещение в пещере. Вдохнув побольше воздуха и медленно выдохнув, я перестала обращать внимание на проклятья Кремера, вместо этого сосредоточилась на своих руках, которые протянула в его сторону. Представляя, какой приятный на ощупь огонь, как он нежно ласкает мои пальцы, я захотела, чтобы эти ощущения вернулись ко мне. Огонь должен повиноваться мне. Повернув ладошку вверх, я как бы поманила пальчиком пламя, как бы попросив вернуться ко мне, вернуться ДОМОЙ.

Мимолетное движение указательным пальцем, и огонь стал отступать от Кремера и медленно, в виде тонкой струйки, как стройная молния, двигался ко мне. Когда он коснул-

ся подушечки указательного пальца, тут же стал проникать глубже мне в руку, распространяясь теплом по всему телу. Дрожь по коже, как будто после того, как сильно замерзла, вдруг плюхаешься в кровать под пушистое и теплое одеяло. Когда же последний всполох огня исчез во мне, пещера погрузилась в кромешную тьму. Еще какой-то час назад меня бы это смутило, но теперь во мне невероятная сила, и я не понимаю, почему когда-то могла испытывать страх.

Меня окружала темнота, сквозь которую пробивалось тяжелое, прерывистое дыхание чародея.

– Кремер! Ты как?

Глупый вопрос, конечно, учитывая, что он только что горел.

– За каким чертом ты это сделала? Ты заплатишься за это, даже не сомневайся! – Взревел Кремер, но мне послышалось в этом реве больше спокойствия и сарказма, чем злости.

– Да что я сделала? Мы сидели, а потом ты упал в воду и загорелся. Я-то тут при чем?

Я пыталась найти оправдания своим силам и с треском провалилась.

– Хочешь сказать, что не пыталась меня отвлечь, чтобы загнать в меня свой мерзкий огонь?

Ох, теперь я слышала не только сарказм, и, если не злость, то раздражение явно читалось.

Но заявить подобное? Мерзкий огонь? Он серьезно? Хотя в его голосе не было и намек на шутку. Он правда думал,

что все это было специально? Не знаю, что меня расстроило больше: то ли то, что он назвал мой огонь мерзким, то ли то, что я специально пыталась сжечь его заживо, но перед этим явно заигрывала с ним.

– Не знаю, что ты там себе напри...

Меня прервал шум забурлившей воды. Я вновь сидела на ступеньке в скале, но вода стала столь стремительно подниматься, и если до этого она доходила до лодыжек, то теперь уже была на уровне груди. Вода не просто поднималась, она бушевала мощными волнами, и с каждой секундой ее сила возрастала.

Потоком меня легко скинуло с выступа, и вот я уже барахтаюсь в воде, пытаюсь сделать хотя бы один глоток воздуха. Попыталась закричать и одновременно найти Кремера, хотелось схватиться за него, как за спасительную соломинку. Он однажды уже спас меня от утопления, может, и сейчас повеет, и я выживу благодаря ему. Но он молчал и не спешил ко мне на помощь, а я не знала, в какую сторону тянуться, чтобы уцепиться за сильное тело чародея.

Пещера сотряслась, откуда-то снизу взметнулся мощный порыв воздуха, который подкинул меня над водой, и, когда я уже решила, что сейчас шлепнусь обратно в воду, тем же мощным порывом меня подбросило к самому своду пещеры. Вода поглощала собой каждый сантиметр пещеры до тех пор, пока я не уперлась головой в потолок.

– Кремер, прошу тебя!

Страх вернулся. Не знаю, что он задумал, пытаюсь отомстить мне за огонь. Судя по всему, решил меня утопить. Умом я понимала, что чародеи на такое не способны, но мои надпочечники и адреналин в крови заверяли меня в обратном. Я задрала голову так, что губы прислонились к своду пещеры, я начала жадно глотать остатки воздуха, но вскоре и этого стало недостаточно. В полнейшей темноте погруженной в воду мне только и оставалось, что принять свою участь. Вероятно, Кремер все же применил какое-то заклинание. Я продолжала думать о том, что это дело рук мстительного чародея. Но кто может рассуждать в такой ситуации здраво?

Когда я уже было решила, что мне конец, вода вдруг исчезла. В одно мгновение! Дыши – не хочу. А еще лети куда-то вниз!

Сила притяжения жестко приземлила меня, вернее, уронила на острые камни, беспощадные и смертельно опасные. Открыв глаза после падения, я не могла даже захныкать, настолько мне было больно. Еще секунду назад я мечтала вдохнуть полной грудью, а теперь мечтаю никогда больше не дышать. Я приложилась о камни всей своей правой стороной, и, если не могу дышать, значит, ребра мои пострадали сильнее всего. Но и руку я совсем не чувствовала, она торчала, криво изогнутая, наполовину прикрытая моим телом. Не надо быть травматологом, чтобы понять: если я и не лишилась руки, то она катастрофически повреждена.

Я попыталась приподняться, и тут же резкая боль прон-

зила все мое тело. Боги всемогущие! Минимум рука и ребра перемелены в муку. Во рту чувствовался металлический привкус крови. Лицо и правая щека тоже не миновали встречи с негостеприимной поверхностью. Казалось, что я не могу даже пошевелить губами. Я отбросила попытки подняться, было слишком больно, но смогла приподнять голову и мгновенно пожалела об этом. Третий удар в голову за последние сутки, кажется, это предел для меня. Немыслимое головокружение, силы меня покидали, странно, что я еще в сознании. Когда болевой шок спал, я поняла, что на сей раз мне не выкарабкаться – травмы очень серьезные для того, кто еще не достиг бессмертия. Краем уже наполовину заплывшего глаза я увидела, что Кремер лежит неподалеку, а его взгляд не обещает мне ничего, кроме смерти. Моей смерти. Опять.

– Я просил тебя остановиться! Ты правда думаешь, что можешь вот так легко меня убить?

– Это не я! Пожалуйста, Кремер, помоги мне... это не я! Мне было невыносимо больно, и все, что я могла, – это лежать неподвижно и хныкать, сил не было даже зарыдать, хотя слезы без моего ведома стали наполнять глаза. Видимо, когда испытываешь такую непереносимую боль, некоторые реакции организма просто не поддаются контролю.

– Второй раз я не куплюсь на это! Предупреждал тебя: не играть со мной, глупый маг!

Я не играю с тобой, Кремер, не играю! Но сказать это

вслух уже не могла. Кровь заполнила мой рот, и, чтобы сплюнуть ее и откашляться, мне необходим воздух, но при вдохе ребра яростно протестовали.

Я умираю, действительно умираю. Ремис! Мои последние связные мысли были направлены именно к нему.

Кремер встал на колени и присел на пятки, стараясь перевернуть меня на спину, чем вызвал волну пронизывающей боли. Я попыталась закричать, но получились только хриплые попытки протеста, после чего мир уже который раз за последние сутки померк.

Глава 11

В полубредовом состоянии, медленно приходя в себя, я ощутила приятный аромат готовящейся еды. Облизав губы и проглотив комок в горле, я постаралась открыть глаза. Могу точно сказать, что на сей раз пробуждение было самым тяжелым за последнее время, зато для взора самым приятным. Кремер был одет лишь в брюки, его прекрасное тело подсвечивалось пламенем костра, у которого он сидел и что-то переворачивал над огнем.

Он не заметил моего пробуждения, поэтому у меня еще было какое-то время понаблюдать за ним и его действиями. Я ощущала себя вуайеристом, хотя в его действиях не было ничего запретного, за чем стоило бы подглядывать, но я получала странное удовольствие от того, что все его защитные барьеры опущены и Кремер не знает, что за ним наблюдают.

Мой взгляд, как обычно, переключился на огонь. Костер был небольшой, но для приготовления пищи в самый раз, находиться рядом с ним было очень тепло и уютно. Я не поняла, что именно мужчина на нем готовил, но вид еды, Кремера и огня, да, именно в такой последовательности, – все это медленно, но верно возвращало меня к жизни. Ясность в глазах проявилась в большей степени, и тут я осознала, что уже не испытываю той жуткой боли, которая заставила меня

вырубиться третий раз за последние сутки.

Но разве это возможно? Смертные не могут так быстро восстанавливаться, если им, конечно, не помогут лекари, зелья или специальные заклинания.

– Я чувствую себя лучше, если тебе это интересно.

Мой голос был хриплым, не знакомым мне, но чародей меня услышал и обернулся.

– Знаю, влил тебе в рот почти весь свой запас зелья исцеления.

Значит, это все-таки его зелье мне помогло. Странно, что не его заклинания или чары, которыми владеют чародеи, сильные чародеи, а Кремер именно из таких.

Но зачем ему понадобилось тратить на меня зелья и исцелять вместо того, чтобы просто позволить умереть? Ведь из пещеры мы выбрались, и при этом я остаюсь магом – врагом чародея. Кроме того, произошло это после того, как он минуты три горел от моей магии. Последнее, что я помню, – это его ярость, направленную на меня. Почему он позволил мне выжить?

– Зачем? Последнее, что помню, – это твое обещание мне отомстить. Прежде чем ты вернешься к убийственным планам, в свое оправдание скажу, что не хотела причинить тебе вреда, я еще не знаю, на что способен мой огонь, и, как ты уже понял, не владею им в полной мере и не контролирую свою силу.

Кремер поднялся на ноги, обошел костер, даже не взгля-

нув в мою сторону. Он принялся всматриваться в землю, что-то выискивая. Я не решилась продолжить разговор и дать на него. Да и что тут добавишь? Мне не за что извиняться, в конце концов именно я пострадала в той пещере больше всех. Он сейчас выглядит вполне здоровым, никаких следов ожога, а мои силы, несмотря на зелье одного из сильнейших чародеев, все еще ко мне в полной мере не вернулись. Хотя за зелье все же весьма признательна. Учитывая, что мы находимся неизвестно где и непонятно, когда выберемся отсюда, хранить и бережно относиться к запасу зелий в подобных экстремальных походах, если так можно сказать, – самое святое и жизненно необходимое для чародея. И все же он потратился на мое благополучие. Мой оптимизм начал заверять меня в том, что я ему хотя бы немного небезразлична, но хмурый взгляд Кремера быстро вернул меня к реальности.

– Вспылил, не каждый день горишь заживо. Не желал тебя убивать, но, если это повторится, поверь, в следующий раз я использую иные зелья.

Подобрав с земли несколько небольших веток, Кремер вернулся к костру.

– Как ты себя чувствуешь? Тело должно было уже исцелиться, но тебе надо поесть и отдохнуть, чтобы полностью прийти в себя. И мне небезразлично, как ты себя чувствуешь. Мы в Эвладии, так что, если срочно не найдем способ, как покинуть эти земли, нам вскоре предстоит суд Фейсала.

Разломав ветки, Кремер начал подкидывать их в огонь, который ответил любезностью на подобные подношения: увеличился в размере и стал ярче.

– То есть ты говоришь, что мы прошли сквозь портал на суд Фейсала? И суда, насколько понимаю, нам не избежать, но ты все же надеешься каким-то чудесным образом сбежать отсюда?

В желании получше рассмотреть Эвладию, о которой столько слышала, но никогда не желала посетить это место, я немного приподнялась на локтях, встать или даже сесть пока еще не решалась.

Мы находились на мягкой зеленой траве, хотя я помню, что упали на камни. Вероятно, Кремер перенес меня в иное место. Повсюду открывался удивительный вид: бледно-розовое небо, солнца или луны нет, но все вокруг освещается довольно ярко, при этом свет совсем не слепит. Воздух насыщен приятным неизвестным ароматом, может быть, каких-то цветов. Какая-то смесь цитрусовых, ванили и морского бриза. Деревья странной формы: из земли растут сразу густые ветки с листьями, затем плавно сужаются к середине ствола, а вверху, словно приобретя новую силу, расширяются, что делает их еще прекраснее. А уже у самой вершины дерева необычайной красоты цветок как итог жизни дерева, его судьба и предзнаменование. Листья и цветы различных расцветок и форм. Это от них такой приятный аромат? Когда смогу подняться на ноги, обязательно исследую

эту красоту. Как такое прекрасное место может быть связано со всеми ужасами, которые бессмертные описывают в книгах? Вдруг все не так уж и страшно? Окружающая красота вызывает только трепет и восхищение, никакой тревоги. А что если Кремер ошибается, и мы не в Эвладии?

Осмелев от окружающей красоты и вдыхаемых ароматов, я уселась в позу лотоса и прислушалась к ощущениям тела. Нет, головокружения не было, слабость еще присутствовала, но скорее от голода, нежели от жесткого падения. Могу признать: исцеляющее зелье Кремера – фантастика. А вот мой вид в целом явно оставлял желать лучшего. Мои вещи потеряли вид из-за вынужденной стирки в соленой воде, а затем сушки у костра, но я была рада уже тому, что они хотя бы сухие. Страхивая землю и траву с себя, я наткнулась на то, что служило мне подушкой. Футболка чародея, в которую он завернул траву и листья. Это так мило! Ему не все равно, как я себя чувствую, как исцелялась. Он попытался создать мне комфортную обстановку! И я не принимаю желаемое за действительное! Зачем ему так ухаживать за мной? Я аккуратно отряхнула футболку от травы и листьев и протянула Кремеру.

Он с хмурым видом, словно недоволен моим жестом, взял футболку, встряхнул ее посильнее и надел на свое прекрасное тело. Внутренне я отругала себя за столь поспешное решение – теперь я не могу наслаждаться видом его красивого и накачанного торса.

– Я по-прежнему не спешу попасть на суд к Фейсалу, – сказал он. – Мой план состоит в том, чтобы отыскать на этой земле тех, кто сможет нас телепортировать, и уже все равно куда, лишь бы как можно дальше отсюда.

Помедлив, он продолжил:

– Хочу, чтобы ты скорее восстановилась, нам понадобится объединить усилия, чтобы выжить и сбежать. Неизвестно, кто тут может находиться, кто еще попал на суд к Фейсалу, запас моих зелий не безграничен, а надеяться на то, что нужные заклинания и чары я смогу использовать вовремя и к месту, наивно.

– Мне надо только поесть и попить. Думаю, после этого можешь на меня рассчитывать.

Вероятно, мое бахвальство было неуместным, но я больше пыталась приободрить себя, чем произвести впечатление на него.

– Хорошо, еда скоро будет готова. Это какой-то неведомый мне зверек, но я применил к нему чары, как и к воде, которую нашел, так что вреда не будет. Мне как бессмертному это не навредило бы и без чар, но с твоим смертным телом, да еще и после ран, решил не рисковать. Так что теперь пить и есть это можешь смело.

– Спасибо.

Что еще добавить? Он оказывает помощь мне, потому что пытается выжить и как любой чародей делает все возможное и невозможное, чтобы добиться своей цели, ставя ловушки,

приманивая врага, или же действительно проявляет ко мне заботу и хочет, чтобы мы вместе выбрались из Эвладии?

Я молча продолжила наблюдать за размеренными движениями Кремера, за тем, как свет и тени играли на лице мужчины. А когда он поворачивался в мою сторону, мне казалось, что его глаза становились неестественно яркими от огня. Это ненадолго отвлекало мои мысли о нашем выживании.

Как мне его заинтересовать? Ладно, это не тот вопрос, который должен меня сейчас волновать. Мне следует сосредоточиться на выживании!

Но тщетно. Как бы мне ни хотелось вернуться в реальность, все мысли крутятся вокруг этого наемника. Я стала стряхивать с себя уже несуществующие листья и землю, это было нервное, таким образом я пыталась стряхнуть с себя ненужные мысли. Что может сейчас нас объединить? Желание выжить? Желание выбраться отсюда? За то недолгое время, что мы пробыли вместе, доверия между нами не прибавилось. Может быть, он просто использует меня? Хотя кого я обманываю? Он единственный, кто сейчас может мне помочь, моих способностей хватит лишь на то, чтобы осветить комнату, когда мы станем готовить ужин. Тогда с чего вдруг Кремеру мне помогать? Суд Фейсала? Да, читала об этом, решения Фейсала действительно непредсказуемые. Его понятия о справедливости значительно отличаются от общепризнанных. Кроме того, он не страдает комплексами либе-

ральных ценностей и вовсе не против применения смертной казни.

Неожиданно мне в голову пришла разумная идея.

– Ты пробовал использовать телепорт?

Кристаллы телепорта могут помочь, и, надеюсь, у Кремера такие есть.

– Да, уже потратил три кристалла, но так просто из этого места не сбежать, – ответил наемник.

Он мне уже предложил идею найти того, кто сможет телепортироваться. Есть такие бессмертные, кто способен без помощи кристаллов или телепортов исчезать и появляться в других измерениях и на других территориях.

– Не хочу показаться занудой, но с чего ты уверен, что мы найдем тех, кто поможет нам телепортироваться? Раз кристаллы не действуют, может, из этих мест вообще нереально телепортироваться? Думаешь, суд неизбежен?

– Я приложу максимум усилий, чтобы его избежать.

Кремер взял большой толстый лист бурого цвета, больше похожий на поднос, положил на него еду, или, как он это назвал, «неведомого зверька», и протянул мне.

Стараясь не набрасываться на пищу, я осторожно взяла предложенный Кремером ужин. Сложно было устоять перед ароматом и не вцепиться мертвой хваткой питбуля в тушку несчастного животного. Но, проявив сдержанность и хорошие манеры, я лишь слегка придвинула ближе к себе ужин, вдохнула поглубже аппетитный запах и поблагодарила чаро-

дея:

– Мммм, спасибо, пахнет великолепно.

Запах действительно был божественный и, уже не имея сил сопротивляться, распрощавшись со всеми известными мне манерами поведения за столом в приличном обществе, я жадно впилась зубами в тушку и начала жевать. Как только это нечто, ранее обещавшее райское наслаждение для вкусовых рецепторов, попало мне в рот, это вызвало только одно желание – плюнуть повару в лицо!

– Что за дер... ужас?!

Прокашлявшись, я выплюнула эту не оправдавшую надежды часть ужина.

– Согласен, дерьмо! – Спокойно отреагировав на мою реплику, Кремер продолжал откусывать и жевать как ни в чем не бывало. – Но ты должна это съесть, другого нет, а силы нам нужны.

Не могу не согласиться с его логикой. Кроме того, голод давал о себе знать, и как бы противно ни было, еще немного помедлив и поразмыслив над имеющимися вариантами, но не найдя ничего, кроме прекрасной травы вокруг нас, я приступила к попыткам прожевать эту, прости господи, еду. На вкус мясо напоминало тухлого кальмара, даже странно, что от него исходил такой восхитительный аромат. От такого запаха ожидаешь как минимум каре ягненка, но никак не тухлятины, которая слизью расползается во рту. Пару раз меня чуть не стошнило, но, глядя на Кремера, который продолжал

методично жевать и проглатывать, я решила последовать его примеру.

– Ты что-то говорил о воде? Мне просто необходимо запить эту гадость водой. Надеюсь, вода тут будет со вкусом воды!

– Да, вот, держи.

Кремер опять протянул мне свернутый лист, который теперь напоминал рог.

И, боги, это была вода, она самая, холодная, вкусная, идеальная. Спросите любого, кто долго бежал под изнуряющим солнцем и уже готов упасть без сил, что для него «счастье»! Вот оно – спасительный стакан воды! Именно так я себя и чувствовала в данный момент, особенно когда вода помогла избавиться от вкуса незабываемого «лакомства». Я жадно выпила все до капли и чуть не подавилась. Когда импровизированный кубок опустел, мне понадобилось время отдышаться, прежде чем я вновь смогла заговорить.

– Боже, спасибо! Спасибо, Кремер!

– Хех, пожалуйста. Все время забываю, что ты просто смертное и еще неразумное дитя в мире бессмертных.

Мне показалось, что Кремер засмеялся. Нет, не показалось, он действительно засмеялся.

– Еще воды? Не спеши, у меня есть еще для тебя, не стоит так захлебываться.

Ни разу не доводилось видеть такую искреннюю улыбку на лице этого чародея, а уж тем более слышать его смех. Он

всегда и везде со всеми был отстраненным, незаинтересованным, холодным я бы даже сказала.

Многие задавались вопросом: а что еще у него есть в жизни, кроме его заказов как наемника? Чем он, такой затворник, интересуется в перерывах между операциями? И хотя слухи о Кремере ходили разные, все они касались только его успехов на военном поприще, а вот о его остальной жизни никто ничего не знал. Есть ли у него друзья? Ходит ли он в кино? Найти ответы хотя бы на эти вопросы мне так и не удалось. Так что заприметить его улыбку, да еще и услышать смех, пусть он и смеялся надо мной, все же было приятно. Ведь кто-то в кругу чародеев говорил, что на Кремере какое-то проклятье и именно поэтому он не улыбается, а только скалится. Мол, его улыбку можно увидеть, только когда он отправляет на смерть своего врага и в последний раз смотрит ему в глаза. Теперь вижу, что это вранье. И эта его улыбка в стиле «сердце запрыгало и ножки подкосились» – сногсшибательна!

На минуту я даже позабыла о еде и воде, настолько его улыбка была завораживающей. Забыла, что он чародей, а я – маг, что между нами, вернее, между нашими народами пропасть. Но именно в эту самую минуту я нарисовала себе мечтательную и наивную картинку, в которой простая девушка с парнем на пикнике. Почему я не ощущаю никакого дискомфорта? Почему мне кажется, что именно рядом с ним мое место в этой жизни? Еще вчера все мои страхи и сомнения

не позволили бы даже мечтать об этом, а сегодня мы едим и пьем вместе. А если учесть, что все это он приготовил с заботой обо мне? Боги, ну разве не об этом я мечтала?

Я почти залпом осушила еще один рог, заботливо предложенный Кремером, но на сей раз не пролив ни капли. И нисколько не смущалась этого, наоборот, откровенно наслаждалась вкусом воды, вкусом... свободы. Да, именно свободы. Всю жизнь я чего-то боялась, по большей части осуждения, но теперь в этом, по сути, страшном месте мне удивительно хорошо, возникает желание узнать этот мир получше. Правда, если быть совсем уж откровенной, то вместе с Кремером, а не в одиночку. Есть, конечно, одна проблема... Фейсал. Не думаю, что он позволит нам тут долго разгуливать и поедать зверушек на его территории.

– Еще раз спасибо.

Теперь уже я улыбалась, мне действительно было хорошо, давно не чувствовала себя такой... уместной, что ли...

– Ну так какие идеи?

– Как я уже сказал, надеюсь встретить тех, кто уже прошел через суд, и присоединиться к ним в момент, когда они будут возвращаться к себе. Так есть шанс, что мы телепортируемся вместе с ними.

– Уммм, и как мы их найдем?

– Пока не знаю, но можно приблизиться к Фейсалу и подождать.

Несмотря на то что Кремер говорил твердо, голосом, не

терпящим возражений, что-то мне подсказывало, что он не очень уверен в своем плане.

– Слышала, что Фейсал знает, когда кто-то к нему попадает.

– Да, и удивлен, что за нами еще никто не пришел.

– Может, суд Фейсала уже не... как бы это сказать, не работает?

– Нет, больше походит на то, что он дает нам время.

– Время? На что именно?

– Ну, например, на то, чтобы мы решили добровольно сдаться его милости. Что-то вроде чистосердечного признания, которое смягчает наказание.

Кремер больше не улыбался, вместо этого вернул свой привычный образ «лучше меня не злить».

– Как думаешь, в этой сфере есть еще какие-то боги? Или кто-то равный по силе богам и способный нас переместить? Я сильно сомневаюсь, что у нас получится приблизиться к Фейсалу и незаметно ускользнуть от него.

Не то чтобы я сомневалась в плане Кремера, в конце концов он лучший по части планирования, правда, в основном убийств, а не побега, но все-таки интуиция мне подсказывала, что план наемника на этот раз не самый удачный. Почему я так решила? Наверное, потому, что сама мастер прятаться от всего и вся, специалист по побегам от всего, что хоть самую малость пугает или вызывает недоверие.

– Думаю, что нам необходимо еще немного передохнуть

и далее действовать по обстоятельствам.

Кремер поморщился. Действовать по обстоятельствам – это так же правильно и логично для него, как брать купальник и шляпку в поход для покорения Эвереста.

Идея еще немного отдохнуть мне очень даже по душе. Мне в принципе нравится отдыхать рядом с Кремером. Меня буквально окутало полным умиротворением даже в данных обстоятельствах.

Так странно: я с тем, о ком мечтала последний год, но с тем, кто хотел меня убить сутки назад. И все-таки что делать, когда тебя настигает шквал мыслей? Первая идея – пойти к близким друзьям, родственникам, к тем, с кем ты можешь поговорить о самом сокровенном, кто может тебя понять без лишних подробностей, кто настолько тебе близок, что, даже когда ты высказался и замолчал, молчит вместе с тобой, поскольку понимает, что иногда помолчать вместе – это все, что необходимо. Если у тебя нет такого человека, это печально, тогда, наверное, у тебя проблемы. Каждому надо выпустить погулять своих тараканов, каждому надо выговориться. Это счастье, когда есть такой человек рядом, если он не психолог, который берет за это непомерные деньги с классическим: «И что вы чувствуете при этом?».

Нахожусь неизвестно где, выяснила, что являюсь магом, а учитывая владение огнем, подозреваю, что еще и Источник. Есть еще что-то добавить к этому списку проблем?

И вот, умиротворение сразу же улетучилось, вернулась

боязливая Алика. Подобные размышления придавили меня, заставили плечи опуститься, словно на них взвалили пару мешков с песком. Примерно так я сейчас себя ощущаю под грузом новых обстоятельств моей жизни. Первое желание – поговорить, вернее, даже проговорить это вслух. Да, чародей, вероятно, не лучший собеседник. Не то чтобы он не понял, но захотел бы он выслушать меня? И есть ли у меня самой желание делиться с ним своими переживаниями? Хотя кого я обманываю? Мне бы очень хотелось с ним поговорить, именно с ним. Ведь он прожил много столетий, обладает знаниями, которым позавидовала бы Библиотека Конгресса. Но я не могу осмелиться на это!

Чем дольше я смотрю на догорающее пламя, тем сильнее утверждаюсь в мысли, что я – Источник огня. Можно сколько угодно придумывать оправдания, Ремис, вероятно, так и делает, но мне все предельно ясно: я – Источник!

Всего было четыре Источника: вода, воздух, земля и огонь. Дуфф-Кайден отдал часть себя, чтобы создать четыре элемента, четыре Источника. Каждый из них воплощает значительную энергию Дуфф-Кайдена, его сущность, часть божественной силы, которая способна управлять стихиями. Получается, что моя стихия – огонь. Огонь – мой элемент, сотворенный в моей душе Источника Дуфф-Кайденом, моя основная сила, и, как у любого Источника, эта сила безгранична. А моя сила со временем станет все сильнее и разнообразнее. У обычных магов возможности ограничены. Как прави-

ло, маг обладает максимум пятью активными силами, среди которых телекинез, и ни один маг не способен управлять стихиями, на это способен только Источник. С одной стороны, он может передать свои способности другим магам на время или навсегда. Такая передача сил называется даром Источника и невероятно ценится. С другой – Источник может как подарить силу, так и отнять ее. Словом, маги во главе с Источниками когда-то были одними из самых влиятельных и могущественных бессмертных, а может, и самыми могущественными. Думаю, создавая Источников, Дуфф-Кайден таким образом пожелал управлять всем миром. Когда-то маги были многочисленной расой бессмертных, но теперь это в прошлом. Никто уже довольно давно не слышал об Источниках. И тут появились Ремис и я. Почему-то от этого понимания мне стало как-то не по себе.

Глава 12

Пока приготовленный Кремером ужин пытался удержаться в моем желудке, я старалась переварить новую для себя информацию. Теперь, когда мне ясно, кто я, хорошо бы вспомнить все, что мне известно о магах. И чем дольше я погружалась в воспоминания, тем хуже себя чувствовала. Меня стало мутить, к горлу подступила тошнота. Я никак не могла припомнить хоть что-нибудь хорошее о магах. В голове всплывали истории одна хуже другой – бесконечные бесчинства, хаос, убийства смертных.

– О чем задумалась? – тихо поинтересовался чародей, вероятно, прочитав негативные эмоции на моем лице.

Вместо ответа я еще сильнее ушла в себя. Маги... были свободны в своем безрассудстве и преступлениях против бессмертных и людей. Источники, не сильно задумываясь о последствиях, превращали любого смертного в мага, а ходят слухи, что даже бессмертных наделяли некоторыми силами магов. Обладая такими возможностями и силой, маги оказались настоящим бедствием для мира людей. Тщеславие и любовь к власти – этого «добра» было так много, что маги не особенно скрывались от людей. Они даже пытались руководить их жизнью. Кто-то был при дворах у королей, нашептывая грандиозные планы захвата соседних государств,

а кто-то настолько увлекся, что стал создавать новые религии, делая все для того, чтобы добиться поклонения. Правда, последнее позже им аукнулось, когда повсеместно начали сжигать на кострах всех, кто хоть мимолетно соприкасался с магией. По этой же причине века спустя маги сбежали в Россию – там религия не требовала сжигать за колдовство. А вместе с магами туда же перебрались и чародеи, которые попутно пострадали от действий магов.

– Ты что-то тихая очень. Все еще плохо себя чувствуешь?

Я не сразу поняла, что Кремер о чем-то меня спросил, я все думала о том, что моими друзьями должны теперь стать жутковатые вампиры и акриты.

Бессмертные, которые порой даже наперекор их создателям не отвернулись от магов, наоборот, встали на их защиту. Это вампиры и акриты. Акриты... Ну, тут все понятно: единственное, что они признают, – это сила, а силы у магов хоть отбавляй.

Вампиры? Их тоже можно понять, они весьма ограничены, так сказать, диетой. Люди для них не ахти какой источник пищи, хватает буквально на сутки, зато ими можно легко манипулировать. А в манипуляциях и подставах вампирам нет равных. Винить их за это? Наверное, можно, но бессмысленно. Они просто так выживают. Они способны внушать мысли, идеи, воспоминания о событиях, которых не было, даже бессмертным – всем, кроме магов. Дуфф-Кайден и тут постарался. Ведь он не сразу создал магов, а выждал,

осмотрелся, взвесил минусы и плюсы всех уже существующих бессмертных и только потом создал своих Источников с минимальными недостатками.

– Алика, как ты?

Когда в голосе Кремера послышались нотки беспокойства, меня это заставило подать голос и на какое-то время выйти из своих размышлений.

– Я... нормально, просто думаю о том...

– Что ты теперь маг?

– Именно.

Почему в его голосе звучала жалость?

– Ты ничего не знаешь о магах...

Хвала богам, что я не услышала нравоучительного тона, этого мне сейчас не нужно. И без того тошно на душе.

– ...но ты можешь спросить меня.

Могу ли? С одной стороны, обсудить магов с чародеем – это звучит дико само по себе, но, с другой стороны, от Кремера я могу многое узнать.

– Ты ненавидишь меня?

– Нет.

Это прозвучало настолько быстро и утвердительно, что больше смахивало на ложь.

С момента, когда я могла вначале выпустить огонь, а затем втянуть его в себя, во мне словно проснулся дремавший инстинкт. Инстинкт, который я пока не могу точно описать, но у меня возникло странное желание помочь магам, помочь

всем выжившим магам. Не то чтобы они сейчас нуждались в моей помощи, ведь мне самой выжить бы, но все же теперь я осознаю: если все оставшиеся маги узнают, что есть живые Источники, это позволит почувствовать надежду на новую жизнь. Но как я могу хоть кому-то помочь, если о магах я знаю лишь то, что смогла найти в книгах по истории о жизни и сопротивлении чародеев магам?

– Я знаю о магах, но лишь о том, как их убивать, но не...

– Но не о том, как *быть* магом?

– Именно! Я поняла, что я – Источник, понимаю, что трое магов надеются на нас. А я не только не знаю об их надеждах, я даже не знаю, кто и что я теперь такое.

Кремер ничего не ответил, но я и не ожидала слов ободрения или поддержки в данном вопросе от чародея.

Вдруг мне в голову пришла другая неприятная мысль: знали ли чародеи, убившие моих родителей, кого они убивали? И если да, то почему оставили в живых меня и Ремиса? Мне показалось, что наставник что-то нам не договаривал в том офисе утром. Не то чтобы у нас было время поболтать, но сложилось впечатление, что нас оставили в живых не только для того, чтобы узнать чуть больше о магах. Зачем чародеи сохранили жизнь мне и Ремису?

– Той ночью убили наших родителей и нашли нас с Ремисом. Тебе известно, почему оставили нас в живых?

Я повернула голову в сторону Кремера и поймала его пристальный взгляд на мне. Не знаю, давно ли он так на меня

смотрит или же его так удивил мой вопрос. Какое-то время он молча продолжал пялиться, но вскоре все же ответил:

– Я не убивал твоих родителей, меня даже не было той ночью в стране, кроме того, я даже не знал об этой операции.

Мне показалось или Кремеру стыдно? Надеюсь, не за то, что он лично не прикончил Источников или Источник! Я даже не знаю, кто из моих родителей обладал наивысшей силой в тот момент.

– Это не ответ на мой вопрос.

Хотя, признаться, я почувствовала облегчение от мысли, что Кремер не причастен к смерти родителей.

– Чародеи знали, что убивают Источников?

– Нет, никто не знал, кто вы, пока ты не кинула в меня огненный шар в холле замка Маргуст.

Кремер немного замялся, но продолжил:

– Не все были согласны с тем, чтобы оставить вас в живых. Твои родители были сильными магами, это было понятно, но то, что они Источники, мы не знали до недавнего времени. Феликс, ваш наставник, был среди тех, кто желал вам смерти, но Кевилс смог его переубедить, лишь дав возможность Феликсу лично следить за вами, став вашим наставником.

– В это сложно поверить! Ты хочешь сказать, что моих родителей убили, не зная, кто они? Ты серьезно? Не было обычного расследования, устройства ловушек согласно умениям и силам мага? Если на нас напали в нашем доме, то чародеи за нами следили. Только так возможно было убить

их! И при этом они не догадались, кто мои родители? Не ври мне, Кремер!

Как же я наивно надеялась, что чародей может что-то мне поведать о магах! Он скрывает даже очевидное. Чародеи убили родителей. Но вопрос в том, как чародеи смогли уничтожить по крайней мере одного Источника.

– Полагаю, что за ними следили, но твои родители не показывали всей своей силы, и за ними охотились как за сильными магами, но не как за Источниками.

Медальоны... я вспомнила о том, как мама их надела на нас с Ремисом. Они прятали свои силы, они прятали нас.

– Они не показывали свои силы, чтобы не явить силу Источников?

– Думаю, что так... Я бы сделал именно это на их месте.

– Ты никогда не был на их месте, Кремер.

Он никогда не прятался, он из привилегированной лиги чародеев. О чем я думала? Он не может понять меня. Чародеи считаются элитой среди бессмертных, если так можно выразиться. Но в то же время чародеи очень скрытны, мало кому доподлинно известно, как и чем они живут. Поэтому ни одна раса бессмертных не обросла таким количеством мифов, как орден чародеев. Ими восхищаются, их уважают, им подражают буквально все. О самых выдающихся складывают легенды, им посвящают песни и поэмы. Еще бы! Чтобы появились чародеи, боги объединили свои усилия. Это дар богов для всех бессмертных, дар, который был призван

спасти мир от полчища магов. Кремеру не понять меня. Им восхищаются, а магов презирают.

– Я не прятал своих детей, да... тут ты права.

Что? О чем он?

– Ваши родители прятали не только своих детей, они прятали будущее магов. Как сейчас полагаю, они пошли на жертву.

– Но когда их настигли... почему... мои родители не...

– Я не знаю, – Кремер прожигал меня взглядом, – я не знаю, что там произошло, не знаю, почему твои родители не применили всю силу Источников, а они определенно могли! Может, все-таки чародеи подготовились и смогли обезоружить твоих родителей? Но больше похоже на то, что они спасали детей. И добавлю... Кевилс к тому времени запретил убивать детей магов.

Произошли две вещи. Первая: я вновь мысленно пережила ту ночь, но теперь под иным углом – родители погибли, вероятно, спасая нас. Вторая: невозможно обвинять чародеев в убийстве магов, ведь еще сутки назад я думала, что впишу свое имя в историю операции по уничтожению магов. Но чего я до сих пор не понимаю: почему той ночью не убили всю нашу семью?

– Почему Кевилс запретил убивать детей магов и нас с Ремисом не тронули?

Я пыталась произнести это ровным и требовательным голосом, но вышла истерика, приправленная детским испугом.

– Я уже сказал, что в тот момент Кевилс запретил убивать детей магов, у него на то были свои причины, и никто не смеет перечить ему.

«В тот момент» – Дориус был прав! Чародеи убивали детей, но позже по приказу Кевилса убивали только взрослых магов. Почему?

– И что изменилось? С чего вдруг такая избирательность в убийствах?

– Ты называешь это убийством, но поверь мне, Алика, маги тоже не невинные овечки, на одного мага приходилось минимум три-четыре погибших чародея или десятки смертных и других бессмертных.

О, вот теперь я отчетливо слышу обвинения.

– Кого убили мои родители?

– Я не знал твоих родителей, мне не приходилось с ними сталкиваться.

– Допустим. Но ты наверняка слышал отчет о той ночи, и чародеи поделились с тобой информацией.

В ответ он лишь отвернулся от меня.

В пещере я дрожала от страха и некой неизвестной злости, теперь же меня начинает трясти от вполне ясной ярости и обиды. Странно, что я так быстро завожусь, раньше никогда такого не было. Я всегда была серой мышкой, но уж точно не той, кто может препираться с одним из сильнейших бессмертных! Я вскочила на ноги, и от моего умиротворения не осталось и следа.

– В какую игру ты играешь, Кремер? Ты думаешь, я поверю в то, что чародеи пошли на операцию вслепую, надеясь лишь на удачу?

Кремер тоже вскочил, сделал шаг по направлению ко мне и, приподняв руки, выставил перед собой ладони, видимо, хотел успокоить меня.

– Тише, не кричи! Ты должна была догадаться, что Феликс не блещет умом! Именно он руководил операцией по убийству твоих родителей, и именно он направил вас на этих троих магов, рискуя жизнью чародеев и вашими. Хотя, я думаю, он рассчитывал «случайно» убить вас сутки назад, несмотря на то что Кевилс запретил вас убивать. То же самое можно сказать о ночи, когда вас нашли, убить ему вас тогда помешали другие чародеи, что были той ночью с ним!

– И с чего бы Кевилсу так заботиться о нас? Ты явно что-то не договариваешь, Кремер!

– Маги больше не являются угрозой. Кевилс хотел, чтобы пара магов была на стороне чародеев, чтобы мы вместе могли противостоять внешней угрозе.

– Какой еще угрозе? О чем ты говоришь?

– Всегда есть угроза. Вчера это были маги, а завтра... – Тут Кремер запнулся, чем лишь заставил еще больше усомниться в его искренности. – Словом, всегда есть угроза.

Именно так. Словно щелкнув тумблером, мой разум из режима нервной и боязливой Алики переключился в режим «держите меня семеро!». Он играет со мной, он мне явно

врет! Да кем он себя возомнил?!

Я выставила перед собой руку, поскольку мои ладони сильно нагрелись и покраснели. Вероятно, мои эмоции так влияют на мою силу, которая сейчас забурлила во мне. Магия вспыхнула неожиданно и остро внутри меня, словно сама по себе, и направилась к моим ладоням. По тому, как они засветились, стало очевидным, что в моих руках закипает не телекинез. Это готов вырваться огонь!

Надо взять себя в руки, пока я вновь случайно не напала на Кремера. Во второй раз он меня уж точно не простит. А я совершенно не желаю ему смерти. Я злюсь не столько на Кремера, сколько на судьбу, которая неожиданно перевернула всю мою жизнь с ног на голову. Кремер не виноват в этом. Еще вчера я была преданна чародеям, а сегодня я готова их осуждать. Это неправильно. Но почему разговор с ним о родителях вызвал во мне подобную реакцию? Наверное, я ожидала правды от Кремера, но наткнулась на недоверие. Он что-то скрывает, недоговаривает. Можно ли его в этом винить? Конечно, нет. Я – Источник, а он тот, кто призван уничтожать Источников.

Умом я это понимаю, а сердце рвется на части. Ведь речь не о каких-то посторонних магах, а о моей семье, в том числе о Ремисе. Кто бы не злился на моем месте? Кто смог бы сейчас спокойно беседовать о том, что было в прошлом, и о будущем, которое весьма непредсказуемо и туманно? Кроме того, оно очень зависит от чародеев и конкретно от Кремера,

если говорить обо мне. Он так спокойно и цинично врет об убийстве моих родителей. Я должна поверить, что всю нашу с Ремисом жизнь нас возвращали, как лабораторных крыс, для борьбы с некой мифической угрозой?

Руки начали просто гореть, еще немного, и вырвется огонь. Надо успокоиться, но как? Я нуждаюсь в правде, хочу узнать, что скрывает Кремер.

– Я понимаю, что ты мне не доверяешь, но прошу, объясни, по какой причине чародеи позволили жить двум магам в своих стенах.

– Я уже сказал: появилась некая угроза, и Кевилс решил, что маги могут помочь.

Он серьезно думает, что я куплюсь на это? Я прожила довольно долго среди чародеев и ни о какой угрозе никогда и ничего не слышала.

– НЕ. НАДО. МНЕ. ВРАТЬ!

Выкрикнув это, я выставила перед собой руку, но, скорее всего, Кремер решил, что я намереваюсь напасть на него, поскольку моя рука была алого цвета.

Не успела я понять, что произошло, как Кремер оказался позади меня, скрутив мои руки за спиной. Я только успела моргнуть глазом, когда услышала некий щелчок и ощутила что-то холодное на запястьях. Кремер одной рукой удерживал их за спиной, другой, туго обхватив горло, жестко придвинул меня к себе, после чего склонил свою голову к моей и с угрозой в голосе прошипел мне на ухо:

– Я предупредил тебя! Ты что же, девочка, правда думала, что способна одолеть меня?

К моему ужасу, слова были произнесены безучастно, скорее, скучающим тоном наемника.

Прижатая к Кремеру, я осознала две вещи: во-первых, я не могу сказать, что обвинения Кремера беспочвенные. Огонь мог вылететь и без моего ведома. Я абсолютно не могу контролировать свою силу. И во-вторых, наручники на руках сделаны из серебра, поскольку вся моя энергия как пришла, так и ушла.

Но есть еще кое-что: когда мы замерли в такой позе, по мере того как мое дыхание выровнялось, я смогла четко осознать, что Кремер не так безучастен, как мне вначале показалось. Он был возбужден, я почувствовала нечто весьма жесткое, упирающееся в мою спину.

Не знаю, что больше меня шокировало: что Кремер возбужден или что он настолько быстр и силен, что успел за долю секунды полностью меня обезвредить. Я не шевелилась, боялась даже вздохнуть, ведь он предупредил, что если я вновь попытаюсь направить огонь на него, то познаю другие его зелья. В попытках найти выход из создавшегося положения я задумалась, насколько я ценна для Кремера. Убьет он меня прямо здесь и сейчас за попытку напасть на него или же все-таки сохранит мне жизнь? Какое-то время мы молчали. Мне-то ничего другого и не оставалось, кроме как ждать знакомства с другими зельями чародея. А вот он-то почему

медлит?

– Алика, – наконец заговорил он, а я уже приготовилась выслушать свой приговор, – я не врал тебе, я не имею отношения ни к убийству твоих родителей, ни к операции по падению на Маркуса. Да, я близок с Кевилсом и знаю, что он не хотел убивать тебя и Ремиса. И, откровенно говоря, разве тебе плохо жилось с чародеями? Кевилс сделал все, чтобы вы были счастливы.

– С родителями нам было бы лучше!

Он серьезно думает, что милосердие Кевилса смягчит последствия жестокого убийства родителей? То, что мы с Ремисом пережили в ту ночь, не заменит ни одна мягкая и теплая постель! Да, нам больше не надо было спать в холодных и вонючих помещениях, у нас всегда было много еды, игрушек, книг и развлечений. Но разве все это стоит хотя бы одной улыбки мамы? Папиной сказки, когда мы пьем чай с долгожданной печенькой?

Глаза наполнились слезами сами по себе: чародеи убили родителей, заставили поверить, что они – наша новая семья! Они просто играли с нами, как боги с бессмертными! Только масштаб игр был меньше – всего лишь две детские души магов! Мы для чародеев просто две маленькие игрушки в руках взрослых.

Глава 13

Кремер ослабил хватку и немного отодвинулся.

– Я хотел сказать, что, учитывая обстоятельства, Кевилс сделал все возможное, чтобы вы были счастливы.

– Вы играли с нами? Мы для вас кто? Пешки?

– Алика, тебе было бы легче, если бы чародеи убили вас? – Кремер совсем ослабил хватку, убрал руку с моего горла и усадил меня на траву.

Я безвольно и послушно уселась, покрутила руками, чтобы понять, смогу ли освободиться от наручников, но вскоре плюнула на эту бесполезную затею. Если раньше мне не удалось вырваться из тонкой серебряной цепи, то и с серебряными наручниками мне не справиться.

– Сними наручники, Кремер.

– Сначала ты должна успокоиться.

Кремер не доверяет мне так же, как и я ему. Он действительно думал, что я готова была на него напасть. Но это не так. Во всяком случае, специально я не собиралась этого делать. Но он прав, мне необходимо успокоиться. Если я все еще желаю выбраться из этого места живой, да еще с бонусом в виде знаний о магах, то вести спокойный разговор с этим чародеем сейчас для меня в приоритете.

Кремер все же не стал применять против меня никаких

зелий, хотя прекрасно знаком с силой моего огня. С помощью наручников ему отлично удалось утихомирить меня, они подействовали лучше любого успокоительного. Но мне по-прежнему сложно абстрагироваться от воспоминаний и при этом не подозревать Кремера в том, что он ведет себя со мной, как обычный чародей с Источником. Он изучает меня, использует, чтобы покинуть земли Фейсала, а потом, когда я потеряю для него ценность, уничтожит.

Однако, если я буду нападать на него, это мне точно не поможет и убьет он меня раньше, чем я успею поцеловать Землю людей по возвращении. Может, мы все-таки сумеем найти разумный способ общения и при этом не убить друг друга?

Моя вспыльчивость и неконтролируемо вскипающая сила в руках не убедят мир в том, что маги не являются вселенским злом.

Немного придя в себя, я постаралась продолжить разговор с наемником:

– Ты думаешь, мне легче от того, что те, кто убил моих родителей, постарались использовать нас, но сделали это с мороженым и зефиром?

– Не жди, что я буду извиняться за убийство твоих родителей! Хотя я не имею к этому отношения, но знаю, что маги убили бы чародеев – дай лишь шанс! Да, ты была свидетелем ужасной сцены, да, ты была ребенком, но твои родители не были невинными!

А вот Кремер еще не готов полностью успокоиться. И хоть его расслабленное тело, которое накручивало круги вокруг костра, пыталось сообщить, что он контролирует свои эмоции, его резкий тон говорил об обратном, несмотря на то что говорил он тихо.

– Ты их не знал! Как ты можешь такое говорить?

– Они – Источники, они были приговорены к смерти богами!

Оправдываться он не спешил. Я и не ждала от него извинений, но мне все же неприятно слышать подобное о своих родителях.

– Я тоже Источник, Кремер. – Немного неуклюже я поднялась на ноги, распрямилась и вздернула подбородок. – Кремер, по твоим словам, я приговорена к смерти! Так чего же ты ждешь?! Убей меня! Разве не это должен сделать чародей?! Убить Источника при первой же возможности?

Что я там говорила о том, чтобы держать свои эмоции под контролем?

– Ты жила среди чародеев!

Удивительно, но Кремер тоже повысил голос. Не думала, что хоть что-то может вывести его из себя.

– И что? Это делает меня менее злобным Источником? Думаешь, раз я знаю кодекс чародеев, то это позволит мне... Что? Боги, я даже не знаю, на что способна! И только потому, что я была оторвана от семьи!

– А может, оно и к лучшему. Ты так не думаешь? Вдруг

благодаря тому, что ты была далека от магии, у тебя есть шанс вы...

– Выжить? – Я перебила Кремера, ибо сама мысль о том, что, забрав меня из семьи, мне оказали великую милость, вновь привела меня в бешенство. – Это ты хочешь сказать? А то, что я чувствую себя не в своей тарелке, ощущаю себя чужой, я...

– Ты ощущаешь себя ЖИВОЙ!!! – Кремер ущипнул себя за переносицу, склонив голову, словно действительно терял терпение, но желал что-то непременно донести до меня. – Ты жива, Алика! Ты и Ремис, вы оба живы! Давай отталкиваться от этого, хорошо? Да, жизнь складывается не всегда так, как мы порой того хотим, жизнь...

– Ой, только давай не будем о жизни?! Ты весь такой вековой супергерой, весь такой правильный. Коня белого нигде не потерял, рыцарь в сияющих доспехах?

– Ты не хочешь услышать меня, ты...

– Я не хочу твоего вранья, Кремер! Ты пытаешься убедить меня в том, что у чародеев был повод убить моих родителей и сохранить жизнь их детям, а мы с Ремисом должны быть вам за это благодарны? Ты серьезно?

– Давай честно, еще пару дней назад ты была бы согласна с тем, что маги – зло, которое стоит если не уничтожить, то во всяком случае обходить стороной. А теперь? Что, пара часов с Маркусом, и уже мировоззрение изменилось? Ты уже не считаешь то, что узнала о деяниях магов, достойным как

минимум осуждения? О! И уже готова сжечь меня заживо?

Эмоции на лице Кремера в этот момент плохо читались, но мне показалось, что он ожидал услышать от меня нечто, что убедило бы его не убивать меня. Как если бы он сам искал повод оставить меня в живых.

– Да, давай честно, Кремер! Ты должен меня убить? Простой вопрос: да или нет? – Боги, пусть он скажет «нет», и не потому, что я боюсь умереть, я боюсь разочарования! Ну не смешно ли? Но ответ «да» разобьет мне сердце и разорвет душу в клочья.

– Должен? ДА! Хочу? НЕТ!

И что это значит? Я буду убивать тебя, рыдая? Это он имеет в виду?

– И что ты намерен сделать? Вот я связанная, убей меня. Чего ты ждешь?!

– Как будто я не смог бы тебя убить, не будь ты связана! – Кремер резко отвернулся от меня и вновь начал мерить поляну шагами.

– Спрошу иначе, Кремер: чего ТЫ хочешь от меня? И не говори про выжить в этой сфере и про новую мнимую угрозу. В этот бред даже при всей своей наивности – не поверю! Зачем ты прыгнул в воду за мной?

– Я не хотел, чтобы ты была ранена. – Он перестал мельтешить по поляне и медленно повернулся ко мне. – Я не хотел, чтобы ты пострадала.

– Ты нас преследовал, но не хотел, чтобы я пострадала?

Кремер смотрел на меня теперь так спокойно, что казалось, будто он полностью вернулся в свой привычный образ – само холодное безразличие, но то, что он при этом постукивал кончиками пальцев по поясу брюк, давало мне понять, что все-таки он встревожен. Наше совместное и вынужденное времяпрепровождение тяжело не только для меня, но и для Кремера. Но для меня сложность заключается еще и в том, что я разрываюсь между непреодолимым желанием поцеловать этого мужчину и в то же самое время убежать от него в страхе за свою жизнь. Почему наш с ним диалог так воздействует на самого хладнокровного наемника, мне пока не ясно.

– Я хотел вернуть вас с Ремисом к нам, пусть и в цепях, но это лучше, чем Источники среди магов. Маркус, он...

– Опять Маркус! Что у тебя было с Маркусом? Ты не говоришь о других двоих магах, только о Маркусе!

Кремер опустил взгляд и уставился себе под ноги, носком ботинка что-то начал рисовать на земле, по всей видимости, пытался придумать очередную ложь.

– Посмотри на меня, – потребовала я. Кремер и так был мастером в сокрытии своих эмоций, и, не видя его глаз, я точно ничего не смогу понять. – Если ты что-то от меня скрываешь, так имей смелость врать, глядя мне в глаза.

– Смелость, говоришь?

Он уставился на меня, склонил голову набок, и у него на лице вновь появилась ухмылка, которую я видела недавно в

холле Маргуста, – убийственное подобие улыбки. Видимо, именно о ней говорят, когда упоминают Кремера в процессе уничтожения врагов.

Он сделал шаг по направлению ко мне, я – два мелких шажка от него. Так я пятилась, а он наступал до тех пор, пока я не уперлась спиной во что-то твердое. От этого его тихого наступления страх лизнул меня за пятки. Наверное, не стоило мне так откровенно нападать на Кремера, плюс ко всему он считает, что я готова была запустить в него свою силу. Самоубийственное и безумное поведение мага в отношении сильного чародея.

– Кремер!

Он словно в трансе продолжал свое медленное наступление, как хищник, наметивший жертву. Я же, наоборот, замерла перед нападающим, боясь даже посмотреть по сторонам в поисках укрытия. Чем ближе он подбирался ко мне, тем сильнее росло мое беспокойство. Что он задумал? Я наконец-то разбудила медведя в берлоге? Молодец, Алика!

Паника развивалась стремительно, и вот я уже с трудом дышу. Наконец он приблизился ко мне вплотную. Он так высок, что мне пришлось сильно задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Это было довольно сложно, учитывая тот факт, что я была плотно прижата к чему-то твердому за спиной. Он же, напротив, никакого дискомфорта, судя по всему, не испытывал. Когда наши тела почти столкнулись, он замедлился на мгновение, а потом опустил голову таким об-

разом, что его губы оказались прямо у моего уха. Я почувствовала его теплое дыхание, мое тело отреагировало странным образом, странным, но в то же время приятным.

– Я уже встречался с Маркусом когда-то давно. Он не простил мне, что я убил того, кто, как полагал Маркус, знает, где находится его сестра. Но он должен быть мне благодарен, ведь у меня была отличная возможность убить и его самого в тот момент, но я не стал этого делать.

Кремер почти шептал, когда делился этой историей. Его голос был невероятным, каждое произнесенное им слово сопровождалось теплым дыханием, слова, произнесенные так мягко и в то же время жестко, с хрипотцой, заставили мое тело дрожать. Как он может говорить таким сладким голосом столь ужасные вещи?

– Ты знала, что Маркус уже примерно пару столетий ищет свою сестру? Он был настолько полон отчаяния, что даже умолял меня пощадить того бессмертного, которого я прикончил прямо на его глазах. С тех пор Маркус, вероятно, мечтает мне отомстить, хотя прекрасно знает, что ему со мной не справиться. Может, он думает, что, раз у него теперь есть Источник, он наконец-то сможет покончить со мной.

Кремер замолчал, а я пыталась вспомнить, как дышать. А когда до меня дошел смысл сказанного Кремером, постаралась отскочить от наемника. Бесполезно, ведь я прижата к стенке. Меня словно ударили. Кремер же выпрямился и смотрел мне в глаза без намека на улыбку с жестко стисну-

тыми зубами.

Маркус потерял сестру и безуспешно ее искал? Несмотря на то что я не успела проникнуться к «улыбашке» теплыми чувствами, но когда представила себя на его месте... Ремис! Если бы мой брат пропал, я бы тоже его искала, тоже стала бы умолять даже врага, черт, да я бы станцевала перед врагом вверх тормашками, только бы найти брата. Подумать только! Маркус считает, что я симпатизирую Кремеру, и все же пытался мне помочь на той барже. Хотя он верно подметил, что даже в бессознательном состоянии я бы все равно оказалась полезной. Маркус даже в такой ситуации пытался мне помочь! Я же видела, как он пробирался ко мне перед тем, как я свалилась в воду. Черт! Если я смогу пережить суд Фейсала, а я уже не сомневалась в том, что нам его не избежать, то я обязательно помогу Маркусу найти сестру. Пусть она будет жива! Но то, как спокойно об этом говорил Кремер, вызвало у меня даже некое отвращение к наемнику.

– Ты специально убил того, кто мог помочь Маркусу? Просто чтобы заставить мага страдать еще сильнее?

Неужели Кремер так жесток? Хотя чему я удивляюсь? Он никогда и не скрывал, что с врагами не церемонится. Но все-таки! Намеренно вредить тому, кто и так невероятно страдает? Уничтожить надежду, унижить, но не убить? Вот это точно никак не вписывается в образ праведного чародея. К чему подобная жестокость? Да, чародеи считают, что к магам нельзя проявлять терпимость, магов надо уничтожать,

но ведь Кремер не стал убивать Маркуса! Он наслаждался страданиями мага? Пусть и маг, но все же живая душа, сердце которого разрывается от потери близкого ему человека!

– Поставлю вопрос иначе: ты специально оставил Маркуса в живых, чтобы он продолжал испытывать мучения?

Брови Кремера резко взлетели вверх, он приоткрыл рот, чтобы ответить, но не произнес ни слова, только сощурившись продолжал смотреть на меня. Не знаю, что он хотел сказать, но если он и впрямь хотел лишь унижить Маркуса, играл на его чувствах и издевался, то я лично уничтожу Кремера. Конечно, я еще не знаю как, но я сделаю это сразу, как только освобожу руки! Подобной жестокости нет оправдания.

– Ты серьезно? Я думал, что раз ты жила с чародеями, то должна бы знать: чародеи не играют со своей целью, как косатки с тюленем перед тем, как полакомиться. – Кремер резко отступил от меня, словно испытал то же отвращение, что и я минуту назад. – Я не маг, Алика. Ты спутала меня с Маркусом. Я не буду издеваться над тем, кого намереваюсь убить! Я наемник, я получаю задание, нахожу цель, изучаю, нападаю и убиваю. Точка!

Кажется, мои слова оскорбили Кремера. А вот его реакция и ответ меня даже обрадовали, все-таки Кремер не мерзавец! Но что еще я должна была подумать в такой ситуации? Представить Маркуса умоляющим кого-то, тем более извечного врага магов? Конечно, я никогда не слышала, что-

бы кто-то обвинял Кремера в непристойном с точки зрения чародеев поведении. Но ведь никто и не присутствует рядом с ним на его операциях. Жертва уже не сможет поведать, как именно Кремер отправил ее в мир иной!

– Ты сказал, что убил единственную надежду, того, кто мог помочь в поиске сестры, прямо на глазах несчастного! Зачем, если только не помучить Маркуса?

– Во-первых, я не ожидал встретить Маркуса, он мне изрядно усложнил операцию! Во-вторых, я не отступаю от своих целей, я в любом случае убил бы свою цель!

То ли Кремера так сильно задели мои слова, то ли он пытался в чем-то меня убедить.

– В-третьих, я не убил Маркуса только потому, что подобное страдание в глазах я уже видел в своей жизни! Я не смог убить его! Я оставил его там, не убил, но и не помог!

– О! Так твоя совесть чиста? Ты не помог магу, и все, честь чародея не запятналась?

– Знаешь что, Алика?! Я – чародей, я убиваю свою цель, врагов чародеев! Избавь меня от нотаций! – Кремер вошел в свой привычный образ, хотя его знаменитая ухмылка «это последняя милая вещь, которую ты видишь перед смертью» исчезла с его лица бесследно. – Ты спросила, что у меня с Маркусом, я ответил. Думаешь, чародеи не знали о шайке магов, живущих неподалеку? Знали! Но вот что любопытно мне... – Он вновь приблизился вплотную. Его грудь уже полностью накрыла мою, своим мощным бедром он раздвинул

мои ноги, и я оказалась в его ловушке. – Ответь мне, милая, кто теперь для тебя маги и кто теперь для тебя чародеи?

Глава 14

– Я не знаю.

Ответ был незамедлительным, поскольку не знаю, когда я буду способна в полной мере переварить все знания, что свалились на мою голову.

– Не знаешь или боишься признаться даже себе? – Кремер вновь приблизил свое лицо ко мне и прошептал: – Ну и кто тут из нас не обладает смелостью, девочка?

Любой другой запаниковал бы, как и я чуть ранее. Но не сейчас. Я призналась себе, что являюсь Источником, не просто магом, а Источником! Мне пришлось срочно осознать, что магия – часть меня и что я могу сколько угодно врать себе, но факт остается фактом: от меня и Ремиса зависит выживание магов! Кремер тоже это понимал. Он не позволит мне выжить. Тогда почему меня так тянет к нему, почему я не ощущаю опасности? Почему я, наверное, единственная, кто не боится оказаться в ловушке этого чародея? Мне бы стоило осуждать себя за предательство всех магов, но я этого не чувствую. Все, что хочу, – это остаться в ловушке Кремера и спасти магов.

И, внимание, вопрос: каким образом совместить несовместимое? Как мне подарить новую жизнь магам и при этом не причинить вреда чародеям и Кремеру в частности? Сомне-

ваюсь, что возможен союз между нашими расами, не в ближайšie тысячи лет уж точно.

– Я испортила твою футболку. – Это не ответ на его вопрос, но, взглянув Кремеру на грудь, я заметила, как сильно мой огонь навредил ему. Да, его прекрасное тело уже успело восстановиться. Чародеи, пожалуй, лучше всех оправляются от травм, но вот вид его футболки являл моим глазам свидетельство того, что маги и чародеи несовместимы!

– Футболку? Что? – От моих глаз он перевел взгляд на футболку, а затем в недоумении вновь посмотрел на меня. – О чем ты говоришь?

– Я не боюсь тебя, Кремер. Это ты хотел услышать?

Слишком смелое заявление для «профессиональной» трусихи, но притворяться я умею так же хорошо, как и испытывать страх ко всему на свете. И хотя понимаю, что бояться Кремера – очень логично для мага, но сомневаюсь, что он в ближайшее время решит меня убить. А если и решит, то уж точно не в землях Фейсала.

– Но твой ответ меня не удовлетворил. Если ты меня не боишься, то скажи, Алика... маги или чародеи?

Ответа на этот вопрос я не знаю. Можно я отвечу... лет через сто? Мне обязательно выбирать сторону прямо сейчас? Я люблю чародеев, особенно того, кто сейчас загнал меня в свою ловушку, но в то же время мне нет места в их жизни. Там я чужая, но и мир магов для меня темное пятно. А если учесть, что чародеи убили моих родителей, то логично было

бы вспылать лютой ненавистью к ним, но отчего-то ненависти совсем нет.

– Я хочу спасти магов! – выпалила первое, что крутилось на языке. Мне не хотелось ему врать, несмотря на то что сам Кремер от меня что-то скрывает.

– Ты только вчера узнала, что ты маг, и уже решила спасти их? – Он хмыкнул, а затем продолжил: – Допустим. А чародеи?

Мой ответ не сильно его смутил, и он потребовал уточнений. При этом Кремер нежно прикоснулся указательным пальцем к моей щеке и начал ее поглаживать.

– Если они не будут пытаться убить меня или кого-то из моих близких, то я им не угроза. – Невольно я стала прижиматься щекой к его пальцу.

– Ты пыталась напасть на меня... дважды. – Кремер мягко, едва касаясь, сместил палец к моему подбородку и слегка приподнял его.

– Нет, я не хотела тебе навредить.

И это чистая правда, за последние сутки я пыталась понять себя, обуздать эмоции. Это не всегда получалось, и да, не скрути Кремер мои руки, то допускаю мысль, что от силы эмоций мой огонь нашел бы свою цель. Но маленькая оговорка: намеренного вреда я бы не причинила конкретно этому чародею... пока он не угрожает мне.

– Но твои слова задели меня, Кремер.

– Я пытался быть с тобой честным, ведь ты именно этого

просила.

Кремер продолжал поглаживания моего лица, в какой-то момент я поняла, что теряю ход диалога с ним. Он пытался быть со мной честным? Его попытка провалилась, надо сказать. Но все больше я мысленно и физически сосредоточивалась на его мягких поглаживаниях, а не на том, о чем он мне говорил. Я и не подозревала, как сильно я нуждалась в подобном отвлечении от своих внутренних терзаний.

– Посмотри на меня. – Он нежно еще выше приподнял мой подбородок, заставив смотреть прямо ему в глаза. – Владея магией, ты можешь причинить мне вред, но мне очень бы хотелось, чтобы именно ты, и только ты, Алика, не находила причин для нападения на меня. – Боги, этот голос, этот низкий с хрипотцой голос...

– Я не могу тебе доверять... теперь, – поправила себя я. Да, я не могу ему доверять. Он способен взорвать мои эмоции как никто другой. До него я даже не подозревала, что умею злиться, но это одновременно и нравилось мне, и пугало. Нравилось то, что рядом с ним во мне полыхает огонь, и в прямом и переносном смысле. А пугало то, что мои эмоции к нему, истинные эмоции, в которых я боюсь признаться даже себе, способны перекрыть все остальное: желание спасти магов, увидеть Ремиса и даже страх перед Фейсалом. Кремер буквально связал меня, спутал все мои мысли и страхи.

– Кремер, ты играешь со мной, и я это чувствую, а то, что я не понимаю, чего именно ты хочешь от меня, пугает. Загони

собаку в угол, и даже самая безобидная сможет напасть и укусить!

– Я сказал тебе – не хочу, чтобы ты пострадала! Кевилс лично попросил меня следить за тобой и Ремисом с момента вашего прибытия к чародеям. Именно я усилил амулеты для вас. Серебро, которое вы носили, уже сдерживало вас, но я добавил в них особые элементы и заклинания. Эти амулеты не давали полную волю вашей силе, но думаю, что с достижением бессмертия амулетов было бы уже явно недостаточно.

– И как же ты следил? Надеюсь, не при помощи скрытых камер в спальне? – Попытка пошутить не могла скрыть мою нервозность от идеи, что Кремер следил за мной. Поскольку мысль, что так или иначе Кремер присутствовал в моей жизни каждый день, а я об этом даже не догадывалась, неожиданным образом будоражит. Что он думал обо мне все это время? Нравилась я ему или он смеялся? Наверное, смеялся, когда видел все мои бесполезные попытки приготовить зелье. А может, жалел? Ой, не хотелось бы, чтобы я вызывала лишь жалость у наемника. – Надеюсь, я не увижу видео на ютубе, где я кривляюсь у зеркала с муссом для волос вместо микрофона?

– Ты всегда была очаровательна, даже когда злилась, что у тебя не получаются заклинания. Но танцев перед зеркалом я не видел, мы не устанавливали камеры в ваших комнатах, если ты об этом. – Кремер завел руку мне за спину, обхватив за

талию, чуть отодвинул меня от неласковой и грубой поверхности и прижал к себе. Второй рукой он нежно взял прядку моих волос, поднес к своим губам, неотрывно глядя мне в глаза. – Я был заинтригован тобой. Пока ты была ребенком, я почти не уделял вам внимания, лишь изредка читал отчеты твоего наставника. Но когда я однажды увидел, что ты уже стала взрослой девушкой... очень красивой взрослой девушкой, стал серьезнее относиться к просьбе Кевилса и своим обязательствам присматривать за тобой... ну и за Ремисом, конечно.

Конечно!

– И за кем же ты следил чаще? За мной или Ремисом?

Кремер плотнее прижал прядку волос к своим губам, начал медленно круговыми движениями обводить ею свои красивые губы, а мне хотелось своим пальчиком заменить свой же локон и последовать той же траектории. Соблазнительные губы Кремера, не полные, но и не совсем тонкие. Нижняя губа чуть больше верхней, на его губах редко бывает улыбка, но я уже знаю, какой она может быть, и мне очень хотелось попробовать его губы на вкус. Почти непреодолимое желание узнать, что же еще может вызвать его редкую улыбку.

– А ты сама как думаешь?

– Почему у меня ощущение, что твои слова – это угроза?

– Угроза? Хм... может быть, все зависит от того, чего именно ты боишься, девочка?

– Я... – Кремер прервал меня, впившись своими губами в

мои. Это не было нежным поцелуем под романтичным лунным небом, это был поцелуй, предъявляющий права, способный полностью подчинить.

Какое-то время я не отвечала на его поцелуй, но очень быстро все мои барьеры пали. Спротивляться такому натиску было бесполезно, да и совершенно не хотелось. Кремер не просто целовал меня, он стирал все мои страхи и опасения. Его язык вторгся в мой рот, призывая непременно ответить ему взаимностью... и я ответила. Мои губы заскользили по его губам, я попыталась перехватить инициативу, даже слегка укусила его за нижнюю губу, после чего всосала ее в рот и облизнула. Он ухмыльнулся, и тут я почувствовала, как его рука за моей спиной спустилась чуть ниже, подхватила меня за попку и вплотную придвинула к сильному телу Кремера. Низом живота я ощутила сильное тело Кремера, а также подтверждение того, что не только внутри меня полыхает огонь.

Мои руки, сцепленные за спиной наручниками, сами по себе пытались вырваться из пут и потянуться к Кремеру. Я начала дергать руками, но, осознав бессмысленность попытки освободиться, закинула ногу на бедро Кремера, прижимаясь еще плотнее к нему, как бы призывая его не останавливаться.

– Освободи меня! – Я оторвалась от губ Кремера и взглянула в его глаза. В ответ он лишь смотрел на меня затуманенными страстью глазами. Мы оба тяжело дышали, я облизнула губы, Кремер не упустил этот момент. – Освободи

мне руки, Кремер!

В ответ он лишь улыбнулся. Кажется, его глаза потемнели еще больше. Все еще не отдышавшись и крепко прижимаясь ко мне, он опустил голову к моей шее.

– Нет, милая, так ты мне нравишься даже больше.

Почему эти слова меня так сильно завели? А после того, как Кремер губами прижался к моей шее и лизнул впадинку между плечом и шеей, я уже не смогла сдержать стон удовольствия.

– Тогда, Бога ради, не сдерживай себя! – Я окончательно потерялась в прикосновениях Кремера.

– И не собирался! – Это были последние слова, которые мой мозг был способен осмыслить.

Я потерялась в ощущениях и во времени, готова была оставаться с Кремером, будучи связанной навечно, не беспокоясь более ни о чем. Но вскоре мне показалось, что мои волосы начали развеиваться, усилился ветер, но Кремера это не отвлекло. Я вскоре перестала обращать на это внимание, поскольку умелые и нежные руки наемника отлично занимали мои мысли более приятными вещами. Кого может волновать ветер в такой ситуации?

Когда Кремер стал стягивать с меня шорты, я распахнула глаза и уставилась на небеса в желании возблагодарить богов за то, что я упала в реку. Наслаждаясь умелыми движениями чародея, я все же увидела, вернее, разглядела небо, и это резко меня охладило.

Небо стало серым, местами почти черным, но не это было странным, а то, что это было только над нами! Словно смерч, который кружит в определенном месте, так мы с Кремером оказались под сенью серого неба. Вдали оно по-прежнему было столь же прекрасным и безоблачным, а разбушевавшийся ветер только придавал этой картине ощущение опасности.

– Кремер, что-то не так. – Все мое либидо как рукой сняло, интуиция кричала о приближающейся катастрофе, как в тот день на поляне с чародеями.

– Хм... – это все, что произнес Кремер. Он отпустил мою грудь и, резко заведя руку за спину, придвинул меня плотнее к себе.

Я оглянулась по сторонам, и то, что я увидела, заставило мои волосы встать дыбом. Землю, а вместе с ней мелкие камни, палочки и листья стало засасывать в одном направлении, сбиваясь в нечто единое целое, которое теперь растет словно из самой земли и превращается в возвышенность.

Кремер по-прежнему не обращал внимания на происходящее. Это одновременно и льстило мне, и раздражало. Я попыталась высвободиться из страстных объятий Кремера, что было довольно сложно.

– Бога ради, Кремер! Оглянись, мы уже не одни на поляне! Кажется, это наконец-то отрезвило и его. Он выпустил меня из рук и резко обернулся. С невероятной скоростью он метнулся туда, где мы ужинали, отточенным движением на-

дел на себя пояс чародея и встал в позу, явно готовый к обороне или, скорее, к нападению.

– Кремер, освободи мои руки!!! – Я пыталась говорить шепотом, но фраза получилась очень резкой и истеричной. Я все еще стояла полураздетая, со связанными руками и абсолютно беззащитная. Так что меня можно понять.

Только что Кремер стоял у костра, а спустя секунду – уже возле меня. Ого! Он быстр даже по меркам чародеев. Кремер достал какое-то зелье, но не в классическом пузырьке из стекла или специального материала, а в пластиковом маленьком флаконе с удлинённым носиком. На секунду я заволновалась, но не успела даже испугаться, как Кремер занес бутылек мне за спину, капнул в замочную скважину моих браслетов, и серебряные наручники спали – замок был сломан.

Я быстро поправила одежду и стала потирать запястья: в порыве страсти я довольно сильно пыталась освободить руки, отчего кожа на запястьях зудела.

В лице Кремера я увидела полную отстраненность и сосредоточенность. Абсолютное отсутствие каких бы то ни было эмоций. Он лишь мельком взглянул на меня, затем поспешно перебрал зелья на поясе, проверяя, на месте ли его смертельное оружие, а затем еще раз посмотрел на меня. И вот тут я смогла разглядеть нечто, о чем ни в каких байках и слухах о Кремере не говорилось, – я увидела волнение. Кремер волновался! Он схватил какое-то зелье и впихнул мне в

ладошку. Затем обхватил мой кулак с зельем и какое-то время просто смотрел на меня.

– Это сильное зелье, оно спрячет тебя, и никто не сможет тебя найти. Но это ненадолго – минут на пятнадцать, учитывая, что ты маг, – и того меньше. Но за это время даже боги не найдут тебя. Кто бы это ни был – я их отвлеку, постарайся убежать и спрятаться. Используй зелье только при крайней необходимости. Беги, Алика!

Он волновался, но волновался... из-за меня! Он хотел, чтобы я была в безопасности. Я?! Источник и главный враг чародеев? Кремер желал защитить меня! Я готова расплакаться... только от одной этой мысли. Я ему не безразлична!

Пока чародей ждал отклика в моих глазах, я просто стояла и хлопала глазами. Он сказал, чтобы я спряталась. Нет, стоп, он *приказал* мне бежать! Что значит – беги? Тут я вспомнила: Ремис тоже хотел, чтобы я бежала, когда мы встретились с чародеями в холле во главе с Кремером. Значит ли это, что я для Кремера так же дорога? Мое сердце, которое в момент наших объятий и без того бешено стучало, теперь готово было выскочить из груди и пуститься в пляс.

– Я не уйду, я останусь с тобой!

Я не бросила Ремиса, не оставляю и Кремера. Вопрос: настолько ли дорог мне Кремер, как Ремис? Ответ: не знаю! Да кого я обманываю?! Я обожаю Кремера! И бежать не собираюсь!

– Я сказал...

Его прервали, как, впрочем, и все возможные мои возражения.

Мы оба резко обернулись на голос, больше похожий на звук, когда дробят камни.

– Чародей, тебя ожидают, нам велено сопроводить тебя в зал суда!

Почему они смотрели только на Кремера и обращались только к нему? Чародей уже применил какое-то заклинание и они меня не видят?

Кремер, все еще держа мою руку, в которую вложил зелье, медленно повернулся к говорящему. Теперь я могу понять: то, что я приняла за возвышенность, было пятью окружившими нас мужчинами.

Все под два метра ростом, очень загорелые и мускулистые. Они похожи друг на друга, как близнецы, да еще и одеты, если это можно так назвать, одинаково – в набедренные повязки – схенти, которые представляли собой полоску ткани, обмотанную вокруг бедер и закрепленную на талии поясом. Сверху нарамник – длинная и широкая накладная одежда из тонкой льняной ткани голубого цвета. Это траурный цвет у Фейсала, что уже нагоняло жути, но убил орнамент – перья и лотос. А это орнаменты Ираны – жены Фейсала. Поверх плеч накинут длинный шарф, который обернут поверх нарамника вокруг бедер и завязан спереди так, что концы свисают. Этот их наряд очень напоминал одежду древних египтян. Но сомнений не было: это слуги Фейсала, которые пришли за

нами. Или только за Кремером? На меня никто не смотрел.

– Извините, парни, но повестку в суд я не получал. Так что я, пожалуй, откажусь...

Кремер отпустил мою руку и потянулся к поясу, вероятно, ища какое-то зелье. Не могу представить, что Кремер может сопоставить слугам Фейсала. Но я определенно не хотела оставлять его одного с этими «ряженными».

Не успела я сообразить, что нам следует предпринять для нашего бегства, как Кремер метнулся к тому, кто стоял к нему ближе всего, и руками свернул ему шею. Слуга Фейсала упал замертво, остальные слуги совершенно безучастно и не расстроившись за своего коллегу взглянули на Кремера.

– Это пустая трата времени! Пройдем с нами.

Слуга Фейсала, о ком не успели справиться панихиду, уже изобразил волшебное воскрешение. Он нащупал руками свою голову и просто провернул ее, вернув в исходное положение с неприятным хрустом, а через секунду уже был в строю таких же, как я теперь понимаю, неубиваемых существ.

Их невозможно убить! Я сильнее сжала зелье Кремера в кулаке, но решила, что воспользуюсь им чуть позже. Наверняка оно очень скоро мне понадобится. Надеюсь, у Кремера есть такое же для него самого!

Кремер, увидев чудесное воскрешение, поспешил ко мне.

– Алика, используй зелье и беги!

– Нет!

Не знаю, откуда в последнее время берется моя смелость и дерзость, но что-то внутри меня резко протестовало против того, чтобы оставить Кремера на верную погибель. Не то чтобы я знала, как ему помочь, но бросать его я тоже отказывалась. Всем своим существом я сопротивлялась мысли спастись самой в обмен на непредсказуемое будущее Кремера.

– Не время для глупого героизма, Алика! Я сказал – БЕ-ГИ! – прокричал Кремер и бросился на ближайшего стражника.

Я, замороженная, смотрела на Кремера в бою: он был быстр, агрессивен, но осторожен. Телекинезом он отбросил одного, подбежал к другому, успев забрать у него меч. Стражники были медлительны, по крайней мере по сравнению с Кремером.

Завладев мечом, Кремер стал использовать и оружие, и зелья. Молниеносно достав пузырек, кинул его в стражника, который тут же под воздействием зелья покрылся льдом как раз в тот момент, когда пытался выхватить меч из ножен. Ледяной стражник напоминал статую, красивую и смертоносную. Кремер же, не теряя ни секунды, в один прыжок отрубил мечом «статую» голову, которая, упав на землю, раскололась на тысячи льдинок.

Я не могла сдвинуться с места, просто следила за ошеломительным боем чародея. И если бы не мое присутствие в этой реальности, я бы сказала, что это красивая и впечатляющая сцена из экшена на большом экране кинотеатра. На-

блюдая за тем, как раскололась голова стражника, затем слетела чья-то очередная, я подумала, что Кремер перестраховался, дав мне зелье. Но затем я увидела, что льдинки, начав таять, стали ползти в сторону тела, с которым они секундой ранее расстались, и поняла, что так их тоже не убить.

Встряхнув головой, я окончательно пришла в себя и осознала, что в данный момент не фильмом на большом экране наслаждаюсь, а лично участвую во вполне реальной битве, вернее, стою столбом, позволяя Кремеру воевать за нас обоих. Я – свидетель боя Кремера, легендарного Кремера! Его движения меня завораживали, а стать свидетелем подобного зрелища мечтали все, буквально все. Этот мужчина подобен богу, он невероятно быстр, смертельно опасен. Боже, он так прекрасен и сексуален! Господи, о чем я сейчас думаю?!

Смешно ли? Еще недавно в том ужасном подвале я ждала, что Кремер меня спасет. А теперь? Он спасает меня, он отдал свое зелье, чтобы я сбежала и выжила, но отчего-то я стою тут, наслаждаюсь битвой, его желанием спасти меня, но не бегу. Я не могу сбежать, просто не могу.

Нет, спасать меня не надо! Ведь я Источник, верно? Глупый, смертный, но Источник! Я прямой потомок Дуфф-Кайдена! И будь я проклята, если стану безучастно наблюдать за тем, как убивают того, кого лю... скажем так, я не хочу наблюдать, как убивают того, кто мне очень нравится!

Я взглянула на свою руку, вновь ощутив мягкое покалывание и тепло, которое разливается по всему телу, но стре-

мится прямо к кончикам пальцев. Подушечка указательного пальца начала краснеть, все сильнее и сильнее, появилась пульсация, от которой хотелось скорее избавиться или пере-направить ее причину во вполне определенную цель, оберну-тую в странного вида одежду.

Огонь, мой огонь! Теперь я его чувствую всеми фибрами своей души, а палец как лазерная указка для него, стоит лишь дать направление. И это направление сейчас – ближайший стражник! Я медленно подняла руку, повернула ладонку к небу и поджала все пальчики, кроме указательного, его я четко направила на стражника. Мне даже не надо было давать команды, мысленно или словесно, нет, мною двигало только одно желание – видеть свой огонь на враге. И в то самое мгновение, когда мой указательный палец был нацелен на стражника, вылетел огонь, это был даже не шар, а нечто большее. Это был мощный взрыв огня! Только летел он точно в указанную цель! Мгновенно огонь полностью охватил стражника. От боли и неожиданности он закричал так, что лес содрогнулся.

Остальных дерущихся это тоже отвлекло. Кремер, открыв рот, посмотрел на меня – был ли он в ужасе, я не знаю. Но теперь стражники выказали хоть какие-то эмоции – и это был страх! В этом сомнений не было.

Тем временем сгоревший стражник уже замолчал. Я ждала, когда же он восстановится и вновь вступит в бой, но этого не произошло. Он оставался лежать кучкой тлеющего пепла

на земле.

Кремер тоже рассчитывал на то, что кучка пепла воскреснет, а когда понял, что не в этой жизни парню предстоит воскреснуть, лишь кивнул мне, подав команду действовать. Мне не нужно было особого приглашения и намеков, я сама начала направлять огонь на оставшихся стражников. Все они загорелись спустя несколько секунд, а Кремер отрубил им головы. Видимо, чтобы не мучились больше, чем это было необходимо для нашего спасения.

Мы стояли на поляне, которая хоть и прекрасная, но стала свидетелем отвратительного боя. Кремер дышал тяжело, я же была спокойна, и даже ритм моего сердца не сбился, когда я осматривала то, что осталось после стражников. Почему я столь спокойна? Это меня немного встревожило, ведь должен же присутствовать страх в бою, ну или хотя бы радость от триумфа, но нет, скорее, я сама не верила в то, на что оказалась способна. О моих новых талантах говорили маленькие догорающие кучки пепла. Если во мне еще и оставались сомнения в себе, то теперь на их место пришло нечто иное, нечто, что я пока не могу с точностью охарактеризовать. Чувствовала ли я сейчас угрызения совести? Нет! И это меня забеспокоило – а не становлюсь ли я магом, против которого восстали все бессмертные и боги? Но в то же время, если бы их убил Кремер, тогда что? Тогда я была бы ему просто благодарна за свое спасение, ведь так? Тогда почему меня не покидает мысль, что я совершила что-то очень

неправильное?

– Ты убила их, – еле слышно сообщил Кремер.

Я посмотрела на него и уже хотела было сказать, что это была вынужденная мера, как он набросился на меня, отбросив в сторону меч. Он жестко и крепко обнял меня, целуя в губы. Мне лишь оставалось принять это. Так он меня благодарил за свое спасение? Ну, я точно не против, поскольку начинаю все больше сомневаться в том, что я не превращусь в злобного мага!

– Я просил тебя спрятаться, не стоило так рисковать, – прорычал он, едва оторвавшись от моих губ.

Он только что меня благодарил, а теперь что? Ругает меня? Серьезно? Ах, мужчины!

– Мне показалось, что твои методы не работают, – решила я съязвить. – Но скажи, не разозлили ли мы Фейсала этим убийством?

Кремер, все еще обнимая меня, но окончательно оторвавшись от моих губ, произнес:

– Боюсь, что теперь у нас еще больше оснований сбежать отсюда. – Убирая мои волосы с лица за ухо, он продолжил: – Но я все равно тебе благодарен. Ты справилась и явно стала сильнее.

Боги, но почему комплимент от Кремера поднял мою самооценку до невообразимых доселе высот? Почему я так рада?

– И ты не будешь отчитывать меня и говорить, что я ужас-

ный маг?

Сказать банальное спасибо мне, видимо, религия не позволяет! Или мне хотелось удостовериться, что сам Кремер не считает, что я становлюсь безумным магом.

– Нет, не буду, – ухмыльнувшись, ответил Кремер.

Теперь его пальцы нежно поглаживали мое лицо, а затем, склонив голову так, что его губы и дыхание стали опалять мои уши, продолжил:

– Но я бы хотел познать весь твой огонь на себе, правда, немного в другой ситуации, если ты понимаешь, о чем я.

Я уже хотела было уточнить, о чем это он, не то чтобы я не догадывалась... как вдруг земля под нами задрожала.

Глава 15

Я сидел как настоящий затворник в своей спальне, которую даже не удосужился обеспечить достойным бога освещением. Так в потемках, оперевшись локтями на колени, я разглядывал артефакт, который мне удалось украсть уже очень давно. Если учесть, что хрустальный ромб в оковах благородного металла, по размеру не больше моего кулака, был способен проложить путь к моей мести, то его размер казался огромным. Забавно, как что-то столь незначительное, но вовремя украденное может заложить основы для выхода на поверхность ненависти и бойни, что приведет к войне, если правильно расставить приоритеты и пальцем указать на виновных.

А еще этот кусок «хрусталя» в моих руках отлично отвлекает меня от самобичевания и мыслей о разрушениях, которые стали моими спутниками в последнее время. Заточение, в которое я сам себя и заключил, моих рук дело.

Да, свой замок я отстроил для себя сам. Внешне строение грандиозное, а интерьер соответствует моему безумию. Главный зал с моим тронем декорирован пафосно, но убранство моих покоев и библиотеки просто кричит о том, что я одинок и безумен. Все мрачное: голые стены, лишённые красок, как и мои эмоции, жесткая кровать, которая не позволя-

ет мне даже уснуть спокойно, книжные полки, где хранятся справочники и хрестоматии всех бессмертных и богов. Все куцее и унылое, как и хозяин, то есть я в нынешнем моем состоянии.

Продолжая вертеть в руках артефакт и решая, каким образом мне лучше приступить к реализации плана мести, я понял, что не могу вспомнить, когда мои мысли были так упорядочены в последний раз. Почему нынче меня беспокоит не только мысль о ненависти ко всем, кого я знаю, но впервые за долгое время я еще и задумался: а не обустроить ли мое жилище и не пора ли вдохнуть свет в это лоно уныния и тоски?

И вот так от банальной идеи с освещением я встал и прошелся по спальне, решая, куда спрятать артефакт. Странно, что до сих пор бессмертные не заявили о пропаже, и что более странно – почему брат все еще не навестил меня. Но, предчувствуя его скорое появление, я поспешил спрятать артефакт в стене дальней части моей спальни, где мне удастся скрывать все то, что не должен видеть никто. Я уже перестал надеяться, что мой рассудок когда-нибудь прояснится, а боль утраты позволит жить, мечтать и планировать. Но именно сейчас, кажется, настало самое подходящее для этого время. На сей раз я не останусь в стороне. Даже если покинуть свою тюрьму мне и не суждено, то сил и возможностей мне хватит, чтобы защитить то, что мне дорого. Только на этот раз я не позволю себе обмануться и использую все силы,

ложь, манипуляции и лесть, чтобы изменить существующий порядок. Кроме того, использую артефакты, к чему скромничать? Необходимо добыть их еще больше, чтобы зародить семя смуты среди бессмертных. Терпение, время и еще раз терпение. Артефакты богов содержат невероятную силу, и я могу ее использовать. Мне лишь необходимо больше их собрать, тогда меня никто не сможет остановить.

Начало мести не было заложено вчера, когда я разнес к чертям новое творение брата. Но накануне я очнулся после долгого сна и вспомнил, что тоже чего-то да стою! Время пришло. Сейчас! Какой смысл ждать?

Хаф еще не навестил меня, он до сих пор не осознал, что я проснулся. Нет сомнений, что скоро он об этом узнает и заявится, и мне надо подготовиться к встрече. Мне уже давно пора было с ним встретиться, но, не желая становиться инициатором, я решил подтолкнуть его к этому. Небольшой взрыв, и это заставит брата вспомнить обо мне.

Спрятав в стене артефакт и окинув взглядом спальню, я осознал, что лучше это место брату не видеть. Следует убедить его в том, что у меня все хорошо и я не страдаю саморазрушением. Позже, возможно завтра, я наведу тут порядок, а пока мне надо поспешить в зал для встреч, убедиться, что тронный зал может внушить обманчивое впечатление, что я все еще сын бога и мой замок является символом моей власти. Все это, конечно, не так, это, скорее, венец моего безумия, скрытый за сумбурным убранством.

Готов ли я к встрече с братом? Наверное, да. Смогу ли я сдержаться себя? Скорее всего, нет. Но если поставить перед собой задачу-минимум не убить брата, то, пожалуй, сегодня подобный подвиг я осилю. Главное – держать себя в руках, выдержать все, что он обрушит на меня, и не свернуть ему шею! Да, продолжай себя в этом убеждать, и, возможно, хоть в этом ты сегодня преуспеешь, – убеждал я себя, как положено безумцу, коим я себя и считаю.

«Ненормальный, отщепенец, – продолжаю сам с собой разговаривать, спорить, что-то доказываю самому себе. – Безумец». И этот диалог с самим собой длится веками – нескончаемыми ночами и днями, бессмысленным разглядыванием потолка. Эти диалоги, эти мысли меня не покидают. Не то чтобы подобное общение мне надоело, но ведь не я загнал себя в это состояние! Может, в этом и состоял план Единого Отца? Он решил наказать меня, лишив рассудка? Скорее, он пытался указать мне мое место: где-то в районе его ног, там, где я умоляю о пощаде и, проливая слезы, прошу не лишать меня божественных сил. Интересно, удивился ли он, когда уговоров и слез с моей стороны не последовало? Неужели он и впрямь ожидал от меня подобного?

Он не узрел от меня этого ранее, и тем более я не собираюсь его радовать сейчас. Просто сегодня я в отличном настроении, и готов выйти в мир, и почти рад, что увижу брата. Века гнева, подогреваемые в сердце, готовы встретить новый мир, где я заточен и лишен сил, где мечтаю уничтожить Отца

и всех, кто ему дорог. Ни много ни мало.

– Дуфф, я иду к тебе, и тебе придется меня принять!

Услышав разъяренный голос Хафисвальда, направленный прямо в мое сознание, я не смог сдержать улыбки. А я уж заждался!

Я вынудил его явиться, и брат купился. Сегодня я с ним встречусь.

– Да, я тебя ждал, думал, ты появишься раньше, – ответил я уныло и без энтузиазма своему так называемому брату.

Мгновенье спустя массивная дверь из чистого золота распахнулась, и створки с грохотом, сотрясающим весь замок, явили брата. Я уже успел зайти в тронный зал, где колонны и мрамор вкупе с золотом говорили громче моих слов: я велик! Справа от моего трона располагался бар и бильярд, и это свидетельствовало о том, что мне плевать на условности. Я встречаю посетителей с выпивкой и игрой, ибо только так можно заставить их расслабиться и говорить о том, о чем они в иной обстановке рассказывать бы не стали.

Когда грохот от распахнувшейся двери стих, а пыль, упавшая с дверей, рассеялась, я бы должен был как-то отреагировать, но нет. Я притворюсь, что это всего лишь обычный день в моей жизни. Уже давно никто не являлся ко мне в тронный зал, так что это не совсем обычно, но и появление брата не станет изменением в моем течении жизни. Пока не станет. Он просто комарик, который хоть и надоедает людям, но неприметен и незначителен для меня.

Столь яркое появление брата не заставит меня даже повернуться в его сторону, чтобы его поприветствовать. К тому моменту, как он вошел, я уже был у барной стойки, делая вид, что единственное, чего мне не хватает сегодня, – так это выпивки.

Хафисвальд привык к почтению в свой адрес, и не только в этом измерении, но от меня почтения мало кто заслуживает. Хотя, должен признаться хотя бы себе, что, пожалуй, брат может быть исключением в моем презрении к миру.

Он единственный, кто по непонятным для меня до сих пор причинам всегда меня поддерживал. Чем раздражал меня бесконечно. Никак не могу взять в толк, что это: его наивность, возможно, неуместная доброта, а может, еще хуже – глупость? Почему, ну почему он меня терпел все это время? В одном я сейчас более чем уверен: его терпению вскоре придет конец. Я приложу все усилия для этого, всю свою веками копившуюся ненависть, и тогда даже такой болван, как Хаф, потеряет терпение, и вот тогда, и только тогда, я нанесу удар. Но это пока далеко идущие планы, а сегодня и сейчас мне требуется только уверенно сыграть свою роль затворника-психопата. Хотя меня уже давно одолевают сомнения: а играю ли я данную роль или таковым в действительности являюсь? Скорее последнее, но меня такое положение дел никогда не смущало.

Я люблю свое одиночество, люблю долгие диалоги с самим собой, обожаю причинять неприятности своей родне.

Это дарует мне возможность посмаковать очередной разочарованный взгляд в мою сторону. Когда я встречаю такой взгляд, всегда испытываю нечто сродни экстазу, словно я достиг цели – убил надежду и веру в меня. Есть в этом моменте что-то сакральное, словно ты пришел на таинство, но вместо всеми ожидаемого жертвоприношения привел в храм модного диджея и проституток. Словно тебя долго ждали, а ты появился с опозданием, да еще и подарил всем только горький привкус разочарования. А потом крикнуть ублюдкам: «А вы на что рассчитывали?! Ваши ожидания и ваши надежды на меня – не моя проблема!». И наконец стать свидетелем того самого взгляда – смеси шока, слез и траура, взгляда, который прямо говорит: «Как ты мог?!» Это бесценно! Разве это не характеризует меня как психа?

– Хаф, будешь виски? Его мне сегодня доставили, ты должен это попробовать. – Продолжая стоять спиной к Хафисвальду, я размеренными и плавными движениями наполнял два золотых бокала, которые, к слову, украл у Людовика XIV. Не сам, конечно, а с помощью мерзких слуг Хафа. Являясь проклятым сыном и наказанным Единым, сам я никогда не смогу покинуть эту тюрьму, которую Хав трогательно зовет своей обителью покоя и мира, или *Землей Тумана*. И Хаф, безусловно, считает, что это прекрасный мир, созданный им, а вовсе не треклятая тюрьма для меня и мерзкое пристанище для душ. Подозреваю, ему не дано понять, что любой мир, который ты не можешь покинуть по своей воле,

является тюрьмой.

– Дуфф-Кайден, я тебя не беспокоил вот уже более пяти-сот лет, полагая, что ты в трауре, я исполнял все твои непомерные требования, которые ты направлял МНЕ, используя моих подданных, но сегодня ты перешел все разумные границы!

Последний раз он называл меня полным именем, когда пришел в мои покои и, опустив глаза в пол, сообщил, что наш возлюбленный брат, он же судья Фейсал, приговорил всех моих детей к смерти, к тотальному уничтожению. И еще что все «братья и сестры поддержали это решение, выступили единым фронтом и объединили усилия». В тот день я в первый и последний раз осознал, что я не сын Бога, а они мне не братья. Я не мог ничем помочь своим детям, ничем! Их уничтожали повсеместно, всех без исключения. Благо, никто не был свидетелем моего отчаянья – когда я метался по своему замку, почти разрушив его изнутри. Я ревел от гнева, в минуту отчаянья был готов приползти на коленях к НЕМУ, к тому, кто зовет себя моим Отцом. Единственный, да, он зовет себя моим Отцом, Единственным Богом всего сущего. Но в день приговора Фейсала Отец окончательно стал ЕДИНСТВЕННЫМ ненавистным мне существом. Остальных я просто презираю, считаю, что они слабы, а слабость – это самый страшный порок! Но Его я уважал, был не согласен с ним, но уважал! Все это в прошлом!

– Тебе со льдом? – Если Хаф считает, что я перешел гра-

ницы, то он, наивный, еще не осознал, где пролегают его границы со МНОЙ. Я готов его удивить. Разлив виски, я направил вальяжным жестом палец в сторону бокалов и заморозил жидкость, затем едва заметным движением разбил ее, слегка нагрев, так в бокале появился виски со льдом. После этого я решил взглянуть на брата, главное – не рассмеяться от его разъяренного вида. Мне нужно время. Еще немного времени в моем бесконечном бессмертном и бессмысленном существовании. Хотя последнее может вскоре измениться, вероятно, я таки нашел повод просыпаться по утрам.

– Зачем? Просто скажи... зачем тебе это понадобилось?

Ой, неужели я впервые недооценил его и он раскрыл меня уже так скоро? Это даже заставило меня убрать улыбку с лица.

– Ты о чем?

Раскроем все карты, что мне терять? Я уже потерял все или почти все.

– Зачем, ну зачем надо было разрушать то, что я построил? Тебе что, правда принципиально важно уничтожить все, что не тобой создано?

Фу-у-у-у-ух, убираем карты в стол, нет, он все так же глуп, а то уж я было подумал...

– Ты оценишь виски, The Macallan in Lalique 1964 года, графин, правда, немного пострадал, в связи с чем могу сказать, что твои миньоны – тупицы!

– Во-первых, прекрати их так называть! Во-вторых, я

строил эту арену уже сто тринадцать смертных лет. Зачем надо было ее взрывать? Знаю, тебе тут не нравится, хотя я пытаюсь сделать все, чтобы осчастливить тебя или в крайнем случае скрасить твое пребывание тут, но скажи... – Хаф, скинув капюшон своего плаща странного покроя, прошел-таки в мою обитель, взмахнул рукой, закрыл мою, между прочим по специальному заказу сделанную, дверь. – Просто скажи: зачем?

– Я их называю так, как они того заслуживают.

Все так же стоя поодаль от него, я телепортацией протянул ему бокал, вернее, впихнул ему в руку. Но улыбка уже успела вернуться на мою маску эмоций. Осчастливить меня, говоришь? Мой забавный и глупый брат. Для этого всего-то и надо, что уничтожить Отца, а вместе с ним и других братьев.

– Они мои творения, они онгхусы, и называй их именно так! Ты так и не ответил, зачем ты разрушил, взорвал арену, а вместе с ней и около сорока моих онгхусов.

– Они шумели? – то ли спросил, то ли утвердительно ответил я, но Хаф вопросительно приподнял бровь, явно не удовлетворенный моим ответом.

Если бы я сам знал, зачем я это сделал. Это было не обязательно – взрывать и убивать. Но! Впервые за последнее время я нашел причину для того, чтобы жить! Хотя я задумался: неужели всегда должна быть причина чьих бы то ни было действий?

– Я вышел прогуляться и увидел, что мин... онгхусы строят нечто невообразимо страшное. Кроме того, они действительно шумели и сильно меня разозлили этим.

– Разозлили? Строят страшное? Ты... ты ужасен, Дuffф! Каждый раз, как ты выходишь из своего убежища, ты совершаешь нечто жуткое! Я хотел построить новую арену для...

– Тогда изучи архитектуру лучше! Нет, ну серьезно! Арену? Это должно было стать ареной? Это больше походило на готический сарай!

Я всегда любил ставить под сомнение действия Хафа, вернее, мне нравится, когда Хаф начинает оправдываться. Интересно, он сам-то это понимает?

– Мне не нужны твои советы!

Брат-таки умеет повышать голос. Это ему не свойственно, поэтому он сам каждый раз такому своему поведению удивляется и смущается. Вот и сейчас, выкрикнув эту фразу, он одной рукой сжал бокал с виски, а другой ухватился за лоб, явно обдумывая свое неподобающее поведение.

– Ладно, ладно, успокойся, хорошо? Я могу помочь, я даже сам могу руководить новым строительством. Договорились?

Сделаю все, чтобы отвлечь тебя, мой милый брат. Этого, конечно, я вслух не скажу.

– Ты? Помочь? – Он резко опустил руку со лба и вздернул голову, явно шокированный моим предложением.

Не знаю, что его больше удивило – то, что я готов оказать

помощь, или то, что я готов покинуть свой замок. Необходимо его отвлечь. А предлагая помощь, да еще и без уговоров со стороны Хафа, это может звучать очень подозрительно. Так, сбавь обороты, Дуфф.

– Ладно, – примирительным тоном продолжил я. – Что такого в этой арене и зачем она тебе понадобилась?

Я обогнул бильярдный стол и приблизился к брату.

– Тебе серьезно это интересно или ты просто пытаешься меня еще больше разозлить?

– Конечно, мне любопытно. Зачем бы иначе я спрашивал и предлагал помощь?

Мне нисколько не интересно, но мне нужен повод, чтобы, не вызывая подозрений, я мог чаще выходить из замка.

Поэтому я просто развел в сторону руки и, немного склонив голову, поклонился Хафу, давая понять, что у меня в руках нет «оружия» и я говорю абсолютно искренне.

Хаф какое-то время осматривал меня с ног до головы, пытаясь понять, кто стоит перед ним и куда делся его ужасный брат. Не смей ржать, Дуфф, держи себя в руках! Затянувшееся молчание Хафисвальда надо прекратить, пока его подозрительность не завела туда, куда ему не стоит совать свой нос.

– Да ладно тебе, Хаф! Я ведь не монстр, я и впрямь вспылал, был не прав, что разрушил твое... строение, признаю свою вину, но, поскольку у меня сегодня отличное настроение, почему бы мне не предложить тебе помощь?

– Не знаю, что меня пугает больше – твое вдруг отличное настроение или предложение помощи от тебя.

Да, Хаф меня все-таки хорошо знает, пожалуй, лучше всех.

– Я долго пребывал в отвратительном настроении. Но все меняется, верно?

Нет, это не скоро изменится, меня переполняют убийственные эмоции. Я не откажусь от мести, обрушу на каждого свое «отличное настроение», просто теперь я не могу более это скрывать.

– В последний раз, когда ты был в отличном настроении, ты создал магов.

Вот, одна фраза, и мне уже не хватает сил, чтобы удержать притворную маску счастья на лице. Заметив это, Хаф постарался исправить ситуацию:

– Прости, не стоило мне об этом вспоминать. Знаю, ты любил их как своих детей.

– Они и были моими детьми! В Источниках была часть моей крови, часть моей души. Это вы создали бессмертных, слепив их из того, что под руку подвернулось. А я в своих вложил всего себя, не пожалел своей души, ослабил себя, чтобы они были моим продолжением.

Понимая, что начинаю терять остатки самоконтроля, я постарался свернуть с темы разговора.

– Но ты прав, тебе не стоит об этом напоминать каждый раз, когда я стремлюсь найти повод для хорошего настрое-

ния.

– И какой повод сегодня? Что изменилось? Ты все такой же подозрительный.

– Я его как раз пытаюсь найти, и если ты хочешь мне в этом помочь, то предлагаю партию в бильярд. Раздели со мной отличный виски, согласишься на мое предложение помочь тебе в строительстве арены.

– Зачем тебе это? Какое тебе дело до моей арены?

– Мне наскучило мое одинокое существование. А это тебя должно пугать больше, чем мое отличное настроение!

С этими словами я взял кий, что стоял у стены. На его турняковой части художественная инкрустация, выполненная из серебряных нитей и древесины сатин, а сам кий сделан из древесины черный граб. Да, я люблю, чтобы меня окружали красивые и дорогие вещи. В конце концов, я достоин лучшего! Я кинул кий Хафисвальду, он поймал его и осмотрел, явно впечатленный. Да, это тебе не сарай строить!

– Кроме того, бильярд – отличный повод провести время с... другом.

– Дуфф, я тебе брат, а это больше, чем просто друг!

Кажется, мои слова его задели. Я расстроен этим? Нет, я счастлив! О да! Почему мне нравится делать больно окружающим? Я задавал себе этот вопрос пару раз, но не нашел ответа. Почему я вспомнил об этом сейчас? Не знаю. Но хочу ли я сделать больно Хафу? Да, все, кто так или иначе был причастен к смерти моих детей, подлежат уничтожению! Да-

же ты, мой милый Хаф!

– Не каждый брат может стать другом, считай это комплиментом.

– Да, и не каждый брат может мне подарить столько проблем, как ты. – Повертев кий в руках, Хаф присоединился ко мне и встал у бильярдного стола.

– Тебе стоило бы меня поблагодарить. Если бы не я, ты бы тут помер от скуки. – Я чуть более наигранно, чем следовало бы, засмеялся. Хотя вовсе не шутил.

– Ох, ну конечно, спасти души, переносить их в мой мир после смерти и суда, возвращать к Отцу – это так скучно, согласен.

– Ты так это произнес, что умудрился эту свою обязанность вознести на верхние ступени скуки. Для меня, во всяком случае.

Меня даже передернуло от одной только мысли, что может быть хоть какое-то удовольствие от служения Отцу.

– Тебе тоже не помешало бы взвалить на свои плечи некоторые обязанности Отца.

Хаф провел рукой вдоль моего тела. Я не совсем понял его жест, наверное, намекает, что я тут просто прозябаю в замке без дела, обладая при этом силой богов, хоть теперь и в весьма усеченной мере. Опять же спасибо папочке за это.

– У меня нет Отца, и если ты хочешь испортить вечеринку, то продолжай на это намекать.

– Я не хочу испортить, как ты выразился... – Хаф насу-

пился, словно я сообщил нечто очень обидное для его доброго сердца. – Боги, ты говоришь как человек?!

Я говорю как человек? Едва ли. Но меня удивило, что при этих словах Хаф немного поморщился. Что, брат, тоже не сильно их уважаешь, да? О, а как же их драгоценные души, о которых ты так печешься?

– Ой-ой, аккуратнее на поворотах, не обижай лучшее творение твоего Отца.

Ненавижу людей, ненавижу творения... Его. Мерзкие, слабые, смертные, с их вечными слезами и стенаниями к богу. Иногда думаю: не ради ли молитв к нему, любимому, он их создал? А что? Логично, разве нет? Создать их слабыми и уязвимыми, чтобы они каждый день молились и звали к тебе. А ты, весь такой всемогущий, решаешь, кому жить, а кому умереть. Но только не называй их после этого своими детьми, называй как есть – рабы! Раб Божий – это имя очень подходит ситуации.

– Он и твой Отец тоже, и человечество прекрасно, жаль, что ты до сих пор этого не осознал. Но вернемся, как ты выразился, к вечеринке. Во что играем?

Он решил свернуть с темы человечества. Любопытно, брат, очень любопытно.

– Русский? Судя по твоей физиономии, нет? Ладно, уговорил – снукер так снукер. Люди думают, что именно они изобрели бильярд. Но нет, все, что люди когда-то изобрели, – это проблемы для своего собственного мира. Все их изобре-

тения – это подсказки бессмертных, которые находили нужных людей и так или иначе наводили их на «открытия». Когда богам необходимо было вмешаться в жизнь людей, то они вмешивались: то яблоко упадет на голову, то сон правильный приснится с таблицей химических элементов.

Я начал выстраивать пирамиду шаров на столе, попутно размышляя, насколько могу доверять Хафу. Или вопрос поинтереснее: а доверял ли я ему когда-нибудь? Ведь только он защищал меня, вставал на мою сторону, даже пытался найти оправдание моим деяниям, он единственный, я уверен, не проголосовал за убийство моих детей. Да, я там не присутствовал, но почему-то знаю – он был против, только он один.

– Ты так и не ответил, зачем тебе помогать мне со строительством.

– А ты так и не пояснил, зачем тебе в принципе арена. Предлагаю право первого удара тебе.

– И сразу нарушаем правила? Почему бы хоть в игре в бильярд не следовать правилам и не разыграть право первого хода?

Хаф заметно успокоился и повеселел. Он уже давно привык к тому, что у меня всегда свои правила игры во всем, но он каждый раз веселится, когда лично с этим сталкивается. Боюсь, что его веселье быстро закончится, когда он поймет, что и на его правила в этих землях мне, собственно, плевать с орбитальной станции людей.

– Потому что я так хочу?

Потому что Я устанавливаю правила, потому что я не люблю правила – они меня ограничивают. Но опять-таки это я произнес только мысленно.

– Только потому, что я у тебя дома и мне нравится твое настроение, я приму твое предложение.

Хаф выставил биток, встал в позу для удара и на секунду замер, взглянув на меня.

– Арена мне нужна, чтобы онгхусы могли выпустить пар. У них много дел, они сильны, но они не могут дать волю своей силе.

– Почему ты им не позволяешь участвовать в играх богов?

Я считаю, что это идиотские игры, где боги выставляют на арене своих бессмертных в различных состязаниях, по большей части бессмертные используют свои уникальные возможности и сообразительность вместо прямых столкновений и драк. Так боги тешат свое самолюбие – доказывают друг другу, кто создал лучшего бессмертного. Призы победителям, конечно, достаются внушительные, и ради них бессмертные идут умирать. Игры марионетками, не иначе. Если ты так любишь своих детищ, то почему при их создании не наградил их всем необходимым? Нет, лучше сталкивать их лбами и будоражить свое эго.

– Потому что я их создал с целью помочь Отцу, и ты знаешь об этом. Кроме того, ты засиделся тут и не знаешь, что игры богов уже давно не проводят. – Брат резко ударил кием, и шары разлетелись по столу.

Боги прекратили играть? Забавно, но да плевать.

Наблюдая, сколько блестящих шаров попадут в лузу, я продолжил:

– Тогда зачем им арена? Их основная задача притаскивать души к тебе. Они не сражаются со смертными, они лишь твои проводники.

– Я создал их воинами, но они нигде не могут себя проявить как воины, арена поможет им в этом. Я могу устраивать турниры, поощрять лучших, а они покажут себя как бойцы.

Очевидно, что один бог точно все еще не наигрался со своими созданиями.

– Глупость! Если хочешь, чтобы они проявили себя, отправь их к акритам, а выживших уже сможешь наградить.

– Очень смешно! Я не желаю им смерти, я хочу, чтобы они... могли выпустить пар.

– Думаешь, они не способны справиться с акритами?

Я знаю, что его миньоны с ними не справятся, я в этом просто уверен. Только я смог создать кого-то сильнее акритов. Хотя чему тут удивляться? Я всегда выжидаю, присматриваюсь и если уж делаю ход, то наверняка – шах и мат! Возвращаясь к игре, брат не забил ни одного шара, и дело теперь за мной.

– Тебе известно, что с акритами никто не справится...

Кроме моих магов, разумеется, но об этом я промолчу, не буду злорадствовать, мне надо отвлечь Хафа, а не разозлить.

– Но, Дуфф, пойми: ведь дело не всегда в победе, иногда важен сам процесс.

Спорно, очень спорно!

Вернув свое внимание к игре, я, рассчитав удар, отправил биток четко в красный шар, загнав его в дальнюю лузу.

– Отличный удар, брат!

Без тебя знаю, я тренировался веками, пока коротал время в своем вынужденном заточении, продумывая план местности.

Обойдя стол, я вернулся к месту, где до этого оставил свой бокал с виски, и сделал глоток обжигающей жидкости. Блаженство. Не зря я отправил слуг брата на поиски именно этого виски.

– Ты совсем не пьешь? Тебе не помешает иногда расслабляться. – Хаф лишь вертел бокал в руке, гоняя по нему лед.

– Ты отправил за виски кого-то из моих онгхусов? Ты ведь знаешь, что они не твои личные курьеры во внешнем мире? Их возможности телепортации связаны лишь с душами, которые направляются ко мне.

– Я их не сильно отвлек от твоих великих целей, я лишь попросил по пути заскочить к одному толстосуму, который на аукционе в 2010 году приобрел этот виски.

– Ты что, украл это?

– Да, и это делает его еще вкуснее! Разве нет?

В этот момент я ощутил тревогу, но пытался ее скрыть от брата.

Я чувствую, что Источник пребывает в ужасном месте в опасной компании. Мне необходимо оказать помощь и сделать это незаметно. Если задействовать свои силы напрямую, то это, во-первых, заметит Хаф, во-вторых, разозлит Фейсала, а этого черта лучше сейчас не беспокоить. Надо отвлечь хотя бы Хафа, еще немного... использовать силу, но так, чтобы он не обратил на это внимания.

– Тут темно, не вижу, куда загнать шар.

Жестом руки я вызвал огонь, все свечи стали гореть ярче, а в камине вспыхнуло пламя. Если использовать силу регулярно и на виду у брата, он перестанет удивляться всплескам божественной силы в своих землях. И если для этого мне надо построить арену для его рабов или играть с ним в бильярд, то так тому и быть. Это не самое противное, что мне доводилось делать в жизни.

Пока Хаф осматривал помещение, я немного отвернулся от него и закрыл глаза, прислушиваясь. Я это делал на протяжении бесконечности, как мне кажется. Все, что мне оставалось, – слушать и ощущать. Боль и смерть моих детей, их страдания и лишения. А я в первый и, надеюсь, последний раз ощущал свою... *слабость*. Я не был готов к подобному, я не мог этого рассчитать. Я до последнего не мог в это поверить! Они не могут убить моих детей!

Но они смогли и убили!

Не так давно я очнулся, как от кошмара, преследовавшего меня уже давно, – боль, ощущение страха! Паника, я даже

не мог толком понять, что со мной, но я точно знал, что я не один. Есть кто-то родной, и я им нужен. Ощущение странное для меня, почти забытое. Нечто похожее происходило в моей душе, когда я создавал магов, но после приговора во мне умерло все: ощущения, ожидания, цели и надежды. Но вдруг я почувствовал это опять! Вскочив, я долго пытался понять, в чем дело. Этого не может быть! Этого просто не может быть! Какое-то время я даже отгонял навязчивую мысль, чтобы проследить за тем, что я чувствую, а когда рискнул, то просто пришел в ужас! Осознание одновременно обрадовало меня и ужаснуло. Ужаснуло тем, что я вновь могу это пережить – боль потери, предательство, беспомощность.

Я приставил кий к столу, а сам направился к барному шкафу.

– Но сейчас твой ход. Ты ведь забил шар?

– Я нарушил правило – использовал телекинез, просто ты этого не заметил, – постарался я отвлечь Хафа, чтобы он не смотрел на меня и в мои глаза, которые могут выдать использование мною силы большей, чем просто телекинез.

Надо втереться в доверие, надо заслужить его любовь! А после ударить по самому больному – по любви и доверию брата. Одним ударом двух зайцев? Отомстить и спасти! Что мне важнее: месть или спасение? Еще один вопрос, на который я не могу ответить сегодня.

– Отец сегодня мне сообщил, что уже давно пытается свя-

заться с тобой, но ты не отвечаешь на его призыв.

Я почти готов свернуть брату руку, услышать хруст его сломанных костей, готов закричать от ярости: нет у меня Отца, у меня есть только мои дети, не всех их убили! Вернее, были, вы забрали их всех, почти всех! Вновь это мерзкое ощущение беспомощности взорвалось в моем сердце, но я не намерен более этого терпеть, на сей раз я не останусь в стороне, даже если понадобится уничтожить того единственного, кто до сих пор на моей стороне.

– Правда? Какая жалость, мне казалось, мой автоответчик дал ему понять, что меня нет дома.

Не ломай кости брату, продолжай отвлекать, продолжай говорить.

– И у меня нет Отца, смею тебе напомнить еще раз. И если он этого еще не осознал, то мне очень жаль.

Ненавижу Его, ненавижу! Ненавижу все, что связано с НИМ, с его детьми – как со смертными, так и с бессмертными.

– Ты опять говоришь как человек. Странно, учитывая, что ты их недолюбливаешь.

– Мне больше нравится слово «презираю». – Я повернулся к Хафу, натянув очередную улыбку «мне нравится с тобой говорить». – И что же Он хотел от меня?

На самом деле мне плевать, он во главе моего списка местности.

– Еще до... гибели твоих... де... магов он пытался встре-

титься с тобой, но ты отказывался, а после он не раз пытался вызвать тебя к себе. – Брат отвернулся от меня, подбирая слова. – Какое-то время он мирился с этим, но теперь вновь хочет вызвать тебя к себе.

– Я ему не шлюха по вызову!

Держи себя в руках! У тебя игра с Хафом, притворяйся!

– Я хотел сказать, что мне не о чем с ним говорить до тех пор, пока он не решит меня освободить от своего наказания.

– Это довольно сложно сделать после того, как ты его ограбил!

Хаф пытается взять на себя роль Фейсала? Ну-у-у... До этого неудачника ему еще далеко.

Ох уж этот любимец Отца! Именно Фейсалу адресованы слова Отца: «Сын мой, готов ли ты взять на себя обязанность вершить правосудие над смертными и бессмертными?» Фейсал – подлиза, конечно, и рад стараться: «Да, Отец, приму за честь служить тебе и твоим детям!» Детям... Детям?! Его дети – это МЫ, а не мерзкие люди на Земле. Я – его сын, я! Я так считал ранее, теперь же я не хочу даже мысленно считать себя равным его людишкам, а посему предпочитаю отказаться от Отца и всего, что с ним связано. Роль психопата-затворника мне более импонирует.

– Я не грабил, я одолжил силу Отца, коим его считал. Не детям ли отцы желают лучшего? Не в детях ли они видят свое будущее, свое продолжение? Я считал себя его лучшим продолжением, он должен был верить в меня, раз уж я его

сын. Если ему позволено создавать жизнь, то почему его детям нельзя?

– Тут я вынужден тебя прервать. – Хаф швырнул мой кий в стену, отчего тот разлетелся на куски. Вот гаденыш! Потом не обижайся, когда я пошлю твоего миньона за новым! – Ты не создал ничего лучшего, ты создал себя! Дуфф, ты создал квинтэссенцию своего эго!

– О! Отца ради, я тебя умоляю!

Тут уже я готов был вырвать себе язык за эти слова, но, кажется, Хафа это только обрадовало бы.

– Я создал лучших, я вложил в них свою душу, чего не делал даже твой Отец, по силе с магами сравнимы лишь акриты – отдаю должное моему покойному брату.

– Варис не умер, прекрати!

– Варис – единственный мой брат, о ком я скорблю. Он исчез... Но только он так же, как и я, создал бессмертных, которые могут быть гордостью богов!

Мой брат немного недодал акритам, он не стал делиться с ними своей душой и сутью своей силы, в противном случае акриты могли бы даже превзойти магов. И это заставляет уважать моего брата, он наравне со мной создал одних из самых мощных бессмертных. Акриты – бесстрашные, выносливые и практически безупречны. Одного не пойму: почему брат не создал для них женщин? Это их сдерживает, зато доставляет проблемы всем остальным. В этом я готов признать юмор брата и уважаю его за это еще больше.

– Ты не считаешь меня братом, но это ничего не меняет. Мы – братья, и ты должен знать, что если мы не ощутили смерти Вариса, значит, он жив! Я чувствую тебя, ты чувствуешь меня – нравится тебе это или нет!

В этом он, конечно, прав. Исчезновение бога акритов стало загадкой, смерть Вариса мы бы ощутили, но он как бы исчез с радаров, вот и все. Просто исчез, я ему даже завидовал какое-то время. Во всяком случае, он был свободен, а созданная им реальность для акритов процветала, хотя и не без проблем. Женщин у акритов не было, рождались только мальчики, и то не без приключений. Акриты могли взять женщину, но после родов она непременно погибала. Жизнь – за жизнь! Рождался всегда мальчик-акрит. Из-за этого население акритов было немногочисленным, может, это и к лучшему.

– Его акриты – лучшее, что было создано богами, не считая моих магов, конечно!

– Его акриты – не что иное, как быки, направленные против тореадора! Мощные, бесстрашные, но безнадежно глупые!

– Их глупость лишь в том, что они почитают силу? Это ты хочешь сказать? Акриты невероятно сильны и, что больше всего вас беспокоит, самодостаточны! Они не пресмыкаются перед богами, они строят свою жизнь, как того пожелают, их боятся, поэтому их все избегают и презирают!

– Бла-бла-бла... Ты еще спартанцев вспомни и начни оды

петь! Единственная разница между акритами и спартанцами в том, что акриты бессмертны!

Хафу не нравятся акриты, и я это знаю, но он как-то всегда их пытается принизить, словно ревнует.

– Единственное, что вас должно радовать, – что акриты не стремятся захватить мир! Иначе все так называемые боги уже давно создали бы расу, способную их уничтожить!

Я все время пытаюсь уйти от разговора о магах, но каждый раз сам возвращаю диалог к ним. Это плохо, учитывая, что мой квест на вечер – это отвлечь Хафа, и не братоубийственной схваткой.

– Ты про чародеев? Да, они были созданы богами совместно, чтобы уничтожить магов. И что? А чего ты ожидал? Не будь твои маги столь жестоки и безответственны, не пришлось бы их уничтожать!

Хаф швырнул в сторону бокал с виски, он настроен сегодня воинственно – то кий, то теперь виски. Мысленно я посмеялся над ним.

– Подумаешь, устроили войну в каком-то там племени! Подумаешь, не прятались от людей! Они прекрасны, чего тут скрывать? Хотя, возможно, стоило все-таки попреридержать коней и не размахивать мясом перед хищником. Стоило все же внушить им, что смертным не стоит знать о существовании богов. А то эти людишки устроили столько войн из-за религий, что наш папенька просто каждый раз подпрыгивал на своем небесном троне от новой религиозной войны в его

честь.

Посмотрев на Хафа, я понял, что мои последние слова заставили его действительно потерять терпение.

– Чародеи были созданы как спасение. Да, можешь успокоить свое эго – они не сильнее магов, даже совместными усилиями нам не удалось пересилить магов, для этого необходимо было с чародеями поделиться силой богов, на что мы отказались пойти. И теперь чародеи способны уничтожить твоих созданий, что они и сделали в конечном счете! Не будь ты столь поглощен себялюбием, не пришлось бы создавать чародеев! Жили бы твои маги сейчас, как и все остальные! Единственный, кого тебе стоит винить, – это себя самого! Ты и только ты повинен в их смерти! Я не хотел тебе этого говорить, но ты сам напросился!

Больше всего меня задело то, что в какой-то степени Хаф был прав, я чувствовал свою вину, но не в том, что создал монстров, как считали боги, нет! Я слишком самонадеянно полагал, что маги способны себя защитить, вовремя не вмешался, и жизнь магов была предрешена. Да, я был ограничен Отцом, не мог покинуть это измерение, но я всегда задавал себе вопрос: все ли я сделал, что мог? Может, поэтому я испытываю такую ярость? Может, я создал их недостаточно сильными? Но у меня не было даже мысли, что боги объединят усилия и создадут чародеев. Тех, кто легко переживает травмы, крайне умен и силен, чьи навыки в зельях и заклинаниях безграничны и, что не менее важно, кто может жить

на Земле среди людей, как маги и вампиры.

Этого я не предвидел. Это мое упущение. Ни один бессмертный не может долго жить на Земле, кроме магов и вампиров. Вернее, ранее не мог. Поэтому боги создали чародеёв, чтобы те без проблем жили там, где могут прятаться маги.

Но я не мог знать, что все мои так называемые братья объединят усилия и решат уничтожить целую расу. Так что да, это моя вина в том числе. Этого я не предусмотрел. Я полагал, что весь гнев будет направлен на меня, а не на магов. Ведь все братья вторили Отцу и говорили о равенстве, балансе миров и процветании. Я не мог и предположить, что в их понимании мира и благоденствия может найтись место убийству целой расы, в том числе детей и женщин. Люди пребывают в святом невежестве и думают, что боги справедливы, но я не могу простить себе, что и я ранее думал так же.

День суда... Фейсал информировал меня о времени и месте, но я не явился, хотя мог. Я проигнорировал его, я просто не верил в то, что Фейсал может решить судьбу магов одной холодной фразой «Они должны быть стерты с лица земли». Я знаю, что все братья присутствовали там, кроме Вереса, того, кого я до сих пор готов назвать своим братом. Он не пришел, как и я, посчитав решение Фейсала неправильным. На его призыв Верес лишь обронил фразу: «Избавьте меня от этого». За это я всегда буду у него в долгу. Хоть эти слова и не спасли моих магов, но я знаю, что только он – мой истинный брат.

Хаф? Хаф всегда был слаб перед волей Отца и остальных богов, всегда был ведомым правилами и некими принципами. Проявил свою любовь ко мне, когда попросил Отца позволить за мной приглядывать, что по сути означало взять на себя ответственность за меня. За то, что я украл силу Отца с целью усилить мощь магов, Отец был готов уничтожить меня – свое собственное создание. Тогда Хаф вступился за меня, поклялся, что не выпустит из этой проклятой обители, которую зовет домом. И лишь это позволяет ему до сих пор дышать! Не забывай об этом! Не знаю, ему или мне направлены последние слова, но мне всегда было интересно: что им двигало в тот момент?

А еще мне всегда было интересно, как же он проголосовал на том проклятом суде Фейсала. Он был за то, чтобы убить магов, или же против? Он никогда не говорил мне о своем решении.

– Ты мне ни разу так и не сказал, как голосовал – «за» или «против».

– Это неважно!

Хаф неоднократно слышал от меня этот вопрос, но всегда уходил от ответа. Этот раз не стал исключением. Зато он явно успокоился. Словно тот суд Фейсала висел тяжелым грузом и над ним. Я все эти века чувствовал, что Хаф остро переживает случившееся, просто не могу решить – это из-за меня или он правда жалеет моих магов.

– Ты хотя бы не проявлял радости по поводу их убийства.

Он и впрямь казался удрученным, но это не отменяет моей ненависти к брату – он был на суде и так или иначе повинен.

– Но даже не в этом суть. Ты и твои слуги не участвовали в исполнении приговора.

– Дуфф... – Брат явно был ошарашен моими словами. – Я никогда не желал смерти магам, ты должен знать об этом! Но это не значит, что я мог закрыть глаза на их преступления! Ты создал монстров, они явили людям силу богов, они наплевали на все наши порядки и правила, они убивали! Кто-то должен был это прекратить!

– Я просто рад, что это был не ты!

Хотя по большому счету мне совершенно все равно, кто именно в итоге привел приговор в исполнение: специально созданные для этого чародеи или иные бессмертные. Факт остается фактом. Все, кто был на суде, горько заплатят за это. И Хаф, мой милый Хаф, ты – не исключение!

Глава 16

Дориус скинул меня с плеча, словно мешок картошки, за что, кстати, я ему благодарен. Он никогда не нянчился со мной в мои периоды «похмелья», он все прекрасно понимал. Его небрежное или, скорее, показушное равнодушие ко мне в таких случаях, как мороженое в жару, – не сильно помогает, но дарит мимолетное спасение от зноя. А Дориус в такие моменты, словно лавка с «Баскин-Роббинс» в парке отдыха в жару: друг предложит замаскировать мою слабость мага лучшим крем-брюле, а шоколадной присыпкой служит извечный его вопрос: долго ты еще валяться собрался?

Кому-то может показаться странным подобное отношение к близкому человеку в минуту слабости, ведь мы с Дориусом уже давно живем под одной крышей, и у нас с ним отличные отношения. Да кого я обманываю? Я считаю его своим братом, думаю, он относится ко мне так же. Но все же для мага сохранить иллюзию силы, «сохранить лицо» – это все. Лучше проиграть битву, но уползти с поля боя с улыбкой победителя, а если ползти уже не можешь, то всегда есть надежда, что остался еще маг-соратник, который незаметно для сторонних глаз вытащит твоё тело с этого самого поля. Ведь даже когда все магические силы тебя покинули и ты валяешься на поле боя бессмысленным набором мяса и костей, ты

не имеешь права показать слабость, ты обязан пожертвовать собой, отдать остатки силы другому магу, который еще продолжает бороться. И делаешь ты это с высоко поднятой головой, не иначе, ну или с поникшей головой, если уже находишься в бессознательном состоянии. Пока ты жив, ты помогаешь другим магам, делишься своей силой, но незаметно для врага.

Поэтому я благодарен Дориусу, он знает, что, прояви он хоть каплю нежности ко мне во время или после боя, и мы с ним больше не друзья! Другие бессмертные говорят, что маги бесчувственные и бездушные даже по отношению друг к другу, но это говорят не маги, а те, кто не в состоянии понять сущность мага. Хотя нет, акриты так не считают, для них также важен сам бой, а не жизнь отдельно взятого акрита. Наверное, по этой самой причине маги и акриты извечные и нерушимые союзники.

И те и другие уважают силу и победу любой ценой. Не то чтобы у магов было много побед за последние столетия, но наши ценности отличного боя неизменны. Иногда я задаюсь вопросом: а почему маги не укрылись в землях акритов? Думаю, они без проблем предоставили бы убежище для всех магов, особенно в период, когда стало понятно, что все бессмертные настроены уничтожить каждого мага, кто еще хоть немного способен дышать. Помню, как один акрит (я даже не помню его имени) предложил нам троим убежище в своем доме. Он обещал защиту и покровительство. Но разве

маги могут принять подобное предложение? Разве найдется хоть один маг, который с готовностью примет чужую защиту и будет прятаться в чужих землях? Вот и мы не согласились – наверное, и впрямь маги неправильные. Даже под страхом полного уничтожения мы продолжаем рассчитывать только на себя. С другой стороны, прими мы подобное приглашение от акритов, остались бы они нашими союзниками? Не утратили бы мы свое «Я»? Не отвернулись бы от нас эти воины, увидев нашу слабость, если мы сами бы показали им, что нуждаемся в защите? Наверное, эти опасения стали ключевыми для нашего отказа от спасательной шлюпки, которую нам предложили сбросить с тонущего корабля. И я не слышал, чтобы хоть какой-то маг прятался у наших союзников, во всяком случае длительное время. Залечить раны, взять передышку – возможно, но точно не на постоянной основе.

Но как бы я ни размышлял о принципах магов, тем не менее последствия боя продолжают сказываться. Я уже, конечно, пришел в себя, но все еще чувствую остатки действия сил чародеев. Сил крайне чуждых мне. Втягивая силу любого другого бессмертного, я буду силен какое-то время, даже подпитываясь ею, но чародеи – это враги. При этом враги не просто по природе своего создания, а по сути мироздания магии.

Единственная сила, которую я втягиваю и чувствую как враждебную для меня, которая не делает меня сильнее, наоборот, угнетает мои собственные возможности. После каж-

дого боя с чародеем следует очень долгое похмелье. Забавно. Моя сила мага способна вытянуть сущность из любого живого существа, при встрече с чародеем же я превращаюсь хоть и в грозное оружие, но ненадолго и завишу от силы магов, которые на поле боя еще способны меня подпитывать, чтобы я не рухнул на землю замертво от силы ближайшего ко мне чародея. Так что каждая встреча с чародеем для меня очень и очень печально заканчивается. Обычно я не убиваю чародеев своей силой, вернее, стараюсь не убить, только вывожу их из строя, так легче перенести груз втянутой силы. Но в иные моменты у меня просто не остается другого выбора, как на этой треклятой барже. Мы спасали Источника, уязвимого, пока еще очень слабого смертного Источника, а потому пострадать лишние пару дней того стоит. И моя сила – мое смертельное оружие, которое может лишить жизни бессмертного, и в то же время моя слабость в серьезной и продолжительной битве с чародеями. Это всегда тонкая грань между моим желанием напасть и уничтожить как можно больше врагов и моей жизнью, где я, пошатываясь на нетвердых ногах после парочки чародеев, вынужден искать защиты у других магов, чтобы дожить до конца боя.

Дориус без труда может сносить головы и взрывать тельца мерзких чародеев и иже с ними, что он и делает регулярно. Элли же умеет блокировать большую часть заклинаний и зелий чародеев, она наш щит в буквальном смысле. В пылу боя мы с Дориусом часто не успеваем отследить все источники

опасности, направленные на нас, но Элли видит все, она четко и хладнокровно распределяет защиту на нас с Дориусом во время боя, всегда перемещает свою защиту туда, где это необходимо в каждый миг битвы. Я могу часто ее подкалывать, выводить из себя, но эта девушка заслуживает полного моего уважения и преданности. Я вообще часто задираю Дориуса и Элли просто из своей природной вредности. Эта парочка в своей любви друг к другу выводит меня из себя. Они, как Чип и Дейл, всегда спешат на помощь... в основном друг другу, но и меня не забывают спасать. А я не желаю ощущать себя тем, кого они вечно спасают. Нет, я опять лгу самому себе. Меня не беспокоит их защита, меня бесит, что я ощущаю себя в этой компании как источник одних только проблем. Я знаю, что я сильный маг, в котором они нуждаются, но я хочу, чтобы ко мне относились как к Маркусу, например. Просто к парню по имени Маркус!

Черт, может, это потому, что из-за их связи у меня возникает ощущение, что я третий лишний, а после потери всей моей семьи мне необходимо чувствовать себя нужным, и не просто как сильный маг? Когда я найду сестру, уверен, я успокоюсь насчет Дориуса и Элли и перестану ревновать. Я эгоист? Да, я этого никогда и не скрывал, но теперь, когда у нас появился Ремис, я задумался: а не потому ли я так хочу с ним сдружиться, не потому ли страстно желаю, чтобы в нашем доме появился тот, кто был бы мне очень близок, был бы только мой? Не знаю даже, чему я обрадовался больше:

тому, что я нашел Источника (ладно, не только я его нашел), или тому, что он так же одинок, тем более сейчас, когда потерял сестру.

Боги, о чем я думаю?! Ремиса я даже не знаю, я даже не могу ему полностью доверять из-за его связи с чародеями. Тогда почему мне так хочется, чтобы мы стали близкими друзьями?

Потому что я до сих пор не нахожу понимания у Дориуса и Элли. Да, они знают мои слабости, что мне необходимо помочь после боя и что я одержим поиском сестры. Но я всегда ощущал, что, несмотря на все столетия близости между нами, они не способны даже на минутку осознать, что я ощущаю, например, после боя с чародеем. Для Дориуса и Элли не существует негативных последствий после боя, они просто восстанавливают свою магию, физически не страдают. Только если бой длится очень долго – силы магов, как известно, не бесконечны. Но в любом случае Дориус и Элли могут быть уставшими после боя, восстанавливать силы, но уж точно не страдать от похмелья, как я продолжаю это называть. Между нами есть немая договоренность, закреплённая кровью. Мы вместе несмотря ни на что! Мы одно целое, мы сильны, пока мы едины. Проблема одного из нас становится проблемой всех. Только вот поиском моей сестры занимаюсь я один, во всяком случае так мне кажется.

А тем временем я, продолжая чувствовать слабость во всем теле, решил-таки взять себя в руки и принять сидячее

положение. После броска Дориуса я постарался сфокусировать свой взгляд. Перед глазами плыла дымка, образы были нечеткими, и голова каждый раз кружится, когда я пытаюсь сфокусировать взгляд на чем-то конкретном. Судя по всему, Дориусу и Элли пришлось тяжело на барже, раз это заняло столько времени, поскольку ясный день явно превратился в сумерки. Это даже мой уставший взгляд мог заметить: солнце больше не резало глаза, а скрылось где-то за высокими соснами.

Повозившись какое-то время на земле, я все же предпринял вполне удачную попытку принять вертикальное положение. Спасибо природе, которая взрастила это крепкое дерево, благодаря которому я могу более-менее стоять на ногах. Подперев дерево плечом и ухватившись рукой за ветку, я стал осматривать окружающую обстановку.

Черт, люди! Хотя и расплывчато, но все же я смог их заметить. Они скопились на противоположном берегу в ожидании баржи. Не хочу знать, как Дориус и Элли разрулили ситуацию и смогли скрыть нас от людских глаз. Все, что я хочу знать, так это как нам быстрее добраться до дома. Вернее, нашего второго дома на случай плана срочной эвакуации. Идея жить не очень далеко от чародеев принадлежала Элли. Она заверила, что ее магии хватит скрыть наш особняк от любых любопытных глаз, при этом чародеи не догадаются, что маги посмели жить буквально на заднем дворе одного из их главных пристанищ. Как показали события последних

пары дней, чародеи очень даже догадались, хотя нам удалось прожить в особняке более шестидесяти трех лет. Возможно, если бы не Алика и Ремис, то нас так и не обнаружили бы и мы не лишились бы нашего дома... опять, очередной раз из-за чародеев.

– Что с баржей? – прохрипел я, не адресовывая свой вопрос никому конкретно. На барже тоже были люди, и они явно под действием сил чародеев. Плутают по земле с затуманенным разумом недалеко от нашего бункера, как его называет Элли, а это нам совсем не нужно. Но есть и плюсы. Судя по окружающему нас пейзажу, Дориус вместо первоначально намеченной остановки привез баржу прямо к той части берега, где располагается наш дом, а учитывая, что машину мы потеряли, это очень здорово, хотя, может быть, это и глупость. Ведь неизвестно, что люди вспомнят, когда придут в себя от заклинаний чародеев.

– Мы перепробовали многое, но течение не позволило нам лишь силой телекинеза управлять баржей. В итоге Элли постаралась исцелить двигатель тягача, и... ей это удалось, и вот мы здесь!

– Эмм... что? – Я ведь правильно расслышал его? Исцелить двигатель? Последнее, что я помню, так это то, что из места, где должен располагаться двигатель тягача, валил густой черный дым, а это нехороший знак, если ты собираешься куда-то плыть.

– Да, не знал, что такое возможно. Взрывом я повредил

двигатель, ну я так думал, когда увидел дым. После очередной провальной попытки сдвинуть баржу с места Элли заглянула в машинное отделение и совершила чудо!

Хоть Дориус и пытался придать лицу нейтральное выражение и говорил это лишь с усмешкой, в голосе явно читались нотки гордости за Элли.

– Наверное, присутствие Источника придало Элли новые возможности, так что спасибо ему.

Вот почему я не могу сказать комплимент и порадоваться за Элли и Дориуса? Почему мне просто не согласиться с тем, что Элли явно стала сильнее сегодня и что слова Дориуса о чуде верны? Ремис – наш Источник, его присутствие придало силам Элли новый импульс. Но разве сама Элли не сильна? Разве не Элли в итоге вытащила нас на берег? Но Дориус, как обычно, спокойно пожал плечами, словно его совсем не задевают мои замечания. Ради Дuff-Кайдена, Дориус, да врежь же ты мне наконец по морде! Я это давно заслужил, ой, как давно, особенно от тебя. И это лучше, чем твое спокойное пожатие плечами в ответ на мои слова! Согласен, твои методы спокойного ответа меня задевают сильнее!

Кстати, о нашем Источнике. Мне не пришлось долго настраивать мое отвратительное зрение в поисках Ремиса. Он стоял метрах в шести от нас с Дориусом и, кажется, нас не слышал, он продолжал всматриваться в воду, ну или мне так виделось.

– Ремис, прекрати искать сестру в воде, она не русалка, ее

там нет! – Надо уже парню встряхнуться. – Я же сказал тебе, мы найдем ее, она наверняка выжила.

О том, что она находится в руках Кремера, я не стал говорить вслух.

– Я не ее ищу, меня беспокоят люди, на берегу их не менее пяти человек, плюс люди на барже. Они могли что-то видеть!

Ремис повернулся и уставился на меня осуждающим взглядом. Серьезно? Я, что ли, виноват, что чародеи на нас напали? Вернемся к вопросу доверия и тлетворного влияния чародеев на Источника.

– Звучит так, словно ты обвиняешь в этом нас! Позволь напомнить тебе, что это твои любимые чародеи напали на нас. Мы лишь защищались, а теперь вынуждены замечать следы!

Силы еще не в полной мере ко мне вернулись, но вот ответить этому юнцу мне очень захотелось, при этом лучше кулаком в лицо!

– Мы спасали твою задницу, а ты еще претензии нам предъявляешь? Ах, прости, что в момент, когда мы боролись за свои жизни, мы, возможно, не все предусмотрели. Хотя, заверяю тебя, Элли сделала все возможное, чтобы эти зверушки и дальше думали, что наблюдали всего лишь полет стрижей над рекой.

– Зверушки? Это ты людей так называешь? Они для вас зверушки? – Ремис произнес это так, что, кажется, пришел в больший ужас от этого, чем от мысли, что дом чародеев

теперь не его родной дом.

Надо сказать, тут Ремис прав, я никогда не питал теплых чувств к этим недосуществам. Но он явно думал иначе.

– Маги всегда так поступали! Плевать на все, на людей или бессмертных! Вот поэтому...

– Поэтому что?

Мне хватило сил отойти от дерева, которое служило мне надежной опорой, хотя его кора уже порядком натерла мне спину, и к тому же голова вновь сильно закружилась от резкого движения. Но, слава Дуфф-Кайдену, я смог устоять на ногах и ответить недомагу, гордо подняв голову, несмотря на то что мои глаза фокусировались на оппоненте с трудом. Если Ремис считает, что он отличается от нас только тем, что прожил с чародеями какое-то время и теперь *он* знает, как должны поступать маги, то он сильно, очень сильно заблуждается.

– Тебе напомнить, кто убил твоих родителей? Или ты считаешь, что чародеи поступили правильно?

Ремис сжал кулаки и направился напрямик ко мне. Странно, но после такого выпада я даже еще больше его за-уважал. Однако если он думает, что в состоянии что-то мне сделать, то пусть попробует. Он, может, и Источник, но еще совсем ребенок, а со мной силы бессмертного! Бессмертного, который прожил гораздо дольше, чем Ремис.

– Не смей говорить о моих...

– О твоих родителях? А знаешь что?! Смею и буду гово-

ритель! Они были твоими родителями, но они были *Источниками* – силой для всех магов! Силой для меня, Дориуса, Элли и других немногих выживших. Это для тебя они родители, а для нас они Источники. Источники, которых убили ублюдки-чародеи! И если для тебя они любимые мама и папа, то их потеря для меня – ничуть не меньшая трагедия! И я, да, именно Я не позволю ТЕБЕ марать память об Источниках или других магах, которые погибли. Я не позволю ТЕБЕ отзывать плохо о магах и о *твоих* родителях! Уверен, они пришли бы в ужас, узнай, что ты и Алика жили среди чародеев, которые использовали вас, чтобы добраться до других магов! Что вы – дети Источников – верили чародеям, что вы последовали за чародеями, что вы...

– Маркус! – Дориус не позволил закончить фразу, которой я хотел обвинить глупых детей в измене магам. И я опять благодарен Дориусу за это. Потому что, сделав пару глотков воздуха, я понял, что маленьким магам просто внушали ложь на протяжении всей их жизни. Дети – они и есть дети независимо от того, где они родились, главное, где они воспитывались.

Ремис немного пошатнулся, сделал шаг назад, словно я его ударил. Признаю, не стоило так бить по больному. Родители, даже если они для кого-то короли и сила, для детей – просто мама и папа. А сама мысль, что ты разочарование и предательство своей семьи, – не лучшая мысль. Но пусть не думает, что вправе читать мне тут вот свою чародейскую

мораль.

– Ты их даже не знал! – Ремис шепотом и надтреснутым голосом ответил, а затем, взяв себя в руки, сделал шаг навстречу мне. – Тебя там не было! Тебя не было там!

Ремис сделал еще шаг ко мне, потом другой, и стало понятно, что парень решил подраться. Эту мысль подтвердил и направленный в мою сторону кулак. Но встречу кулака со мной прервал Дориус, который встал между нами и перехватил удар Ремиса.

– Хватит! – Дориус хладнокровно и совершенно спокойным голосом не дал случиться отменной драке.

Не то чтобы удар кулаком мог послужить началу драки, ответить физически я бы не смог, несмотря на мою долгую бессмертную историю. Скорее, мы бы уже перешли к телекинезу. Дориус никогда не позволял драться магам между собой. Только с целью тренировки.

– Успокойся, Ремис. Когда драка началась, людей на берегу не было, а те, что были на барже, вряд ли что-то запомнили. Сам прекрасно знаешь, чародеи не стали бы впутывать сюда людей. Уверен, заклинание мощное, и люди ничего не вспомнят. После драки Элли закрыла баржу щитом, люди на берегу ничего не видят. Сейчас баржа для них – не более чем тень на реке.

– Да ладно тебе, Дориус, пусть мальчик еще поорет на меня, это ведь так забавно! Он думает, что знает *магов*, он думает, что может нас чему-то научить! Он...

– Заткнись, Маркус! – Черт, вот почему у меня никогда не хватает внутренних сил спорить с Дориусом? Почему он действует на меня, как альфа-волк на стаю? Два слова, и я уже действительно заткнулся! Дориус своим тихим, но жестким голосом может утихомирить даже Элли! Это голос, за которым хочется следовать, которому веришь. А может быть, потому, что знаешь: если Дориуса взбесить, то взрываться будет все вокруг, в том числе и твоя собственная голова? Так что да, заткнуться – это безопаснее.

Но тут я задумался: а что если использовать силу против Источника, против Ремиса? Если я вытяну его силы, что я почувствую? Сейчас точно не время! Когда Ремис достигнет бессмертия, можно попробовать, но сейчас смертного я могу убить, и тогда уж точно Дориус взорвет меня. Разве не этого я хотел? Чтобы Дориус хоть раз ответил мне! Идея проверить все это весьма заманчива.

– Ремис, мы не нападаем друг на друга! Особенно когда и без того много желающих нас прикончить. Но Маркус в чем-то прав...

Я в чем-то прав? Да я всегда прав!

– Маги, может, и не идеальны, но не мы убили твоих родителей. Не мы морочили голову тебе и твоей сестре все эти годы. И совершенно точно мы спасли тебя сегодня. Так что немного уважения с твоей стороны не помешало бы!

– Я... я... не хотел проявлять неуважение. Я просто переживаю за сестру, за людей, вот и все! – Ремис опустил руки

и голову. Знаю, знаю... На меня тоже так действуют слова Дориуса. – И да, я признаю, что о магах я знаю лишь то, что слышал от чародеев. Но это не моя вина, я не выступал добровольцем, я не просился в эту жизнь, и я... я не выношу разговоры о родителях, так что попрошу не упоминать их при мне. Никогда!

– Справедливо. Теперь мы можем двигаться дальше? – спросил Дориус, пристально глядя в глаза Ремиса.

Тот в ответ лишь кивнул. Ну а после этого Дориус глянул и в мою сторону, в ответ я поднял сжатый кулак с вытянутым большим пальцем. Да, чувак, ты победил!

Я немного потянулся, чтобы размять мышцы. Хоть идти от берега к нашему дому и недолго, все же надо преодолеть некоторые участки, заросшие мхом и плотно растущими соснами, кедром и прочей растительностью, которой славится тайга. Я втянул полной грудью запах хвои. Как же тут приятно находиться!

Мы уже давно построили себе тут дом, но оказываемся в нем редко, только в крайних случаях, примерно как сейчас, когда надо перевести дух вдалеке от людей и бессмертных или спасти задницу Источника. Но все-таки это место дарит покой, надежду, что завтра наступит другой день и ты сможешь перешагнуть через новые проблемы.

Когда я было уже настроился последовать к дому, тут я понял, что за всей этой мелкой перепалкой с Ремисом я упустил из виду Элли. Куда она пропала?

– А где Элли? – спросил я, глядя сквозь густую растительность по сторонам и начиная напрягаться всем телом. Заприметить ярко одетую блондинку в тайге несложно, но ее нигде не было видно. Конечно, мое зрение сейчас уступает орлиному, но все же. Если она пострадала, то... ух... держитесь все! Хотя спокойный вид Дориуса заверяет меня, что все с ней в порядке и паниковать не стоит. Иначе взрывы были бы слышны на другом континенте.

– Она пошла разобраться с машинами и убрать последние следы драки на барже. Когда люди очнутся, пусть думают, что они перепили алкоголя. – Дориус сказал это, скорее, для Ремиса, чтобы он понял: маги все-таки следят за тем, что делают. Ремис еле заметно кивнул.

– Ок, а что с нашей машиной?

Там были мои вещи. Не то чтобы я сильно из-за них переживал, но там мой дневник, куда я записывал все, что связано с поиском моей сестры. Хотя я помнил наизусть каждую букву, заметку, каждую мелочь, потерять дневник было бы очень больно для меня. словно я очередной раз потерял сестру.

Элли уговорила меня последовать современным технологиям и отсканировать дневник, создать его электронную копию. Что я и сделал, электронный носитель хранится в банковской ячейке. Но ни одна флешка или еще какой носитель не заменят живых записей, сделанных моей рукой, мое маниакальное пристрастие перелистывать страницы по ночам,

когда я сопоставляю имена и события, даты и время, названия улиц, городов и земель. Я перечитываю и перечитываю, пытаюсь вспомнить, что я услышал, от кого я это услышал и не забыл ли я это отразить на страницах дневника. Я делаю зарисовки лиц и пейзажей, которые встречал при поиске сестренки, с годами я стал отличным художником. Одна лишь мысль потерять все это, и вот я невольно прижимаю ладонь к сердцу, словно потеря дневника нанесла мне физическую боль. Прошло уже сто тридцать два года и шестьдесят семь дней, но я все так же ощущаю боль в груди каждый раз, когда вспоминаю о пропавшей сестре. Перестану ли я когда-нибудь ее искать? Нет. Пока я верю, что она жива, не перестану.

Дориус и Элли неоднократно высказывали сомнения в том, что ей удалось выжить в одиночку, но я отказываюсь сдаваться и верить в ее смерть. Я посмотрел на Ремиса и понял, что мы сейчас с ним в одинаковом положении. Оба хотим найти своих сестер. Оба в отчаянье. Только я в этом ощущении живу гораздо дольше.

К Ремису я сразу почувствовал тепло, как к родному, еще даже до того, как Алика пропала. Отвечает ли он мне взаимностью? Наверное, нет, раз при первом же споре хотел набить мне морду. Но я ведь сам его провоцировал, разве нет? Почему я ищу конфликты? Может быть, я люблю выводить окружающих из себя не потому, что я эгоист или из-за ревности к любви и преданности Дориуса и Элли? Может, это

потому, что мне очень больно? И я хочу заявить об этом, желаю, чтобы хоть кто-то наконец понял, что я не опасаясь физической боли, не избегаю драк, я лишь хочу, чтобы физическая боль немного притупила душевную. В состоянии ли это кто-то понять? Не исключено, я подозреваю, что понимают, но я хочу, чтобы и другие испытывали такую же боль. Я хочу сделать больно им, чтобы хотя бы в ощущении боли я не был одиноким. Эгоистично. Это слово я произношу постоянно, но осознание этого не способно меня изменить до тех пор, пока я настолько одинок в этом мире.

К черту эти размышления! Мне плевать, кто что думает. Плевать, что Дориус и Элли убеждали меня смириться и перестать искать сестру. Они уверяют, что она погибла, иначе бы давно сама нашла меня. Но я не остановлюсь. В противном случае я обреку себя на навязчивую мысль «а что, если»... Нет, это еще хуже! Если понадобится, я воспроизведу свой дневник сегодня ночью полностью и продолжу поиски.

Теперь к поискам моей сестры я еще добавлю поиски сестры Ремиса. Что бы он сейчас ни думал о магах, мысли о пропавшей сестре, эти метания души известны даже врагам, и даже врагов ты готов избавить от подобных мук.

– Твои вещи я забрал, но машину пришлось уничтожить, как и все остальные. Думаю, Элли не настолько сильна, чтобы восстановить то, что осталось от нашего автомобиля. – На этих словах Дориус поднял с земли немного закоптившийся рюкзак и подал его мне. Мой рюкзак! А значит, и мой днев-

ник.

– Спасибо, чувак, – ответил я веселым голосом, который даже минимально не отражал моего внутреннего ликования и облегчения от того, что мой дневник сохранен.

Немного дрожащими руками я потянулся к рюкзаку. Я лишь мельком взглянул в глаза Дориуса и понял, как он понимает, что именно я хотел получить. Его слова о машине были лишь отговоркой, таким образом он хотел скрыть, что машина его не волнует, его волнует мое спокойствие. Вопрос о машине не мог сбить с толку Дориуса, хоть я изо всех сил стараюсь скрывать немислимую боль и отчаянье. Но старика Дориуса не проведешь! За что я его люблю, так это в том числе и за умение мне подыгрывать.

– Не за что. Что там такого ценного? Цепи и наручники? Маркус, вряд ли ты встретишь тут женщину своей мечты, – хихикнул Дориус, вот только глаза его не улыбались.

Он просто не дал мне углубиться в мою панику от мысли о потере дневника. После боя и всей суматохи Дориус не забыл забрать то, что мне так дорого. Люблю тебя, чувак! Боги, как же я люблю этого парня! Даже если он не верит, что моя сестра еще жива, не видит смысла в ее поисках.

– Да уж! Но тебе меня не понять, у тебя-то есть женщина мечты!

И тут я рассмеялся, искренне так рассмеялся. Давно я так не смеялся! Дориус и Элли! Есть ли что-то более несовместимое на свете? Нет, ну серьезно?! Как эти двое могут быть

счастливы вместе? Они буквально с разных планет, как огонь и ветер, одно с другим если и сочетается, так только в пользу кого-то одного. То ли Элли все-таки так не хватает порядка в ее сумасшедшей голове, то ли Дориусу необходим хаос. И в момент, когда мне казалось, что мой смех слышат даже люди на противоположном берегу, я получил удар в живот.

– За что? – потирая живот, но продолжая смеяться, спросил я Дориуса.

Дориус тоже смеялся.

– Попридержи свой длинный язык, Маркус! Я говорил Ремису, что маги не бьют друг друга, но ты... – Тут Дориус сжал указательный и большой пальцы почти вместе и, прищурившись, продолжил: – Ты, мой брат, вот на столько близок, чтобы я изменил правила игры!

– Ты бы изменил правила? Ты не настолько крут, чтобы сделать это!

Похлопав по плечу Дориуса, я закинул рюкзак за спину и показал Ремису рукой, в каком направлении нам двигаться. Я выдохнул впервые за вечер и немного расслабился. Мои друзья со мной, мы идем к дому.

– Элли, долго ты еще там? – окрикнул Дориус Элли.

– Иду я, иду! Черт, мои туфли не предназначены для этого дерьма!

Вид Элли в прекрасном, хоть и подпорченном платье, на шпильках пробирающейся в лесу – это потрясающее зрелище! Почему эта женщина не купит себе кроссовки? К чему

такие страдания? Ее шпильки проваливаются в мох, она отмахивается от комаров, но при этом поправляет прическу и платье. Я никогда не смогу понять женщин, никогда!

– Чего вы тут разорались? Пока вы тут выясняли, у кого тестостерона больше, я там порядок наводила, между прочим!

– Как всегда, милая, как всегда! Ты прикрываешь наши спины! – промурлыкал я, протягивая Элли руку, чтобы она могла переступить через овраг.

– Я прикрываю ваши жопы! Давай называть вещи своими именами!

Дориус отпихнул меня и, перепрыгнув через овраг, поднял Элли на руки, обошел овраг и, подойдя к нам, нежно поставил Элли на землю. Она лучезарно улыбнулась Дориусу, потянулась к нему и быстро чмокнула в щеку.

– Все хорошо? – Дориус вытянул соринку из волос Элли, но, когда он задал этот вопрос, прямо глядя в глаза Элли, казалось, что мы с Ремисом тут явно лишние. Опять, но теперь я не один тут лишний, Ремис вместе со мной.

– Ну ты же меня знаешь, милый. У нас все отлично! Я позаботилась обо всем.

Элли развернулась и прильнула к Дориусу, закинув руки ему за шею. Дориус склонил голову, и их губы слились в нежном и быстром поцелуе. Почему каждый раз, когда я это наблюдаю, мне хочется что-нибудь в них кинуть?

– Так, голубки и неопределившийся недомаг-недочаро-

дей, мы должны двигаться! Не хочется вас прерывать... – тут я слукавил, конечно, – но мне все же не терпится наконец-то вернуться домой.

– Ты не говорил этого сейчас, придурок! – Ремис, кажется, вновь решил подраться.

Боги, у меня новый друг! Честное слово, я его обожаю! Если Дориус все время себя сдерживает, то в этом парне горит огонь, а мне это всегда очень нравится в магах. Еще бы! Ведь как ни крути, а он Источник! Но пока он не стал полноценным Источником, могу же я и его подкалывать, разве нет?

– Да успокойтесь вы уже! – Элли слегка оттолкнула Дориуса от себя и, поправив прическу, обратила свой гнев на нас с Ремисом. – Ремис, свыкнись с мыслью, что Маркус – заноза в заднице, а ты, Маркус, – она развернулась ко мне, – смирись с идеей, что с нами Источник, который таки сильнее тебя!

– Пока еще не...

– Он сильнее хотя бы уже потому, что не нуждается в подзарядке своих сил! – перебила меня Элли.

Она явно хотела меня уколоть при парнях. Мстит за мою фразу, кинутую ей на барже? А ее немного сузившиеся глаза и дерзкая ухмылка только подтвердили мои подозрения.

Мы с Ремисом переглянулись, вероятно, оба признали правоту Элли. Ремис ухмыльнулся, но постарался скрыть свою улыбку, кивнул мне, явно дав понять, что он все верно понял: он сильнее, а я заноза в заднице.

Дальше мы шли молча. Дориус, нежно поддерживая Элли, шел чуть впереди нас с Ремисом, а заодно и расчищал нам путь. Он использовал телекинез, раздвигая ветки, но ровно настолько, чтобы пропустить нас и не изменить ландшафт. И не из-за любви к природе, а чтобы случайно не указать протоптанный путь заблудшему путнику.

Пробираясь по лесу, каждый был погружен в свои мысли, мои были заняты Аликой. Если Ремис так крут, что, даже не прилагая усилий, уже смог расширить способности Элли, то Алика тоже такая? Нет, она явно сильнее Ремиса хотя бы потому, что старше его и ближе к бессмертию. Надеюсь, это поможет ей в борьбе с Кремером. А вообще, что я несу? Кремер один из сильнейших чародеев, я бы даже сказал, бессмертных. Если он прыгнул за Аликой в воду, то просто потому, что понимал: Алика сильна, и, значит, по логике чародеев ее надо бы уничтожить первой. У Алики нет шансов противостоять Кремеру. Будь это другой чародей, я был бы спокоен. Но Кремер! У него за поясом больше зелий, чем слов в молитвах о спасении. Ремис шел рядом, опустив голову, редко ее поднимая только для того, чтобы видеть, куда он ступает.

– Мы найдем ее, Ремис, я лично приложу все усилия. – Наверное, я сказал это вслух, поскольку Ремис повернулся ко мне. Просто я узнаю себя в нем, узнаю свою панику и растерянность, когда понял, что моя сестренка пропала. А моя еще и младшая.

– Ты хочешь найти Источника, а я ищу сестру. В этом вся разница между нами. Ты не можешь...

– О, я прекрасно понимаю, поверь, я очень хорошо понимаю... – прервал я Ремиса.

Не то чтобы я собирался делиться с ним личным, но мне хотелось, чтобы Ремис знал, насколько он не одинок. Ремис *больше* не одинок, есть кто-то, кто может понять его мысли и действия. Пусть они кому-то покажутся нелогичными, но для тех, кто потерял близких, эти действия очень понятны.

– Моя сестра пропала, очень давно. Она пришла к нам и пожелала всем сладких снов, мы ее поцеловали, и она пошла спать, таща за длинное ухо своего зайца, с которым она никогда не расставалась. Она не была ребенком, но зайца таскала с собой везде. Как талисман... не знаю. – Я хмыкнул, немного улыбнувшись, вспомнив этого потертую и замызганную игрушку, которую я сохранил. – Мы все хотели его уже выкинуть, но сестренка запрещала к нему даже прикасаться. Хоть по меркам людей она уже была тинейджером, но для магов – еще совсем ребенком. Ребенком, которого мы хотели защитить от всех бед. Но на следующее утро мы обнаружили пустую кровать. Пустую. Вернее, нет, ее заяц там был, а вот сестренки не было.

Ремис резко остановился и почти столкнулся со мной, что и меня вынудило притормозить и посмотреть на него. То, что я увидел, говорило о том, что он тоже очень хорошо меня понимает.

– Мне... мне жаль. – Ремис тяжело сглотнул и продолжил: – Я так понимаю, ты ее не нашел? Давно ты ее ищешь?
– Дольше, чем ты живешь.
– Ты... ты думаешь, она... думаешь... чаро...
– Она жива! Не знаю как, но я просто чувствую, что она жива! Я не могу это объяснить, я просто знаю! Я отказываюсь верить в иное.

А вот этого я уже не ожидал: Ремис схватил меня за руку и резко дернул к себе. Я врезался в крепкое тело Ремиса и уставился на жесткое выражение, которое появилось на его лице. Он крепко держал мою руку, сжав мою ладонь в своей. Его глаза... мне показалось или они блеснули ледяным голубым цветом? Хотел было спросить, какого черта, но Ремис опередил мой вопрос:

– Если она жива, я клянусь, что сделаю все, чтобы найти ее, клянусь тебе, Маркус!

– Да, спасибо, – промямлил я, поскольку его слова подействовали на меня неожиданно обнадеживающе.

Я все еще раздумывал: это мое зрение меня подводит или же у Ремиса действительно в глазах был *лед*? Встряхнув головой, Ремис уже пристально смотрел на меня прежними глазами и явно ждал от меня какого-то ответа.

Показалось.

Что ему еще сказать? Дориус и Элли, конечно, помогли мне, но в силу того, что они оба верят в смерть моей сестры, то в основном я действовал в одиночку. А теперь? Не ожи-

дал, вернее, не думал об этом, до этого самого момента не думал, что в поисках моей сестры будет задействован кто-то еще, да еще и Источник. Надеюсь, он для нас станет больше, чем Источник, надеюсь, Ремис станет для нас семьей, как и положено у магов.

– А твои родители, они...

– Погибли, как и твои. Вернее, они погибли не на Земле и не от рук чародеев, но все же погибли. Долгая история, потом как-нибудь расскажу.

Оторвав руку от Ремиса, я кивнул в знак того, что пора продолжить путь. Я и так наговорил много лишнего. Ремис молча отпустил меня и без комментариев, просто так же, как и я, пошел дальше. Опередив сладкую парочку, я заметил, что Элли и Дориус тоже остановились, явно слушали нас. Я прошагал мимо них, лишь мельком взглянув на Дориуса, но этого хватило, чтобы заметить полуулыбку Дориуса.

Что-то я расчувствовался сегодня, что совсем на меня не похоже. Я очень хочу сдружиться с Ремисом, и это меня будоражит? Пиная шишки и ветки под ногами, я продолжал идти на уже более-менее твердых ногах. Воистину, присутствие Источника исцеляло меня быстрее. В похожей ситуации, но без Ремиса я бы еще пару дней точно приходил в себя. А тут уже почти драться начал с Ремисом. Класс! Мне это очень нравится!

А новость, что Ремис и впрямь решил помочь мне в поисках моей сестры, просто сделала мой день. Я понял, что во

мне стала зарождаться надежда. Само присутствие Источника ничего кардинально не изменит в поисках сестренки, но с Ремисом я могу телепортироваться в те края, куда раньше не рискнул бы носа сунуть. А значит, можно расширить территорию поиска.

Пока я был погружен в свои мысли, даже не сразу заметил, что бурелом закончился и я уже шел по тропинке, которая была кем-то протоптана ранее. Не сразу я осознал, что передо мной уже нет веток, мох продавлен и паутина не приклеивается к лицу. Необдуманно и не обращая внимания на окружение, я просто ступал по следам, которых тут не должно быть. Идти было легко и приятно, пока чуть ли не носом не уперся в... телегу? Мой мозг пытался переварить увиденное: должен ли я сразу уничтожить то, чего тут быть не должно? Но мою задумчивость прервало женское шипение:

– Держись от меня подальше, мерзкий маг!

Это даже не шипение, это, скорее, рычание, которое, надо сказать, очень быстро привело меня в чувство.

Я вздернул голову и уставился на... самое прекрасное существо, которое встречал в жизни. Террит! Я только единожды встречался с территориями, и это было не очень весело. Территы оказались близко к нашему дому, который расположен неподалеку от чародеев. Мы думали, что Элли полностью обеспечила нас щитом от чародеев. Почему они там появились – мы так и не поняли. Сперва они разгуливали в облике животных, но, увидев нас, обрели человеческие чер-

ты и сразу же напали на нас. Вернее, начали призывать всех лесных тварей, включая пчел, комаров, змей и даже жаб. Не дав им раскрыть нас перед чародеями, мы приняли решение: хотя и не хотели этого, но мы убили их. Ведь если подобное нашествие территов и их зверинца учуяли бы чародеи, то битва переросла бы в нечто более масштабное. А мы не могли так рисковать.

Черт, мы вовсе не хотели их убивать, они сами напали на нас! Знаю, маги раньше нападали на земли территов, убили многих, а самое главное, я так и не понял – зачем магам это было нужно.

Территы сами по себе безобидные. Они управляют животными и растениями, постоянно привносят нечто новое, открывают новую жизнь или же завершают жизнь животных и растений, которые, на их взгляд, больше не способны служить людям. Являются поставщиками новых тканей и материалов для различных измерений бессмертных. На Земле их редко можно встретить. Как почти все бессмертные, территы не могут долго тут находиться. Они становятся смертными на Земле.

Многие бессмертные приходят и остаются на Земле, когда хотят покончить со своей жизнью. Многие, но не маги, чародеи или вампиры. Эти три расы могут жить на Земле без угрозы для своего бессмертия. Но появление территов – явление редкое. Они приходят разве что с целью восстановления популяции неких животных или растений. Люди в своих

сказках могут называть их оборотнями, но это очень и очень далеко от реальности. Да, территы могут принимать форму животных, хотя далеко не все на это способны. По их команде рой пчел может наброситься на любого, кто им помешал. Или стая волков появится буквально из ниоткуда. Если территы и проявляют агрессию, то через животный мир и только в случае крайней необходимости.

Территы напали на нас возле нашего дома. Наверное, почувствовали угрозу от магов. Конечно, у них были основания так думать, но мы трое точно не планировали их убивать, однако пришлось. Помню, после той битвы мы вернулись в свой дом и еще около суток не выходили из своих комнат. Никому из нас не понравилось то, что нам пришлось совершить. Но чего не сделаешь ради выживания, ведь так?

А теперь я смотрю на самую прекрасную женщину на свете. Буквально. Я на какое-то мгновение даже забыл, как дышать. Я схватился руками за телегу, груженную какой-то травой или ветками, в темноте не разглядеть. Женщина, хмуро глядя на меня, продолжала закидывать на телегу связки.

– Вам помочь?

Она не выглядела так, будто нуждалась в помощи, но это первое, что мне пришло на ум. Хотя я все еще пошатывался на ногах и сейчас из меня тот еще помощник.

Она же тем временем ловко управлялась с работой, ее тоненькие ручки обхватывали целые вязанки веток и очень легко закидывали их на телегу.

Ее плащ немного сполз за спину, повиснув на шнурке, который, как мне показалось, немного стягивал ее изящную шею. На мгновение я почти шагнул в ее сторону, чтобы развязать шнурок и сдернуть плащ, который не столько ее грел, сколько ей мешал. Плащ был соткан из волокна *олукнус*. Это крайне надежная и очень теплая ткань, способная согреть в морозы и обеспечить защиту от жары. Ее производят только на территориях территов, но в торговых землях ее можно легко купить, она недорогая. Но люди не носят одежду из этой ткани, поскольку ее выдает черный цвет с переливом голубого. При этом голубой цвет появляется, переливается и смещается по ткани непредсказуемо. Люди это сразу заметят, потому это табу.

Я немного отошел от телеги и тупо уставился на самое прекрасное создание на свете, но весьма разъяренное.

– Я тебе сказала, пошел к черту, маг!

Она закинула очередную вязанку веток и сама запрыгнула на телегу. Это было так легко и очаровательно. Она как комарик, легкая и воздушная. Территы способны передвигаться быстрее, чем люди, но уступают в этом некоторым бессмертным. Также они очень пластичны, словно сама природа в облике человека. Но теперь я убедился еще раз, что территы еще и очень красивые. И мужчины и женщины – все они прекрасны. Когда на них смотришь, то это как смотреть на закат, на звезды или океан. Это само воплощение природы, мощной и прекрасной, но в то же время хрупкой.

Перед тем как запрыгнуть на телегу, она поправила плащ, но, когда она приземлилась на мягкую траву, которая устила-ла ее транспорт, капюшон упал с ее головы, и если я раньше наблюдал за этим затаив дыхание, то теперь, кажется, мне во-все незачем дышать – достаточно смотреть на это чудо при-роды, причем в прямом смысле этого слова.

Копна черных невероятно пышных и кудрявых волос об-лаком взметнулась над головой девушки. Немного подпрыг-нув, она развернулась в воздухе и плюхнулась на свою вязан-ку травы и веток повыше, чтобы схватить... я даже не понял, что это – лианы или вожжи? Облако шевелюры рассыпалось над девушкой, часть волос упала ей на лицо и глаза, чем от-городила меня от лицезрения этих фантастической притяга-тельности глаз. Цвет ее глаз я не мог рассмотреть из-за сво-его все еще затуманенного взора и темноты, что опускалась на лес. Но и без этой детали можно было понять, что ее гла-за прекрасны, обрамленные длинными пушистыми ресница-ми, которые почти достигали бровей. Ее глаза завораживали, взгляд манил, и было невыносимо видеть в нем презрение ко мне, которое девушка не скрывала.

Когда она подняла свою тонкую ручку, чтобы закинуть за плечо свои роскошные локоны, плащ опять слетел с ее кро-хотного тельца, и я смог разглядеть, насколько белоснежная у нее кожа, казалось, что она светится неоновым светом в темноте леса. Это привело меня в полный восторг, кажется, даже мое зрение готово вернуться из-за такой яркой картин-

ки. Жаль, что мой вид сейчас не способен приятно удивить красавицу. Маг, нетвердо стоящий на ногах, плохо фокусирующиеся глаза, в потрепанной и грязной одежде после битвы, да еще и готовый пускать слюни на прекрасное создание, – ну чем не парень мечты для девушки-террита?

Красотка немного фыркнула, когда, подняв руку, попыталась приручить свои непослушные локоны, вот только ей это едва ли удалось. Кажется, ее раздражали собственные кудри, а меня, напротив, очаровывали. Интересно, она сама столь же непослушна, как и ее локоны? Укротительница кудрей предприняла очередную неловкую попытку справиться со своей шевелюрой и теперь уже двумя руками обвила волосы и постаралась их скрутить пучком на голове. Но это не сильно помогло, волосы взбрыкнули, и как быстро их скрутили, так же быстро они вырвались на свободу и опять свободной гривой упали ей на лицо, плечи и за спину. Мне казалось, что она злится не столько на свою гриву, сколько на то, что не может предстать перед мерзким магом так, как она того желает. Волосы мешают ее образу злобного террита. Я невольно улыбнулся. Она напомнила мне льва, вернее, львицу, только с черными волосами. Самая прекрасная львица! Львица? О боги, о чем это я?!

Я мог бы вечность любоваться этой львицей. Ее маленькое личико с большими глазами было все так же окружено аурой непослушных волос. Я продолжал улыбаться, ну как дурак, ей-богу! Но в свое оправдание могу сказать: это самое

милое, что я когда-либо наблюдал. Когда она пыталась противопоставить себя магу, дать понять ему, что в лесу, находясь в своей родной стихии, именно она представляет опасность, а вовсе не маг. Вот только необходимо укротить свои волосы, и тогда все будет ясно как белый день: приблизишься ко мне еще на один шаг, и тебе несдобровать!

Я быстро спустился с небес на землю, когда понял, что моя черная львица собралась покинуть это место, но мне совершенно не хотелось, чтобы она покинула меня. Стоп, *моя черная львица?*

– Подожди, не уходи! – Что с моим голосом? Пусть этот визг раненой крысы исходит не от меня!

В ответ моя львица лишь неодобрительно скривила личико. Тут ко мне приблизилась вся моя команда магов, которая могла бы и задержаться в лесу подольше!

– Это кто? – Ремис, вероятно, впервые встретил террита. – Она не похожа на человека.

Кажется, эти слова Ремиса сильно обидели моего комарика-львицу, потому что она указала своей тонкой ручкой в сторону деревьев и кустарников, и в этот миг между мной и ее телегой возникла стена из веток с огромными колючками. Чтобы сквозь нее пройти, придется серьезно пораниться. Гневно посмотрев на Ремиса, я спешно обогнул стену, и все, что мне оставалось, это лишь наблюдать, как корешки из земли и ветки заставляли колеса телеги двигаться, причем очень быстро.

Мой львенок смотрел на меня, нахмутив лобик и сморщив носик, словно мой вид заставлял ее расстраиваться. Не могу ее винить, выглядел я, прямо скажем, далеко не как великий завоеватель дам. Или ей было неприятно видеть мага перед собой? Скорее, последнее, со вздохом признался я себе, продолжая наблюдать, как красотка удаляется от меня.

– Скажи хоть, как тебя зовут, красавица? – выкрикнул я, зная, что мы, скорее всего, никогда больше не встретимся, но я бы хотел знать имя такой красоты.

Но комарик-лев лишь покачал головой, правда, мне показалось или она все-таки улыбалась? Боги, эта ее мимолетная улыбка сотворила с моим сердцем нечто невероятное. Я почувствовал себя... мужчиной, живым мужчиной, а не только страдающим братом и выживающим магом. А еще она не только пробудила во мне нежные чувства, но и весьма заметно возбудила меня, что я постарался скрыть, натянув футболку ниже пояса брюк, чтобы не предстать перед моей бандой во всей, так сказать, красе.

– Не надо ее убивать, территы – мирная раса.

Эти слова Ремиса вмиг уничтожили во мне все светлые эмоции. Да за кого он нас, черт возьми, принимает? Он реально просит не убивать это чудное создание? Просит? Словно вот мы все бросили и давай убивать все живое на своем пути?!

Увидев, что мой комарик-львица исчезла, я развернулся к Ремису и хотел было уже сказать, что у нас нет привычки

убивать все, что дышит, но Элли меня опередила:

– Ремис, уж не знаю, что ты там изучал на курсах повышения квалификации по убийству магов, но знай... – Элли ткнула в грудь Ремису своим нежным, но раненым пальчиком. – Мы не убиваем каждого встречного, что бы тебе там чародеи ни рассказывали! В конце концов, какой в этом смысл?!

– Маги напали на земли территов, половина их была уничтожена. Когда к ним на помощь пришли другие бессмертные, то и они сильно пострадали. Тогда в последний раз боги вмешались в жизнь бессмертных. После этого последовал суд, где Фейсал приговорил всех Источников и сильнейших магов к смерти, а боги объединились и создали чародеев специально для реализации приговора Фейсала.

Ремис мягко отодвинул руку Элли от своей груди и посмотрел каждому из нас в глаза:

– Я что-то упустил? Хотите сказать, что это не так? Но самое печальное, что маги сделали это исключительно веселья ради! Им не нужна была земля территов. Да, они положили глаз на дерево *крон*, которое очень прочное и имеет защиту от магов, и они хотели использовать это дерево для своих целей. Но уничтожать целую землю и убивать территов ради этого?

Я набрал в легкие воздух, а потом медленно выдохнул, я не нашел, что на это ответить, впрочем, как и Элли с Дориусом. Черт, Ремис прав, наши предки маги действитель-

но проявили себя... ну... как маги. Одному Дуфф-Кайдену известно, какого черта маги напали на земли территов, но что-то мне подсказывало, что сами территы не были целью, а значит, тогда и сейчас у нас нет причин на них нападать. Но кому от этого легче? Уверен, комарик-львенок тоже думает о магах, как Ремис.

– Ремис, ты прав.

Дориус опустил глаза? Он реально опустил глаза? Да какого черта?! Маги совершали ошибки. А кто без греха? Но мы ответили за все! Хватит с нас посыпания голов пеплом. Хватит! Лично я не имею к этому отношения. Лично я никого не убивал просто так. Если кого и убивал, то только в ситуации «либо убьешь ты, либо тебя!».

– А знаешь что? – Я развернулся к Ремису и начал наступать на него. На сей раз Дориус мне не помешает. – Да, маги, может, и не вели праведный образ жизни, но мы никогда и не претендовали на праведность. Мы жили, как нам позволяла наша сила. Нечего нас за это винить!

– Расскажи это магам, которых уничтожили чародеи и другие бессмертные!

Ремис не отступил. Он сегодня угомонится или нам все-таки придется подраться?

– Скажи, Ремис, а давно ли ты стал так переживать за магов? И с чего вдруг решил, что можешь нам тут лекции о морали читать?

– То, что я жил среди чародеев, не делает преступления

магов менее ужасными. Да, они ввалили мне, но они не очерняли почему зря магов! Маги совершили много ошибок, много!

– И что же ты намерен с этим поделаться, ангелочек?

Я успел только услышать предупреждающее слово от Доуриуса: «Маркус», а затем получил весьма увесистый удар в нос. Хруст и хлынувшая кровь дали мне понять, что нос сломан. Проклятье! Моя сила не успела вернуться полностью, и я даже удар не отследил. Я ухватился за свой нос, кровь стала скатываться мне в горло. Сплюнув кровь на землю и немного запрокинув голову, я зарычал. Зарычал от бессилия, от злости... но не на Ремиса. Странно, но я зарычал не на него. Ненавижу место, где мы сейчас находимся! Ненавижу то, что случилось с магами! Ремис не виноват, и он в какой-то мере прав, но он впервые среди магов. Но он первый маг, кто озвучил все это. Маги облажались. Сами! Я развернулся и ударил со всей оставшейся силы в ближайшее дерево. Пошло все к чертям! Меня достало проживать бессмертную жизнь врагом, хотя я не совершал преступлений. Меня задолбало, что каждый судит меня только по тому, что я маг. Я хочу найти сестру и жить спокойно. Я слишком много прошу?

– Я намерен исправить это, мудака! Я – Источник, и я цель номер один для всех бессмертных, если вы...

Несмотря на боль от распухшего носа, я все-таки вслушивался в слова нашего «учителя», ну пусть выступит, чего уж, Источник как-никак! Убить его я все равно не могу, так что будем слушать. Тем более что каждое его слово, как это ни

больно признавать, – правда.

Ремис продолжил:

– Я сразу могу сказать: я не позволю убивать всех и каждого!

Я хотел было прохрипеть нечто схожее с одобрением его выступления и в то же время выразить протест с большей частью содержания его презентации миру нового Источника, но Элли меня опередила:

– Bravo, пупсик! Не то чтобы мы этим занимались, но твоя речь заслуживает внимания каждого сверчка в этом богом забытом лесу, где мы прячемся от святых чародеев, продолжай! Может быть, те люди на берегу, о которых ты так переживаешь, еще не расслышали тебя. – Элли хоть и держала улыбку, но она не шутила. С запрокинутой головой видеть я ее не мог, но я слишком хорошо ее знаю, прям вижу, как она это говорит. – Ах, и еще: позволь тебе напомнить, что мы тебе сейчас нужны больше, чем ты нам! Не забывай об этом!

На этой ноте голос Элли стал повышаться, вот теперь она завелась. Девочка, да тебе никак обидно за мой сломанный нос? Продолжай, крошка, давай, жги!

– Можешь оставить нас и идти проповедовать куда глаза глядят, а мы как-то жили без тебя и дальше проживем! И еще! – прорычала девчонка.

О! А вот это я уже хочу видеть. Я опустил голову, и кровь сразу хлынула из носа по лицу на землю. Элли вывернулась из хватки Дориуса и явно вторглась в личное пространство

Ремиса. Задрав голову, уставилась ему в глаза, а дальше... дальше она просто все с той же улыбкой, но сквозь стиснутые зубы прошипела:

– Еще раз ударишь Маркуса или кого-то из нас, клянусь Дуфф-Кайденом, я тебя сама лично уничтожу!

Глава 17

Кремер отступил от меня и начал осматриваться по сторонам. Его одежда сильно пострадала, как и он сам, хотя чародеи восстанавливаются очень быстро, чего нельзя сказать об их одежде по окончании боя. На его футболке зияла огромная обуглившаяся дыра – это от моего огня в пещере. А вот его штаны в некоторых местах разорваны – это уже от схватки с воинами Фейсала, вернее, я так думала. Кто еще, кроме них, мог напасть на нас в этих землях?

От меня не укрылось и то, что Кремер, осматривая поле боя, прихватил с земли меч, который ранее был у воинов, обследовал его и прицепил к ремню своих брюк. Вынуждена с ним согласиться: оружие нам здесь не помешает. Известно, что все бессмертные пользуются оружием, предпочитая свою силу: магию, скорость – уникальные возможности того или иного бессмертного. Но наемники, коими являются чародеи, всегда готовы использовать любое оружие – неважно, зелья это или меч. До сих пор Кремер был вооружен только зельями и заклинаниями, но теперь у нас есть и внушающий ужас меч, который, если честно, особого спокойствия мне не добавил.

Вероятно, и мне следует осмотреться и найти что-то полезное, а не стоять столбом. Хотя что из трофеев может мне

пригодиться, если вспомнить, что мечами и иными видами оружия я не владею? Дымящиеся кучки пепла? Вряд ли... Так что вскоре мне пришлось откинуть свой мимолетный бравоый задор и веру в свои силы в нахождении трофея на поле боя. Поскольку до сего момента в моем арсенале были лишь страх, а с некоторого момента еще и огонь, сомневаюсь, что в скором времени в этот список можно добавить что-то дополнительное.

Посему продолжить заглядываться на великолепного мужчину-воина – это максимум, что я могу в данный момент. Я понимаю, что решить задачу, чем же я могу быть полезна Кремеру, мне пока не под силу. Но после некоторых раздумий и пары минут наблюдений за действиями Кремера я решила, что было бы полезно хотя бы оглядеться, тем более что непонятное землетрясение, которое неожиданно появилось и столь же неожиданно исчезло, намекало нам, что мы не в Диснейленде. Необходимо быть начеку, но поставить перед собой цель – это одно, а реализовать ее – совсем другое. Я топталась на месте, не совсем понимая, что же я должна сейчас делать. А что делают бессмертные, когда выигрывают битву и у них есть перерыв до следующего боя? Есть ли какие-то традиции для данного случая? Глотнуть водички?

Очередной раз вскинув голову к небу, как будто ожидая увидеть там ответы на свои вопросы, я в который раз подивилась красоте неба, как же мне оно нравилось! Ровно до того момента, покуда оно не сгустилось над нами, явив воинов,

которых смог убить только мой огонь. Что странно, теперь небо было бледно-голубым, похожим на то, которое над Землей. С той лишь разницей, что вместо облаков по нему проплывали небольшие пятна... как частички мозаики. Небольшие скопления маленьких цветных пятен, которые все время меняли цвет и форму и, как в калейдоскопе, соединялись в причудливые фигурки. Я немного зажмурилась и постаралась получше рассмотреть это странное явление. Вскоре мне показалось, что это не случайные смешения цветов и форм, а некая азбука неведомого нам языка. Нам что-то хотят сообщить и шлют послания, витающие прямо над нашими головами.

– Что там? На что смотришь? – Я и не заметила, как Кремер подошел ко мне. Воистину лучший наемник! Он обнял меня за талию, давая понять, что он рядом.

– Мне кажется... – Я опустила голову и посмотрела на Кремера, который вместо того, чтобы следить за направлением моего взгляда, смотрел на меня. От его близости и его взгляда по мне пробежались мурашки, а в животе не то чтобы порхали бабочки, эти крылатые просто устроили вечеринку года. – Мне... я... мне... – Я даже не смогла сформулировать предложение, когда его рука на моей талии немного усилила хват и притянула ближе к его твердому телу.

– Ты что-то увидела? – Он развернул меня и прижал к себе так, что теперь я грудью прижималась вплотную к нему, от чего мои бабочки совсем ушли в загул. Но на этом Кремер не

остановился, он опустил голову так, что его губы оказались у моего уха, а дыхание щекотало мое плечо. – Алика, я должен внимательнее слушать тебя, когда ты говоришь «оглянись» и «что-то не так»! – Он нежно прикусил мочку моего уха, а я потерялась в ощущениях. Его притягательный мужской запах с примесью запаха пепла – есть ли что-то более божественное? Да еще и его хриплый голос с нотками сарказма заставлял меня нервничать.

– Я хотела сказать, что небо странное...

– Конечно, мы же не на Земле, тут все выглядит иначе, – мягко промурлыкал Кремер мне в ухо. Наверное, считает меня глупым ребенком, который заглянул в лавку чудес.

– Да... Я хочу сказать, что эти облака, вернее, подобие облаков... Тебе не кажется, что они хотят нам что-то сообщить?

Почему Кремер так нежен со мной? Разве битва не должна была охладить нашу внезапно вспыхнувшую страсть? Задав мысленно себе эти вопросы, я протянула руки вверх, обняла Кремера и притянула его ближе, чтобы уткнуться носом в его грудь ровно в том месте, где его футболка была разорвана и давала возможность прикоснуться к его горячей коже.

Кремер поднял голову вверх и немного нахмурился. Пока он вглядывался в небо, я всматривалась в черты его лица. Его густые и длинные ресницы закручивались почти до самых бровей, прямой подбородок, в котором была маленькая, еле заметная ямочка, так и манил меня поцеловать ее

и даже укусить его за подбородок. Я протянула руку и пропустила его локоны сквозь свои пальцы. Всегда мечтала это сделать, а если выпала такая возможность, то грех ею не воспользоваться. Как же это приятно – стоять вот так обнявшись с Кремером. Я уже не понимала, почему так на него злилась раньше, зачем надо было с ним спорить. Ведь можно просто обнять его.

– Я ничего не вижу. О чем ты? – прервал мои розовые размышления наемник.

Я подняла голову к небу и указала пальцем на проплывающие над нами цветные фигурки.

– Смотри внимательно: когда красная фигура исчезает, ей на смену приходит черная, причем только на мгновение и только вместо красной. Посмотри внимательнее: тебе не кажется, что черный цвет изображает нечто похожее очертаниями на замок? Или арку? Вернее, последовательность такая: гора, потом арка, а затем замок. Разве нет? Это точно не просто четкие фигуры – ромбы, круги, квадраты, треугольники других цветов. У черного цвета есть детали.

– У него есть изображения решетки, – ответил Кремер, явно нахмурившись. Я надеялась, что он развеет мои странные ассоциации и мы просто продолжим стоять вот так, наслаждаясь нашей близостью. Хотя, может, это только я наслаждаюсь? Его тихий, но жесткий ответ притупил мое романтическое настроение.

– Возможно, у меня паранойя, но мне кажется, что это

некое послание.

– И ты в состоянии его прочесть? Ты понимаешь, что это? – Кремер отодвинулся немного от меня, и я сразу ощутила потерю того тепла, которое он дарил.

– Нет, я надеялась, что ты знаешь.

– Признаю, выглядит странно, хотя я бы не придал этому значения, если бы ты не обратила на это внимание. – После этого Кремер еще больше отдалился от меня и отвернулся. Но я успела заметить, что он вновь нахмурился, словно внутри него шла борьба. – Ну раз ты не знаешь, что это, давай разберемся с тем, что имеем.

На миг мне показалось, что Кремер воздвигнул стену между нами. Решив подумать об этом позже, я взяла себя в руки и постаралась отбросить эмоции. Точно, Кремер прав! Действуем как наемники! Четко, размеренно и целенаправленно, как и все чародеи! Но почему тогда у меня не получается так действовать? Наверное, потому что я не чародей! Отругав себя мысленно, я вернулась в реальность и обнаружила, что Кремер присел на корточки и что-то ищет на земле.

Я вновь позволила себе отвлечься от нашей миссии «спасем свои задницы» и просто любовалась мужчиной. Несмотря на его внезапную отстраненность, которая, может быть, мне просто привиделась, я все-таки не смогла устоять и просто вперилась взглядом в мужчину, о котором мечтала так долго.

Весь последний год я почти каждую ночь, засыпая, думала о нем. Так что я простила себе еще одну минуту слабости и позволила без угрызания совести любоваться Кремером, пока мы наедине. В те бессонные ночи, когда я мечтала об этом наемнике, меня раздирали сомнения. Чем могу я, молодая и ничем не выделяющаяся чародейка, привлечь такого, как Кремер? Он говорил, что следил за мной и Ремисом. Если бы я раньше об этом узнала, что бы это изменило? Я все равно не осмелилась бы даже близко к нему подойти. Он – легенда в мире чародеев, он один из лучших наемников всех времен. Большим почтением и количеством слухов обладает только разве что Кевилс. Многие судачат о прошлом Кремера, о том, правда ли он в одиночку одолел того или иного врага, правда ли, что только для него в землях торговли существует отдельный вход на центральный рынок. Но меня не особо интересуют все эти невероятные слухи и легенды, меня заботят только те, которые связаны с его любовными похождениями, с его обыденной жизнью. И я так и не узнала ни одной такой истории.

Как такой древний воин может быть до сих пор одиноким, почему он до сих пор не обзавелся семьей? Почему он ведет настолько затворнический образ жизни, что проще узнать, какие зелья у него за поясом, нежели когда у него день рождения? Кремер, с одной стороны, знаменитость, которая у всех на слуху, о нем знают все расы во всех реальностях, но, с другой стороны, о его жизни вне поля боя мало что извест-

но, а скорее, совсем ничего не известно. И я часто задавалась вопросом: что именно меня привлекает в Кремере? Может, меня просто притягивает некая аура таинственности? Или мне действительно нравился сам Кремер, даже когда я его не знала лично? Почему все это время почти все мои мысли были заняты мечтаниями о недоступном мне мужчине?

Кремер – тот редкий мужчина, который одинаково привлекает к себе внимание и мужчин, и женщин. Мужчин в части своих успехов, боевого опыта и славы, ну а женщин... а женщин своей чисто мужской силой, загадочностью и, быть может, недосыгаемостью. Во всяком случае, меня притягивает именно это.

Многие судачили о его улыбке, которая не влечет за собой ничего хорошего. Отчасти эти слухи верны. В том холле с чародеями его улыбка действительно ничего хорошего не сулила нам с Ремисом. Затем после моего заплыва в пещере Кремер почти улыбался, ну или ухмылялся, рассмотреть из-за темноты я не могла, это было на уровне ощущений. Должна признать, что во всех случаях его улыбка не касалась его глаз, может, его губы и изображали нечто схожее с улыбкой, но похоже это было больше на оскал или гримасу. Интересно, что же может заставить его улыбнуться по-настоящему, что способно вызвать не только оскал, но и затронуть его сердце, глаза и улыбаться искренне? А что тогда способно заставить его рассмеяться? Стоп, он же смеялся... да, надо мной, когда протянул мне вожделенную воду

при нашем совместном ужине, совсем же недавно. От воспоминания о его искреннем смехе в сердце что-то кольнуло. Я в него влюбляюсь? Нет, похоже, я давно в него влюблена, а сейчас просто нашла подтверждения тому, что мои чувства направлены на «того самого» мужчину. А то ведь как бывает: влюбляешься в некоего идола, а когда вдруг выпадает возможность с ним познакомиться, то узнаешь, что он просто невероятный кретин. После такого разочарования возвращаешься в свою комнату и с яростью сдираешь его портреты со стены в спальне, с одним-единственным вопросом: да как меня угораздило? А с Кремером все по-другому, я чувствую, что влюбленность в кумира не принесет мне разочарования. Но все же надо отгонять от себя подобные мысли. У нас нет с ним будущего. То, что он не оказался полнейшим ублюдком при ближайшем рассмотрении, еще не гарантирует, что у нас может получиться нечто большее, чем отменный секс.

И с чего вдруг я решила, что у нас будет секс? Да еще и отменный! Может, дальше объятий и поцелуев дело не пойдет. Может, это был совместный порыв «сменить тему разговора, а лучше заняться сексом»? Но кого я обманываю? Ведь мне очень понравилось то, как Кремер обнимал и целовал меня.

Наверное, сейчас не лучшее время погружаться в мое прошлое, а также в сомнения настоящего, но, находясь здесь и сейчас, я задаюсь одним и тем же вопросом: чем я могу его заинтересовать? Особенно учитывая, что теперь я не просто неопытная и молодая чародейка, я – маг, да еще и Источник.

Хуже партию для чародея и представить сложно. Ну а вдруг все-таки у нас возможно некое совместное будущее? Глупо. И дело даже не в том, что у этого парня за плечами сотни лет свиданий, о которых никто не знает, а в том, что он по решению Фейсала должен непременно уничтожить Источник. Именно для этого и были созданы чародеи. Какое у нас с ним может быть будущее? Ну разве что воинственное, со всеми битвами, захватами заложников, ловушками и прочими радостями войны между магами и чародеями. Может, и не войны, так как магов почти не осталось, но отсутствие перемирия так уж точно.

Но ведь у него была возможность убить меня, а он не стал этого делать. Как он сказал: «Должен ли я тебя убить? Да. Хочу ли? НЕТ!» Может, все-таки есть хоть небольшой шанс остаться с ним навсегда? Очередной раз с нежностью наблюдая за его движениями (присев на колени, он что-то вытаскивал из своего пояса), я засмотрелась на его бицепсы. На правой руке была небольшая ранка. А что если подойти и предложить залечить ее? Хотя рана чародея, да еще такого, как Кремер, затянется быстрее, чем я сделаю предложение о помощи, все же я бы могла его поцеловать, и он бы забыл о своих ранах. Алика, Алика, этот мужчина никогда не забудет ни о своих ранах, ни о миссии, которую должен выполнить. А сейчас он определенно находится на задании и в отличие от меня пытается выжить и найти способ вернуться домой. Он никогда не забудет, кто он и какие цели преследует. А я

не то что не помню своих целей, я о них даже не знаю!

Я поймала себя на мысли, что мне совершенно не хочется выбираться отсюда, покидать эти земли. Ведь я не припомню, чтобы я ощущала себя нужной кому-то и уж тем более сильной, способной выигрывать битвы. Сможет ли такой мужчина полюбить меня, даже тут, вдалеке от противоречий между магами и чародеями, в месте, где есть только я, Алика, и он – Кремер? Да, сейчас в этой замызганной одежде я выгляжу не лучшим образом, но ведь и ситуация не располагает к шикарному выходу в свет. Если он хотел всего лишь выжить на территории, подвластной Фейсалу, ему не было необходимости целовать меня, ведь так? А значит, хотя бы немножко я ему небезразлична? Вопреки разуму я убедила свое сердце, что это возможно, и решила все-таки внимательнее присмотреться к тому, что происходит между нами. Вдруг я себя недооцениваю и именно здесь, в этой реальности я смогу быть с ним?

И вот когда я уже понадеялась, что наконец в моей жизни появилось что-то хорошее, я разглядела, ЧТО именно делает Кремер. Он, кажется, находился все там же: на поле боя между магами и чародеями.

Мне словно кинжал всадили в живот. Внутри меня все сжалось, меня даже затошнило, глаза начали наполняться слезами, и все мои мечты о Кремере вмиг рухнули.

– Что ты делаешь? – В горле уже стоял ком, который я с трудом проглотила, поэтому вопрос я задала полупрошепотом,

хотя не было необходимости его задавать, я и так понимала, чем занят Кремер.

– А на что это похоже? – Кремер упаковывал пепел от оставшихся воинов в мешок, который чародеи используют для сбора ингредиентов, причем редких и крайне ценных. Сам мешок сделан из желудка трегверка – тоже редкого и ценного животного, которое обитает лишь в землях территов. Их желудки специальным образом обрабатываются и поставляются только чародеям. Ингредиенты, в каком бы состоянии они ни находились, сохраняют свои свойства неизменными до того момента, пока их не используют чародеи для приготовления зелья. Неважно, в какой среде окажутся сами мешки: в воде, в огне, в холоде, – их содержимое останется невредимым. В них укладывают только очень редкие ингредиенты, потеря которых считается значительным упущением.

Услышав мой вопрос, Кремер сначала замер, затем приподнял брови, словно вопрос был очень глупым и неуместным, в то время как я готова была разрыдаться.

– Ты собираешь останки врагов, поверженных моим огнем.

– Да, но почему у тебя при этом такой вид, словно я на твоих глазах придушил беспомощных котят?

Кремер делает вид, что озадачен моим вопросом? Или принимает меня за полную идиотку?

– Ты правда думаешь, что я не понимаю, зачем ты это де-

лаешь?

Я мысленно приказала себе досчитать до десяти и выдохнуть. Еще минуту назад я думала, может ли у нас быть будущее с Кремером, а сейчас вижу, что он собирает то, что при умелых и опытных манипуляциях чародея может превратиться в оружие моего уничтожения, а заодно и Ремиса, поскольку у нас с ним кровная магия. Да и Источников, кроме нас с братом, больше нет.

Осознание этого разбило мне сердце, боюсь, что метод «досчитать до десяти» в данной ситуации не сработает и успокоиться таким образом у меня не получится. Я изо всех сил старалась не пролить океан слез, настолько мне было больно. Такое ощущение, что мною воспользовались, просто только что поимели. Может быть, Кремер только делал вид, что сам не может убить этих воинов? Может, он специально вынудил меня убить их, чтобы потом собрать пепел, который содержит часть моей магии? Этим объясняется его резкая отстраненность от меня? Эта холодная и невидимая стена между нами – просчитанный план по уничтожению Источников? Поскольку я не чародей, то не создала ни одного зелья на уроках по зельеварению, но теорию и суть заучила отлично. Этот ингредиент может стать оружием массового уничтожения всех оставшихся магов.

Кремер продолжал сидеть на коленях, оперевшись на пятки, и недоуменно смотрел на меня. Он не спешил со сбором урожая для варки зелья, но и не стал скрывать своих наме-

рений.

– Алика, я не знаю, что именно ты знаешь о зельях, но...

– Я знаю достаточно, знаю, что данный пепел содержит часть моего огня, и если правильно приготовить зелье, то оно способно уничтожить меня, брата и уж тем более других магов! – Мне захотелось прервать любые его доводы в пользу сбора ингредиента, любые его слова, которые нацелены запудрить мне мозги.

– Думаю, ты не совсем понимаешь... Такое использование недопустимо и вряд ли возможно, но... – Тут он возымел наглость усмехнуться! – Алика, на кой черт мне тратить останки воина, которого невозможно уничтожить, чтобы, как ты выразилась, уничтожить Источник, который смертный и которого убить так же легко, как младенца?

Младенца? Он считает меня младенцем? Я, может, еще и смертная, но, как показала последняя стычка с неизвестно какого рода бессмертным, я и именно я в конечном счете одержала победу!

В самых безумных мечтах я, конечно, надеялась на любовь Кремера, но все равно ощутила сильные боль и обиду, которые меня буквально поглотили, и казалось, что сейчас я могу разрыдаться, как тот самый младенец.

– Пойми меня правильно. – Он указал рукой в мою сторону. – Ты отлично справилась, но победа стала результатом случайности. Тебе как никому другому известно, что у чародеев не бывает случайностей и мы всеми способами избе-

гаем даже намека на случайность!

Он встряхнул головой, будто хотел смахнуть мои слова как назойливую муху, вновь обратил свое внимание к кучке некогда бессмертного воина и продолжил аккуратно собирать пепел в мешочек. Заполнив один и бережно спрятав его у себя за поясом, он потянул руку ко второму. Ах, ему мало одного мешочка, подавай сразу два!

Либо он действительно совершенно не озабочен моими словами, либо ему настолько плевать на меня и мои эмоции, что не считает нужным даже скрывать свои намерения. Может, Кремер не считает меня своим врагом? На секунду я обрадовалась этой мысли, но потом быстро ее откинула, когда следующая догадка пришла мне в голову: он просто считает меня ничтожным врагом, от которого даже не стоит скрывать свои планы. Это осушило мои подступающие слезы, я тяжело сглотнула и спросила:

– И каков план? Собираешься сварить зелье и сразу, как только мы отсюда выберемся, ты просто уничтожишь меня, а потом и Ремиса, так? Что заставляет тебя думать, что я позволю тебе так легко убить меня и брата? Почему бы мне сейчас просто не убить тебя и пойти дальше самостоятельно искать выход из этой чертовой дыры?

Ответа не последовало.

В этот момент мне действительно больше не хотелось тут находиться наедине с Кремером.

Брат с его друзьями часто разыгрывали меня, подкиды-

вая всякие зелья мне в комнату, и умирали со смеху каждый раз, когда я в панике убегала от малейшего взрыва или хлопка. Ремис действительно считал, что его старшая сестра трусиха, которая не то что в наемники не годится, но даже не лучший компаньон при походе в кино на просмотр ужастика. Но за последние сутки что-то во мне сильно изменилось, мой мир перевернулся с ног на голову, ровно так, как после смерти родителей. Я всю жизнь чего-то боялась, но сейчас, здесь с Кремером я не хочу больше бояться. Я не хочу больше слышать насмешки за своей спиной: «Ой, посмотрите, Алика пошла набрать ингредиенты и замерла у стойки. В чем дело, Алика? Не бойся, ингредиенты не кусаются!»

Кремер положил мешок на землю, так его и не заполнив, медленно поднялся, продолжая смотреть мне в глаза. Сердце стало учащенно биться, когда он стал приближаться ко мне. Но если раньше я бы в ужасе убежала, то сейчас не сделала даже шага назад.

– Мне показалось или мы уже обсудили вариант совместного убийства друг друга? Я думал, ты наконец-то осознала, что я не стремлюсь причинить тебе вреда.

– Тогда зачем тебе нужен пепел, содержащий мой огонь? Зачем, если только не создать зелье против меня?

Кремер закатил глаза, задрал голову вверх и резко выдохнул. Он что, тоже использует метод «досчитай до десяти, остынь, а потом ответь»? Видимо, да, поскольку примерно столько времени он и смотрел в небо, после чего опять об-

ратил свой взор на меня.

– Ты не чародей...

– Я в курсе, это я уже усвоила.

– Если бы ты понимала суть силы чародеев, то...

– Я прекрасно знаю основы и теорию зельеварения, и тебе это известно.

– Ты позволишь мне закончить фразу?

– Ок, валяй.

– Я забываю, что, хоть ты и выросла в стенах замка чародеев, чувствовать то, что могут чародеи, прикасаясь к тем или иным ингредиентам и зельям, тебе не дано. – Я уже приготовилась выдать очередную порцию возражений, но Кремер прислонил свой палец к моим губам. – Позволь мне закончить. Так вот, я не сразу понял, что именно тебя возмутило, но сейчас, кажется, догадался. Алика! Да, этот пепел может позволить мне создать зелье против тебя. Но ответь мне, твой собственный огонь способен тебе навредить? – При этом Кремер убрал палец с моих губ и опустил руку.

– Нет, но...

– Именно, не может. Но, признаюсь честно, если к этому пеплу добавить, например, серебро, которое нейтрализует твой огонь, то я смогу сделать зелье, способное тебя убить. Но не в этом моя цель. Если ты думаешь, что, раз мы поцеловались, я вдруг перестал быть чародеем, то ты ошибаешься.

Вот теперь я действительно готова разрыдаться. Слезы предательски покатались по моим щекам. Поскольку я на

какое-то мгновение именно так и подумала.

– Алика... черт! – Он поднял руку и большим пальцем вытер мои слезы. Слабое утешение в данной ситуации. Вернее, никакое. – Я тебе не угроза, сколько раз мне это повторить, чтобы ты поняла? Стал бы я тебе говорить о зелье и приправах из серебра, если бы хотел убить тебя?

– А что бы это изменило? Четкое знание рецепта ничем мне не поможет. Мой огонь стал причиной их смерти. Разве не в этом суть? Разве ты не используешь это в своих целях?

– Верно, я всегда использую все возможное для достижения своих целей! И суть в том, что твой огонь уничтожил того, кого обычным способом невозможно убить. Я не был бы сильнейшим чародеем из ныне живущих, если бы не использовал все, что может мне пригодиться для достижения моих целей, а потерять подобный пепел от сильнейшего бойца было бы страшным упущением с моей стороны.

– И скажи мне, что твоя цель не состоит в том, чтобы уничтожить Источников и остальных магов? – Мысленно я начала молиться, чтобы он ответил: нет, убийство магов не является его целью. Но смятение на его лице подсказало мне, что мои молитвы остались не услышанными.

– Если я тебе скажу, что убийство магов не входит в приоритеты чародеев, то я солгу. А я тебе не лгал и не собираюсь этого делать. Могу только сказать, что не желаю вреда тебе или Ремису.

– Ты говоришь, что не угроза мне, а что насчет остальных

магов?

Не то чтобы я ему поверила, но эмоции, которые вдруг появились на его лице, отражали не только смятение, но и некую внутреннюю борьбу. А что если он пытается сделать выбор, кто важнее для него: маги или чародеи? Но это же смешно! Ну, конечно, он всегда выберет чародеев, их цели и интересы.

– Если ты беспокоишься за судьбу других магов, то данный ингредиент, а вернее, его отсутствие у меня ничего не меняет и не станет гарантией их выживания. С пеплом или без, я остаюсь собой.

Почему у меня создалось впечатление, что он пытается убедить не только меня?

– Я чародей и всегда им останусь.

– Ты хочешь сказать, что ты действуешь сейчас как чародей и просто подбираешь нечто ценное без каких-либо долгоиграющих планов по уничтожению всех магов?

– Планов у меня много, но твоя смерть или смерть Ремиса в них не входит.

Его слова лишь помогли мне перестать реветь, но успокоило ли это меня? Едва ли. Но ведь в игру под названием «Держи врага близко» могут играть двое, разве нет? Пусть думает, что я поверила его словам. Хотя меня основательно корежит от мысли, что в руках у Кремера очень мощный ингредиент. Даже больше – в руках сильнейшего наемника и убийцы магов находится ингредиент, созданный магом, а это

так или иначе может навредить всем магам.

Может, мне удастся украсть ингредиент? Хотя нет, пояса чародеев обычно защищены мощными заклинаниями, никто не способен украсть и воспользоваться поясом другого чародея. Если только сам владелец пояса этого не пожелает. Каждый пояс чародея, особенно сильного, – это, с одной стороны, ценная добыча врага чародея, если его заполучить, сохранив при этом жизнь, а с другой стороны, это кладезь знаний и мощь конкретно взятого чародея. В поясе хранится вся его сила, облеченная в крошечные и не очень пузырьки, кристаллы, силой которых никто не желает делиться. А посему лучше не тянуть ручки к чародейскому поясу, если хочешь, чтобы они оставались на прежних местах, как и твоя голова. Осталось понять, как выкрасть мой пепел и при этом не умереть. Но я могу выждать, могу и дождусь подходящего момента. Выкраду добычу наемника и спасу тем самым многих магов.

– Ну, мы все выяснили?

Вероятно, то, что у меня созрел план кражи пепла, отразилось на мне, и теперь Кремер думает, что я успокоилась и вняла его речам. Ну что же, пусть и дальше так думает.

– Да, спасибо, что разъяснил.

Перед тем как убрать от моего лица руку, пальцами которой он вытирал мне слезы, Кремер склонил голову и поцеловал меня в макушку, после чего отошел и направился к полю нашего недавнего сражения. Мне же оставалось только

смотреть на его удаляющуюся широкую и мускулистую спину. Затем мой взгляд плавно переместился к его накачанному заду, так сексуально обтянутому запыхавшимися штанами. Да, у него шикарная задница и не менее впечатляющие длинные и сильные ноги. Легко можно представить, как мои ноги обвивают его талию, а пятки упираются в его зад, в то время как он... Остановись, Алика. Лучше подумай о том, как украсть пепел.

В очередной раз я поразилась, как рядом с Кремером мои эмоции всякий раз меняются с феноменальной скоростью: от сексуального голода и желания до яркой вспышки агрессии. Нейтральных эмоций я не испытываю, когда дело касается его. Всегда спокойная, рассудительная и боязливая, рядом с Кремером я превращаюсь то в готовую драться и сжигать все на своем пути фурию, то в изголодавшуюся по сексу женщину, пускающую слюни на крепкий зад мужчины.

Еще ни разу в своей жизни я не встречала мужчину, который так действовал бы на меня. Интересно, что бы сказал на это Ремис? Что бы он подумал, если бы узнал, что я угрожала Кремеру? И что я собираюсь покуситься на святая святых – его чародейский пояс? Стал бы брат и дальше называть меня плаксой и трусихой? Хотя этого он никогда вслух и не произносил, я знаю, что и он, и многие другие думали обо мне именно так. Поверил бы мне Ремис, сообщи я ему, что во время битвы именно я смогла убить напавших на нас с Кремером?

С чародея мой взгляд переместился на кучки пепла, которые продолжали лежать на земле как яркое свидетельство того, что недавно тут произошла знатная битва. Сама мысль, что я смогла кого-то убить, да еще и при помощи силы Источника, с трудом умещалась в моей голове. Случившееся пока никак не могло расположиться на полке моих повседневных привычек. Кроме того, я ожидала несколько иную реакцию Кремера на происшедшее. Хотя он, наверное, и раньше встречал Источников и знает, на что они способны. Но что Кремер думает именно о моих силах? Не опасается ли он, что они могут быть направлены против него или других чародеев? Почему он так спокоен? Или мне только так кажется? Может, именно из-за меня и последней битвы он решил, что пепел ему просто жизненно необходим? И еще один вопрос: почему меня волнует, что Кремер думает о моих силах? Почему его мнение обо мне так важно для меня? Наверное, я просто безумно хочу ему нравиться и не хочу, чтобы он видел во мне своего врага. Что может быть хуже, чем числиться в рядах врагов Кремера? Не лучшая судьба, надо сказать. Да, я определенно предпочитаю ему нравиться, нежели считаться его врагом.

Глава 18

Меня постоянно так и подмывает спросить у Кремера, скольких магов он убил, скольких Источников он лично уничтожил. Но каждый раз меня что-то останавливает. Что будет со мной, когда я услышу ответ? Хочу ли я в действительности знать ответы на эти вопросы? Не сейчас и определенно не в ближайшем будущем.

Чтобы не углубляться в свои сомнения и терзания, я решила себя отвлечь изучением окружающей обстановки, что раньше хотела сделать, но слабость после ранения, спор с Кремером и последующие события лишили меня такой возможности. А заодно мне захотелось отдалиться от поля боя, которое напоминает мне о том, что я все-таки забрала чьи-то жизни сегодня, а чародей собирает сейчас трофеи и, возможно, стремится использовать их в своих целях.

Я совершила свое первое убийство, нет, не могу сказать, что у меня были сожаления, ведь в конечном счете я спасла нас, но ощущения все равно странные, неприятные и даже в какой-то степени пугающие. Долгое время мне внушали, что маги – безумные убийцы, и меня совсем не привлекала перспектива вступать в их ряды. Может ли моя сила Источника изменить меня настолько, что я перестану ценить чьи-то жизни? Вдруг я со временем превращусь в ту самую стра-

шилку для мира бессмертных?

Хватит думать об этом, приказала я себе. Кто знает, что нас ждет в будущем, да хотя бы завтра? Я резко отвернулась от места убийства, отошла на приличное расстояние и вскоре наткнулась на нечто, похожее на куст крыжовника. При ближайшем рассмотрении я поняла, что это, конечно, не крыжовник. Листья в форме маленьких лодочек фиолетового цвета, и в каждом из них вода. Но, как и у крыжовника, на стеблях тоненькие иголки-шипы и продолговатые оранжевые ягодки. Пахло очень вкусно, пробовать ягоды я не решилась, но вдохнуть аромат, думаю, можно. От кустарника пахло сладкой сочной дыней. У меня даже побежали слюнки. Хотя после совместного ужина с Кремером что-либо есть в этих местах у меня пропало всяческое желание. Пахнуть может божественно, а на вкус... лучше не вспоминать. Когда я наклонилась к кусту, то смогла разглядеть, что у самого основания каждого листика находятся маленькие и только, вероятно, зародившиеся гроздья ягод, которые не сразу можно заметить при мимолетном взгляде на куст. По крупным же ягодам мелкими каплями, словно слезы, стекал сок. Видимо, это и есть то, что я изначально приняла за воду, и именно эта жидкость так вкусно пахнет. Мне захотелось сорвать ягоду, но тут из-за спины резко появилась рука и ухватила меня за запястье, останавливая меня. От неожиданности я вздрогнула.

– Не стоит тут ни к чему прикасаться, особенно к тому,

что выглядит так красиво и при этом очень вкусно пахнет.

Не то чтобы я испугалась неожиданного появления чародея, но еще раз поразила его умению так быстро и бесшумно передвигаться. Я-то думала, он занят «сбором урожая» и ему сейчас нет дела до меня. Не успела я что-то сказать, как у ягоды моментально выросло маленькое щупальце, которое чуть ли не выстрелом направилось к моему пальцу. Резко отдернув руку за мгновение до того, как нечто уже не столь красивое успело меня цапнуть, я отшатнулась от куста, споткнулась и шлепнулась на землю.

Тьфу, надеюсь, тут не все такое опасное вокруг, как этот куст.

– Ты знаешь, что это за... растение? Даже не знаю, растение это или что-то еще, – спросила я у Кремера.

– Не знаю, Эвладия осталась за пределами изучения миров бессмертных. Не похоже, чтобы кто-то прибыл сюда добровольно с целью изучения растительного мира. – Помогая мне встать, Кремер взял меня за руку и скрестил наши пальцы. – Чародеи интуитивно могут распознавать ингредиенты, что позволяет улавливать опасность, но я бы все равно не сильно рассчитывал на это. Кроме того, я бессмертный, а для тебя тут многое может оказаться фатальным. Данное место не располагает к пикникам и прогулкам.

Мне оставалось лишь молча согласиться с ним.

– Думаю, все тут служит тому, чтобы попавший сюда скорее предстал перед судом Фейсала, – продолжил наемник.

– Как думаешь, Фейсал уже в курсе, что тут случилось?

– Думаю, да. А еще я думаю, что вскоре он направит новых «приставов». Так что нельзя больше терять времени, нам пора уходить.

– Приставов? – Я не удержалась и засмеялась. – Ты так их называешь?

Кремер без тени улыбки ответил вопросом на вопрос:

– У тебя есть иное наименование для них?

– Нет, но все равно забавно.

Не встретив в ответ даже намека на улыбку на лице Кремера, я продолжила:

– Даже не представляю, в каком направлении двигаться.

Что тебе подсказывает твое чародейское чутье?

– Я же не собака-ищейка, чародейское чутье, как ты выразилась, так не работает. Но я хотел бы добраться вон до той скалы. – Кремер свободной рукой указал куда-то левее, и, проследив за жестом, я заприметила возвышенность. Мне показалось, что она совсем близко. – Заберемся на нее и осмотримся, так мы пойдем, куда идти дальше. Других вариантов пока не вижу.

Кремер развернулся и стал ускорять шаг. И вскоре я уже почти бежала за ним. Если бы он не держал меня крепко за руку, то я наверняка сильно отстала бы от него.

От полянки, на которой мы находились и от которой теперь стремительно удалялись, вела узкая тропинка, состоящая из песка и мелких камней. Я, конечно, не обладаю ни-

каким чародейским чутьем, но интуиция мне подсказывала, что все тропинки ведут напрямиком в суд. Так не должны ли мы их обходить?

– Меня смущает этот протоптанный путь, мне кажется, что все дороги тут ведут... в ад.

– Согласен, но я хочу по минимуму пройти через заросли, как уже сказал, для тебя это может быть небезопасно, так что еще немного пройдемся по протоптанной дороге, а затем свернем.

Он явно заботится обо мне. Как же это мило! Я глупо улыбнулась такому приятному чувству – заботы и защиты от Кремера. Я украдкой поглядывала на него, но он, кажется, этого не замечал. Его лицо было напряженным, и он смотрел лишь вперед, периодически мельком по сторонам. Как говорится, тот, кто не смотрит себе под ноги, обычно получает в лоб. Так случилось и со мной. Я сильно споткнулась и чуть не воткнулась носом в землю, беспомощно пискнув. Но и тут Кремер меня спас, вовремя подхватив и удержав от падения.

– Ты в порядке? Я слишком быстро иду? – Убедившись, что я вновь твердо стою на ногах, он осмотрел меня с ног до головы. – Да, чародеи передвигаются быстрее, прости, постараюсь подстроиться под твой шаг.

Я умолчала о том, что дело не в скорости передвижения чародеев, а в том, что я всю дорогу пялилась на него вместо того, чтобы следить за дорогой. Но разве можно меня за это ругать? Он так красив, что сложно отвести взгляд. Даже

несмотря на то, что, возможно, у него в голове план по уничтожению всех магов. Но это его жесткое выражение лица... А когда он немного хмурится, у него на лбу появляются маленькие морщинки. Эти его морщинки! Когда он хмурится очень сильно, то они образуют небольшую арку на лбу, получается очень мило, и его лицо становится еще более приятательным.

Тут я поняла, что продолжаю на него смотреть и разглядываю его лоб. Он опять хмурится... Ах да, он же задал мне вопрос и ждет ответа. Так что он там спросил?

– Э-э-эм, нет, все в порядке, я могу выдержать такой темп, просто споткнулась.

– Хорошо, но, если устанешь, дай мне знать, притормозим. Хотя лучше нигде надолго не задерживаться.

– Ну тогда вперед!

Он хмыкнул, кивнул, и мы вновь ускорились. Уже скоро я поняла, что моя бравада была излишней, поскольку спустя несколько минут я начала тяжелее дышать. Зато теперь я смотрела строго себе под ноги, не хотелось бы упасть в грязь лицом, причем в прямом смысле. Если Кремер шел своим размашистым шагом, то я точно уже всюю бежала и все равно отставала.

Это Ремис у нас любитель спорта и единоборств, я же всегда избегала любых физических нагрузок, так что к бегу не сильно приучена. Прибавьте к этому скорость чародеев, и думаю, что минут через десять к моему стыду я действительно-

но попрошу Кремера притормозить. Может, не стоило прогуливать уроки самообороны и физической подготовки? Никогда ведь не знаешь, куда или от кого тебе однажды придется бежать.

Иногда я все-таки успевала осматриваться по сторонам. Меня не покидало чувство, что за нами кто-то все время наблюдает и что облака не случайно меняли цвет, а за этим прячется чье-то внимательное око. А мы с Кремером, как в жуткой игре на выживание, являемся главными ее участниками. Устраивают же боги соревнования среди бессмертных. Правда, в последний раз это было еще до решения уничтожить магов. Но вдруг сейчас игрища восстановились?

Нет, это совсем безумная мысль, бессмертных оповестили бы о возобновлении игрищ. Хотя кто их знает, этих богов. Но маги действительно однажды приняли участие в подобных состязаниях. Тогда маги впервые громко заявили о себе, одержав победу; второе место заняли акриты. Но многое до сих пор остается загадкой: как именно проходили те игры, в чем заключалась суть состязаний, есть ли свидетели той игры (ну кроме богов, конечно)? И главное – почему после тех соревнований подобных игр не было? Что такого там произошло, что турниры больше не проводились?

Тем временем мне уже стало не хватать кислорода, я запыталась и уже было хотела попросить Кремера сбавить темп, как он сам неожиданно остановился.

– Думаю, можно свернуть тут. – Кремер указал в сторону

леса.

Это все-таки какой-то фантазмагорический лес. Слов не хватит, чтобы описать его необыкновенную красоту и ужас одновременно. Боги определенно лучшие декораторы. Только они способны создать что-то столь прекрасное, порой даже очень опасное, но все равно идеальное. Даже территы не сравнятся с богами по мастерству флористики. Я ни разу не была в землях территов, но видела картинки и читала описания. Интересно, Фейсал лично поддерживает эту красоту или же он все-таки прибегает к помощи территов или кого-то из равных им? Наверное, первый вариант.

– Как скажешь. Я плохо ориентируюсь в неизвестном мне пространстве. В этом вопросе полностью полагаюсь на тебя, – ответила я Кремеру и в то же самое время спросила себя: а действительно ли я готова ему довериться? Пепел, который осел в закромах пояса Кремера, не давал мне покоя. Странно, но, несмотря на все мои «почему» и «как», я не ощущаю себя в опасности с тем, кто веками был врагом магов. А насколько сам Кремер доверяет мне? Или, что вероятнее всего, он верит в свои силы и возможности справиться со мной? По всей видимости, я не одна об этом размышляла, потому как Кремер тоже время от времени украдкой поглядывал на меня, и в его взгляде читалось недоверие или сомнение. Занят ли мозг наемника таким же шквалом различных домыслов и противоречий, как мой собственный? Вот только если мой разум и вел диалог сам с собой о возмож-

ности полностью доверять Кремеру, то мое сердце, кажется, уже давно доверилось этому мужчине. Глупое женское сердце!

Неожиданно Кремер широко улыбнулся и немного наклонил голову вбок. Ох! Если до этого, пробежав, мне все еще было тяжело дышать, то теперь я просто замерла и не дышала. Такая сногсшибательная улыбка, искренняя и совершенно неотразимая! А главное – с чего бы?!

– Спасибо за доверие... фитилёк, приятно слышать.

Кремер назвал меня «фитилёк»? Надо же! Поразительная нежность со стороны этого угрюмого наемника. Или его тоже поразила возможность гипотетического доверия между нами, вернее, внутреннего спора о возможном доверии? Не знаю, насколько размышления о доверии завладели его мыслями, но я сейчас свою логику и сомнения поставила на паузу. Нежный Кремер... эта его улыбка в ответ на мои слова о доверии с моей стороны! Она делает такими далекими и несущественными все эти войны между магами и чародеями!

– Но я попрошу тебя смотреть очень внимательно по сторонам. Я сам не знаю, что нас ждет в этих зарослях.

Мне показалось или на его лице появился страх? Кремер умеет бояться? Или он опасается подвести меня после того, как я сообщила, что доверяю ему? Занервничал, что не оправдывает мое доверие? Хотя, скорее всего, я так далеко зашла в своих размышлениях, что принимаю желаемое за дей-

ствительное. Мой разум еще подает голос, он еще не совсем проиграл битву с сердцем.

Но в то же время я просто молча киваю ему в ответ, ожидая от него чего-то большего. При этом у самой, вероятно, совершенно нелепейшее выражение лица. И весь мой вид сейчас является олицетворением полнейшей капитуляции перед Кремером.

Неожиданно он притянул меня к себе и нежно приобнял. Я прижалась лицом к его груди и обхватила его сильное тело руками. Да! Пусть у меня и есть сомнения, пусть мои планы по похищению пепла никуда не делись и сейчас я весьма неуверенно и без особого энтузиазма размышляю, а не попытаться ли стащить пепел, пока мы обнимаемся, но отчего-то дальше этой мысли дело не пошло. Объятия Кремера действуют на меня успокаивающе, они как последний глоток воздуха для тонущего. Поэтому мои руки так и не потянулись к карманам его пояса. Понимает ли Кремер, как его слова и такие незначительные действия обезоруживают меня и отменяют коварные планы насчет пепла? Плевать на противоречия, меня не волнует вражда между нами, мне просто... очень хорошо в данную минуту. Мне остается только молиться, что он не играет на моих чувствах после того, как долгое время изучал меня и знает все мои слабые стороны. Зажмурившись, я стала прислушиваться к его дыханию. Мне вдруг подумалось, что если я замру и услышу его сердце, то все пойму. Увы, ничего подобного не произошло.

– Все будет хорошо, я сделаю все, что смогу, чтобы ты не пострадала, обещаю тебе!

Кремер сильнее прижал меня к себе и начал поглаживать по спине. В этих действиях не было ничего эротичного, простой успокаивающий жест. Для него, может, это и простые слова и жесты, а я на секунду подумала, что он все-таки хорошо успел меня изучить и понять, в чем именно я нуждаюсь.

И хоть я вновь могла дышать, в груди словно ком образовался, от которого я готова была пустить слезу счастья от приятного чувства, которое женщина испытывает, оказавшись в долгожданных объятиях любимого мужчины. И неважно, что эти объятия не совсем такие, о которых я так давно грезила, главное в этот момент – ощущение, словно ты одна во вселенной можешь обнять этого мужчину и у тебя есть все основания для этого.

Я готова остаться в этом измерении навечно, лишь бы Кремер и дальше оставался рядом. Я давно испытываю голод по простым и столь нужным для любого живого существа чувствам – защищенности и безопасности. Слезы все-таки начали заполнять мои глаза, и я всхлипнула.

– Шшшш, не плачь, я правда не допущу, чтобы ты поранилась. Я вытащу тебя отсюда, Алика. – Вероятно, Кремер принял мои слезы за страх и считает, что я испугалась продираться сквозь дебри таинственного леса. Пусть и дальше так думает, я не готова пока полностью раскрыться перед ним. –

Просто иди за мной, хорошо?

– Да, конечно, – прошептала я в ответ и вытерла слезы, после чего вернула руку за спину Кремера, чтобы еще раз крепко его обнять. Как же не хочется его отпускать! Но пора идти дальше.

И в это самое мгновение я решила, что и не обязана его отпускать, не хочу, я желаю этого мужчину в своей жизни... навсегда, во веки вечные! Пусть столкновения магов и чародеев катятся ко всем чертям! А я лично хочу мира между нашими народами! Я не хочу больше думать о том, что нас разделяет. Я хочу смотреть вперед, а впереди видеть Кремера живым, счастливым и рядом со мной!

– Ты готова двигаться дальше? – Своевременный и очень точный вопрос.

Еще как готова! Никогда раньше я не была так готова к чему-то, как двигаться дальше!

Глава 19

Мы расцепили наши объятия и встретились лицом к лицу с неизвестным и, возможно, очень опасным лесом. Не сговариваясь и не подавая никаких знаков друг другу, почти синхронно сделали уверенный шаг вперед, но так же синхронно остановились.

– Как я сказал, держись за мной. Я поведу, а ты ступай строго по моим следам, расстояние держи не больше шага.

– Отлично, будешь моим поводырем в адском лесу. – Моя попытка пошутить с головой выдавала мою нервозность.

Кремер глубоко вздохнул и двинулся вперед, никак не отреагировав на мой сарказм, он просто выставил перед собой руку. Решил расчищать нам путь телекинезом? И словно в подтверждение моих слов ветки начали раздвигаться в стороны, впереди образовалось нечто похожее на арку, сотканную из ветвей, листьев и цветов. Опять перед глазами возникла арка из тех странных облаков. Значит ли это, что мы на верном пути? Или я вижу знаки там, где их нет?

– Вперед! – тихо скомандовал Кремер. Он явно не заметил сходства.

Я следовала за Кремером и попутно поражалась, насколько четко и легко он владеет телекинезом. Он с ювелирной точностью раздвигал ветки впереди, и стоило нам сделать па-

ру шагов, как идеального размера арка, сквозь которую мы только что прошли, мгновенно исчезала за моей спиной, а растительность возвращалась в свой изначальный вид.

Шли мы медленно, бежать или даже ускориться было бы, наверное, невозможно сейчас. Несколько раз мне хотелось дотронуться до чего-то красивого, что тут и там представало перед взором, но я останавливала себя. Кремер же, напротив, довольно смело хватал некоторые ветки, чтобы точнее направлять телекинез. Чутье чародеев, даже в неизвестном измерении, позволяет распознать, к чему можно прикоснуться, а к чему не стоит. Мне же оставалось лишь следовать за ним, прятаться за его широкой спиной и любоваться видами.

Кто бы мог подумать, что у Фейсала такой прекрасный мир! Как хотелось бы его получше рассмотреть! Но приказы Кремера «Пригнись», «Замри» и т.п. не позволяли мне душой и телом погрузиться в изучение этой прекрасной растительности.

– Я стараюсь не навредить лесу. Мы и так убили людей Фейсала. Думаю, если мы еще и местную природу изуродуем, это только усугубит наше положение. Все-таки для нас это просто ветки и кусты, которые приятно пахнут, а для него это – его дом, в котором мы лишь гости.

Мысленно я согласилась с Кремером, хотя назвать нас гостями сложно. Мы сюда не напрашивались. Скорее, мы пленники. Но как я ни ломала голову над вопросами, как и зачем мы тут оказались, так и не смогла ничего понять. За что

Фейсал намерен осудить нас? Боюсь ли я встретиться лицом к лицу с ним? Определенно нет, но интуиция мне подсказывает, что эта встреча вскоре состоится. Я сказала Кремеру, что доверяю ему, и это правда. Но верю ли я, что у нас получится сбежать? Нет, иначе кто-нибудь сообщил бы уже бесмертным, как можно оказаться у Фейсала и не столкнуться с последствиями его суда. Хотя я не буду озвучивать свои опасения, не стану говорить Кремеру, что не верю в положительный исход нашего бегства. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Не желаю, чтобы он думал, что я сомневаюсь в его решениях. Несмотря на все мои сомнения и переживания, я действительно всем сердцем хочу ему просто поверить.

– Что-то ты совсем притихла, но я буквально слышу, как ты пыхтишь, вероятно, о чем-то усиленно размышляешь. – Кремер решил пошутить или хочет меня взбодрить?

– Не хочу тебя отвлекать.

Это правда, как и то, что я никогда не была особенно разговорчивой. Мне всегда было трудно сойтись с людьми или с чародеями, да с кем угодно во вселенной. А с Кремером по непонятной до сих пор причине мне довольно легко разговаривать, более того, я даже кричала на него, и это не казалось мне чем-то странным – скорее, естественным. Именно с ним я могла себе позволить говорить обо всем, ну почти обо всем, что меня беспокоит. Я легко могу себе представить, как мы сидим у камина и ведем расслабленный диалог, как

очень близкие люди. Боги, опять камин! Что за маниакальное желание завести собственный камин? Помимо собственного дома я всегда хотела собственный камин. Я, наверное, и дом-то свой хочу только из-за камина.

– Ты не отвлекаешь, скорее, меня больше беспокоит твое молчание.

– Беспокоишься за свою спину? Думаешь, что я молча планирую запустить в нее огонь?

Кремеру с его огромным жизненным опытом, наверное, сложно кому-то доверять. Он ответил не сразу, но довольно резко:

– Нет, это меня мало волнует, я знаю, что ты не столь глупа и не станешь так рисковать своим здоровьем.

Меньше всего я хотела бы вновь начать с ним ругаться:

– Прости, я нервничаю, и, откровенно говоря, я не самый разговорчивый человек.

– Это мне известно. Я знаю, что у тебя мало друзей. И, кстати, в этом мы с тобой похожи, меня тоже не назовешь общительным человеком.

– Насчет «мало друзей» – тут ты явно преувеличил. У меня совсем нет друзей! У тебя их тоже нет?

Все-таки мне не очень комфортно от мысли, что Кремер прекрасно осведомлен на мой счет и даже знает, что я одинока, хоть и не совсем по своей воле. Да, Ремис всегда был где-то поблизости, но между нами словно пропасть. А с чародеями из замка мне всегда было тяжело общаться. Одна-

жды у меня был друг по переписке. Отчаявшись найти парня, я даже зарегистрировалась на сайте знакомств. Так мне удалось сходить на несколько свиданий. С одним у меня случился весьма унылый секс, который так ни к чему и не привел, а с другим дальше посредством кофе в забегаловке не зашло. Не то чтобы нам было разрешено встречаться со смертными, но никто за этим строго не следил, хотя всегда надо быть очень осторожным, чтобы не раскрыть тайну существования бессмертных. Но у меня даже с обычными людьми не складывалось общение. Людям нельзя знать о существовании бессмертных, а если завести длительные отношения, то сложно будет объяснить, почему я не старею и не болею. Но это оправдание, которое я себе навязала в попытке объяснить, почему же я так одинока. Ведь Ремису и его друзьям-чародеям ничто не мешало ходить по вечеринкам и заводить краткосрочные интрижки со смертными женщинами. С Ремисом я никогда не решалась делиться своими страхами и переживаниями. Сомневаюсь, что он знает, насколько мне все это время было одиноко, насколько после смерти родителей я не могла найти себе места в жизни. Расскажи ему это, он, быть может, и не стал бы все время насмехаться надо мной и моей неуклюжестью, но мне не хватало духу поделиться своими душевными терзаниями даже с родным братом. Чего я боялась? Что помимо насмешек я получу в свой адрес еще и его отвращение, жалость или неприязнь. Казалось, пока он не высказал вслух своего негативного от-

ношения ко мне, я могу убеждать себя в том, что брат меня любит.

Ремис же никогда не планировал каких бы то ни было серьезных отношений с кем-либо. Казалось, он даже родственных отношений со мной хотел бы избежать. При этом он с легкостью общался со всеми, его окружали люди: смертные и бессмертные. У него были даже близкие друзья-чародеи. А я тем временем тайно ему завидовала. Ведь ему всегда кто-то звонит, его всегда ищут, если он задерживается даже ненадолго. А меня, исчезни я даже на сутки, никто бы не хватился и не забеспокоился. Никто просто не заметил бы моего отсутствия. А мне так хотелось быть значимой для кого-то, и плевать, для кого именно. Мечтала о том, чтобы брат, его друзья и другие чародеи стали обо мне думать и вспоминать, начали бы обо мне заботиться. Да что там заботиться? Я хотела, чтобы они хотя бы просто знали о моем существовании!

– Я очень близок с Кевилсом...

Я опять погрузилась в свои мысли и потеряла нить разговора с Кремером. Он замолчал, словно обдумывая, насколько может быть откровенным со мной. Это даже немного задело меня. Хотя чему удивляться? Кто я для него? Сколько у него было таких, как я? И я тоже не на сто процентов ему доверяю.

– Я всегда намеренно избегал заводить близкие отношения хоть с кем-то, – чуть помедлив, продолжил он.

Он избегал этого, а я всем сердцем стремилась к близким отношениям. Добавим в копилку противоположностей, буд-то того, что он чародей, а я маг, недостаточно. Но это любопытно. Означает ли это, что у него действительно не было и нет серьезных отношений с какой-нибудь красоткой? Важнее даже другое: он и от меня будет держаться подальше, если нам все-таки удастся выбраться из этого приключения живыми?

Если для меня общаться с кем-то всегда было весьма желанно, но сложно, то Кремер, наоборот, специально избегал подобных отношений. Поговорим о несовместимом?

– А Кевилс стал исключением?

– С Кевилсом мы через многое прошли вместе, мы очень давно знакомы, так что да, он, скорее, исключение. Но приятное исключение.

Говоря о Кевилсе, Кремер заметно расслабился. Может, для него и не свойственно с кем-то делиться эмоциями, но о Кевилсе он говорит охотно. Можно сделать вывод, что он очень ценит дружбу с главой чародейского ордена.

Тем временем мы все дальше и дальше продвигались вглубь леса, идти из-за все более сгущающихся над нами зарослей было сложнее, впрочем, как и мне удержаться от дальнейших расспросов Кремера.

Больше всего мою голову занимали вопросы, почему он до сих пор не обзавелся парой, да хотя бы даже слухами об интрижках, о скандалах с какой-нибудь особенной женщи-

ной. Это редкость для кого-то из столь древних. Неужели за всю жизнь он ни в кого не влюблялся? И тут меня больно ударила догадка: а что если он кого-то потерял? Что если какой-нибудь маг убил его женщину? Ох, как же меня донимают вопросы, которые никак не решаюсь задать.

– Опять замолчала? Тебя смущает моя дружба с Кевилсом?

– Что? – Я, видимо, действительно сильно погрузилась в свои мысли, что это вызвало ненужные подозрения. Да, Кевилс, точно. – Эмм... нет. Почему меня должна смущать ваша с ним дружба?

– Тогда что тебя беспокоит?

С чего он взял, что меня что-то беспокоит? Чутье чародеев? Хотя он прав, конечно.

– Никто и никогда не говорил о твоих свиданиях с девушками.

– Потому что их и не было. И не о чем тут говорить.

– Ты никогда не встречался с женщинами?

Он ведь лжет? Это же не может быть правдой. Он же...

– Я не девственник, если ты об этом. – Кремер притормозил и оглянулся, словно ожидая продолжения разговора.

– Я не... я и не думала, что ты девственник. Просто...

– Просто что? Задай уже вопрос напрямую, что тебя интересует?

Рискну ли? Но почему бы и нет. Сам ведь предложил.

– Ты уже... довольно... – Не хотелось говорить «старый»,

но как сказать иначе? – ...давно живешь, сложно поверить, что ты одинок. У тебя действительно нет девушки? Почему?

Кремер оглянулся вокруг и, сделав пару вдохов и выдохов, продолжил путь. Боится, что наш с ним разговор кто-то может подслушать?

– Потому что при моем ремесле любой мой близкий человек окажется под угрозой. Я уже довольно древний наемник, как ты тонко подметила, многих успел убить, и кто-то всегда желает мне отомстить. А как лучше отомстить бессмертному, кто может страдать бесконечно долго, испытывая чувство вины, если только не через смерть самых близких?

Он хочет сказать, что его женщина могла бы пострадать. Но сложно в данных обстоятельствах обвинять его в излишней осторожности.

– Ясно, девушек нет, и Кевилс стал другом, поскольку сам силен и у него врагов не меньше, чем у тебя?

– Кевилс и без меня находится под постоянным ударом. Он такой же наемник, как и я, но он определенно сможет за себя постоять. Мне не приходится ломать голову о его безопасности.

– Из-за опасения потерять любимого человека ты обрек себя на одиночество? Не слишком ли это...

– Нет, не слишком, – грубо прервал он меня на полуслове. – Не будь ты такой юной, мне бы не пришлось объяснять очевидное. – Кремер замолчал, а потом продолжил: – Мы с Кевилсом потеряли близкого друга. Я долго пытался пере-

жить это, в какой-то степени мне это почти удалось. А Кевилсу – нет, он до сих пор не смирился с его утратой. Наш друг был очень дорог нам, даже в голову не приходило, что он может погибнуть. Но это вдруг произошло, и произошло так же внезапно, как смерть во время сна у людей.

– Ты говоришь, что тебе почти удалось смириться. Значит ли это, что ты не смирился с его смертью и теперь избегаешь любого близкого общения?

– Не вдавайся в излишние философские измышления, рано тебе об этом еще говорить. Но ты права, говоря «почти», я все же надеюсь, что он жив, и хочу верить предположениям Кевилса. Но я не хотел бы сейчас продолжать данный разговор.

Получается, Кремер не видел, как умирал его друг. Иначе как бы он еще не смирился? Ладно, если он не желает говорить об этом, то и меня тема смерти интересует меньше всего.

– И у тебя никогда не было искушения с кем-то встречаться на длительной основе? – не унималась я, ведь в это сложно поверить.

– Я встречаюсь с девушками, но не более одного раза с одной и той же.

Это он сейчас так дипломатично обосновал, что он использует и выкидывает женщин, меняя их как перчатки? Эта мысль меня почему-то совсем не обрадовала, вот совсем!

– Женщины тебя обожают.

Не знаю, зачем я это ляпнула, но, вспоминая всех тех, кто при виде Кремера пускает слюни и вешается ему на шею, мне стало их жаль... почти жаль. Он с ними просто развлекается и отсекает, как нечто более не нужное? А потом он хоть здороваётся с ними или делает вид, что они не знакомы? И это лишь по причине, что кто-то сможет причинить вред этим несчастным из-за желания отомстить наемнику? И еще вопрос: почему меня это злит?

– Это ты сейчас к чему сказала? – недоуменно спросил Кремер.

А что непонятного-то? Меня он тоже собирался «поматросить и бросить»? Только я подумала, что у нас с Кремером есть будущее, и вот тебе – приехали. Нет, я, конечно, надеялась, что у него никого нет, я страшно признаться, но даже надеялась, что его девушку прикончил маг. Но уж точно никак не ожидала встретить эдакого казанову, который был неким бессмертным и холодным любовником всех времен и народов.

– К тому, что ты их используешь, но никому не позволяешь остаться дольше чем на одну ночь.

Может, не стоит так откровенно показывать, насколько сильно меня это задело?

– Я не... – Он опять остановился и почти полностью повернулся ко мне, после чего продолжил: – Я никого не использую. Если я с кем-то и знакомлюсь, то сразу прямо и откровенно говорю, что не стоит ждать продолжения, как бы

хорошо мы ни провели время.

– Как благородно! – не устояла я, чтобы не съязвить.

Предполагается, что это должно меня успокоить? Кремер встряхнул головой, удивленный моим ответом, и вопросительно поднял брови, ожидая пояснений.

– Что-то я не припомню подобных предупреждений. Или мне об этом должны были сообщить наручники? Дать понять, что у нас экстремальная ситуация и потому нет времени для полноценной инструкции от Кремера?

– Поверить не могу, что ты так расценила мои слова и действия.

Он что, обиделся? Не знаю, но, судя по выражению его лица, не ожидал от меня такого отклика на свои откровения.

– А есть иные варианты?

– Есть! – почти рявкнул Кремер. Почти, потому как он тут же вернулся к своему привычному спокойному и отчужденному образу. – Я никогда не причинял женщинам боль, иначе до тебя уже дошли бы слухи.

До *меня* дошли бы слухи? Его заботит мое мнение? Слабое утешение. А вдруг он подобно самке богомола сразу убивал своих партнерш после секса?

Ну какие только мысли не придут в голову от ревности и злости!

– Ладно, это в конце концов не мое дело. Просто странно, что ты такой древний и совсем один.

Все-таки ревность не позволила мне удержаться и не ска-

зять о его старости вслух.

– Думай что хочешь. Мне скрывать и тем более стыдиться нечего.

Я тоже так всегда говорила, когда родители припирали меня к стенке с вопросом «кто это сделал?», а я до последнего отпиралась и потом выдавала нечто типа, мол, спорить не буду (ибо нечем крыть и я действительно это сделала), но «думайте, что хотите». Это заставляло родителей задуматься, что, может, они не правы, и вскоре они оставляли меня в покое.

Но я прикинула: добавили ли столь откровенные разговоры доверия между нами? Нет! Проведя почти сутки вместе с Кремером, мы уже через многое прошли. Или мне так показалось. Мы оба выжили в пещере и в схватке с бойцами Фейсала. Но вместо того, чтобы сплотиться и полностью довериться Кремеру, с каждым моим вопросом и его ответом я сильнее прислушивалась к голосу разума и старалась не вникать в то, о чем пело мое сердце. Может, я просто хочу видеть Кремера другим, нежели тем, кем он в действительности является? Может, мне пора трезво взглянуть на ситуацию и наконец понять, что Кремер навсегда останется чародеем, а я – Источником со всеми вытекающими отсюда последствиями? Плюс замашки древнего мужика и девушки, которая еще верит в большую любовь. Нет, мы как вода и огонь – несовместимы.

Когда я уже хотела озвучить свое решение больше не за-

давать друг другу вопросы и не пытаться играть роль «хорошего друга» только лишь с целью выжить в этой реальности, мы слышали дикий рев, который раздался где-то вдалеке, около того места, откуда мы с Кремером недавно сбежали. Этот звук походил на рык раненого дикого животного. Если уж тут цветы и ягоды нападают, то встречаться с животными, которые способны издавать подобный рев, мне точно не хотелось.

– Твою мать! – Кремер, одной рукой удерживая над нами импровизированную арку из растений, другой потянулся к своему вновь приобретенному мечу.

При ближайшем рассмотрении я поняла, что не могу идентифицировать состав металла, из которого сделан меч. Сплав чем-то напоминал керринский – из золота, добытого на Земле, и камня, который можно найти лишь в землях Ингаз. Но я сильно сомневаюсь, что Фейсал стал бы заморачиваться поиском золота для изготовления мечей. И все же сам клинок был цвета золота, но переливался серебряным и черным цветами. Рукоять, казалось, сделана из слоновой кости, а гарда блестела, как рубин. Невероятно красивый меч, если только он не направлен против тебя в бою.

Кремера, судя по тому, как он выхватил меч и вкуче с телекинезом стал в буквальном смысле прорубать нам путь вперед, красота меча сейчас не заботила, как, впрочем, его явно более не интересовало, что подумает Фейсал о незапланированной вырубке леса.

Все, что в данной ситуации оставалось мне, – следовать за Кремером, а если он хотя бы еще чуть увеличит скорость своей импровизированной лесопилки, то мне вновь придется бежать.

– К черту Фейсала и его лес?

– Да! Не отставай!

Глава 20

Должна признать, что с помощью меча мы стали продвигаться быстрее. Одной рукой Кремер телекинезом раздвигал ветви деревьев, а те, которые еще хоть как-то мешали продвижению, беспощадно срезались мечом.

Чародей действовал словно бульдозер, расчищающий нам путь. Гул за спиной все увеличивался, и находиться позади Кремера, как за щитом, было уже не так спокойно. С каждым шагом мне становилось все более некомфортно. Не знаю, что нас преследует, какой невероятной силой это нечто обладает, вот только устрашающий звук, который сопровождает *это*, не вселяет надежды на благоприятный исход. Пугал даже не столько сам звук, как неизвестность и то, что это нечто неизбежно приближается, отчего сердце в груди бешено бьется и дышать все тяжелее. Неожиданные воспоминания из далекого прошлого о грохоте в библиотеке заполняют все мои мысли, что только усугубляет ситуацию. Я встряхнула головой: нет, не буду вспоминать эти звуки неизвестного происхождения, которые в итоге круто изменили мою жизнь. Неподходящее время и место, чтобы вспоминать прошлое, и, несмотря на адреналин, который внутренне заставлял двигаться вперед и только вперед, я тем не менее в какой-то момент замерла. Может, это самое подходящее время встретиться ли-

цом к лицу с прошлым и увидеть будущее? Столкнуться с проблемами в настоящем, чтобы иначе понять прошлое? От чего я бежала, чего я боялась и кто меня преследует, кто мне угрожает в настоящем? Не прятаться в шкафу, а с широко распахнутыми глазами воочию узреть свой страх в настоящем!

Я развернулась в ожидании встречи с врагом, от которого исходит этот ужасный рев, преследующий нас. Ранее бойцы Фейсала появились почти беззвучно, но то, что предстало перед моим взором, сейчас не поддавалось никакому описанию. Это катастрофа. Буквально. Это даже не ужасное цунами, настигшее Таиланд в 2004 году². Хотя схожей смертельной силы океанской волны здесь быть не могло по причине отсутствия океана, зато я смогла разглядеть, как вдалеке рушатся деревья: где-то они исчезали из вида, а где-то улетали вверх, мощными стволами прорезая воздух. Неизвестного вида птицы взмывали к небу, повсюду раздавался душевраздирающий вой животных. А может, это просто звук, который издает сама Земля в преддверии гибели? Что происходит? Какого черта? Надвигающаяся катастрофа не сулила ничего хорошего, тут даже к гадалке не ходи!

Кремер же не замедлялся, наоборот, стремительно про-

² Подводное землетрясение в Индийском океане, происшедшее 26 декабря 2004 года. Вызвало цунами, ставшее самым смертоносным в современной истории. Цунами достигло берегов Индонезии, Шри-Ланки, юга Индии, Таиланда и других стран. Цунами привело к сильным разрушениям и огромному количеству жертв. Погибло, по разным оценкам, от 225 тысяч до 300 тысяч человек.

двигался вперед. Я тяжело вздохнула, посмотрела на свои руки, которые задрожали от увиденного ужаса, и в голове промелькнула мысль, что это бедствие каким-то образом связано со мной и нам не спастись. Нечто столь мощное, что способно уничтожить эти огромные и грандиозные деревья, сметет нас, как букашек. Даже чародеи не могут перемещаться так быстро, не говоря уже о магах. И это нечто желает уничтожить именно меня! Не знаю, откуда такие мысли, но ведь бессмертным утопление не грозит! В том смысле, что, даже если Кремера накроет эта волна и он получит увечья от камней, деревьев и захлебнется, он воскреснет. А я? Я же просто погибну. За чьей душой данный «зверь» гонится? За моей!

Тело словно сковало, слабость в ногах не позволила даже сделать шаг за Кремером. Но я попыталась понять, как мы можем избежать встречи с тем, что сносит все на своем пути. Я просто смотрела на чародея, который все удалялся и уже оказался на значительном от меня расстоянии, а потом взглянула на скалу, до которой мы пытались добраться: до нее не менее двухсот метров густых и опасных зарослей. Успеем ли мы добежать?

Нет!

– Алика! Не отставай! – В голосе Кремера я уловила сильное волнение, что лишь усилило мою нарастающую панику.
– Кремер, оно нас догоняет!

Несмотря на слабость в ногах, мысли о прошлом и насто-

ящем, я помчалась к чародею. Маг бежит к чародею в надежде на спасение! В надежде, что каким-то чудом его опыт, его бессмертие, его слова о том, что он не допустит, чтобы со мной что-то случилось, – все это спасет нас обоих. Маг и чародей. Маг грезит о том, что его спасет извечный враг магов!

Нет, не думай, Алика! Просто беги к нему!

– Я слышу! Алика, давай... помоги мне!

Это заставило меня притормозить. Помочь? О чем он говорит? Чем помочь? Конечно, я готова выполнить все, о чем бы он ни попросил, только мои извечные спутники страх и неуверенность в себе шепчут, что я бесполезна сегодня. Как, впрочем, и вчера, и, скорее всего, завтра я тоже пользы не принесу.

– Что мне делать? – Я все же решила уточнить, чем могу быть полезной.

– Постарайся телекинезом раздвигать ветви деревьев, так мы будем продвигаться быстрее. Ты их направляй в сторону, а я буду срубать все, что нам мешает.

Подняв руки поверх головы Кремера, я постаралась сосредоточить силу в русло нашего спасения, вернее, направить ее впереди себя на деревья, не утруждаясь уточнять такие мелочи, ветки это, кусты или деревья.

– Хорошо! – выкрикнула я, вполне уверенная в своих силах. Немного бравады мне сейчас не повредит.

Мне еще не приходилось настолько ювелирно пользоваться телекинезом – раздвинуть ветки впереди нас, не задев

Кремера? Хорошо. Ладно. Я справлюсь. Надо лишь отодвигать ветки, кусты, стволы деревьев. Звучит просто, а на деле крайне сложно для меня. Но я была настроена решительно, хорошая мотивация в виде того, что происходит позади нас, придала мне необходимого настроения к действию. Взревев диким ревом, я сделала первый удар.

Ой!

Неожиданно как-то получилось!

Райская прекрасная растительность вдруг превратилась в унылую пустыню после впечатляющего взрыва огня и силы, которые вырвались из моих рук. Лес перед нами буквально взорвался. Взрыв был настолько мощным, что мы оказались на черной однородной и мертвой полянке в радиусе примерно двадцать метров. Сказать, что я была в шоке, – ничего не сказать! Оторопев, я отпрыгнула на целый метр от Кремера. Я только что взорвала лес? Хорошо, пусть не весь, но окружающая нас природа дымилась. А сверху пеплом вперемешку с еще догорающими ветками и листьями опускалось на нас то, что еще совсем недавно казалось таким прекрасным.

– Эмм... так тоже годится, но можно просто раздвигать ветки телекинезом. – Кремер выглядел таким же ошарашенным, какой чувствовала себя я.

– Я и хотела их просто раздвинуть.

Не то чтобы я искала себе оправдание, но ведь совершенно точно не стремилась ничего взрывать!

– Твои силы растут и сильно зависят от эмоций! Поста-

райся лучше себя контролировать.

– Ну спасибо, капитан Очевидность!

Ох уж этот нравоучительный тон! Я, между прочим, сейчас пытаюсь помочь! Помочь самому известному наемнику. Не забыл?!

Кремер в ответ резко кивнул и пошел вперед.

– Просто не поджарь мне задницу, это все, о чем я прошу.

Пока я пыталась привести в порядок эмоции для того, чтобы еще чего-нибудь случайно не взорвать, Кремер по какой-то странной причине несколько воодушевился и даже немного успокоился.

Почему он успокоился, не могу сказать, но меня сейчас больше занимает мысль: какая сила вырвется из моей руки в следующий раз? Решила не рисковать и действительно на всякий «пожарный» случай отвела руки подальше от Кремера. Не хотелось бы поджечь эту клевую задницу.

– У меня на эту задницу иные планы.

Боги, я это вслух сказала? Видимо, да, поскольку Кремер настолько резко остановился, что я врезалась в его спину.

Потирая свой пострадавший нос, я подняла на него глаза. На его лице играла издевательская улыбка хищника в момент триумфа охоты, которого сейчас волнует только один вопрос: как употребить свою добычу – целиком и сразу или же растянуть удовольствие? Я мечтала любоваться его улыбкой чаще? Получи и распишись! Но явно не столь самодовольную!

– Я бы сейчас... – он сделал паузу, оглядел меня с ног до головы, а потом продолжил: – должным образом ответил бы, – при этом он уже стоял вплотную ко мне и немного наклонился, – но, боюсь, у меня в приоритете спасти *наши задницы*. Так что постарайся взять себя в руки. *Сможешь?*

Он издевается!

Я не рассчитывала на игривость Кремера в подобной ситуации и уже хотела было сообщить, что сейчас не время и не место для подобного, как он продолжил, склонившись еще ближе ко мне:

– Но я напому тебе эти слова, когда будет подходящее время. При этом твои пятки будут упираться в *эту самую задницу*. Надеюсь, ты об этом думаешь?

Гул за спиной, цунами, смерть со скоростью света, преследующая нас? Да гори оно все синим пламенем! У меня перед глазами тело Кремера, за которое я цепляюсь, хватаюсь за его широкие плечи и упираюсь пятками в его упругую задницу. Дьявол!!!

– Сейчас я думаю о нашей безопасности. – Я постаралась придать голосу твердость и не выдать своих истинных мыслей.

Я, ну конечно же, думаю о ней самой, о безопасности. Но Кремер продолжал смотреть на меня и улыбаться.

– Да, нам действительно пора! – продолжая ухмыляться, ответил он мне.

Я взяла себя в руки то ли потому, что мне безумно хоте-

лось-таки упереться пятками в задницу Кремера, то ли потому, что мне больше всего хотелось выжить. И почему я не знала точного ответа, что именно из этого для меня важнее сейчас?

Пришлось себе напомнить, что он просил о помощи, он хотел мой телекинез. Но правда заключалась в том, что моя собственная сила для меня все еще загадка. Знаю, эмоции магов – это ключ к их силе, но в том-то вся и суть. Мои эмоции словно не мои, я не узнаю себя, не понимаю себя, я совсем перестала узнавать себя, даже боюсь признаться самой себе в своих собственных чувствах. Кремер – он как миксер: смешивает все мои яркие, положительные и яростные эмоции, включая максимальную скорость перемолки, а на выходе получает соус – нечто, что питает Источник, именно мой Источник. И эта сила Источника выше меня, это уже *не я*, я не готова к этому. Эта сила не моя! Смесь эмоций получается настолько ядерной и неуправляемой, что сомневаюсь, что когда-нибудь буду способна подобной силой управлять. И когда я почти смирилась с мыслью, что я – Источник, возник вопрос: когда я смогу «подружиться» с подобной силой? Смогу ли силу Источника подчинить своей воле, смогу ли ее контролировать? Или мои эмоции возьмут однажды верх над моим разумом? Справлюсь ли я? Кремер, кажется, в последнем не сомневается. Хотя, быть может, он просто делает вид, что верит в меня?

Я посмотрела на свои руки: вроде бы обычные руки, де-

А что если сила Источника все же действительно превратит меня в нечто ужасное? Что если когда-нибудь я стану угрозой для окружающих? А вдруг для Ремиса? И главный вопрос: может ли моя сила управлять моими мыслями? Может быть, сила Источников – это суть зла? Может, как только Источник начинает пользоваться силой, ничего хорошего миру уже ждать не приходится? Мне подумалось, что злая сила поглощает полностью бессмертного и он уже не в силах это контролировать.

Я резко опустила руки, словно в попытке выкинуть их, отбросить как нечто чужое, когда в голове возникла мысль, что весь поход по этой земле и состоялся-то исключительно из-за силы Источника. В этом корень всех проблем.

Я начала задыхаться, а логика и мысли, выстроенные ею, пришли к окончательному выводу: Фейсал желает МОЕЙ смерти! Он желает именно *моей* смерти! Не Кремера. Не будет никакого суда над Источником. Фейсал стремится, чтобы его давнее решение просто вступило в силу! Для этого Источник на его землях должен умереть! Я должна была погибнуть в той пещере от падения на камни, и этот вой и массивное уничтожение леса следуют именно за мной, поскольку Кремер может это пережить, а я совершенно точно нет.

Глаза мгновенно наполнились слезами от страха и отчаянья, в горле образовался ком. Кремер, боги, Кремер?! Он страдает только из-за меня! Он бы тут не оказался, если бы не я! С корабля он прыгнул в воду в попытке меня спасти, он

спас меня в пещере, он спасает меня теперь. Только поэтому и только из-за меня он оказался тут. Маги... маги опять виноваты в страданиях других.

Не то чтобы Кремер сейчас сильно страдал, но это вскоре изменится. Фейсал нас поймает, и тогда Кремер пострадает, а я... я все равно что труп. Фейсал давно уже приговорил всех Источников к тотальному уничтожению.

– Алика, если ты думаешь, что, дождавшись того, что на нас идет, ты просто сожжешь это к чертям, то НЕТ! – Резкий крик Кремера вернул мое внимание к нему. Проглотив слезы и отвернувшись от него, я быстро вытерла щеки рукой.

– Кремер, я думаю, что должна остаться тут. А ты иди дальше.

О нет! Я совсем не хотела проявлять героизм. Я вовсе не готова умереть, просто бежать так быстро я не могу. Да и куда бежать? А задерживать Кремера мне не хотелось. Отказываюсь становиться причиной его смерти!

– Очнись! – Кремер рывкнул, схватив меня за плечи и резко встряхнув. – Огонь – не панацея от всех нападений. Это не всегда может помочь. Ты не уничтожишь *это* взмахом руки, девочка!

Не знаю, что больше меня удивило: что Кремер явно кричал или что в данной ситуации он все еще пытается объяснить мне основы владения огнем.

– Я только торможу тебя... Из-за меня тебя могут убить! – пыталась вразумить я наемника.

– Именно поэтому не тупи и следуй за мной! Я уже не против твоих праздничных фейерверков, только не стой столбом.

– Ты не понял! Иди! Я останусь тут.

Мне многое хотелось ему объяснить, но время было не на нашей стороне. Я уже не могла скрывать слезы, потому, переборов всхлипы, прокричала:

– БЕГИ!

Выкрикнув это, я опустила глаза, а когда подняла, то рассчитывала увидеть грусть на лице Кремера. Грусть от того, что мы расстаемся и меня, возможно, убьют, но я смогу задержать врага, а он спасется. Но вместо этого я увидела весьма разъяренное лицо мужчины, при этом он вопросительно приподнял бровь.

– Ты сейчас что-то типа в истерике пребываешь и мне надо треснуть тебе по щеке, чтобы ты начала мыслить здраво? Я могу, если это спасет нам жизнь.

– Что?

Пока я пыталась уложить по фэншую на полке моих страданий слова Кремера, он, не дожидаясь моего ответа, рванул меня с земли.

– У меня нет на это времени... Проклятье! Алика, ты могла бы закатить истерику чуть позже?

Не успела я возразить и хоть что-то разумное ответить, как оказалась на плече Кремера, согнувшись пополам на его мускулистом и жестком теле. Мои руки ухватились за пояс

его брюк спереди, но, как бы это ни было неудобно, неуместно и неловко, я не посмела рискнуть и ухватиться за пояс с зельями, даже чтобы просто удержаться от падения и от жесткой «скачки» на плече чародея. Мои ноги беспомощно болтались за его спиной, и, когда я начала уже было более явно брыкаться, чтобы меня опустили на землю, эти попытки быстро прекратились, когда Кремер жестко шлепнул меня по заднице. Не знаю, какой бывает эффект от шлепка по лицу, но этот удар тоже сработал. Это совершенно точно быстро привело меня в чувства, и мои глаза в мгновение высохли от слез, зато широко раскрылись в полной растерянности.

– Я тебя понесу, а когда все-таки придешь в себя, то было бы неплохо, если бы ты помогла мне.

Наверное, никогда еще мой мозг в паре с сердцем не приходили в такое состояние полной растерянности. Я хотела спасти Кремера, хотела проявить магическое сочувствие, вернее, человеческое сочувствие, а все, что я получила в ответ, – это обвинение в истерике и шлепок по заднице. Отлично! Просто отлично! Что тут еще добавить? Потом не говорите, что я не пыталась!

Воевать с Кремером было бы сейчас глупо. Если уж он решил вести себя как мачо, то кто ему скажет слово против? Я не стану. Зато я, немного придя в себя и оценив жесткую поездку на плече, все же решила использовать свою силу, которую я не контролирую или думала, что не контролирую, во всяком случае считаю чужой. Только ДUFF-Кайдену из-

вестно, что в следующий раз вылетит из моей руки.

Дуфф-Кайден. Я все чаще стала о нем вспоминать, когда поняла, что я маг. Интересно, слышит ли он мои мысли, услышит ли он мои молитвы к нему? Это все для размышлений на потом, а сейчас я намереваюсь вернуться к магии. Висеть мертвым грузом на плече наемника мне не хотелось. Потому, как только прошел первый шок, я, мельком взглянув на свои ладони, выставила их перед собой. А... пусть летит все в пепел! Я могу хотя бы помочь Кремеру. Даже если я и Источник, ничто не мешает мне помочь другому! По крайней мере, сейчас я не чувствую никаких злых помыслов по уничтожению мира, ну разве что немного уничтожить лес Фейсала. Вероятно, моя сила и сможет повлиять на меня и мои мысли, но именно в данный момент я мечтаю совершить хоть что-то полезное. С последствиями и сожалениями разберемся позже.

На этих размышлениях я уперлась рукой в твердый, как скала, живот Кремера и постаралась опять не задеть чародейский пояс, а другую руку выставила вперед. Мне почти удалось выпрямиться. Кремер считает, что я совсем не контролирую свою силу, и, конечно, я с ним согласна, но стоит лишь задуматься об огне, и моя рука начинает нагреваться. Перед прошлым ударом я не думала об огне, все мои мысли были о силе удара. Но что если совместить мой огонь, силу эмоций и удар телекинеза?

– Твоя рука красная. Ты в порядке?

И он еще спрашивает?!

Ох, я совсем не в порядке.

– Отлично, я успокоилась.

На этих словах я выстрелила, если так можно выразиться. Отправила огонь в свободный полет, который охватил метрах в тридцати впереди нас все на своем пути, а я при этом почувствовала огромный прилив сил. Поэтому я вывернулась из хватки Кремера и прыгнула на землю.

Выпрямившись, взглянула на мужчину, который так умело управлял моими эмоциями и чью жизнь я ценила так же высоко, как и жизнь Ремиса. Эта мысль пришла мне в голову лишь на минуту, ранее я уже подозревала об этом, но смирилась с тем, что не могу просто наблюдать, как из-за меня погибает чародей. Пусть он и считает это моей истерикой или думает, что девочка «слетела с катушек», но я сделаю все, чтобы он выжил!

– Дальше я сама, вперед!

Как и в случае с бойцами Фесайла, я ощутила некий прилив сил при одном лишь желании защитить кого-то. Сила, которая текла по венам и сгущалась в кончиках пальцев моей руки, зажила своей собственной жизнью, попутно подбадривая меня сразу после того, как я подумала, что мне нравится моя сила. словно следуя моим мыслям, прячась и сковываясь от сомнений и расправляя крылья от признания, сила наполнила все мое тело и душу. Расправив плечи, я побежала так быстро, как могла, а заодно постаралась макси-

мально освободить свою голову от глупых размышлений и главное – от моих извечных сомнений в самой себе. Через какое-то время мне это удалось, мой разум был свободен от всего лишнего: никакого колебания или страха. Это показалось удивительным, до этого момента незнакомым. Мне лишь необходимо выпустить свою силу, и ничто мне не помешает. Спасти. Спасти его. Спасти Кремера. Я прокручивала в голове единственную *живую* мысль как новую мантру. Я использую силу как спасение, только как спасение!

Мне это нравится. Такая суть силы мне нравится!

Огонь, что летел впереди меня, казалось, сделал этот день еще ярче, что даже заставило меня улыбнуться. Вскоре я уже не слышала рева, просто бежала, оставляя чародея позади себя. Вероятно, он решил предоставить мне возможность действовать более свободно и даже дерзко, отставая на пару шагов. Мои не очень длинные волосы облепили мое лицо, но вскоре от бега они уже свободно колыхались. Я парила над землей в адском лесу, среди угроз, что скрывались за каждым кустом, и только стук моего сердца, отдающийся в ушах, сообщал мне, что я еще жива и это мне не снится. С каждым ударом сердца из моей руки вылетал снап огня, который опалял все, что было впереди. Ветки сгибались, скурживались, в какой-то момент мне даже померещилось, что я услышала всхлип деревьев и кустарников, но это не останавливало меня. Мне грезилось, что нет ничего прекраснее в этой жизни, когда вокруг меня все в огне! И все действи-

тельно пребывало в огне, а мой внутренний огонь лишь гнал меня вперед. Смущало ли меня это? Пугало ли? Нет, странно, но меня это теперь вдохновляло.

Мы продолжали нестись по обуглившейся и свободной от зарослей дороге, которая прокладывалась впереди после каждого взрыва, что посылали мои руки. А что оставалось не задетым моим огнем, то неумолимо уничтожалось мечом Кремера или телекинезом.

Прекрасно! Завораживающе!

Невозможно передать словами мои ощущения! Никогда я не представляла себе подобного... истинная свобода от страхов! Еще совсем недавно я опасалась, что моя сила может кого-то уничтожить. Не доверяла самой себе, пока не пришло осознание, что моя сила может также и спасти! Что сейчас и происходит. Глупая! И почему я ее боялась? Моя сила может обернуться спасением не только для меня, но и для других. Я, может, пока не знаю всего, не знаю всей мощи своей силы, но мне стоит поверить в нее, в мой Источник огня. Жизненно необходимо поверить, что я способна им управлять! Моя сила, которая сейчас во мне и которая увеличится в будущем, не свернет меня с правильного пути, у меня хватит силы воли и разума, чтобы направлять ее только на благие цели.

Больше никогда, никогда не буду сомневаться в своем даре. То, что я унаследовала от родителей, а они – от своих и в конечном счете от Дуфф-Кайдена, это не проклятье, это

возможность установления мира и защита. Не знаю, каковы были намерения Дуфф-Кайдена, когда он создавал Источников, но не желаю думать, что с целью уничтожить весь мир. Какой в этом смысл?

«Никогда не забывайте, кто вы!» Жаль, родители успели сообщить нам лишь это и погибли слишком рано, чтобы обучить нас всему. Я часто вспоминала эти одни из последних их слов, которые они прошептали нам, но их значение, кажется, стало доходить до меня только сейчас. Мы с Ремисом – не простые бессмертные, мы – Источники. И мы не имеем права отказаться от древней и могущественной силы, которой обладаем, равно как использовать ее необдуманно и вольно. Ибо последнее стало причиной гнева богов. Как бы страшно ни было, кто бы и что ни говорил, на нас с братом лежит большая ответственность. Мы не имеем права сдаваться или даже отказаться от этого дара, как если бы мы отказались от своего сердца, легких или рук. Я непременно научусь владеть магией огня. Сила Дуфф-Кайдена – неотъемлемая часть меня, и я должна гордиться тем, что Источники – единственные, в ком присутствует часть силы богов.

Тем временем, несмотря на наше ускоренное продвижение к горе при помощи моего огня, крики животных, треск разрушаемых деревьев, и не только из-за меня, все настойчивее напоминали о себе, когда то и дело ветки или листья касались наших спин. Нечто вынуждало нас двигаться с почти неестественной скоростью – за пределами возможности.

Нечто, что уничтожало лес быстрее, чем мы вдвоем с Кремером.

С каждым метром мне удавалось все лучше управлять огнем, все точнее направлять его в цель, а запах дыма и звук потрескивающих деревьев в огне меня нисколько не смущали. Было в этом даже нечто приятное как свидетельство того, что я не слабая овечка и жертва, а сама могу управлять окружающим меня миром. Эти ощущения даже лучше, чем секс... Я улыбнулась от такой мысли или, скорее, оскалилась, наверное, впервые в жизни.

Краем глаза заметила, что Кремер как-то странно поглядывает на меня. Может, он решил, что я обезумела от страха? Бегу, улыбаюсь сама себе и сжигаю все вокруг. Могу представить, как это выглядит со стороны. Но даже не буду пытаться сейчас ему что-то объяснить или оправдываться. Он связался с Источником. Чего он ожидал? От такого вопроса, заданного самой себе, я расхохоталась.

Кремер, наверное, считает меня сумасшедшей. Бежать и так тяжело, да еще добавить к этому дым от сгоревших деревьев, который нас окружал... А Источник при этом бежит и смеется, хотя совсем недавно хотела остановиться и умереть. Несмотря на то что он лишь нервно поглядывал на меня и никак не комментировал происходящее, в его взгляде читалась тревога за меня. А мне и правда было смешно: страх почти исчез, и впервые в моей жизни мне стало очень комфортно даже в ситуации, когда испуг не должен казаться-

ся чем-то нелепым. Да, маги определенно чокнутые. Теперь я легко смогла себе представить, как они приходили и уничтожали все вокруг просто потому, что их накрывало это сумасшедшее чувство свободы и силы. Сдержаться крайне тяжело!

– Нет, Кремер, я не слетела с катушек, не волнуйся.

Неожиданно для себя я решила немного над ним поиздеваться. Хотя произнесла я эти слова, изрядно закашлявшись. Дым все же становился уже весьма удушливым. Намевалась ли я сбавлять обороты в уничтожении прекрасного леса впереди нас? Определенно НЕТ! Спалю тут все к Единому – выжить-то хочется! Но, с другой стороны, сомневаюсь, что это мне поможет. Мне уже все равно, кто или что именно убьет меня раньше – Фейсал или стихия, что мчится на нас. Какая теперь разница?! Это как последний ужин для приговоренного к смерти – устрою вечеринку и просто буду наслаждаться силой, которая огненной рекой течет по моим венам! А если повезет, то спасу Кремера и себя.

Чародей же не посчитал нужным ответить мне. Вместо этого схватил меня за левую руку, предотвратив очередной взрыв милых растений.

– Нам сюда, гора уже почти рядом. Алика, ты можешь бежать быстрее?

Бежать или «прочищать» нам путь? Вначале мне было непонятно, куда уж быстрее, но, как только мы свернули чуть левее и Кремер стал прорубать путь оружием, я заметила,

что бежать стало сложнее не потому, что я устала, а потому, что мы уже бежим по щиколотки в воде.

Я машинально последовала за Кремером, а он все еще держал мою руку, другой же прорубал путь, а где-то просто ломился напролом, протискивая меня за собой. Пытался спасти лес от моего огня?

Наверное, так и есть, но моему огню угрожала вода, которая все прибывала и прибывала. Резко и мощно. Я вновь подумала о цунами. Это как в той пещере? В прошлый раз я выжила лишь благодаря Кремеру. Но зелья исцеления у него больше нет, и другого смертельного удара я могу не пережить. Но почему меня это больше не пугает? Хотя я не собираюсь сдаваться так легко, нам необходимо добраться до возвышенности.

– Черт, Фейсал решил утопить свою землю! Seriously?

– Сомневаюсь, что для него это какая-то значимая потеря, через минуту он все восстановит, все...

– Кроме нас?

– Верно. Надо добраться до горы.

Чего мы раньше так заботились о сохранении природы в здешних местах, если Фейсал и впрямь может все восстановить, лишь щелкнув пальцем? Ну или как там боги это делают?

Отпихнув руку Кремера, я постаралась собрать все свои оставшиеся физические силы и просто помчалась вперед, возобновляя подрывную деятельность на нашем пути. Но это

не сильно спасало, воды уже почти по колени, и бежать было невероятно сложно.

– Кремер!

Мне не хотелось вновь показаться паникершей, тем более когда я больше не чувствовала даже мимолетно похожих ощущений, но все-таки у меня имеются физические ограничения. Бежать по воде, которая все прибывала и прибывала, было уже почти невыносимо.

– Еще немного, еще метров десять, беги!

Буквально через секунду мне удалось распознать панику Кремера. Только не поняла, за кого он больше переживает: за себя или за меня.

Я чувствовала, быть может, излишнюю уверенность в своей магической силе, которая, казалось, подпитывала меня даже на физическом уровне. Но помимо всего прочего кожей ощущала, как вода меня скоро проглотит, и никакая сила огня не спасет. Что бывает с огнем, когда его поливают водой? Определенно, ярче он не горит!

Небо взорвалось яростной молнией света в сопровождении грома, что вызвало еще более мощный прилив воды. Пробираться, спотыкаясь, сквозь воду и ветки было уже почти невозможно. Цепляясь на ошупь за корни деревьев, которые уже невозможно разглядеть из-за мутной воды, я все время падала в воду и, уже нахлебавшись грязи, перемешанной с водой, поняла, что до скалы я не доползу.

– Я не могу, у меня нет сил, Кремер!

В ответ можно было бы ожидать приободряющие слова или проклятия, но Кремер просто вновь схватил меня, прижал к груди и продолжил бег, ничуть не запыхавшись.

За возможность отплеваться от воды и перевести дух я была ему безмерно благодарна, хоть и понимала, что я усложнила нашу задачу – добежать до скалы.

С определенными усилиями, приправленными норвежским языком, и да, подозреваю, что словами не совсем из «Букваря», мы все же добежали до скалы.

Кремер освободил меня от своей хватки, но при этом нежно обхватил за талию.

– Детка, нам нужно забраться как можно выше. Знаю, ты устала, но постарайся, ладно?

– Скала довольно высокая.

Я задрала голову и представила, как далеко нам удастся забраться, чтобы вода нас там не смогла достичь. И еще вопрос: а есть ли такая высота, где ураган, посланный Фейсалом, нас не достанет?

– Знаю, но тут мы тоже не можем просто сидеть и ждать. Давай я подстрахую тебя.

Вода и впрямь была мне уже почти по пояс. Выбора особого не было: либо утонуть, либо попытаться подняться выше и найти путь к спасению. Почему-то я все еще верила, что на небе были знаки: гора – мы ее нашли, потом арка, очень похожая на портал. Может, конечно, я принимаю желаемое за действительное, но интуиция подсказывает, что мы идем

в верном направлении. Посему карабкаться вверх – это то, что сейчас нам необходимо.

Каменная поверхность горы была очень скользкой, мне приходилось буквально вгрызаться в нее, чтобы удержаться и сделать хотя бы шаг вверх. Почему скала в этой местности настолько скользкая, словно находится на берегу океана и ее регулярно омывают волны? Удивительно, но бурлящая вода внизу отлично мотивирует, чтобы вдруг превратиться из домоседки в альпиниста.

Пару раз я соскальзывала и почти упала, но сильные руки Кремера вовремя успевали меня подстраховать и спасти. Не тратя времени на благодарности, я просто продолжала отчаянно ползти, смотря только наверх. В кровь разодрав пальцы и колени, я не замедлялась. Поскольку я смотрела только вверх и не особо разбирала, за что именно пытаюсь ухватиться или куда ставлю ноги, я все время обо что-то резала кожу рук и ног, но почти не ощущала боли, адреналин давал мне необходимые силы, в ушах било барабанным боем сердце. Но все же, пытаясь выжить, я заставляла себя поглядывать на небо в желании увидеть там знаки к спасению. Оно уже разрывалось от грома и молний, его цвет изменился, но уже не был таким устрашающим. Неожиданно появились облака, которые на сей раз не менялись, а четко изображали одно – арку! Облака выстроились таким образом, что перед моим взором возникли яркий контур арки и темный вход в нее. Это не может быть плодом моего воображения! Ведь

моя интуиция меня не подводит, и это что-то да значит, я уверена в этом! Но как добраться до этой арки?

– Кремер, облака образовали арку. Может, это и есть наш путь к спасению?

Если мой фатализм и смирился с приговором Фейсала для меня, это не уменьшило моего желания выжить и спасти чародея. Необходимо и дальше цепляться за соломинку.

– Вижу, но я не знаю, что это значит. Надеюсь только, что мы найдем портал, когда взберемся на гору.

Я отчетливо понимала, что содрала себе пару ногтей на руках, а еще не менее ясно осознавала, что нет тут такой высоты, которая была бы способна спасти нас от Фейсала. Вся надежда на то, что мы все же сумеем отыскать арку-портал. Кто-то нам указывает путь, знать бы, кто это и куда пролегает этот путь!

Задыхаясь и продолжая сдирать кожу на руках и ногах, я карабкалась на вершину горы. «Только вверх, только не останавливаться», – шептала я себе под нос, как молитву. Еще один шаг, еще один острый выступ, еще одна царапина – только вверх, несмотря ни на что!

Сложно сказать, как долго мы взбирались, но вода не отступала. Кроме того, теперь еще и ветер усилился. И хотя до вершины нам оставалось метров пятнадцать, не больше, но я все равно не видела выхода из этой ситуации. Как нам его найти? Арку, портал – что угодно, лишь бы спастись!

Кремер почти весь путь молчал, лишь мягко придерживая

меня и проталкивая вверх по скале, а порой и весьма жестко ловил, когда я срывалась. Было понятно и без слов, что мы в отчаянном положении!

Собрав остатки сил, мы все-таки добрались до вершины. Вид, который открылся нашим взорам, не внушал ни малейшего оптимизма.

– Это конец, Кремер!

Я согнулась пополам, не в силах даже дышать, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться наступающему потоку воды. Я смотрела на свои раны на коленях, из которых тонкой струйкой стекала кровь (я довольно сильно их порезала). Пальцы на руках тоже кровоточили. Но я ничего не ощущала, кроме ударов сердца в ушах. Наверное, это так называемое шоковое состояние – боль не чувствуется, только адреналин.

Еще метров двадцать, и волна смоеет нас с этой скалы. Скорость воды была такой же, как и в той пещере. Почти все верхушки деревьев были скрыты под водой. Если она подхватит нас, а потом резко схлынет, я разобьюсь, и никакие зелья или заклинания Кремера мне не помогут.

– Смотри!

В голосе Кремера слышен был восторг. Это заставило меня разогнуться и даже оглядеться, но я по-прежнему ничего оптимистичного не увидела.

– Ты о чем?

– Вон там, это ПОРТАЛ!

Глава 21

Посмотрев в направлении, куда указывал Кремер, и увидев портал, первое, о чем я подумала: мы все-таки выживем! Эта «арка», обрамленная огнем и алая, горящая изнутри ярким светом, – наш шанс на спасение! Да, как сказал Кремер, это именно портал!

Он возвышался над водой, как бы стараясь избежать погружения в нее, словно живой. Хотя светился все так же ярко, даже когда вода его настигала. Но я просто не представляла, как мы до него доберемся.

– Кремер, мы не доплывем до него!

Было невыносимо осознавать, что вот оно, наше спасение, совсем рядом, до него буквально метров сто, но это самые далекие от нас сто метров! Вода кишела неизвестными животными, корягами, грязью, и вскоре волны все это обрушат на нас. Даже если мы выживем после этого, течение закружит наши тела и разобьет их о скалы. Даже если рискнуть и поплыть, молясь о том, чтобы нам повезло, и мы все преодолеем, то даже просто плыть у меня не осталось никаких физических сил.

Эти мысли я тут же вывалила на чародея, но он отказывался меня слушать. В отличие от меня он не пялился на портал, а вытащил какое-то зелье и пальцем что-то чертил по

нему, шепотом проговаривая заклинание. Из уроков, которые мне когда-то преподали чародеи, я поняла, что Кремер тем самым пытается усилить уже ранее созданное им зелье.

Меньше всего мне хотелось его сейчас прерывать, но меня так и подмывало спросить, что он задумал. Его сосредоточенное лицо заставило меня затаить дыхание в ожидании того, что этот мужчина придумал для нашего выживания. Кремер – сильный чародей, у которого за поясом припасено много зелий. Если кто и способен сейчас на чудо, то это именно он. Могу ли я надеяться, что он действительно нашел способ нас спасти? Я уже смирилась с мыслью, что нам не выбраться. А что же Кремер? Глядя на него, создавалось впечатление, что окружающая нас обстановка его лишь немного смущает, и, видя цель, он просто собирается ее достигнуть.

То, насколько спокойным и собранным он выглядел, успокаивало. Этот мужчина умеет заставлять замирать женские сердца вне зависимости от контекста и обстановки, подумалось мне, пока я наблюдала за его действиями. Вот только любоваться им мне мешало то, что вода все приближалась, и все с большей скоростью. Кремер же совершенно не разделял моей тревоги, а просто продолжал шевелить губами и чертить невидимые знаки. Вскоре я заметила, как жидкость в пузырьке стала темнеть, стекло – леденеть, а от самого зелья стал исходить пар. Я окинула чародея взглядом с ног до головы. А это захватывающее и почти запретное зрелище – кому еще доводилось видеть Кремера в подобной ситуации?

Мужчина сейчас излучал опасность, но это не он опасался сложившейся обстановки, это мир вокруг должен встревожиться! Все его тело казалось наэлектризованным, он был жестким, как скала, на которой он стоял, но при этом жесты, которыми он выводил символы, были плавными, размеренными и лишь подтверждали спокойствие наемника. Он сейчас на поле боя: холодный, уверенный и расчетливый. Я медленно обошла его вокруг, сосредоточившись лишь на том, что он делает.

Кремер же меня совсем не замечал. Коснись его руки, думаю, что и этого не заметил бы. Чародей в состоянии войны – вот что пришло мне на ум. Я видела, как он дерется, но видеть его с зельем в руках, произносящим заклинания и готовым использовать все это, не приходилось. Мурашки по коже!

Когда, налюбовавшись мужчиной и таинством сотворения заклинаний, я оказалась перед ним, все, что я могла, – это уставиться в его глаза, которые были все так же направлены на склянку. В них я искала решение проблемы и надежду на спасение. Тут Кремер поднял свои самые красивые на свете глаза, и наши взгляды встретились. Какое-то время мы просто молча смотрели друг на друга, практически не моргая. Не знаю, о чем думал он, но мне хотелось поставить на паузу этот момент, сфотографировать и навсегда сохранить в своей памяти этот взгляд.

Кремер протянул руку и коснулся моей щеки. Не думая,

я просто прислонилась к ней сильнее, на что Кремер улыбнулся. Нежность его улыбки почти заставила меня расплакаться. И хотя ног уже коснулась вода и было понятно, что скоро она достигнет головы, ничто не способно стереть этот момент из моей памяти. Молчаливая и теплая улыбка почти стерла все мои волнения. Я почти забыла, что мы находимся на грани смерти. Почти.

– Кремер... я...

– Фитилёк, я знаю, ты устала, но нам надо добраться до портала.

Фитилёк! Слезы все-таки потекли по моим щекам, но это не из-за страха, это от счастья, которым наполнилось мое сердце. Его нежность проявляется не только в улыбке, голосе и жестах, но и в словах. Кремер заботился обо мне, более того, он пытается меня успокоить и действительно стремится спасти меня.

Спаси меня! Еще раз. Источника! Чародей!

– Как? – спросила я одними губами, мне казалось, что голос меня подведет.

– У этого старого чародейкина есть еще парочка трюков за пазухой.

Я рассмеялась сквозь слезы и, отстранившись от его ладони, кинулась ему на шею, чтобы впитаться поцелуем в его самые сладкие чародейкины губы.

Кремер не отстранился, наоборот, сцепил руки за моей спиной и жестко прижал меня к себе. Он углубил поцелуй,

теперь уже не я его целовала, он полностью захватил меня.

Представьте, что вы неожиданно узнали, что значит «счастье» или «рай». И когда пришли в себя, то вот – вы находитесь в джакузи и обнимаете самого любимого человека. Первое желание – сползти по его телу, погрузиться в бурлящую воду и притянуть его к себе для продолжения.

Благо, Кремер помнил, что мы не в джакузи. Обхватив мою голову, он сильнее притянул ее к себе для финального властного поцелуя и отстранился.

– Портал, Алика!

Возможно, мне хотелось узнать, как до него добраться, как мы сумеем преодолеть бурлящий котел не пойми с чем на нашем пути, но только одно слово я смогла прошептать в ответ:

– Как?

– Когда вода еще немного приблизится, по моей команде ты запрыгнешь мне на спину, дальше я сам.

– Что?

Я ни слова не поняла.

– Просто стой за спиной и запрыгни на меня, когда скажу. Ты и так вся изранена, так что я понесу тебя.

Нет, все еще ничего не поняла.

Но Кремер не дал мне времени на размышления, а просто рукой задвинул меня себе за спину и встал в позу, готовый к бою.

Не знаю, что он задумал, понятия не имею, как мы будем

плыть к portalу, который манил меня своим огнем. Молчаливо, но настойчиво портал продолжал меня притягивать к себе, и не только потому, что это возможный путь к спасению, но и потому, что он полыхает огнем. Огонь – это нечто родственное для меня, к нему хочется прикоснуться и погрузиться в него с головой. Если все порталы выглядят именно так, то это потрясающе прекрасно!

Мне показалось, что, стоя за спиной Кремера, я не смогу полноценно следовать его инструкциям, поэтому потянулась к нему, схватив за ремень брюк, по-прежнему не решаясь хотя бы притронуться к поясу чародея. Кремер никогда не запрещал мне прикасаться к поясу, но все же я по-прежнему предпочитала держаться на почтительном расстоянии от чародейского «склада с оружием».

Вода уже смело омывала наши лодыжки, но Кремер этого не замечал, он чего-то ждал. Шум воды, рев зверей и птиц не оставляли надежды на возможное спасение, но я верила Кремеру, верила, что он что-нибудь да придумает.

– На счет «три» приготовься, как услышишь «три», прыгай мне на спину и держись крепко.

Кремер отдавал приказы, я не хотела и не могла спорить, слепо доверяя ему.

– Раз...

Волна больно ударила нас и отступила, чтобы набрать большую силу и ударить еще сильнее. Я с трудом устояла, держась за Кремера, как за дерево.

– Два...

Удар был настолько сильным, что я упала, но поспешила подняться и еще крепче вцепиться в Кремера. Третий удар я не перенесу, волна накроет нас с головой и смое с этой скалы вниз.

– Алика, прыгай!

Я не услышала команду «три», но, подпрыгнув, заскочила на Кремера, как обезьяна на пальму. Вцепившись в его плечи, я еще немного подтянулась, чтобы обхватить его ногами.

И тут Кремер меня удивил. Волна, которая грозила накрыть нас, немного застыла от силы телекинеза Кремера, а затем он раздвинул ее рукой, тем самым создав посередине нечто схожее с берегом, по которому даже можно бежать. Правда, недолго, ведь вода вновь накроет эту тропинку. Не успела я удивиться силе Кремера и порадоваться крошечной дорожке, как он почти у самой кромки волны разбил зелье, и увиденное привело меня в полное изумление.

Волна теперь застыла злобным гребнем над нашими головами, а вдоль нее, все ниже и ниже вода планомерно и настойчиво превращалась в лед. Если за спиной вода журчала и шумела, то впереди нас она замерзала. Не уверена, что мое тело способно преодолеть такую ледяную горку, но Кремер ведь все предусмотрел?!

– Держись крепко и не отпускай меня, что бы ни случилось!

Это было последнее предупреждение чародея, после чего

он сел на колени, оперся на пятки, оттолкнулся руками от ледяной верхушки волны, и (о боги, спасите нас!) мы полетели вниз.

От скорости и крутизны спуска я закричала. Уши от такого перепада высоты закладывало, но, судя по тому, что Кремер даже не напрягся, я понимала, что кричу в ужасе только я, Кремер же оставался сосредоточенным и спокойным.

Ремис, ты мне не поверишь! – вдруг возникла в моей голове мысль. Я несусь с большой скоростью на хребте чародея к portalу – это уму непостижимо!

«Ледянка» в виде Кремера напрямую несла к portalу, но буквально в пяти метрах от него вода уже не была скована льдом, а значит, мы со всей дури ударимся о поверхность воды. Это будет больно!

Но Кремер успел перехватить меня, развернуться, крепко прижать к себе и принять весь удар о воду на свою спину.

Хоть я и стукнулась головой и грудью о мощное тело Кремера, все-таки это было совсем не больно. Хвала небесам, я не разбилась о воду. И... спасибо Кремеру за это!

Portal оказался буквально в трех шагах от нас, вода, начав оттаивать, заполняла все пространство вокруг нас с невероятной скоростью. Но Кремер, подхватив меня на руки, стал пробираться к portalу. Я даже не успела как следует испугаться!

Кремер подпрыгнул, а наступившая волна лишь ускорила наш прыжок в портал. Мы влетели в огненную арку на всех

парах, так сказать. Никогда я еще не входила в портал, потому сильно зажмурила глаза от страха. В полете я услышала звук «ву...у-у-ух», нас словно засосало в арку. А потом все закружилось, вихрь, что подхватил нас с невероятной силой, почти расцепил наши с Кремером объятия. Я вновь закричала, когда мне показалось, что чародей вот-вот от меня отдалится. Но он все так же молча просто усилил свой захват и притянул меня сильнее к своему горячему телу.

Потом последовал хлопок, похожий на звук новогодней хлопушки, только вместо конфетти «посыпались» мы и довольно мягко оказались на твердой земле. Сухой земле, без воды!

Я тяжело дышала и не спешила размыкать объятия. Немного придя в себя, я поняла, что лежу поверх Кремера, руками крепко обнимаю его за шею, а моим ногам приходилось сейчас очень тяжело, поскольку они по-прежнему были сцеплены за его спиной и вся нагрузка приходилась именно на них.

– Алика! – Кремер прохрипел мое имя, слышалось, что он очень взволнован.

– Я... я вроде цела. А ты как?

И вместо ответа он лишь хмыкнул, прижав меня еще сильнее к себе.

Не могу сказать, сколько времени мы не двигались. Мне не хотелось оставлять его теплое и надежное тело. Я отчетливо слышала его учащенное сердцебиение. Но, словно успо-

каивая свое собственное сердце, Кремер мягко гладил мою спину.

И все, что мне оставалось, – это только слушать наше дыхание и ритм наших сердец, которые сейчас бились в унисон. Не думаю, что то, что я пережила за последние минут сорок, я смогу осознать в ближайшем будущем. Каким-то чудом нам удалось покинуть хоть и красивые, но опасные земли зловещего суда. Куда же мы телепортировались в данный момент, мне неизвестно. Я не была готова так скоро встретить окружающую обстановку, еще не отдышалась от предыдущей, посему позволила себе просто лежать на мужчине и вслушиваться в уже более ровное дыхание: то ли мужчины, то ли мое.

– Как сильно ты ранена? – Хриплый, но спокойный голос наемника вернул меня к реальности.

– Содрана кожа на коленях, поранены пальцы на руках, и еще мне потребуется психолог, но в остальном я не пострадала.

Мне не хотелось бравады, юмора или мрачного «я в порядке», произнесенного с целью скрасить или упростить ситуацию. Я лишь стремилась сообщить ему, что физически я в порядке, но не уверена насчет того, что эмоционально смогу быстро прийти в чувства.

Тут я вспомнила, как я уже было сдалась при понимании, ради чего все это происходит с нами, ради чего я подвергаю жизнь моего любимого мужчины опасности, как готова была

остаться, чтобы спасти его от суда, но он принял это мое решение за женскую истерику и просто закинул меня на плечо, дабы подтвердить свои слова: «Я позабочусь о тебе».

А что дальше? А дальше я была свидетелем того, как именно он может меня спасти. Я, не раздумывая, поверила ему, хоть и не понимала, чем его действия и приказы могут мне помочь в ту самую минуту, когда я уже мысленно представила, как волна смывает меня со скалы. Но в какой-то момент я ощутила себя в его руках, под его защитой, вернее, на его спине... И все-таки спустилась к порталу по самому сумасшедшему и ледяному пути, даже не крича от страха. Да, после подобного я не желала лгать чародею, который только что спас мою жизнь... еще раз. Без него я не пережила бы тот ужас, ровно так же как и чуть ранее наводнение в пещере.

Но, как бы я сейчас ни радовалась своему чудесному спасению, я не могу не понимать, что оба эти события могли меня убить. А насколько мне известно, мертвые бессмертные на суд Фейсала не поступают. И тогда напрашивается только один вывод: меня дважды пытались убить, поскольку подобную «мотивацию» явиться в суд мог пережить лишь бессмертный, в данном случае – чародей. Я знаю, что боги давно решили уничтожить Источников, но впервые я испытала это на собственной шкуре. На том суде ожидали только чародея, не меня. Меня Фейсал желал просто уничтожить.

– Кремер?

Он просто хмыкнул, давая понять, что услышал мое об-

ращение к нему.

– Спасибо тебе... спасибо!

Он не ответил, но я и не ждала ответа. Я благодарила его за мое спасение. Этих слов недостаточно, но не знаю, как еще могу выразить всю степень благодарности за свою жизнь, как и за то, что он не разделил волю богов, приговоривших меня к смерти еще века назад, века, о которых я имею лишь смутное представление.

Глава 22

Встреча с братом, которая была мною полностью срежиссирована и состоялась вчера так, как я запланировал, по какой-то странной причине оставила неприятный привкус. Я должен бы радоваться за доставленные ему неприятности с его миньонами и грандиозным строительством, но отчего-то в груди возникло мерзкое чувство вины.

Это чуждое для меня чувство наотрез отказывалось меня покидать и сегодня. И я все никак не могу найти этому разумное объяснение. Когда Хаф ушел в расстроенных чувствах и в разбитом состоянии после разговора со мной, вместо ликования во мне выросли робкие всхлипы сожаления. В какой момент это случилось? В связи с чем я вдруг осознал, что умею испытывать эти доселе неведомые мне чувства? Не найдя ответа, я решил вместо этого поработать над своим презрением к брату. А для этого мне всего-то надо с ним почаще общаться. Тогда его любовь, уважение и поклонение Отцу отрезвят мои сердце и разум. И хотя ненависть к Хафу у меня, можно сказать, на самом низком уровне, я все равно продолжаю испытывать ненависть. Я не в состоянии просто закрыть глаза на его слепую веру во все деяния и помыслы Отца, а также решения Фейсала.

Именно благодаря Отцу и Фейсалу когда-то было приня-

то решение, что боги более не могут вмешиваться в жизнь людей и существование бессмертных на созданных, между прочим, этими самыми богами территориях. Ну и, конечно, исключение было сделано лишь для Хафа с Фейсалом.

Я часто задавался вопросом: как, просто КАК боги могли последовать подобному приказу? У меня никогда не было возможности создать место, где могли бы жить и процветать мои маги. Создавая своих детей, пришлось смириться с тем, что они будут жить среди людей, среди этой низшей формы жизни. У меня просто не было ровным счетом никакого выбора! Кроме того, из-за обрушившегося на меня гнева Отца я был заточен у Хафа, и никаких вариантов у меня не оставалось, но у остальных-то богов был выбор, они могли противостоят Отцу?! А вместо этого они трусливо склонили голову перед ним и Фейсалом и словно стадо баранов отправились к Отцу, когда пришлось покинуть все земли, когда-то ими созданные. Я прямо вижу, как они прощались со своими домами и, понутив головы, направились в обитель Отца, небось, даже поблагодарили его за гостеприимство.

Как можно любить того, кто навязал тебе правила игры, того, кто вначале дал тебе свободу и власть, а чуть заприметив проблемы, сразу отобрал это, как игрушку у ребенка? Разве ты не хочешь выстроить свои собственные правила? Тебе позволили играть, а потом в самый разгар игры просто прогнали с игровой площадки, даже не предложив альтернативы. Никогда не смогу понять такого поклонения и любви

к Отцу. Но, может, я смогу изменить это? Не исключено, что эти неудачники потом даже спасибо мне скажут, если, конечно, осознают мои действия, в чем я сильно сомневаюсь.

Есть лишь одна проблема: я никогда не отличался терпением. Да, у меня отлично получается скрывать свои эмоции. С виду я очень спокоен и даже большую часть времени улыбка не сходит с моего лица, но внутри меня бушуют пламя ненависти и жажда мести. Эти чувства уже давно целиком поглотили меня. Я хотел бы, чтобы внутри меня не была ключом смертельная ярость, которая порой затуманивает мой разум.

Чтобы никто не прознал о моих намерениях и не успел их пресечь, надо сдерживаться, стать незаметным, может быть, даже изобразить покорность Ему. Хотя покорность вызовет больше вопросов. Нет, надо действовать более аккуратно. Пусть пока дышат спокойно, слушая папины сказочки. Ранно или поздно вы повыползаете из своих нор. Вы больше не сможете прислушиваться к Отцу и прятаться за его спиной.

Продолжая скучать, я сидел на том, что называю своим тронem, а по сути это просто кресло, сделанное из камня *роер* – камня черного цвета из земель Аранус. Мои мысли часто приводили к взрывам и огню, конечно, когда никто не видел. Поэтому я заказал доставить мне этот камень. Он всегда холодный, не подвержен нагреванию и очень крепкий. На то, чтобы сделать из него кресло, у меня ушли столетия, зато это отвлекало меня от желания выйти и убить кого-нибудь.

Трон вышел довольно высоким, поэтому я пристроил к нему ступени, которые также служат подставкой для моих ног. И вот эти ступени – причина моих частых споров с Хафом и другими, кто хоть раз видел мой трон.

Ступени сделаны из черепов людишек, чтобы каждый раз, когда я хочу сесть, я наступал на самое ценное для моего Отца – людей. Сам трон мне самому не особенно нравится, сидеть на мехах было бы приятнее, но видеть всякий раз ужас в глазах тех, кто ценит людей и смотрит на трон, а затем замечает, что мои ноги покоятся на ровном рядке черепов этих самых людей... Ох! Этот взгляд... один лишь взгляд на мой трон компенсирует все дискомфортные ощущения!

По устоявшейся привычке, когда я думаю об Отце или братьях, я начинаю в буквальном смысле закипать, вцепившись в подлокотник. Я постукиваю по нему большим пальцем, и если бы подлокотник и сам трон не были из холодного и крепкого камня, то от них мало бы что осталось.

Последние сутки я просто сидел и переваривал диалог с Хафом. Это был хоть и короткий, но все же диалог, и, как бы я ни пытался это отрицать, это было приятно.

Проклятье!

Нет, надо отвлечься и продолжить свой намеченный путь. Кстати, о своем пути... Я мысленно послал вызов онгхусу. Каллан – онгхус, который решил предать своего создателя Хафа, а значит, тем самым умудрился попасть в узкий круг тех, кого я хоть немного ценю, в который входит лишь бог

акритов... и... на этом всё. Нет, все-таки Каллан пока еще не добился хоть толики моего уважения. Он лишь пешка, но довольно-таки преданная мне пешка, и это дает ему право являться в мои покои не только по моему приказу. Он единственный, кто общался со мной в последние столетия, не считая Хафа. Тайно. Только он был вхож в мои покои до того момента, как вчера мой брат решил-таки навестить меня.

Особенную радость от общения с Калланом мне доставляет тот факт, что Хаф его очень ценит и полностью ему доверяет, даже не подозревая, что Каллан делает за его спиной. Можно сказать, он для Хафа словно генерал его армии хранителей душ. И несмотря на то, что Каллан мне сейчас нужен, я все равно никогда не смог бы ему доверять полностью после того, как он отвернулся от Хафа. Если он кого-то хоть раз предал, значит, способен на это еще и еще раз, а я не из тех, кого можно предать. Если ты никого не любишь, никому не доверяешь и никто и ничто не дорого твоему сердцу, тогда и предать тебя невозможно. Каллан отвернулся от Хафа, чтобы служить мне! Что ему мешает отвернуться от меня? Ничто, но в отличие от Хафа меня это даже не удивит, не расстроит, я этого даже жду в какой-то степени, ведь тогда я смогу отомстить за предательство. Да, отомстить за предательство, которое предвидел, – это не одно и то же, что мстить за неожиданное предательство и, как следствие, причиненную этим боль. Но месть всегда вкусна, так зачем за-

думываться над тем, посолить мне это блюдо чуть больше или добавить специй? Позже, когда Каллан перестанет мне быть полезным, он пожалеет о предательстве Хафа. Как бы я ни относился к брату, предательство по отношению к нему я тоже не приемлю, но, пока он мне необходим, сдержу себя на какое-то время.

– Каллан, я жду, и мне это не нравится! – Я убедился в том, что мои слова хорошо запечатлелись в ушах онгхуса.

Каллан обращается ко мне, как к Богу, и я не стал его переубивать, и, хотя я не показываю этого открыто, мне все же очень нравится, что он смеет мне иногда дерзить и возражать. Это происходит редко, но я стал замечать, что жажду этого, жду, когда мне будут перечить. Меня это вдохновляет, заводит и заставляет чувствовать себя живым, правда, я никогда в этом не признаюсь вслух. Естественно, за дерзость я каждый раз наказываю Каллана, но мои наказания становятся все менее жестокими. И знаю, он это тоже понимает.

– Если ты еще и в дверь начнешь стучать, то я оторву тебе голову! Входи уже!

Тут же дверь распахнулась, и на пороге оказался мой «преданный предатель» Хафа. Одет он был не как обычно, похоже, он вернулся с Земли, и поэтому на нем были обычные джинсы и белая футболка с длинными рукавами. Вероятно, ему надо было появиться среди людей, и, чтобы сильно не выделяться, он решил устроить такой вот маскарад.

Быстро оценив его состояние, мне стало понятно, что в

нем достаточно душ, чтобы на сутки оказаться для меня полностью бесполезным, но я все же рад был его видеть.

Каллан никогда не показывал своей слабости, он стоял с расправленными плечами и гордо поднятой головой. Его настолько белые волосы, что кажутся седыми, свободно спадали на плечи, хотя обычно он затягивал их в тугий хвост. Взгляд его ярко-голубых глаз был направлен на меня. Это давалось ему с трудом, поскольку в данный момент они были затуманены душами, которые он хранил в себе. Несчастное создание, созданное Хафом! Сейчас Каллан выглядит так, будто бы я заставил вскочить его с кровати после того, как он сутки пил и лег спать час назад.

– Господин! – Резко кивнув головой, миньон сделал несколько уверенных шагов по направлению ко мне. Пытается не выдать своего плачевного состояния. Типично для онгхусов.

– Вижу, ты прохлаждаешься без дела, поэтому решил тебя вызвать. – И это было чистой воды издевательством над этим несчастным. Признаю.

– Чем могу служить? – Стиснув зубы, он сделал реверанс. Реверанс?! Это немой вызов мне.

Прощаю... пока.

– Рассказывай и постарайся не произносить названий и имен.

Хаф, кажется, решил начать устраивать мне дружеские визиты, не желаю, чтобы он случайно услышал наш разговор.

Эти слова немного встряхнули Каллана. Он какое-то время молчал, но, когда я наклонил голову, показывая свое нетерпение, он наконец-то заговорил.

– Да, как вы и просили.

– Ну и? Не заставляй меня повторять мои вопросы.

– Пропали двое территов и их охрана. Хотя исчезновение и заметили, территы не стали придавать этому слишком большого значения.

Эти райские птички ничего не замечают до тех пор, пока дерево не рухнет прямо у них перед носом.

– Я просил не произносить вслух названий и имен. Сколько, ты сказал, исчезло?

– Четверо.

– Отлично. – Этого должно хватить, замечательная новость.

Когда я взглянул на Каллана, мне показалось, что он с трудом стоит на ногах. Или просто показалось?

– Четверо – это хорошо. – Черт, Каллан правда с трудом стоит на ногах. Меня это волнует? Нет.

– Что ты качаешься, как одинокое дерево в пустыне?

Не могу отказать себе в удовольствии задеть онгхуса, указать на его недостатки и его затруднительное положение. Хотя этим мне следовало бы задеть самого Хафа, поскольку это его рук дело. Несмотря на то что Каллан отвернулся от Хафа, Каллан продолжал выполнять свое предназначение – спасти души умерших. В них природой заложено справляться с ду-

шами, и считается дурным тоном проявлять неудовольствие своей миссией. Чем старше эти миньоны, тем сильнее и проще они справляются с душами. Чем больше душ, тем сильнее онгхус, а значит, более значим и почитаем в землях Хафа. В Эвладии, но не у меня. Я не люблю людей, и плевать я хотел на бессмертных, тем более их мертвые души. Какой толк от мертвых и их душ?

– Вам не понять. – Каллан, стиснув кулаки, плотно прижал их к ногам.

– Мне показалось или ты только что наивно предположил, что тебе о мире известно больше, чем мне?

Каллан даже бровью не повел. Может, он так и не считает, но его состояние не позволяет ему мыслить здраво.

– Если вы заберете часть душ себе и предложите мне выпить, то мы обсудим взаимное недопонимание.

Я рассмеялся вполне искренне. Каллан, не зря я тебя выбрал!

– Души я не заберу, этой мерзости мне не надо, но виски – это всегда пожалуйста. Хотя последний ты принес мне в ужасном виде!

– За мной гнались.

– И кто посмел?

– Люди.

Вставая с трона, я даже замер и метнул взгляд на Каллана.

– Люди?

– Да, когда я проник в дом, чтобы взломать сейф, там что-

то запищало. В комнату ворвались люди, а я не был невидимым в этот момент. Соответственно, мне нельзя было просто исчезнуть, я вынужден был... бежать.

– Почему ты просто не забрал их души? – Спускаясь с трона, я указал Каллану, где он может обнаружить виски. Пусть и мне нальет.

Но тут я сам замер, в очередной раз заметив, что Каллан буквально побелел от злости. Мой вопрос не столько возмутил его, сколько взбесил.

– Я не заберу души тех, чье время еще не пришло, даже ради вас!

Он разозлился или просто обиделся? Хех, какой душевный дурачок!

– А зря! Ты, убегая, повредил бутылку, а она бесценна! Во всяком случае, людишки так считают.

Я прекрасно расслышал, как он заскрежетал зубами, на что я лишь ухмыльнулся.

– Тут давеча заходил твой Господин, а мне пришлось предлагать ему побитую ценную бутылку. Мне даже стало немного стыдно!

Взбешенный миньон замер и потерял всякий интерес к выпивке. Ну а я себе все-таки налью бокальчик.

– Стыдно? Вам известно это чувство? – с поддельным любопытством задал свой вопрос без пяти минут мертвый миньон.

Шутить вздумал, щенок? Но я лишь пожал плечами, на-

ливая себе темной благородной жидкости со льдом, и, целенаправленно проигнорировав хамство, продолжил упражняться в барменских умениях.

– Да, я ему указал на то, что его миньоны бездарны и мне стыдно, что мой брат смог создать нечто столь неуклюжее!

– У Хафисвальда нет причин стыдиться онгхусов. Он с полным правом может ими гордиться, он создал одних из самых...

– ...глупых созданий! – продолжил я вместо него.

– Как скажете, Господин!

Быстро же он сдался, вероятно, все же слишком много душ сегодня взял на сохранение. Желание наказать его уменьшилось, но полностью не исчезло.

– Расслабься, налей себе виски и присядь уже... Не могу смотреть, как ты трясешься!

Мягко кивнув, Каллан шаткой походкой направился к бару. Правда, баром это назвать сложно. Это, скорее, полка с бутылками, которые Каллан же мне и притащил с Земли. И хотя «человеческий» алкоголь для меня чуть вкуснее воды, просить его принести мне напитки, созданные другими бессмертными для Богов, – это то, до чего я не опущусь. Однако признаю: их напитки в разы лучше. Кроме того, используя Каллана в качестве посыльного на Землю, я тем самым злю Хафа, а это дополнительный бонус.

Пока Каллан трясущейся рукой пытался налить себе выпить, я продолжил свой допрос.

– Итак, кто именно из бессмертных пропал? Имена, титулы не произноси... Они не из королевской семьи, иначе визг слышно было бы даже в моей уборной.

Каллан повернулся ко мне. Я заметил, что он налил себе ром (странный выбор, хотя мне все равно, что он там пьет). Какое-то время Каллан молчал, видимо, вспоминал пропавших территорий.

– Один был не из королевской семьи, но кто-то приближенный, и мне показалось, что семье на это плевать. Тем не менее пропажа не осталась совсем незамеченной.

– Поясни! Тебя заметили?

– Пока никого не винят, близкие пропавших верят, что они погибли при попытке защитить территории.

– С первым заданием ты справился. Что со вторым?

– Я проник в королевский замок, это было несложно. Но вот найти семейную реликвию мне не удалось.

– Но ты хотя бы выяснил, что это?

– Нет, Господин!

И после такого ответа он спокойно глотнул рома, словно мы сейчас не обсуждаем его промах при реализации моих намерений.

– Ты уже придумал себе оправдание или в данный момент тебя пошатывает как раз от того, насколько сильно бурлит твоя фантазия?

– Я и не считал нужным придумывать оправдания, Господин!

– Тогда ты слишком спокоен для того, кто подвел меня.

– Нет, я не подвел ваши надежды, просто на данный момент я – это все, кто у вас есть, вам некому, кроме меня, давать поручения. Вы не убьете меня сейчас, поэтому и оправдания мне не нужны. Я вам необходим!

Даже не знаю, что меня разозлило больше: его наглость или прямолинейность вкупе с правдой. Хотя, скорее всего, ни то, ни другое. Меня разозлило то, что в землях территорий находится то, что мне очень нужно, и это до сих пор не у меня.

– Не соверши ошибку – не переоцени себя и свою полезность для меня.

– Ни в коем случае, Господин!

Взяв себя в руки и немного успокоившись, я продолжил неотрывно смотреть на Каллана. Мой пристальный взгляд его совсем не беспокоил, он продолжал стоять у бара, поднося бокал к губам для нового глотка.

– Предполагалось, что пропажа парочки бессмертных отвлечет их и ты сможешь найти то, что мне необходимо. И это мне до сих пор необходимо! Я не откажусь от этого! Так что мне плевать, как ты будешь действовать, просто сделай это!

– Не сомневался в этом. Но это оказалось сложнее, чем я думал.

– А думать тебе не надо, ты должен просто найти это.

Каллан не ответил, лишь сделал еще один глоток.

– Члены королевской семьи знают, где это находится, зна-

чит, надо выйти на них напрямую.

– Как вы себе это представляете? Онгхусы не бегают по территориям бессмертных и не устраивают теплые дружеские посиделки, тем более с членами королевской семьи. Появление на их территории онгхуса и без того подозрительно, а уж онгхус, желающий увеличить свою френдзону, тем более.

– Я не предлагаю тебе королевское чаепитие, но у власть имущих всегда есть завистники и враги, вот именно их тебе и следует найти в первую очередь.

– Вам виднее. – Каллан поставил пустой бокал на столешницу, которая была все у той же стены с баром. – Но мы говорим о территах, смею напомнить.

Мне ли виднее? У меня есть сила, но нет власти. Или он намекает, что именно я выступаю со стороны завистника и врага? А Каллан сегодня готов к моему гневу, зря он так. Но ведь это всегда его выбор: грубить или преклонить колено.

– Каллан, лучше напомни себе, с кем ты разговариваешь. Не испытывай моего терпения, последствия тебе не понравятся. И еще раз: не произноси названий и имен!

Миньон покорно склонил голову, а когда поднял, то вместо того, чтобы встретиться со мной взглядом, уставился в потолок. Своей сильной рукой он устало протер лицо, а затем, довольно резко опустив голову, все же встретился со мной взглядом. От такой тряски головой его волосы почти скрыли бледное лицо с затуманенными голубыми глазами –

ощущение жутковатое. И это еще несмотря на то, что периодически его глаза становятся молочно-белого цвета, когда души пытаются завладеть его телом. Должен согласиться – не каждый решится завести дружбу с онгхусом.

– Я лишь пытаюсь сказать, что мне необходимо оставаться незаметным, а не посещать балы с целью завести новые знакомства. Чем меньше меня видят, тем меньше шансов навести следы на вас.

– Ой, так ты все же на страже моих интересов?

И хотя я понимаю, что Каллан прав, огонь уже начал подниматься к горлу, готовый вырваться, словно я некий чертов дракон. Спокойствие, которое я так легко изображаю, не имеет ничего общего с тем, что происходит у меня внутри.

– Мне известно, что на их территории проживает один маг, найди его.

Маг не сдаст Каллана территам, зато может подсказать, к кому следует обратиться.

Мои слова сильно удивили онгхуса, судя по тому, как расширились его уже почти белые глаза.

– Там живет маг? Как?

– Это неважно, но постарайся не подставить мага.

– Могу я узнать, откуда вам известно о маге?

То ли Каллана совсем одолели души, то ли он очень глуп.

– А как ты думаешь? Я создал магов, напряги свои мозги и поймешь!

– Я думал, что вы чувствуете лишь Источников.

– В каждом маге есть часть моей силы. Да, Источников я ощущаю, словно они находятся за стенкой, в соседней комнате. Но остальных магов я тоже чувствую, хоть и не столь остро, и только достаточно древних, когда их сила возросла достаточно, чтобы я смог их ощутить... услышать.

Либо сказанное мною произвело чересчур сильное впечатление на Каллана, либо он сейчас рухнет от груза душ, которые раздирают его изнутри.

– Еще рома?

А что еще ему предложить? Не прилечь же на диван!

– Господин, – Каллан оперся рукой о столешницу и постарался устоять на ногах, – означает ли это, что Хафисвальд может и меня чувствовать?

Ах, он только что осознал, что может сильно пострадать, и не только от меня?

– Конечно, если он может мысленно связываться с тобой, как, ты думаешь, он это делает? Отправляет свою мысль и сообщение в бесконечность в надежде, что она найдет верного адресата?

Каллан побледнел еще сильнее, насколько это возможно.

– Успокойся, Каллан, он не сможет проследить, где ты был, но, если он пожелает связаться с тобой в то время, когда ты вне этого измерения, Хаф сможет понять, где именно ты находишься.

– Это должно меня успокоить? Вы ведь тоже можете посылать мне сообщения мысленно, но при этом не в силах от-

следить меня.

Я не стану ему говорить, что общаться с ним я могу лишь на этой территории и в отличие от Хафа не могу с легкостью обнаружить его на других землях.

– Да, постарайся нигде надолго не задерживаться. – Я намеренно ответил лишь на первую часть его вопроса, мне не хотелось, чтобы он знал, что я, будучи запертым в этом месте, обладаю рядом ограничений. – Я со своей стороны буду отвлекать Хафа, так у него не будет времени искать тебя. И еще. – Приблизившись к нему, чуть склонившись, я прошептал: – Должным образом исполняй свои обязанности перед Хафом, заверь его в том, что ничего не происходит, и у него не будет надобности искать тебя.

– А если...

– А если он обнаружит твое исчезновение, можешь сказать, что выполнял мои поручения. Сообщи ему, что мне понадобились оружие или новая порция виски.

Хотя Хафу может и не понравиться, что я отправляю его миньонов выполнять свои указания, но лучше так, чем он начнет следить за Калланом и что-то заподозрит.

– Зачем богу оружие?

– Ты прав, глупо звучит, тогда скажи, что мне понадобились новые материалы для убранства своей гостиной. – Это звучит еще более нелепо, я даже рассмеялся, представив лицо Хафа, обдумывающего, что я занимаю свою голову декорированием своей тюрьмы, при этом отправляя его миньо-

нов по магазинам.

– Нет, лучше все-таки свали все на мое пьянство. Это прозвучит убедительнее.

Но Каллан не веселился, вместо этого я встретил недоумение на его лице.

– Ладно, ты не самый глупый мальчик и найдешь, что сказать.

Отвернувшись, я направился к своему трону.

– Вы же понимаете, что я не могу лгать Хафисвальду?

Это заставило меня остановиться. Не оборачиваясь, я лишь слегка повернул голову в его сторону.

– Не можешь или не хочешь? – Вопрос прозвучал сухо, но достаточно жестко, чтобы Каллан понял, что он должен правильно ответить на мой вопрос.

– Не хочу! – твердо и уверенно огрызнулся Каллан.

Неверный ответ! Ну что же... Это заставило меня обернуться к нему.

– Каллан, – произнес я почти ласково, – тебе следует не Хафа опасаться, а меня. Если ты еще не понял, то, войдя раз в этот замок и предав доверие Хафа, ты уже сделал свой выбор – ты уже обманул его.

– Я не наврежу...

– Ты уже навредил ему, последние мои приказы ты выполнил, и если Хафу станет об этом известно, то он не обрадуется. Как ты думаешь, для чего ты обустроил убежище для меня? Хотя нет, не напрягайся с ответом. Лучше после-

дуй моему доброму совету: прекрати метаться и определись с тем, кому ты служишь!

– Вы обещали мне, что не причините ему вреда!

Паника, которую легко можно было услышать в его словах, меня лишь сильнее разозлила.

– Я говорил, что ему ничто не грозит, и это так! Физически Хаф не пострадает. И это я тоже могу тебе гарантировать.

– До сих пор ваши поручения не вызывали у меня тревоги, но теперь...

– А теперь тебе уже поздно тревожиться, друг мой.

– Я не предам...

– Ты уже предал, еще раз повторяю тебе: поздно метаться!

По его выражению лица стали понятны две вещи: во-первых, Каллан действительно не догадывался о сути моих поручений, что в принципе мне на руку, а во-вторых, он, кажется, готов сбежать и вернуться в радушные руки Хафа. Но этому не бывать!

– Я всего лишь хотел вам помочь!

Каллан и глазом не успел моргнуть, как оказался прижатым к стенке, а моя рука сжималась на его горле. Я больше не стал скрывать свои эмоции.

– Помочь МНЕ?! Ты кем себя возомнил? Я, может, и пленник в этом аду, но я все же лишен не всех своих сил! Я приказываю, и ты подчиняешься! Я не прошу, я требую! Уясни это раз и навсегда!

Я немного ослабил хватку, чтобы он мог сделать глоток воздуха, но полностью его не освободил. Что странно, Каллан не выглядел при этом хоть немного испуганным, как в тот момент, когда понял, что Хаф может узнать о его содействии мне.

– Я не нуждаюсь в чьей-либо помощи, тем более в помощи онгхуса!

Прежде чем он смог мне на это что-то ответить, я прикоснулся рукой к его холодному лбу и стал вытягивать души.

– Не-е-ет!

Вот теперь я вижу правильную реакцию. Наконец-то!

– В следующий раз, придя сюда, ты будешь лучше следить за тем, что и как говоришь мне!

Каллан пытался вырваться, ухватился за мою руку и стал отталкивать ее от своей головы. Да, онгхусы физически очень сильны, но с моей силой все-таки сравниться могут лишь сами боги.

Я почувствовал, как одна душа буквально перетекла из Каллана напрямик к моему сердцу. Не повезло душе. Я лишь немного поморщился от ощущения чужеродной субстанции, но решил не останавливаться на одной несчастной душе.

– Прошу, хватит... Умоляю вас, остановитесь!

Сильнее прижав руку к голове Каллана, я приступил к следующей порции мучений миньона. Придав ускорения своей силе, я стал буквально заглатывать в себя души Каллана,

насчитал примерно пару сотен, но почувствовал, что их у него еще примерно с пару сотен тысяч или даже больше. Я был прав: он совсем недавно втянул в себя души и поэтому был так слаб, когда пришел ко мне. Ему потребовалось бы не меньше пары суток, чтобы прийти в чувства.

– Ты не Хафа должен опасаться, а меня! Поэтому ты будешь мне служить и дальше! Иначе осведомленность Хафа о твоих делах станет для тебя наименьшей проблемой. Ты меня понял или мне продолжить?

Преданность, любовь, верность, надежность? Нет! Страх – вот что способно заставить служить лучше всего из вышеперечисленного!

Каллан, теряя силы, уже начал оседать по стенке на пол. Но второй рукой я его удержал от полного сползания вниз, хотя прекратил вытягивать души.

– Не слышу ответа: мне продолжить?

– Я понял, Господин!

Мгновенно отступив от Каллана, я направился к выходу. Уже у самой двери я обернулся. Он, свернувшись в позе эмбриона, лежал на полу, вздрагивая и тяжело дыша.

– Посмотри на меня!

Вероятно, выполнить мой приказ было почти невозможно, потому что он лишь слегка разогнулся, его голова хоть и осталась лежать на полу, глаза все же были нацелены на меня. Они теперь вновь были почти голубыми из-за того, что новых душ в нем явно поубавилось.

Я поднял голову и, глядя на потолок и приложив ладонь к сердцу, с глубоким выдохом начал выпроваживать из себя все то, что вытянул из Каллана. Души, которые не очистились через Сосуд жизни или онгхуса, умирали и были потеряны окончательно.

Каллан был настолько шокирован увиденным убийством душ, что теперь просто перестал дышать. Закончив очищение себя от этой мерзости и вновь посмотрев на лежащего на полу Каллана, я заметил слезы, которые тихо скатывались по его щекам.

– Наверное, в следующий раз ты не предложишь мне взять у тебя часть твоей работы, так ведь? – Я произнес это так нежно, словно убаюкивал ребенка, а потом, улыбнувшись, продолжил, но уже приказным тоном: – Можешь пока побыть тут, а когда придешь в себя, отправляйся на поиски мага.

Не став дожидаться его ответа, я развернулся и ушел с целью найти Хафа. Мое настроение немного улучшилось.

Глава 23

Когда я мечтала попасть в портал, не думала о том, куда нам открывается дорога. Все, о чем я думала, так это, во-первых, добраться до портала, а во-вторых, убраться так далеко от земель Фейсала, насколько это возможно.

И в этой части мои желания исполнились. Но теперь перед нами возникла иная проблема: мы оба не узнаем место, где оказались. Да, тут нет воды, готовой уничтожить нас, мы еще не встретили ничего враждебного, что уже можно считать благом, но, когда мы осмотрелись, не увидели ровным счетом ничего. Нас окружал сероватый морок, мы были окутаны туманом и видели только друг друга на расстоянии вытянутой руки.

Серое марево, которое теплым одеялом покрывало все вокруг, не пугало само по себе, но моя интуиция, проснувшаяся очень некстати, буквально верещала о том, чтобы я немедленно искала пути к отступлению.

Что странно, мне, с одной стороны, находиться тут было крайне комфортно, а с другой – было нестерпимое желание немедленно найти укрытие. Что-то спокойное, но зловещее было в этом месте. Тихое, очень тихое место, даже, скорее, мертвое.

Немного взяв себя в руки и поразмыслив над тем, что я

по-прежнему жива и не утонула в лесах Фейсала, я поняла, что на данный момент все складывается хорошо, отчего даже воспрянула духом.

Правда, мою радость от удачного побега с земель Фейсала омрачала боль от полученных ран, которая, чем больше я успокаивалась и чем быстрее адреналин покидал меня, все нарастала и усиливалась. А тот факт, что мы находимся на неизвестной территории, только уменьшал мою радость от счастливого спасения.

Кремер заботливо прошептал некие заклинания, и раны стали немного затягиваться, а значит, боль в ближайшее время совсем исчезнет и одной проблемой станет меньше. Зелья на этот раз он мне не предложил, поскольку раны были не смертельные. Он благоразумно решил сохранить немного зелья на случай, когда оно действительно может нам понадобиться, если у него еще что-то осталось.

Кремер взял меня за руку, и, наверное, это для того, чтобы мы случайно не потерялись, поскольку куда идти было непонятно. Но мы все равно сделали шаг, затем второй и так медленно стали двигаться куда-то в направлении неизвестности. Главное, мы оба живы и вместе, хоть я и не знала, как долго это продлится. Но даже если подумать об этом как о своего рода курортном романе, то вспоминать об этом я буду еще очень и очень долго – ну, если переживу подобного рода путешествие.

Немедленно я одернула себя: я пока еще жива, и несмот-

ря на то, что это в большей степени благодаря чародею, последние события показали мне, что и я не столь безнадежна, как думала раньше. Хвалиться пока, конечно, особо нечем, но и жалоб от Кремера я тоже не слышала. По ходу нашего медленного продвижения я бесконечно прокручивала эту мысль в черепной коробке, отчего во мне стали зарождаться робкие ростки уважения к себе.

Пока мы делали неспешные шаги сквозь туман, я все пыталась навести порядок в своей голове. Да, мне удалось не забиться под корягу, трясясь от страха, да, я никогда ранее не чувствовала себя такой сильной, хотя невозможно отбросить тот факт, что подобные преобразования произошли при поддержке чародея. Но зачем вдаваться в подобные детали? В то же время было бы безумием поверить, что невероятный по отношению к Источнику поступок чародея может сильно повлиять на взаимоотношения, с которыми на Земле сталкиваются маги и чародеи. Многовековая война не исчезнет только потому, что отдельно взятым бессмертным удалось на время действовать сообща в попытке сохранить свои жизни.

И даже если наступит мир и нам повезет благополучно выбраться из этого приключения, рано или поздно мне все-таки придется столкнуться с реальностью – последствиями вражды и ненависти, направленной против магов. Как мир встретит мое чудесное спасение от Кремера, а как другие чародеи отреагируют на то, что он, вместо того чтобы убить меня при первой же возможности, предпочел меня спасти?

И еще вопрос: а какой смысл мне сейчас рассуждать об этом, если я еще не вернулась на Землю, понятия не имею, где нахожусь и сохраню ли я свою жизнь? Перво-наперво надо понять, где мы!

– Уже есть догадки, где мы? – Когда мой мозг снова смог связывать образы в слова, я незамедлительно выпалила свой вопрос чародею.

А еще поймала себя на мысли, что чем больше я провожу времени с Кремером, тем смелее позволяю себе задавать ему вопросы, не задумываясь над тем, как точнее их формулировать, какой тон использовать, чтобы он не заподозрил в моих расспросах подвох. Мне стало спокойно рядом с ним.

Но, несмотря на такую закрепощенность, меня нервировало затянувшееся молчание. С того момента, как он прошептал заклинания для моего исцеления, от него не последовало ни звука. Он просто взял мою руку в свою, теплую и уверенную, и повел за собой.

– Пока не узнаю это место. – Кремер посмотрел на меня, вероятно, ища признаки моей паники.

– У тебя больше нет кристаллов перемещения? Может, в этом месте они работают?

– У меня остался один, и я пока не готов им рисковать. Нет гарантий, что он нам поможет, воспользуюсь им, когда буду уверен, что он работает.

Свободной рукой Кремер провел по своему поясу, словно проводил инвентаризацию зелий.

– Я думала, у чародеев всегда большие запасы кристаллов и зелий с собой.

– Зависит от того, куда чародей направляется.

В его фразах не было и намека на юмор. Да, такое путешествие даже Кремер не предвидел, и у него нет достаточного запаса на случай атак Фейсала.

– Да, ты направлялся на поимку Источников, а оказался у Фейсала. Есть ли какой-то «стратегический запас» на случай Армагеддона?

Я выхватила руку из его захвата, чтобы повернуться к нему и изобразить пальцами в воздухе кавычки, делая акцент на слове «Армагеддон», при этом поднимая в притворном удивлении брови.

Нет, я не шутила, меня действительно всегда интересовало, что именно припрятано в поясах таких сильных чародеев, как Кремер, когда они направляются на встречу с врагом.

Но он просто состроил гримасу, очень отдаленно напоминающую улыбку, пожал плечами и продолжил шагать вперед.

– Это невероятно секретная информация или ты не хочешь мне рассказывать, потому что я маг? – Мне все же хотелось удовлетворить свое любопытство.

– Нет, информация о количестве зелий и кристаллов не особо секретная, просто она бесполезна для всех, кто не является чародеем. Вернее, эта информация не для широкого круга бессмертных. А вот о составе зелий и их воздействии действительно лучше не распространяться. Зачем плодить

конкурентов? Я должен оставаться лучшим, мои зелья – это мое личное оружие, им я не делюсь.

Мне нравилось разговаривать с Кремером, но не о том, каким образом я получила пепел от останков слуг Фейсала. А он не желает обсуждать свои зелья. И я понимаю, почему он не спешит мне все рассказать, но все же надеялась на то, что он не станет хранить от меня секреты после того, через что мы прошли вместе. Наивная, с чего бы ему выкладывать перед Источником весь свой арсенал возможностей и умений?! Кроме того, сейчас неподходящее время для историй о составе зелий, когда чародей находится в режиме «выжить любой ценой».

Однако не могу не отметить, что не только я осмелела в отношении Кремера, но и он стал понемногу открываться передо мной: в словах, жестах, даже улыбке. Я больше не слышала в его словах отчуждения, не ощущала некой невидимой стены между нами. Он охотно отвечал на мои вопросы, почти на все, всякий раз пытался мне помочь и поддержать. Конечно, это не могло не повлиять на мое отношение к нему, в хорошем смысле «повлиять». И только поэтому я осмелилась задать ему вопросы о содержимом его пояса, и только поэтому Кремер не пресек грубо мое любопытство, а лишь немного отстраненно и весьма туманно отвечал на мои вопросы, но не игнорировал.

Теперь стало очевидным, что мне будет не хватать Кремера, если наши пути вдруг разойдутся. Ну не смешно ли?

Ведь вместе мы считанные дни, и то если выживем, но сердце мне подсказывает, что расстаться с ним мне будет очень больно. Мне одновременно и хотелось вернуться домой, и не хотелось.

– Потому что их могут постараться украсть и использовать даже против тебя? – Я продолжала засыпать Кремера вопросами, поскольку мне нравилась система общения «вопрос-ответ», а также мне почему-то доставляло удовольствие наблюдать, как Кремер уворачивается от неудобных вопросов, при этом стараясь меня не обидеть и не оттолкнуть. Могу только догадываться, как бы он ответил, если бы на моем месте был кто-то иной.

Понятно, что я ничего не знаю о магах и поделиться с Кремером информацией о магических возможностях не могу, даже если бы и захотела. А информация о чародеях, которую я так усердно старалась запомнить и зазубрить в замке на занятиях, для меня почти бесполезна. Боги, сколько времени я впустую провела за книжками и на лекциях, как же сильно я убивалась и расстраивалась, что у меня все никак не получается создать хоть одно немного сносное зелье! Как же я ненавидела себя за эти провалы в обучении!

– Да, и использовать, в том числе против меня. Так что пояса всех чародеев очень хорошо защищены. Невозможно украсть пояс и при этом не пострадать. – Кремер нашелся на сей раз, что мне ответить, но это мне и так было известно. Все же не совсем впустую я провела время среди чародеев.

– Это я знаю. – Я печально улыбнулась. – Забыл, что я уйму времени провела среди чародеев в попытках освоить все их премудрости?

– У нас были мысли не пускать вас с Ремисом на уроки, но это вызвало бы у вас подозрение.

– Возможно, лишь у меня, а вот Ремис был бы этому только рад. Он и так постоянно прогуливал занятия, кроме разве что тренировок по рукопашному бою.

– Сложно его в этом винить, я бы тоже избегал занятий, к которым у меня нет ни способностей, ни желания что-либо изучать. А вот в учебных боях он очень даже прекрасно себя проявлял. У него явно талант к боям на мечах и единоборствам.

И тут меня как громом поразило.

– Стоп. У меня зелья никогда не получались, а вот у Ремиса иногда получались. Как такое возможно?

– Они не у Ремиса получались, это его друзья Вилфред, Джаник и Олав незаметно подсовывали ему то, что приготовили сами. Поэтому Ремис думал, что у него что-то изредка да получается.

– Значит, все друзья Ремиса знали, кто мы, и просто притворялись? Ремис будет очень расстроен. Он очень любит своих друзей.

– Все знали, кто вы такие. Но, думаю, дружба была искренней, чародеев никто специально не просил, чтобы они помогали Ремису. Это была исключительно их собственная

инициатива.

Странно все это. В то время как у меня не было ни друзей, ни подруг, Ремис же даже в подобной ситуации умудрился обзавестись ими. Я уж было успокоила себя тем, что меня все избегали только потому, что я маг, оказывается, что дело лишь во мне. Что со мной не так? Понуриив голову, я замолчала на какое-то время.

Кремер выпустил мою руку и обнял за плечи, прижимая к себе. Я подняла голову и встретила успокаивающую улыбку на его лице без доли насмешки, отчего на душе значительно посветлело. Мы неторопливо продолжили путь, а наемник тем временем продолжил:

– Алика, не принимай это на свой счет. Ремис, надо отдать ему должное, обладает некой харизмой, люди к нему тянутся. Он вызывает доверие и уважение. Кевилсу часто приходилось разгребать гневные и обеспокоенные письма родителей, которые переживали за безопасность своих чад. Ему стоило больших трудов заверить их в том, что Ремис не причинит никому вреда и он под строгим контролем. Дело вовсе не в тебе. У Ремиса есть определенный дар заводить знакомства, из него вышел бы прекрасный лидер. Маги определенно последуют за ним.

«А за мной никто не последует», – как бы между прочим подумалось мне.

– Остается верить тебе на слово. Но я всегда ловила на себе хмурые взгляды и не могла понять почему. Ремис же,

напротив, обзаводился новыми знакомыми и друзьями чуть ли не каждый день. А в совокупности с моими провалами в обучении можешь догадаться, как я себя ощущала.

– Могу себе представить.

Не думаю, что он может. Он знаменитость, и если ловил на себе чьи-то взгляды, то лишь восхищенные, приправленные обожанием и уважением.

– Чародеи думали, что мы простые маги. Теперь уже все знают, что мы еще и Источники?

– После вашего с Ремисом яркого выступления в холле замка? – Кремер широко улыбался, я же не видела в этом ничего забавного. – Думаю, да, такие новости быстро распространяются. Жаль Кевилса, его сейчас ждет жесткое давление со всех сторон.

После последней фразы улыбка Кремера потухла.

– Его накажут, что ли? Я так понимаю, вы не знали, что мы Источники.

– Дело не в этом. Источники были и остаются главной целью уничтожения, и не только для чародеев. Думаю, на него накинута из-за того, что он вначале приютил «ужасных Источников»...

Тут Кремер намеренно игриво искажил голос, чтобы придать словам угрожающий оттенок, а когда я хихикнула, он продолжил:

– ...а затем упустил Источников, не уничтожив их.

Последние слова чародей произнес уже сухо, без доли на-

игранности. Как бы я ни избегала этих разговоров, в итоге мы вернулись к тому, с чего начали.

– Значит, чародеи будут на нас охотиться.

Это не было вопросом, это было утверждением. Что бы я ни чувствовала к Кремеру, я остаюсь Источником, а значит, его врагом.

Все тело Кремера напряглось и стало жестким. Он тоже так думает, по-другому и быть не может.

– Мы с Кевилсом что-нибудь придумаем.

В ответ я лишь задрала брови в полном неверии и даже не старалась скрыть свои сомнения.

– Алика, давай решать проблемы по мере их поступления!

Я не против такого варианта, но не могу заставить себя не думать об этом. Ремис, как ты там? Началась ли повсеместная охота прямо сейчас на брата и магов, которые его охраняют?

– Мне кажется, что ты сам не веришь в положительный исход этой истории.

Произнеся это, я тут же захотела забрать свои слова обратно. Эти слова заставили Кремера остановиться, отпустить меня. Я же лишь пожала плечами.

– Кевилс очень уважаем, и не только в кругах чародеев. – Я хотела его перебить, но он одним кивком головы меня прервал, давая понять, что хочет продолжить. – Вместе мы сможем найти выход из этой ситуации. Я лишь надеюсь, что троица магов, с которыми сейчас Ремис, не вздумает затеять

грандиозную войну в попытках тебя спасти.

Об этом я и не подумала. Вероятно, Ремис сейчас в панике из-за моего исчезновения, и наверняка в этом они все винят чародеев.

– Думаешь, они знают, где я? В смысле, думаешь, они рискнут напасть на чародеев, предполагая, что я у них?

– Понятия не имею, о чем сейчас думают маги, но в желании спасти Источник они могут пойти и на такой безумный шаг. Не удивлюсь, если маги решили собрать армию и штурмовать замок чародеев. Хотя это было бы безумием.

Но маги могут действовать безумно!

Ужас промчался по венам, и это заставило меня вздрогнуть. Ведь если маги пойдут брать цитадель чародеев, то к ним наверняка присоединится и Ремис. Боги, только не это!

Кремер положил обе руки на мои плечи и чуть склонился ко мне.

– Я все-таки думаю, что Маркус и остальные не настолько глупы, чтобы решиться на штурм целого замка. Кроме того, Кевилс знает, что я пропал, он тоже меня ищет, и это должно стать известно широкому кругу бессмертных.

– Ты надеешься, что это дойдет и до магов, тогда они поймут, что в замке меня никто не пытается и не удерживает?

– Именно. На месте Кевилса я бы так и сделал, тем более что он не желает войны против тебя и Ремиса.

Тут что-то большее, чем просто привязанность к двум детям-сиротам. С чего бы Кевилсу так о нас заботиться? Пока я

не буду расспрашивать об этом Кремера. Он до этого не стал вдаваться в подробности нашего с Ремисом спасения и для чего это понадобилось чародеям. Но мысленно я сделала себе пометку непременно узнать причину такой заботы. Мне, правда, не хотелось больше спорить с Кремером. Интуиция подсказывает, что у нас не будет много времени, чтобы провести его вместе. Так что я не хочу впустую разбазаривать наш драгоценный, хоть и, возможно, временный мир.

Пока я размышляла о сказанном, вероятно, мое молчание Кремер принял за недоверие к его словам.

– Я уже не раз тебе говорил и не устану повторять: я позабочусь о тебе, красавица.

Красавица! Это быстро заставило меня переключиться с размышлений о Кевилсе на Кремера. Так меня еще никто и никогда не называл. А то, каким тоном и голосом это было сказано, позволило мне успокоиться и сделало с моим телом нечто странное. Тепло от слов Кремера, которое зародилось в глубине моего сердца, распространилось по всему телу и заставило желать затащить Кремера в укромное место и вообще не для разговоров.

Я улыбнулась и, обхватив его руками, крепко прижалась к нему.

– Я очень хочу верить тебе, Кремер, правда.

Прежде чем разорвать наши объятия, Кремер нежно поцеловал меня в макушку.

– Жаль тебя отпускать, но нам все же надо понять, где мы

находимся.

Не поспоришь.

– Да, ты прав.

Потеряв тепло его тела, я сразу же заскучала по нему.

– Я думала, ты был во всех измерениях и с первого куста сможешь узнать место.

Я хотела пошутить, но Кремер не выглядел веселым.

– Я не узнал землю Фейсала, по понятным причинам не узнаю и это место. И причина, почему это так, меня откровенно смущает.

– И что за причина?

– Думаю, это место не предназначено для посещений бессмертных. Обрати внимание: вокруг ни одной живой души, нет никакой растительности, признаков жизни, зловещая тишина, словно кто-то высосал всю жизнь из этого места.

Он же не думает, что мы в некой версии загробного мира, так ведь? Мы же не умерли, а лишь прошли через портал. А в загробный мир порталов нет.

– Сомневаюсь, что мы уже в аду. Тот портал не выглядел чем-то смертоносным.

– Не смешно, Алика.

А я и не шутила.

– Но ведь в мир мертвых, если ты намекаешь на него, нельзя попасть через портал. Туда только один вид транспорта доступен – с «кондуктором» в черном плаще и с косой в руках. А мы явно живые. Раны мои хоть еще и побаливают,

но все же не смертельны.

Кремер не потрудился ответить. Зато я обратила внимание, что он часто смотрит на небо – или то место, где должно быть небо. Кроме тумана ничего не было видно. Что странно, было достаточно светло, чтобы мы могли видеть друг друга, но не было даже намека на солнце или иной источник света. А то, что доступно глазу, было весьма унылым пейзажем. Сплошные камни и скалы. Пустота и тишина.

– Куда ты смотришь? Что ты пытаешься найти на небе?

– Знаки. Ты была права насчет облаков у Фейсала, это были знаки. Они указали нам на гору, а затем на арку – портал. Кто-то явно пытался нам помочь.

– Ну, к горе мы сами решили пойти, так что я бы не стала об этом говорить. А насчет портала, так это может быть простым совпадением. У кого могут быть возможности посылать нам знаки в землях Фейсала? Кевилс способен на это? Ты говорил, что он ищет тебя.

– Нет, он точно на такое не способен, и я сильно сомневаюсь, что он хотя бы догадывается, где меня искать.

Могли ли маги направлять знаки? Нет! Даже я не могу представить себе, чтобы маги были на это способны. Тогда кто?

Тем не менее шагать по этой мертвой земле было очень легко, дышалось свободно, дорога хоть и была усыпана мелкими камнями, это не затрудняло наш путь так, как это было в лесах Фейсала. Я поймала себя на мысли, что хотела бы там

задержаться, чтобы рассмотреть тот лес во всех деталях, но явно при иных обстоятельствах и чтобы за нами не гнались воины и цунами. Лес был невероятной красоты!

Немного пройдя, мы неожиданно уткнулись в огромную скалу, которую раньше было не разглядеть из-за тумана.

– Кажется, это тупик, – устало объявил Кремер. – Хотелось бы найти место, чтобы устроить привал.

– А мне хотелось бы найти воды и что-нибудь съестное.

В ответ Кремер лишь еле заметно кивнул, затем стал ощупывать скалу, словно пытался что-то найти.

– Что ты делаешь?

– По ощущениям обычный камень, но он подозрительно теплый.

Я последовала примеру Кремера, притронулась к камню, и действительно: камень на вид и на ощупь был такой же, как любой другой, но от него исходил жар.

– Не нравится мне это место.

Эта земля не то чтобы нагоняла страх, но нечто очень близкое к этому. Тут совсем не хотелось задерживаться. Желание сбежать с каждой минутой лишь возрастало.

– Соглашусь с тобой, малышка.

Мне нравилось, как Кремер меня называл. Эта его нежность, которая так не сочетается с его мужественностью и всеми теми слухами, которые его окружали, заставляет мое сердце трепетать. Может, для него это ничего не значащие слова, но для меня это почти признание в любви. Только ро-

дители меня так называли. Вероятно, я просто истосковалась по чьей-то заботе? Принять нежность и заботу от Кремера так соблазнительно, устоять невозможно. Я хмыкнула. Интересно, сам Кремер понимает, как он действует на меня?

Скорее всего, я хмыкнула громче, чем хотелось бы, поскольку внимание Кремера с горы перескочило на меня.

– Что такое?

– Все в порядке. – поспешила я с ответом и постаралась отвлечь его, а себя – избавить от необходимости объяснять свое поведение, но, видимо, мой скорый и нервный ответ не смог его обмануть.

– Не закрывайся от меня.

Его голос был настойчивым, а тон – приказным.

– Просто странно слышать от тебя нежные слова.

Кажется, это удивило Кремера.

– Почему? Алика, ты заслуживаешь красивых слов в свой адрес, и не важно, что ты там о себе думаешь.

– Просто... – Мне хотелось в ответ осыпать комплиментами Кремера, но я все еще опасалась раскрыть свои чувства к нему. – Нет, неважно. Это все мои глупые мысли. Не обращай внимания.

– Проблемы с принятием комплиментов?

Черт! Это даже немного унижительно, тем более что Кремер в общем и целом прав. Мои неудачи на свиданиях закрепили мое неверие в себя, потому, когда кто-то произносит комплимент в мой адрес, я воспринимаю это как шутку.

– Проехали.

– Как скажешь, но лучше начинай привыкать, я намерен часто их тебе дарить.

Кремер подмигнул мне и вернулся к исследованию местности. А я стояла пунцовая от смущения. Хорошо, что туман скрывает мою реакцию на слова Кремера, во всяком случае, я на это очень рассчитывала.

Тем временем туман стал сгущаться, его плотность увеличивалась, казалось, что вскоре будет невозможно сделать вдох, воздух становился тяжелым, из-за чего передвижение уже не было столь легким, дальше вытянутой руки ничего не было видно. Мы буквально продвигались на ощупь.

Когда я уже было подумала, что мы тут заблудимся и будем плутать, пока не помрем с голоду, как я резко остановилась из-за того, что Кремер вдруг выпрямился и куда-то сосредоточенно уставился. Чтобы понять, на что он смотрит, мне пришлось поравняться с ним, и то, что я увидела, буквально лишило меня не только дара речи, но и возможности дышать. Я замерла от вида грандиозного сооружения, на которое мы наткнулись совершенно случайно. Что не менее удивительно, рассмотреть его было очень легко, тумана над строением не было. Это было первое на этой земле, что мы до сих пор могли рассмотреть четко.

Перед нами предстало нечто совершенно немислимое. Что это или из чего это создано? По форме сооружение напоминало огромную чашу. Примерно как олимпийский ста-

дион или, точнее, как десять стадионов, только на постаменте.

Мы оказались на краю высокой горы, а чаша располагалась где-то внизу. Спуститься по отвесной скале к этому явно божественному сооружению мы не смогли бы, нам оставалось только молча любоваться этим невероятным нерукотворным творением. И это создано специально, это не просто особенности местного ландшафта. Камень, из которого сооружение построено, издавала напоминал мрамор, только очень яркий, от поверхности исходило заметное свечение, словно в стены вмонтированы мощные прожектора, дающие приятный оранжевый свет. Но больше всего привлекало то, чем была наполнена эта чаша.

– Что это?

– Если бы я знал!

Кремер почти шептал, оно и понятно, такое не каждый день увидишь. Чаша была наполнена чем-то живым. Жидкость напоминала тягучий кисель, она была перламутровой и почти прозрачной, и от нее тоже исходило свечение, но не столь яркое, как от самой чаши. В этой субстанции можно было различить движения маленьких точек с хвостиками, как головастики. Они плавно перемещались и то вспыхивали, то неожиданно угасали.

У меня возникло стойкое ощущение, что нам тут не место.

– Кремер...

– Нам надо уходить, я не знаю, что это, но нас тут не долж-

но быть, это я могу сказать с уверенностью.

И я была с ним полностью согласна! Хотя само это грандиозное произведение божественного искусства не вызывало страха, но отчего-то тут совершенно не хотелось задерживаться ни на секунду дольше.

И когда мы уже развернулись, чтобы двинуться в противоположном от «чаши» направлении, повстречали живое существо, которое на первый взгляд походило на человека. Но это только на первый взгляд! Чем дольше я вглядывалась в него, тем очевиднее становилось, что это вовсе не человек. А Кремер на всякий случай отстегнул петлицу, которая удерживала меч.

Существо стояло примерно в метре от нас, странно, но туман его не окружал. Тут что, можно управлять туманом? Как бы там ни было, без тумана мы с Кремером могли прекрасно разглядеть незнакомца.

Он тоже разглядывал нас, и можно с уверенностью сказать, что встреча для него оказалась столь же неожиданной, как и для нас. Он переводил взгляд то на меня, то на Кремера. Пытался придумать, как нас убить? Хотя поза его не выдавала никакой агрессии. Но эти его глаза! Почти белые, зрачка или уж тем более радужной оболочки различить было невозможно. Если бы он не смотрел четко в мои глаза, то я бы решила, что он слепой.

– Вас не должно тут быть. – Существо наконец-то заговорило. При этом очень спокойно, как со случайным прохо-

жим.

Тут я с ним полностью согласна, я тоже считаю, что меня тут не должно быть. С большим удовольствием я бы сейчас валялась на своем диване и смотрела любимые фильмы.

– Мы сразу же покинем это место, если вы нам укажете путь.

Кремер ответил так же спокойно, но только рукой он сжал рукоятку меча. Это не осталось незамеченным для незнакомца. Но вместо того, чтобы напасть или хотя бы встать в защитную позу, он просто склонил голову набок и посмотрел прямо на Кремера.

– Как вы тут оказались?

Хотели бы мы знать, подумала я.

– Через портал.

– Это невозможно!

А вот тут я бы поспорила.

– И тем не менее, – медленно, почти пропев, ответил чародей.

– Никто не может создать портал в это измерение, – все так же невозмутимо спокойно продолжило диалог странное на вид существо.

– Еще вчера я бы с тобой согласился. Но как ты уже заметил, мы тут.

Кремер в поединке спокойствия и миролюбия с этим парнем не отставал. А я вся буквально сжалась. Мне захотелось стать невидимой. Сейчас я бы с удовольствием воспользова-

ласть зельем невидимости, которое ранее мне предлагал наемник.

Существо замолчало. Решил-таки сменить тактику и напасть? Но вместо нападения он просто продолжал переводить взгляд от меня к Кремеру и наоборот, чем нервировал меня еще больше.

В последнее время, когда я нервничаю или сильно чего-то боюсь, мои руки начинают нагреваться. Поскольку Кремер продолжал держать меня за руку, изменение ее температуры он сразу заметил. Он повернул голову ко мне и прошептал:

– Не стоит, Алика, я сам. Не вмешивайся.

Белоглазый явно нас услышал, поскольку, лишь взглянув на мои руки, тут же исчез.

Исчез, телепортировался. Даже не знаю, радоваться этому или это плохой знак. Может, он помчался за подкреплением?

– Мне совсем не хотелось на него нападать. Просто я плохо пока контролирую эмоции и свой огонь.

Я освободила свою руку из ладони Кремера и прошипела:

– И я говорила тебе об этом. Нечего было хвататься за меч!

Немного придя в себя, я тут же пожалела о том, что оправдываюсь перед Кремером. Мне не хотелось пугать парня, который напоминал скорее «свежеиспеченного» зомби, чем живого человека.

– Ты не поняла, кто это был? – Кремер не обратил внимания на мои слова.

– Нет. Он опасен? Он может вернуться и убить нас?

– Теперь я точно знаю, что мой кристалл телепортации не работает. Тот, кто нас сюда затащил, а теперь я в этом убежден, либо помогает нам, либо сам желает прикончить. Но я даже боюсь предположить, кто бы это мог быть.

Я не поняла ничего, кроме слова «кристалл», поэтому ту-по пялилась на Кремера. Он понял, что я сейчас не на его «волне», и перестал вышагивать кругами, уставившись на меня.

– Ты не узнала онгхуса?

Твою мать!

– Они же могут телепортироваться! Что если он просто оказался там же, где и мы?

– Даже ты, не имея опыта путешествий в других землях, понимаешь, что это не так! А это... – он указал рукой в сторону «чаши с головастиками», – это Сосуд жизни!

Если до этих слов Кремера я еще надеялась, что мы пока еще на пути к спасению, то теперь все надежды рухнули как картонный домик.

– Хафисвальд? – еле слышно спросила я Кремера.

– Именно!

А вот теперь совершенно точно можно заявить: мы не нашли спасения, мы просто переместились в иного рода ад!

Глава 24

Нормальной реакцией было бы впасть в панику, но меня вместо этого погрузило в оцепенение. Сложно не задуматься над тем, что угодил в закрытый мир, где правит Хафисвальд. Доступ сюда имеют только боги, онгхусы и мертвые души. Когда ты не принадлежишь ни к кому из перечисленных, то о чем можно думать в такие минуты?

Мы с Кремером шли в неизвестном направлении уже какое-то время, и чем дальше от Сосуда жизни – тем лучше. Есть ли смысл куда-то идти, может, разумнее оставаться на месте? Однако движение – это жизнь, так? Вдруг именно поэтому Кремер предпочел двигаться? Идти, двигаться и дышать, пока еще эти возможности нам были доступны, но кто знает, как скоро все может измениться.

Плетясь за Кремером, я одной рукой обхватила себя за живот – голод и усталость начинали сказываться, и силы все ощутимее меня покидали. Кремер, как всегда, не показывал своих истинных эмоций: то ли он старался для меня, то ли действительно так чувствовал себя, но шел медленно и в то же время уверенно, с непроницаемым выражением лица. После того как онгхус исчез, чародей двинулся в путь как ни в чем не бывало и жестом указал следовать за ним: вот тут налево, тут направо, и одним богам известно, как он выби-

рал путь. Сомневаюсь, что у него есть хоть какой-то план, но лучше следовать за вековым опытом в виде этого наемника, чем сидеть на одном месте и горевать.

Все отдала бы за возможность прочесть его мысли! Наверняка для того, кто прошел через многие испытания в его долгом существовании и кто привык все просчитывать, а также является мастером ловушек для врагов и кто при этом сейчас сам оказался в чем-то гораздо худшем, нежели в ловушке, для него, для прославленного Кремера, эта ситуация была невыносимой. Готова отдать голову на отсечение, что это действительно так! И тем не менее я делаю шаг, потом другой, все с большими усилиями, но все же смиряясь с тем, что я Источник, и с тем, что у меня нет иного варианта, кроме как просто следовать за чародеем. Надеюсь, а мне только это и остается, что Кремер и на сей раз меня спасет, поскольку я сама абсолютно бесполезна в данный момент. Еще немного, и разрыдаюсь: от усталости, ощущения безнадежности, желая хотя бы раз увидеть брата, еще один раз, чтобы он узнал, как его сестренка способна бороться.

Я не сдамся, пока могу идти... и пока Кремер со мной. И тут же мое подсознание напомнило о пределах моих возможностей: без чародея я уже давно бы погибла, и не очень героически. А это мне не хотелось бы сообщать брату при желаемой последней встрече.

Спустя какое-то время я заметила, что туман немного рассеялся, но тишина, которая окружала это место, становилась

еще более гнетущей и жуткой. Все это создавало мрачную обстановку, в которой почти бесшумно продвигались двое, каждый из которых осознавал свое плачевное состояние, но изо всех сил старался не показывать этого другому.

Тот онгхус появился неожиданно, мы не заметили его приближения. Означает ли это, что он с компанией себе подобных может и сейчас за нами следить, а из-за тумана мы просто не способны этого увидеть? От такой мысли наши шаги стали мне казаться не такими уж тихими. Хотя, чтобы найти нас, не нужны глаза или уши, достаточно почувствовать живые души, а также силу бессмертных. Может, у меня развивается паранойя и я везде пытаюсь найти угрозу? Или просто начинаю сходить с ума от того, что не могу различать никакие ориентиры вокруг себя? Такое ощущение, что мы находимся в каком-то вакууме, в бездушной, безжизненной, абсолютной пустоте.

– Как думаешь, что сделает Хафисвальд, когда найдет нас?

Мой вопрос прозвучал настолько неестественно спокойно, что даже мне показалось это странным.

Не «если», а именно «когда». В том, что нас поймают, не было никаких сомнений.

– Ты слишком спокойна для девушки, чья жизнь начала обратный отсчет.

Спокойна ли? Мое оцепенение сложно назвать спокойствием, скорее, я смирившийся со своей участью маг. А кто знает? Может, так и должно быть? Когда души после смерти

тела попадают сюда, они именно этого и желают: пустоты и тишины, остаться вне эмоций, вне страха, вне каких бы то ни было мыслей?

Просто живым тут не место.

Но, очевидно, Кремер сам задумался над моим вопросом, и если он мне не ответил прямо, значит, боится, что ответ мне не понравится.

– Слишком часто моя жизнь в последнее время врубала таймер с обратным отсчетом. У меня уже просто не осталось сил страдать из-за этого.

Кремер оставил мой ответ без комментариев. Не то чтобы я ждала обратной связи от него, но мне хотелось бы знать, чем занята в этот момент его голова.

– Прости.

А вот это было неожиданно. Это заставило меня посмотреть на чародея. Он вдруг обеими руками вцепился в свои волосы, которые и до того были в полном беспорядке, а сейчас идеально вписывались в картину хауса, в котором мы оказались.

– За что? Тут нет твоей вины.

Мне показалось, Кремер хотел что-то еще мне сказать, он открыл рот, но затем встряхнул головой и просто опустил руки, отвернувшись от меня.

– Нам надо найти место, где мы могли бы отдохнуть хотя бы недолго. А еще мне нужен костер, вода и пара часов тишины.

Тишины-то как раз у нас тут хоть отбавляй, с огнем тоже не возникнет сложностей, а вот с водой... От воды я и сама бы не отказалась.

– Пойдем, пока туман немного рассеялся. Вдруг нам повезет, и мы найдем воду и укромное место.

Туман и впрямь продолжал исчезать буквально на глазах, не полностью, но видимость уже увеличилась примерно метров на двадцать. Отлично, не хотелось бы сюрпризов, которые могут появиться неожиданно, когда дальше своего носа ничего не видно, так недолго и со скалы рухнуть.

Мы прошли в противоположном от Сосуда жизни направлении довольно далеко, во всяком случае, мне так кажется. Чем дальше – тем лучше. Не знаю, как долго мы идем, но за все это время мы перекинулись только парочкой фраз, и мы так ничего и не нашли: ни воды, ни укромного места, где можно было бы хоть ненадолго спрятаться от глаз случайных встречных онгхусов.

Когда я уже готова была сдаться и развалиться на земле прямо тут, на этом самом месте, Кремер махнул рукой, указывая мне на что-то.

– Что там? Нашел воду?

– Кажется, там нечто вроде входа в пещеру. Пойдем туда.

Он не стал дожидаться отклика от меня, он был твердо намерен добраться до этой пещеры и вновь взял меня за руку, что вынудило меня ускориться. Я не сразу увидела вход, о котором говорил чародей, но Кремер оказался прав, это явно

пещера, и в нее был вход. Одна проблема – там было очень темно и неизвестно, что или кого мы там можем встретить. Остановившись в замешательстве у самого входа, мы переглянулись.

– Ну, твой выход, Фитилёк.

Кремер опять шутит и опять отпускает нежные слова в мой адрес, и это отлично помогает мне выйти из оцепенения. Так странно, ведь всего пара слов, пара улыбок от Кремера, и я словно приняла душ и уже вернулась к жизни.

– Ты о чем?

Хотя я уже догадалась, о чем он.

– Зажигай, а я буду управлять твоим огнем.

А вот эти слова вызвали во мне эмоцию, которую я совсем не ожидала испытать, – *ревность*, что в данной ситуации странно и неуместно. Но первой реакцией на это было крикнуть Кремеру: «Только я могу управлять своим огнем!» Своим огнем? Я неожиданно поняла, что начала относиться к огню как к личной собственности. И если кто-то на него посягает, то может встретить яростный отпор. По ощущениям это сравнимо разве что с тем, как если бы кто-то в грязной одежде садился в твою только что вымытую до блеска машину. Ровно так слова Кремера меня покоробили. Хотя здравый смысл подсказывает, что Кремер не посягает на мой огонь. Но чтобы отпихнуть от себя ревность, мне пришлось постараться.

– Пещера, огненный шар и твой телекинез... Дежавю ка-

кое-то.

Взяв себя в руки, я поспешила заглушить в себе остатки отвратительного чувства.

Кремер рассмеялся. Его хриплый смех и искренняя улыбка согрели каждую клеточку моего тела. Какая, к черту, ревность? Какая мертвецкая тишина или ловушка? Мне просто захотелось продолжать слушать и впитывать этот смех, такой заразительный и такой нужный в данный момент мне.

– Только на сей раз нет воды, и я очень прошу – постарайся не сжечь меня.

Эти слова он чуть ли не промурлыкал. Если он желал «завести» меня, ему это удалось! Улыбка не сошла с его лица. И это все, чтобы я не напортачила с огнем? Или же тут нечто большее? Он сказал это не для того, чтобы поругаться или отчитать меня, он явно хотел отвлечь меня, хотел, чтобы я думала лишь о нем, и не в самом невинном ключе.

– Только если ты не будешь так соблазнительно близко находиться возле меня, Кремер. – Я вернула ему выпад в мою сторону.

– О! Этого я не могу тебе обещать.

Проклятый чародей! Ну почему надо быть таким чертовски горячим? Мне стоило больших усилий не затребовать с него клятвы, что он не посмеет отдалиться от меня. Но мне еще необходимо создать огненный шар и при этом не взорвать тут все вокруг. Забавно, недавно я боялась того, что не смогу вызвать огонь, а теперь боюсь вместо шара разнести

все в пух и прах! Время для бессмертных течет в ином ритме – это я слышала, но никогда раньше не понимала истинного смысла этой фразы.

Кремер же так и стоял, улыбаясь и наблюдая за моей реакцией. Я все-таки постаралась сконцентрироваться на своей руке, а не на реакции моего тела на соблазнительную улыбку Кремера, на блеск в его глазах и его сильное тело. А чтобы не чувствовать его соблазнительного запаха, я даже стала дышать через раз, иначе об огне я уже и не вспомню.

Не успела я подумать о шаре, как рука моя нагрелась и из центра ладони появился шар. Круглый, идеальной формы – то, что надо в пещере. Нельзя не отметить, что теперь огонь появляется быстрее – при малейшем формировании его образа в мыслях. Я немного подбросила шар, и тут же его перехватил Кремер, приблизив к себе на расстояние вытянутой руки. Мысленно я похвалила себя: у меня все лучше и лучше получается управляться со своей силой. Но в то же время меня потревожило мимолетное волнение: сила слишком быстро проявляет себя. Я за ней не поспеваю!

– Ты специально так говорил со мной сейчас, не так ли? Чтобы я смогла без проблем сконцентрироваться на огне и вызвать шар, не отвлекаясь на мысли о нашем плачевном состоянии?

Пытаясь себя успокоить, я решила переложить вину за яркие эмоции на чародея.

– И у меня получилось, так ведь?

Я закатила глаза, когда увидела его самодовольное выражение лица. Он даже не пытался скрыть, что манипулирует моими эмоциями.

– Следуй за мной.

Что я послушно и сделала, подойдя вплотную к Кремеру. На грани жизни и смерти нет необходимости носить маски, можно смело открыть свою душу и всего себя окружающему миру. Об этом я думала и раньше, но, может, и Кремер теперь так считает? Именно это сейчас происходит между нами?

Мне не хочется больше ничего скрывать: ни свои страхи, ни обиды, ни ожидания! Мне сейчас кажется, что для этого настало подходящее время, пусть короткое, всего лишь миг, но это время полностью принадлежит нам и только нам. Время, когда ты можешь быть самим собой! Время, которое замирает, даря последнюю возможность открыть себя миру. Дает шанс заявить о себе. Минута превращается в вечность, секунда – в час, время то сжимается, то расправляет крылья, и в этот самый миг ты действительно свободен. Свободен в своих мыслях. Тебе нет необходимости подвергать сомнениям свои мечты – ты и так знаешь, что они не сбудутся, поэтому просто можешь пуститься навстречу самым дерзким своим желаниям. Смертные в такие мгновения зовут священника, а бессмертные призывают самое дорогое, что у них есть, – честность перед собой прямо здесь и сейчас – во времени, в настоящем!

У нас с Кремером времени почти не осталось. Он древний бессмертный, я же пока не достигла бессмертия. Я зависла где-то посередине между ожиданиями обычного счастья и желанием встретить свою смерть среди бессмертных. Но если Кремер решил проявить нежность ко мне только потому, что он чувствует, как истекает его «бессмертное время», то я могу признаться, что, несмотря на все обстоятельства, на все причины, по которым Источник не может быть с чародеем, на все табу и запреты, я люблю его. Да! В эту самую минуту я призналась самой себе, и мне больше не страшно! Я зависима от Кремера окончательно и бесповоротно. Я использую всю свою немногочисленную *пока* силу, чтобы спасти и увеличить наше *время* с ним. Я буду спасать даже не столько его, сколько наше совместное существование. Не знаю, о чем сейчас думает Кремер, но я скоро это выясню!

Насколько решительно я была настроена, этот мужчина даже не подозревал. Он держал удаленно мой огонь, и, несмотря на мою ревность, которая ранее меня уколола, нет картины более горячей, чем эта! Мужчина моей мечты, самый прекрасный представитель мужского пола, и не только среди чародеев! Какая, к черту, ревность?! Это самое прекрасное, что я видела, – мой огонь и Кремер! Его вытянутая рука была напряжена, отчего мышцы прорисовывались настолько отчетливо, что хотелось вцепиться в него и никогда не отпускать. И даже разорванная футболка и пот, смешавшийся с пылью, не смогут уменьшить моего желания быть

схватенной этой рукой и притянутой к самому обжигающему телу.

Мне даже не надо смотреть на Кремера, его горячее тело в этой пустоте без звука и солнца ощущалось как мое продолжение, как часть моей силы, как часть моей души, которая входит в последнее наше пристанище с огнем, созданным мной и словно говорящим: твоя сила – твоя слабость, ты должна подчиниться силе огня и мужчине, который умеет управлять тобой. Кремер управляет не только мной, но и моим огнем, моими мыслями и всей моей жизнью. Осознает ли он это? Чувствует ли свое превосходство? Именно превосходство, именно свою власть надо мной! Да простят меня мои предки и Дуфф-Кайден, но мне плевать на ваше мнение! Кремеру я готова отдать всю себя, и я верю ему, я вверяю ему себя полностью и без остатка!

Именно сейчас и именно здесь маг и Источник полностью отдает себя в руки чародея, в руки, которые сейчас держат огонь, и мы вместе с чародеем приближаемся к смерти.

Разве не для того, чтобы уничтожить магов, были созданы чародеи? Кремер проявляет ко мне заботу, Кремер противоречит сущности чародеев. И ради чего? Ради меня? ДА!

И теперь я знаю, я это просто ощущаю своей кожей: мы исключение из этого приговора! Он должен убить меня, но вместо этого я встречаю заботу, понимание... страсть! А я? Я должна его ненавидеть, я должна гореть желанием отомстить за всех магов, включая моих родителей, но вместо

этого я хочу только видеть его улыбку и слышать его смех и хриплый голос, которым он произносит слово «Фитилёк»!

Кремер мягко переплел свои пальцы с моими и повел меня в бездну.

– Ну, Алика, тут хотя бы нет воды, что уже радует!

Улыбнувшись, я крепче сжала его руку. В прошлом измерении – в Эвладии – я пребывала в ощущении строчки на мониторе, измеряющем сердцебиение: я то взлетала вверх, то падала вниз. Мои эмоции скакали бесконтрольно – от страха до злости и в обратном направлении. Но оказавшись на земле Хафисвальда, я полностью успокоилась. Теперь эмоции медленно проплывали по венам, и только наши с Кремером взгляды друг на друга могли хоть немного всколыхнуть тонкую линию на воображаемом плачущем мониторе где-то между жизнью и смертью.

Мы сделали шаг, затем другой... Смертным и бессмертным можно тут находиться только в состоянии мертвых душ, и никак иначе. И мы оба это осознавали. Поэтому продвигались, ощупывая пальцами рук и носками ботинок каждый сантиметр поверхности, мы знали, что эта среда враждебна нам.

– Знаешь, то, как ты управляешь огнем, МОИМ огнем, – очень сексуально! Очень! Я даже больше могу сказать: это безумно заводит меня даже в такой ситуации!

– Фитилёк, это для тебя захватывающе и без учета ситуации с огнем.

Он пытался шутить, но готова поклясться, что его пульс ускорился.

Кремер улыбался. Причем не снисходительно, как многовековые бессмертные, это была улыбка соблазнителя. Эта улыбка не угрожала и не предупреждала о смертельных последствиях причин, которые ее вызвали. Нет, это было нечто такое, о чем иные бессмертные могут только мечтать.

Он прав. Все мои яркие впечатления до сих пор ограничивались походами в кино и редкими пьянками чародеев в общежитии. А события последних дней проглотили бы меня и без участия Кремера. Но разве его присутствие не делало мою жизнь красочнее? Разве его улыбка в подобной ситуации не способна на возрождение оптимизма в моей душе?

– Да, совсем недавно меня заботили только мои неудачи в приготовлении зелий и как нам с Ремисом выжить, а теперь...

– Как выжить нам?

– Верно.

Немного подумав, я продолжила:

– Уверена, ты сталкивался с похожими ситуациями, и, небось, тебя забавляет моя реакция на происходящее с нами, но я просто благодарна тебе, что ты хотя бы не смеешься надо мной.

– Алика, – он резко остановился и развернулся ко мне, но рука, удерживающая мой огонь, даже не дрогнула, – я никогда не был в похожих ситуациях и никогда не чувствовал се-

бя более бессильным, чем сейчас! Но...

Он выпустил мою руку и потянулся к моему лицу. В этот раз я не стала прижиматься к его теплой и сильной ладони, как бы этого мне ни хотелось. Больше этого я желала услышать, что он скажет.

– ...если бы не ты, если бы не твоя магия и не твоя сила, стоял бы я сейчас перед Фейсалом, чего я бы не хотел!

Это говорило о многом и ни о чем одновременно. Он мне просто благодарен, желает меня как своего напарника, а может, все же видит во мне женщину? Его эмоции невозможно было прочесть, я не могу понять, о чем именно Кремер думает и что чувствует. Испуган ли, понимает ли, что меня уже мало заботят взаимоотношения магов и чародеев, поскольку я в этом уже не буду принимать участия.

– Кремер, я должна тебе признаться...

Я о многом желала ему сообщить. Например, когда я узнала, что мы с Ремисом маги, не хотела в это верить, поскольку сильно испугалась за наше будущее. Зато когда узнала, что я – Источник, во мне зародилось новое чувство. И это чувство силы! Я больше не неудачник-чародей, я теперь могу совершать что-то значимое, чего не могут другие, пусть это и подвергает меня опасности. Также я хотела ему рассказать о том, что, как и многие другие женщины, я мечтала о нем, но именно я оказалась с ним в бою и сражалась на равных. И теперь, когда я видела его «в деле» и когда он видел меня, я хочу быть уверенной, что это было не просто партнер-

ством в борьбе за жизнь! Но в то же время я отдаю себе отчет в том, что моя безопасность теперь не занимает меня, как прежде. Поэтому и не стану требовать гарантий, в этом просто нет смысла. Я могу ему доверять только потому, что живыми мы отсюда не выберемся. Какой смысл городить между нами стены?

Вместе с этим пониманием, а также с тем, что я полностью осознала, кто я и что могу, страхи за мою жизнь отошли на второй план. Мне не нужны заверения Кремера в том, что он не желает причинить мне вреда, мне не нужно знать, что он думает о магах, все, о чем я хочу знать теперь, – желает ли он меня настолько, чтобы полностью открыть свое сердце? И это теперь заботит меня больше, чем жажда жизни.

Кремер ведь никогда не зачитывал мне «правила поведения в отношениях с Кремером». Я сама их придумала. Готов ли он разрушить все свои «мы не можем этого сделать» ради меня? И почему мне кажется, что в этом я абсолютно права? Почему мне кажется, что Кремер именно со мной наплевал на все свои привычки при общении с женщинами и я для него нечто совершенно необычное, со мной он смог испытать новые эмоции за всю свою долгую жизнь?

Не успела я открыть рот, чтобы вывалить все эти мысли на Кремера, как он резко схватил меня свободной от огня рукой и грубо прижал к себе. Его губы накрыли мои, и все сомнения исчезли, стали лишь дымкой, как туман, который рассеивается, – все просто испарилось.

Его губы обещали больше, чем могли бы слова. Он целовал меня властно и настойчиво. Это сильнее, чем было в землях Фейсала, это мощнее, чем могла выдержать я. Это то, что подменило собой все возможные из существующих эмоций. Я люблю Кремера!

Его губы не дали мне шанса даже на мгновение ему противостоять. Он лишил меня воли, и я не была уверена, что меня это хоть немного беспокоило. Как только я осознала, что чувствую к Кремеру, словно отпустила нитку, за которую держишь воздушного змея, – я позволила себе улететь за своими чувствами.

Лишь краем уха я слышала шипение огня и чувствовала запах озона, значит, Кремер продолжает телекинезом поддерживать мой огонь. Но, закрыв глаза, я не видела света, так что от моего огня не было ровным счетом никакого толка. Кремер своими губами посылал в каждый участок моего тела энергию, способную заглушить во мне все, кроме горячего желания заполучить больше от этого мужчины.

– Кремер...

Я смогла на мгновение оторваться от его губ. Простонав его имя и сделав глоток воздуха, я снова уступила натиску чародея. В ответ на мой стон Кремер издал звук, похожий на рык. Это придало мне уверенности, и я обняла его крепкий торс еще сильнее, насколько это было возможно. Мне дико мешал его чародейский пояс, но, даже будучи охваченной страстью, я все же не решалась сдернуть его.

Кремер не сбавлял натиска, несмотря на то что был одновременно занят огнем.

Я наслаждалась нашей близостью и своей властью над этим сильным мужчиной.

– Мы должны остановиться, мы не можем продолжать, когда не понимаем, где мы.

Нет, я не хотела останавливаться, но, когда я в последний раз потерялась в ощущениях, Кремер загорелся в прямом смысле этого слова.

От моих слов и от того, что я немного отступила от чародея, его глаза широко раскрылись, а зрачки сузились. Может, я хожу по лезвию бритвы? Я обратила внимание на то, как его тело буквально звенит от напряжения и как он пытается себя сдерживать и контролировать. Это как шаровая молния, запертая в коробке, – в любой момент он готов был взорваться.

И тут во мне заиграл своего рода азарт – мне хотелось узнать пределы этого контроля. И давно ли я стала такой смелой с Кремером? Я улыбалась себе самой. Не надо быть сильным магом, достаточно быть женщиной, которую желают, и ты можешь обладать мужчиной, в твоих руках власть над ним. Главное – не стать диктатором, чтобы он не устроил революцию. Нужно чувствовать грань дозволенного, того самого тонкого края мужественности, которую нельзя пересекать, но с которой так сладко можно играть.

И я отдалась этому ощущению сполна! Власть, сила, же-

лание и толика проклятой неуверенности, которая еще оставалась во мне, но была лишь сладкой присыпкой к вкусно-му кусочку торта, – все это переполняло меня. Я ждала этого ощущения, я мечтала о нем, но даже не подозревала, насколько это мощная энергия. Она может буквально взрастить даже в самой запуганной и неуверенной в себе женщине неистовое желание и понимание, что ты можешь обладать мужчиной, которого так сильно любишь.

– Кремер, – промурлыкала я. – Ты же понимаешь, что я могу сейчас немного забытья и поиграть с тобой, пока не все твои руки свободны и ты не желаешь сгореть?

– С чего ты взяла, что я уже не в огне?

Не было улыбки, не было осуждения на его лице, была прямая констатация факта.

И как же мне это нравится!

То, как играли его мышцы, как он пытался контролировать свое дыхание и явно проигрывал эту битву, его запах, его отклик на мои поцелуи, а затем мои слова – все это было словно наркотик для меня, мой личный и пагубный наркотик. Его слова меня обрадовали и придали смелости. Кремер шагнул ко мне и жестко положил свою руку на мой затылок с явным желанием притянуть для поцелуя, его дыхание стало тяжелым, что давало мне все основания понимать, что я на верном пути. Но я с легкостью высвободилась из его захвата и сделала еще один шаг от него в притворном смущении.

– Кремер...

Он смотрел мне в глаза, и по его лицу было понятно, хоть и мимолетно, что он слушает меня, но не в состоянии спорить.

– Мне кажется, мы сейчас должны остановиться.

Я произнесла эти слова мягко, но уверенно, и то, как он заморгал, словно в его глаза попал песок, заставило меня постараться скрыть внутренний триумф и улыбку. Свою собственную улыбку я скрыла от Кремера! В этой маленькой битве – умении сдерживать себя – я вышла победителем у многовекового вояки и покорителя женских сердец.

Глава 25

Какое-то время мы еще стояли молча, возвращая дыханию привычный ритм.

Вокруг нас стояла мертвая тишина, тумана в пещере не было. И еще тут не было серых туч, которые снаружи пещеры висели над головами тяжелой, густой массой. Кажется, протяни руку, и ты можешь их коснуться, хотя это всего лишь иллюзия. Не было неба в привычном понимании, не было дня или ночи, не было непроницаемого кокона, обнимающего тебя. Ничего этого больше не было! Там, где находились мы с Кремером и *наш* огонь, были лишь наши эмоции! Эмоции, которые мастер маскировки в лице чародея не мог более скрывать, была я с ощущением триумфа в груди, а еще неизвестность, которая присутствовала незримой тенью, но которая с каждым шагом намекала на нашу гибель.

Кремер встряхнул головой и нервным движением поправил свой чародейский пояс, словно напоминая себе, что он не юнец, который оказался на первом свидании.

– Ты права, нам следует остановиться.

Вот только не могла я с абсолютной уверенностью сказать, что я права на все сто процентов.

Откровенно говоря, не было никакого объективного основания заходить глубже в пещеру. Она на земле, которая

создана для мертвых. Что мы могли бы тут обнаружить? Но по странной причине это казалось... правильным решением.

Не ответив на слова Кремера, я поправила на себе одежду, вытянула руку и усилием воли придала огню больше яркости, на что получила одобрителный кивок от чародея. Далее я использовала собственный телекинез, забрав «из рук» Кремера свой огонь и разместив его у себя на ладони, и словно фонариком стала освещать наш путь.

– Пойдем!

Мы направились к пещере, и в сердце что-то определенно екнуло. Мне вновь показалось, что я просто должна войти сюда. Как будто это конечная цель нашего адского «пикника».

Кремер не отреагировал на то, что я забрала огонь, а словно тень тихо шел рядом. Краем глаза я заприметила, что он приложил руку к своему поясу, а вернее, к определенному карману с зельем. В боевиках так прикладывают руку к кобуре с пистолетом в опасных ситуациях. Невольно мои губы скривились в усмешке. Как по-разному мы смотрим на мир: меня тянет к этому месту, а Кремер очень напряжен и чувствует опасность. Хотя, черт возьми, именно поэтому магов почти не осталось, а чародеи процветают! Чародеи прощитывают каждый свой шаг, в то время как маги беспечно кидаются в омут с головой, рассчитывая исключительно на свою силу и напрасно надеясь на свою якобы неуязвимость.

– Ты очень напряжен. Есть сомнения? – с усмешкой спро-

сила я.

Я вовсе не хотела шутить, просто так странно, что я, смертная магиня, чувствую себя увереннее, чем многовековой убийца.

– Сомнения – это первый шаг к выживанию бессмертного. Ты просто слишком юна и неопытна, чтобы полностью осознавать ситуацию.

Ой!

Высокомерный болван. Хотя, должна признать, он прав, конечно.

И вот, сделав несколько неуверенных шагов, мы еще немного углубились в пещеру. И тут стали понятны две вещи. Во-первых, это не просто какой-то разлом в скале, создавший проход внутрь. Это искусно вырезанный проход в пещеру, украшенный резьбой и рельефными рисунками. Во-вторых, из самой пещеры исходили невероятные ароматы, никак не увязывающиеся с абсолютно унылой окружающей средой снаружи, где нам не встретилось ни единой травинки или уж тем более цветочка. Значит, в пещере кто-то живет, ведь камни не могут источать подобный аромат.

Мой взгляд задержался на рисунках, я даже остановилась, чтобы разглядеть их получше. Это были ужасные и одновременно захватывающие сцены битв бессмертных всех мастей. От разглядывания «пещерной живописи» меня оторвал очень сухой и жесткий голос Кремера:

– Алика, держи наготове огонь!

Лицо наемника не выражало ничего, кроме убийственно-спокойствия, а руки сжимали какое-то зелье. Но почему я остаюсь при этом абсолютно спокойной?

Я чуть выше подняла руку с огнем и сделала уверенный шаг вперед. Ну а что? Просто стоять и вдыхать неизвестные ароматы?

Продвигалась я медленно. Кремер шел настолько близко, что я слышала его ровное дыхание, более того, он свободной от зелья рукой жестко держал меня за локоть. Боялся упустить? Это так мило! Или защищал меня? Что не менее мило моему сердцу.

Мой защитник! От этой мысли сердце плавилось в самом сладком огне.

Под ногами чувствовалась все та же почва, что и вне пещеры. Хотя мы продвигались тихо, наши подошвы, натыкаясь на мелкие камешки, создавали довольно много шума в замкнутом пространстве, а эхо от нашего шарканья ногами не позволяло оставаться незамеченными.

Мой огонь хоть и был облачен в маленький шар, который уютно расположился в моей ладонке, но его было вполне достаточно, чтобы ярко освещать пространство вокруг нас в радиусе метров десяти. Но это Кремера не сильно успокаивало, видимо: с каждым шагом его тело все сильнее напрягалось.

Я опять стала рассматривать рисунки.

В основном там были сцены из истории людей: поклоне-

ние богам, колесницы, изображения древних сооружений. Но чем дальше мы продвигались, тем чаще встречались сцены из истории бессмертных. Среди них – суд Фейсала, турниры акритов на арене, напоминающей Колизей... А на картине, что слева на своде потолка, было изображено, как территы заботятся о растениях и животных. Радостные и не очень, все картины детально прописаны, максимально эмоциональны и точны. На них изображены почти все бессмертные и боги, все, кроме... магов. Даже вампиры, которые хоть и не являются врагами номер один, но все же не слишком почитаемы среди остальных бессмертных! А магов словно никогда не существовало, их стерли из памяти, не пожелали потратить даже минимум краски и времени, чтобы хотя бы тенью или контуром внести их в историю жизни бессмертных. Их не посчитали достойными того, чтобы их запечатлели в этой богами забытой пещере? Хотя о чем я? Скорее, эта пещера и принадлежит богам, а значит, это не пещера забыта, это маги забыты и не стоят того, чтобы им дали хотя бы пять сантиметров каменной и неосвященной стены для их упоминания.

Вероятно, Кремер почувствовал мое унылое замешательство и чуть ближе притянул меня к себе.

– Ты в порядке?

– Да.

Я постаралась взять себя в руки после осознания того, что все кругом ненавидят магов, даже в землях душ. Забавно,

картины здесь расположены, как фотографии друзей и ярких событий из жизни на стене в спальне, – все в хаотичном порядке, но видно, что каждая деталь запечатлена с любовью, с желанием сохранить памятные минуты в веках, и только магам тут не нашлось места. Нас предпочли стереть из памяти как нечто недостойное и ненужное для упоминания.

Интересно, Кремер заметил это отсутствие любви к магам?

– Не вижу ни одного изображения магов.

– Да? Не обратил внимания. – Кремер пожал плечами, словно отполированные до блеска стены и невероятной красоты сцены несколько его не заинтересовали.

Пытается меня подбодрить и успокоить? Я начала замечать это в нем. Вначале он с резким осуждением говорил о магах, затем всячески пытался меня чему-то научить, объяснить, а теперь даже поддержать. Интересно, что бы сказали его знакомые чародеи, узнай они о том, что Кремер даст мастер-классы магу? Осудили бы его? А маги? Что бы на это сказали маги? В легком и небрежном ответе Кремера я смогла уловить то, что он тоже заметил отсутствие магов на изображениях и пытается скрыть тот факт, что и ему это не по нраву.

Тем временем из длинного коридора мы вошли в невероятного размера круглый зал, в центре которого было нечто похожее на потухший очаг.

Прямо напротив входа у стены огромный прямоуголь-

ный каменный стол с немного скошенными углами, а вокруг него – вытесанные из цельного камня стулья с массивными узорчатыми спинками. Вокруг только камень и сама скала, но убранство потрясающе красиво своей умиротворенной скромностью. Не было тут золота или драгоценных камней, все в одном цвете простой скалы и обычного камня, но от этого декор помещения не умаялся. Было в этом отсутствии полихромии нечто восхитительное.

От захвативших меня эмоций шар в руке оживился и увеличился в размере, что сделало освещение пещеры еще ярче и позволило оценить размер и красоту жилища в полной мере. Увиденное буквально выбило весь воздух из моих легких.

– Вау! – приглушенно на выдохе произнесла я в восхищении.

Кремер отпустил меня и шагнул вперед, оглядываясь по сторонам. Он тоже был, мягко сказать, удивлен, но от этого его выражение лица не изменилось. Его эмоции можно прочесть по неким едва заметным деталям, как, например, то, что он уже не держал зелье в руке, спина его была расслаблена, поза не выдавала желаний убить, а взгляд медленно перетекал от одного предмета удивительной обстановки к другой.

– Тут никто не живет, это место необитаемо.

Я наблюдала за реакцией Кремера и за тем, как это массивное тело легко и грациозно двигается, поэтому мне не сразу удалось «переварить» его слова, но потом я просто

уоставилась на него в полнейшем непонимании. На столе была еда, у стены справа от входа – кровать, заправленная ярко-красным постельным бельем с подушками, которые я уже мечтала познакомиться со своей головой. Помещение было настолько чистым, что я даже уоставилась себе под ноги, чтобы понять, а не наследила ли я тут, и чтобы еще раз удостовериться, что да, я уже не стою на земле, что была у входа в пещеру. На полу не было камней и песка, вместо этого – блестящий мрамор, ну или то, что напоминало мраморный пол. Явно это место кто-то посещает, иначе откуда на столе свежие фрукты и графины с водой и вином, ну или опять-таки с тем, что напоминает воду и вино?

– С чего ты взял?

Он жестом руки указал на место, которое напоминало очаг. Идеальной круглой формы и выложенный камнями очаг. И? Что я должна увидеть? Видимо, прочитав в моих глазах вопрос, Кремер покачал головой, словно перед ним ребенок, который в парке аттракционов испачкался мороженым и, значит, испортит своим видом все фотографии совместного семейного отдыха.

– Он идеально чист, буквально ни пылинки, ни соринки.

– Тут довольно тепло, может, просто не было необходимости его разжигать?

Что? Ну что такого я сказала? Чего он так на меня смотрит? Кремер просто опустил руки и тяжело вздохнул, не отводя от меня взгляда. Потом захотел что-то сказать, переду-

мал, но потом все же озвучил вслух свою мысль.

– Магам и впрямь надо проходить курсы... я не знаю...
– он взмахнул руками, – курсы по выживанию или ориентированию на местности.

Это было почти обидно.

– Скольких магов ты знаешь? Ну из тех, кто выжил? Может, если бы каждый бессмертный не считал своим долгом нас убить, у нас и нашлось бы время отправиться в лагерь скаутов.

И я тут же начала вспоминать: у чародеев не было подобных курсов. Такого бы я не пропустила.

Губы Кремера чуть заметно дернулись, он явно пытался скрыть улыбку.

– Алика, оглянись и посмотри внимательно!

После того, что мы с ним пережили, мне стало как-то не по себе от такого нравоучительного тона, особенно если учесть, что он изо всех сил старается выглядеть очень серьезным и таким... всезнающим. Но, с другой стороны, между нами разница – века! Может, он прав?

– Просветишь или так и будешь тут стоять с видом Йоды?

– Камин чист, еда свежая, на скамье, – он указал рукой на стену слева от входа, – лежат две стопки одежды: одна для мужчины, другая для женщины. И пристрелите меня, если я не прав, но одежда нашего с тобой размера – я уверен!

Пока я переваривала информацию, Кремер продолжал:

– Туман, с самого начала... он был просто невероятно гу-

стой – ничего не видно. Но затем он стал исчезать, и, может, ты и не заметила, но исчезал он не повсеместно, нет! Туман указывал нам путь, он вел нас, то исчезая, то усиливаясь в определенных местах, чтобы мы шли туда, где мы могли хоть что-то видеть.

Тут он прав, вначале я подумала, что туман просто неравномерно покрывает местность, но если задуматься, то мы и впрямь шли там, где тумана было меньше. Но ведь это логично? Идти туда, где хоть что-то видно.

– Хорошо. Ты хочешь сказать, что нас привели в ловушку?

Но эта ловушка мне очень нравится! Этого я, конечно, Кремеру не сказала, а то он и так меня за несмышленьша принимает. Я оглянулась в сторону коридора. Может, нам лучше покинуть это место? Не то чтобы я хотела уйти отсюда... Еще раз посмотрев на кровать, я вернула свое внимание к Кремеру.

– Если это ловушка, тогда зачем все это? Кому это надо?

– Я не знаю. Вдруг это извращенное чувство юмора богов? Кто знает? Не теряй бдительность!

Я еще раз посмотрела на огромную кровать. Ну что же? Как раз бдительность с одним чародеем я уже потеряла и абсолютно не жалею об этом.

Глава 26

Приняв ледяной душ (единственный способ остыть и немного прийти в себя), я вышел в холодную комнату. В моей берлоге всегда было довольно прохладно. Это и стало причиной выбора именно этой комнаты в доме. Окна прикрывала густая растительность снаружи, а еще комната находилась в северной части дома. Это гарантировало мне лютый мороз зимой и легкую прохладу летом, а это то, что необходимо для восстановления сил после битвы. Как ни странно, холод не дает мне окончательно утонуть в моих отчаянных попытках вспомнить, для чего я еще цепляюсь за жизнь.

Я натянул на себя чистую одежду, состоящую из белой футболки и помятых джинсов, которые дожидались меня в этом доме около трех месяцев. То ли душ, то ли тот факт, что мы нашли живых Источников, повлияли на то, что во мне присутствует некий оптимизм, и, если не брать во внимание некую усталость после боя, сейчас я вполне бодр. Как мало мне нужно сегодня для счастья: душ, чистая одежда, Источник в нашем доме и почти заживший нос от его же прямого удара кулаком.

Ладно, он прощен, особенно если учесть, что он только что потерял сестру и свой привычный образ жизни. Несмотря на то что с Ремисом мы очень разные, в ощущении пани-

ки, когда ты потерял сестру и ничего не можешь с этим поделать, тут мы с Источником близнецы. Я не собираюсь заводить друзей или открывать «клуб по интересам» только потому, что мы оба ищем кого-то, но я точно могу просчитать его шаги примерно на сто лет вперед. А еще мною движет ощущение огромной дыры в сердце, которая не зарастает, а лишь увеличивается с каждым днем бесполезного поиска.

Мне хотелось бы дать ему парочку советов, сказать, что, будучи магом, нельзя привыкать к чему-то или кому-то. Нельзя привязываться, нельзя открывать душу и сердце, потому что завтра у тебя могут все это отобрать, вырвать прямо из груди, оставив тебя одного, покалеченного, и тогда ты станешь завидовать своим мертвым друзьям и близким. Иногда, в чем даже себе признаться боюсь, я завидую погибшим родителям – они потеряли дочь, они страдали от этой мысли. Но они погибли и больше не испытывают мук потери. А что остается мне? Продолжать страдать и завидовать родителям. Может, именно поэтому Дориус и Элли называют меня смертником в бою? В боях я кидаюсь на амбразуру: везде на передовой, принимаю удар на себя, бью первым. И это вовсе не потому, что я пытаюсь спасти Элли и Дориуса, в чем я никогда не признаюсь, нет! Это потому, что я где-то в подсознании завидую родителям, которые своей смертью сняли с себя все обязательства и волнения. Маг живет, теряет и погибает. Это стиль современного мага: постараться выжить, найти способ выжить, а еще попытаться каким-то способом

захотеть продолжить свой путь.

Такова сейчас жизнь магов, и Ремису скоро придется это узнать. Но я не буду тем, кто сообщит ему об этом. Он, как и я, вскоре сам познает всю гамму безысходности. Он узнает, что, несмотря на его силу, возможности его ограничены. Он делает шаг, а на него уже объявлена охота! Он должен думать не только о своей цели – найти сестренку, он обязан позаботиться о своем выживании, иначе труп не найдет сестру! Но при всем понимании этого он будет с упрямством быка продолжать поиски своей крови и плоти, части своей души, продолжать поиски, особо уже ни на что не надеясь. Сходить с ума от одиночества и бессилия, осознавая, что он молекула в мире бессмертных, в мире, где он, обладая огромной силой, хрупкая и беспомощная пылинка.

Прислонившись лбом к холодному зеркалу, я на миг задержал дыхание. Первая моя мысль, когда я осознал, что у нас в машине два Источника: они помогут найти сестру! Но затем мозг вернулся на место, и я понял, что эти дети сами нуждаются в помощи.

А что если Источники могут не только помочь мне найти сестру или, если мыслить более глобально, поспособствуют выживанию магов, что если мы вместе сможем что-то изменить? Ну хотя бы показать, что мы не угроза окружающему миру и просто хотим жить в мире и спокойствии? Что мы не чума, от которой надо непременно избавиться! Ведь эти двое жили среди чародеев, их знают, Ремис даже выступает

ярим защитником территорий.

Стукнув лбом по стеклу раза три, чтобы отрезвить голову, я отстранился и взглянул на свое отражение. Кого я обманываю? Источники – это враги номер один для всех, а мы, находясь рядом с ними, повысили шанс своей скорой смерти процентов на сто. Многовато для нашей скромной компании из трех магов. Ибо все трое стоять будут насмерть, чтобы защитить Источников.

Еще разок посмотрев на себя в зеркале, я вернулся в реальность. Мое отражение было унылым и тоскливым зрелищем. На меня обреченно смотрел полными отчаяния глазами потрепанный маг со сломанным носом. Я могу притворяться сильным, я могу играть любую роль. Но Ксилу, мою сестренку, я не в состоянии найти! Неважно, чего мы хотим, боги нас приговорили, и это только вопрос времени, когда нас всех уничтожат: сестренку, Дориуса, Элли, Ремиса, Алику... Хотя, думаю, она уже мертва, но эту мысль я деликатно сохраняю при себе.

Черт, мы думали, что жизнь рядом с чародеями позволит нам существовать, будучи незамеченными, но при этом защищенными от иных бессмертных. Ведь ни один бессмертный не заходит на их территорию без приглашения, а значит, спрятавшихся под защитной магией Элли от чародеев нас точно никто не потревожит. И вот – мы потеряли нашу крепость. Что теперь?

Эту маленькую хижину в глубине леса тоже скоро найдут.

Нас уже вычислили и обнаружили, вскоре найдут и наше временное пристанище. Придется опять бежать и опять искать новое место... не жительства, а *укрывательства*.

Даже странно, что нам троим удавалось так долго прятаться, а значит, выживать.

Где ты, сестренка? Где ты прячешься? Где ты выживаешь? Снова и снова я задаю себе эти вопросы. Может, пора уже прекратить ее искать и смириться? Ну не могла маленькая девочка-маг выжить одна в неизвестном и озлобленном мире, наполненном желающими уничтожить любого мага, пусть и ребенка.

Глядя в огромные испуганные глаза Источников, я подумал: а что если и ее приютили чародеи? Да хоть гоблины из ночных кошмаров, но только чтобы она была жива! Что если она жива и не знает, что она маг? Возможно ли, что кто-то сжалился над тринадцатилетней девчонкой и вместо кровавого убийства беззащитного мага предложил ей защиту? А что если она голодает или ей сейчас страшно? Вот в эту самую минуту, когда ее брат может принять душ и надеть чистую футболку, ей в этот момент страшно и больно? Помнит ли она меня? Зовет ли меня на помощь? Есть ли хоть кто-то, кто может ее утешить и помочь?

К черту эти мысли! Я просто знаю, что она жива! Знаю, хоть и сам себе не могу этого объяснить.

Я найду тебя, Ксила, обещаю! Я уничтожу всех, кто посмел сделать тебе больно!

И хоть я давал подобные клятвы себе каждый день на протяжении уже длительного времени, сейчас у меня было странное и необъяснимое ощущение, что я действительно смогу ее найти... скоро, совсем скоро.

Я встряхнул головой, отчего с моих влажных волос в разные стороны полетели капли воды.

Время прийти в себя и вернуться в мир еще пока живых магов и насущных проблем.

Мое возвращение в мир сопровождалось звуками музыки, доносившимися с первого этажа дома. Отлично! Значит, Элли и Дориус уже спустились на кухню. Не знаю, где в данный момент находится Ремис, но ранее я предложил ему комнату своей сестры. Он не понял моего жеста и прошел в комнату, сухо поблагодарив. Для меня же это был сложный шаг, который был понят только Элли и Дориусом, судя по их склоненным головам и неуверенному предложению Дориуса: «Мы можем уступить ему нашу комнату, а мы с Элли будем наверху, в запасной комнате». Я лишь намеренно небрежно дернул плечами и ответил: «Наверху очень холодно, Элли может простудиться».

Конечно, это полный бред, бессмертные не болеют, но мой намек «закрыли тему» был понят четко: Дориус кивнул, опустив глаза, а Элли улыбнулась и как-то особенно нежно обняла меня, чего никогда не делала раньше. Друзья таким образом послали мне сообщение: мы тебя услышали и поняли. Пусть будет так!

Куда бы мы ни переезжали и какой дом бы ни покупали, я всегда оставлял одну комнату для сестры. Я знаю, рано или поздно она будет в ней жить. А пока в этой самой комнате и тупой Источник может душ принять и выспаться. Может, тогда его мозги встанут на место и он уже осознает, что он с нами в одной лодке под названием «Беда».

А сегодня вечером в нашей «лодке» время ужина и бильярда.

Поспешив вниз, ведомый уже распространяющимися по всему дому запахами жареной картошки и курочки, я остановился у бара в гостиной и захватил бренди.

– Наш крутой маг еще не спускался? – задал я вопрос, крутя в руках бутылку моего вечернего алкогольного снотворного. На кухне я увидел довольно обыденную и привычную картину: Дориус что-то читал на планшете, а Элли нарезала салат. Помимо моды и мыльных опер Элли обожала все кулинарные телеканалы или передачи. Это ее последнее хобби я очень поддерживаю. Насмотревшись кулинарных поединков, она потом воплощает самое лучшее из увиденного в жизнь. Хотя мне всегда казалось, что она таким образом хочет порадовать Дориуса и что это ее хобби – не что иное, как попытка заставить зануду Дориуса петь дополнительные дифирамбы ей, прекрасной. И поскольку он просто обожает плотно поесть, голосит как соловей, наигранно чавкая и не забывая целовать при этом Элли. Я тоже люблю поесть, но молча или подкалывая друзей, и, если мне не из-

меняет память, я еще ни разу не похвалил Элли за ее старания. Но ведь она и не для меня старается! Я, можно сказать, случайный гость на их пиршествах.

А еще иногда кулинарные старания Элли превращаются в нечто очень уж изысканное и невозможное к употреблению, что даже обжора Дориус не в состоянии слопать. Но все равно лопают, дабы не обидеть Элли. Благо, мне в этом случае прикидываться не приходится, и я в открытую разогреваю что-нибудь из замороженного дерьма в микроволновке, а Элли за это также вполне открыто называет меня мудаком.

– Маркус, ты сам напрашиваешься. Обязательно накалять обстановку?

Дориус, не отрывая глаз от планшета, но тем не менее нахмурившись, решил быстренько напомнить мне, что я не самый приятный человек в доме.

– А что я накаляю? – Захватив кусочек огурчика с доски, где Элли нарезала салат, я быстро отправил его себе в рот, но тут же получил подзатыльник от Элли. – Он ведь Источник, а значит, крутой маг, разве нет?

– Но ведь не сейчас!

Отодвинув от меня подальше доску с нарезанными овощами, Элли продолжила:

– Скоро он сможет управлять бесконечными силами. Маркус, даже тебе придется научиться его уважать и считаться с ним.

Не то чтобы я был против, просто я еще не простил за-

сранца за то, что он противопоставляет себя всем нам. Якобы он весь такой порядочный и правильный, а мы просто банда убийц несчастных территорий и всего живого вокруг.

– Это произойдет еще совсем не скоро, вначале ему надо дожить до бессмертия, после научиться понимать и правильно использовать силу. – Дориус отложил планшет на широкий подоконник и придвинулся ближе к столу.

– Именно! Дожить до бессмертия, а для этого ему необходимы мы. Так что пусть и он проявит капельку уважения к нам.

До сих пор в голове не укладывается, как Ремис мог поверить, что я смог бы убить ту милую девушку-террита, моего комарика, только за то, что она террит!

Моего комарика? О чем это я?

Я немного встряхнул головой, пытаюсь избавиться от навязчивого образа одной милой территки, и потянулся за еще одним кусочком из нарезанной кучки овощей. Но Элли, стоя у холодильника, в последнюю секунду телекинезом отодвинула от меня доску с овощами еще дальше. Мне казалось, она не видит меня, но нет, кухня – это, можно сказать, вотчина Элли, и она, словно коршун, следит за происходящим.

– Богов ради! Элли, нельзя быть такой жадной!

– Дождись ужина и будь хорошим мальчиком.

Она отвлеклась, чтобы достать какую-то банку из холодильника, но, поймав мой недовольный взгляд, прищурилась и решила, что ее овощи все еще находятся в опасной близо-

сти от меня. Поэтому, махнув пальчиком, перенесла доску с овощами на соседний, маленький журнальный столик на колесах, который выдвигается в гостиную, когда мы хотим посмотреть телевизор и пожевать легкие закуски.

– Вот же зараза! – буркнул я наигранно сурово, хотя, откровенно говоря, я люблю эти мелкие спарринги с Элли.

– Эй! Следи за языком! – Дориус постарался сказать это жестко, но ему не удалось сдержать ухмылку.

Элли же даже не пыталась скрыть свое веселье – ее лицо осветилось широченной улыбкой от уха до уха, и, подмигнув мне, она продолжила готовить.

– Когда вы успели закупиться продуктами?

Никто не заметил, как появился Ремис, но при звуке его голоса все замерли. Видно, что мы тоже пока не привыкли к свалившемуся на нашу голову смертному магу. Не привыкли, что нас уже не трое, а четверо.

– Пока ты был в душе, мы тут грохнули пару смертных. Они просто шли мимо нашего дома, а в руках у них были пакеты с продуктами. Сам понимаешь, мы же проголодались! Надеюсь, это не испортит твой аппетит?

А что мне еще надо было ответить? Он спросил так, словно вместо обычных овощей и фруктов, которыми мы под завязку на «черный день» набиваем каждый наш дом, у нас тут освеженный единорог на кухне.

Элли рассмеялась, да так громко, что Ремис перевел свой хмурый взгляд с меня на нее, а потом и на Дориуса, который

склонил голову над столом и тоже заулыбался.

– Маркус, ты...

– Что? Ну что я?

Я широко раскрыл глаза, пытаюсь изобразить удивление невинного ребенка. Пока Ремис пялился на меня со смесью раздражения и плохо скрываемой злости, я начал быстро хлопать ресницами. Но совершил ошибку, когда посмотрел на Дориуса, который уже не улыбался, он смеялся. И тут я сам не выдержал и заржал.

Ремис покачал головой, потом вздохнул и произнес:

– Тебе говорили, что ты тупой кретин?

– На регулярной основе просвещаем его в этом! – ответил Дориус.

Все еще смеясь, Дориус потянулся к моей бутылке и, помахав ею перед Ремисом, спросил:

– Тебе налить немного?

– Не стоит, Дориус, а то помимо всех наших и без того тяжких грехов нам еще припишут спаивание малолетних! – съязвил я.

Видеть при этом лицо Ремиса было бесценно!

– Я не... – Ремис вновь уставился на меня. – Да заткнись ты уже!

После этого обратился уже к Дориусу:

– Да, спасибо, Дориус, мне это сейчас необходимо.

– Бери стул и присаживайся, ужин скоро будет готов, и обещаю, ты пальчики оближешь! – вступила в разговор Эл-

ли, не отвлекаясь от своей готовки.

На кухне все ей должны подчиняться. Хотя нет, она считает, что ей в принципе все должны подчиняться. Наверное, так будет вести себя любая женщина, оказавшись одна в компании мужчин.

Я поднялся со стула и достал бокалы. Трое мужчин на кухне в ожидании ужина, а позади бой, на столе бутылка бренди – что еще нужно для хорошего окончания тяжелого дня?

– Будь аккуратен с бокалами, они довольно старые, и Элли к ним привязана. – Это я не шутил, Элли голову оторвет за красивые вещи и уж тем более за старинные бокалы. Маги в принципе довольно привязчивы к вещам, которые их окружают. А если добавить к этому извечные потери всего самого близкого и дорогого, то Элли понять можно.

Я выставил бокалы перед каждым и в последнюю очередь перед собой. Хотя сами бокалы, на мой взгляд, не были выдающимся произведением искусства, но от мысли, что они кочуют с нами из страны в страну, от одного пристанища к другому вот уже многие годы, начинаешь даже бокалы воспринимать как нечто связанное с тобой душой и историей. А когда наполняешь их вкусным напитком, то невольно всплывают в голове картинки о тех или иных совместных посиделках, которые мы втроем устраивали бесчисленное количество раз.

Когда Дориус молча разлил бренди и отставил бутылку в сторону, каждый поднял свой бокал и уставился на содержи-

мое. И каждый явно задумался о чем-то своем.

Сделав глоток и почувствовав, как благодатная жидкость опускается по горлу, я выдохнул и с облегчением откинулся на спинку стула. Вскоре то же самое проделал Дориус, а Ремис так и продолжил пялиться в свой бокал.

Видно было, что парня поедает печаль. О чем он сейчас думает? О том, вправе ли он наслаждаться бренди, пока его сестра, может быть, страдает? Судя по его взгляду, его мысли плывут примерно в этом направлении, отчего поддевать его и подкалывать у меня уже не было никакого желания.

– Вижу, мои вещи тебе подошли? – попытался я отвлечь Ремиса от его раздумий.

Молодой маг немного вздрогнул, словно и забыл, что он тут не один.

– А?

Потом посмотрел на свою футболку и взглянул на меня, ища признаки подтруниваний в свой адрес.

– Да, спасибо, Маркус, все подошло отлично.

– О чем задумался? – мягко поинтересовался Дориус у Ремиса. – Хотя можешь не отвечать, я, кажется, знаю. Ремис, наберись терпения, мы найдем ее. Сделаем все возможное для этого.

На этих словах к нам подошла Элли, держа поднос, от которого исходил аромат, способный вызвать аппетит даже у сытого человека. Держала она его в паре сантиметров от своих ладоней, поднос как бы нависал над руками Элли. Опре-

деленно телекинез удобнее специальных захватов для горячей утвари.

– Парни, уберите бутылку и бокалы, освободите место для самого вкусного блюда на свете!

– Элли, когда ты дико голоден, даже дождевые черви покажутся самыми вкусными.

– Маркус, так чего же ты ждешь? Иди и насобирай себе червей! – Элли всегда «нежно» реагировала, если ее стараниям не придавали должного значения.

Пока она аккуратно устанавливала поднос с запеченной курочкой и картошкой под сырной корочкой, а также салат, Дориус тем временем доставал приборы и тарелки.

Вскоре все было на своих местах, и без лишних слов и проволочек мы начали раскладывать по тарелкам еду. С набитым ртом наслаждаясь вкусом блюда, я поспешил заверить Элли, что это не идет ни в какое сравнение с червями:

– Элли, ты богиня кухни, должен признаться тебе в этом!

– О! Дошло наконец-то, не прошло и миллениума, но я много чего еще богиня, и не забывай об этом! – надменно фыркнула богиня кухни, но было заметно, что ей мои слова пришлись по душе.

Дальше ужин прошел в тишине, которую изредка нарушали вопросы: не подлить ли кому еще бренди, кому еще добавки, не сделать ли еще салата. Вскоре от ужина и целой бутылки почти ничего не осталось. Только Элли оставалась верна своим принципам и никогда не пила алкоголь, а толь-

ко воду и натуральные соки, очень редко чай или кофе. На мои бесконечные вопросы «почему» она так ни разу и не потрудилась ответить, лишь пожимала плечами. Ясно, что тут дело не только в выборе здорового образа жизни и полного отказа от алкоголя, но я не давил на нее: если она пожелает, сама все расскажет.

Когда с едой было покончено, Дориус предложил переместиться в гостиную. Последовав его совету, мы шумно отодвинули стулья и гуськом перешли в просторную комнату с камином и бильярдным столом.

– Ну, сопляки, кто рискнет партию в бильярд с несравненным и непобедимым Маркусом?

– Я – пас, несравненный ты наш. – Дориус развалился на диване и запрокинул голову на спинку дивана, уставившись в потолок.

Последним в гостиную зашел Ремис, вид его по-прежнему был хмурым, и он не производил сейчас впечатления желающего покатать шары по столу. Хотя, может, мне так только кажется. За весь ужин он не проронил ни слова, даже в ответ на редкие вопросы лишь кивал головой. Сейчас он зашел и замер возле дивана, осматривая комнату.

Я постарался оценить обстановку его глазами: довольно просторная комната, вмещающая в себя камин, бильярд у дальнего входа, ведущего на второй этаж, большой кожаный диван, который располагался сразу слева от прохода на кухню. Еще парочка кресел напротив огромного телевизо-

ра, висящего над камином, а сразу справа от камина небольшой бар. Ничего выдающегося. Скромное убежище на случай, когда нам надо находиться вдалеке от нашего особняка, спрятанного под самым носом у чародеев. Когда прибывало слишком большое количество чародеев или других бессмертных, мы предпочитали скрываться в этой хижине. Но даже в убежище нам хотелось жить хоть и с минимальным, но комфортом, а значит, камин, бильярд, спутниковое телевидение и интернет – минимальный набор магов в укрытии.

– Ремис, не желаешь поиграть?

Ремис лишь мельком посмотрел на бильярд, а потом и на меня. Ответом было только едва заметное мотание головой. После чего он плюхнулся на диван рядом с Дориусом и продолжил попивать бренди.

– Как хочешь. – Немного разочаровавшись, я обратил свой взор к Элли, она-то уж никогда не была против развлеченья. – Элли, а ты?

– А когда я упустила возможность надрать тебе зад?

– Ты просто равнодушна к моему заду, признайся уже наконец!

– Это вряд ли...

Я уже хотел было ей возразить, но она подняла вверх палец, чтобы я «захлопнулся», а после указала в сторону Дориуса:

– Ничто не сравнится с задницей Дориуса, ты даже с его пятками не сравнишься!

Увидев, что Дориус ржет, я вздернул вверх брови и спросил его:

– А что, у тебя какие-то особенные пятки?

– Сам не знал, но даже не проси, не покажу.

Заметив, что Ремис уткнулся в свой бокал и даже не следит за ходом разговора, Дориус толкнул его локтем:

– Эй, тебе стоит немного расслабиться.

– Я думаю, – наконец-то Ремис посмотрел на нас, – может... не знаю, может, мне позвонить чародеям?

И конец веселью.

– Не думаю, что это отличная мысль, – тихо прошептала Элли.

– И кому именно ты хочешь позвонить? – деликатно спросил Дориус.

Ремис пожал плечами, а потом ответил:

– Не знаю, может, друзьям, у меня были друзья.

– Ты *думал*, что у тебя были друзья.

В отличие от Дориуса я не собирался деликатно намекать, что у него, кроме нас, больше никого нет.

– И чего ты ждешь от них? Что они, зная, кто ты такой, спокойно расскажут, что у них там сейчас происходит? Прямо так и слышу ваш диалог: «О, привет, Ремис. Как поживаешь с магами? Отлично? Ну и здорово! А Алика у нас, но ей не так весело, как тебе. Может, и ты к нам присоединишься, вернее, к Алике? Приезжай, у нас тут есть гламурная клетка для таких, как ты!»

– А что? Диалог примерно таким и будет, хотя насчет гламурной клетки не уверена.

Элли похлопала себе по подбородку наманикюренным пальчиком и продолжила:

– Ремис, я согласна с Маркусом, тебе ни к чему подобный диалог с чародеями. Кроме того, они могут вычислить, откуда поступил звонок.

– Ладно, но в замке живет лекарь, она не чародей и всегда хорошо относилась к нам с Аликой. Можно позвонить ей.

– С чего ты взял, что лекаря, который даже не чародей, поставят в известность о том, что происходит? – Дориус не придерживался моей линии поведения, а, как всегда, вел спокойный и рассудительный диалог.

– Не знаю, но вдруг к ней поступили раненые и она что-то слышала от них? – не унимался Ремис.

Я с грохотом кинул шары на стол, и все разом посмотрели на меня.

– Если ты о раненых чародеях на барже, то раненых не осталось. И потом, чародеи и без лекаря быстро залечивают повреждения. На кой черт чародеям вообще нужен лекарь?

Когда я сказал это, то как ни в чем не бывало продолжил расставлять шары в линию у одного из бортов бильярдного стола.

– Пока чародеи еще не достигли бессмертия, им часто нужна помощь, когда они учатся создавать зелья или на тренировках получают травмы.

Кажется, Ремис вспомнил некоторые эпизоды из своего псевдочародейского ученичества, поскольку на его лице появилась улыбка.

– Еще раз: нет, Ремис, нельзя им звонить. – Элли тоже начала раскладывать шары на столе. – Наберись терпения, уверена, что чародеи сами скоро дадут о себе знать так или иначе.

– Я не могу сидеть тут и просто ждать новостей о смерти моей сестры!

Видимо, Дориус хотел что-то ответить, но его опередила Элли, которая к этому времени расставила в линию все шары:

– А кто говорит сидеть и просто ждать? Можешь пока поиграть с нами в бильярд! – И ведь Элли искренне полагала, что это отличный совет.

Если в данный момент посмотреть на лицо Ремиса, станет понятным выражение «челюсть упала на пол». Кажется, он даже не нашелся, что ей на это ответить.

– Ремис... Ремис, посмотри на меня.

Дориус опять немного толкнул Ремиса локтем и, когда тот оторвал свой взгляд от Элли, которая тем временем безмятежно проверяла свой кий, и перевел взгляд на Дориуса, продолжил:

– Слушай, мы мало что можем сделать в данный момент. После того как мы сбежали, уверен, на нас объявлена вселенская охота. Умнее будет затаиться, поверь, я знаю, о чем

говорю. В желании спасти одного мага ты можешь подставить всех нас. Этого ты хочешь?

– Нет... нет, конечно, нет! – Слава богам, он пришел в себя и начал трезво мыслить.

– Знаю, эмоции зашкаливают, но постарайся взять себя в руки, – Дориус натянуто улыбнулся Ремису, – эмоции для мага крайне важны, а умение держать их под контролем жизненно необходимо, вот тебе мой первый магический урок.

Откидываясь на спинку дивана, Ремис сказал очень тихо:

– Вот же ирония! Алика так долго сохла по Кремеру и в итоге именно в его лапы и угодила. Ну, может, перестанет теперь по нему тайно вздыхать, если выживет, конечно.

И хотя на эту его реплику никто не нашелся что ответить, я почему-то подумал: может, это и есть некий ключ к ее спасению? Ведь Алика очень даже красивая девушка! Хотя вряд ли древний наемник падок на магичек.

Элли прибавила звук музыки и встала напротив меня у края бильярдного стола. Размяв плечи и повращав головой в разные стороны, уставилась на меня со своей призывающей к горячему бою улыбкой.

– Ну что? Ты готов к надиранию зада?

– Играем с кием или только магией? Я сегодня добрый, так что выбор за тобой, дорогая.

Я сегодня не столько добрый, сколько воодушевленный. У нас был сложный, хоть и недолгий бой с чародеями, а я не валяюсь в отключке в своей кровати. Значит, в следующих

боях я смелее и активнее смогу использовать свою силу, когда рядом Источник, а это уже дарит огромные возможности.

– Шутишь? И тем и другим, конечно. Но только, чур, не жульничать! За один удар можно применить что-то одно!

– Договорились! У кого право первого удара?

– А это мы сейчас выясним. – Элли подошла ко мне вплотную с шаром в руке. Ее шары были красные, мои – черные. – На счет «три» подбрасываем шар, и чей раньше взлетит, ударится о потолок и окажется вновь в руке, тот первый и делает удар.

– Договорились. – Я взял в руки черный шар. – На счет «три».

– Раз! – Мы чуть отошли друг от друга. – Два...

Я подмигнул Элли и выкрикнул:

– ТРИ!

Одной рукой я подкинул шар, придав ему ускорения телекинезом, а другой рукой применил другую силу и начал вытягивать силу из руки Элли, тем самым не позволив ей ускорить полет своего шара. Это было проделано так быстро, что Элли даже не поняла, что произошло.

– Готово!

Естественно, мой шар быстрее вернулся мне в руку. Элли поймала свой шар и посмотрела на меня, сильно прищуриив глаза.

– Что-то мне подсказывает, что ты мухлевал!

– Элли, да за кого ты меня принимаешь? – Я постарался

изобразить обиду на ее слова.

– За Маркуса! – Досада на лице Элли не была наигранной.

Я сделал реверанс и указал ей рукой вернуться на свою позицию за столом, а сам пока выставил свой первый шар для удара, расположив его по центру перед шеренгой других своих шаров. Стол поделен поровну, и у каждой лунки, которую я защищаю, стоит по одному моему шару. Я взял кий и наклонился для первого удара по шару, наметив себе ближнюю лунку: там Элли не разместила свой шар, а значит, путь открыт.

Битва началась!

Я ударил по черному шару прямо по направлению к лунке, шар помчался с огромной скоростью, но в какой-то момент, чуть не угодив в лунку, просто отпрыгнул от нее.

– Ты же не думал, что я оставлю лунку неприкрытой, правда? – улыбаясь, спросила Элли.

Черт, я именно так и подумал.

Элли потратила свой ход магии на защиту, значит, ее удар будет кием. У меня остался ход магией, но я не хочу тратить его на защиту, для этого мои лунки прикрывают шары.

– Я не пойму, это что за игра такая? – послышался вопрос Ремиса, адресованный явно Дориусу.

– Это... даже не спрашивай, просто смотри. Можно сказать, это спонтанное изобретение Элли и Маркуса. – Дориус явно болел за Элли и был сосредоточен на игре.

– Ок, и каковы правила? – Ремис с энтузиазмом в голосе

заинтересовался.

– Кто первый загонит шары в лунку противника, тот и победил.

Я лишь на секунду отвлекся от игры, чтобы дослушать Дориуса, как услышал вопль Элли:

– Есть!!!

С моей стороны стола в лунке был шар. Как? Ведь проход защищал мой собственный шар. Она использовала магию помимо кия.

– Ты использовала магию!

В ответ Элли кокетливо расправила свой короткий топик с огромным вырезом и стряхнула несуществующую пыль с короткой джинсовой юбки.

– Не придумывай, я владею кием не хуже магии. Удар был от борта, я сдвинула твой шар, отчего мой рикошетом отлетел к противоположному борту, отскочил и вернулся четко в лунку.

– Ты хоть сама поняла, что сейчас сказала?

Элли, конечно, отлично играла в эту игру, но врать так и не научилась.

– Милый, скажи ему, что я заработала очко честно!

Когда мы оба посмотрели на Дориуса, он откровенно веселился, а Ремис обратил теперь все свое внимание на нас и на происходящее на столе.

– Я вам не судья, разбирайтесь сами.

Потом он повернулся к Ремису и добавил:

– Правила, говоришь? А тут одно правило: кто кого обманет так изящно, что другой не заметит.

– Неправда, тут есть свои нюансы, но мы играем честно, правда, Элли?

– Конечно, дорогой! Ну? Ты уже подсобрал штанишки и готов сразиться по-взрослому?

Элли вздернула вверх свои прекрасные бровки, явно кидая мне вызов.

По-взрослому, говоришь?

– Попридержи юбчонку, девочка, дабы не сорвало!

Краем уха я услышал, как тихо засмеялся Ремис. Маг есть маг – эмоции и сумасшествие нас вскоре объединят.

Глава 27

Единственным источником света в этой «ловушке» был мой огонь. И хотя этого было достаточно, чтобы не спотыкаться о шикарную каменную мебель, но вот все остальное... Для того чтобы изучить в деталях все закоулки пещеры, узнать, где тут и что, да еще разобраться, что это за пещера такая, моего осветительного прибора было недостаточно. Но если погасить огонь и плюхнуться на кровать, уснуть мертвецким сном, то отсутствие света в пещере было бы сейчас уместным. А я уже точно решила, что вскоре поближе познакомлюсь с этой невероятных размеров кроватью, сразу после того, как съем все аппетитное, что расставлено на столе в лучших традициях дорогих ресторанов. А это я успела рассмотреть даже при том скудном освещении, что дарил мой огонь на ладошке.

– Тут так красиво, но я не вижу лампы или хоть какой-то свечки. Не могу же я тут так и стоять как светильник! – буркнула я.

К тому же, «подрабатывая» светильником, мне будет неудобно принимать пищу.

Кремер медленно осмотрел меня с ног до головы, задерживая взгляд на определенных частях тела, и от его пристального и обжигающего взгляда мою кожу стало слегка по-

калывать, а внизу живота я отчетливо ощутила трепет.

– Это как посмотреть. – Он поднял свои немного прищуренные глаза и встретился со мной взглядом. – Если ты полностью разденешься и подойдешь ближе к столу, держа огонь, то у меня был бы романтический ужин при свечах, так сказать.

Казалось бы, это должно было меня разозлить, но почему-то лишь вызвало желание осуществить задуманное Кремером. Одно «но»!

– А я, как ты предполагаешь, останусь голодной? У нас явно разные понятия о романтическом ужине.

Кремер стал медленно ко мне приближаться.

– Не волнуйся, я бы не допустил того, чтобы ты осталась неудовлетворенной... ужином, – он подошел вплотную ко мне и провел пальцем по моим губам, – я бы накормил тебя... досыта.

Когда я сильнее наклонилась к Кремеру и хотела прижаться к его пальцам плотнее, он подмигнул мне, развернулся и отошел в сторону.

– Но ты права, давай посмотрим, может, тут все-таки есть свечи.

Если бы я не была настолько ошеломлена неожиданной сменой его тона и тем, как он резко отвернулся, то, может, и не услышала бы, как он приглушенно хихикнул.

Серьезно? Игривый Кремер? Эта сторона наемника оказалась удивительной для меня, но неожиданно милой. И ес-

ли прятать улыбку привычно для него, то я так и замерла посередине пещеры с глупейшим выражением лица и широкой улыбкой.

– Не боишься, что я окажусь твоим единственным источником света и тепла? О, грозный Кремер!

– Рассчитываю на это.

Наемник ответил, не повернувшись ко мне, и по его тону мне не показалось, что он все еще шутит. Нет, теперь Кремер говорил жестко и даже грубо, словно сомнения в его словах недопустимы.

И да, не было никаких сомнений в искренности его слов. Мы с Кремером прошли через многое за столь короткое время. У нас не было свиданий, красивых слов, СМС-переписки и обещаний. Но у нас было нечто большее – у нас была общая история совместного выживания.

И вот я стою в центре пещеры, у меня есть сила магии, у Кремера – века опыта смертоносного наемника. Мы с разных полюсов бессмертного бытия. Мы с этим мужчиной не должны быть вместе в одном помещении, не пытаюсь убить друг друга, как того требуют обычаи, утвержденные решением Фейсала.

И я задумалась: а что если бы кошка и собака, которые ненавидят друг друга, оказались в ситуации, когда у них нет времени для смертельной борьбы между собой? Как повели бы себя эти животные? Возьмет природа над ними верх и заставит их инстинкты кинуться в схватку атаки и обороны

друг против друга или же их инстинкты выведут несчастных на путь выживания, где им придется взаимодействовать? А когда они выживут, что тогда? Отдышавшись и отдохнув, они вцепятся друг другу в глотки или пожмут лапы, покрутят хвостами и станут друзьями?

Мы с Кремером, конечно, не кошка и собака, но мы определенно можем наплевать и на инстинкты, и на решения Фейсала. Разве не это сделали чародеи, сохранив нам с Ремисом жизнь? Разве Кевилс не действовал наперекор Фейсалу?

А что будет, если кто-то не станет выполнять решение Фейсала? Чародеи сохранили жизнь двум магам, а когда стало известно, что маги – Источники, в ту же самую секунду нас должны были прикончить. И вот я с Кремером, и он не убил меня. Не только не убил, он неоднократно спасал меня! Про свою влюбленность в чародея и его поцелуи не стану вспоминать. Уверена, что в решении Фейсала об этом грехе нет ни слова.

Но все же чародеи сознательно и добровольно пошли против воли Фейсала. Для чего?

Пока я размышляла о не предвещающем ничего хорошего нашем совместном с Кремером будущем, услышала чавканье Кремера. Он уже что-то жует. По звуку, похоже, яблоко.

– Вижу, голодными мы не останемся?

– Нет, – с набитым ртом ответил Кремер, – присоединяйся.

Удерживая себя от порыва броситься к столу, я двинулась в сторону очага. Есть, держа огонь, мне не хотелось, поэтому я решила найти хоть что-то, что можно поджечь.

Я присела у каменного очага, одной рукой приблизила огонь к камням, а другой слегка прикоснулась к ним. Они так красивы, что пальцы сами тянутся к ним потрогать. И как только я это сделала, в центре очага вспыхнул огонь, а буквально секунду спустя по всей пещере и на всех поверхностях, где были маленькие каменные шары, появилось пламя.

От неожиданности я отскочила и упала на пол. Пока я пылилась на огонь в очаге, который вздымался вверх примерно на сорок сантиметров, Кремер что-то уронил, и я лишь слышала, что он с шипением выплюнул проклятья и тоже отскочил от стола, явно позабыв про трапезу.

– Ты в порядке? – спросил наемник, подскочив ко мне со своей чародейской скоростью.

– Э-э-эм... да, пожалуй.

Мы оба устали на огонь в очаге, а потом синхронно стали озираться по сторонам. Да, пещера теперь была освещена, как выставка ювелирных украшений: хоть и присутствует полумрак, но все ценное и значимое подсвечивалось ослепительным светом.

Огонь в моей руке был неуместен, как танцор во фраке в ансамбле народных песен и плясок. Поэтому я поспешила его погасить. После чего Кремер протянул мне руку, помогая подняться с жесткого пола.

– Ну, во всяком случае, вопрос с освещением решен.

Я не то чтобы сожалела об этом, но было как-то жаль, что наш комфорт теперь не в моих руках. Было что-то притягательное в том, что Кремер зависит от меня. Пусть не полностью, но хотя бы от такой детали, как освещение нашего помещения.

Нашего. Какого черта все помещения, в которые я захожу, я мысленно пытаюсь присвоить?

– Тогда нам ничто не мешает устроить ужин, верно? – Кремер, прижав меня к себе, поцеловал... в макушку.

В макушку? Серьезно?

– Ты прав. – Похлопав его по груди, я ухватила за остатки его футболки и притянула Кремера к себе для настоящего поцелуя.

Вкус губ Кремера с ароматом яблока оказался на моих губах, и я с наслаждением впитывала его в себя.

Да, он мой, Кремер МОЙ! И никакому Фейсалу или самому Хафисвальду я не позволю забрать его у меня.

И в столь триумфальный для моего внутреннего Я момент желудок издал затравленный и намекающий на голод шум. Именно я отстранилась от Кремера, хоть он и фыркнул в мои губы:

– Кто-то сильно проголодался.

– Да, и я вижу, тут есть чем поживиться.

Оторвавшись от Кремера и приблизившись к столу, я смогла разглядеть этот «праздник живота» во всем его вели-

колепии и разнообразии. От увиденного в моем желудке заурчало еще сильнее, и мне пришлось тяжело сглотнуть.

Стол, который вместил бы не меньше дюжины персон, был заставлен яствами. Это как оазис в пустыне для уставшего путника. Тут и всевозможные фрукты в огромной, но изящной вазе, и блюда с дичью, крышки с подносов Кремер уже успел снять. Блюда еще дымились, как будто бы стол был сервирован специально к нашему появлению. Отбросив от себя эту мысль, я уставилась на огромный графин с розовой жидкостью. Вино?

– Рай. – Иных подходящих слов я не могла найти.

– И все безопасно, я уже проверил, кроме...

Он поднял крышку с одного из подносов, понюхал блюдо и потом кивнул: да, все безопасно.

Я схватила ближайшую ко мне тарелку, положила в нее ножку от курицы или чего-то похожего на курицу, а также добавила к этому овощи и веточку зелени. Еще раз пробежалась взглядом по столу и, решив пока остановиться на этом, плюхнулась на стул. Усевшись на стуле в позе лотоса и приблизив к себе тарелку, я решила, что жизнь налаживается, пусть и в краткосрочной перспективе.

Без промедлений я вкусила сочную мясную мякоть и не смогла сдержать стона наслаждения:

– Как же вкусно!

В спешке пережевывая, я добавила:

– Без обид, Кремер, но ты готовишь гораздо хуже!

На что Кремер лишь усмехнулся и продолжил работать челюстями. Его выбор пал на стейк и кукурузу.

Странно, мы находимся в другой реальности, а тут земные продукты. Не все, конечно, я четко поняла, что ем хоть и вкуснятину, но точно не курицу. А еще нечто, что напоминает картофель, таковым вовсе не являлось. Но какая разница, когда все настолько вкусно?

– Вина? – Кремер поднес графин к моему бокалу.

– Почему бы и нет?

Адреналин, битва за жизнь, красивый мужчина, и все это приправлено вином? Это лучшее сочетание в жизни.

Сейчас этот невероятный мужчина наливал мне вино своими сильными и умелыми руками. Руками, которые должны меня придушить, а не вино разливать, но я их больше не боюсь, наоборот, считаю самыми нежными и надежными.

Я видела перед собой мужчину, которого я люблю все сильнее с каждой минутой, которого хочется обнимать и никуда не отпускать. Хочу почувствовать, как Кремер в ответ на мои объятия так же крепко и уверенно прижимает меня к себе в поцелуе.

Я представила, как его сильное тело придавливает меня, его глаза встречаются с моими в миг, когда он сливается со мной. Со мной, кто так давно жаждет его и так давно мечтает о нем. Как Кремер вжимается в меня, и в какой-то момент становится невыносимо сдерживаться и стоны вырываются из моих губ. И нас, как по спирали, закручивает и за-

кручивает страсть и желание достигнуть наивысшей точки удовольствия – только тут и только вместе, только вдвоем. На какой-то миг он прикрывает глаза, не в силах более сдерживать себя, и начинает усиливать темп, отпуская себя на милость ритма сердца и пульсирующей плоти, которая находится глубоко во мне.

– Да, вино... мне не помешает. – Немного откашлявшись, я прервала этот поток мыслей.

Кремер наливает мне вино, продолжая что-то жевать. Это так... по-домашнему, так мило! До боли в сердце. Кремер стал мне очень близким, из недостижимого идола, врага, нарника по несчастью превратился в человека, которому хочется налить чаю с медом и укутать одеялом в холодный осенний день, когда он смотрит по телевизору ненавистный мне футбол.

Наполнив мой бокал и отставив графин в сторону, Кремер заметил, как я на него смотрю, слегка нахмурился и спросил:

– Что не так? Тебе не нравится?

Я понимаю, что смотрю на его невыносимо прекрасное мужское лицо с высокими скулами и греховными губами, которые теперь сжались в твердую тонкую линию, в его темные и затягивающие в свою глубину глаза и при этом сама нахожусь в оцепенении своих чувств к нему. Наверное, у меня сейчас странное выражение лица. Какие же сильные эмоции во мне вызывает Кремер! Сильные настолько, что их невозможно скрыть.

– Расскажи что-нибудь о себе.

Видя непонимание на его лице, я уточнила:

– Что-нибудь не связанное с войной между магами и чародеями. Расскажи, где ты вырос и где, например, твои родители.

Наемник сделал глоток вина и присел на ближайший ко мне стул. Немного подумав, он откинулся на стуле и улыбнулся мне.

– Я родился и вырос на Севере, сейчас эта страна называется Норвегией. Мои родители...

Кремер опустил взгляд и замолчал.

– Что именно ты хочешь узнать, Алика?

Я поняла, что про родителей ему говорить нелегко. Учтывая, что в среде чародеев никто никогда не упоминал его родителей, это навело меня на ужасные мысли. Маги убили их?

– Твои родители? Кремер, расскажи о своей семье, пожалуйста... – Я тяжело сглотнула. – Они живы?

Он вновь поднял голову, и я заметила уязвимость в его взгляде, даже некую затравленность, ему тяжело говорить о самых родных ему людях. Но почему?

– У меня прекрасные родители. – Он сказал это так, словно сомневается.

Не успела я задать ему еще вопрос, как он продолжил:

– Я не помню отца. Когда я родился, он уже был мертв. Ты просила рассказать что-то, не связанное с битвой меж-

ду магами и чародеями, но истории о моих близких и войне связаны между собой.

Его слова ударили меня в самое сердце словно ножом.

– Мне жаль... я...

Кремер не позволил мне закончить, он поднял руку, давая знак, чтобы я замолчала.

– Мой отец с честью следовал своему призванию.

Кремер прищурился, явно давая мне время осознать, о каком призвании идет речь.

Его отец яростно выслеживал и убивал магов. Вероятно, Кремер ждал от меня ответной реакции на эти его слова. Но время, проведенное с Кремером, дало мне понять, что неважно, кто ты и для какой цели создан. Есть обстоятельства, есть долг, и порой ты должен просто следовать этому пути, а если возникнет что-то или кто-то, ради чего ты готов свернуть с него, то ты волен выбирать: да, ты можешь свернуть, но ты должен быть готов к последствиям. И это не хорошо и не плохо, это за гранью определений, это просто твое решение и выбранный путь жизни. И единственный суд для твоей души – только твое сердце, оно подскажет, верным ли было твое решение или ты будешь оплакивать последствия до скончания жизни.

Когда Кремер не нашел во мне осуждения или иной эмоции, он продолжил, явно озадачившись моей реакцией:

– Как я сказал, я его не помнил. И не мог помнить. Он погиб за четыре месяца до моего рождения. Моя мама, ее

зовут Хельга, жива и сейчас в Олессуне.

– Кремер, почему мне кажется, что тебе больно говорить об отце?

Кремер не сразу ответил, и я уже подумала, что он не захочет продолжать эту тему. Если его отец погиб, и Кремер не спешит делиться семейной историей, то не стоит на него давить. Эта история его семьи не для сторонних ушей. Но Кремер меня удивил.

– Алика, я тебе расскажу. Просто так будет честно, ведь о тебе и твоей семье я знаю больше, чем ты обо мне. Я действительно хочу, чтобы ты знала меня лучше. Может, я совершаю ошибку, но желал бы рискнуть.

Глава 28

Я отставила еду и вино в сторону. Не планировала вечер откровений, но если Кремер намерен открыть передо мной свою жизнь или хотя бы часть ее, то я не могу устоять перед этим.

– Ты можешь довериться мне, Кремер. Мне правда хотелось бы знать о тебе больше того, о чем можно услышать, гуляя по коридорам замка чародеев.

Он хмыкнул и весьма энергично кивнул.

– Как я уже сказал, отец погиб раньше, чем я родился. Он участвовал во всех битвах с магами. Но мама никогда не одобряла его действий. Для нее главным был мир в семье. А всей ее семьей до появления меня был мой отец. Его звали Улаф, и он не разделял взгляды моей матери. Он был помещен на войну. Цель своей жизни он видел лишь в уничтожении...

– ...магов, – закончила я за Кремера, когда он сделал паузу, не зная, как правильно сказать магу о том, что его отец убивал моих предков и для него это было целью жизни.

Я кивнула Кремеру, чтобы он продолжал и не видел во мне осуждения. И этот кивок был сделан не только для Кремера, но и для меня самой. А за что я могла его осуждать? И могу ли я осуждать? В те времена маги были адским пла-

менем, спустившимся на все живое и бессмертное. Сложно осуждать тех, кто решил это остановить. Но признаться себе в сочувствии к тем, кто истреблял моих предков, крайне тяжело, да. Тяжело и невыносимо. Но это честно. Вроде бы понимаешь логику, цель, можешь всем сердцем это принять, но, когда задумываешься над тем, что таким образом были убиты и твои родные, твои кровь и плоть, целое поколение твоего семейного древа, сложно сохранять нейтралитет. Но если я хочу мира между мной и наемником, я должна отложить обиды в дальний угол своего сердца. Мне необходимо найти в себе силы, чтобы поставить точку на прошлом и устремить все свои эмоции и силы на будущее, в том числе магов, моего брата и меня самой. А роль адвоката и прокурора оставить другим, пусть они решают, кто прав, а кто виноват, позволить истории делать акценты на грехах бессмертных.

Ясно одно: я не желаю становиться судьей, я не мечтаю копаться в прошлом и искать виновных и жертв или подсчитывать, кто больше пострадал в прошлом. Я мечтаю о будущем, мирном будущем, где живут маги, чародеи и другие бессмертные.

Кремер смотрел в мои глаза не моргая, я не нашла на сей раз в его взгляде уязвимости, слабости или неуверенности.

Кремер верил в то, что делал его отец. Хотя чему я удивляюсь? Кремер – лучший наемник, который явно продолжил дело своего отца.

Я отвела взгляд от Кремера и сделала глоток вина. Нет, это не вино. Вкус очень сладкий, напоминает чем-то мартини и очень освежает. Божественно.

– Продолжай!

Я поставила бокал на стол почти бесшумно. Я готова выслушать рассказ о том, как отца Кремера убили маги. А в этом я уже не сомневалась.

– Как мне потом рассказывала мама, однажды отец вернулся с поля боя почти обессиленным. По его словам, маги ударили по нему и вонзили в него магическую силу или суть магов. Известно, что маги, вернее Источники, могут давать силу всем: бессмертным, смертным и другим магам. Но для чародеев сила магов чуждая, наши сущности настолько чужды друг другу, что лишь бессмертие может помочь пережить прямой магический удар Источника, и то далеко не всегда.

Кремер встал и, повернувшись ко мне спиной, продолжил:

– Отец смог пережить прямой удар Источника благодаря возможности чародеев исцеляться, а также благодаря тому, что он знал, против какого Источника намерен воевать, он дополнительно прочитал защитные заклинания и использовал зелье против водного Источника. Водная стихия не убила отца, но маги вкладывают в свой удар и телекинез, который проник глубоко в тело папы. Странно, но эта сила, переданная таким образом, не осталась в нем надолго, но ее часть передалась мне, правда, проявилась не сразу. Именно

поэтому я обладаю силой телекинеза.

На этих словах Кремер повернулся ко мне, а я вскочила на ноги.

– Ты хочешь сказать...

– Да, телекинез у чародеев от магов, так или иначе. Либо от прямого воздействия Источников, либо передан детям от родителей, как в случае с моим отцом.

– Но у многих чародеев...

– Не у многих, Алика. Это редкость, которая воспринимается как аномалия. Она проявляется только у древних, тех, кто мог повстречать Источников. У молодых чародеев, а это те, кому меньше двухсот лет, не найдешь такой силы. Источников давно никто не встречал. Мы думали, что убили всех.

– Ты говоришь, что наши силы чужды друг другу, но твое зелье вылечило меня.

– Это зелье универсальное, мощное, но не направлено только на чародеев. Никогда не знаешь, кого придется спасти.

– Звучит иронично. – Хмыкнув, я плюхнулась обратно на стул. – Что случилось дальше с твоим отцом?

– Однажды, когда случилась великая битва магов с территориями, отец не вернулся домой.

– Он погиб.

Из моих уст это прозвучало как приговор. Я уже могу себе представить беременную Хельгу, которая не дождалась своего мужа, я могу представить, как долго она его ждала, как

долго она надеялась.

– Мама заговорила его кружку, когда он в последний раз пил из нее. В минуту, когда отец погиб, кружка разлетелась на мелкие кусочки – обычное заклинание чародеев, так можно отслеживать судьбу того, кого ищешь или ждешь. Главное, чтобы потом к кружке никто не прикасался.

– Твой отец не вернулся домой, так?

– Да.

– А где уверенность, что...

– Он мертв, Алика. В чем угодно можно усомниться, но только не в заклинаниях моей матери, в этом она сильна. Собрав осколки кружки с пола, она все равно что похоронила мужа. Отец погиб.

Мы оба замолчали. Не знаю, о чем вспоминал Кремер, но у меня перед глазами возникла женщина, которая собирает с пола осколки... мужа. Остановилось ли ее сердце в момент, когда она услышала, как кружка разлетелась на кусочки? Сколько раз она порезалась, пока собирала осколки с пола? О чем были ее молитвы в тот момент, когда она поняла, что мужчина, от которого она носит под сердцем ребенка, никогда не разделит с ней счастье рождения малыша? Как... как она нашла в себе силы пройти через все это? Лишь представив себе нечто подобное, можно сойти с ума. Боги, Хельга... Кремер.

– Еще вина?

Будничный тон Кремера оторвал меня от картинок моего

разума и грубо грохнул в реальность. Я посмотрела на него и увидела привычное отстраненное выражение лица.

Я каждой клеточкой души ощущала, насколько ему больно говорить об этом. При этом выглядел он, как фотограф в Диснейленде, только что вышедший из туристического автобуса: сама скука и отстраненность, но с отрешенной и радушной улыбкой на лице. Это века практики сокрытия эмоций так работают?

– Что случилось после того, как мама узнала о смерти твоего отца?

Нет, вина мне не хотелось, как и попыток Кремера уйти от данной темы.

– Знаю только, что она ушла из семейного дома и поселилась одна в доме на самом отдаленном участке северной земли.

Кремер поставил графин и пересел подальше. Он опять закрывается от меня.

– Ей было тяжело, это можно понять, – нарушила я паузу в разговоре.

– Да, но после моего рождения она продолжила избегать чародеев. Она всеми силами пыталась скрыть меня ото всех.

– Она, видимо, боялась, что ты пойдешь по стопам отца и можешь погибнуть. Это материнский инстинкт. Она пыталась тебя защитить.

– Сомневаюсь, что дело лишь в этом. Примерно в двенадцать лет я впервые использовал телекинез. Когда мама это

увидела, она...

Кремер сжал челюсти и, клянусь, я слышала, как он скрипит зубами.

– ...она увидела отпечаток магов в тебе, магов, которые стали причиной смерти ее мужа.

Хотя у меня и нет детей и я никогда не была замужем, я могу ясно представить, что могла почувствовать женщина, потерявшая своего мужа в боях с магами. Голос моего отца, пока я сидела в шкафу, навечно отпечатался в моем сознании: крик, разрывающий душу, когда на твоих глазах умирает тот, в ком хранится часть тебя, часть твоего сердца и часть всего смысла твоего существования. Это то, что чувствовала Хельга. Той ночью мои отец и мать умерли вместе, но Хельга не умерла вместе со своим мужем, возможно даже, что она сожалела об этом. Возможно, моим родителям повезло – они жили в любви и умерли вместе. Хельге же пришлось найти в себе силы жить дальше. Ради сына, ради будущей войны, ради того, что, быть может, в один день ей придется соскрести с пола осколки сына.

Казалось, Кремер неожиданно вместо меня увидел незнакомку. Он резко оторвал взгляд от поверхности каменного стола и удивленно уставился на меня. Примерно полминуты Кремер просто смотрел на меня, а потом кивнул. Он удивлен тем, что я смогла его понять? Неужели никто до этого не понимал Кремера? Кремер прожил свое детство с матерью, которая прятала сына ото всех, в том числе от чародеев. Она

хотела сохранить его, как драгоценный сервиз за стеклом антикварной мебели. Просто мать не хотела потерять еще и сына. Что тут непонятного? Ради этого она готова была жить хоть в стоге сена в пустом поле, только чтобы их двоих оставили в покое.

– Да, и чем старше я становился, тем яростнее моя мама скрывала меня. Она никого из чародеев не пускала на порог. Когда к нам прибыли чародеи, а вместе с ними и тогдашний глава, чтобы лично забрать меня на обучение в знак признательности к заслугам моего отца, мама просто спустила на них все свои мощнейшие заклинания и зелья. – Кремер улыбнулся. – Ой, убежали они спешно.

Это я легко могу себе представить. Bravo, Хельга!

– Что потом? – продолжала я давить на Кремера.

Он, болтая вино по бокалу и вновь погрузившись в воспоминания, продолжил.

– А что потом? Потом я стал понимать, кто я. – Кремер тяжело вздохнул. – Я стал донимать маму вопросами об отце. Она мне все рассказала, и я поклялся себе, что стану лучшим чародеем, чтобы... – Он замолчал и нахмурился.

– ...чтобы отомстить за отца. – Я не уточняла, не спрашивала, я просто это почувствовала и ответила за него.

– Да, – коротко и сухо подтвердил Кремер.

И ведь он стал одним из лучших. Отомстил ли он за отца, успокоил ли свою душу?

– Вначале чародеи не принимали меня, мой телекинез

воспринимался как предательство, словно я сам выпрашивал у магов снисхождения. Ведь я не в бою против Источника заполучил телекинез, эта моя сила считалась... чем-то мерзким. Я пережил насмешки и издевательства. Я пытался доказать, что я сильный и без телекинеза и что он мне даже мешает.

Это признание меня совсем не удивило. Вспоминая нас с Ремисом и наш телекинез, я могу сказать, что чародеи смотрят на это как на нечто очень уж странное, как на гипс, наложенный на здоровую ногу. Я тоже прятала эту способность, когда жила в замке чародеев, никто не желал этого видеть, все восхищались лишь зельями и заклинаниями, а мы с Ремисом в этом были в отстающей лиге. Могу себе представить, как тяжело было Кремеру с его желанием доказать, что он лучший.

– Ой, про телекинез можешь не рассказывать. Но ты хотя бы был силен в зельях? Я была в этом полным профаном.

Я пыталась придать нашему разговору легкость пьяных откровений, но Кремер не клюнул на это.

– Дело не только в телекинезе и в осуждающих взглядах других чародеев.

Наемник немного помолчал, словно подбирая слова, а потом продолжил почти непринужденно:

– Моя мама очень сильная чародейка. Даже мне до уровня ее мастерства в зельях и заклинаниях далеко. Хотя большая часть ее зелий носит мирный характер. – Тут Кремер

засмеялся, чем сильно меня удивил. – Представляешь, у нее собственная лавка лечебной косметики! – Кремер вздернул руки вверх и согнул пальцы, показывая в воздухе воображаемые кавычки. – Она продает смертным кремы и всякие там мази. Кстати, делает хорошие деньги на этом. Хотя чему удивляться, ведь ее кремы для смертных и впрямь творят чудеса.

Я уже люблю его маму. Но что насчет осуждающих взглядов? Это я не полностью понял.

– Но ты не пошел по «мирному пути»? – Я тоже изобразила кавычки в воздухе.

– Нет. Я был окружен насмешками или нескрываемым сочувствием и не был склонен к мирному течению жизни. Кроме того, мне отчаянно хотелось вырваться из дома матери. Она в глубине души тоже считала меня в какой-то степени неполноценным чародеем, особенно когда проявился мой телекинез. Излишне оберегала меня, как больного ребенка, а меня это только дико злило и морально уничтожало. Я хотел доказать всем и маме в частности, что я не слабый, больной ребенок, я могу стать сильным и великим чародеем и отомстить не только за отца. Я мечтал отомстить за себя, жаждал уничтожить всех магов и всех Источников.

Вот оно!

Вот этот момент, которого я так боялась.

На этом самом месте наши поезда должны столкнуться, потому что диспетчер вовремя не передвинул нужную стрел-

ку судьбы, чтобы мы смогли мирно разойтись.

Столкновение должно произойти. Разрушительное, громкое и с неминуемыми жертвами.

Кремер ощущает то же, что и я, выбравшись из того злополучного шкафа вместе с Ремисом, – ненависть к убийцам моих близких. Я обещала себе, что обязательно отомщу за весь ужас, который пережила моя семья. Но если сейчас я готова смотреть вперед, откинув далеко за спину часть своего груза ответственности за семью и других магов, то вопрос в том, готов ли к этому Кремер. А если готов, то как далеко распространяется его готовность к прощению и движению вперед?

– Ты ощущаешь последствия битвы и смерти своего отца на протяжении всей своей жизни, а я прочувствовала смерть моего отца, я была ее свидетелем.

Мы оба хотим отомстить или, во всяком случае, хотели. Только в желании мстить я боялась признаться даже себе самой. Кремер тоже хотел отомстить и не побоялся озвучить это. Есть ли выход из такой ситуации или кошка и собака все же не смогут найти общий язык?

Глава 29

Все мои прежние сомнения и опасения насчет Кремера исчезли. Все это время я думала, когда же он найдет правильное время для моего убийства и какое зелье использует. А теперь понимаю, что, может, он больше и не желает убивать меня или любого другого мага, но жажда мести в итоге приведет Кремера к тому, что любой маг вздрогнет в ужасе при встрече с ним. И возникает только один вопрос: когда он даст волю своему желанию отомстить?

У Кремера есть внутреннее обоснование мести. Оно укоренилось в нем еще в раннем детстве. И никакие наши совместные посиделки у камина не избавят его от этого.

Когда ты мстишь за обиду или оскорбление – это одно. Но когда это жгучее желание поселилось в сердце и крепло с каждой прожитой минутой, то это становится частью существования. А Кремер жил долго, очень долго, и жил он боями. Даже когда перестаешь думать и вспоминать о причине всепоглощающего желания мстить, все сводится к тому, чтобы *ответить* и покончить с этим. И тогда смыслом жизни является даже не сам процесс мщения, а желание заглушить невыносимую боль. Любое живое существо стремится избавиться от зудящей боли. И все навыки приобретаются только для одной цели, все ресурсы тратятся на это.

Желание мстить отравляет кровь, словно яд. А избавиться от своей крови невозможно. Нет такого антидота, способного изгнать яд, порожденный желанием мстить. Но так же невозможно просто избавиться от навязчивого желания мстить, как невозможно выпустить кровь из вен и остаться при этом в живых. Ты вынужден смириться, и это становится твоим навигатором по жизни. И когда проливается кровь твоих врагов, это лишь немногим облегчает твои мучения. Ты не можешь успокоиться, пока все причины твоей боли не будут уничтожены.

Так и в случае с Кремером. Он мстит магам потому, что кровь наших обоих видов заражена болью и страданиями. Маги уничтожались чародеями, а чародеи – магами. Не только наши силы чужды друг другу, но на руках обеих рас слишком много крови, и эта кровь не смывается лишь потому, что мы с Кремером желаем этого. Даже если мы не хотим войны, даже если мы всем сердцем жаждем мира между нашими мирами.

От непредвиденного смещения крови и магии пострадал ребенок – Кремер. Он терпел предвзятость чародеев, мнения ближайшего окружения матери Кремера и ее самой. Возможно, он даже не сразу понял, что происходит и в чем причина! Но он уже был под контролем окружавшего его мира чародеев и царившего в нем порядка. Он был под «микроскопом» всех скорбящих о вмешательстве магов в упорядоченную жизнь чародеев. А это общество сострадающих и

скорбящих молчаливо призывало мстить всю жизнь. Это давит морально, диктует свои идеи скорби и справедливости. Призывает действовать. Призывает «ответить». И даже если ты не хочешь отвечать, даже если ты просто хочешь жить. НЕТ. От тебя ждут ответа, ибо в противном случае эти скорбящие превратятся в осуждающих тебя.

Я понимаю, что маги в отношении его отца действовали не из благотворительных побуждений. Они хотели уничтожить его отца, как и всех других чародеев, а не делиться силами. Но, сами того не ведая, создали чародея, обладающего силой телекинеза. Они создали ребенка, чуждого как магам, так и чародеям. А ребенок лишь хотел защититься. Он хотел показать, что он – не оружие мести всех угнетенных. Он лишь результат плохого стечения обстоятельств.

Я могу сделать вид, что не понимаю этого и не беспокоюсь насчет того, охотился кто-нибудь из семьи Кремера на моих предков или нет. Но вопрос в другом: могу ли я действительно поверить, что в отношениях между Кремером и мной нет смертельной битвы магов и чародеев? Нет желания мести, которое иногда прячется где-то под коркой черепной коробки и лишь ждет подходящего момента выйти наружу? Нет желания «убить и закончить на этом», прекратив тем самым мучения своей души? Отдать долг перед обществом «знающих и все помнящих»?

После совместных акций спасения я могу поверить, что Кремер не желает лично мне причинить вред. Но дело даже

не в этом, а дело в другом: могу ли я, зная, что я – Источник, перечеркнуть прошлое, к которому имею отношение в виде кровного родства и неярких образов моих родителей? Могу ли я рискнуть братом и теми магами, которые его сейчас охраняют? Могу ли я ради Кремера закрыть глаза на очевидное? А именно: что чародеи всегда достигают своих целей. Чародеи всегда побеждают врагов. А враги в данном случае – все маги.

Отца Кремера «заразил» телекинезом Источник. Именно маги погубили его отца и отравили жизнь маленькому Кремеру. И именно я сейчас нахожусь с ним, но выжить мы можем только сообща. И вместе с тем я являюсь олицетворением главного врага.

А теперь, внимание, вопрос: готова ли я поверить, что Кремер откажется от мести? Другой вопрос: готов ли Кремер отказаться от своей крови и плоти – сущности, ради которой были созданы чародеи?

И глубоко личные вопросы: готова ли я заглушить крики моего отца и простить смерть моих родителей, не оказалась ли я сама в обществе «знающих и осуждающих» магов?

Я встала из-за стола. Съела я немного, но голода как не бывало от мысли: как бы мы с Кремером ни были близки в данной ситуации, все радужное закончится, как только мы выберемся из этого места. И если чудо произойдет и мы выживем, мы столкнемся с жестокой реальностью, которая покажется раем по сравнению с тем, с чем мы столкнулись в

последние дни.

Может, Кремер и не будет гоняться персонально за мной, но он определенно когда-нибудь убьет мага, если в том возникнет необходимость. А если Кремер убьет Ремиса? Тогда уже у меня возникнет необходимость... отомстить.

Неожиданно пещера показалась мне невероятно тесной. Мне немедленно захотелось сбежать и от Кремера, и от себя самой. От всего этого мне просто захотелось укрыться. Это прекрасное и мимолетное чувство отрешенности – когда ты укрываешься одеялом на уютной кровати с головой. Ты укрываешься от солнца, от звуков и даже от запахов. И вот буквально на мгновение создается ощущение безопасности, в котором только ты и твое дыхание. И ты сам себе судья и сам себе создатель фантазий. Ты один – ты и твое одеяло. Что может быть лучше? Просто надо найти свое одеяло.

Я направилась бродить по пещере. Кремер замолчал, и это хорошо, потому что я не знаю, как и, главное, что нужно сейчас говорить. Мне не пришлось даже смотреть на наемника, я кожей ощущала создавшуюся вокруг нас напряженность. Он явно хотел мне что-то еще сообщить, но осознавал, что сейчас я к этому не готова.

Не будет подходящего времени, чтобы обсудить судьбу народов, когда только один из двух может выжить. Никто не пожелает принять участие в этом диалоге. Особенно когда в диалог вмешались Источники, близкие к чародеям. Близкие и чужие одновременно. Близкие, но обманутые из со-

мнительных побуждений. Близкие и самые опасные.

Блуждая по пещере, я наткнулась на нечто напоминающее ширму. Она состояла из трех равных по ширине створок из плотного полотна, чем-то похожего на мешковину, лилового цвета. Полотно было украшено разноцветной вышивкой цветов неземного происхождения. Рама, в которой крепилось полотно, из неровных брусков дерева темного цвета. Эта неровность, как ни странно, своей небрежностью создавала уют домашней обстановки. Как если бы эта ширма была сделана руками хоть и не очень умелого мастера, но с любовью и вниманием ко всем деталям. В итоге получился весьма красивый элемент интерьера, который гармонично вписывался в каменное окружение пещеры.

– На что смотришь?

Увлеченно разглядывая ширму, я смогла отвлечься от гнетущих предположений будущего наших народов. А вопрос Кремера вернул меня в реальность.

– На ширму, довольно необычная вещь в этой пещере.

– И что там за ширмой? – Спрашивая, чародей уже шел ко мне, судя по приближающемуся звуку его голоса.

Чтобы ответить на его вопрос, я заглянула за ширму и не успела ответить, как Кремер уже был возле меня.

– Кажется, это ванна. – Мне послышалось удивление в голосе наемника.

Хотя чему удивляться? В пещере есть очаг, стол и кровать. Кто бы ни жил в этом месте, он предусмотрел место и для

ванны.

Я зашла за ширму, чтобы ближе рассмотреть прекрасную ванну из камня, который явно содержал малахитовую крошку. Круглая и весьма глубокая чаша стояла примерно в полуметре от ближайшей к ней стены. Но вот только тут полностью отсутствовала сантехника для подачи воды, поэтому я засомневалась в том, что это ванна.

Обойдя ее и убедившись, что к ней все-таки не ведут хоть какие-то шланги, из которых могла бы поступать вода, я подняла взгляд на Кремера и спросила:

– Если это ванна, то откуда берется вода?

– Понятия не имею, – Кремер тоже осмотрел ванну, – хотя мы же не можем знать наверняка, что в этом мире вообще есть необходимость принимать ванну с водой.

Мне вдруг стало любопытно, а есть ли в этом мире необходимость ходить в туалет.

Чуть левее от ванны я обнаружила еще одну ширму, которая, в свою очередь, скрывала еще одно каменное пространство, и поспешила туда. К моему счастью я обнаружила нечто, очень напоминающее обычный человеческий унитаз. Ну, почти обычный. Он тоже был сделан из камня темно-серого цвета. Но опять-таки я не видела ничего, что было бы связано с системой подачи и спуска воды.

– О, смотри, а это, кажется, местный туалет. – Кремер уже стоял возле меня, и увиденное его веселило. – И я не пойму, как им пользуются.

После плотного ужина и вина мне захотелось поскорее узнать, как пользоваться благами потусторонней цивилизации. Я оттолкнула Кремера за ширму и скрылась от его глаз.

– Не знаю, но я хочу воспользоваться туалетом. Так что отойди и не подслушивай.

Когда я поняла, что наемник отошел, стала разглядывать унитаз. Я сильно смущалась, но что поделать? Против природы же не попрешь, а ходить в кустики в землях Фейсала мне уже не было необходимости. Я еще какое-то время сомневалась, но мой переполненный мочевой пузырь призывал рискнуть и воспользоваться странной формы унитазом. Когда я присела, сделала все свои дела и встала, то обернулась на вполне характерный для работающего унитаза звук. Вода заполнила чашу унитаза и испарилась так же внезапно, как и появилась.

– Да тут крутая автоматика!

– Я рад, а то беспокоился о возможных неприятных запахах. – Кремер смеялся.

– Болван! – Я тоже смеялась.

Банальные житейские задачи сбавили градус напряженности между нами.

Я вышла из-за ширмы и не увидела Кремера. Он вернулся вглубь пещеры, оставив меня возле ванны.

Интересно, если забраться внутрь ванны, то появится вода?

Решив проверить свою теорию, я быстро разделась, ски-

нув одежду на пол в одну кучку, подошла и провела рукой по каменному краю предполагаемой ванны. На ощупь она оказалась очень гладкой и теплой, словно внутри камня спрятан подогревающий механизм. Но стоило мне ухватиться за край ванны в попытке в нее залезть, как чаша немедленно наполнилась водой почти до самых краев.

– А вот и вода! – вскрикнула я, даже не пытаясь скрыть свой восторг.

– Неужели? – Кремер явно хотел увидеть это собственными глазами.

– Не входи!

Я быстро запрыгнула в ванну и на всякий случай прикрыла себя руками, погрузившись в воду по самый подбородок. Не то чтобы я сильно стеснялась, но я не привыкла принимать ванну на глазах у кого бы то ни было. Но как только вода сомкнулась вокруг моего уставшего тела, я позабыла обо всем на свете. Блаженство!

Я мгновенно расслабилась и закрыла глаза. Ванна была настолько большой, что позволила мне растянуться в полный рост, раскинув руки и ноги. Полностью я не погрузилась в воду только потому, что моя голова покоилась на краю ванны. Но все мое тело приняло расслабленную позу и покачивалось в теплой воде.

– И почему же мне запрещено входить и любоваться столь прекрасной картиной?

Я резко распахнула глаза и уставилась на Кремера, кото-

рый навис прямо надо мной всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Я уставилась в его темные глаза, в которых отражался свет, исходивший от круглых шаровидных каменных свечей. Не сразу найдя, что ему ответить, я просто молча всматривалась в его безупречное мужское лицо.

Наемник молча отодвинулся от меня и выпрямился, по всей видимости все еще ожидая от меня ответа. Или мне только казалось, что ему нужен мой ответ.

– Вот и я не вижу причин, почему мне нельзя тут находиться и разделить с тобой ванну.

Мое молчание он воспринял как приглашение?

– Разделить со мной ванну?

Я нахмурилась, когда поняла, что Кремер начал раздеваться.

Разговор о родителях Кремера и мои размышления о мести, мысль которая плотно укоренилась среди всех чародеев и магов, зародили во мне серьезные сомнения насчет правильности моего поведения с Кремером. И лишь приятное действие воды ненадолго прервало мои рассуждения на сей счет.

– Думаю, это не лучшая идея. – Я попыталась остановить наемника. Мысленно поискала в голове причины, почему мы сейчас не должны быть в одной ванне вместе, но ничего не нашла. Да, я не в восторге от того, что Кремер мне сообщил, но мне сложно противостоять подобному мужчине, который в данный момент ведет себя так, словно у нас не было непри-

ятного разговора.

Хотя стоп! Может, этот разговор был неприятен только мне? Может, Кремер и не заходит так далеко? Что если он совсем не беспокоится по поводу того, что будет с нами и как отреагируют на наши с ним отношения чародеи и маги?

Кремер неожиданно остановился, после того как уже снял свой пояс чародея и небрежно откинул его в сторону. Видимо, на моем лице Кремер смог разглядеть сомнения и страх. Может, он даже смог почувствовать мою боль от мысли, что Кремер не придает такой значимости нашим отношениям. В конце концов, я могу быть для него всего лишь мимолетным увлечением, «курортным романом». Тогда как он для меня стал возможной причиной измены всем магам.

– Алика, прекрати анализировать каждый мой шаг. Я хочу, чтобы ты расслабилась и представила, что находишься в крутом спа-салоне.

– Спа... чего?

– У тебя такой взгляд, будто мы незнакомцы, случайно оказавшиеся голыми в сауне, хотя бронировали ее для уединенного посещения.

Я попыталась представить описываемую Кремером картину, и это заставило меня громко засмеяться. Мой смех Кремер явно принял за руководство к действию, поскольку его руки зацепили край футболки.

– Мы и есть незнакомцы, если уж на то пошло.

– Неужели? – Кремер хмыкнул и стянул с себя футболку,

откинув ее куда-то в направлении чародейского пояса. – Тогда, может, нам стоит познакомиться поближе? Привет, красавица, меня зовут Кремер. А как величать самую прекрасную на свете женщину?

Так нечестно. Льстивые слова, произнесенные низким и хриплым голосом, да еще и представ передо мной в таком виде, когда я сама абсолютно обнажена? Это борьба без правил и которую я проигрываю. Его бицепсы заиграли под загорелой кожей, когда он опустил руки к своему ремню. Дальше мой взгляд пробежался по его широким плечам и мощной груди, к которой хотелось непременно прижаться, а после жаркого секса уснуть, опустив голову на эту гору мышц.

Следя за точными и медленными движениями его пальцев, которые справились с ремнем и теперь расстегивали ширинку брюк, я приподняла глаза чуть выше и воздала благодарственную хвалу небесам за точеный мужской пресс с ярко выраженными кубиками. Когда Кремер остановился, я готова была уже крикнуть, чтобы не смел останавливаться.

– Алика, я хочу, чтобы ты усвоила одну мысль. – Эти слова заставили меня оторвать взгляд от его живота и посмотреть в лицо чародея. Когда он понял, что завладел полным моим вниманием, продолжил: – Что бы ни произошло дальше с нами тут или в любом другом мире, мы найдем способ решить любые проблемы, мы сможем побороть любой кризис и сокрушить любого врага, но при одном условии.

Мы? Мы вместе?

– Каким условиям?

Я ошибалась, Кремер тоже осознает всю сложность наших отношений. Он понимает, что речь идет не только и не столько о нас двоих, сколько о народах, которые созданы быть врагами.

– Ты никогда не будешь закрываться и сбегать от меня, как это случилось недавно после нашего с тобой разговора.

– Но...

– А я всегда отвечу на любой твой вопрос предельно честно и откровенно.

Да, но что если на карту будет поставлена безопасность чародеев? Сможет ли он и в этом случае ответить мне на мои вопросы? Как далеко простирается его открытость со мной? Хотя я не стану задавать подобный вопрос, я предпочту притвориться, что подобная проблема никогда не возникнет между нами.

– Даже тебе понятно, что все не так просто.

Я не желала спорить с Кремером, это совершенно ни к чему. В этом вопросе мы новички. Никто и никогда не оказывался в нашем положении. Никогда чародеи не были близки с магами, никогда еще во всей истории бессмертных миров двое из противоположных лагерей не становились причиной для установления мира и взаимоуважения.

– Согласен, но мы можем хотя бы постараться быть честными друг с другом.

В ответ я лишь кивнула. Это мы можем.

Кремер скинул ботинки и наклонился, чтобы стянуть штаны. Выдернув ноги из брюк, он выпрямился, и в этот момент я затаила дыхание. На нем еще оставались боксеры, но и они вскоре последовали за брюками к остальной его одежде. Чародей и в одежде производил на меня сильное впечатление с примесью страха, а обнаженный чародей, да еще и самый красивый мужчина для меня, заставил меня буквально задрожать. Я ухватилась за край ванны, чтобы не потянуться к его божественному телу.

Кремер в один шаг достиг ванны и погрузился в нее. Чтобы он поместился, мне пришлось поджать к себе ноги, согнув их в коленях.

– А ты эгоистка, если хотела наслаждаться тут в одиночку.

Кремер сидел напротив меня, откинувшись всем своим роскошным телом на ванну, вода доходила ему лишь до середины груди, а голову он запрокинул и уставился в потолок.

– Удивительно, как начинаешь ценить самые простые вещи, оказавшись в сложной ситуации, – почти шепотом произнес наемник.

Наблюдать за расслабленным Кремером было сплошным удовольствием. Раньше я могла лишь представить, каково это – видеть этого загадочного мужчину в состоянии, когда все его барьеры сломаны, когда он позволяет себе быть самим собой. Мне показалось, что я могу наблюдать за подобным состоянием Кремера вечно.

Внезапно меня больно кольнула ревность: а сколько жен-

щин видело его в таком состоянии? Со сколькими он позволил себе быть не таким, каким его знают окружающие?

Видимо, он вновь почувствовал мое напряжение и опустил одну руку в воду, чтобы ухватить меня за лодыжку. Поднимая голову, он одновременно подтащил мою ногу и уложил ее к себе на бедро.

– Постарайся получать удовольствие даже тогда, когда это кажется сумасшествием.

На этих словах он обернул ладонь вокруг моей ступни. А я постаралась следовать его совету.

– Спа-салон, говоришь? А массаж предусмотрен?

– Вот, это моя девочка! Одобряю! – Кремер начал мягко массировать мою ступню, что было и немного щекотно, и очень расслабляюще.

А от слов «моя девочка» я была готова раствориться в воде. Когда Кремер тщательно промассировал всю мою ступню и каждый пальчик, он потянулся к другой моей ноге, чтобы уделить ей такое же внимание.

Между нами была тишина, нарушаемая моими приглушенными стонами удовольствия. Но эта тишина несколько не беспокоила. Кремер, казалось, был полностью поглощен массажем, а мне не хотелось отвлекать его разговорами.

– Мне нравится твоя улыбка, Фитилёк. Такая расслабленная и нежная, ты сжигаешь мое сердце изнутри.

Сжигать его мне вовсе не хотелось, я немного напряглась.

– О, нет. Ты меня опять поняла неправильно. – Кремер

сам немного напрягся. – Я никогда не позволял себе чувствовать что-либо к женщинам, мне казалось неправильным позволять себе привязываться к ним. Ведь это может быть опасно для них. И потом, у меня всегда был плохой пример семейной жизни – моя мать до сих пор страдает. Я не желал подобного для себя.

Я пыталась воспринять его слова как-то иначе, но разве Кремер только что не признался мне в своих чувствах?

– А со мной дела обстоят иначе? – Я забыла о массаже пальчиков.

– А с тобой мне не приходится опасаться потерять тебя.

То есть он не планирует привязаться ко мне и нет причин бояться меня потерять? Я опустила глаза и уставилась на свои руки, от теплой воды кожа на них уже начала меняться.

– Я хочу сказать, – Кремер выпустил мою ногу, придвинулся ко мне и, ловко приподняв, развернув меня и опустил к себе на колени спиной к нему, – что нашел женщину, которую могут бояться все остальные, женщину, которая способна постоять за себя и своих любимых. – Мужчина наклонился губами к самому моему уху и прошептал: – Женщину, обладающую достаточной силой, чтобы *даже* защитить меня. Это очень возбуждает.

И я прекрасно чувствовала, что именно он имел в виду под словом «возбуждает». На этот раз я позволила себе воспринять слова Кремера так, как они звучали, а не ища скрытого смысла и подтекста. Всю жизнь я мечтала стать сильной,

а когда подобный наемник сообщает, что я являюсь угрозой для окружающего мира, но под его защитой, – это выше всех моих смелых фантазий и ожиданий. Так что да, я с радостью поверила его словам.

– Ты даже не представляешь, как приятны мне твои слова.

– Но Алика, – он обнял меня за талию, крепко прижал к себе и все так же на ухо прошептал: – ты никому и никогда не расскажешь о нашем разговоре.

Только вот черт... это прозвучало как угроза. Я повернула голову к нему в попытке встретить его взгляд.

– Я...

– Поскольку как порядочный чародей я просто буду обязан на тебе жениться после моего позора.

– Признаться в своих чувствах ко мне – это для тебя позор?

Не успела я возмутиться, как Кремер громко рассмеялся и сообщил:

– Конечно! Я буквально опозорил свою чародейскую задницу перед воинами Фейсала, ведь меня спас бессмертный, не достигший даже своего бессмертия!

Когда я расслабилась и тоже начала смеяться, Кремер нежно прикусил меня за плечо.

– Ты была великолепна и смертоносна. Сильное зрелище!

– Обращайся, когда понадобится еще раз спасти твою чародейскую задницу.

Все еще улыбаясь, я почувствовала, как Кремер потянул-

ся за чем-то. Когда я развернулась и увидела, что он тянется к небольшому хрустальному кувшину с непонятными надписями, состоящими из странного вида завитушек, палочек и изогнутых линий, меня тоже заинтересовало содержимое этого кувшина.

– Что это?

Я увидела небольшой стеллаж с матовыми полками. На самой нижней лежали белоснежные полотенца, а на двух верхних стояли странного вида сосуды и кувшинчики.

– Полагаю, это нечто, что исполняет роль шампуня или геля для душа. Во всяком случае, аромат приятный, и я не учуял в жидкости опасных ингредиентов.

Кремер дал мне понюхать содержимое кувшинчика. Он прав: что бы это ни было, пахло невероятно, хоть я и не могла опознать, что может источать подобный аромат.

Кремер щедро налил благоухающую жидкость в свою огромную ладонь и принялся нежно намыливать мои волосы, временами другой рукой зачерпывая воду и обильно смачивая мою голову. Движения мужчины были медленными, пальцы нежными, и он умело массировал мою голову, даря мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Кремер моет мои волосы!

Только от одной этой мысли пальчики на ногах поджались, я плотно зажмурила глаза и отдалась на милость умелым рукам наемника в райском оцепенении.

А он знал толк в том, что делал. Моя кожа начала покры-

ваться мурашками, он совершенно точно угадывал мои желания: где-то надавливал сильнее, где-то лишь слегка касался пальцами. Кто бы мог подумать, что смертоносный наемник способен на подобное?

– Наклони голову.

Я с трудом расслышала его просьбу, абсолютно затерявшись в своих ощущениях. Но сделала так, как он просил.

Кремер начал смывать *шампунь*, но как только вода коснулась моих волос, ароматная пена просто стекла сама собой, оставив чистые волосы и приятный флер райских цветов.

– Я определенно стала фанаткой данной марки шампуня, – сказала я, проведя рукой по своим волосам и убедившись, что они идеально промыты. – Как думаешь, могу я купить это в местном супермаркете?

– Боюсь, местная таможня не позволит провезти с собой контрабанду. Или таможенные платежи будут непомерными.

Я негромко рассмеялась. Я поняла одну вещь: мне с Кремером довольно спокойно и легко дается общение. Мы можем спорить, ругаться, шутить, но мы открыты друг другу в своих словах. Не помню, чтобы я могла чувствовать себя столь раскрепощенной хоть с кем-то. Даже с Ремисом мне приходилось думать, как и что сказать. А с наемником я позволяю себе открывать свои эмоции и не подбирать тщательно каждое слово.

– Ты заметила, что вода не охлаждается и, несмотря на

смытую пену, вода чистая и прозрачная?

Нет, я не обратила на это внимания. Все, на что я смотрю и на чем заостряю внимание, – это сам Кремер.

– Правда?

Ответа не последовало, Кремер нахмурился.

– В чем дело?

– Алика, я много где был и много что видел в своей жизни, но подобного нигде не встречал. Что-то мне подсказывает, что это силы божественного порядка.

– Пусть так, и что?

Я уже знала, что он скажет и к чему клонит, но изо всех сил старалась не нарушать нашу, возможно, короткую «рекламную паузу» в приключении под названием «Катастрофа». Мне хотелось максимально продлить безмятежность и мнимое ощущение блаженства.

– Забудь! – Кремер улыбнулся и устался на мою грудь, которая теперь не была спрятана под водой и пеной. – Итак, на чем мы остановились?

– Теперь моя очередь позаботиться о тебе? – Я потянулась к полке с кувшинчиками, но не смогла их достать. – Не подайшь мне вон тот, на котором изображена сова?

– Конечно.

Кремер развернулся, насколько это было возможно, учитывая, что я сидела на нем, теперь уже полностью развернувшись к нему лицом. Протянув руку к баночкам и кувшинам, он замер.

– Я не вижу тут совы.

– Ну как же? Вон, с выпуклым горлышком и бежевой матовой ручкой.

– Так, и где ты тут увидела сову? – Кремер перевел взгляд с кувшина на меня, и его брови медленно поползли вверх. – Нам необходимо обсудить твои ассоциации, милая. Это не сова, эта два круга, а сбоку их обрамляют линии, закручиваясь в спирали наверху.

Я не нашлась, что на это ответить, ведь мне эти круги напомнили глаза, а закрученные линии сбоку – уши совы. Кремер просто рассмеялся:

– Ладно, пусть будет сова.

Он вновь немного развернулся и достал мне кувшин. Открыл крышку и понюхал.

– Пахнет иначе, но тоже безопасно.

Я взяла кувшин и немного сползла с колен Кремера, жестом руки давая понять, чтобы он развернулся ко мне спиной.

Перед тем как выполнить то, о чем я его попросила, он забрал кувшин в свои руки. Затем повернулся, но не очень аккуратно, и вода волной вылилась за края ванны.

Когда он разместился в удобной для него позе, я прикоснулась к его голове и забрала у него кувшин, открыла крышку, капнула местной косметики прямо на макушку Кремера, после чего стала втирать пену в его черные волосы, которые от воды стали еще темнее.

– Я вот думаю, что бы мне сейчас сказал Ремис, узнав, что я намыливаю голову самому известному наемнику?

– А я не хочу, чтобы Ремис знал о таких подробностях нашей интимной жизни. Сомневаюсь, что хоть какой-то брат одобрил бы подобные истории своей сестры.

– Но рано или поздно Ремис все равно узнает, что мы с тобой близки.

– Я не об этом, милая. Я о том, что, надеюсь, вы не из тех братьев и сестер, которые делятся друг с другом всеми деталями сексуальной жизни, словно подружки на девичниках?

– Конечно, нет!

Я громко расхохоталась. Мы с Ремисом даже вкусовые пристрастия не обсуждаем, не говоря уж о подобном! Даже от одной мысли, что Кремер мог так подумать о нас, мне стало смешно... и грустно. Нет, мы совершенно точно не близки с братом.

– Хорошо, а то, знаешь ли, как-то неловко будет смотреть ему в глаза, когда он будет знать, что именно я выкрикиваю при оргазме.

Мне стало очень любопытно послушать, что же Кремер выкрикивает.

Я позволила своим рукам с головы мужчины перейти на его шею, а затем массирующими движениями к его плечам.

– Как приятно!

Кремер запрокинул голову и наклонился ко мне. Это позволило мне дотянуться до его груди и даже чуть ниже.

Я водила руками вверх-вниз по его груди и иногда возвращала руки к его волосам, заодно нежно массируя мочки его ушей. Вскоре я обратила внимание, что дыхание Кремера изменилось. Он что, уснул?

Когда я прислонилась к его волосам щекой, ощутила, как он напрягся.

– Все в порядке? Я что-то не то сделала?

Кремер молча отстранился от меня и, зачерпнув воду, начал смывать с себя пену, после чего произошло ровно то, что было ранее, – пена просто исчезла, а вода в ванне вновь стала прозрачной.

Не поворачиваясь ко мне, Кремер поднялся и перешагнул через край ванны. Затем прошел к стеллажу и поднял полотенце. Я бы залюбовалась его крепкой задницей, если бы он вскоре не обернул вокруг бедер полотенце. После чего повернулся ко мне.

Что такое?

Такое внезапное изменение в поведении Кремера меня немного смутило.

Но он все так же продолжал хранить молчание. Я глазом не успела моргнуть, как он наклонился и одним движением вытащил меня из ванны. Когда он поставил меня перед собой и отошел взять второе полотенце, я заметила, что вода из ванны исчезла, а сама ванна была уже абсолютно сухой.

Кремер вернулся ко мне с полотенцем в руках, его лицо не выказывало эмоций, но в глазах читалось некоторое вол-

нение.

Я уставилась на него, совершенно не заботясь о том, что стою перед ним обнаженная и мокрая. Но Кремер меня удивил, когда вместо того, чтобы просто передать мне в мои протянутые руки полотенце, сам начал меня вытирать.

Для этого он зашел мне за спину и, начав с головы, постепенно опускал полотенце все ниже, тщательно проводя нежной тканью по коже.

– Ты даже не представляешь, Алика, как сильно влияешь на меня.

Его слова, прозвучавшие столь неожиданно, что проникли в каждую клеточку моего тела, достучались до самого сердца, согревая меня и распалая.

– Ты захватила мои эмоции и контролируешь их, ты заставляешь меня задумываться о таких вещах, о которых я не позволял себе даже мечтать.

Нежными движениями он опустил полотенце к моей груди, отчего мои соски мгновенно затвердели. Хотя его скрипучий голос возымел тот же эффект.

– Кремер...

– Тихо, позволь мне сказать... – Кремер сквозь полотенце сжал мою грудь. – Алика, с тобой я не узнаю себя. Меня, которого я знал все эти века, больше нет.

Мужчина отпустил мою грудь и двинулся ниже к животу. К этому моменту мне стало очень тяжело следить за его словами.

– Мне достаточно посмотреть тебе в глаза, и знаешь, что я чувствую?

Он не стал дожидаться ответа.

– Я впервые ощущаю слабость и неуверенность в себе. Мне эти чувства незнакомы. Раньше были незнакомы.

Кремер опустился на колени, чтобы теперь полотенцем вытереть мою попку, а затем просунул полотенце между моих бедер. Это заставило меня свести бедра.

– Позволь мне, не закрывайся от меня, милая.

И я позволила.

Он обернул полотенце вокруг одной ноги и провел полотенцем мучительно медленно до лодыжки, а затем так же медленно поднял его вверх и обернул вокруг другой ноги. Он повторял свои манипуляции, заставляя меня гадать, что он намерен делать дальше.

Кремер поднялся и отбросил полотенце в сторону, встал напротив меня и заглянул мне прямо в глаза, словно ища ответы на свои вопросы. И в этот момент я не видела в нем смертоносного убийцу-воина, я увидела просто мужчину, который обладает внутренней силой и знает, что вызывает страх у окружающих, но при этом всем в нем возникает доселе неизвестное ему чувство – уязвимость.

Эмоции захлестнули меня, я и не представляла себе, что когда-нибудь хоть какой-то мужчина может так посмотреть на меня. Заглянуть мне в глаза в надежде найти отклик на порывы своей души. Именно он, а не только я, в вечном по-

иске замка для своей души. Крепости, где есть все, чтобы защитить свое сердце от врагов. И мое сердце полностью готово откликнуться этому наемнику, я готова выступить лучником на башне для защиты его замка.

Кремер вплотную приблизился ко мне, и мне пришлось высоко поднять голову, чтобы сохранить зрительный контакт. Мне бы стоило беспокоиться, но ровное дыхание Кремера ласкало мои губы и усмиряло меня. Я готова принять все слова, которые произнесет Кремер, все прикосновения, которые он может подарить. Я приму Кремера всего и целиком. Я хочу держаться за него и никогда не отпускать. В подтверждение своих мыслей я, подняв руки, обняла его за шею и притянула к себе, а он обернул руку вокруг моей талии и тихо произнес:

– Ты моя, прими это сейчас или скажи «нет», и тогда мы не вернемся к этому вопросу уже никогда.

Может, учитывая все мои сомнения, которые были раньше, правильное было бы сказать «нет», но, глядя в его глаза, наполненные желанием, страстью, нежностью, и понимая всю убийственную хрупкость нашего единения, я даже под дулом пистолета не смогла бы произнести это слово.

Кремер, чуть нагнувшись, обернул другое огромное полотенце вокруг меня и подхватил меня на руки, понес в сторону кровати, при этом он неотрывно смотрел на меня. Думаю, он все же ждал, что я буду протестовать. Может, он на это надеялся?

Нет, протесты сегодня не входят в мои планы. Прости, Кремер, но я не протестую!

Он положил меня на середину кровати и немного отступил. Я неподвижно лежала и всматривалась в мужчину, к которому испытывала одновременно страх, уважение, страсть и... любовь.

Его черные глаза были сосредоточены на мне, но он не шевелился и даже, казалось, замер во времени и пространстве. Он просто неотрывно смотрел на меня, и под его взором я не дрожала, мое тело не сопротивлялось, я просто покорилась ему, мое тело сдалось на его милость раньше, чем сердце, не говоря уж о разуме.

Никто из нас не произносил ни звука, мы оба были в состоянии немом шока. Мы оба не думали, что такое возможно!

Источник и чародей!

Но жесткий матрас дал мне понять, что это не сон! Я находилась в той реальности, где я с Кремером и где я согласилась на все его условия, как уже озвученные вслух, так и те, которые могла лишь предположить.

– Ты...

Хотел ли он произнести очередной комплимент или услышать от меня хоть что-то, но я была столь же немой, как и он. Казалось, время застыло, мы застыли. Между нами должна бы возникнуть стена из всех сомнений и причин, по которым мы не должны оказаться вместе, но перед всеми этими мыс-

лимыми причинами возникло наше единство душ и сердец вопреки всей ненависти, которая окружает магов и чародеев. И нет силы, способной нам помешать. Только женщина посередине кровати, которая ожидает действий от своего мужчины. И мужчина, который вознамерился получить то, чего так страстно желает.

Нам необходим шаг ответственности, кто-то из нас должен признать: это моя вина, я не хотел предавать свой народ.

Кто сделает это?

Кто сделает шаг навстречу друг другу, шаг, который соотрет все различия между нами и соединит нас, несмотря на волю всех богов и ненависть между нашими расами? Шаг, который заверил и молчаливо скрепил бы сделку: мы оба согласны быть вместе, мы оба осознаем последствия, и мы оба готовы понести наказание за наше решение.

Кремер хотел, чтобы я приняла факт его обладания мной или возразила. А я не хочу возражать. В конце концов, Источники всегда нарушали правила, и мне совсем не хотелось сейчас изменять этой древней традиции магов. Я хочу получить этого мужчину, и я получу его!

– Не заставляй меня ждать, Кремер.

Я протянула к нему руку, ожидая, что он не передумает. И он не разочаровал меня. Он словно пришел в себя от оцепенения и сделал шаг мне навстречу, но не принял мою руку.

– Алика, я хочу, чтобы ты полностью понимала, что именно делаешь.

С этими словами Кремер все же нагнулся ко мне, вернее, уже навис надо мной.

Полотенце все еще было обернуто вокруг его талии, и мне это мешало любоваться Кремером, его бессмертным и опасным телом чародея, может быть, первый и последний раз в жизни, даже несмотря на то что наше общее «завтра» нам больше не позволит ступить на тропу счастья, следующего за маршем Мендельсона. Не факт, что за этим обязательно следует счастье и бессмертные в этом марше нуждаются. Но очевидно, что наши с Кремером отношения – Источник плюс чародей – не раскрыл еще ни один психолог по проблемам семейных отношений. Так что будущее туманно, а значит, незачем засорять голову фоторамками наших счастливых дней. Нет, только сейчас и только с ним я хочу потерять голову и отдаться зову сердца.

Здесь и сейчас, хотя я понятия не имею, где мы находимся.

Я могу пожалеть?

ДА!

Я всю жизнь жалела себя, родителей, брата... этот список бесконечен. И об этом тоже я могу потом пожалеть, но впервые в жизни мне ПЛЕВАТЬ! Мне плевать, пожалею я об этом или нет.

Мне показалось, что от этой мысли во мне что-то переродилось. словно я изменила сама себе, но вместо осуждения я аплодирую стоя!

Понятия не имею, каким стремительным вихрем сомнений забил свою голову Кремер, но он продолжал неподвижно нависать надо мной и смотреть на меня так, что у любой не верящей в свои достоинства женщины возникло бы желание прикрыться. Он не был мужчиной, который когда-либо захотел бы меня, вернее, раньше я так думала.

– Ты это говоришь мне или себе самому?

Машинально я потянулась к одеялу, чтобы натянуть его на себя.

Несмотря на все желание отдаться этому мужчине, я до сих пор не могла поверить, что Кремер, величайший наемник и чародей, о котором я мечтала много лет, желает меня. Он не просто желает моего тела, он ждет от меня ответа, который влечет определенные последствия для очень многих.

– Я говорю, – он указал взглядом на мою руку, которой я пыталась укрыться, – поздно строить из себя скромницу, убери руки от одеяла и лучше скинь полотенце с себя.

То ли сила моего возбуждения, то ли сумасшествие магов, о котором я так много слышала, заставили меня откинуть одеяло, полотенце и развести руки в стороны.

– Тогда меньше разговоров и сомнений, Кремер! – Я медленно согнула колено и отвела одну ногу в сторону. – Тебе пора забыть слова, вопросы и ответы и сделать то, чего мы оба так желаем!

Я ведь сейчас не приказывала ему?

Глава 30

Прислонившись к тяжелой двери, я тяжело вдохнул и медленно опустошил легкие. Необходимо взять себя в руки для встречи с Хафом, иметь непринужденный вид... опять. Хотя, может, это лишнее, ведь только Хаф всегда меня защищал, несмотря на все, что я делал. Почему я хочу казаться ему не тем, кто я есть?

Может, потому, что я, находясь в его милости, отрицаю его власть надо мной? Или потому, что Хаф вступился за меня перед Отцом? Я никогда не просил Хафа об этом, и его поступок навсегда останется для меня загадкой. И да, я никогда не спрошу, почему он так поступил.

Пора. Пора двигаться дальше.

Давненько я не выходил из своей норы. В последний раз я это делал, движимый гневом в симбиозе с надеждой, что послужило некоторым разрушениям стараний Хафа. Но ведь могло быть все гораздо хуже! Превращенная в пыль арена – ничто по сравнению, скажем, с убийством пары сотен его рабов.

Онгхусы. Лучшие творения Хафа служат всеобщему благу – спасают и хранят души умерших. Если они такие большие молодцы, почему бы брату не сделать их счастливыми или хотя бы не задуматься над этим? Хаф бесится от того,

что я зову их миньонами. Но как их еще назвать, если вся их жизнь – служение? Они ничего не просят и без лишних вопросов служат брату, так могут жить лишь покорные рабы. Иначе они бы уже давно запротестовали против той участи, для которой их создал братец. Строительство арены для онгхусов не сделает их полноценными бессмертными. Им создадут это, только чтобы сделать их клоунами. Это опять-таки не их выбор, а выбор их хозяина – Хафа, который лишь спустя многие тысячелетия их службы вдруг озадачился «благоустройством их жизни»!

И что бы там ни думал брат, онгхусы всего лишь слуги, пусть и при знатной особе на почитаемой всеми службе. Но как ни наряжай их, как ни величай их деяния – они рабы, если не имеют выбора своего собственного пути и своей жизни.

Склонив голову к груди и сделав пару вдохов и выдохов, я со всей силы ударил затылком дверь, которая скрывала за собой изнывающего онгхуса. Взрыв тупой боли в моей голове немного привел меня в чувство и не позволил пуститься в размышления о том, на что я обрекаю того, кто вопреки воле своего господина помогает мне. Единственный, кто мне сейчас помогает, единственный мой союзник.

Как же низко я пал! Мой единственный союзник – жалкий слуга брата! Когда-то я не нуждался в союзниках, когда-то все сыны Отца искали союзника во мне. Когда-то я был силен, а теперь я никто. Запертая мышь в клетке из чистого

золота, которой подкидывают лучшее зерно, а еще судачат о том, что я главное разочарование Отца.

Оттолкнувшись от двери и своих раздумий, я направился к выходу. Эта мышь еще способна перегрызть клетку! Держите свой хлев под защитой! Я скоро окажусь на свободе.

В прошлом я не беспокоился о своем окружении. Оно просто было. К чему оглядывать интерьер и экстерьер божественной клетки? Это мое наказание, мой позор, мое поражение как бога. И как бы Хаф ни старался, для меня его мир – обычная тюрьма. Для меня мое окружение – мой позор, который каждый день напоминает о себе.

Я никогда не признаюсь даже себе, что и Хаф, и Фейсал смогли превзойти меня. После всех моих деяний Отец отозвал всех сыновей к себе. И они, конечно же, подчинились. Отец восхищался этими двумя... как он выразился? Ах, да: «Вы познали истину, которой я служу, вы – достойны». Коротко и тупо. Истина? Да в чем истина-то? Фейсал изображает судью, а Хаф спасает души, порожденные Отцом. В чем смысл всего этого?

Ненавижу тебя, Отец, ненавижу!

И если этих двоих считают лучшим проявлением Отца, остальных сыновей – достойными, то меня считают убожеством, который опозорил божественное. Меня принимают за безумца с несостоявшейся душой. Безумен ли я? О! Я всегда согласен с теми, кто по своим субъективным причинам считает меня безумцем. Не считаю нужным их в этом пе-

реубеждать. Где грань между безумием и нормальностью? Мой Отец, тьфу! Он, великий и всемогущий, считает, что управляет вселенной. Вселенной, которая простирается на все мыслимые измерения. Распространяет свою силу среди тех, кто считает, что блики на мониторе компьютера – это исключительно их заслуга. Заслуга человечества. Он породил *жизнь – человечество*, и он стоит во главе этой жизни. Пусть не сам, но с помощью своих детей – богов. Это ли не безумие? Он породил души, а потом бросил их! И после этого они считают безумным меня? Меня?!

Дети, Его дети – боги. Им всем были дарованы возможность, сила и *вера*. И они не подвели Отца, нет. Они создали миры, которые способствовали развитию и процветанию вселенной и человечества. Перед богами преклоняли колени как смертные, так и бессмертные. Им воздвигали храмы и возносили молитвы. Вот оно – истинное безумие. Никто из детей Отца не делал благ для вселенной. Все тешили свое эго и чесали лишь свое тщеславие – посмотри, какой мир, и бессмертных я создал!

Только я желал создать нечто прекрасное с истинным сердцем от самого Отца и не для того, чтобы кому-то служить! Я не создавал прислугу для Отца.

И после этого меня подвергли остракизму. Я – безумный предатель веры! Я – тот, кто усомнился в силе Отца. Я посмел вмешаться и нарушить баланс.

Виновен? Признаю! Сожалею? НЕТ!

Я не стремился доказать свою силу, не разглагольствовал о вселенском благе, я вложил свою душу и сердце в каждое созданное мною существо. И сделал я это честно, не обманывая себя и окружающих, не перекалдывая свои амбиции на своих детей. Я открыто провозгласил, что теперь есть бессмертные, которые могут заменить всех и вся! Они имеют на это право, ибо вмещают в себе силу богов, они прекрасны, как и полагается быть тем, кто желает быть подобием Отца! Но нет! Оказывается, принцип *«плоть от плоти»* заканчивается в точке, где пересекаются силы богов. Дети не могут быть сильнее Отца? Им не позволено решать свою судьбу наравне с остальной вселенной?

«Безумие!» – кричали они! Отец, решивший, что управляет вселенной, вдруг оказался не готовым к подобному исходу? Неужели он не допускал такой мысли? Именно он позволил этому случиться и ДОПУСТИЛ это!

«Управлять сверху» и «закрыть глаза и даровать свободу» – такие разные понятия, не правда ли? В первом случае тебя одарят сладкими речами, как в случае с Хафом и Фейсалом, а во втором закидают камнями и оболют презрением. В первом – ты герой, во втором – слабак и предатель.

Но разве Отец не закрыл глаза? Разве он не отвечает за события, которые произошли под его руководством? Отвечал и продолжает отвечать! Он позволил пролиться слезам, а обвинил в этом лишь меня? Почему ему рукоплещут, в то время как я всеми презираем?

Он это позволил, промолчал, не помешал. Он слепо наблюдал! А когда стало понятно, что его сын взял в руки управление, сразу вдруг появились *справедливость и разум!*

Я – сын моего Отца! Да, я мог бы это сказать, но ведь от меня отвернулись все, не так ли? Фейсал приговорил к смерти все, что я создал, все, что было мне дорого. И если Отец не способен создать расу, способную себя самостоятельно защитить и обеспечить необходимым, не способен дать им свободу – обязательно появится тот, кто может даровать им это, а еще подкинуть сил и парочку шальных привычек к возмущению.

Называете меня безумцем? ДА! Я согласен!

Но я не буду за это извиняться! Ты дал мне силу и возможность, но не смог предвидеть мои шаги. Это твои упущения, а не моя вина! Ты забрал мои силы, я не могу больше создавать, ты ограничил меня, но это еще не конец, Отец, НЕТ!

Вдох, выдох... медленно, но верно.

Чертов Каллан! Я не должен был выводить его из игры, мне он нужен вменяемым. Вменяемый и прямо сейчас. Надо-таки обуздать свое безумие, иначе на сей раз мне не удастся достичь желаемого.

Хаф! Надо срочно найти Хафа! Он дико меня раздражает, но при этом заставляет мыслить разумно.

Отбивая по каменному полу широкие шаги и продвигаясь по коридору роскошного заточения – результата приговора Отца и Фейсала, я старался придумать план «Б» на слу-

чай, если этот чертов миньон, который вылизывает сейчас мой пол, в скором времени не придет в себя. План «Б» пока не созрел, но я все же успел оценить красоту коридора (надо признать, коридоры моей тюрьмы весьма впечатляющие). Хаф стремился скрасить мое одиночество. Хаф... О, Хаф! Ты знал, что я люблю цвет оникса, и именно из этого камня ты соорудил эти прекрасные стены. Хотел скрасить мое одиночество или мое безумие?

– Хаф! Ты где?

Мне с трудом удавалось не кричать и окутывать себя цветущим настроением и вовсе не угрожающим.

– А как ты думаешь? Восстанавливаю твои разрушения!

Тупой ублюдок. Прекрасно – он пока не заметил исчезновения своего главного онгхуса.

Продолжая шагать и пережевывая свою ненависть в попытке не сплюнуть нечто отвратное, я все же попытался надеть на себя лучшую притворную улыбку, прежде чем выползти из коридоров своего заточения, словно голодная змея, застигнутая врасплох под холодным камнем в летний зной.

Когда я наконец-то вышел из своего кокона ненависти и презрения, удивился наличию света вокруг. Я мог бы переместиться, но к чему вызывать подозрения? Я ведь вовсе не спешу.

Свет и жизнь в аду – оксюморон? Нет, если верить Хафисвальду. Свет, но не свет, день, но не день. Нейтральность

тонов, запахов, жизни и смерти. Умиротворение – вот к чему стремился Хафисвальд.

Стоя перед выходом из своего псевдозамка, я не мог не отдать должного брату и не признать, что он создал прекрасный мир, мир, где смерть находит свои покои, но это сравнимо с детской колыбелью – нежность и забота в чистом своем проявлении. Да, я мог бы тут жить, но перед этим желательно убить всех онгхусов, забрать Колыбель жизни. Еще я бы стер проклятый туман, ну и... моего брата. Тогда получился бы идеальный мир для моего существования. Живи мои Источники, и я, быть может, не был столь категоричен и притязателен. Но моих магов приговорили, а потому не ждите понимания и трепета с моей стороны.

– Замечательно, ведь я хочу тебе помочь, брат.

Перемещение было быстрым и прямо за спину Хафа. После чего я похлопал его по плечу. Много раз я наблюдал, как общаются братья между собой. Кажется, они любят такие жесты, чтобы показать свое благожелательное намерение или что-то вроде того. Я все-таки не удержался и переместился... Черт, возьми себя в руки, Дуфф! Мое проклятье – полное отсутствие терпения.

Хаф резко развернулся и уставился на меня, его брови медленно, но верно поползли вверх. Что я опять сделал не так? Ах, ну да, приветливо поприветствовал брата, да еще и переместился. Это вызовет подозрение даже у червя в земле. Я – идиот!

– Ты покинул свое укрытие. Это уже второй раз за последние... напомним сколько лет?

– Да будет тебе, Хаф! Кто считает? Думаю, настало время. Улыбнись и держись непринужденно!

– Для чего?

Теперь его брови опустились и превратили лицо Хафа в средоточие неверия и сомнения одновременно.

– Я же обещал тебе помочь.

– Во-первых, – Хаф скинул мою руку, которая застыла на его плече по причине моего непонимания, что делать после того, как мило поприветствовал брата, – ты ничего мне не обещал, Дуфф, а во-вторых, мне не нужна твоя помощь, со строительством на *своей территории* я справлюсь сам.

Такая реакция меня насторожила. Хафисвальд всегда стремился к братским отношениям, только по этой причине он и защищал меня перед Отцом. Может, я переигрываю и мое прекрасное настроение теперь и впрямь становится подозрительным? И, конечно, я не смог не заметить ремарки о территории. Ревнует или боится?

Меняем тактику и сильнее давим на братские чувства.

– Ладно, ты прав. Просто ты мне сейчас очень нужен, иначе я сойду с ума.

Моя пародия на братские чувства была грубо прервана невероятно громким взрывом и яркой вспышкой. Казалось бы, я неуязвим и какой-то там взрыв должен быть проигнорированным, но в землях Хафисвальда это заставило меня

пригнуться и моментально воздвигнуть силовую защиту вокруг себя. Брат бы прикрыл брата, а я – лишь себя. Заметил ли Хаф?

– Это что за фигня?

Отряхиваясь от песка и пыли, я увидел, что Хаф не двинулся с места и не создал защиты для себя.

– Лишь то, что мне не нужна твоя помощь, как ты выразился.

Да, он определенно заметил, что защиту я на него не кинул, это заставило меня взглянуть на Хафисвальда другими глазами. Или он не уступает мне в притворстве, или он что-то подозревает. Он выглядел совершенно невозмутимым, что-то тут определенно не так!

– Прошу заметить, это именно ты давеча расстраивался и намекал, что не должно мне, засранцу, мешать твоим миньонам строить Третий Рим.

Лишь беглый взгляд на произошедшее позволил мне понять, что Хаф не утратил энтузиазма в управлении *своей территорией* после небольших коррективов, которые я внес в проект грандиозного строительства. Буквально в ста метрах от нас возник каменный исполин. Это даже не скала, хотя очень близко к определению. Камень был ослепительно белым, от него исходил пар, но удивляло то, что материал, из которого был сделан *пришелец*, мне был совершенно не знаком.

– Ты не должен был мне мешать, но о помощи я не просил.

Хаф развернулся ко мне и вторгся в мое святая святых – личное пространство. И пока я пытался понять, что это за камень, то не расслышал, о чем говорил Хаф. На мгновение я выпал из диалога.

– Дуфф, что тебе нужно?

Немного потрянув головой, я честно признал, что не очень хорошо знаю Хафа. О чем это он? Ах, да. Мне нужно тебя отвлечь, братец. Как минимум объясни происходящее! Земля Хафисвальда была безжизненной, и это его устраивало. Он считал, что ничто не должно отвлекать онгхусов от их прямых обязанностей. Но взрывы, онгхусы, которые суетливо бегают и выкрикивают друг другу какие-то команды, – и это происходит в самой скучной и безжизненной вселенной?

– Я хотел тебя увидеть.

Даже я почувствовал, что моя фраза наигранна. Хаф же не обращал внимания на пепел и движение, которое возникло возле... ЧТО ЭТО? Он просто смотрел на меня, а я хоть уже вернул себе свой привычный образ, но в сердце екнуло то чувство, которое всеми силами хочется заглушить, – уважение.

– Дуфф, из последней встречи я понял одно, – он окинул взглядом меня с ног до головы, – ты не изменился.

– И это так же ужасно, как и то, что я хочу видеть брата?

– Ты всегда мог меня увидеть, я всегда был рядом. Что изменилось? – Хаф ответил как-то устало, на выдохе.

Много чего: я узнал, что у меня есть причина взять се-

бя в руки и перейти к активной фазе мести. И, несмотря на неприятный скрежет в моей душе, Хаф остается тем, кто падет от моей руки, как и все остальные.

– Ты пришел ко мне.

Он пришел в ярость, как я того и хотел. Именно в этом состоянии можно лучше понять своего врага. Они все действуют одинаково, стоит лишь их разозлить. Но чтобы победить, нужно знать их слабые места и причины для их ярости.

– Был повод.

Сухой ответ, совсем не характерный для него. В своей паранойе я начал прокручивать обстановку. Что могло пойти не по плану? Да, Каллан! Хаф узнал об этом?

– И, как я тебе уже сказал, готов искупить свою вину.

Хоть я и стараюсь изо всех сил смягчить послевкусие нашей предыдущей встречи, по выражению лица брата можно заключить, что я с треском провалился. Вернись, Хаф! Ты мне нужен сейчас как никогда глупым и наивным.

Но Хаф невозмутим и крайне спокоен. И, что странно, я не вижу в его взгляде осуждения. Передо мной стоит невероятно сильный и красивый бог. Будь он простым человеком и не обладай своей божественной силой, он все равно бы притягивал к себе. Эти теплые глаза небесного цвета, русые волосы, которые мягко спускаются к его плечам. Взгляд, который дарит успокоение, в котором твоя душа ищет пристанище. Наверное, любая женщина, будь она смертная или бессмертная, мечтала бы находиться рядом с таким мужчиной.

Но Хаф одинок.

Тут меня осенило.

– Скажи, Хаф, только честно, ты спас меня, потому что тебе тут скучно и одиноко?

– Спас?

Хаф поджал губы. Как я и подозревал, ему одиноко, ведь вторую часть вопроса он не уточняет.

– Ты знаешь, о чем я.

К чему притворяться? Хаф проявил когда-то благородство и пристроил нерадивого брата.

– Отец не стал бы тебя убивать, он...

Я не позволил Хафу продолжить. Мой вопрос касался его одиночества, а не воспоминаний о нашем общем родителе. Поэтому я его грубо перебил.

– Заткнись! Не говори о нем в моем присутствии.

Немного смягчив свой тон, я добавил:

– Пожалуйста...

Я знаю, как тебя сегодня вывести из себя, Хаф. Отец для тебя – самое святое, а не спасенные тобой души.

– Дуфф... я...

– Нет. Давай закроем эту тему, – мне действительно захотелось сменить тему, – лучше расскажи, брат, откуда эта красота?

Я направился к невероятного размера камню. Я спинным мозгом почувствовал, как брат молча следует за мной. Я всегда ощущал его за своей спиной, всю свою жизнь, но толь-

ко сейчас полностью осознал это. Возможно, он просто следил за мной? Шпионил для Отца? Эта мысль заставила меня сжать кулаки.

– Литфоры.

Каменные бессмертные. Странно, я был в полной уверенности, что после того, как Отец заставил богов покинуть их территории, многие бессмертные должны были уже погибнуть или исчезнуть. Получается, что некоторым удалось выжить и они обслуживают богов?

– Они еще живы?

Мой вопрос заставил Хафа остановиться, а меня – развернуться к нему.

– Ты же понимаешь, что я, живя в заточении, мог и пропустить последние события?

Да, пусть считает меня несведущим.

– Дуфф, все созданные нашими братьями миры живут и смогли установить контакты между собой, несмотря на то что они больше не находятся под покровительством богов.

– Рад слышать.

Смогли установить контакты? Если считать контактами желание развязать войну, то да, они почти выжили и преуспели. Осталось только спичку зажечь, и конец их миру. Два шахматных хода, и все эти бессмертные перегрызут друг другу горло.

– Нет, ты не рад. Ты зол, что в этом мире нет места твоим магам.

А вот это удар ниже пояса.

– Этот мир лишился лучшего, что было создано богами.

– Но...

Я не дал Хафу возразить.

– Нет, Хаф, давай оставим моих магов в покое, тем более что я уверен, их души до сих пор где-то в твоём мире пребывают. А значит, я нахожусь там, где должен.

Кажется, это заставило Хафа смягчиться. Да, верно, души – его слабость, он как заботливая нянечка, которую назначили приглядывать за ними. Даже если это души магов, для каждого найдется место в мире Хафисвальда.

Неспешным шагом по серой и пустынной почве в окружении тумана и слащавого умиротворения мы все-таки приблизились к новому для меня виду камня.

Не могу ничего с собой поделаться, но камень притягивает. Он чем-то напоминает льдину с внутренней искусственной подсветкой. Прозрачную, голубую, мерцающую, но теплую. Надо отдать должное литформам, они опять создали нечто прекрасное.

– Камень способен выдержать взрыв и... – я оглянулся на Хафа с ухмылкой, – онгхусов?

– Камень не самый надежный, но его цвет и фактура в наивысшей степени подходят онгхусам. В окружении этих стен им будет комфортно. Это нейтральный камень, способный своим видом успокоить любую душу.

– Не понял, ты тут храм делаешь или арену для битв?

Они тут в карты играть будут и спорить, чья душа, находящаяся внутри онгхуса, кого больше беспокоит. А потом — у кого больше это вызывает мучений или чем соперник может утихомирить взбунтовавшуюся душу и кто быстрее это сделает. Я думал, они все-таки будут драться, обмениваться если не ударами, то хотя бы душами. О чем я вообще думаю? Они так могут? Тьфу, забей. И в итоге что эти большие и мускулистые мальчики, какими их создал Хаф, будут делать на арене?

— Тебе действительно это интересно или это банальный сарказм?

Хаф спросил почти обреченно. Но мне правда стало любопытно.

— На кой черт им арена? Они не создавались для войны, а если их тяжкое бремя мешает им жить, так найди способ их осчастливить. Вариант? Женщины. Хотя, может, онгхусы евнухи?

— Они не евнухи!

Не знаю, что меня развеселило больше: что Хаф возмутился и был явно задет моим вопросом или что я все-таки вернул наш с ним разговор в привычное для *меня* русло — туда, где Хаф на пониженных ролях, в ярости на меня и полностью теряет контроль.

— Тогда зачем ты сделал их полностью функционирующими, но при этом не дал им женщин? Да ты садист, брат!

Я оттолкнулся от стены, которую до этого ошупывал и да-

же пытался пробить силой, но в ответ получил лишь легкий хлопок, а на стене не осталось и следа. Замечательный камень. Может, мне изменить дизайн своего трона? Хотя кто, кроме меня, сможет это оценить?

– Дуфф, не все в жизни измеряется удовольствием.

– Ты это онгхусам своим расскажи. Или ты вдруг осознал, что твои создания имеют *изъяны*?

– Они...

Хаф растерялся. Я первый, кто указал на его недостатки?

– Они прекрасны, я создавал их для великой цели, они...

– Бла-бла-бла... Твоя великая истина не удовлетворит их ночью. Или они дрочат на каждую душу или... друг на друга любят?

О, да. Я вновь почувствовал себя живым, я вернулся, я могу ощущать, что я создал нечто великолепное, что не способны понять эти псевдобоги. Я создал самодостаточных бессмертных. Мне не нужно строить им арены, мне не нужно им указывать, что делать, нет необходимости дарить женщин или мужчин, даровать рождение потомков. Я создал идеальную расу. Но мне все же нужно им помочь.

– Они выше этого! – заявил Хаф так эмоционально, словно мы под сотнями телекамер на политических дебатах.

– Мой тебе совет: забудь про арену, построй лучше бордель, завези сюда лучших женщин, и онгхусы забудут обо всех душах.

Хаф понуро склонил голову и тихо произнес:

– Ты не понимаешь...

Тем временем мы вошли вглубь строительства «олимпийского стадиона». Внизу была расчищена земля под огромное поле, которое, по всей вероятности, вскоре заменит арена.

– Ты прав, не понимаю.

Я сказал это скорее себе, нежели брату.

Хаф подошел ко мне вплотную, поднял руки и силой разгромил глыбу на мелкие кирпичи. Онгхусам осталось лишь совсем немного – сложить идеальной формы кирпичи.

– Ты же можешь сам выстроить арену? Зачем заставлять их строить?

– Как я уже сказал, ты не понимаешь, Дуфф.

Он посмотрел на меня, как на идиота.

– Они сами желают построить это для себя, а я лишь дал им материал.

Посмотрев в глаза брата, я задумался. Что нас связывает? Явно не интеллект. Общий Отец? Да, глаза наши похожи, наши тела одинаково идеальны, силы устрашающие, хотя мои ограничены, но все же – мы одинаковы, но столь же разные одновременно. А еще, почему я не испытываю к Хафу того, что он испытывает ко мне?

Мог бы я когда-либо спасти Хафа? Вернее, пожелал бы его спасти и так же прикрыть его спину? Да, если бы он сделал нечто безумное и вопреки воле Отца, то я бы стал его самым большим поклонником и союзником.

А пока я вижу лишь его ограниченность.

– Создай для них женщин.

Все так же я смотрел в его глаза и старался не смеяться, видя его шок.

– Дуфф, я молю Отца, чтобы однажды ты смог понять суть истины.

– А я молю грязь под моими ботинками, чтобы ты однажды нашел себе бабу!

Может, Хаф что-то и хотел ответить, но в нескольких метрах от нас начал появляться портал. Мое сердце сжалось. Красный свет от портала! Нет, нет, нет, нет! Не может быть!

– О, кажется, Фейсал.

Брат был так рад увиденному, что мне захотелось его прибить прямо на этом месте. Фейсал, мать его! Еще больший неудачник, нежели Хаф!

Нет, нет, нет... Плохо, очень плохо!

Но красный свет в портале появлялся сдержанно и очень медленно, словно силы для создания портала не хватало.

– Какого черта? Фейсал забыл, как пользоваться порталами?

Хаф улыбнулся мне и поспешил к portalу.

– Это не Фейсал, это Ирана.

– Ты имеешь в виду шлюху Фейсала?

Это заставило Хафа резко затормозить, я почти ударился о его спину.

– Это супруга Фейсала. Имей совесть и поприветствуй ее достойно в соответствии с ее положением!

– Ее положение – это лежать на спине с разведенными ногами перед богом. О каком уважении ты говоришь? Фейсал просто уложил телку на лопатки, одел ее в мантию, а я теперь должен ей ручку целовать?

– Дуфф, я прошу тебя. Ирана прекрасная женщина, если ты просто дашь ей шанс, она тебе понравится. Она делает его счастливым!

– Вот и я говорю, заведи себе бабу, Хаф! Ну или хотя бы бордель вместо арены.

Я ненавижу Фейсала, он мой враг номер два, с какой радости я должен видеть в его проститутке нечто большее, чем просто жаждущую власти бессмертную? Только не говорите, что она, низшая когда-то бессмертная, влюбилась в Фейсала. И теперь что? Стала равна богам? Я вас умоляю!

Но ее появление тут в любом случае лучше, чем появление самого Фейсала. Хотя, может, ей что-то известно, так что не буду торопить события и избегать встречи, послушаю, зачем она сюда заявила.

Когда портал увеличился достаточно, чтобы сквозь него можно было пройти, появилась хрупкая фигура темноволосой женщины, окутанная лиловым сарафаном, лямки которого были скреплены брошью в виде перьев. Ах да, ее символы. Наслышан о женщине Фейсала, но никогда ее не встречал.

Говорят, их романтическое знакомство случилось прямо на суде у Фейсала. Уж не знаю подробностей того суда, толь-

ко Фейсал, вероятно, решил наказать ее, заставив стать его любовницей. Да, жестокое наказание, согласен. Хуже только смерть, только такая угроза может заставить остаться в землях Фейсала добровольно. Да еще и ублажать этого зануду ночами.

Еще до создания магов мне с трудом давалось общение с Фейсалом. Я сам свел его к взаимным оскорблениям и угрозам, которые мы посылали друг другу через наших братьев. А когда мне стало известно, что брат взял себе в жены низшую бессмертную, которая не обладала никакой силой, то брат пал в моих глазах окончательно. Помню, что я был единственным, кто не явился на свадьбу, зато прислал отменный подарок. На этом воспоминании я даже ухмыльнулся. Вместо себя я телепортировал отвратительно пахнущего тролля, перед этим научив его грязному стихотворению, посвященному молодой семье. Говорят, невеста плакала, а Фейсал в гневе убил тролля. Да ладно, говорящая открытка – разве плохой подарок?

Я приблизился к порталу, чтобы детально разглядеть ту, что теперь чуть ли не правая рука Фейсала.

Черт, а она красива. Зеленые глаза-изумруды, огромные на хрупкой мордашке, как у котенка. Губки пухлые, но аккуратные, наверное, когда она улыбается, ее красота может многих покорить. Вот только сейчас она не улыбается, вид у нее, прямо сказать, разъяренный. Плохой знак, очень плохой.

– Ирана, приветствую тебя в моих землях. Чем обязан столь приятному сюрпризу?

Ой, ну ты еще на колени перед ней упади и начни пальцы на ногах целовать!

Ирана, грациозно пройдя через портал, немного сощурила глаза, вероятно, пытаясь привыкнуть к другому освещению, а может, в портале был слишком яркий свет, и она немного ослепла при перемещении.

Хотя, видимо, со зрением у нее все в порядке, ибо ее взгляд упал строго на меня, и ее разгневанное симпатичное личико скривила гримаса чистейшей злобы.

– Приветствую тебя, Хафисвальд.

Свой гневный взгляд она перевела на Хафа, и черты ее лица мгновенно изменились, даря брату лучезарную и почти невинную улыбку. Меня она приветствием обделила, это я заметил.

– Должна сказать, что это не очень приятный сюрприз. Мое появление вызвано некоторым происшествием.

Фейсал знает. А теперь и Хафу станет известно.

– Что-то с Фейсалом? – Хаф заметно побледнел.

Да ладно тебе! Что может случиться с этим трусом, да еще с его охраной, которой он себя окружил? Его воины сильнее акритов.

Я вплотную приблизился к Хафу и приготовился к худшему, что может сейчас произойти.

– Нет, с ним, слава Высшему свету, все в порядке. Но с

его земель сбежали двое бессмертных, минуя суд.

Тут Ирана замолчала и пристально уставилась на меня.

– Скажи, Хаф, а давно Дуфф-Кайден покинул свою тюрьму?

Брат словно и забыл, что я рядом, и вздрогнул, когда понял, что я стою чуть левее от него, на расстоянии вытянутой руки. Он осмотрел меня и вновь обратил свое внимание на Ирану, немного смутившись.

– Ирана, Дуфф-Кайден не был в тюрьме, он добровольно заточил себя в замке. Но что...

– Отчего же, брат? Она права, это тюрьма. Ведь я тут не по собственному желанию нахожусь, верно?

Я холодно улыбнулся Иране и даже немного поклонился, отдавая должное ее точному описанию моего жилья.

– Ты это заслужил!

Ой, малявка не боится открыто высказывать свое презрение.

– Все еще обижена на мой свадебный подарок?

Ее глаза прищурились, и могу сказать, что она его не забыла. Но в любом случае какая-то шлюшка моего недоумка-брата не смеет разговаривать со мной таким тоном. Прояви свою дерзость еще раз, и тебя даже Хаф не успеет спасти.

Я сделал шаг ей навстречу, встав прямо впереди Хафа, буквально навис над женщиной.

Хаф быстро пришел в себя и оттолкнул меня от Ираны за свою спину, но это не заставило меня оторвать свой взгляд

от девчонки.

Она в свою очередь глубоко и часто задышала, хотя и не отступила перед открытой угрозой с моей стороны. У нее есть внутренний стержень или она просто глупо рассчитывает на защиту Хафа? Скорее, второе.

Хафисвальд развернулся ко мне и схватил меня за руки, мои кулаки были сжаты. Видимо, Хаф понимал, что я не постесняюсь применить против нее силу, несмотря на последующую за этим ярость Фейсала. Чтобы превратить ее в ледяную глыбу, мне достаточно мгновения. Взгляд Хафа был растерянным, и в нем была заметна паника.

– Дуф, прошу! Я не позволю тебе ей навредить!

– А ты останови меня! – Теперь я смотрел прямо на Хафа. – Или ты позволишь ей так обращаться ко мне? Ей? Она забывает, с кем она разговаривает!

– Тогда, может, и ты проявишь чуть больше такта к жене брата?

Хаф заметно успокоился, но мои руки не отпустил.

– Я все еще бог, а тот факт, что она сосет моему брату, не возносит ее на мой уровень. Пусть знает свое место, и это место, – я вырвал одну руку из захвата Хафа и направил указательный палец вначале на нее, а потом к себе под ноги, – на коленях!

Сука даже с места не сдвинулась, вместо этого она улыбнулась.

– Оставь его, Хафисвальд. Я пришла не с ним разговари-

вать, а с тобой.

Она небрежно обвела меня взглядом и продолжила, словно не было никаких оскорблений в ее адрес, она отмахнулась от меня, как от надоедливой мухи.

– Как я тебе уже сказала, двое сбежали с земель Фейсала, и эти двое должны сейчас быть на твоей территории.

Кажется, это заставило Хафа позабыть обо мне и вернуть все внимание к девчонке.

– Это невозможно, я бы знал, если бы у меня были нарушители.

Невозможно, чтобы Хаф смог произнести эти слова с еще большей гордостью. Но она права, бедный мой брат, она права.

– Нам обоим известно, что порталом у Фейсала могут воспользоваться только боги или онгхусы. Никто не в силах покинуть Фейсала против его воли. Только боги и онгхусы могут свободно посещать и покидать нашу территорию.

После этих слов она вновь уставилась на меня.

Нашу территорию? О, да она определенно почувствовала вкус к власти, дарованной ей Фейсалом.

– Да, но при чем тут я? Я ничего подобного не делал, и мои онгхусы тем более.

– Мы в этом не сомневались, но, – она неотрывно смотрела мне в глаза, – вернемся к моему первому вопросу. Скажи, давно ли Дуфф-Кайден начал вновь покидать свой дом?

Последнее слово она намеренно подчеркнула, дабы силь-

нее меня задеть – моим домом является тюрьма.

– Дуфф-Кайден прямо перед тобой, и ты можешь задать вопрос мне напрямую.

Внутри меня все закипало от понимания, что мой план раскрыли, а я самолично усложнил жизнь тем, что вывел из строя Каллана.

– Я бы адресовала свой вопрос тебе, но сомневаюсь, что в ответ получу что-то, кроме злости, мерзости и оскорблений.

– Ой, ты меня недооцениваешь, возможно, я предложил бы еще ублажить меня, на коленях, естественно.

В этот момент Хафисвальд, кажется, словно очнулся после долгого сна и сложил пазл в своей голове.

– Ирана, какого цвета был портал?

– Портал был огненный.

Теперь они оба смотрели на меня и продолжали обмениваться вопросами и ответами. Я лишь скрестил на груди руки и молча следил за ходом диалога.

– Когда это произошло?

– Световой день назад в нашем исчислении.

Лицо Хафа менялось прямо на глазах, становясь багровым, словно кровь стремительно заполняла его.

– Дуфф-Кайден, я задам тебе вопрос и хочу знать правду! Ты не посмеешь мне врать, брат!

Посмею, только уже не вижу смысла в этом.

– И в чем вопрос? Задавай уже, хватит сверлить меня взглядом.

– Ты причастен к побегу двух бессмертных с земель Фейсала?

Не успел я цинично ответить, что, конечно же, я причастен, а еще причастен к тому, что один твой онгхус валяется у меня сейчас на полу, но меня опередила Ирана.

– О! Хафисвальд, теперь, когда я вижу, что он свободно разгуливает по твоей земле, могу с уверенностью сказать, что он помог им сбежать. Ведь один из них – Источник.

Мимика Хафа в этот момент стала в некотором роде даже комичной. Эмоции так быстро сменяли одна другую, что казалось, у него сейчас голова взорвется от переизбытка чувств. Но одна эмоция определенно выделялась среди прочих – шок.

– Не может быть!

Реакция Хафа говорила: вероятность того, что хоть какой-то Источник еще мог быть живым, его удивила больше, чем день, когда он узнал о моем предательстве Отца.

В ответ я лишь широко улыбнулся, сознательно зля Хафа еще сильнее.

– Может, Хафисвальд, может.

Ирана говорила ровным ледяным тоном.

– Но вот чего быть не может и что действительно удивляет, так это то, что второй бессмертный – чародей. И кажется, эти двое помогают друг другу вместо того, чтобы пытаться убить друг друга.

Согласен, меня это тоже удивило вначале. Но, может,

мой Источник просто притворяется, чтобы чародей продолжал ей помогать? Ведь мой Источник еще совсем ребенок. Смертный Источник не справится с древним наемником в открытом бою. Но и чародей ее не убил, этому я не мог найти объяснения. Пока не мог.

Я продолжал молчать, мне нечего было добавить к уже сказанному. Но краем глаза заметил, что к Хафу подкрадывается один из его приближенных онгхусов.

– Мой Господин! Я должен вам сообщить о недопустимом проникновении бессмертных на вашу территорию, – пробормотал онгхус с опущенной головой.

А еще брат говорит, что они не слуги! Он бы еще на колени грохнулся перед Хафисвальдом.

Хаф вернул себе привычный образ хозяина и повелителя, после чего ровным тоном обратился к Иране.

– Спасибо, что пришла, Ирана. Передай Фейсалу, что беглецы будут найдены и переданы ему.

– Благодарю тебя.

Ирана поклонилась и направилась к своему порталу, который по-прежнему был открыт. Но Хаф ее окликнул:

– Ирана!

Она немедленно остановилась и развернулась к Хафу.

– Фейсалу требуются оба или кто-то один?

Я стиснул зубы, явно понимая суть вопроса. Убить Источника или нет? Ведь зачем Источнику являться на суд, если в его отношении уже был вынесен смертный приговор? До-

ждусь, когда Ирана уйдет, и, если потребуется, выведу Хафа из строя надолго. Это все, что необходимо для спасения моих детей!

– Фейсал ожидает обоих. Но мы будем благодарны за любой итог поимки нарушителей.

Ирана еще раз поклонилась и спустя мгновение исчезла в портале, который бесшумно вспыхнул и превратился в легкий дымок.

Мы с Хафом одновременно посмотрели друг на друга. Ожидая гневной тирады брата, я не сразу заметил, что не могу двигаться. Я не могу даже шагу ступить, я прирос к земле.

– Хаф, нет! Прошу тебя!

Я не был полностью лишен своих сил, но определенно уступал в силе Хафисвальду, поскольку находился на его территории и под его присмотром. До этого Хаф никогда не применял ко мне силу. Видимо, я все-таки достиг того предела, когда брат позволил себе вступить в прямое противостояние со мной.

– Ты врал мне, прямо глядя мне в глаза, Дуфф!

– Хаф, остановись.

– Я всегда верил тебе, я хотел верить тебе!

В его голосе не было злости или тоски, но я отчетливо слышал боль.

– Брат...

– Не смей! Не смей вспоминать о том, что мы братья, когда ты предал меня!

– Я не хотел этого, но я должен! Должен спасти своих детей! Фейсал убил бы ее, и тебе это известно!

– Источники – это чистое ЗЛО! И тебе это тоже известно!

– Нет, она...

Взмахом руки Хаф заставил меня замолчать. Язык буквально прирос к нёбу, а горло сжалось. Мало того что я теперь не могу двигаться, но теперь не могу даже говорить.

Обращаясь к онгхусу, Хаф неотрывно смотрел на меня.

– Найдите их и доставьте Фейсалу... живыми. Все ясно?

Онгхус поклонился и исчез, а сразу после этого я оказался у себя на полу, рядом с тронем. В бешенстве вскочил на ноги, когда понял, что Хаф меня переместил сюда и я вновь могу двигаться. Постарался переместиться, но не смог. Да, моя сила перемещения очень скудная, но дело не в этом, дверь я тоже не смог открыть. Хаф запер меня и лишил всяческой возможности помешать ему.

Последняя хрупкая надежда на спасение Источника рухнула, когда я понял, что Каллана тут нет. Я остался один, абсолютно беспомощный, бесполезный, слабый... опять.

Я остановился напротив своего трона и уставился в роскошный потолок. Отец знает, не так ли? Он все знал, позволил мне надеяться и вновь пережить чувство утраты. Это и есть смысл моего наказания? Уничтожить меня изнутри?

Кровь закипала от ярости и боли. Сердце колотилось так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди. В ушах звенело от слов Хафа: «Фейсалу требуются оба или кто-то один?»

Конечно, если она доживет до суда, то Фейсал ее лично прикончит.

Знакомое чувство безысходности вновь наполнило меня. Я вспомнил, как я в последний раз испытывал подобное и взрывал все, что меня тогда окружало. Если я опять стану выпускать пар подобным образом, это ни к чему не приведет, легче мне не будет, это я уже знаю.

Упав на колени и вновь посмотрев в потолок, я заорал так, что подумал, а не лишусь ли я голоса после такого. Но остановиться уже не мог.

– Я ненавижу тебя, Отец! Слышишь меня? Я тебя ненавижу!

Глава 31

Открыв глаза, я подумала, что нахожусь в своей комнате общежития чародеев и все, что со мной случилось в последнее время, – просто кошмарный сон. Хотя нет. Это неправда. Кремер и я – это не было кошмаром, это было прекрасно, удивительно, волнующе и очень-очень горячо. Ради такого я готова пройти сквозь ад и ураганы сколько угодно раз.

Но сладкая истома испарилась, когда я поняла, что в кровати я одна, а Кремера рядом нет. Не успела во мне зародиться паника, как я услышала приглушенный шорох где-то неподалеку.

Сев на кровати и обернув вокруг себя легкое покрывало, я увидела картину, согревшую меня изнутри так же тепло, как снаружи покрывало. Кремер в одних брюках стоял у стола. Его голая мускулистая спина сужалась к талии и переходила в упругий зад. Зад, в который этой ночью упирались мои пятки, пока Кремер дарил мне самое сильное сексуальное удовлетворение, которое когда-либо у меня было.

Я прикусила губу, чтобы не издать стона наслаждения от одного лишь воспоминания. Пристально разглядывая самого горячего мужчину в моей жизни, я не заметила отметин от моих ногтей на его спине, хотя точно помню, что пару раз основательно в него вцепилась. Наверное, скорость исцеления

чародеев не позволит мне засвидетельствовать утром следы моей страсти к нему. Мне стало даже немного жаль.

Мне показалось, что наемник не заметил, как я проснулась. Теряет бдительность? Я ухмыльнулась, хотела подкрасться к нему и обнять. Но как же я ошиблась, Кремера так просто не проведешь.

– Выспалась? Хорошо спала? – произнес он нежным и наполненным заботой голосом, даже не обернувшись ко мне.

– Ты вырубил меня, большой мальчик.

Подойдя к нему, я обняла его за талию. Кремер обернулся и прижал меня к себе, нежно целуя в губы, в щеку и спускаясь к моей шее.

Я уже приготовилась к продолжению, но он остановился и прошептал:

– Надеюсь, я был не очень груб?

– Ты был замечательный, но, если ты сейчас остановишься, я тебя побью.

– Мы должны остановиться, меня не отпускают мысли, что тот онгхус уже сообщил кому надо и нас могут найти. Нам надо уходить.

Он, конечно, прав, но его рука, сжимающая мою попку, очень отвлекла меня от правильного направления моих мыслей.

Я подняла глаза на Кремера и готова была смотреть в эти черные глаза вечность, пусть и в этой пещере, в окружении всех чертовых онгхусов. Плевать. Мое сердце горело в груди,

я испытывала чувства, до этого абсолютно не известные мне. Я до умопомрачения влюбилась в Кремера.

– Ты прав, конечно.

Больше всего я хотела бы, чтобы Кремер видел во мне разумную и взрослую женщину, но моя наверняка глупая улыбка уничтожала все мои намерения.

– Одевайся и позавтракай, скоро уходим.

На этих словах он быстро чмокнул меня в лоб и вернулся к своим занятиям.

Глубоко вдохнув, я развернулась на пятках и направилась к стопке одежды, которая до этого момента еще не была мною изучена. Я взяла футболку кремового цвета с длинными рукавами и V-образным вырезом. Я не поняла, что это за ткань, но на ощупь она была приятной, напоминала тончайший кашемир. Я надела ее прямо так, на голое тело. Когда я протискивала голову в вырез футболки, мне показалось, что она мне великовата, но стоило мне надеть ее и поправить рукава, как ткань плотно сжалась вокруг моего тела и теперь была как вторая кожа. Было очень удобно и уютно. Тот же номер прошел и с брюками, при этом отсутствие нижнего белья не доставляло дискомфорта. Должна признать: обслуживание в этом «спа-салоне» впечатляющее.

Я вернулась к столу и открыла крышки с подносов с едой, которая осталась с ужина. Нет, я не буду удивляться тому, что еда оказалась теплой и свежей.

Я принялась мастерить бутерброды из совершенно не зна-

комых мне продуктов. Похоже, Кремер свой завтрак заменил зельеварением. Одну из каменных свечек он использовал как походную горелку. Я с удовольствием и заворуженно следила за его манипуляциями, он ухмыльнулся, и в его взгляде промелькнуло что-то от хищника.

– Что? Чего ты улыбаешься так подозрительно? – спросила я с набитым ртом.

– Все жду, когда ты опять начнешь ругаться и обвинять меня в желании тебя уничтожить, говорить, что я, ужасный чародей, обязательно захочу тебе навредить, а, ну еще и Ремису... Ты так смотришь на зелья.

– Я смотрю не столько на зелье, которое у тебя сейчас, кстати, выкипит из чашечки, а на тебя, голого по пояс и без чародейского пояса. Не думала, что когда-то смогу быть свидетелем подобного зрелища. Но честно признаю, твой полуголый вид мне нравится больше, чем когда ты в полной боевой готовности.

Широко улыбнувшись, я ему подмигнула.

– Привыкай к виду, детка. Когда мы окажемся в безопасности и наедине, на мне будет еще меньше одежды, как и на тебе.

– Дразнишься?

Он развел руки в стороны и низко поклонился, подмигнув мне в ответ.

Встав из-за стола, я направилась ближе к наемнику. Черт, скажи мне, что я буду смотреть, как сам Кремер будет гото-

вить зелья, я бы не поверила. А теперь? Я еще и обнимаю его в этот момент за талию, а второй рукой держу бутерброд.

– Так и что ты делаешь? Надеюсь, не приворотное зелье?

Кремер рассмеялся так громко, что я даже вздрогнула.

– Нет. Я все же надеюсь, – он пошевелил бровями, широко улыбаясь, – что еще способен привлечь самую красивую женщину, не используя грязные трюки.

Я шлепнула его по заднице.

– Но ты определенно знаешь несколько грязных трюков, грозный Кремер.

– Кстати, моя мама умеет делать такие зелья. Выпив ее зелья, некоторые прожили счастливую семейную жизнь, даже не зная, что причиной были зелья.

– Разве это правильно?

Я моментально утратила игривое настроение.

– Если использовать с пользой и правильно.

– Например?

– Скажем, парень из богатой семьи влюблен в девушку из низкого сословия, и его родители категорически против нее.

Кремер замолчал – видимо, я должна догадаться, о чем он.

– И?

– Пара капель зелья для его отца, и вот он уже плевать хотел на условности, обожает эту девушку и устраивает своему сыну грандиозную свадьбу. Все счастливы.

– А он потом не будет домогаться жены своего собствен-

ного сына?

– Нет, он просто будет ее любить как родного человека. Говорю же, главное – использовать правильно.

– И твоя мама делает это?

Хельга замечательная, я хотела бы с ней когда-нибудь встретиться.

– Да, она убежденный пацифист. Считает, что чародеи должны направлять свои умения лишь на счастье и любовь, а не на войну.

– Я согласна с ней.

Кремер замер, буквально в одну секунду превратившись в статую.

– Что?

Меня смутила подобная реакция и моментальная смена настроения.

– Алика, ты ведь... ты же не ждешь, что я начну изучать любовные зелья?

Он повернул свое прекрасное лицо ко мне, и в нем читался... страх.

Это почти заставило меня рассмеяться. Почти.

– Кремер, я знаю, кто ты, я знаю, что ты наемник и не превратишься в беззаботного амура. Но...

– Но что?

– Я до сих пор не знаю, как мы будем... Ну, ты знаешь...

Я отодвинулась от него и указала рукой вначале на него, затем на себя.

– Как мы сможем сохранить мир, когда наши народы враждуют между собой?

– Фитилёк, – Кремер бросил свои порошки и ингредиенты, полностью повернулся ко мне, взяв меня за руку, – на нашей стороне Кевилс – глава чародеев, ты – Источник. За Кевилсом следуют чародеи, за тобой последуют маги.

Фух, об этом я не подумала. В этом был план Кевилса, когда он приютил двух детей магов? Заманить магов, чтобы установить мир между народами? Но Кевилс не знал, что он приютил Источников. Значит, Кремер просто озвучивает свое видение, а не «политику партии».

– С чего ты взял, что маги последуют за мной? Уверена, Маркус и Ремис будут в ярости.

– Маркус – да, но у него не будет выбора. Осознай наконец-то силу Источника. Ты – Источник, детка!

Кремер говорил совершенно серьезно, он не шутил, не флиртовал, он был настроен решительно.

– А Ремис?

Хотя я до сих пор не уверена, что Маркус вдруг последует за мной. Но Ремис? Сомнительно.

– Ремис твой брат, что бы ты там себе ни думала, он будет защищать тебя и твое счастье. К тому же не забывай, что у него хорошие друзья среди чародеев. – Кремер отвернулся, его тело расслабилось, и он вернулся к приготовлению зелья. – Он выберет мир, а не убийство своих напарников по ночным гулянкам. И закрепит он этот мир в очередном

ночном клубе с друзьями. Этой компании дай лишь шанс на ночную пьянку: мир между магами и чародеями... ох, держите их семеро!

Я отбросила бутерброд на стол, от этих разговоров аппетит пропал. Не могу представить, чтобы Ремис вдруг вступился за меня. Просто не могу.

– Алика, подай мой пояс, пожалуйста, у меня руки заняты.

Просьба Кремера вернула меня в реальность. Пояс? Я к нему не прикоснусь! Вероятно, Кремер заметил ужас в моих глазах. Я просто уставилась на него, не зная, что ответить.

– Он тебя не укусит, пока ты не полезешь в карманы за зельем.

Продолжаю пялиться на чародея.

– Алика. – Он освободил руки, когда увидел мой ужас на лице, после чего подошел к поясу и надел его. – Послушай, я просил тебя верить мне, но ведь одним шикарным сексом доверие не заработать, верно?

Он не шутил, его голос, выражение его лица сообщали мне, что он убийственно серьезен. Когда он надел и застегнул пояс, протянул мне руку.

– Иди ко мне.

Медленно я подошла к нему. Как бы мы ни были близки прошлой ночью, но пояс чародея защищается в не меньшей степени, чем голова чародея. Я ему доверяла, и он уже знает это, но есть много «НО» между нами. Много политических «НО», и он прав: наши чувства не способны изменить это.

Все же я подошла к нему. Не знаю, что он хочет сказать еще, но я знаю, что пояс чародея не менее опасен, чем сам чародей. А маги и чародеи с разных планет.

– Я верю тебе, Кремер, ты не должен мне что-то доказывать, но я совру, если скажу, что не боюсь твоего пояса.

Не успела я охнуть, как Кремер схватил мою руку и прижал к своей груди, в другой руке был нож.

– Ты права. А еще ты должна знать, что пояс чародея – это бомба для любого, кому не предоставлен доступ. Это как сейф, код от которого знают только самые близкие и доверенные лица.

Ритм моего сердца ускорился, и мне только и оставалось, что смотреть на Кремера и пытаться понять его слова. Я не смела надеяться, не смела.

– Доступ к моему поясу имеют только два человека, – Кремер запнулся, опустил глаза, но потом, словно собравшись, вновь посмотрел на меня, – когда-то их было трое. Но теперь это лишь Кевилс и моя мама. Если со мной что-то произойдет, только они могут безопасно снять с меня пояс.

В ответ я лишь тяжело проглотила ком в горле. Он ведь... нет.

– Ты мне доверяешь, и я хочу, чтобы ты понимала, насколько я доверяю тебе.

Я настолько была поглощена его взглядом, что и не заметила, как он ножом уколол мой палец, и из него потекла тонкой струйкой кровь. Я даже вздрогнуть не успела.

– Кремер, я...

– Тихо.

Он провел моим окровавленным пальцем по замкам, закреплявшим на нем пояс. Судя по движению его губ, он читал заклинания, но разобрать их значение я не могла. А когда он замер и посмотрел на меня, по моим щекам уже текли слезы.

– Расстегни мой пояс, – шепотом произнес Кремер. И если бы я не впивалась в него взглядом, то и не расслышала бы, о чем он меня попросил.

Я продолжала смотреть на него, мои слезы уже ничто не сдерживало, еще минута, и я упаду на пол, рыдая. Кремер прижал меня вплотную к себе и обнимал теперь уже обеими руками. Я уткнулась носом в его грудь и вдыхала его запах, до боли приятный запах, этого было достаточно, чтобы успокоиться и забыть о том, что только что для меня сделал Кремер. Но руки все еще отказывались мне подчиняться.

С момента смерти моих родителей не было никого столь близкого мне, как сейчас Кремер. Мне сейчас и страшно, и радостно. Но мозг, привыкший к унижениям и самоуничтожению, напрочь отказывается воспринимать действительность.

– Сделай это, Фитилёк, – нежно и шепотом призывал меня Кремер.

Заглушая свои рыдания на груди Кремера, я потянула руки к замкам на поясе. Не понимая, что делаю, я расстегнула

один из них. И когда ничего не произошло, я закрыла глаза. Мои слезы намочили грудь Кремера, он стоял неподвижно, молча подталкивая меня к пониманию, что в моей жизни есть мужчина, который защитит меня, который заботится обо мне, которому я могу верить, которого я люблю больше всего в своей жизни.

Пока я расстегивала замки на поясе Кремера, он нежно гладил меня по голове, расправляя пряди волос пальцами. Его щека покоилась на моей макушке, он что-то шептал, я не понимала ни слова. Когда его пояс с грохотом упал на пол, меня начало трясти.

– Я просто хочу, чтобы ты знала, Алика. Для меня это не игра. Ты самая прекрасная и сильная женщина, которую я когда-либо встречал. У меня тоже есть определенные опасения, но до тех пор, пока мы с тобой доверяем друг другу, пока мы вместе, мы сможем преодолеть все преграды. Мы можем сделать счастливыми друг друга.

Все, на что я сейчас была способна, так это смотреть в его красивые глаза. И хотя сквозь пелену слез я слабо различала черты его лица, мне было ясно: Кремера я люблю и знаю, что и я для него не менее значима, пусть он еще и не произнес эти три заветных слова.

– Ты прав, мы все преодолеем.

Я хлопала носом, а Кремер пальцем вытирал мне слезы. Так мы, кажется, простояли вечность, пока слезы не высохли, а мозг не вернулся в привычный режим нормальной де-

тельности.

– Ты в порядке?

Забота и нежный взгляд Кремера грозили дать второе дыхание моим слезам, но, сглотнув, я все же умудрилась кивнуть головой, не устроив Ниагарский водопад.

Не доверяя своему голосу, я отступила от Кремера и села на стул, который стоял рядом с наемником. Он тем временем вернулся к зелью.

– Ты не хочешь задействовать пепел? – спросила я без малейшего сомнения. Если он и использует пепел от моего огня, то только для защиты нас обоих.

– Я уже его задействовал. Не знаю, с кем мы тут встретимся, надо быть готовыми ко всему.

Кремер немного помолчал, а потом более деловым тоном продолжил:

– Онгхусы – не самые сильные бойцы, но они могут схватить наши души, так что лучше не воевать с ними при встрече.

– Ты хочешь сказать, что ты легко с ними справишься в прямом бою?

– Тебе не придется с ними воевать, они – не бойцы. Достаточно посмотреть им в глаза, и они могут завладеть твоей душой. И если ты не хочешь пострадать, лучше избегать встречи с ними, а если встретишься, то смотри в пол и делай то, что они говорят.

– Тогда нам лучше уходить. Тот онгхус нас видел. Стран-

но, что нас еще не нашли.

– Я об этом же. Сейчас закончу с зельем, и уйдем.

Кремер явно спешил, я же выпила целый стакан воды и запихнула в себя еще один бутерброд. Осмотрев пещеру и в очередной раз восхитившись ее красотой, я устояла на входе в пещеру.

Если онгхусы столь сильны, нам нельзя с ними встречаться, но я не понимаю, как мы сможем выбраться с земли Хафисвальда без помощи онгхуса. И тут мне в голову пришла идея.

– Кремер!

Он даже подпрыгнул.

– Боги, что случилось?

– Дуфф-Кайден!

– Что Дуфф-Кайден?

Как он может не понимать?

– Он ведь создал Источников, так? Нам надо его найти, он нам поможет!

Кремер помотал головой и затушил каменную свечу, затем запихнул склянки с новым зельем в пояс и надел футболку. После чего закрепил пояс на себе. Он делал это как солдат: движения четкие, сам собран, все движения без суеты и сконцентрированы. Видна выправка древнего наемника. Когда он закончил и увидел, что я все еще жду ответа, он развел руки, головой указывая на себя и пояс.

– Даже если мы его найдем, в чем я сомневаюсь – слышал,

что он в заточении, – меня он точно прикончит на месте.

Даже возможности выжить у нас с Кремером разные! Что для меня спасение – для него смерть. И с этим нам постоянно придется сталкиваться. Вопрос только в том, всегда ли мы сможем найти компромисс.

Кремер приготовился к выходу, напоследок глотнув воды, но не успел он опустить стакан на стол, как все его тело напряглось, готовое к битве.

– ЧТО? – хотела прошептать я, но получился вскрик.

Во всем внешнем облике Кремера читалась обеспокоенность.

Кремер кинул стакан в стену, и тишина пещеры сменилась на громкий звук разбитого стекла. Мы оба замерли, прислушиваясь, но какое-то время все, что мы могли расслышать, – это звук падающих на каменный пол мелких осколков.

Наемник протянул мне руку, молча давая понять, чтобы я непременно оказалась возле него. Я не колебалась ни секунды, мгновенье, и я была за его надежной широкой спиной.

– Мы не одни.

Я и сама уже догадалась. Боги, пожалуйста, позвольте нам выжить! Мысленно я шептала молитву, но шансы быть услышанной практически были равны нулю. Я же проКлятый Источник, а теперь и Кремер подвергается опасности из-за меня! Если я и надеялась, что вторжение в пещеру было организовано Дуфф-Кайденом, то все рухнуло, когда напротив нас материализовались трое онгхусов.

Я буквально вжалась в спину Кремера. Это было машинальным действием, мне хотелось исчезнуть, чтобы минимизировать угрозу для Кремера. Но он оставался неподвижным, а когда я смогла притронуться к его спине, осознала, что все напряжение вдруг исчезло из его тела. Почему он стал спокойным? Или это такой тактический ход? В то время как я дрожала и сжалась до тени, спрятавшейся за спиной наемника, Кремер был неподвижен, хотя его тело вовсе не напоминало статую, которая изображает шок, ужас или неуверенность от встречи с опасностью.

Одной рукой я держалась за спину Кремера, а вторую освободила. Мне плевать, что он там говорил о битве с онгхусами, я не собираюсь сдаваться без боя. Не позволю нас убить!

– Нет, Алика. Не смей!

Я не сразу поняла, что эти слова произнесены Кремером и адресованы именно мне. Как, черт возьми, он догадался, что я уже начала формировать огонь в руке? Огонь еще даже не появился! Но в мои планы вовсе не входит быть схваченной шайкой слуг Хафисвальда, и уж тем более я не позволю украсть мою душу. Нет, провались все под землю, я не собираюсь стоять тут и изображать из себя слабую овечку.

– Кремер, как ты собираешься их прикончить, не поднимая глаз от пола?

– Мы не станем их убивать.

Что? Он серьезно? Я лишь немного выглянула из-за спи-

ны мужчины, чтобы осмотреть обстановку. Этого было достаточно для того, чтобы осознать две вещи: их уже не трое, а пятеро, а Кремер еще не достал свои склянки, значит, он и впрямь не собирается с ними драться.

– Предлагаешь сдать? Я пас!

– Нельзя их убивать, у них белые глаза.

Это было неподходящее время восхищаться разнообразием цветовой гаммы глаз бессмертных. Эти же белоглазые, склонив голову набок, внимательно слушали наш диалог, что было до дрожи жутко. Меня смущало даже не то, что они спокойно слушают и слышат нас, а то, что они никак не комментировали наше с Кремером обсуждение их судьбы, словно им было любопытно, кто же из нас обладает бОльшим разумом. Они совершенно не заморачивались собственными судьбами или думали, что я не убью их?

– Плевать я хотела на их глаза. Ты сам сказал, что они не чемпионы смешанных единоборств. Парочка взрывов, может, и испортит интерьер этой пещеры, зато мы будем живы!

Последние слова я произносила сквозь стиснутые зубы. Я устала находиться на грани жизни и смерти и уже совершенно не беспокоилась, услышат ли меня белоглазики. С меня хватит!

– Когда у онгхусов белые глаза, это означает, что в них души, много душ, сотни тысяч! Убьешь онгхуса – убьешь души!

Да ты, блин, издеваешься!

– И?

Сотни тысяч не известных мне грешников, ибо, будь эти души не грешными, они были бы в той чаше, которую мы видели раньше. И что? Меня должны беспокоить грешники?

– Алика, я не позволю тебе уничтожить души!

– Это черные души, души грешников, которые заслужили мучения! Давай прекратим их мучения, грохнем онгхусов и сбежим!

Кремер резко повернул голову в мою сторону, ища зрительного контакта, не меняя при этом положения своего тела.

– А если в них души магов? Может быть, даже твоих родителей. Ты не хотела бы дать им шанс спастись?

Не знала до этого момента, что тошнота может так быстро подступить к горлу. Я закинула руку, которая уже готова была к нападению, себе за спину, словно стесняясь ее. Мне захотелось скрыть ее даже от своих собственных глаз. В горле комом застыло дыхание, слезы не полились по щекам только потому, что я была слишком шокирована самой мыслью, что души моих родителей могут быть так близко. Но еще более ужасающая мысль заключалась в том, что Кремер считает моих родителей грешниками.

– Прости, Алика, прости меня. Я не это хотел сказать...

Он попытался прижать меня к себе сильнее.

– Я хотел сказать, что мы не можем убить души, мы не станем этого делать.

Все мои возможные ответы испарились, когда в пещере эхом проскрипел голос одного из онгхусов. Их голоса еще более жуткие, чем их глаза.

– А где Каллан? Что вы сделали с Калланом?

Голос напоминал тысячи приглушенных криков, и, как в плохом радио, вместо четкого голоса слышны скрипучие помехи.

– Я не знаю, о ком вы говорите. – Кремер ответил тихо, но в его тоне можно было услышать волнение. Теперь мне лучше удастся улавливать его эмоции даже в его привычном холодном тоне.

– Это дом Каллана. Где он?

Дом? Это дом онгхуса? Роскошно... по меркам преисподней, конечно.

– Мы никого не видели, но у меня к вам предложение.

Голос Кремера звучал тихо, очень тихо, что заставило онгхусов наострить уши, это привлекло их внимание.

– Нас не интересует твое предложение.

Говорил один из онгхусов. Он был одет почти так же, как и я, что помогло мне понять, что мы и впрямь находимся в его доме, а я позаимствовала его одежду.

– Мы пришли сопроводить вас к Фейсалу.

Плохо, плохо... очень, блин, плохо! Убить их нельзя, но и к землям Фейсала я не испытываю теплых чувств и совсем по ним не соскучилась.

– Мы не...

Кремер не успел закончить фразу, все произошло слишком быстро. Я была прижата к нему, а в следующую секунду он упал, потому что онгхус приземлился позади него, оттолкнул меня и свернул наемнику шею.

– НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

От собственного крика я оглохла, но тут же оцепенела. Подобный крик, когда-то уже мною слышанный, как ножом пронзил мое сердце. Это был крик отца, он был в моем голосе и в эхе, наполнившем пещеру. Это была смесь боли от происходящего вокруг меня и воспоминаний, всплывших в моей голове. Падая на жесткий каменный пол вслед за Кремером, я заставила себя все-таки устоять на ногах. Не позволю им убить нас, я буду драться! Гори они в аду со своими душами! Почему-то от этой мысли меня пронзил ужас.

Мои глаза затуманились, мозг отказывался работать ясно и хладнокровно. Только инстинкт выживания был во главе моего разума, только желание спасти близкого мне человека. Интересно, мой отец думал так же в ту ночь? Он боролся не только за свою жизнь, но и за жизни всей своей семьи. Насколько ясно он мог мыслить в ту роковую ночь? Испытывали мой папа ту же боль и тот же страх за тех, кого любил, за собственных детей? Ощущал ли он себя беспомощным и доведенным до отчаяния настолько, что сломался и стал умолять своих убийц о милосердии, но не к себе, а к своей жене?

Я не готова умолять. Я посмотрела на безжизненное тело Кремера, и мои руки нагрелись ментально. Собрав остат-

ки здравого смысла и решительности в кучу, я выкинула руки впереди себя, готовая ударить всей своей энергией.

– Я вам не позволю его убить!

Я намеревалась если и не убить их, так убрать с моего пути. Вот только ничего у меня не вышло. Сменив позу, я еще раз сосредоточилась на руках и тут поняла, что они сцеплены за спиной. Тепла в ладонях я больше не ощущала, вместо этого – слабость, скованность и полное отсутствие возможности использовать мою силу. И когда я ощутила холодное серебро на своих руках, пришло осознание полного провала.

Глава 32

Абсолютное поражение, обездвиженность не только в теле, но и в мыслях. Слезы ослепили меня, а вытереть их у меня не было возможности, да и к чему это? Я отказывалась смотреть на мертвого Кремера. Но обратила внимание на то, как онгхусы молча подняли его тело и закинули на плечи одного из них. Меня же они либо не замечали, либо игнорировали, словно я пустое место, заливающее слезами каменный пол пещеры.

– Он мертв.

Мне казалось, что я не произносила этих слов вслух, но ошиблась.

– Мы его не убили, чародей скоро придет в себя.

Их словам удалось меня немного успокоить, в душе зародилась надежда, они не стали бы врать. Ведь так? Тем более что Фейсал хотел видеть мертвой меня, а не Кремера.

Почему я сама сразу об этом не подумала. Боль от потери Кремера заглушил голос разума. Точно, он без сознания, он просто потерял сознание. Ему же свернули шею, а это не смертельное ранение для бессмертного.

Соберись, Алика! Хватит ныть, надо срочно что-нибудь придумать. Вот только сцепленные серебром руки не позволяют разгуляться фантазии. Ладно, может получится пере-

манить онгхусов на свою сторону? Шансов мало, но попробовать стоит.

Я не следила за тем, что в данный момент делали онгхусы, но чувствовала, что они перемещаются по пещере. При этом они почти не произнесли ни звука с момента, как справились с Кремером и обезоружили меня.

Я пыталась перейти от мыслей к активным действиям, однако все, что я могла, – это просто смотреть на спину Кремера. Если я уловлю момент, когда его легкие наполнятся первыми глотками воздуха и спина приподнимется, может, тогда смогу найти выход из сложившейся ситуации. Наемник для меня сейчас был основным звеном в цепочке событий, которые могут спасти нас. Даже если мне удастся, тащить на себе Кремера далеко мне не продвинуться. Так что мне необходимо, чтобы он как можно скорее пришел в себя. Необходимо чем-то отвлечь онгхусов и потянуть время, надеясь на быстрое исцеление чародея.

– Что вы собираетесь делать?

Я неотрывно смотрела на Кремера. Я ждала его первого вдоха, ждала и молилась, словно от этого зависят мое собственное дыхание и жизнь. Ну же, Кремер, очнись!

Онгхусы не спешили начинать со мной разговор, они были заняты своими делами. Вероятно, о скорости исцеления чародеев им тоже хорошо известно.

Вскоре я смогла различить, как пещера наполнилась очень яркими вспышками. Это походило на фестиваль фей-

ерверков, только бесшумный и сосредоточенный в одной точке. Затем перед моими глазами четко предстал новоявленный портал.

Черт! У меня не осталось времени. Совсем.

Я оказалась одна в окружении бесчувственных онгхусов рядом с бездыханным телом Кремера. Дальше что? Портал и Фейсал, который вовсе не жаждал встречи со мной.

Прости меня, Кремер, прости меня, Ремис. Я, правда, оказалась абсолютно бесполезным существом, из-за которого одни проблемы. Мне жаль, мне так жаль!

Взглянув на онгхуса, который подхватил меня под локоть и повел по направлению к порталу, я подумала: а вдруг души моих родителей и впрямь где-то рядом, вот прямо в этом онгхусе? В этом почти двухметровом существе с белыми глазами в опрятной и скромной одежде! Должна признать, существо обладало красивым мускулистым телом, но настолько холодным и отчужденным, что вся эта мужская красота лишь отталкивала. Может, Фейсал меня убьет, и я окажусь рядом с мамой и папой? Ждут ли они меня? Или так же, как и Ремис, считают меня слабой и никчемной? Будут ли они рады мне или будут злиться на меня?

– Они меня слышат?

– Кто?

Я даже вздрогнула, не рассчитывая, что мне ответят. Онгхус остановился и посмотрел мне в глаза. Жутко. Очень жутко. Вместо глаз – сплошной белый лист, олицетворяющий и

твое начало, и твой конец. Поздно я вспомнила о предупреждении чародея не смотреть им в глаза, но оторваться от белого взгляда не могла.

– Души. Души моих родителей в тебе?

Казалось, онгхус смягчился.

– Нет, душ твоих родителей во мне нет.

– А ты сказал бы мне, если бы они были в тебе?

– Да.

Черты его лица не изменились, но он не стал дальше продвигать меня к порталу.

– А души могут слышать меня?

Разговор из разряда «как вам погода?». Алика, срочно придумай что-нибудь еще, чтобы протянуть время!

– Если я позволю.

Мне показалось или его глаза действительно изменили цвет на долю секунды?

– Позволишь?

Ему плевать на души моих родителей, для него мои родители ничем не отличаются от простых бомжей, замерших насмерть на улице зимой. Я разговариваю с маньяком – вот, что я думаю о нашем диалоге с онгхусом. Но, с другой стороны, онгхусы – не убийцы, хотя они и содержат в себе души, в том числе убийц. Как они могут так жить? Они хранят в себе смесь душ разных созданий, словно набор специй, смешанных в одной банке. Как онгхусы с этим справляются?

– Позволяю я это редко. Только если душа не может найти

успокоение. Я позволяю ей слышать и слушать жизнь. Так душа находит свой путь.

Он отвечал на мои вопросы так спокойно, что в другой ситуации наш диалог можно было бы принять за холодную светскую беседу.

– Это тяжело?

Может, есть шанс уговорить его отпустить нас?

– Я не понял твоего вопроса, Источник.

Вряд ли. Он произнес слово «Источник» с неким омерзением. Даже не маг или банально «женщина», а Источник! Прямо как титул главного неудачника всей вселенной.

Онгхус подтолкнул меня по направлению к portalу. Мои шансы на спасение таяли так же быстро, как мы приближались к portalу.

– Меня зовут Алика.

Похоже, онгхус смог различить в моей реакции раздражение, и это заставило его притормозить. Он явно смутился, а я была рада, что на его лице появилась хоть какая-то эмоция, и что более радостно – это было не презрение.

– Что? Думал, я бесчувственный убийца – Источник, не имеющий имени?

– Я так не думал.

Он опять склонил голову набок. Что за странная манера?

– Но имя не имеет значения, если за ним ничто не стоит.

– Что ты имеешь в виду?

Он сбивает меня столку, но, пока мы не движемся, а про-

должаем разговаривать, я не буду придираюсь к его словам.

– Можно родиться принцем, и имя наследника облетит весь мир в день его рождения, но до тех пор, пока принц не займет место монарха и не изменит мир к лучшему, никому нет дела до его имени, его забудут вскоре после рождения.

– Он может стать тираном, и тогда его имя точно будут помнить все.

Мне не нравился ход мысли белоглазого.

– Верно, но ты пока не прославилась ни тем, ни другим, так что мне плевать на твое имя. А сейчас ты пройдешь в портал, а если будешь и дальше мешать, то я могу и тебя обездвигить, как твоего спутника.

Ну что же, очевидно, что переманить онгхуса на свою сторону не получилось! Меня даже не надо было подталкивать, теперь я сама направилась к порталу, тем более, когда заметила, что Кремера в пещере уже нет. Я бестолковый спасатель! Даже не заметила за разговором с онгхусом, что Кремера уже нет рядом, его протащили в портал.

– Тем самым ты меня убьешь, я еще смертная. Сомневаюсь, что тебя похвалят за то, что ты притащишь вместо двоих живых один труп.

– Требовалось привести к Фейсалу чародея, а насчет Источника была лишь рекомендация: по возможности и Источник должен быть живым.

Произнося это, он почти нос к носу склонился ко мне. Каждое слово он произнес четко и чуть ли не с придыхани-

ем, вплотную придвинувшись ко мне. Явно для того, чтобы я уяснила: одно неверное движение, и я – труп!

– Наверное, я должна быть благодарна?

Не было у меня даже намека на благодарность, я все равно скоро умру. Никто не горел желанием увидеть меня живой, давно подозревала, что суд предназначался не для меня.

Я отодвинулась от него и подошла к порталу, посмотрела на хранителя душ. Чего он ждет? Что я сделаю шаг или буду сопротивляться?

– Я не жду твоих благодарностей, это лишнее.

Ох, он думал, что мое замешательство перед шагом на плаху вызвано ожиданием ответа на мой вопрос? Нет, мне просто хотелось взглянуть в его глаза, чтобы понять, а не в этом ли онгхусе окажется моя душа? Не хотелось бы, он мне не поможет найти путь для моей души. А мне не помешает инструкция, чтобы понять как успокоить свою душу, если я попаду к онгхусу.

Я сделала шаг, меня не надо было подталкивать. Да, было страшно, даже ладони вспотели, а по коже бегали мурашки, но шаг я сделала сама и не только потому, что у меня не было выбора, а потому, что где-то там находится Кремер в бессознательном состоянии и мне не хотелось бы оставлять его одного в такой безвыходной ситуации.

Пройдя сквозь неровные яркие края портала, я оказалась в мягком обволакивающем тумане, где никого не видела и не ощущала. Может, мне повезло и онгхус решил меня спасти?

Но рука, которая жестко меня подхватила, сразу дала понять, что нет, сегодня везения не будет, во всяком случае не от этого онгхуса.

Это мое второе путешествие сквозь портал, прошлый раз это было очень тяжелое испытание, приземление было беспощадно болезненным и лишь заботливое тело Кремера облегчило мое падение на землю. Сомневаюсь, что онгхус проявит такое же внимание ко мне, хотя этот портал сильно отличается от предыдущего. Нас не «засосало» в него, мы просто вошли в туман, как будто переступили порог комнаты. Затем туман закрутился вокруг меня и незаметно рассеялся, я оказалась в уже до боли знакомой обстановке. Воды нет, как и последствий цунами. Посмотрев на небо, я не обнаружила облаков. Видимо, подсказок не будет, как и спасения. На этот раз небо меня не восхищало, райский лес не трогал своей красотой, скорее, мне стало казаться, что место весьма отвратительное.

– Где Кремер?

Все еще будучи сдерживаемой за руку онгхусом, я все-таки постаралась оглянуться по сторонам в поисках своего мужчины.

Мне никто не потрудился ответить, но прямо перед нами возникли персонажи, от встречи с которыми я воздержалась бы, – слуги Фейсала во всей своей красе и каждый с мечом в руке.

Замечательно, просто блеск! Надеюсь, они не кинутся

мстить мне за гибель своих товарищей?

– Он жив? – Спросил кто-то из них.

– Как и было обещано.

По скрипучему голосу было понятно, что ответил кто-то из онгхусов.

О моем самочувствии никто не справлялся, оно и понятно: кого заботит Источник?

– Источник не сможет вам навредить, она обезврежена се-ребром.

От онгхуса, который удерживал меня, это прозвучало, как «обеззаражена». За это он был «награжден» моим гневным взглядом. Не то чтобы его это сильно заботило, но перед скорой встречей с Фейсалом я старалась максимально собраться, а гнев в данном случае – мое лучшее подспорье.

В момент, когда онгхус передавал меня сторожевым псам Фейсала, я успела увидеть тело Кремера, которое неподвижно висело на плече одного из приставов. Он дышит! Его грудь поднималась и опускалась словно ему было тяжело дышать, но все же он уже мог дышать.

Чтобы лучше удерживать тело наемника, слуга Фейсала зачехлил свой меч. Было невыносимо смотреть, как беспомощно болтаются руки самого сильного чародея вдоль спины бессмертного слуги. Чтобы вновь не разрыдаться, я решила рассмотреть того, кто теперь удерживал меня и вел в сторону леса. Одеты они были все одинаково, как и в прошлый раз. Перед глазами возникла картина, как солдаты в

такой же униформе горели от моего огня, а Кремер прятал их прах в своем поясе. Знают ли об этом их коллеги?

Они не проявляли ко мне агрессии, а этот, что держал меня, не толкал меня, как онгхус, скорее, просто поддерживал за руку, чтобы я не упала. Второй рукой он все же держал меч. Не будь я скована серебром, с легкостью могла бы с ними справиться, как и тогда, но драться с ними у меня не возникло желания. Они и в прошлый раз сгорели отчасти потому, что я защищалась, я вовсе не желала им смерти, это была лишь самооборона.

Я уже придумываю себе оправдательную речь для встречи с Фейсалом? Что такого еще я могла успеть совершить за свою короткую жизнь? Ничего: я не совершала преступлений, не причиняла никому боли или страдания. Учет ли это Фейсал?

– Мы признательны за вашу помощь. Передайте Хафисвальду, что Фейсал очень благодарен ему, как и мы все.

– Это была честь для нас оказать содействие Великому Фейсалу.

Бла, бла, бла... где-то уже далеко от меня, за моей спиной мурлыканье слуг Фейсала переплеталось со скрипучими ответами онгхусов. Если они что-то еще и сказали друг другу, я уже не прислушивалась.

Тем временем мы достаточно углубились в лес, что начало меня серьезно беспокоить. Кремер прорубал для меня путь, а эти солдаты явно не намерены позаботиться моей

безопасностью. Как я пройду сквозь заросли ядовитых растений? Парочка мерзких цветочков уже умудрилась цапнуть меня за штаны. Что дальше? Я даже руками не могу защититься. Надо бы попросить об одолжении расчистить мне дорожку. Но я не успела изложить свои идеи о красной и торжественной дорожке, проложенной для меня на пути на плаху, как мы все резко остановились, словно по команде.

Один из слуг вышел вперед и взмахнул мечом прямо перед собой. Что он делает? Сам догадался о моих мучениях в этом лесу? Решил мне помочь? Решил потренироваться или побороться с невидимым противником?

Не успел мой сарказм созреть до осмеивания вслух тренировки бойца, как часть леса превратилась в застывшее полотно: листья не шевелились, краски поблекли. Это напоминало фотообои или же блеклое отражение леса в замутненном зеркале. С каждым вдохом бойца, да и моего тоже, полотно мутнело, и очертания леса превращались в размытую палитру.

В данный момент я сама походила на онгхуса: глаза, может, и не белые, но широко раскрыты, а голова склонилась вбок. Выглядывая из-за спины бойца, я пыталась лучше рассмотреть, как отдельно взятый бессмертный смог сотворить мечом застывший «элемент декора» – кусок фотообоев, который идеально вписался бы в интерьер дешевой съемной квартиры.

По лицам рядом стоящих бойцов можно было догадаться,

что данное действо их не смущает, не удивляет и не беспокоит, словно они проделывают такой трюк каждый день.

Когда полотно стало чернеть, можно было бы ожидать, что декоративная штукатурка обвалится и сгниет, но нет, происходящее приняло странный оборот. Боец-«дизайнер» поднял свободную от меча руку и сорвал уже заметно истлевшее полотно, а прямо за ним возник невообразимо яркий свет. Я машинально дернула руку, чтобы прикрыть глаза от этих ослепляющих лучей, вот только руки были связаны, поэтому мне оставалось лишь крепко зажмуриться. Но это не сильно помогло, глазам стало даже немного больно то ли от столь яркого и неожиданного света, то ли от того, что я так сильно сжимала веки.

– Что это? – Прошипела я сквозь зубы.

Ответа не последовало, но глазам стало немного легче, когда меня стали подталкивать вперед, а солдат, который шел впереди, немного отгородил меня от мучительных лучей. Тем не менее идти с открытыми глазами было невозможно. Ну и плевать, пойду вслепую, зато не ослепну.

Не заметила, чтобы мы через что-то перешагивали или зашли в какое-то укрытие, но свет исчез так же внезапно, как и появился. Я неуверенно приоткрыла один глаз, а убедившись в безопасности для своего зрения, открыла и второй. Но лучше бы я этого не делала!

О, силы бессмертных! Боги! Это божественно, великолепно, грандиозно... Это Фейсал, – напомнила я себе.

Я увидела возвышенность, на которой стоял огромный замок. Его размеры невозможно объять взглядом: сводчатая крыша теряется где-то в глубинах безоблачного почему-то пурпурного неба, а основание утопает в экзотической растительности, которая буквально обнимает здание, оставляя нетронутой только массивную лестницу, ведущую к входу. Сам замок построен из неизвестного мне камня. Весь бело-снежно белый, от него исходит не очень яркий свет. На стенах играют блики от пурпурного неба, что создает гармонию белого и ожившей цветовой феерии радуги.

Глядя на эту ожившую сказку, забываешь, что ты в опасности. Забываешь, ради чего ты здесь. Ничего более впечатляющего я в своей жизни не видела!

Наверное, люди испытали нечто похожее, когда обнаружили в Египте древние пирамиды или столкнулись с остатками поселений племени майя. Это что-то за гранью воображения.

К замку захотелось подойти ближе, к нему хочется прикоснуться, почувствовать силу богов! Я сама не поняла, как зашагала напрямиком к замку. словно под гипнозом.

Мой взгляд был устремлен на замок, поэтому я не сразу заметила, что земля подо мной движется. Я вскрикнула и посмотрела себе под ноги. Да, земля движется, вернее, это белая, вымощенная камнем широкая дорога, ведущая к лестнице замка. Это как траволатор в аэропорту – хоть ты и можешь идти сам, но разве не весело прокатиться вперед?

Бушующее во мне волнение от того, что я скоро представлю перед Фейсалом, сглаживало то чудо, которое я увидела. Мне, конечно же, очень хотелось отстрочить этот момент. Но когда траволатор неумолимо приближал меня к лестнице, которая буквально вела меня на небеса, я поняла, что назад пути нет. Сегодня я могу потерять Кремера, себя и все то, что мне было дорого. Но, что странно, я не сопротивлялась. Моя душа вела меня вверх, напрямиком к... освобождению. Не могу найти более правильного слова для описания своих чувств. Я ощущала свободу, не было страха смерти, не было сомнений, не было сожалений, было лишь желание подняться в небеса, туда, куда вела эта лестница, на которую я уже успела ступить. К Богу!

Лестница, которая до этого казалась древним напоминанием силы и власти, теперь оживилась, и как только я встала на первую ступеньку, двинулась вверх. В этот момент мне захотелось ухватиться за перила, ну или за руку, что привела меня сюда, но оказалось, что рядом никого нет. Я осталась одна: нет Кремера, нет слуг Фейсала, только я и мои мысли, только я в окружении тихой красоты божественной силы. Не осталось даже воспоминаний, мой разум – прозрачный сосуд. Чтобы не упасть в пропасть небытия, мои глаза искали то, за что можно удержаться в этой реальности. Вскоре мой взгляд заскользил по поверхности гладких стен, которые все приближались и приближались, обнажая свои тайны.

Скорость движения лестницы позволяла рассмотреть

окружение и поддаться ложному впечатлению безопасности. По бокам расположились башенки, на которых восседали каменные создания, чем-то напоминающие горгульи. Хотя скорее это детеныши драконов: головы летучих мышей, тела анаконды, а за спинами – широко расправленные крылья драконов. И чем ближе я оказывалась к ним, тем ярче становились их глаза, которые неотрывно смотрели на меня. Если я попытаюсь сбежать, то они непременно настигнут меня. Неужели есть кто-то, кто, дойдя до Фейсала настолько близко, решится сбежать? Я не стала испытывать судьбу.

И вот теперь уже мой взгляд был прикован к двери. Эта массивная дверь цвета расплавленного серебра, на которой отражаются все краски окружающей среды, манила и призывала, словно конечная точка твоей жизни. Как только я смогла различить дверную ручку, то уже не могла отвести взгляда от нее. Непроизвольно моя рука сама потянулась к ней. Когда лестница остановилась, я без раздумий бы открыла дверь, вот только руки были скреплены за спиной. Да мне и не пришлось браться за ручку этой чудесной двери, она сама распахнулась передо мной, приглашая в самый страшный день моей жизни.

Глава 33

Сказать, что я растерялась, значит, ничего не сказать! Я оказалась в заброшенной библиотеке, в той, где я прожила последние дни своей жизни с родителями. Я даже подумала, что уже умерла и сейчас смогу встретиться с мамой и папой. Вот знакомые полки, диван... а часы показывают то время, когда на нас напали чародеи. В панике я закружилась на месте в поисках мамы, ведь отец прямо сейчас должен прокричать: «Бегите!».

– МАМА!

Вместо ответа мамы все вокруг завертелось, краски стали расплываться и вскоре смешались в один цвет – красный. Кровь! Вокруг меня кровь! Воздух! Мне нужен воздух! Я не могу дышать. Мама, где ты? Ремис?

Я словно за стеклом от основной сцены событий: я рядом, но меня не слышат. Обуреваемая страхом я начала биться в эту стеклянную стену.

– Бееегитееее!!!! Пааапааа! Маааамааа! Бегите!!! Нет, папа, не надо! Останься! Останься со мной!

Я кричала, кричала и кричала, не понимая, что происходит. Меня никто не слышит, я одна, нет даже Ремиса, который должен сидеть неподвижно и плакать. Пытаюсь сделать шаг и падаю, падаю лицом в воняющий плесенью пол.

– Мама, папа! НЕТ! Останьтесь со мной, пожалуйста! Не уходите! НЕ УМИРАЙТЕ!

Не могу сдвинуться с места, вдыхая пыль с грязного пола, пытаюсь собрать остатки сил. Я должна их спасти, я обязана это сделать. Ну же! Встань и сделай это! Это шанс все изменить: вернуть жизнь родителям, остаться семьей, избежать страха и вечного разочарования в самой себе. Их надо предупредить! Захлебнись слезами, утрись страхом и просто сделай это! Исправь случившееся! Но мое тело меня подводит, руки меня не слушаются.

Огонь, мне нужен мой огонь! Если я смогу, то родители будут жить. Я смогу их спасти.

– А, вот и она.

Чародеи? Это были чародеи? Они рядом, я знаю, они опасны. Они нас уничтожат. Но я смогу, смогу защититься. Я спасу свою семью.

Кремер, он мне поможет, он меня любит...

Крик отца, стон мамы, слезы Ремиса, стекающие по моим ногам.

– Нет! Я спасу вас! Кремер! Ты мне нужен, пожалуйста!

– Довольно!

Этот голос, словно бальзам, смысл все тревоги и весь ужас пережитого. Одно слово и тихий голос – нет больше библиотеки, нет больше ночного кошмара.

Я моргнула и оказалась на арене или огромном поле, над которым возвышался трон.

Тряхнув головой, я попыталась избавиться от видений. Видения? Галлюцинации? Что это вообще такое было?

– Ты видела свой самый большой грех, который ты совершила в своей жизни, или думала, что совершила.

Вопросы могут подождать. Я стою напротив пьедестала, на котором три каменных стула в цвет стен замка, и из них заняты только два. Интуитивно я поняла, что в центре восседает сам Фейсал. А слова, которые мне пояснили смысл моих галлюцинаций, принадлежали женщине, сидевшей по правую руку от мужчины.

Фейсал. Бог правосудия и вершитель судеб. Я уставилась на него, как шопоголик на рекламу скидок в магазине с дорогими шмотками, но при этом без рубля в кармане.

Не могу сказать, что я представляла его иначе. Он определенно одним своим видом заставлял осознать, что перед тобой БОГ! Он не смотрел на меня, он никак не реагировал на меня, я была для него никем, но мне очень хотелось бы, чтобы он обратил на меня внимание. Чтобы он – Бог заметил меня – Алику, не просто Источника, а бессмертного, который уважает силу богов, который, хоть и боится Фейсала, но приклоняется перед ним.

Пока я пыталась вернуть себе спокойствие, а легким и сердцу – нормальную работу после ретроспективы в свое прошлое, я увидела, что рядом со мной на земле лежит Кремер.

– Кремер!

Я вскрикнула и сама испугалась своего голоса. Кинула взгляд на Фейсала и женщину, с которой он ворковал и, казалось, совсем потерял интерес к нам с Кремером.

Он даже не повернулся на мой возглас. Что и хорошо. Я впервые после того, как Кремер упал в той пещере, смогла наконец-то приблизиться к нему. Он лежал у моих ног на спине. Его шея уже была в норме, даже казалось, что он просто спит. Еще час или два, и он очнется.

Не могу ждать, мне он нужен уже сейчас. Я опустилась на колени и вплотную приблизилась к наемнику. Уже просто от того, что мои колени прижались к его ногам, мне стало легче дышать. Часы в библиотеке больше не отсчитывали время моего безумия.

Я до боли вытянула руки, скрученные серебром, и мне удалось взять в свою ладонь руку Кремера. Она была холодной как лед.

– Очнись, пожалуйста.

Мой голос звучал жалко и отчаянно, но Кремер нужен мне. Его глаза, его дыхание, его редкая улыбка, его осуждение и даже недовольство. Он мне нужен целиком и полностью. Как воздух, который еще плохо поступал в мои легкие, как дневной свет, так необходимый для жизни. Кремер, я люблю тебя! Очнись, пожалуйста!

– Он задерживается, – промурлыкала темноволосая женщина, нежно обняв Бога за шею.

Не было слышно ответа, но она захихикала, а ее изумруд-

ный взгляд переместился на меня. Когда она увидела, что я держу Кремера за руку, несмотря на мои скрепленные руки, нахмурилась.

– О, справедливый...

Она указала рукой в нашу с Кремером сторону.

Это заставило Фейсала все-таки обратить на нас внимание. Насколько сильно эта женщина может влиять на него? Смогу ли я призвать к ее чувствам?

Но Фейсал просто кинул мимолетный взгляд на нас и просто кивнул женщине. Сразу после этого Кремер громко вздохнул, а я наклонилась к нему, отпустив его руку.

– Кремер!

Его глаза открылись и с волнением смотрели в мои, от чего мне захотелось танцевать и рыдать одновременно. Когда он увидел меня, его взгляд перестал метаться, а просто сосредоточился на мне. Это согрело мое сердце, он, как и я, волнуется. Он волнуется обо мне, его первая мысль была обо мне.

– Алика?

Голос был сильным и неуверенным, но таким родным и долгожданным.

– Я тут, все хорошо... ну... – я мотнула головой в сторону романтично воркующей парочки, – ...мы хотя бы живы... пока.

Кремер сел и протянул мне руку, но понял, что мои за спиной. Он нахмурился и стал осматриваться по сторонам.

– Я... мне снился сон...

– Кошмар с твоим самым страшным грехом?

Несмотря на все, Кремер был снова спокоен и говорит о своем сне, словно о некоем странном приключении.

– Это место, – я мотнула головой, чтобы он осознал, где именно находится, – место заставляет нас вспоминать о худшем. Ты видел сон? Я видела реальность. Думаю, это часть испытания.

– Испытание, которое не каждый достоин пережить!

Мы оба повернули головы к источнику вторжения в наш разговор с Кремером.

Это был мужчина, который занял пустующее место на пьедестале. Не знаю, кем он был, но я ощутила силу, исходящую от него, и эта сила заставила меня преклонить колени.

Кремер попытался вскочить на ноги, но мужчина, который только что присоединился к нам, сделал легкий жест рукой и наемник обратно грохнулся на колени.

– Вас удостоили чести предстать перед судом великого Фейсала. Ваше место там и на коленях!

Вновь прибывший указал пальцем ровно на то место, где мы находились с Кремером, только сдвинуться мы не могли. Я и до этого уже сидела на коленях, но перед Кремером, а теперь и Кремер рядом сидел... лицом к трону.

Я нахмурилась и встала. Если перед Фейсалом я еще и буду сидеть на коленях исключительно из уважения, то перед этим парнем – ни за что!

Поднимаясь с земли, я смогла заметить, как поднимались брови того, кто заговорил о почтении. Фейсал же продолжал молчать, как и его женщина. Его? Ну а кто она, раз так воркует с ним?

– Источник!

Мужчина закинул ногу себе на колено и развалился на своем миниатюрном троне, главный трон оставался у Фейсала, который продолжал смотреть на нас молчаливо и отстраненно, от чего даже закрались сомнения: а он ли Фейсал?

Я поклонилась в ответ на «Источник», я стою перед Богами, я все равно что труп, я... и тут я вспомнила, что... я дочь Дуфф-Кайдена!

Выпрямившись, я мотнула головой, закидывая волосы за плечо, и произнесла настолько спокойно, насколько смогла:

– Меня зовут Алика.

Кажется, впервые взгляды всех троих были направлены на меня, а не на Кремера. Они не считали нужным общаться с Источником? Я для них тлен и ничтожество? Ну так ничтожество тоже умеет говорить, и его уже ничто не смущает. Я для вас мусор. Вы ничего не можете поделать со мной, кроме как выкинуть ... Куда? В мусор? ХА! Я уже там, так что удивите меня!

– Ты будешь молчать, пока не будет позволено иное!

Мужчина изо всех сил старался показать себя значимым, он пытался затмить собой того, кто сидел молчаливо, но кто являл собой власть. За все время Фейсал не проронил ни

звука, но присутствующие так или иначе искали в его жестах и в его глазах реакции или ответа, именно от него, ловили каждое его движение, его реакции ожидали все здесь присутствующие, и мы с Кремером не исключение.

Неожиданно мои руки освободились от серебра, и я смогла расправить плечи. Не знаю, кого за это благодарить, и надо ли вообще за это благодарить.

– Его зовут Арокх, меня – Ирана, и сегодня вы предстали перед судом великого Фейсала.

Изумрудные глаза засияли от произнесенных ею слов, она не упивалась властью, она была... взволнована.

Она крепко сжала в своей ладони руку Фейсала. Но когда заметила, что я вижу это, мгновенно прикрыла складкой платья этот захват. Боялась проявить на публике чувства или защищала слабость Фейсала?

– Нет, Ирана! Сегодня на суде только чародей...

Арокх сместился и опустил ногу на землю. Нервничает, взволнован или в предвкушении?

И какого черта тут происходит? Я была уверена, что судит Фейсал, а тут прям суд присяжных, не иначе!

– Это не тебе решать, Арокх. Перед Фейсалом предстали двое бессмертных, и только Фейсал решит их судьбу.

– Воистину!

Он поклонился женщине, но в глазах не читалось согласия, только принуждение. Черт, у нас проблемы! Этот Арокх желает «хлеба и зрелищ»! Насколько сильное влияние он

имеет на Фейсала? Женщина определенно стоит на защите интересов Фейсала, Арокх же преследует свои собственные интересы, пусть и не открыто.

– Ты позволишь, брат?

Брат? БРАТ?! Фейсал молча и еле заметно кивнул. Этот Арокх брат Фейсала? Значит, как и подозревала – он тоже Бог!

Воодушевившись молчаливым кивком брата, Арокх приступил к презентации своей власти, которая явно находится в ограничительных тисках брата, и что очень не нравится Арокху. Когда жаждущий власти долго ограничен, он рано или поздно устроит революцию. Остается надеяться, что хоть кто-то останется жив после этого.

– Кремер, сын Улафа и Хельги, ты обвиняешься в противопоставлении себя воли Богам и в нарушении их решений. – Аркох встал и, наклонившись в сторону Кремера, ухмыльнулся, – что наказывается смертью!

Последние слова Арокх пропел, смакуя каждый звук.

Я не понимала, в чем суть обвинения. Что именно сделал Кремер? Метнув на него взгляд, я искала ответа на свой немой вопрос. Кремер все еще стоял на коленях, и по его сжатым губам не было понятно, осознает ли он сути обвинения. А еще было видно, что он сдерживался, чтобы не заговорить. Но обвинение и злость из уст Бога заставили и Кремера от молчания перейти к действиям и подняться с колен.

– Великий Фейсал, я никогда не нарушал Ваших реше-

ний!

Кремер не смотрел на Арокха, он смотрел только на Фейсала, который, казалось, спит с открытыми глазами или впал в транс.

Нет, он, конечно, не спал, но сидел неподвижно, его можно было принять за статую, если только не заметить, как он нежно одним пальцем поглаживает руку зеленоглазой красотки. Но всем своим видом он демонстрировал, что происходящее его мало заботит и он отдал все бразды правления своему брату. Во всяком случае так мне показалось.

– Заткнись!

Арокх теперь выпрямился и своей силой заставил нас с Кремером вновь упасть на колени. Падение было столь неожиданным и быстрым, что мои колени хрустнули, было больно, но, вероятно, это лишь малая цена за сопротивление воли Богов.

– Не забывай, чародей, где ты находишься! Ты будешь говорить, только когда тебе это позволят!

Фейсал даже не моргнул. А вот Ирана сморщилась и посмотрела неодобрительно на Арокха, хотя продолжила хранить молчание.

Кремер склонил голову. Я последовала его примеру. Мне хотелось многое сказать этому павлину, но он же Бог, и мы в его власти. Ради нашего благополучия я лучше промолчу, а по тому, как прикусил губу Кремер, мне стало понятно, что наемник тоже сдерживает себя.

Арокх, довольный собой, вальяжно присел на свой трон и мелодично продолжил:

– Итак, Кремер, ты нарушил решение Фейсала. Решение было предельно ясным: все Источники подлежат уничтожению!

Арокх не смотрел на меня, но намек ясен как белый день. Кремер не убил меня и Ремиса, и в этом его смертный грех.

Он не просто не убил нас с Ремисом, он еще и не раз спасал меня. Он заботился обо мне, и за это он должен умереть. Только через мой труп!

Я встала, правда, было тяжело, казалось, на моих плечах мешок весом с тонну, но все же мне удалось подняться. Покачиваясь и силясь справиться с эмоциями, я уставилась прямо Фейсалу в глаза.

– Хотите кого-то убить? Убейте меня! Желаете смерти, крови и зрелищ? Вот я!

Кремер вскинул руки, чтобы удержать меня на месте, его взгляд умолял заткнуться, но вот лицо Фейсала не изменилось, он никак не отреагировал, Ирана же улыбнулась, и мне показалось, что это было нечто сродни жалости ко мне. Зато Арокх отреагировал бурно.

– Неужели? Источник жаждет смерти? И почему я не удивлен?

– Алика, замолчи! Прошу тебя!

Наемник все-таки схватил мою руку, чем полностью привлек мое внимание к нему.

– Если ты думаешь, что я буду молча сидеть тут и хлопать глазами, пока тебя обвиняют в том, что ты не уничтожил меня и Ремиса, то ты меня все еще не знаешь, Кремер!

Я улыбнулась ему, наверное, самой откровенной улыбкой за все время. Я была ему признательна за все, но с меня хватит. Хватит прятаться в пыльном шкафу заброшенной библиотеки.

Он хотел мне что-то еще сказать, я видела это по его лицу. Его губы шевелились, силясь найти подходящие слова, но я не дала ему шанса.

– Я люблю тебя, Кремер.

Мои слова ему были приятны, но на лице не было удивления, услышав их именно сейчас.

– Я знаю, Фитилёк, знаю. Но, пожалуйста, ради нас обоих не становись на мою защиту!

Это были самые желанные слова, которые я когда-либо мечтала услышать от Кремера, это даже не слова любви, это нечто большее. Он ценит свою жизнь меньше, чем мою. Он защищает меня ценой своей жизни.

И хотя мы говорили почти одними губами, кажется, наш диалог не остался не услышанным.

Ирана не произнесла ни слова, но то ли всхлип, то ли вздох привлек мое внимание к ней. Она выпрямилась и уже не держалась за руку Фейсала, который все так же был неподвижен словно статуя, взгляд которого был направлен лишь на Кремера. Меня не существовало для него, Фейсал меня

не замечал. То, что я поднялась и огрызнулась, нисколько не заставило его обратить свое внимание на меня.

– Кремер не виноват!

В следующую секунду я отлетела и с высоты примерно метр упала на спину. Мне показалось, что я сломала руку, а заодно и позвоночник. Воздух покинул мои легкие, слезы от дикой боли, что пронзила меня, потекли из глаз. Я, как рыба, выброшенная на берег, безрезультатно пыталась поймать ртом воздух.

– НЕТ! – голос Кремера, услышанный мною сквозь легкую контузию, был глотком легкого обезболивающего.

Но вопреки моим желаниям Кремер не притронулся ко мне, вероятно, по непонятным причинам противостоять Богам ему сложнее, чем мне.

– Арокх, это лишнее, – прозвучал мелодичный голос Ираны, словно канарейки, поющей на ветке дерева в теплый весенний день. От одного ее голоса мне уже стало не столь больно.

Спустя какое-то время боль исчезла. Кто это сделал? Ирана или Фейсал? Явно же не Арокх, чертов садист.

– Поднимись, Источник!

Этому голосу невозможно противостоять. Эта команда, произнесенная тихо, но жестко, не дает никаких шансов послушаться. Я вскочила на ноги так быстро, как смогла, быстрее вскакивают лишь те, кто случайно садится голым задом на раскаленные угли.

И вот теперь Фейсал направил свое внимание ко мне. Впервые за все время, как я тут оказалась. Даже не знаю, радоваться или горевать из-за этого. Но, может, мне дадут шанс сказать пару слов в защиту Кремера, а также Ремиса? Про себя я даже и не думала в этот момент.

Я все ждала, когда зрительный контакт с Фейсалом приведет к тому, что он заговорит, но он лишь смотрел на меня, а я не осмеливалась заговорить с ним первой. Поэтому не нашла ничего лучше, как склонить голову.

– Есть причина, по которой ты и Кевилс сохранили жизнь Источникам?

Это был Арокх, и он, кажется, несколько успокоился после того, как показал мне мое место – на лопатках перед волей Богов.

– Мы сохранили жизнь маленьким, беззащитным детям. Мы не знали, что они были Источниками.

Кремер отвечал хладнокровно, его лица я не видела, так как все еще стояла с опущенной головой, но по голосу могу судить, что он не считает нужным оправдываться.

– Уточню свой вопрос: вы бы спасли детей магов, знай вы, что они Источники? – Арокх вновь начал терять спокойствие.

– Лично я не участвовал в той операции, но... – Кремер запнулся, явно ища подходящие слова, – нет, думаю, что чародеи убили бы и их тоже, вместе с родителями.

– Значит, Кевилс приютил и вырастил, как он думал,

обычных магов? – В голосе явно читалось недоверие.

– Да, мы все были в этом убеждены.

Я заметила, что Кремер не выгораживает себя, но он определенно защищает Кевилса и остальных чародеев.

– А когда стало известно, что это Источники, что тогда вам помешало уничтожить их?

– Они не являлись угрозой, они не заслужили смерти.

– И кто же это так решил? Ты или Кевилс?

Не знала, что Боги умеют рычать, но вопрос определенно прозвучал, как звериный рык.

– Я.

Один ответ, одно слово, и Кремер принял весь удар на себя, защищая Кевилса. Удивлена ли я? Нет. В этом весь Кремер – защитник до конца своей жизни.

Я подняла голову, только чтобы увидеть, как Кремер сжал кулаки и смотрел только на Фейсала, словно ища у него понимания. Тело наемника жесткое, вся его поза говорила о том, что он принимает свою участь с гордо поднятой головой.

– Поразительно, не правда ли? – Арокх хлопнул в ладоши, словно радуясь, что наконец-то решил сложную задачку. – Вот так просто он решил, что не обязательно исполнять волю Богов!

Не надо быть гением, чтобы понимать, что судьба Кремера решена.

Наша с Кремером история «жили они долго и счастливо»

сложилась не так, как я мечтала. Жили мы вместе недолго и не всегда счастливо, зато, точно умрем в один день.

– Известно ли тебе, по какой причине *все* Источники были приговорены к смерти?

Фейсал вступил в диалог, и это заставило меня перевести взгляд с Кремера на Фейсала. Но то, как он заострил внимание на слове «все», не осталось незамеченным для Кремера и для меня.

– Да, Источники являли собой воплощение зла и бездушности. Они убивали все живое, несли в себе угрозу для существования не только людей, но и других бессмертных.

Не то чтобы я не была согласна со словами Кремера, но от его слов меня передернуло. Ведь тогда получается, что родителей, которых я помнила любящими и нежными, не существовало. Но ведь это не так! Я не видела в моих родителях ничего злого, хотя... должна признать, по сути я ничего о них не знаю. Просто мне хочется верить, что они, как и мы с Ремисом, не являлись проклятым злом и ужасом для всего смертного и бессмертного существования.

Но тут я вспомнила, как отец рассказывал истории Ремису на ночь про битвы акритов и магов, а в этих историях было много ужасного. Может, папа рассказывал свои личные истории, а мы с Ремисом просто тогда этого не осознавали. Я тяжело сглотнула ком, подступивший к горлу. Я помню, что те истории меня пугали, и маги меня ужасали... Что, если отец рассказывал о себе, а не просто о каких-то там магах?

Боги! Я судорожно пыталась вспомнить детали тех историй, но ничего толком в голову сейчас мне не приходило. Только общее впечатление: страх, кровь и всегда триумфальная победа магов. Я похолодела от ужаса. Меня даже стало немного трясти.

Кремер заметил изменения, что начали происходить со мной, и то, как я обвила себя руками в тщетной попытке успокоиться. Видимо, он решил, что это от его слов, поэтому захотел смягчить сказанное им.

– Но не все маги – зло, и могу поклясться, что Ремис и Алика определенно не являются злом. Они ничем не похожи на тех безумных Источников.

– Ты так думаешь?

Фейсал ничего не ответил, но Арокх вклинился в разговор с усмешкой, словно чародей сказал абсолютную глупость.

От защиты Кремера, направленной на меня и Ремиса, мне стало немного легче, было утешением услышать, что он не считает меня с братом угрозой всему существу. Я и так знала, что Кремер придерживается этой точки зрения, но одно дело – он говорит это мне, а другое – защищает нас перед Богами.

– Да, я уверен. Эти маги выросли в стенах чародейского замка, они воспитывались на принципах справедливости и чести, в понимании разницы между добром и злом, они обрели свои магические силы с четкими ориентирами, как следует их применять.

Арокх ничего не ответил, Фейсал тоже не спешил продолжать разговор. И это не сулило ничего хорошего.

Когда молчание затянулось, Фейсал заговорил:

– Проблема с Источниками заключается не в том, какими они рождаются – злыми или нет. Проблема в силе, которой они наделены. Она им не принадлежит, это сила Богов, в этом суть невозможности их существования. Подобная сила требует соответствующего обхождения и контроля, а с контролем у магов всегда были, есть и будут проблемы. Рано или поздно Ремис или Алика не справятся с той силой, которой обладают, и тогда обязательно пострадают невинные.

– Чародеи могут и дальше направлять их. Я могу их контролировать.

Но в голосе Кремера даже я могла расслышать нотки сомнения.

– Вы правы!

Все трое на пьедестале и чародей перевели взгляды на меня. Было понятно, что эти слова – последнее, чего они ожидали услышать от Источника.

Наконец-то я завладела всеобщим вниманием!

– Вы правы – с контролем у магов проблемы, и, может, эта сила не должна быть у Источников, но *по воле Богов...* – я специально сделала паузу и акцент на богах, – ...мы ею наделены. Я не просила для себя подобного, я не хотела этого. Всю свою сознательную жизнь в замке чародеев я училась, как правильно готовить зелья, я переживала и психовала из-

за того, что у меня ничего не получается, но я никого не уни-чтожила за свои неудачи. Я знаю, что такое «страдать», я *уже* знаю, что такое «потерять близких мне людей», но я не ищу мести. Я никому не желаю зла и честно признаюсь: моя сила меня саму пугает, но я смогу с нею справиться, я обязана это сделать ради тех, кто мне дорог. И я справлюсь!

Не сильно надеясь на понимание со стороны Богов, я все же в большей степени хотела защитить Кремера, ведь он один сейчас защищает меня, Ремиса, Кевилса, при этом не ища защиты для себя самого. Мы есть друг у друга, мы и дальше будем защищать друг друга, как это было последнее время.

– Ты веришь в то, что говоришь. – Фейсал немного сдвинулся со своего трона и склонил свое могущественное тело в мою сторону. – Чародей верит в то, что ты говоришь, даже мы верим, но опять вы с чародеем упускаете важную деталь: ты *убьешь* невинного рано или поздно, когда возникнет причина, которую *ты* сочтешь оправданной для нападения!

Когда я попыталась возразить, Фейсал вытянул вперед руку, жестом приказывая мне молчать.

– И ты *уже* это сделала!

Я сделала? Прошедшее время? Что? Я посмотрела на Кремера в поисках подсказки, но на его лице также читалось непонимание. А когда я вновь посмотрела на Фейсала, заметила, что он улыбается, при этом улыбка не была ироничной, как у Арокха, а скорее даже с некой добротой. Эта улыбка

была столь неуместна, что это смутило меня еще больше.

– Ты убила моих охранников. А их способна убить только сила Богов.

– Я защищалась! – Выпалила я громко от обиды, еле удерживаясь на ногах. Такое обвинение в мой адрес – не шутка Бога, он серьезен. – Это несправедливо! Это не я к ним пришла с мечом, это они пришли к нам!

– Правда? И от кого же ты защищалась? – Спросил Фейсал.

Арокх громко хмыкнул и даже засмеялся.

– Алика защищала меня и себя, она верила, что они угрожают нам, она...

– Она сама может говорить, насколько мы видим, – прервал Кремера Арокх.

Сложно подобрать правильные слова, когда тебя обвиняют в том, что ты ранее принимала за героическое спасение, а теперь это является преступлением.

– Сильные воины появились из ниоткуда, я не знала, кто они, но они не отпустили бы нас. Я видела, что Кремер сражается, но это ни к чему не приводит, я спасала и его, и себя!

– Именно! И поэтому ты их убила. – Фейсал ответил и кивнул головой.

И как на это что-то возразить? Я их убила. А кто бы не стал на моем месте защищаться?

– Я тоже с ними дрался. К чему обвинять лишь Источника? Я тоже повинен в том, что вступил с ними в схватку.

От чувства благодарности с большим трудом сдержалась, чтобы не броситься к Кремеру и не обнять его.

– Сейчас ты только подтвердил мои слова.

Такого недоумения на лице Кремера я не встречала никогда: шок и полная растерянность. А я уже поняла, что хочет сказать Фейсал.

– Если бы не было Источника, те бойцы выжили бы. Ты рано или поздно истратил бы все свои зелья и в конечном счете потерял бы силы, не смог сопротивляться, они схватили бы тебя и привели ко мне. В итоге все были бы живы. Но не тогда, когда в дело вступает Источник. Я уже сказал, этих бойцов может убить только сила Богов, ты такой силой не обладаешь, а вот Источник – да. И это лишь вопрос времени, когда Источник найдет подходящую причину для убийства невинных. А они были невинны, они следовали лишь моим приказам и не причинили бы вреда ни тебе, ни даже ей!

Ничего, ровным счетом ничего невозможно противопоставить этим словам. Но только Кремер так не считал:

– Вы наказываете Источника только за то, что ее наделили Боги силой, но несмотря на это, я верю, что Алика способна учиться и взять под контроль свои силы. Она не убила онгхусов в схожей ситуации, поскольку узнала, что тогда пострададут души. Она не стала защищаться в схожей ситуации. Это говорит о том, что Источник обладает божественной силой, но это не всегда плохо, ее силу стоит лишь верно направить. Например, на защиту слабых и невинных.

Я прошептала слово «спасибо» лишь одними губами, глядя на Кремера. Он не сдаётся, чего не могу сказать о себе.

– Глупец, в тебе говорят лишь чувства к этой женщине. Но это не спасет тебя от нее же самой, если она решит, что ты являешься угрозой для нее или для Ремиса.

Арокх не просто обвиняет меня, он еще и Кремера хочет настроить против меня? Зачем, какой в этом смысл?

Глава 34

В эту минуту многое может прийти в голову разумному существу, могут вовремя появиться правильные слова, которые следует употребить в данной ситуации, но только не у меня. Когда Кремера обвинили в том, что им движут только эмоции и чувства ко мне, вся эта ситуация перестала казаться мне настолько ужасной, как вначале. Глупо. Да, ведь это не спасет нас, но принимать обвинения, какими бы ужасными они ни были, значительно легче, если твоим адвокатом выступает любимый человек.

Кремер верит в меня, он знает, я достойна того, чтобы меня защитить перед Богами. Чародей забывает о собственной судьбе, о собственной жизни и ставит во главу угла защиту Источника. Это невероятно, с какой стороны ни посмотри. Не найдется ни одного бессмертного, кто бы с легкостью поверил в происходящее. Невозможно представить, что чародей будет защищать Источника, и уж тем более невероятно, что подобное происходит на суде у Фейсала.

Даже Арокху эта реальность представляется немислимой. Поскольку его слова не вызвали у Кремера желания оправдываться, Фейсал лишь вновь расслабленно облокотился на спинку трона, словно услышал то, что хотел услышать, но о чем догадывался ранее, а меня это словно встряхнуло и

отрезвило, я абсолютно перестала дрожать. Вероятно, Арокх рассчитывал на другую реакцию достопочтимой публики, для которой он так умело играет роль свирепого прокурора.

– Ты даже ничего не скажешь в свое оправдание, чародей?

Арокх явно не любит, когда его речи остаются без должного внимания.

– Не считаю нужным оскорблять слух Богов оправданиями в своих чувствах, ведь в чувствах нет ничего плохого.

– Только если эти чувства не становятся фундаментом для преступлений, – не унимался Арокх.

Чем его так задевают наши с Кремером чувства?

– Фундаментом *всех* преступлений являются чувства, которые превращаются в порок: ревность, зависть, злость, но любовь сама по себе не является пороком.

Я резко обернулась к наемнику, чтобы увидеть его гордый профиль, ощутить его уверенность и внутреннюю силу. Он только что признался, что любит меня? Вот так прямо? Открыто и без капли сомнений? Не знаю, как я удержалась и не закричала о своей ответной любви к Кремеру, такое желание горело внутри. Видимо, чувствуя мой пристальный взгляд, Кремер повернул голову в мою сторону и встретился со мной глазами, в которых читались нежность и обреченность одновременно. Он едва заметно кивнул мне и вновь обратил взор на Фейсала и Арокха.

– Ты прав, любовь не порок. Любовь помогает создавать жизнь, она обладает созидательной силой, она способна ме-

нять жизнь и переворачивать миры. И лишь от силы любви зависит, как далеко распространяется ее всепоглощающая мощь, как далеко это может тебя завести. – Ирана произнесла эти слова очень тихо, настолько тихо, что все замерли, вслушиваясь в ее слова.

Ее лицо освещала улыбка, настолько нежная, что казалась видением, ее глаза блестели, а ее хрупкое точеное тело напоминало ангела, который спустился для защиты этого невесомого мира любви. Фейсал повернул в ее сторону лицо, она же не обратила на это внимания и только смотрела то на Кремера, то на меня. Когда Фейсал оторвал свой взгляд от Ираны и повернулся к обвиняемым, на его лице была еле заметная улыбка. В этот момент он мне казался простым смертным, а не бугименом всех бессмертных, которым пугают с самого рождения.

– Ирана, твои слова прекрасны, но нельзя прикрываться эмоциями в столь серьезных вопросах. – Арокх, говорил с еле сдерживаемой досадой, а чтобы телом не выдавать себя и свое раздражение, он облокотился на подлокотник своего каменного трона и склонился в сторону от Фейсала, давая понять без слов, что ему стало неприятно, когда его яркие, как ему казалось, талантливые речи перебивают сладким монологом влюбленной женщины.

Фейсал не счел нужным смотреть в сторону Арокха, но следы улыбки исчезли в миг. Можно понять, что ему не понравился выпад Арокха в сторону Ираны. Эта мысль была

ободряющей, значит, у этих троих нет единодушия, что уже хорошо. Есть шанс, что хотя бы кто-то из них не будет настаивать на неприменной ликвидации Кремера и меня. Хотя невозможно сказать, чей именно голос будет превалирующим в принятии решения. Я всегда думала, что суд вершит один Фейсал, а тут на троне трое, и роль каждого для меня загадка.

– Скажи, наемник, – Арокха словно неожиданно поразила мысль, от которой он вытянулся по струнке, и на его лице заиграла неприятная улыбка, – а столь же ты уверен в чувствах Источника?

– Я уверен, что чувства Алики направлены лишь в сторону добра и близких, которых она любит и о которых заботится. И эти чувства сильны.

Кремер продолжал говорить четко, но потом добавил уже с чуть меньшей уверенностью:

– Как и сильно ее неприятие действий магов в прошлом.

Он прав – действия магов в прошлом вызывают у меня неподдельный ужас, гордости за их поступки я не испытываю, хотя мы с ним это и не обсуждали. Я готова признаться в том, что не могу смириться с мыслью, что мои родители могли участвовать в тех преступлениях. Да, я хочу верить, что они не были в этом замешаны. Когда Кремер добавил эти последние слова, в его тоне уже не было такой твердости. Он понимает, что я до последнего буду верить, что мои родители были исключением из печальной истории зверств магов.

– А не желаешь ли убедиться в обратном?

Арокх явно что-то задумал, и это что-то грозит мне и Кремеру неприятностями.

Мы с Кремером одновременно посмотрели друг на друга и в явном замешательстве. Затем мы одновременно устались на Арокха в ожидании продолжения.

– Что если прямо тут и сейчас я пообещаю, что она и ее брат останутся жить, но для этого ей придется убить тебя?

Арокх встал и сделал шаг по направлению ко мне. По его лицу расплылась жестокая улыбка.

Я замотала головой как безумная, когда Арокх приблизился ко мне, но смотрел он на Кремера, который ничего не ответил, а на его лице читалось неверие в происходящее. Ни наемник, ни я не издали ни звука, я просто не могла найти подходящего ответа на предложение Бога. От ужаса и того выбора, который он мне предлагает сделать, я буквально онемела. Мне хотелось возразить, но я не понимала, как именно. Боги же не станут ставить перед таким ужасным выбором бессмертного?!

– А! Вижу, ты потерял дар речи. Что такое? Уже не столь уверен в ее чувствах? Нет? Ты не прислушался к словам моего брата о том, что Источник всегда найдет причину для применения разрушительной силы. Они не знают любви или добра, они не остановятся! Как думаешь, кого Источник предпочтет? Жизнь Источника и магов или жизнь чародея – их врага?

Кремер пошатнулся и сделал шаг назад. От этого меня словно пронзили кинжалом, а от сомнения, которые я смогла прочитать на лице Кремера, этот самый невидимый кинжал еще и провернули у меня в груди.

– Нет!

Мой крик был адресован и Кремеру, и Арокху, а может, и судьбе в целом, которая предоставила мне такой выбор – между смертью и смертью. Ведь если Кремер умрет, я умру вместе с ним.

– Что нет, дорогая?

Арокх навис надо мной, а потом продолжил, уже крича:

– Нет порочности, нет Источникам, нет жизни чародеям?

Что нет?!

Слезы было не удержать. От несправедливости происходящего, от своего бессилия, от того, что Кремер даже хоть на мгновение мог допустить такую мысль, от невозможности себе помочь и от обрушившегося на меня ночного кошмара. Я не могла прошептать ни слова, все, что мне удалось, – это опять мотать головой и протянуть руку в сторону Кремера. Я хотела уцепиться за него, дать понять, что я – не зло, чтобы он не слушал Арокха, а также убедиться самой, что Кремер все еще со мной. Я хочу прикоснуться к нему хотя бы еще один раз.

Арокх не стал мешать моей попытке дотянуться до наемника, как и не стал ждать от меня ответа. Вместо этого он, наполненный радостью, вновь уселся на свой треклятый трон,

закинув ногу на ногу, словно в ожидании зрелища из первого ряда в зрительном зале.

– Кремер, нет!

Я сделала к нему шаг, потом еще один.

На этот раз он не стал отступать, а просто смотрел на меня, будто бы искал ответы или, быть может, способ меня ликвидировать. Сквозь слезы я смотрела ему в глаза и безмолвно пыталась донести до него мысль, что я никогда не буду угрозой для него. Одними губами я шептала только одно слово: «Пожалуйста». Пожалуйста, не отворачивайся от меня, пожалуйста, останься со мной!

Я не знаю, что в этот момент творилось в голове Кремера, но он обхватил мое тело, которое уже готово было рухнуть на землю и разрыдаться. Кремер крепко прижал меня к себе, одна его рука расположилась на моей спине, а второй он обхватил мою голову.

Боги не пытались нас прервать, они продолжали молча наблюдать за нашими объятиями.

– Тише, Алика. Тише.

Кремер старался успокоить меня?! Своими слезами я залила ему уже всю грудь, но их поток не прекращался.

– Я не могу, я не хочу, – голос сорвался, сквозь всхлипы я продолжала бессвязно что-то бормотать. – Кремер, я не могу. Ты должен... должен знать это!

– Я знаю, знаю. – Шепча эти слова, наемник гладил меня по голове.

– Не отпускай меня, – сама не понимала, что я несу, но остановиться не могла, – никогда не отпускай меня, Кремер. Не уходи, не оставляй меня, я не смогу без тебя! Ты мне нужен!

– Я тут, я держу тебя, я тут. – Кремер разговаривал со мной очень нежно как с потерявшимся ребенком.

Было совершенно не важно, что и как мы говорили друг другу, главное, что мы говорили, мы держались друг за друга.

– Ты отошел от меня, ты испугался, ты...

– Не от тебя, Алика, никогда от тебя, слышишь меня?

Это заставило меня оторвать лицо от груди Кремера и заглянуть ему в глаза. Я боялась, что не найду там подтверждения его слов, а увижу, что это лишь слова утешения, не имеющие под собой никакой почвы. Но я видела все то же лицо Кремера – всегда твердое и уверенное в себе и в своих словах.

Когда я уже почти поверила, что все у нас с Кремером хорошо и это была просто проверка со стороны Богов, услышала холодный голос Арокха:

– Мы дали вам достаточно времени, чтобы попрощаться. А теперь приступим!

Я сильнее вжалась в Кремера.

– Нет, я не могу, я не могу, не могу, не могу, – шептала я, как сумасшедшая, вцепившись в Кремера мертвой хваткой.

– Не можешь? – Арокх засмеялся. – Но ты можешь, Источ-

ник, и прямо сейчас ты нанесешь свой самый сильный магический удар по чародею, если желаешь, чтобы твой младший брат и ты продолжили загрязнять этот мир своей магией и дальше.

После этих слов наши объятия с Кремером были разорваны, и мы оказались примерно в десяти метрах друг напротив друга. Сквозь слезы я продолжала смотреть на него и умоляюще тянула к нему руки.

– Сделай это!

Вначале мне показалось, что это сказал кто-то из Богов ровным и без сожаления голосом, но потом до меня дошло, что это произнес сам Кремер. Может, мне послышалось и он просил *не* делать этого?

– Итак, Источник. Перед тобой чародей – враг магов, он убивал магов, наверняка и Источников. И все же он сейчас – шанс выжить. Неужели ты не желаешь спасти жизнь себе и младшему брату?

Я ненавижу Арокха настолько, насколько допустимо испытывать ненависть к Богам. Может, это неправильно, но эмоциями сложно управлять, когда бьют по самому дорогому – по Кремеру и брату.

С надеждой я посмотрела на Фейсала, но, не увидев в его расслабленном выражении лица и намека на поддержку, я обратилась к Иране с не произнесенной вслух мольбой. Но меня встретили лишь напряженный взгляд и плотно сжатые губы женщины.

– Алика, посмотри на меня.

Призыв Кремера был таким спокойным, словно ему не угрожает опасность.

Когда наши с Кремером глаза встретились, меня затрясло так сильно, что, казалось, я могу упасть на колени перед этим мужчиной и умолять о прощении за то, что он оказался со мной в той пещере под водой, за то, что он спас меня, и за то, что в итоге оказался сейчас напротив чудовища, которое вынуждают ударить по нему огнем и спалить его и его чувства ко мне.

– Фитилёк, сделай это!

Как он может быть таким спокойным даже в подобной ситуации, как можно призывать Источника ударить огнем по нему, зная, что удар будет смертельным?

Эмоции готовы были взорваться и вырваться изнутри, эмоции, что наполняли меня с каждой секундой все сильнее, словно бочку, в которую вливали горючее из крана под большим давлением, одновременно поднося зажженную спичку. На всякий случай я задвинула руки себе за спину, боясь себя и своих эмоций.

– Алика, помнишь ту ночь, когда убили твоих родителей?

И без того удерживать огонь в руках было сложно, а при упоминании той страшной ночи я стиснула зубы, чтобы не закричать и не запустить огонь в самого Арокха. Но он не понимал этого или не считал меня угрозой, поскольку продолжил давить на меня и разжигать внутренний огонь.

– Помнишь последние слова отца? А что тебе сказала мама, когда в последний раз заглянула тебе в глаза? Наверное, сложно забыть ужас маленького Ремиса, правда?

– Зачем вы мучаете меня?

Этот вопрос был адресован Фейсалу. Просто невозможно быть настолько жестоким! Но Фейсал опять никак не отреагировал, даже бровью не повел. Он полностью одобряет драму, которая разворачивается на его глазах, а может, и не считает это драмой.

– А кто тебя мучит? Всего один удар, и я обещаю, что вы с Ремисом после этого суда будете жить. Разве можно рассчитывать на большее, зная о решении Фейсала уничтожить всех Источников? Это очень великодушно с нашей стороны.

Арокху оставалось только начать потирать ладошки, как игроману, купившему очередную порцию фишек в казино. Ему просто не терпится увидеть развязку затянувшейся скучной батальной сцены в фильме.

Кремер молчал, его руки располагались вдоль тела, которое было готово к бою. На лице читалась лишь сосредоточенность на противнике, хоть противником выступала в данный момент я.

Либо Кремер смирился со своим смертным приговором, либо у него есть некий козырь, о котором я ничего не знаю. Но это все равно не может заставить меня вытянуть вперед руку и выпустить мощь огня в Кремера. И тут перед глазами всплыло лицо Ремиса, я решаю не только за себя, но на мне

тяжким грузом лежит судьба Ремиса.

Выбор между Кремером и Ремисом. Если я откажусь сделать удар, меня убьют, но, может, будет шанс у Ремиса? Ведь он может спрятаться. Шансов мало, но они есть. Я не могу сделать этот удар, просто не могу собственной рукой уничтожить любовь всей моей жизни. Вместе с Кремером умрет моя душа, мое сердце, я не хочу жить без него. Я не могу убить его, просто не могу.

– Позвольте ускорить принятие решения.

Я не смотрела ни на Арокха, ни на Фейсала, я смотрела только в темные и так мною любимые глаза Кремера.

– Алика, чародей все равно умрет, с твоей помощью или без нее, но если удара с твоей стороны не будет, также умрешь и ты с Ремисом. Я лично уничтожу его, не доверяя больше чародеям! А если ты сделаешь удар, то ты и Ремис будете жить, от меня вы будете защищены.

Ох, от него мы будем защищены, но не от других Богов, верно? Эту битву никто не переживает. В этой игре Богов победителями окажутся только Боги. А я рассчитывала на что-то другое? Ужас происходящего, боль за Кремера и страх за Ремиса смешались в единый ком, теперь у меня не хватало дыхания даже на то, чтобы лить слезы. Но в колодце эмоций была еще и злость – джокер, позволяющий разогнать силу магов до катастрофической мощи, но его я совсем не хотела применять. Ярость по отношению к Богам, обида за их обвинения Кремера не смогут заставить меня ударить смер-

тельным пламенем по Кремеру.

Я уже хотела повернуться к Арокху и указать ему путь, куда ему стоит отправиться с его предложением и выбором, кого мне спасать, а именно туда, где не светит солнце, но мое внимание вновь привлек Кремер.

– Алика, сделай это!

На сей раз мне показалось, что Кремер теряет терпение, как будто он злится на меня за то, что я не хочу уничтожить его.

– Я не буду тебя убивать, Кремер! Ты не...

– Ты сделаешь свой самый сильный удар прямо сейчас!

У меня возникло непреодолимое желание наорать на Кремера. Ему так не терпится умереть? Мне хотелось прокричать ему, чтобы он не смел сдаваться, что я ценю его жизнь больше своей, но только я не смогу ему сказать, что жизнь Ремиса мне не дорога, я не смогу защитить их обоих и подначивания наемника делу совсем не помогают!

– Кремер, мы не будем играть по чужим правилам. Я не буду дрессированной собачкой в чужих руках.

По моей спине пробежал холодок, от произнесенных слов эмоции немного улеглись, и я почувствовала некую свободу, я даже улыбнулась наемнику, ожидая смертельного удара от Богов за неподчинение. Я освободила свое смертельное оружие –руки и опустила их вдоль тела.

Теперь ваш ход, господа всемогущие Боги!

Но они не спешили вмешиваться, они оставили за Креме-

ром и мной эту дуэль, вопрос в том – надолго ли?

– Алика, послушай меня...

Я, все еще улыбаясь, медленно покачала головой, но Кремер не дал мне что-то к этому добавить.

– У тебя нет выбора, поверь мне, Фитилёк, просто сделай удар. Ты всю жизнь винила себя в смерти родителей, не плюсуй к этому еще и смерть брата! Той ночью ты ничего не могла сделать, а теперь можешь, ты можешь спасти брата прямо тут и прямо сейчас. Сегодня у тебя есть на это силы! Не оглядывайся, не сомневайся, просто сделай это!

– Но...

– Никаких НО! Ты говорила, что веришь мне, так поверь сейчас! Сделай гребаный удар!

– Ну разве это не мило? Разве не удивительно? Чародей просит Источника убить его?! – Арокх, кажется, решил поупражняться в остроумии.

Я настолько хотела истратить всю свою силу на Арокха, что начала бояться даже, смотреть в его сторону, поскольку если увижу его улыбку, то мой огонь автоматической наводкой полетит прямиком в его физиономию!

– Фейсал, правда, неожиданно? Признаюсь, я думал, все случится гораздо быстрее и менее драматично.

Фейсал никак не отреагировал на этот выпад, что заставило меня все же взглянуть на Бога, по чьей вине мне приходится выбирать между двумя самыми дорогими мне мужчинами. Расслабленное тело, разве что не спящее на троне,

продолжало смотреть на нас так, словно ничего серьезно-го тут не происходит. Может, подобные сцены он наблюдает на протяжении всей своей древней и бессмертной жизни. Быть может, у него уже выработался стойкий рефлекс: когда смертные дерутся и рыдают, можно вздремнуть, а когда все закончится, вынести решение, если, конечно, еще кто-то к этому времени сможет дышать. Ирана же не производила такого впечатления, было видно, что ее заботит происходящее, хотя не могу сейчас доверять себе в суждениях и выводах, которые основаны на физиогномике. Неподходящее время для психоанализа Богов.

– Ну же, Алика! Чародей прав, ты можешь спасти своего брата. Выбор-то у тебя все равно невелик – либо жизнь брата, либо смерть. Повторяю, жизнь Кремера все равно уже подошла к концу!

– Тогда я не собираюсь быть вашим палачом! Он не заслужил смерти!

– Это не тебе решать, девочка! Я даю тебе тридцать секунд на спасение жизни брата! Тридцать! Время пошло!

У меня затряслись руки, поскольку огонь стал быстро распространяться по венам, приливая к кончикам пальцев. Чтобы не упасть от бурлящей энергии, мне пришлось расставить ноги и немного согнуть колени, я не доверяла своим ногам. Но при этом я не могу, я все еще не могу поднять руку и направить огонь на Кремера. Отчаянье ослепило меня, слез уже не было, они просто высохли от пламени, которое под-

нималось во мне. Перед глазами ясно предстало мое одинокое будущее, наполненное только сожалением и болью, моим счастьем будет, если вскоре я сама умру. Пятнадцать секунд, о которых мне стало известно по громкому голосу Арокха, отсчитывающему мой собственный конец и начало полнейшего мрака моей души, а теперь уже десять секунд до... нет, я не могу убить его. Просто не могу.

– Алика, сделай это! Сейчас! Сделай это!

Я впервые слышу, как в бешенстве кричит Кремер. На его лице можно отлично прочесть чистейшую ярость!

– Алика, если я тебе не безразличен, сделай удар! Умоляю!

– Пять секунд... четыре, три...

Я выставила руку перед собой. Я люблю тебя Кремер, прости меня! Впервые от моего огня мне стало очень холодно, огонь не согревал меня и впервые чувствовался чужим и неприятным.

Глава 35

Перед тем как выпустить силу из рук, я поняла, что в последних словах Кремера были ярость, нежность, забота, а вот страха и отчаянья я не услышала. Что довольно странно. Тогда, вздохнув и поверив, что, вероятно, этот древний наемник еще может как-то исправить ситуацию, решив довериться ему, я с диким криком выпустила столько силы в виде огня, что в Кремера направился не шар, а напалм, выпущенный из огнемета. Но за секунду до того, как он соприкоснулся с Кремером, я заметила, что по направлению к огню летит зелье, которое бросил наемник.

Когда сильная сторона Кремера – его зелье и мой огонь встретились примерно на полпути к чародею, я успела понять две вещи: во-первых, мои ноги меня все-таки не удержали, зелье которое выпустил Кремер создало невероятной силы взрыв, волной от которого меня подкинуло достаточно высоко и лечу я быстро, а значит, падать мне будет больно, очень больно. Во-вторых, а это главное, еще на подлете к жесткому полу я смогла понять, что Кремер пережил мой удар. Я же с ужасным треском, означающим переломы костей, оказалась на земле.

Кажется, на сей раз я не выпала из сознания, но на какое-то время потеряла ориентацию, не сразу смогла понять,

что происходит, голоса до меня доносились откуда-то изда- лека. Кто-то меня звал по имени, но уверенности в этом не было. Какое это по счету сотрясение мозга за последнее вре- мя? Может, пора прекращать с травмами головы? Кажется, глаза мои были открыты, поскольку перед ними была размы- тая дымка и нечеткие очертания окружения зала, в котором мы с Кремером недавно скрестили воображаемые, но в то же время вполне реальные шпаги.

Я продолжала лежать на полу, даже не предпринимая по- пыток подняться. Какой там подняться? Я ртом ловила воз- дух и моргала, опять появились слезы, значит, я еще жива, но, судя по парализующей боли, могу и не выжить. Рот стал наполняться металлическим привкусом крови, да так быст- ро, что я начала захлебываться ею.

Боги, я захлебнусь собственной кровью! Я не могу сделать даже глоток воздуха. Это заставило меня кашлять, но сло- манные ребра и явно отбитые легкие не позволяли мне вы-дохнуть или выплюнуть кровь.

Когда я попыталась повернуться на бок, теплая рука кос- нулась моей головы и повернула ее в сторону.

– Алика, я здесь, я держу тебя, поверни голову, держи ее так.

Кремер. Он жив, он рядом. Я бы затряслась от рыданий, но на это у меня уже не хватало сил. Я постаралась нащупать руку любимого или хоть как-то ухватиться за него, как за обезболивающее.

Мужчина понял мое желание и сам нежно взял меня за руку, переплетая наши пальцы. Он начал что-то нашептывать, какие-то заклинания, но, даже если бы он произносил мне их прямо в ухо, я все равно не поняла бы их смысл.

– Оставь их, Арокх, – я услышала ровный голос Фейсала, не терпящий возражений. – Подойдите оба ближе ко мне.

– Она не может подняться, – Кремер произнес это дрожащим голосом, что уже само по себе никак с ним не сочетается, но то что, он перечил Богу, превращало происходящее в сюрреализм. – Дайте мне минуту, я ее немного исцелю, хотя бы избавлю от боли.

– Она может подняться.

Когда Кремер попытался подsunуть мне под спину и колени руки, чтобы поднять меня, я познала новую грань запретельной боли. Но не успела я всхлипнуть, как смогла ощутить себя легкой и воздушной. Вместе с первым нормальным вздохом, который наполнил мои пострадавшие легкие, я осознала, что не чувствую боли, кровь еще оставалась на губах и моем лице, но кровотечение остановилось. Зрение прояснилось, и я смогла поднять голову, а когда оказалась в нежных объятиях чародея, стало ясно – боль полностью испарилась. О ранах напоминала только липкая кровь на теле, но в остальном я ощущала себя просто отлично. И Фейсал оказался прав – я могу подняться, но вместо этого обвила руки вокруг шеи Кремера и прижалась щекой к его груди, вдыхая ставший мне уже родным аромат любимого мужчи-

ны.

– Ты как?

Кажется, Кремер сам не мог поверить, что еще секунду назад я корчилась в муках, а теперь у меня есть силы на крепкие объятия.

– Думаю, Фейсал прав, и я могу подняться. Можешь опустить меня на землю, я в порядке.

– Нет, я не хочу. Ты там, где должна быть.

Кремер произнес эти слова очень тихо, только чтобы я одна могла их услышать. Я тоже не спешила покидать безопасное пристанище на руках наемника, пусть и осознавала, что это лишь временная безопасность.

Когда наемник подошел ближе к трону, я краем глаза заметила, что Фейсал уже не пребывал в своей расслабленной позе, он стоял и даже спустился с пьедестала.

Наверное, все же не стоит задерживаться на руках Кремера, а встретиться лицом к лицу с решением Фейсала. Интуиция подсказывала, что время пришло.

Перед тем как опуститься на ноги, я сильнее прижалась к Кремеру, поцеловала его в шею и у самого его уха прошептала:

– Прости меня, Кремер.

Чародей помог встать мне на ноги и поцеловал в губы, поцелуй был легким и мимолетным, но это было даже больше, чем слова, которые я хотела бы услышать от него в ответ.

Я отошла от Кремера и встала справа от него, расправила

плечи и, стиснув зубы, встретила взглядом с Фейсалом.

– Как я уже говорил, для всякого сомнительного подвига можно найти правильную и подходящую времени причину. Арокх продемонстрировал вам именно это.

Фейсал замолчал, а у меня не было слов для возражений, я понимала, что он прав. Причины всегда есть даже для самого страшного поступка. Это может кому-то нравиться или нет – неважно, значение имеют только последствия принятого решения и то, кто эти последствия будет разгребать.

– Он показал, что можно любого вынудить совершить преступление, даже если грешник не желает этого, но я также доказал свои слова – есть и тот, кто может спасти грешника и увести его в другом направлении. Алика сделала удар, но я предотвратил последствия этого действия. Я уже говорил и могу повторить еще раз – я всегда могу быть рядом и указывать правильный путь для Источника.

Незаметно для всех я взяла руку Кремера в свою и сжала его ладонь в знак благодарности, ведь он показал, что сможет не только быть рядом со мной, но и Ремиса не оставит.

– А если рядом не окажется тебя? Если ты погибнешь, что тогда? Не кажется ли тебе несколько самонадеянным мнить себя защитником всей жизни во вселенной?

В словах Фейсала не слышалось ни сарказма, ни угрозы, ни насмешки. Он вел разговор с позиции верховных сил и разума, но высокомерия в его тоне, позе, жестах или голосе не было.

– Значит, рядом будет Кевилс или другие чародеи, которые выросли вместе с этими Источниками или на глазах, которых эти дети повзрослели и превратились в Источников с чистым сердцем. Чародеи будут рядом с Аликой и Ремисом.

Кремер говорил с Фейсалом очень спокойно. Не окружай нас вся эта декадентская обстановка, можно было бы принять этих двоих за давних приятелей.

– Чародеи, которых создали Боги для защиты вселенной от магов, смогут и дальше защищать вселенную, в том числе при помощи этих двух Источников, и в этом моя убежденность.

– Я услышал тебя, Кремер.

Фейсал отвернулся от нас и направился к своему трону. То, как он произнес эту фразу, зародило во мне надежду, что для нас с Кремером возможен счастливый итог встречи с Фейсалом. Однако, не дойдя примерно шаг до трона, Фейсал резко развернулся к нам и продолжил уже более жестким тоном:

– Теперь вы оба услышите меня! Кремер, за прямое неповиновение моему решению я приговариваю тебя к смерти!

Кремер дернулся, наши руки разомкнулись, и наемник отлетел назад. Он смог устоять на ногах, но почти согнулся пополам, хватаясь за грудь.

В ужасе я бросилась к нему и попыталась обхватить его за пояс, чтобы поддержать. Крови не было, Кремер хоть и с трудом, но продолжал стоять. Если Фейсал хотел его убить,

то почему не убил сразу? Что это вообще сейчас было?

– Кремер! Что... ты... что... скажи что-нибудь.

Я не понимала, что хочу спросить, что сделать, слова Фейсала звенели у меня в ушах, а увиденное никак не подчинилось логике: Кремер жив, но, судя по тому, как он тяжело дышит, испытывает сильную боль.

Кремер схватился за футболку и, казалось, пытается дотянуться до своей кожи или даже сердца, стремится выдернуть нечто инородное из своей груди, но это ему никак не удается.

– Что с ним происходит? – Выкрикнула я, не особо надеясь на ответ, но на сей раз Бог меня удивил.

– Он умирает. Примерно минут через 40 в исчислении земного времени он умрет.

– К чему жестокость? Я не понимаю, я...

– Тебе бы понять все-таки суть того, что сегодня тут произошло. И мой тебе совет: успеть понять до твоего или Ремиса бессмертия!

Фейсал склонил голову вбок, словно оценивая мою реакцию. Внешне он был таким же спокойным, но взгляд его был очень сосредоточенным, это был взгляд человека, который смотрит на сложное уравнение и пытается его решить.

Я была его уравнением? С Кремером он уже разрешил задачу. Осталось одно неизвестное в этом уравнении – я?

Что значит «до моего бессмертия»? Я все еще поддерживала Кремера, вздрагивая вместе с ним явно от накатываю-

щей на него боли, без толку пыталась собраться с мыслями и вникнуть в суть слов Фейсала.

Когда я поняла, что провалилась в этом, решила уточнить:

– До моего бессмертия? Вы меня не убьете?

– Пока нет, – Фейсал кивнул в сторону Кремера, – но если чародей прав и вы с Ремисом действительно заслуживаете шанс остаться в живых, то я вам его дарую, но ненадолго, учти это. Если маги чему-то и научились, то поспеши это продемонстрировать, в противном случае ты узнаешь, что такое «расплата за подорванное доверие».

Когда я решила умолять Фейсала отменить приговор Кремеру, то осознала, что перед глазами все изменилось. Продолжая поддерживать Кремера, я стала крутить головой, чтобы понять, где мы находимся. Мы вновь на поляне, где не так давно устроили незапланированный пикник с наемником и где я убила охранников Фейсала.

Кремер застонал, и это вернуло мое внимание к нему. Только сейчас, кажется, я начала полностью осознавать произошедшее – Кремер умирает после приговора Фейсала.

– Кремер, нам надо найти портал и попасть к Кевилсу, он найдет способ помочь тебе.

Понятия не имею, как Кевилс сможет помочь, но других идей у меня не было. Ведь Фейсал мог сразу убить Кремера, а не давать сорок минут на мучительную медленную смерть, иначе в этом нет никакого смысла. Значит, его еще можно спасти!

Вот только после этих слов Кремер начал медленно опускаться на землю, он уже не мог стоять на ногах. И тогда меня охватила настоящая паника: сорок минут – это в земном исчислении, а тут время идет иначе, может, и нет никакого шанса спасти Кремера.

– Кремер, ты только держись!

Я опустилась на землю и села рядом с Кремером, начала шарить по карманам его пояса.

– Где твоё исцеляющее зелье?

– Его почти не осталось...

Точно, он же отдал его мне!

– ...но оно в любом случае не поможет, это же удар самого Бога, а не просто повреждение тела.

– Выпей что осталось, – мой голос начал срываться, – хотя бы попытайся, ты...

– Алика...

Кремер перехватил мою руку, остановив от дальнейших поисков зелья. И хотя его хватка была очень слабой, я замерла.

– ...у меня мало времени, поэтому...

– Нет! Не говори так! Мы найдем способ тебе помочь! Ты не будешь сдаваться!

Мой голос от хрипения перешел в крик, но меня это сейчас не заботило, я не могу смириться с гибелью Кремера!

– Найди портал и отправляйся к Кевилсу, расскажи ему все, что...

– Нет! Мы оба отправимся к Кевилсу, продержись еще немного, умоляю тебя, Кремер! Не вздумай...

Слово «умирать» я не могла произнести вслух, меня охватила настоящая истерика.

– Ты не оставишь меня, Кремер! Ты...

– Я не успею добраться до Кевилса, поэтому выслушай меня. Я чувствую, что у меня мало времени!

Меня душили слезы, во рту все пересохло, горло саднило и сердце готово было выпрыгнуть из груди. Кремер, насколько еще позволяли силы, попытался приподняться, но рухнул обратно на землю. Я поняла, что времени действительно мало. Мы точно не успеем найти Кевилса, а моих сил недостаточно для того, чтобы нести на руках наемника.

– Я бесполезна...

Я не хотела произносить это вслух, но поняла, что сделала именно это.

– Нет, это не так, – возразил Кремер, и в этих словах было столько нежности и заботы обо мне, что от этого мне стало только хуже.

Но ведь я и впрямь сейчас бесполезна, я не смогу отнести Кремера к Кевилсу, хотя спорить с Кремером сейчас не хотелось.

– Я люблю тебя!

Как же я давно мечтала произнести это. Но не при таких обстоятельствах. Не от страха, что могу не успеть поделиться с моим мужчиной своими чувствами. Сейчас же слова любви

были произнесены с нотками паники и обреченности.

Страшно представить, какую боль сейчас испытывает Кремер, но несмотря на это он смог улыбнуться мне и поднять руку, чтобы вытереть мои слезы, которые устойчивым ручьем сейчас стекали с моего лица прямоком ему на грудь.

– Я тоже тебя люблю и хочу, чтобы ты пообещала мне кое-что.

Столь долгожданные слова, о которых я давно мечтала, произнесены в момент, когда Кремер умирает, чуть не разорвали мое сердце на части. Рука Кремера опустилась на грудь и сжалась в кулак над сердцем. Я склонила голову над его сжатым кулаком, целуя его руку на груди, и прорыдала свои слова, которые, наверное, сквозь всхлипы сложно было разобрать.

– Что угодно Кремер, все, что угодно!

Не хотелось себе признаваться в том, что мы прощаемся, сердце отказывалось в это верить. Мне казалось, что, пока мы разговариваем, оба можем жить. Но умом я понимала, что я просто хотела верить во что угодно, только не в смерть Кремера. Сама мысль о том, что я вижу его живым в последний раз, убивала меня на месте. Пусть он придумает какой-то план своего спасения, а я ему пообещаю сделать невозможное, чтобы спасти его.

– Найди Кевилса, расскажи все, что случилось, про решение Фейсала, про шанс, который вам с Ремисом дали, и еще...

– Он мне не поверит, что, если... он решит...

Я даже говорить не могу связно, всхлипываю, речь рваная. Не это я от него хотела услышать, а план спасения его собственной жизни!

– Что, если Кевилс решит, что это я тебя убила? А если он или другие чародеи нападут на меня?

– Поверит, если передашь мои слова.

– Что ты...

– Но вначале пообещай мне, что ты и Ремис сделаете все, о чем вас попросит Кевилс!

– Но...

– Пообещай, Алика! Кевилсу понадобится твоя помощь, и ты поможешь ему!

Я могла лишь кивать.

– Просто передай ему мои слова, что ты пообещала мне помочь ему! О какой помощи идет речь, знаю только я и он, так что он поверит тебе! Пообещай мне это!

Я задрала голову к небу, моля Дуфф-Кайдена о помощи. Вдруг он меня услышит? Но на небе не появилось никаких знаков. Не знаю, на что я рассчитывала, но в ситуациях, когда любимый человек умирает на твоих руках и ты готов пообещать все что угодно, лишь бы ему стало хоть немного легче, в такие минуты ты будешь молиться и надеяться на чудо. Я – не исключение.

– Я обещаю тебе, Кремер.

Все еще глядя на небо, я продолжила:

– Обещаю найти Кевилса, передать ему твои слова и сделать все, о чем бы он меня ни попросил, только если речь не будет идти об убийствах магов.

Я опустила голову, чтобы увидеть реакцию Кремера на мои условия помощи Кевилсу, и была очень удивлена, заметив улыбку.

– Об этом он не станет тебя просить. Спасибо, Алика.

Кремер тяжело сглотнул, и его улыбка сменилась гримасой боли. Обеими руками я взяла его лицо в ладони, словно в попытке удержать его улыбку и облегчить его страдания. Его кожа была ледяной, под глазами залегли темные круги, а губы были с синеватым оттенком.

– Кремер, не умирай! Я не смогу без тебя, пожалуйста... не...

– Я хочу, чтобы ты знала и всегда помнила, что я очень люблю тебя, я верю в тебя и в твое доброе сердце. Знай, что я всегда считал тебя сильной и смелой...

Да, конечно, сильной и смелой. Сижу возле любимого мужчины и все, что могу делать, – это рыдать.

– Я тоже тебя очень люблю, но я не смогу жить без тебя, я...

– Ну так ты точно ему не поможешь!

Услышав за спиной женский голос, я вскочила на ноги, готовая напасть на кого угодно.

Глава 36

Ирана была, как всегда, прекрасна, она гармонично вписывалась в окружающую райскую обстановку, но несмотря на ее цветущий вид и ее слова, мне все-таки хотелось, чтобы она исчезла с глаз моих долой. Меньше всего я сейчас хочу иметь дело с Богами и их женщинами!

– Зачем ты здесь?

Не сильно уважительно, но на соблюдение правил этикета у меня нет времени.

– Пришла открыть портал и сопроводить.

– Портал?

– А ты знаешь, как выбраться отсюда иным путем?

Ах, так порталы не появляются сами по себе? Значит, когда мы с Кремером сбежали из этого места в прошлый раз, портал не был случайностью, его кто-то открыл специально для нас?

– И куда будет портал?

– Куда пожелаешь.

Ирана улыбалась, и это сильно раздражало. Она спросила, куда я пожелаю, мнение Кремера она не учитывала?

– А Кремер?

Она посмотрела на чародея, который, казалось, был еще в сознании, но его взгляд был устремлен в небо. Я нагнулась

к его лицу, он перевел свой взгляд на меня. Слава Богам, он еще в сознании!

– Кремер, нам откроют портал, мы можем оказаться у Кевилса прямо сейчас. Держись, еще совсем немного!

– Алика, рекомендую хорошо подумать, куда именно вы бы хотели телепортироваться.

Она издевается? Но поскольку Кремер не ответил, мне показалось, что у него не хватит сил дожить до встречи с Кевилсом, как, впрочем, нет никакой уверенности, что Кевилс способен перехитрить решение Бога.

И тогда меня осенило!

– Дуфф-Кайден! Я хочу, чтобы ты отправила нас к нему!

Ох, что такое, женщина?! Не ожидала такого поворота событий? Судя по тому, как взметнулись ее брови, а улыбка исчезла и теперь уголки ее губ были опущены вниз, можно смело сказать: мой запрос ее не радовал.

– Ты уверена в этом?

Значит, все-таки это возможно? И она сможет отправить меня к Дуфф-Кайдену? Отлично! Хотя с чего я решила, что это спасет меня и Кремера? Может, будет еще хуже, ведь Кремер – чародей, а чародеи убивали Источников, и это может взбесить Дуфф-Кайдена. Но выбора у меня все равно нет, так что стоит рискнуть!

– Уверена, я хочу, чтобы ты создала портал к Дуфф-Кайдену и чтобы мы с Кремером направились к нему, а не только я.

– Как пожелаешь, но он не поможет чародею, просто предупреждаю тебя, чтобы не сильно разочаровалась при встрече с Богом.

– Благодарю за предупреждение, но я не передумаю.

Я взяла руки Кремера и прошептала ему:

– Кремер, держись за меня, смотри на меня и не отпускай, хорошо?

Но ответа не было, глаза Кремера были стеклянными, он не реагировал уже ни на что.

– Мы готовы, Ирана!

Я хотела ее поторопить, поскольку ничего не происходило, но, когда свой взгляд от Кремера я перевела на Ирану, поняла, что я уже не в лесу Фейсала. Я нахожусь в каком-то мрачном помещении.

Ощущение от окружающей обстановки было жуткое. В светло-серых каменных стенах таилось что-то холодное и жестокое. Видно, тот, кто здесь обитает, не пожелал украшать свое жилище, было в этом нечто бездушное, но постоянное, как темница. Справа от меня дверь, вероятно, ведущая в другое помещение, слева – невероятного размера стол, который напоминал стол для бильярда. Сложно сказать наверняка, сидя на полу, но он сделан для великанов: даже если я встану, стол будет мне примерно по грудь.

Чуть поодаль от стола я увидела то, что заставило меня сжаться, а по спине пробежал холодок. Трон! Сам трон не наводил ужаса, но вот то, что находилось у подножья! Че-

репа, а сразу под ними изображения людей в преклоненной позе, возносящие руки в молитве. Тот, кто сидит на троне, ставит ноги на эти черепа и буквально топчет их молитвы. А потом я заметила хозяина всего этого. От страха я сильнее сжала руку Кремера. С чего я решила, что явиться к Дуфф-Кайдену – это хорошая идея? Бог стоял к нам спиной, его огромные руки были разведены в стороны и опирались на некое подобие столешницы у барной стойки, голова низко опущена. Со своего места я смогла разглядеть только широкую спину чудовища, которое напоминало дракона. А когда он выпрямился и поднял голову, то у меня возникла мысль попросить Ирану незамедлительно вытащить нас отсюда, но я не успела. Мужчина развернулся, и я замерла.

Дуфф-Кайден прищурился, его лицо выражало неопишущую ярость, которая, впрочем, была сейчас направлена на Ирану, меня он еще не заметил.

– Ты смеешь являться в мои покои без моего позволения?

Голос резал без ножа, глаза сменяли цвет – от яркого голубого до огненно-красного. Одет он был во все черное, а его тело буквально вибрировало от злости.

– Смею!

Ирана хмыкнула, кажется, она его не опасается, смелая женщина, черт возьми!

– И пока ты не закипел и не подавился ядом, посмотри туда.

Ирана указала рукой на нас с Кремером, а я понадеялась,

что Дуфф-Кайден не заметит меня. Но его взгляд упал вначале на меня, а затем и на Кремера, который к этому моменту уже лежал с закрытыми глазами. И только страх за Кремера позволил мне подняться и направиться в сторону Бога.

Горло настолько пересохло, что даже вздох был болезненным, но страх немного отступил, когда я увидела, что глаза Дуфф-Кайдена потеплели, его тело немного расслабилось, а на лице больше не было ярости, было лишь удивление.

– Фейсал не убил ее, – Дуфф-Кайден направил свои слова Иране, но при этом пристально смотрел на меня, пока я медленно приближалась к нему. – Признаться, удивлен.

– Не убил, пока...

– Пока что?

Дуфф-Кайден резко повернул голову к Иране и, прищурившись, уставился на нее, его ярость вернулась.

– Пока они не совершат глупость и тем самым не приговорят себя к смерти, только на сей раз Арокх лично займется ими, не доверяя более чародеям.

– Оставь нас!

Команда Иране была небрежной, приправленная жестом руки, которым отгоняют надоедливых мух от стола.

– Это вряд ли! Я должна доставить их на землю.

– Ну чародей уже вряд ли нуждается в твоей помощи.

Дуфф-Кайден ухмыльнулся, а у меня задрожали руки от его слов, огонь начал разгоняться по венам, меня бросало то в жар, то в холод, все сложнее было держать себя в руках.

– Даже странно, что Фейсал уничтожил свое создание, но не убил Источник. Фейсал заболел? Подхватил что-то заразное в своем убогом созданном лесу, и это отразилось на его рассудке?

– Знаешь, Дуфф-Кайден, я всегда знала, что твою значимость преувеличивают, мне всегда казалось, что ты безнадежно глуп, а сейчас ты лишь подтверждаешь мои догадки!

– Знаешь, Ирана, а вот мне не приходилось рассуждать о твоей значимости, поскольку ты для меня сравнима лишь с грязью под ногтем. Так что закрой рот и стой молча, коль уж не хочешь исчезнуть с глаз моих!

Пока Дуфф-Кайден препирался с Ираной, я вплотную подошла к Богу и, чтобы не тратить драгоценное время жизни Кремера, упала на колени и обратилась к Богу:

– Меня зовут Алика, я – Источник, и я умоляю ВАС...

Но не успела я закончить, как крепкие руки подхватили меня под локти и резко подняли, жестко поставив меня на ноги.

– Не смей! Не смей падать на колени передо мной! Или перед кем бы то ни было!

Не такой реакции я ожидала, поэтому открыла рот в удивлении и шокированная вслушивалась в слова Дуфф-Кайдена.

– Я знаю, кто ты, Алика, – уже более спокойно продолжил Бог, но свой захват с моих рук не убрал.

Это было не больно, и, честно говоря, на ногах я уже дер-

жалась только благодаря ему. Отпусти он меня, и я бы вновь упала на колени.

– Ты моя дочь, а я твой отец! Ты не будешь унижаться ни передо мной, ни перед каким угодно другим Богом. Ты меня поняла?

Я ни черта не поняла, но кивнула в знак согласия – я же не сумасшедшая, чтобы спорить с самим Дуфф-Кайденом!

– Я пришла к тебе за помощью! Я знаю, это ты нам помогал в землях Фейсала.

Не уверена, но мне казалось, я права.

– Не сильно успешно, – Бог хмыкнул и быстро взглянул на Ирану, потом вновь на меня, – но попытаться-то стоило, правда?

Дуфф-Кайден подмигнул мне, а я потеряла дар речи от такой человеческой реакции. Он подмигивает мне, словно мы старые приятели и заговорщики, обсуждающие хитрый план.

– Спасибо.

Что еще я могла ответить на это?

– Не стоит.

Бог отпустил меня, сделал шаг назад и, улыбаясь, оглядел меня с ног до головы.

– Какая ты прекрасная! И совсем скоро станешь бессмертной, я чувствую это.

Я скоро стану бессмертной? Но я совсем ничего такого не ощущаю. И, видимо, на моем лице отобразились мои сомнения.

– А ты разве не чувствуешь? Твои эмоции сейчас острее, сила должна давать о себе знать, словно жидкий огонь, протекающий по венам. Когда станешь бессмертной, станет легче справляться и с эмоциями, и с силой.

Да, все так. Но я думала, что мои плохо скрываемые и меняющиеся эмоции – просто стресс от ситуации, а не приближение бессмертия. Но придется поверить, ДUFF-Кайдену явно виднее.

– Но я не доживу до бессмертия, если Кремер умрет.

Решила пойти на таран. Как еще вынудить Бога помочь мне с Кремером?

– С чего бы это? – С плохо скрываемым презрением Бог глянул на чародея, – ты станешь сильным бессмертным и тебе не нужна чья-либо помощь в этом, уж тем более несчастного чародея. Одно лишь его присутствие тут оскорбительно!

– Я люблю его!

Бог посмотрел на меня с таким умилением, словно на ребенка, который делает первые шаги. Но потом отмахнулся, развернулся и направился к барной стойке (сейчас я отлично вижу, что это мини-бар).

– Тебе налить вина, шампанского или, может, чего покрепче?

Он вечеринку решил устроить? Пока Кремер умирает, мне тут шампанским наслаждаться? Ему плевать на мои чувства? Терять мне уже нечего, поэтому я решила усилить на-

пор.

– Отец, пожалуйста, помоги мне! Ты мне нужен!

Я немедленно пожалела о своих словах, когда Дуфф-Кайден резко развернулся и уставился на меня. Все веселье исчезло с его лица.

– Ты используешь мои слова против меня самого? Отец? Прямо так? Решила надавить на отцовские чувства, чтобы вынудить меня помочь тебе?

Очень медленно Бог стал приближаться ко мне, словно хищник, готовый совершить атакующий прыжок. Пока я судорожно соображала, что сказать, Бог неожиданно задрал голову и громко рассмеялся.

– Шах и мат! Горжусь тобой, я бы сделал то же самое!

В этот момент я не знала, чего мне хотелось больше – рыдать от схлынувшей с меня горы страха, то ли рассмеяться.

– Но, дочь моя...

Дуфф-Кайден выдержал паузу.

– ...даже если бы я хотел, а я не хочу, скажу прямо, я все равно не смог бы тебе сейчас ничем помочь.

Я опустила голову, мои плечи поникли, пришло осознание надвигающейся реальности, в той, в которой Кремер умрет. Дуфф-Кайден нежно приподнял мою голову за подбородок, и в его глазах появилась... грусть.

– Если я вмешаюсь, то приговорю тебя к смерти. Я этого никогда не сделаю, Алика. Что сказал тебе Фейсал перед тем,

как отпустил вас?

Я силилась в точности вспомнить произнесенные Фейсалом слова, но в моей голове сейчас роились какие угодно мысли и воспоминания, но только не слова Фейсала.

– Как бы я ни презирал своего брата, вынужден признать, что он никогда не пустословит. Что он сказал тебе?

– Что мне до своего бессмертия следует понять, что произошло с нами сегодня.

– Тебе не нужна моя помощь, найди Маркуса.

И в этот момент я почувствовала настоящую отцовскую любовь и заботу. Я никогда не испытывала ничего подобного с момента смерти моих родителей. На секунду мне показалось, что передо мной не Дуфф-Кайден, а мой настоящий отец. По щеке скатилась слеза, а Дуфф-Кайден нежно вытер ее.

– Будь сильной, дочь моя. Вы с Ремисом должны объединить магов. Знай, что я всегда с вами, хоть и не могу быть рядом даже в самые сложные моменты вашей жизни.

Бог окинул взглядом свое жилище, а потом, чуть улыбнувшись, продолжил:

– Я заперт в этом месте и тоже несу в себе часть нашего общего наказания. Но вы с Ремисом можете все изменить.

Я силилась впитать каждое слово Дуфф-Кайдена, но возникло желание записать все это на диктофон, а потом прослушать уже в здравом рассудке, поскольку сейчас я плохо воспринимала информацию.

– А теперь иди и найди Маркуса. Поспеши.

Пока я продолжала неотрывно смотреть на Дуфф-Кайдена, он жестом руки подозвал Ирану и обратился к ней:

– Отправь их в жилище магов, они сейчас в России. Справишься или тебе карту нарисовать?

– Очень смешно! Не думала, что ты способен на сострадание, Дуфф-Кайден.

– Ты поменьше думай на мой счет, а то Фейсал начнет ревновать.

Говоря это, Дуфф-Кайден наклонился ко мне, поцеловал в лоб и приобнял.

– Все будет хорошо, ты со всем справишься. Просто верь в себя и силу, которой я вас наделил.

В ответ я обняла Бога! Обняла Бога! Я сама не понимала, что делаю, но желание было слишком сильным, чтобы ему противиться.

– Спасибо, Отец! Прощай!

Я отпустила Дуфф-Кайдена и направилась к Кремеру, чтобы взять его за руки. От прикосновения к ледяной кожи чародея я даже вздрогнула, он почти не дышал. С тревогой я посмотрела на Ирану и кивнула ей головой, давая знать, что я готова.

Глава 37

Не успела я моргнуть, как обстановка вокруг меня вновь изменилась. Да, Ирана перенесла нас и, судя по всему, к магам. А вибрация, которую я почувствовала почти сразу, только утвердила меня в правильности своей догадки.

Понятия не имею, почему Дуфф-Кайден направил меня именно к Маркусу. Может, все кроется в том, что Бог считает Маркуса способным меня защитить. Это единственная видимая причина. У меня в голове возникла одна теория, которую я хочу проверить. Я огляделась. Ирана уже исчезла, а маги еще не появились. Времени нет, поскольку дыхание Кремера превратилось в резкие и редкие вздохи. Еще немного, и он перестанет дышать. Но он хотя бы потерял сознание и не страдает от боли, вернее, я надеюсь, что не страдает. И чтобы не тратить больше ни секунды, я закричала так громко, как только могла:

– Маркус! Маркус, ты мне нужен!

Вибрация усилилась, а чуть позже послышались тяжелые шаги.

Я поднялась и решила лучше присмотреться к обстановке. Первое, что я увидела, – это бильярдный стол, но уже обычного размера, а на нем лежали шары, только почему-то все сломанные. Что с ними делали? В стены кидали? Еще

был камин, мило, в целом мебель была недорогая, но на вид очень уютная и красивая.

– Алика!

В комнату вбежал брат, вид у него был потрепанный, он кинулся ко мне, но резко затормозил, увидев Кремера на полу. Ремис переводил свой взор то на Кремера, то на меня и что-то пытался мне сообщить или спросить, но вместо слов он только жестикулировал, явно подбирая слова.

– Какого черта? – Это все, что смог выдавить из себя братец.

– Где Маркус?

Мне нужен Маркус, и срочно, с братом объяснюсь позже.

– Что?

То ли Ремис не ожидал такой резкости от меня, то ли последнее, что он от меня ожидал услышать, это был вопрос о Маркусе. Видимо, Ремис в данный момент считает, что его непутевая сестренка совсем слетела с катушек. Еще в своей прошлой жизни я стала бы оправдываться и ждать от брата поддержки, то сейчас все, что я хочу, – это чтобы Ремис убрался с моего пути и не мешал мне.

Но я могу его понять. Совсем недавно я пискнуть боялась в присутствии магов, а теперь мой вид показывал все, что угодно, но только не страх или неуверенность в себе.

Встреча с Дуфф-Кайденом была не бесполезной. Она придала мне уверенности в своих силах и, если я поняла Бога правильно, то мне нужен Маркус, и, кажется, я начинаю до-

гадываться, зачем.

И тут, как по заказу, в комнату влетел Маркус. Вначале на его лице сияла знакомая мне улыбка, но она тут же сменилась гневной гримасой. Не успела я сказать и слова, как Маркус напал на Кремера. Он вытянул руку перед собой и применил свою силу к моему мужчине.

– Нет!

Телекинезом я откинула Маркуса в стену, он врезался в нее, и с полок, что были закреплены на стене, свалились книги и какие-то ящички. Маг упал и заворчал от боли. Я тут же позабыла про Маркуса, как только услышала стон Кремера.

– Кремер!

Он ненадолго открыл глаза и смог сосредоточить взгляд на мне.

– Кремер, ты меня слышишь?

Но он больше не слышал, его глаза закатились, а потом и вовсе закрылись, голова наклонилась в сторону. Оказалось, что сила Маркуса помогла Кремеру прийти в себя. Кажется, Дуфф-Кайден все-таки мне помог.

Черт! Я кинулась к Маркусу, который кряхтел и пытался подняться при помощи Элли и Дориуса, а я даже не заметила, как они появились здесь. Минувя эту парочку, я подбежала к Маркусу и схватила его за руки. Он был все еще очень зол, к тому же ему еще и очень больно. Ой, да ладно тебе, не такое уж и жесткое падение было!

Добровольно Маркус не станет помогать мне спасти Кре-

мера, это понятно. Необходимо правильно подобрать слова и давить на логику, применяя необходимые благоразумие и выдержку. Нужно сохранять хладнокровие.

– Еще раз тронешь его, я врежу так, что мало не покажется. А теперь помоги мне его спасти!

Вот они – мои выдержка и хладнокровие. Молодец, Алика, у тебя почти получилось!

Все молча уставились на меня. Маркус же не кинулся на выручку и не стал немедленно спасать Кремера.

Я отпустила руки Маркуса и отступила на пару шагов от компании магов, глядя только на Маркуса и полностью игнорируя остальных. Мне не было до них никакого дела, меня интересовали только умирающий Кремер и Маркус, который может помочь.

– Маркус, я не шучу!

– Значит, ты безумна! Ты просишь меня спасти Кремера? МЕНЯ?!

– Значит, я безумна! В конце концов я же Источник! Мне по статусу положено!

Я бы засмеялась, но это был бы истерический смех.

– Алика, что происходит?

О! Ремис очнулся, но хоть не включает режим раздраженного брата.

– Если коротко, то мы были на суде у Фейсала, Кремера приговорили к смерти, но Фейсал сообщил, что смерть наступит минут через сорок, так что у нас мало времени!

– У нас?

Дориус встал перед Маркусом, загородив его от меня.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Погоди, погоди, – вмешалась Элли, как всегда шикарно разодетая, – что значит на суде у Фейсала?

– У меня нет времени на болтовню, я все расскажу, но позже, а сейчас...

Я пыталась заглянуть за спину Дориуса, чтобы обратиться уже к Маркусу, но мне повезло, и он сам вышел из-за его спины.

– Дуфф-Кайден направил меня к тебе, думаю, чтобы ты помог Кремеру, – продолжала я гнуть свою линию.

– Ты еще и Дуфф-Кайдена видела?

Элли перешла почти на ультразвук, я даже поморщилась. Хотя она тут же откашлялась и вернулась к своему привычному образу.

– Ну и как он? Красавчик, да? Хотя что я спрашиваю? Ну, конечно же, он красавчик!

– Потом, все вопросы потом!

Я махнула рукой, желая прекратить расспросы.

– Вначале спасем Кремера, а потом все остальное.

И опять тишина. Это уже начинает меня злить!

– Назови мне хоть одну причину, по которой я бы стал спасать чародея, – Маркус опять улыбался, – я могу назвать сотни, по которым этот ублюдок должен подохнуть!

– Потому, что *Я* так сказала!

Да, я давала себе установку быть дипломатичной, но из-за понимания того, что времени совсем не осталось, мои намерения полетели ко всем чертям.

– Ты так сказала?

Брови Маркуса от изумления поплыли на лоб.

– И раз ты так сказала, то я должен слушаться тебя? С чего бы это?

Ну, я же правда пыталась, верно? Значит, переходим к плану «Б».

– Потому что я – гребанный *Источник*, и если ты откажешься мне помогать, то я лишу тебя твоей силы и сама помогу Кремеру!

Я понятия не имела, о чем толкую, я не обладаю пока такими возможностями, но ведь они об этом не знают! Мои слова вызвали примерно ту реакцию, на которую я рассчитывала. Маги очень сильно напряглись.

Элли и Дориус как по команде загородили собой Маркуса, явно защищая его от меня, Ремис же подошел ко мне и весьма неуверенно дотронулся до моей руки.

– Алика, ты же это несерьезно?

Ремис тоже был напуган. ХА! Ремис испугался меня. Какой сюрприз!

– Я серьезна, как никогда в жизни, Ремис!

В голове зазвучали почти забытые слова мамы «Никогда не забывай, кто ты!» Я не забыла, мамочка, я помню! Да помоги мне, Дуфф-Кайден, но я заставлю этих магов следовать

за мной!

– Маркус, я жду!

– Скажи хотя бы, почему ты предаешь магов ради чародея? – Спросил Дорус с некой обреченностью.

– Во-первых, я никого не предаю, а во-вторых, я люблю Кремера. И вам прекрасно известно о влиянии эмоций на мага.

Я не ожидала от них понимания, и они эти ожидания не подвели.

Маркус вырвался из защитной стены влюбленной парочки и гордо встал передо мной:

– Если бы ты влюбилась в навозного жука, это было бы менее печально.

– Алика, Кремер убьет нас, когда очнется.

Никогда раньше Ремис не разговаривал со мной подобным тоном, так, словно, он впервые меня встретил и сам не знает, как разговаривать со мной.

– Ремис...

Я в отличие от него очень хорошо теперь знаю себя и не менее хорошо знаю своего брата, он всегда уважал лишь силу.

– ...Кремер мог убить меня сотни раз, но он не сделал этого, наоборот, он спасал меня снова и снова, если бы не он, я не пережила бы суд Фейсала, как, впрочем, и ты. Своими жизнями мы обязаны ему.

– Предположим, что это правда, но сомневаюсь, что к нам

он будет испытывать те же чувства, когда он сможет дотянуться до своих зелий.

Элли, конечно, имела все основания для такой догадки, но они не знают Кремера так, как знаю его я.

– Я не позволю ему причинить вам вред, да он и не станет нападать на вас, могу вам это гарантировать.

Вот только я забыла о поясе Кремера. Когда кто-то нападает на чародея, даже если он без сознания или мертв, его пояс может преподнести противнику неприятный сюрприз. Так что мне его необходимо снять.

Я кинулась к Кремеру, который к этому моменту уже почти не дышал.

– Ремис, помоги снять его пояс!

– Не трогай его пояс!

Дориус попытался остановить меня.

Я откинула руку Дориуса, которой он попытался ухватить меня за плечо, чтобы оттащить от неподвижного наемника. Дрожщими руками я расстегнула первый замок, который располагался в центре пояса над грудью чародея. Когда замок расстегнулся и ничего не произошло, я посмотрела на остолбеневшего Ремиса.

– Ремис, не стой столбом! Помоги его снять, приподними Кремера, а я стяну пояс.

– Как... – Ремис медленно подошел ко мне, – невозможно... чтобы... как?

– Кремер дал мне доступ к поясу.

Я уже успела расстегнуть все замки и теперь ждала подмоги от Ремиса. Сама бы я ни за что не сдвинула огромное тело наемника.

– Но ты не трогай пояс, только помоги приподнять Кремера.

К счастью, Ремис молча подчинился, что позволило мне без проблем стянуть пояс и откинуть его в сторону. Когда Ремис положил Кремера обратно на пол, я увидела в разрезе футболки нечто ужасное: кожа на груди была покрыта черными полосками, словно черные вены выступили на поверхность кожи. Я разорвала футболку, а все присутствующие, кроме Ремиса, громко охнули. Над самым сердцем было черное пятно, от которого в разные стороны по всему телу черными щупальцами распространялось проклятье Фейсала. Это нечто источало мерзкий запах гнили, а тонкие щупальца достигали шеи Кремера. Подозреваю, что и все его тело внизу тоже покрыто этой мерзостью.

– Это что за фигня?

Элли подавила рвотные позывы. Я ее не виню, выглядит и впрямь ужасно.

– Это смертный приговор Фейсала, Элли! – сказал Дориус жестко. – И давайте не забывать об этом! Алика, как ты думаешь повлиять на решение Богов?

Прежде чем я успела ответить, Элли приблизилась и вытянула руку, я не стала ее останавливать, но потом она помотала головой и произнесла:

– Нет, излечить его не получается, значит, магам не под силу исправить это!

Но я благодарна ей просто за попытку.

– Его не вылечить, это не просто травма, это нечто большее. Это надо вытащить из него, и тут в дело должен вступить Маркус.

– Черта с два я должен это вытаскивать!

Я поднялась на ноги и сделала шаг в сторону Маркуса, который не унимался:

– Не смей угрожать, если не желаешь мне смерти! Это просто убьет меня!

Я продолжала наступать на него, вынуждая Маркуса отступать:

– Я лишь немного применил к нему силу, и это буквально свалило меня с ног! Позволь тебя просветить! Я втягиваю не просто суть бессмертного, я втягиваю все, чем он обладает, а в данном случае... – Указательным пальцем Маркус ткнул в сторону Кремера, – ...я втяну в себя проклятье Фейсала! Если это убивает его, значит, и меня прикончит!

Черт! Если все так, то у меня проблема. Я не желаю Маркусу смерти. Но Дуфф-Кайден не отправил бы меня к нему, он бы велел направиться к Ремису, Дориусу или просто к магам, а не указал бы именно на Маркуса. Должен быть способ! То, что все дело в силе Маркуса, это я поняла, а теперь надо понять, как при этом не убить самого Маркуса.

– А если Элли создаст магический барьер?

Все посмотрели на Ремиса, в том числе и я, не ждала от него поддержки

– Это поможет?

– Нет, если барьер Элли пропустит силу Маркуса, то пропустит и все остальное. Опять-таки сила Бога против силы Элли? Не думаю.

Я резко вздернула голову и уставилась на Дориуса. Он прав! Вот оно! Сила Бога!!! Источники обладают частью силы Богов!

– Ты абсолютно прав! – Я уставилась на непонимающее лицо Дориуса. – Фейсал сказал, что Источники были приговорены к смерти в том числе за то, что им была дарована сила Богов, которая не должна им принадлежать. У Ремиса и у меня есть сила Бога – сила Дурф-Кайдена. Не в полном объеме, конечно, но все же!

– Это очень интересно, но при чем тут Маркус?

Элли подошла к Дорусу и приобняла его. Они сегодня все защищаются от меня, а Элли явно выражает поддержку своему любимому против свихнувшегося Источника – меня.

– Если мой огонь смог уничтожить охранников Фейсала, то...

– Ты убила охранников Фейсала, и после этого он не прикончил тебя?

Не знаю, что больше смутило Маркуса – что я смогла их убить или что я все еще дышу после убийства слуг Фейсала. Но, кажется, я добавила еще один повод магам опасаться

безумной Алики. Брат так уж точно осматривал меня с ног до головы, сомневаясь, его ли это сестра.

– Не в этом суть. Фейсал сообщил нечто важное!

Я радостная подбежала к Кремеру и встала возле него, повернувшись к магам, которые смотрели на меня с нескрываемым ужасом.

– Фейсал сказал, что убить его слуг могла только сила Богов, так?

Я не ждала ответа, а просто переступала с ноги на ногу. Я нащупала решение, которое может и спасти Кремера, и не уничтожить Маркуса. Маги же просто продолжали пялиться на меня, не мешая моему монологу.

– Я создам огненный щит, довольно большой, и, когда Маркус будет сквозь него вытягивать проклятье Фейсала, огонь сможет уничтожить то, что убивает Кремера, и в Маркуса это не проникнет!

А вот теперь я ждала от магов ответа, но они просто молча смотрели на меня: Ремис стоял с открытым ртом, Элли хлопала глазами, Дориус хмурился, что можно принять за обдумывание моих слов, а Маркус сложил руки на груди и мотал головой. Я же теперь смотрела только на Маркуса. Ну же! Давай, решайся!

– Это может сработать.

Маркус резко повернул голову в сторону Дориуса, не веря своим ушам.

– Маркус, это может сработать. Давайте хотя бы попробу-

ем! Если почувствуешь, что это угрожает тебе, сразу прекратишь!

Пока Маркус продолжал пялиться на Дориуса, в разговор вступил брат:

– Алика, а ты сможешь создать такой щит?

Я кивком головы дала понять, что смогу, но, откровенно говоря, на все сто процентов не была уверена в этом. Ремис посмотрел на Маркуса и продолжил:

– Маркус, я буду рядом и положу свои руки на тебя, так у тебя будет больше сил.

– Ремис, тебе лучше укреплять силы Элли, так она сможет лучше исцелять Маркуса. Не забывайте, Кремер все-таки чародей, и его сила будет ослаблять Маркуса не меньше проклятья Фейсала. Элли же поддержит силы Маркуса, пользуясь энергией Источника.

Маги объединились и стали обдумывать план спасения Кремера-чародея? Меня очень удивило, как бурно и шумно они обсуждали варианты совместных действий. Они готовы пойти мне навстречу и спасти чародея? Причины этого я проанализирую позже, а сейчас необходимо сосредоточиться. Я собираюсь совершить нечто такое, что еще никогда не делала, – вызвать огонь устойчивой формы, удерживаемый мною на определенном расстоянии, и следить за его формой, чтобы не подвергать опасности Маркуса. Только от одной этой мысли я ощутила, как огонь стал разгоняться по венам, как меня поглотило тепло и приятные покалывания

в кончиках пальцев сообщили мне, что огонь готов вырваться наружу. Только есть одна загвоздка – Маркус еще не дал согласия.

– Маркус! – Я постаралась придать голосу мягкость.

Маркус отошел от остальных магов, которые уже подошли к нему и приготовились к спасательной операции.

– Маркус, прошу, помоги ей!

Ремис сказал это более настойчиво, нежели я, но от этого мое сердце сжалось. Впервые в жизни Ремис вступился за меня! Но я не стану сейчас благодарить его, для этого еще будет время, главное – уговорить Маркуса.

– Алика, ты гарантируешь, что если он выживет, то он оставит нас в покое и покинет этот дом, не причинив никому из нас вреда?

– Я гарантирую, Маркус, что никому не позволю причинить вам вред – ни Кремеру, ни кому-либо другому!

– Но ты только что угрожала мне!

Я пожала плечами.

– Источник находится в плену эмоций, сделай скидку, Маркус! Если бы на месте Кремера сейчас был Дориус, я бы поджарила твою задницу, не потрудившись даже начать угрожать.

Элли вступилась за меня. Это заставило меня улыбнуться ей, на что она тоже просто пожала плечами. А Дориус прочистил горло, кажется, он не был доволен подобным сравнением.

– Тебе лучше убедиться, что твой огонь будет достаточным для моей защиты!

Я даже выдохнула, не заметив, что в ожидании ответа Маркуса задержала дыхание.

– Сделаю все, что смогу!

Глава 38

Маги выстроились примерно в трех метрах от Кремера, а же стояла прямо возле наемника. Ремис положил обе руки на плечи Элли, которая свою руку положила на плечо Маркуса. Дориус стоял прямо за спиной Маркуса, подозреваю, для того, чтобы поймать его, если последний свалится с ног.

– Я готов, – известил всех Маркус.

Я мельком глянула на свои пальцы и выставила руки перед собой. Огонь, словно заждавшийся свободы, начал выходить из моих рук, но не вспышками или шаром, а скорее небольшим шлейфом, который вначале окутал меня, а потом я плавным жестом отправила его вперед и расправила, как штору, перед Кремером. Даже я восхитилась результатом, но этого было мало.

– Еще, Алика, этого недостаточно, – Дориус призывал меня продолжить и усилить огонь.

Я сосредоточилась на своем сердце, именно в нем я в данный момент черпала силу. Нужно отключить мозг и просто отдаться чувствам. Моя сила в моем сердце, в моей любви к Кремеру, и эта огромная сила должна высвободиться прямо сейчас! Это словно зажечь конфорку. Открыть сердце, дышать и дать кислороду увеличить мой огонь, который был скрыт во мне долгие годы, но которому в данный момент я

готова дать полную мощь!

Глубокий вдох, и волна силы вырвалась из руки, второй рукой я формировала огонь, удерживала его в одной точке. Я была дирижером, в чьих руках волшебная палочка создает магию, но при помощи не музыкантов, а струн своей души и всех граней моей любви к Кремеру.

– Думаю, пора! Маркус, попробуй вначале пробиться сквозь огонь! – скомандовал Дориус, присоединившись к процессу.

Я готова положиться на него, поскольку мне нельзя терять концентрации на огне.

Я не смотрела на Маркуса, все мое внимание занимал огонь, поэтому упустила момент, когда Маркус приступил к делу. Зато я заметила, как нечто пробило огонь и небольшой вихрь пламени направился в сторону Кремера, а потом этот же вихрь втянулся обратно и выступил с обратной стороны огненного щита. Маркус издал звук, похожий на стон, и это заставило меня посмотреть на него. Видно было, что он тягивает проклятье Фейсала, но при этом все же стоит на ногах.

– Алика, еще! Не останавливайся! – прошипел Маркус сквозь стиснутые зубы. – Я усилю напор, СЕЙЧАС!

И когда Маркус ударил в полную силу, тело Кремера выгнулось, а моя огненная штора почти исчезла. Я издала возглас отчаянья, и это сработало как спусковой механизм для освобождения всей моей силы. Запрокинув голову назад, я

закричала, поскольку выходящая из моего тела магия была такой огромной, что это причиняло боль. Я почувствовала, как из глаз брызнули слезы, было физически невыносимо держаться, но я должна, я не могу остановиться!

Слезы буквально обжигали, но непозволительно отвлекаться на такие пустяки, я спасу Кремера и не стану причиной смерти Маркуса! Для большей устойчивости я расставила ноги и напряглась всем телом, давая огню свободно выходить из моего тела, а силе – разогнаться внутри меня. И это помогло. Спустя минуту я смогла дышать, и, хотя слезы все еще стекали по моим щекам, а внутри ощущения балансировали на грани боли, я решилась в этот момент посмотреть на магов и узнать, как они держатся.

Маркус все внимание сосредоточил на огне и Кремере, Ремис смотрел на меня с ужасом, Дориус хмурился, а Элли широко улыбалась. Такие разные реакции чуть отвлекли меня, но, когда Маркус зашипел, я вновь усилила поток огня. А дальше случилось то, чего я не ожидала от Ремиса. Он протянул руку через плечо Элли и послал свою силу в сторону моего огня. Я хотела было возмутиться, но огонь застыл, превратившись в неподвижный огненный щит, и это дало мне пару секунд передышки.

– Круто придумано, малыш Ремис! – похвалила Элли.

Ремис заставил мой огонь замереть, что позволило всем нам немного расслабиться и перевести дух. Всем, кроме Маркуса, – он не останавливался. А еще я смогла лучше рас-

смотреть Кремера и заметить, что его грудь очистилась и от черного пятна осталась лишь небольшая точка, но и она уменьшалась в размере.

– Еще немного, Маркус, почти все! – Попыталась я подбодрить мага, спасающего моего мужчину.

– Добавь огня, Алика! – Он же в ответ рявкнул на меня приказным тоном.

Встряхнув головой, я выпустила очередную порцию огня, и замороженный щит слегка покачнулся, но полностью не ожил, а лишь увеличился в размере. Отлично сработано, Ремис!

В этот самый момент Кремер впервые после удара Фейсала сделал глубокий вздох, и его спина больше не выгибалась, он просто лежал на полу и глубоко дышал.

– Все, хватит, иначе ты его убьешь!

Дориус опустил руку на руки Маркуса, и он чуть не рухнул на пол, если бы Дориус его не поймал.

Я втянула весь огонь обратно в себя и упала на пол рядом с Кремером, обняв его и положив голову на его грудь в попытке услышать стук сердца.

Боги, этот ровный ритм, издаваемый сильным и любящим сердцем моего мужчины, был самым сладким звуком, который я когда-либо слышала. Прислонив губы к груди Кремера, я начала шептать слова благодарности Дуфф-Кайдену, родителям и Маркусу.

– Спасибо, Маркус! Всем вам!

– О, заткнись, черт возьми! Думаю, я сегодня совершил самый глупый поступок в жизни!

Дориус поддерживал Маркуса, который, вяло отбиваясь от его помощи, продолжал сыпать проклятиями.

– Как ты? – Ремис тоже присоединился к попыткам Дориуса помочь ворчащему магу.

– Сегодня твоей сестренке не удалось прикончить меня!

Я не обижалась на слова Маркуса, он имеет полное право злиться, учитывая его историю с Кремером и то, что я и впрямь сегодня ему угрожала.

– Обалдеть! Мы настолько крутые, что смогли перехитрить Фейсала!

Единственный, кто из нас сейчас пребывал в состоянии веселья и был способен шутить, – это Элли.

– Алика, как ты себя чувствуешь, став бессмертной?

Мне показалось, что Дориус спрашивает об этом кого-то другого и слово «бессмертная» ко мне не относится. Но когда никто не ответил, а я увидела, что Дориус продолжает смотреть именно на меня, я выпрямилась и стала искать скрытый смысл или хоть какой-то смысл в словах Дориуса.

– В смысле «бессмертной»?

– Ты только что стала бессмертной. Ты еще не поняла этого?

После вопроса Дориуса даже Маркус прекратил пыхтеть и ворчать, а просто, как и остальные присутствующие, ждал моего ответа.

Я осмотрела себя с ног до головы и не заметила никаких изменений, так что, наверное, они что-то путают.

– Я не чувствую ничего такого.

– Но твои глаза изменили цвет, и можешь мне поверить, твоя сила ощущается несколько иначе. Вибрация, что исходит от тебя, может быть услышана магом из соседнего города.

Глаза свои я проверить сейчас не могу, вибрацию свою не ощущаю, так что в поисках подтверждения слов Дориуса я посмотрела на Ремиса, он молча кивал мне.

Как такое возможно, что я не заметила такие масштабные изменения в самой себе? И второй вопрос: как это произошло?

– Я думала, бессмертие наступает позже.

– Источников уже давно никто не видел, так что сложно сказать, как у них обстоят дела, но иногда бывает, что бессмертие приходит раньше. Случается, что сила в маге вызвана стрессовой ситуацией и настолько велика, что для того чтобы тело могло выдержать это, маг превращается в бессмертного раньше обычного. Думаю, это сейчас с тобой и произошло.

Пока Дориус растолковывал мне таинства превращения смертного мага в бессмертного, Маркус отбивался от хватки Дориуса и Ремиса.

– Отпустите меня, я сам могу стоять!

Дориус и Ремис выпустили Маркуса, и тот направился вон

из комнаты.

– Не зовите меня, если нашему бессмертному Источнику взбредет в голову спасти еще какого-нибудь гребанного чародея! До утра меня для всей вселенной не существует!

– Не обращай на него внимания, он всегда такой душка. Но он тебе обязательно понравится, – проворковала Элли, присев возле меня и проведя рукой по голове.

Вероятно, выражение моего лица подсказало Элли, что именно сейчас мне необходима поддержка. И тогда я поняла, что неосмысленно вожу рукой по груди Кремера, все еще наслаждаясь и успокаиваясь от его размеренного дыхания и спокойного ритма его сердца.

– Странно, что я не заметила изменений в себе.

– Думаю, весь этот стресс с Фейсалом так сильно повлиял на тебя, что ты не обратила на это внимания. Не волнуйся, тебе просто необходимо отдохнуть, и завтра ты осознаешь, что в тебе теперь невероятная сила, а телу легче переносить физические нагрузки.

Тон разговора Элли так сильно отличался от того, который был во время нашей первой и второй встреч, что, с одной стороны, очень тронуло меня, а с другой – заставило занервничать. Ведь они ожидают чего-то от Источника, который теперь достиг бессмертия и вступил в фазу расцвета своих сил. Что я могу им предложить?

Фейсал сказал, что я что-то должна была осознать перед тем как мы с Ремсом достигнем бессмертия, а что именно –

я не знаю. И опять Элли мою задумчивость восприняла как повод для утешений.

– Давай расположим тебя в комнате Ремиса, ну и твоего чародея, а Ремис поспит на диване в гостиной, хорошо?

Элли стала помогать мне подняться, и мне пришлось отпустить Кремера, а мне этого совсем не хотелось. Я боялась его отпускать, все еще опасаясь, что ему может стать плохо. Но Элли не оставила мне шансов, она просто подняла меня на ноги и повела в сторону выхода из гостиной.

Я обернулась и увидела, что Ремис и Дориус подняли Кремера и уже идут за мной.

– Мы позаботимся о нем, следуй за Элли.

Брат тоже решил, что меня необходимо успокаивать? Чего они все нянчатся со мной?

Все мои мысли сейчас были направлены на условия Фейсала нашего с Ремисом выживания. Дуфф-Кайден тоже сказал, что Фейсал слов на ветер не бросает, а значит, для меня и Ремиса еще не все закончено. Конечно, я не собираюсь делиться с магами сейчас этим, им и без того хватает переживаний о нахождении наемника в их доме.

Ремис держал Кремера подмышки, а Дориус удерживал ноги, голова наемника запрокинута назад. Сквозь разорванную футболку видно, что на груди Кремера совсем не осталось следов смертельного приговора Фейсала. Но отсутствие пояса напомнило мне, что, хоть его пояс не является угрозой для меня, но для всех остальных – это бомба замедленного

действия. Когда я его стягивала, даже не обратила внимания, что он довольно тяжелый. Теперь же, когда мои мысли работают в нормальном режиме, я могу оценить всю тяжесть чародейских зелий в прямом смысле этого слова. Должно быть, я держу в руках одно из самых грозных оружий бессмертного мира. И надо бы его припрятать, пока Кремер сам о нем не позаботился.

– До сих пор считаю невероятным, что Кремер дал тебе доступ к своему поясу. Должно быть, он и впрямь не желает тебе зла.

Ремису, как и мне, о чародеях известно больше, чем остальным магам в этом доме, но даже он еще не в состоянии осознать, что происходит между мной и Кремером.

Что там Ремис, если даже я с волнением ожидаю, когда очнется Кремер. Не изменится ли его отношение ко мне после всех свалившихся на него испытаний, в том числе по моей вине? Не решит ли он, что быть со мной – опасное занятие само по себе? Все, что остается мне, – это ждать и надеяться, ведь моя любовь к нему не угасла, наоборот, стала еще сильнее. Я никогда не смогу забыть момент, когда на суде у Фейсала я чуть не убила собственными руками Кремера, а он после этого пытался облегчить мою боль. При одной только мысли об этом сжимается горло, а в глазах стоят слезы. Его взгляд, направленный на меня, когда я выставила руки... никакого обвинения, только решимость и сила мужчины, который заботится о благополучии своей женщины.

Хорошо, что в коридоре, по которому мы шли, не было яркого света, мне бы не хотелось, чтобы маги заметили мои слезы. Я шла, опустив голову, совершенно не интересуясь окружающей меня обстановкой. Все, чего я хотела, – оказаться в комнате, остаться с Кремером наедине и позаботиться о нем.

Мы подошли к двери, ведущей в спальню, и Элли ее открыла, одной рукой придерживая меня, чтобы я позволила пройти Ремису и Дориусу. Маги аккуратно уложили Кремера на кровать, за что я была им благодарна. Ремис не стал бы проявлять грубость к Кремеру, но от Дориуса учтивости я не ждала. Следом за мужчинами в комнату вошли мы с Элли. Не теряя времени, я наклонилась, чтобы снять обувь с Кремера. Мне все равно, что обо мне думают сейчас маги, все мои заботы касались только наемника. Его комфорт сейчас – самое главное для меня.

– Я благодарна вам за помощь и не хочу показаться грубой, но не могли бы вы оставить нас?

Я не обернулась к магам, я просто хотела, чтобы они ушли. Только когда услышала, что дверь закрылась, я сделала глубокий вдох, а затем медленный выдох, но вздрогнула и развернулась, когда услышала голос Ремиса.

– Тебе принести еды или воды?

Ремис смотрел куда угодно, только не на меня. Ему словно было неловко разговаривать со мной, что на него совсем не похоже. Я ждала, что он начнет опять насмехаться, ворчать

или откровенно ругать меня, но уж точно не будет выглядеть как побитая собака.

– Нет, спасибо. Есть почему-то не хочется.

Он не уходил, но продолжал смотреть по сторонам, избегая прямого взгляда на меня.

– Что ты хочешь сказать, Ремис?

Мой вопрос заставил его посмотреть на меня.

– Прежде чем ты начнешь ругаться, скажу прямо: я не желаю сейчас выяснять отношения. Не сегодня.

– Да, я заслужил это.

Ремис улыбнулся, а я приготовилась отбиваться от очередных обвинений брата. И когда я направила взгляд на потолок, дабы набраться спокойствия и не разругаться с Ремисом, он продолжил в неожиданном для меня ключе:

– Прости меня, Алика.

Резко опустив голову и взглянув на Ремиса, я подумала, что неправильно его расслышала.

– Что?

– Я был хреновым братом для тебя и был несправедлив к тебе. Даже когда тебе нужна была поддержка, меня никогда не было рядом. Я знаю это и всегда знал, но ничего не мог с собой поделать. А когда ты упала за борт той проклятой баржи...

Ремис провел по своим волосам рукой, развернулся и зашагал по комнате кругами, ведя при этом монолог, не подразумевающий моего вмешательства.

– ...я наконец-то осознал, что ты самое дорогое, что есть у меня. Все мое бахвальство и уверенность в себе, все мои приключения – только попытка прикрыть ту боль, которая сочилась из души после смерти родителей, а ты была напомином той ночи. Но это не твоя вина, это никоим образом не твоя вина. И я никогда не считал, что ты в чем-то виновата, я был несправедлив к тебе.

– Я...

– погоди, дай закончить, пожалуйста!

Я кивнула ему, чтобы он продолжал.

– Я боялся, что когда-нибудь потеряю еще и тебя. Не уверен, что смог бы сохранить себя, не думаю, что я не слетел бы с катушек. И когда ты пыхтела за учебниками и в учебных классах, я лишь молился о том, чтобы ты плюнула на все это, нашла какое-нибудь мирное занятие и никогда не покидала замок. Так ты была бы в безопасности.

Сказать, что я была шокирована, – ничего не сказать! Я всегда думала, что Ремис злится из-за моих неудач, а он втайне надеялся, что у меня ничего не получится. Лишь бы я сидела в замке и осталась жива, не подвергала себя опасности. Боги, Ремис!

– Ремис, я думала, ты просто презираешь меня за мои неудачи.

– Нет!

Ремис встал напротив меня, положив руки мне на плечи.

– Нет, Алика! Я никогда тебя не презирал, я не умел

справляться со своими страхами и срывался на тебе. И мне стыдно в этом признаться! Да, я боялся. И вот ты падаешь за борт, а потом исчезаешь. Я чуть с ума не сошел за последние полторы недели! Я готов был брать штурмом чертов замок, а самого Кевилса – в заложники. И пошел бы! Если бы не эти маги, которые, кстати, очень даже классные.

Не только Ремис меня плохо знал, но и я, оказывается, почти не знала своего брата. Представляю, если бы Ремис взял в заложники Кевилса, это была бы забавная картина.

– Штурм, говоришь? Заложники?

Я начала смеяться, а потом и Ремис, сначала неуверенно, а потом, уже не сдерживаясь, разразился смехом.

– Дориус меня остановил, – пояснил Ремис сквозь смех, почему штурм так и не состоялся.

– Он, видать, среди них самый разумный?

– Да, так и есть, – продолжил брат, уже немного успокоившись. – Но, я серьезно говорю, Алика. Ты самый близкий мне человек. И пообещай, что никогда больше не совершишь ничего опасного для своей жизни, ладно?

– Я же не специально с баржи грохнулась, и я тоже серьезно. Если бы не Кремер, нас бы с тобой уже не было в живых. Он спас нас обоих.

– Потому что мы выросли у чародеев?

– Думаю, тут нечто большее, но это мы выясним с тобой вместе, хорошо?

– Договорились, сестренка.

Мы обнялись и еще долго стояли обнявшись. Он гладил меня по спине и не желал отпускать. Я надеялась, что он переживает из-за моего исчезновения, но то, что он хотел пойти штурмом на замок, – это было за гранью моих фантазий.

– Ты сказал «полторы недели»?

Я отстранилась все-таки от Ремиса, когда вспомнила о количестве дней страданий Ремиса.

– Полторы недели... Это нас с Кремером так долго не было?

– Да, – Ремис нахмурил брови, – а что? Тебе казалось иначе?

– По моим ощущениям, наше небольшое приключение длилось пару дней. Да, время там течет иначе.

– Так где же вы были?

– Из реки мы попали в нечто вроде портала для входа к Фейсалу, потом были, собственно, в Эвладии, затем короткая остановка в землях Хафисвальда и затем вновь у Фейсала. Ах, да, на обратном пути к Земле я еще заскочила к Дуфф-Кайдену.

– Звучит весело, – Ремис хмыкнул, – подожди, так ты побывала в аду, прямо в буквальном смысле?

– Можно и так сказать.

– Ладно, оставлю пока тебя, потом расскажешь подробности. Ты явно устала, но я все равно хочу услышать все детали, особенно про Фейсала и Дуфф-Кайдена.

– Договорились.

Ремис быстро обнял меня и направился к двери, у которой остановился и с улыбкой сообщил:

– Я люблю тебя, сестренка, и хочу, чтобы ты знала: я очень горжусь тобой!

– Спасибо, я тоже тебя очень люблю, Ремис.

– Кстати, могу принести Кремеру одежду, его лохмотья можно смело выкинуть.

– О, спасибо, было бы здорово.

Ремис кивнул мне, подмигнул и покинул спальню.

Глава 39

Когда Ремис покинул комнату, я закрыла дверь на замок и убедилась, что к нам никто не войдет. В комнате остались только Кремер и я, а еще мои хаотичные мысли. Да и Ремис подкинул пищу для размышлений, но рефлексировать по этому поводу я буду позже, а пока мне хочется побыть с Кремером наедине.

Оттолкнувшись от двери, к которой прислонилась, прислушиваясь к удаляющимся шагам Ремиса, я направилась к широкой кровати с массивными деревянными ножками. Она была огромной, но из-за развалившегося на ней Кремера визуально уменьшалась. Заметно было, что матрас прогнулся под тяжелым телом чародея, но при всей своей массивности Кремер выглядел уязвимым, как никогда ранее.

Присев на край кровати, я вплотную прижалась к нему и с минуту просто вслушивалась в его дыхание. Мои руки сами тянулись к его телу, я смахнула прядь волос с его лба и указательным пальцем провела по его бровям. Мне просто невыносимо хотелось касаться его, знаю, что он сейчас меня не чувствует, зато я чувствую его, и мне дышится намного легче, когда я просто нахожусь рядом с ним.

Перед глазами мелькали события, через которые мы прошли, а также слова, произнесенные нами друг другу, от неко-

торых своих слов я бы сейчас отказалась, а может, и нет. Ведь именно наши разговоры в итоге сроднили наши сердца, души и даже тела. Порой глупые слова, а порой сказанные на эмоциях, но все это останется между нами. Мне хочется надеяться, что все плохое останется за пределами воспоминаний, а все яркое и согревающее сердце – укоренится в наших душах.

Я всматриваюсь в лицо Кремера и понимаю, что отдала бы сейчас свое бессмертие, только бы мой мужчина открыл глаза, самого красивого карего, почти черного цвета глаза, один взгляд которых способен усмирить мой огонь, но чаще эти глаза могут разжечь самое яркое пламя в моем сердце. Я нежно поцеловала своего наемника в губы и прошептала:

– Я люблю тебя. Кремер, пожалуйста, открой глазки ради меня, вернись ко мне.

Но чародей продолжал лежать с закрытыми глазами и ровно дышать, словно пребывал в глубоком и спокойном мире сновидений.

Ожидание может сыграть злую шутку с тем, кто ждет пробуждения своего любимого от чего-то ужасного: комы – у людей или исцеления от смертельной раны – у бессмертных. Ты в этот момент проигрываешь различные сценарии: «а что, если...», «а вдруг?». И чем дольше ожидание, тем страшнее финальные сцены этих самых сценариев у тебя в голове. Сложно сохранять рассудок в такие моменты, теперь мне в полной мере понятны страдания людей, кто вот так

просиживает у кровати своего близкого человека. Сердце замирает при самом мимолетном движении Кремера: вот он поджал губы, а вот его глаза двигаются под закрытыми веками. И я всматриваюсь и всматриваюсь, ища малейший признак пробуждения, сердце то замирает, то начинает биться как сумасшедшее, готовое выпрыгнуть из груди.

Чародеи быстрее всех из бессмертных исцеляются и излечивают раны, но почему сейчас, когда Маркус вытащил эту гадость из Кремера, мой мужчина все еще не пришел в себя? Сколько нужно еще времени, чтобы я смогла услышать его голос, сказать ему «привет», чтобы мы могли обняться, чтобы уже никогда не отпускать друг друга?!

Но, а если все-таки он, как после «курортного романа», передумает быть со мной? Что, если после встречи с Кевилсом, тот сможет убедить Кремера, что Источник – не самая лучшая пара для чародея? Что, если...

Черт! Хватит!

Я не могу сомневаться в нем! Не сейчас, не после того, что он сделал для меня. Он заслуживает большего! Ему нужны мои любовь и забота, даже если он самый сильный мужчина на земле, я нужна ему! А он нужен мне, как кислород для поддержания огня, как воздух, без которого я не смогу дышать. Я люблю его, и каждой клеточкой своего тела, и каждым ударом сердца сделаю его счастливым.

Чтобы не сойти с ума от ожидания и не повторять, словно мантру: «Я верю тебе, Кремер, я верю тебе, верю!», я решила

занять свое время тем, что однозначно может переключить мою голову на что-то иное.

Душ. Да, мне нужен... от стука в дверь я подпрыгнула и чуть не свалилась с кровати. Прежде чем пойти к двери, я с надеждой глянула на Кремера: а что, если он проснулся от стука?

А что если, Алика, ты уже возьмешь себя в руки, откроешь дверь и перестанешь вести себя, как истеричка? Хороший план. Так я и поступила. Передо мной предстала Элли в махровом халате, а ее волосы были туго завязаны в узел.

– Привет, я собиралась уже спать, но подумала, что у Ремиса тут нет ничего, что могло бы тебе понадобиться.

Элли протянула мне свернутые полотенца и еще какой-то мешок.

– А еще Ремис тут собрал вещи для Кремера.

– Ой, спасибо, я как раз хотела пойти в душ, полотенца мне точно понадобятся. Спасибо, Элли.

– Могу я войти?

Этот вопрос был явно лишь неким подобием вежливости, ведь как только я забрала полотенца, Элли уже стояла в комнате и смотрела на Кремера.

– Да, конечно, можешь, Элли. – Прочесала я и даже не пыталась скрыть свое недовольство вторжением. Мне хотелось остаться с Кремером наедине.

Но блондинка этого и не заметила или ей плевать на мой тон.

– Странно, что он еще не пришел в себя, чародеи быстро исцеляются.

А может, я зря так с Элли? Мне не помешает сейчас отвлечься немного и не прятаться в своих страхах насчет судьбы Кремера.

– Меня тоже это смущает, – ответила я, пока относила полотенца и мешок в ванную.

– Ой, ты мешок в ванную не уноси, а то одежда может намочнуть. Решила поделиться своим гардеробом, а то твой не подходит для роли сексуальной медсестры, если ты понимаешь, о чем я, – прощепетала Элли и подмигнула мне, когда закончила с советами.

– А у тебя есть просто футболка и, может... джинсы?

Мог ли мой голос звучать более жалко? Но я не привыкла носить такие яркие наряды, как у Элли.

– Ты, должно быть, шутишь?

Элли развернулась ко мне и сделала шаг назад, словно я ее ударила.

– Ну, если ты не заметила, у меня нет причин наряжаться.

– Ты красивая молодая женщина – этого достаточно, плюс у тебя в кровати лежит прекрасный представитель бессмертного рода.

– Этот представитель без сознания, а я хотела бы принять душ и поспать.

Элли прикусила губу и о чем-то задумалась, ее красивое личико немного скривилось. О чем бы она сейчас ни думала,

но только явно не о шмотках.

– Выкладывай, Элли. Ты же мне не пару уроков по сексу пришла преподавать?!

Элли выпрямилась, гордо вздернула подбородок и выпалила:

– Ты права, я беспокоюсь не о твоём стиле. Я хотела убедиться, что ты займешь Кремера на всю ночь и нам не предстоит сражение с ним хотя бы до утра.

У меня отпала челюсть.

– Вы собираетесь напасть на него?

– Дориус и я точно нет, а Маркус – вспыльчивый парень. Ты не знаешь, но у него пропала сестра и...

– Я знаю про Кремера, Маркуса и его сестру. Кремер мне рассказал. Но, уверяю тебя, Кремер не станет нападать, и я не позволю этому случиться. Что я могу сделать, чтобы Маркус... сдержал себя?

– Полагаю, убийство Кремера – не вариант?

Тон Элли был серьезным, но глаза выдавали веселье.

– Этому я тоже не позволю случиться.

– Я лишь хотела убедиться в том, что нас с Дориусом ничего не отвлечет сегодня ночью.

Блондинка заговорщически мне подмигнула.

– Слушай, там, в гостиной я ведь не всерьез угрожала Маркусу. Я не стала бы причинять ему вреда. Могу тебя заверить, у нас было с Кремером время обсудить все детали существования магов и чародеев. Я не угроза для вас, это я

могу пообещать тебе.

– Надеюсь, ты говоришь правду и не передумаешь после умопомрачительного секса, – уже более серьезно ответила магиня, сверля меня взглядом и ища признаки видимой опасности для себя и других.

Знаю, мне не под силу убедить Элли, да и остальных магов в том, что чародей, который находится в их доме, не причинит им вреда. Во всяком случае мне потребуется время, чтобы мне поверили, мне самой оно понадобилось, прежде чем я научилась доверять Кремеру. Но я и раньше испытывала чувства к чародею, пусть это была сильная симпатия, но все же. А эти маги не испытывают к Кремеру никаких чувств, кроме ненависти и, пожалуй, заслуженной.

– Элли...

Я взяла ее за руку, она не отпрянула от меня и не противилась прикосновениям.

– Сегодня я не смогу найти подходящие слова, способные заверить вас в том, что вам ничего не угрожает, но могу тебе сказать, что как Источнику мне тоже угрожает опасность, и даже большая, чем вам, и в моих интересах, чтобы меня окружали маги. Живые маги. В это, надеюсь, ты можешь поверить? Вы нужны мне, чтобы научиться использовать свои силы, нужны, чтобы помочь мне освоиться в мире магов.

– В это я могу поверить, – Элли широко улыбнулась, – но и ты должна понять – я не дам в обиду парней. Мы живем на свете дольше, чем ты, и за это время научились защищаться

и выживать.

– Охотно верю, – кивнула я блондинке в знак согласия, – от парочки уроков выживания я не откажусь, но только не сегодня, договорились?

– Отлично! А когда покончим с выживанием, я тебе расскажу, где купить красивые платья и дам мастер-класс по стилю и макияжу.

Магиня высвободила руку из моей и, чмокнув два пальца на своей правой руке, отсалютовала мне и прошла на выход.

– До завтра, Алика, – попрощалась Элли, не оборачиваясь.

– Спокойной ночи, Элли.

Я вновь закрыла дверь и посмотрела на вещевой мешок, который висел у меня на руке. Развязала его и заглянула внутрь. Одежды Элли принесла мне с запасом. Я вытряхнула все содержимое на кресло и мысленно поблагодарила блондинку. Тут была уютная пижама, а еще бледно-голубой топ на тонких бретелях и без, слава богам, глубокого выреза. Также была белая юбка свободного кроя чуть выше колена – явно наряд на утро. Одежда, хоть и не такая вычурная, как та, которую я видела до этого на Элли, но более элегантная, чем моя. К моему счастью обнаружился набор нижнего белья: белый кружевной лифчик и крошечные стринги. Надеюсь, мне это подойдет, иного у меня все равно нет.

Захватив пижаму, я направилась в душ. Смыть с себя остатки кошмарного приключения, слезы, кровь и душев-

ные метания – звучит заманчиво. Душевая кабинка оказалась просторной, но довольно спартанской: ничего лишнего, дешевый кафель, одна полка под моющие средства и устаревшего вида душ. При воспоминании о своих последних водных процедурах по телу разлилось тепло. Хотела бы я, чтобы Кремер опять ко мне присоединился, как в прошлый раз. Не самый лучший повод отвлечь себя от терзаний, лучше подумать сейчас о чем-то другом, например, о Фейсале, моем бессмертии и о том, что я должна понять. А если я не выполнила условия «досрочного освобождения»? Что если прямо сейчас Арокх направляется по мою душу?

Я быстро разделась и скользнула в кабинку, плотно прикрыв замутненные, стеклянные дверцы. Не хотелось бы, чтобы Бог застал меня грязной или нагой.

О чем, черт возьми, я сейчас думаю? Но я еще раз проверила, плотно ли прикрыта дверца душевой.

Встряхнув головой, чтобы избавиться от похожих на психоз мыслей, я встала под теплую струю воды. Какое блаженство! Вода немедленно окрасилась в красный цвет, но постепенно кровь смывалась и утекала в слив, а вместе с ней и мои тревоги. Может, все не так уж и страшно? Мне необходимо выспаться, обнять Кремера и встретить утро нового дня с большим оптимизмом. Я так привыкла к своим неудачам, что сама себя настраиваю на плохой исход всего, что бы я ни делала. Сегодня я стала бессмертной, стала сильнее, а завтра будет другой день, и иногда просто надо поверить, что

завтра все изменится к лучшему, даже если у тебя привычка мыслить иначе, даже если твой разум и логика не позволяют надеяться на лучшее, необходимо заставить себя верить сердцем, отключив мозги, хотя бы на время.

Покончив с душем, просушив волосы полотенцем и обернув вокруг себя полотенце, я вышла из душа с верой, что завтра стану другим человеком, вернее, магом.

Открыв дверь, я чуть не вскрикнула от неожиданности. Вместо крика, сдавленно прошептала:

– Кремер...

Он позволил двери ванной комнаты открыться полностью и дождался, когда я обрету способность двигаться.

– А ты ждала кого-то другого?

Медленно, очень медленно уголки его губ начали подниматься, превращая суровое лицо в счастливое, улыбающееся и такое любимое.

Совершенно наплевав на то, что я лишь в одном полотенце, а Кремер весь в крови и пыли, я запрыгнула прямо в его сильные руки, которые подхватили меня и прижали к себе.

– Ой, прости!

Я поцеловала его в губы, впитывая в себя его силу, наслаждаясь его горячим дыханием, его нежным губами, хотя поцелуй был совсем не нежным. Мы ударились зубами и все никак не могли сбавить темп и хоть немного притормозить. Не знаю, о чем сейчас думал Кремер, но я буквально физически пыталась убедиться, что он жив и со мной. Как будто

поцелуй мог забрать все сомнения и даровать уверенность в реальность происходящего. Я не верила глазам, но пыталась довериться своим коже и дыханию.

Ногами я обхватила талию Кремера, а руками его шею. Остатками разума я понимала, что он еще не полностью восстановился и душить его в объятиях – не лучший способ заботы о его благополучии, но не могла ничего с собой поделать. Мне было его мало, я желала быть к нему настолько близко, что становилось непонятно, где заканчивается Кремер и начинаюсь я? А то, что Кремер не противился, распляло меня еще сильнее. Он тоже желал стать одним целым?

– Кремер, – я оторвалась от его губ, – ты жив, я так...

Я не знала, что хотела ему сказать. Я так – что? Я так рада, что маги спасли его? Да. Я так рада, что он, придя в себя, не сбежал от меня? ДА!

– Я жив, Алика. И я хотел бы знать причину этого чуда, но сейчас мне важнее принять душ и затащить тебя в кровать!

Кремер, улыбаясь, начал играть бровями: верх-вниз, верх-вниз.

Я рассмеялась, наверное, меня слышал весь дом, но плевать! Наемник в отличном настроении, с меня словно скатилась волна облегчения, словно все мои сомнения, страхи и нервозность ожидания, когда Кремер придет в себя и что за этим последует, – все вмиг свалилось с моих плеч.

– Тогда душ!

Быстро чмокнув его, я опустила ноги на пол и, взяв Кре-

мера за руку, потащила его в ванную.

Прежде чем начать раздеваться, Кремер закрыл за собой дверь и, посмотрев на меня, неуверенно спросил:

– А где мы? Я точно не узнаю это место.

– Кстати, об этом... – вот мы и подошли к ключевому моменту. – Мы у магов в доме, и то, что ты сейчас дышишь, – заслуга Маркуса, вернее, всех магов, но в основном Маркуса. Он спас тебя.

Руки Кремера замерли где-то в районе его ремня. Но его лицо тоже в некоторой степени замерло – он только моргал и не произносил ни слова.

– Да, – я кивнула, думая, что это придаст моим словам весомости, – знаю, верится с трудом. Но все маги в этом доме объединились и... – я жестом руки указала на Кремера, – как результат этого – ты жив.

Тишина. Наемник просто замер, он, если бы не судорожное моргание, был бы прекрасной статуей. Он зол, он взбешен, что я позволила быть ему столь уязвимым при магах, он рад?... Боги, да будь прокляты умения Кремера не показывать эмоции!

– Я знаю...

– Маркус? – прервал меня Кремер. Хотя я и сама не знала, что собираюсь сказать. – Вместо того чтобы добить, он спас меня? Seriously?

– Ну он был немного мотивирован, – начала я неуверенно.

Единственное изменение на лице Кремера – его бровь, ко-

торая сейчас просто плыла вверх, еще немного, и она устроит романтическую встречу с его волосами на затылке.

– Ладно, я ему угрожала, а остальные маги, вероятно, были слишком шокированы, чтобы спорить со мной.

– Ты угрожала Маркусу?

Кремер немного расслабился, а меня это, наоборот, напрягло. Он что, радуется, моему предполагаемому противостоянию с магами?

– Мне надо было заставить его помочь тебе, а он, как ты понимаешь, не горел желанием спасти тебя!

– Вот в это я верю охотно.

Кремер хмыкнул и продолжил раздеваться, что заставило меня отвлечься от нашего с ним разговора, поскольку сложно не упустить нить беседы, когда Кремер расстегивает ремень, а затем стягивает с себя брюки. Нижнее белье тоже не задержалось на чародее, а потом и футболка исчезла. Медленно, очень медленно я устроила путешествие своему взору по самому сексуальному, горячему мужскому телу. О, как я хотела вслед за своим взглядом пустить в ход руки, а затем пройтись по его груди, а затем...

– Алика! Подними глаза на меня.

Я и подняла, я уже дошла до его темных сосков...

– Алика! Выше, еще выше... посмотри мне в глаза.

– Что?

– Я спросил, как мы очутились у магов? Последнее, что помню, ты хотела оказаться у Кевилса.

Да, он хочет информации, а я тут плююсь.

– Да, я встретила Дуфф-Кайдена, и он...

– Бога?

О, теперь на его лице действительно эмоции – шок.

– А ты знаешь кого-то другого с таким именем?

Забавно, но сейчас в разговоре с Кремером я уже не ощущала себя смертным неудачником, я воспринимала себя ровней Кремеру. И я точно знаю – он это оценит. Он не любит слабость.

– Хорошо.

Наемник открыл дверцу душа и шагнул внутрь.

– Хорошо, что я большую часть событий не помню. Черт, правда! Дуфф-Кайден, Маркус, маги. Они спасли меня. Мир перевернулся!

Я присела на крышку унитаза и всматривалась в силуэт чародея, который я лицезрела сквозь матовое и запотевшее стекло душевой кабинки. При этом я ощущала абсолютное спокойствие. Так и должно быть, этот перевернутый мир – это теперь наша с Кремером жизнь, которую мы оба выбрали. Мы рискнули, мы влюбились и мы сделали ставку на нашу веру друг в друга. Сейчас тут – в ванной комнате мы с Кремером одни из самых сильных бессмертных, которые должны быть врагами. Мы закрылись в комнатке пять на пять метров, и эти метры способны перевернуть все существование бессмертной вселенной.

Пока Кремер намыливался и восстанавливался под очи-

щающей в широком смысле водой, я пересказала ему все, что произошло с нами, пока он был без сознания. Он не перебивал меня, а лишь редко задавал уточняющие вопросы. Разговаривал он в своей привычной и спокойной манере, что теперь и для меня являлось лучшим успокоительным. Его уверенность, его опыт и его любовь ко мне, а главное – его уважение ко мне – это самое сексуальное и желанное, что я могла ожидать от своего мужчины. Уважение, любовь и вера в свою женщину – разве может быть хоть что-то более сильное, что способно захватить все твое сердце?

Когда Кремер выключил воду, я решила встретить его с полотенцем и объятиями, которых, теперь, я это точно знаю, Кремер жаждет так же, как и я! Дверцы распахнулись, и ничто не смогло оторвать меня от капелек воды, скатывающихся по смуглой коже наемника. Мокрые локоны его темных волос стали еще темнее, как и взгляд, что был сосредоточен на моей груди, которую скрывало полотенце.

– Сними его!

Это прозвучало не как просьба, а как команда.

Я не противилась, с радостью выполняя его приказ. Да, сила Кремера – лучший афродизиак для меня.

– Хватит разговоров, Кремер, – я скинула полотенце и сделала шаг к нему, – ты долго восстанавливался, и теперь я хочу, чтобы ты восполнил все мои минуты ожидания!

– Твои глаза...

– Я стала бессмертной, да, но ты же не...

– Они прекрасны, – Кремер улыбнулся и прислонил ладонь к моей щеке, – хочу посмотреть, как будет меняться их цвет в зависимости от твоих эмоций.

На этих словах Кремер подхватил меня на руки и понес к кровати, я уже знала, что эта ночь будет для нас особенной, как и любая другая, когда я в руках этого мужчины, который любит меня, ценит и уважает. Он поклялся оберегать и защищать меня даже ценой собственной жизни. Что может быть более сексуальным?

Глава 40

Я проснулась от звука тяжелых шагов, раздававшегося где-то за дверью. Они были нетерпеливыми и если бы они могли кричать, то мы с Кремером услышали бы нечто наподобие: «Просыпайтесь, ублюдки!». В комнату не стучали, нас не звали, но нам ясно давали понять, что нас ожидают все обитатели дома и что они готовы ко встрече с нами.

Кремер почувствовал, когда я проснулась, поскольку его рука, до этого неподвижно лежавшая на моей спине, теперь ласково гладила меня, успокаивая.

– С добрым утром, и нет причин вздрагивать, милая.

Он прошептал это хриплым сексуальным голосом, от чего я еще плотнее прижалась к его груди.

– С добрым утром, – я поцеловала его в грудь, – хорошо спал?

Как же мне нравятся эти утренние разговоры. Никто никогда не говорил мне таких слов, вернее, никто после смерти родителей. Никто, казалось, не радовался, что вновь увидел меня утром нового дня. Слова Кремера согрели меня и окутали теплом. Даже если это банальные слова, для меня они очень важны.

– Я спал, – ухмыльнулся Кремер и продолжил, – что странно, учитывая окружение. Но теперь я полностью вос-

становился и готов выйти из комнаты. Один вопрос: а где мой пояс?

– Под кроватью, я его спрятала от магов на всякий случай. И чтобы в то же время он был рядом с тобой.

– Бабай под кроватью! Ты спрятала монстра под кроватью. Мы оба рассмеялись, а потом поцеловали друг друга.

Как же я хочу, чтобы каждое утро было похожим на это! Но разве что без приключений, которые предшествовали этому утру.

Мы оба прошли в душ, в котором у нас был умопомрачительный секс, затем оделись: я в вещи, которые мне принесла Элли, а Кремер – в те, которые собрал для него Ремис. Я надеюсь, что это одежда брата или хотя бы Дориуса, поскольку если Маркуса, то будет неловко, когда эти двое встречаются.

Кремер взял мою руку в свою и, открыв дверь, вывел меня из спальни. Нас встретил полумрак. Очевидно, маги не заботились о хорошем освещении длинных коридоров. Вчера у меня не было настроения рассматривать обстановку, но сегодня я могла отдать должное вкусу магов: дом не казался большим, но строился он основательно и с пристрелом на долговечность. Стены из клееного бруса, от которых исходил великолепный запах кедра, что создавало ощущение единения с природой, учитывая, что скорее всего дом был построен далеко от города.

На стенах я не нашла картин, украшений или хоть малей-

шего декора, но во мраке коридора все это было бы лишним и неуместным. Все, что украшало эти коридоры, это мягкая текстура и цвет стен, а также запах, который они источали.

– Нервничаешь? – прошептал мне на ухо Кремер.

– Нет.

Я рада, что мой голос звучит твердо, поскольку на самом деле я нервничаю. Но я не пыталась обмануть Кремера, я пыталась приободрить себя и заставить свои дрожащие колени верить своему голосу. Нет, мне не было страшно, просто я переживала о том, как пройдет встреча чародея и магов и каковы будут ее последствия. Возможно, это будут взрывы, разрушение дома, а заодно и всего живого на километры вокруг него.

Понятия не имею, где кухня, но шла я на запах свежесваренного кофе. В доме было тихо, словно шум шагов, который разбудил нас, выполнил свою функцию и сбежал из дома, забрав с собой все остальные возможные шумы: звуки открываемых шкафов, льющейся воды, разговоров или хотя бы банального чихания, а теперь все замерли в ожидании бури и катастрофы.

Увидев Маркуса, я поняла, что кухню мы нашли. Маг стоял спиной к нам, его блондинистая голова немного наклонена, но вздернулась, и все его тело напряглось, когда он заметил наше появление.

– Доброе утро, Маркус, – поприветствовала я мага.

Кремер молчал.

Маркус резко развернулся к нам, но не смотрел на меня, его прищуренный взгляд был прикован к Кремеру.

– Доброе ли?

Маркус широко расставил руки и облокотился на столешницу. Его поза выражала угрозу, а не расслабленность.

– Можно кофе? – Задала я вопрос, немного нервничая.

Кремер же не ответил Маркусу, просто сел за стол, развалившись на стуле, я закатила бы глаза от соревнования тестостерона между этими двумя, но хотелось все-таки кофе и мирного неба над головой.

– Конечно, почувствуй себя как дома, – Маркус хмыкнул, его ответ был направлен почеркнуто лишь на меня.

Маркус рукой указал на кофе-машину и затем ткнул пальцем в шкафчик, что был слева от него. Пройдя мимо мага, он даже немного сдвинулся, чтобы пропустить меня. Я взяла две чашки из шкафа и направилась к кофе-машине, попутно удостоверившись, что эти двое сверлят друг друга глазами.

– Я бы налил сам кофе из вежливости, но не рискну повернуться спиной к чародею даже ради соблюдения правил этикета.

Маркус явно пытался заставить Кремера говорить или хоть как-то уже отреагировать, но тот продолжал молчать. Ни его поза, ни выражение лица не выражали никаких эмоций. И это не сулило ничего хорошего, Кремер находился в состоянии войны. Он надел свой пояс, Маркус это тоже заметил, и они ждали, кто нанесет первый удар. Ждали, но по-

ка сдерживались.

– Тебе кофе со сливками? – Спросила я Кремера настолько умиротворенным голосом, насколько это вообще возможно. Более радостно звучит только песнь соловья при встрече с теплым солнцем весной.

Не успел Кремер ответить, как вмешался Маркус:

– У нас нет сливок!

Он бы еще сказал, что в этом доме для чародея нет кофе, воды и воздуха, но сдержался, а я заметила, что ногти Маркуса буквально впились в поверхность столешницы.

Эти двое сейчас накинутся друг на друга. Напряжение висело в воздухе. Где Ремис? Мне бы не помешала подмога, Ремис не испытывает ненависти ко всем чародеям – я уверена в этом.

– Спасибо. – Кремер ответил сухо, с тенью сомнения, но все-таки довольно твердо.

Странно, так Кремер со мной еще никогда не разговаривал. И хотя благодарить пока не за что, ведь кофе я еще не приготовила, старая кофеварка медленно тарыхтит, выдавая мелкими каплями долгожданную бодрящую жидкость. Но что-то в «спасибо» Кремера было такое, что заставило оторваться от труда баристы.

Потом мне стало понятно, что слова были адресованы Маркусу, и это заставило мага напрячься еще сильнее, если это вообще было возможно. Маг ничего не отвечал, но его руки теперь были сжаты в кулаки, губы плотно сжаты, словно

теперь он изо всех сил старался сохранить молчание и никак не отвечать Кремеру.

– Спасибо, что спас мне жизнь, Маркус.

В этот момент кофеварка решила издать жалостливый писк, извещающий меня и мага, готового вцепиться в глотку чародею, что кофе готов и можно наслаждаться утром. Но вместо этого Маркус отошел от столешницы и сделал угрожающий шаг к чародею. Я напряглась, готовая кинуться на защиту Кремера, но наемник, кажется, совсем не спешил защищаться, он просто поднял голову, чтобы лучше рассмотреть Маркуса, который теперь возвышался над развалившимся на стуле Кремером. Маркус разве что не пыхтел дымом от злости.

– Не заблуждайся, чародей! Ты жив только по одной причине – Алика умеет уговаривать! Не думай, что я хоть на минуту рад, что мне вместо того, чтобы прикончить тебя, пришлось помочь Источнику тебя исцелить!

Маркус выплюнул слова сквозь сжатые зубы, иначе он бы эти слова прорычал – не иначе. Кремер лишь медленно кивнул, не сводя взгляда с Маркуса.

– Она жива.

Слова Кремера были чуть громче шепота, но они заставили замереть меня с горячей чашкой в руке где-то на полпути к Кремеру, а Маркуса – отшатнуться от чародея, столкнуться со столешницей так, что задребезжала стоящая на ней посуда.

Маркус заметно побледнел, губы задрожали, и, могу поклясться, глаза его заблестели от слез, которые грозились пролиться. Но маг встряхнул головой и, быстро взяв себя в руки, опять сделал шаг навстречу Кремеру.

– Заткнись, ублюдок! Заткнись!

Последнее слово Маркус прокричал так громко, что даже я вздрогнула, но Кремер не шелохнулся.

– Я заткнусь, но разве ты не ищешь сестру?

– Если ты знаешь, где она, – говори, в противном случае – заткнись! В этом я с Маркусом согласна! – Почти пропела Элли.

Я пропустила момент, когда вошли Элли и Дориус, но за их спинами я заметила еще и Ремиса. Вероятно, они слышали диалог, поскольку сразу поняли, о чем идет речь.

Мне неизвестно, знает ли Кремер о местонахождении сестры Маркуса. Его заявление даже меня поставило в тупик, что уж говорить о брате, который давно ищет свою сестренку!

Мне не хотелось, чтобы он причинял боль Маркусу. Понимаю, что Кремер не из тех, кто кидается словами, только чтобы причинить боль, он скорее запустит склянкой в лоб, но боль, которую сейчас я могла видеть в глазах Маркуса, заставила меня обратиться к Кремеру:

– Кремер, прошу тебя, если ты знаешь, где сестренка Маркуса, скажи прямо сейчас.

Надеюсь, мой тон не оскорбил его. Меньше всего хоте-

лось бы, чтобы на глазах у брата и других магов мы с Кремером начали выяснять отношения. Но по тому, как смягчились черты лица Кремера, мне стало понятно, что он понимает меня и осознает мою озабоченность как никогда.

– Точно я не знаю...

На этих словах мужчина отвернулся от меня и теперь смотрел исключительно на Маркуса, который к этому времени разве что не сидел на полу – так слабо и уязвимо он выглядел.

– ...но примерно год назад я встретил ее в землях торговцев...

– В качестве кого? – Жестко спросил Дориус.

Может, Маркус и сам бы спросил, но он явно пребывал в шоковом состоянии.

В землях торговли время от времени продают женщин для разных целей, но ни одна цель не является пределом мечтаний женщин. Слышала, что на эти рынки попадают не только бессмертные, но и смертные женщины. Так что я могу понять, почему Дориуса в первую очередь интересовал именно этот вопрос.

– В качестве покупателя.

Кремер продолжал смотреть только на Маркуса, словно понимая, что все слова, которые сейчас произносятся на маленькой кухне, больше всех впитывает в себя именно он.

– Она была ранена? – Элли тоже беспокоилась, даже из ее тона исчезла вся ее бывшая легкость. – И как ты можешь

судить, что это сестра Маркуса, а не кто-то еще? Она что, представилась тебе?

Вот теперь Элли больше походила на себя, последние слова она произнесла с плохо скрываемой насмешкой.

– Нет, раненой она не была. Впрочем, могу сказать, что, хоть она и пыталась скрыть свою внешность под плотным капюшоном, когда я решил проследить за ней... – на этих словах Маркус зарычал, но Кремер махнул головой, попытался его успокоить, продолжив, – я пытался проследить за ней, поскольку внешне она мне чем-то напомнила тебя, Маркус. И я помню тот случай, когда мы с тобой в последний раз столкнулись лицом к лицу, а еще – что *именно* ты говорил мне. Так что следил я за ней только потому, что этот маг показался мне твоим воплощением, только в женском обликии.

Кремер сделал паузу, чтобы дать время Маркусу переварить сказанное?

– И? – Маркус хотел узнать, что было дальше. – Что ты сделал, когда настиг ее?

Маркус немного выпрямился, первый шок прошел, и он стал возвращаться в свое привычное состояние: дерзость, смешанная с циничностью, и все это в обертке из упрямства и самоуверенности.

– Я не смог ее настигнуть, она почуяла слежку и использовала кристалл для телепортации.

Маркус довольно хмыкнул, услышав эти слова Кремера, он оценил проворность сестры. Я, хоть и не показала этого,

улыбаясь, как остальные маги, но вместе с ними могла оценить хитрость магини, которая смогла обойти сильного чародея.

Ремис встал рядом со мной и вступил в диалог:

– Не слишком полезная информация. Ты говоришь, это случилось год назад, но где она сейчас, ты не знаешь?

– Не знаю, – Кремер пожал плечами, – но мне показалось, что она в полном порядке. Кроме того, – от Ремиса Кремер опять обратился к Маркусу, – и это странно, судя по цвету кристалла, телепорт должен был направить ее к территориям, но я спрашивал, и никто из знакомых мне территорий не слышал, чтобы некий маг ступал на их территорию.

– Возможно, она не стала там задерживаться, а просто пыталась замести следы, – предположил Дориус, – Маркус, это отличные новости!

– Да, мне следует навести визит территориям.

– Не самая умная мысль, позволь лучше мне заняться этим вопросом.

Предложение Кремера шокировало всех присутствующих магов, но только не меня. Я уже знала, что убийство всех подряд магов не входит в число первоочередных задач Кремера. И в то же время он понимает, что для меня важно закрепиться в среде магов, он тем самым помогает мне.

– И с чего бы тебе помогать мне, Кремер?

Маркус же несколько не доверяет Кремеру.

– Например, с того, что я обязан тебе жизнью. Как тебе

такой вариант?

– И я должен поверить, что ты будешь помогать мне найти сестру вовсе не для того, чтобы убить ее?

– Я не стану вредить Алике, а ей будет сложно завоевать доверие магов, если ее мужчина будет их убивать.

Я затаила дыхание и ждала реакции магов. Кремер только что сказал всем, что мы не просто пара, которая прошла через суд Фейсала, мы пара, которая решила быть вместе и заботиться друг о друге. Найти лучший способ объявить об этом я сама не смогла бы придумать.

Все взгляды устремились на меня, а я, чтобы придать непринужденности обстановке, протянула чашку с кофе Кремеру и сама сделала глоток обжигающего, ароматного напитка. Надеюсь, никто не заметил, что мои руки немного трясутся. Черт, кофе оказался настолько горячий, что я выплюнула его на пол, и это было уж слишком для демонстрации непринужденности.

Элли захихикала, Ремис уставился на меня и спросил Кремера:

– Ее мужчина? Что именно ты хочешь этим сказать, Кремер?

– Только то, что она теперь принадлежит мне, а я ей. Не больше, не меньше.

Не больше, не меньше! Думаю, сейчас в моем взгляде читалась абсолютная любовь к этому мужчине и благодарность ему. Он не юлил, не искал подходящей обстановки, чтобы

произнести эти слова, он просто объявил о наших отношениях как о свершившемся факте и, если кто-то с этим не согласен, может катиться в ад. Знаете все эти шоу, которые снимают люди? Где парень нанимает целый цирк соучастников, чтобы преподнести сюрприз своей женщине и как-то необычно сделать предложение руки и сердца? Так вот, эти слова Кремера намного круче! Внутренне я пела, и, если бы не царившее вокруг напряжение, пустилась бы в пляс и закатила вечеринку с шампанским. Вместо этого я сообщила:

– Вы же не думали, что я спасаю его жизнь только потому, что у него красивые глаза и роскошное тело?

Могла бы что-то и более яркое придумать в ответ.

Кремер улыбался, а Элли откровенно рассмеялась. Маркус же хмуро ответил:

– Честно говоря, я именно на это и надеялся!

– Она давно сохла по нему, так что нет, я сразу знал, что тут дело не в цвете глаз Кремера. – это сказал Ремис, мой брат!

Незаметно ото всех он едва улыбнулся мне, давая понять, что он поддерживает меня, несмотря на слова брата, которые вогнали меня в краску. Мои щеки просто пылали. Кремер же пошевелил бровями, смотря на меня, и подмигнул, явно заметив, что я красная как рак.

– Это все замечательно, но не отменяет того факта, что мы враги! – Резюмировал Дориус.

Я резко захотела сменить тему, у меня не было никако-

го желая вернуться к теме войны между чародеями и магами, тем более что даже Маркус уже не смотрел на Кремера так, будто готов убить его на месте. Скорее он сейчас размышлял над тем, как отыскать свою сестру, и почти не прислушивался к нам. Я обратила внимание, что в то время как Кремер сидел за столом, мы, маги, стояли у противоположного края стола, являя собой единый фронт магов против чародеев. Чтобы дать понять, что я остаюсь на стороне и Кремера тоже, я обошла толпу магов и села на колени к Кремеру. Он не возражал и даже помог мне покомфортнее устроиться, обнял за талию, я же решила кинуть бомбу присутствующим, больше я не могла тянуть с этим вопросом:

– Есть более сложная проблема: Фейсал, его решение и Арокх.

– Думаешь, нас накажут за то, что мы спасли Кремера? – Уточнил Ремис.

– Нет, после того как Фейсал приговорил Кремера, он сообщил мне, что у меня есть время до бессмертия понять что-то, а вот что именно, я не поняла. И боюсь, что для меня и тебя, Ремис, еще не все закончено.

Кремер сильнее прижал меня к себе и прислонил щеку к моей голове.

– Алика, ты плохо его слушала, – мелодично проговорил наемник, – ты не поняла суть его слов, да?

Хоть в этом и не слышалось осуждения, но мне стало немного обидно.

– Я была отвлечена тем, что вначале он хотел, чтобы я убила тебя, а потом я пребывала в ужасе от твоего смертного приговора, так что да! Я не совсем вслушивалась.

– Но ты уже сделала все, что от тебя требовалось, и как раз вовремя.

Я не видела лица Кремера, но чувствовала, что он улыбается, хоть и не понимала причины веселья.

– Я сделала?

Что он имеет в виду?

– Дуфф-Кайден не мог помочь мне, тем не менее он помог тебе, направил тебя к магам.

– И в чем смысл? – Вмешался Дориус.

В его голосе слышалось волнение, он тоже переживал за меня и за Ремиса, но это понятно – мы же Источники.

– Если бы маги не помогли мне, как я помог Алике, спасая ее и говоря, что Алика и Ремис не безумные, что они не угроза для всего сущего, то, когда бы я умер, мир знал бы, что чародей умер, а рядом был маг – Источник. Никто бы не стал утруждать себя деталями, все просто знали бы, что магия остается прежней угрозой. Кто-то из чародеев решил бы отомстить за меня. Но Фейсал дал шанс Источникам – доказать всем, что, несмотря на века противостояния, маги способны на сострадание и хорошие поступки. Вместо того чтобы наблюдать за моей смертью, вы объединились и спасли чародея. Вы сломали устоявшуюся систему мнений о магах. Вы доказали Фейсалу, что вы не являетесь абсолютным

злом и заслуживаете шанса на выживание.

Я тяжело сглотнула. В этом был смысл. «Для Источника только вопрос времени, когда они применят свою силу, руководствуясь правильными причинами», – как-то так сказал Фейсал. Причины были неправильными для магов. Они убили бы Кремера или просто позволили проклятью Фейсала завершить начатое, но мы использовали магию не на убийство, а на спасение *врага* магов!

– Так что теперь? Источники освобождены от смертного приговора Фейсала? Он отменил свое решение? – Дориус хотел деталей, и я не винила его в этом.

– Да, но об этом знаем пока только Алика и я, ну теперь и вы. Этого недостаточно. Я планирую поговорить с Кевилсом. Мы встретимся с ним сегодня.

– Мы? – спросила Элли, скрестив на груди руки и вздернув бровь.

– Ремис, Алика и я поедem в замок на встречу к Кевилсу.

– И мы, конечно же, просто поверим, что ты не планируешь заманить Источников в ловушку? – вернулся в разговор Маркус, отложив мысли о сестре.

– И какой смысл в этом, учитывая все вышесказанное? – Парировал Кремер.

– Избавиться от угрозы в лице сильнейших магов, которые в состоянии возродить магию? – произнесла Элли с убийственной улыбкой.

– В мире возникла иная угроза, и маги могут помочь.

А вот это неожиданно, Кремер не говорил мне об этом раньше.

– О чем ты толкуешь? – Нахмурился Дориус.

– Об этом будет говорить Кевилс с Источниками.

Прежде чем маги смогли возразить, Кремер продолжил:

– Это не мой разговор, это разговор главы чародеев с главами магов.

С главами магов?! Это он про Ремиса и меня? Я даже поехала на коленях чародея. Я не задумывалась над подобным титулом.

– Мы слишком молоды, – попытался возразить Ремис. Он, как и я, не мог пока переварить информацию о том, что мы способны стать во главе всех магов. – Чем мы с Аликой можем помочь Кевилсу?

– Давай ты направишь этот вопрос тому, кто соответствует твоему статусу? – Сухо отрезал Кремер.

Он всегда защищал Кевилса и сейчас только подчеркнул, как сильно уважает его. Кремер не стремился заменить собой власть Кевилса, несмотря на наши с ним отношения. За это я уважала наемника еще сильнее, если это было возможным. Я его люблю и восхищаюсь его твердостью и преданностью. Интересно, будет ли когда-нибудь нечто похожее направлено на Ремиса или меня со стороны других магов?

Я встала с колен Кремера и заявила:

– Когда ты хочешь поехать?

– Алика! – Элли обратилась ко мне. – Ты уверена? Ты

точно уверена, что готова вернуться в замок чародеев?

– Я уверена в Кремере, и мне этого достаточно.

– А мы должны сидеть тут и надеяться, что вас не убьют, а затем не придут за нашими головами? Вдруг вы с Ремисом не согласитесь на условия Кевилса?

– Их не будут принуждать, обещаю.

– Ох, ну если только ты обещаешь, Кремер! Ну тогда конечно! Ребята, – Маркус обратился к Элли и Дориусу, – а что если мы пока сходим в кино?

– Маркус, вы можете вернуться в ваш дом и ждать новостей там, я...

– Именно, там нас не ждет ловушка чародеев, так ведь?

Кремер посмотрел на меня, ища поддержки или, возможно, он нуждался только в моем мнении.

– Я еду, – сказала я Кремеру и всем остальным. – Ремис?

– Я не отпущу тебя одну, я еду с тобой! – Ремис произнес это так, словно уже готов к бою.

– Безумие, – Элли качала головой, – это просто безумие!

– Дориус, – обратился к магу Кремер как к самому спокойному в этот момент, – могу я воспользоваться телефоном? Насколько я понимаю, нам понадобятся баржа и машины.

– Да, нам понадобятся две машины, мы следуем за вами, я дам телефон, но если Алика и Ремис не выйдут с нами на связь через два часа после того, как мы разведемся на другом берегу реки, будь уверен – мы уничтожим тебя и Кевилса!

Элли и Маркус улыбались, а Ремис и я ждали реакции Кремера.

– Договорились.

Одно слово, вселяющее доверие и уважение к каждому его слову, – это мой Кремер!

Глава 41

Спутниковая связь творит чудеса! Глухой лес, окружавший прекрасный загородный дом магов, не предполагал даже намека на наличие сотовой связи. Но у Дориуса оказался спутниковый телефон, позволивший Кремеру связаться с Кевилсом. Разговаривали они по-норвежски, мы с Ремисом языка не понимали, сложно сказать, понимали ли другие маги, их лица не менялись, выражая одно: только подставь нас, и ты умрешь!

Я же во время телефонного разговора просто любовалась точеным профилем своего мужчины. Он говорил размеренно, не спеша, а когда замолчал, я немного напряглась. Вдруг Кевилс отдает ему некие приказы, которые могут угрожать магам? Я начинаю думать о магах как о своей семье, которую буду любить и защищать. И хотя эту троицу магов я пока еще знаю плохо, Ремис и вибрация, исходящая от них, создает столь приятное родственное ощущение, словно я оказалась в объятьях мамы.

– Ja (пер.: да)

Ну это слово я поняла, тут не надо быть полиглотом. Он кивнул и закончил разговор. Затем обратился ко всем, не глядя на меня:

– Через сорок минут будет баржа, машины будут ждать

нас на другом берегу. Сколько нам понадобится времени, чтобы добраться туда?

– Минут тридцать, если выйти прямо сейчас.

В словах Дориуса были слышны сомнения, его тон отражал всеобщее недоверие к Кремеру.

– Тогда нам стоит поторопиться.

Кремер поднял меня с колен и поднялся сам, поцеловав меня в макушку.

– Кремер... – голос Ремиса звучал тихо как никогда.

Убрав руки от моей талии и полностью развернувшись к брату, Кремер обратил все свое внимание к Ремису.

– Ты сказал «две машины», – голос Ремиса окреп, – я еду с Аликой, в какой бы машине она ни была!

– Конечно, тем более что маги... – Кремер кивнул головой в сторону троицы, – ...не пожелают ехать в замок.

– Я до сих пор думаю, что и вам с Аликой не стоит туда ехать, – вставила Элли.

– Мы едем, и это решенный вопрос!

Посмотрев на Ремиса, а затем на остальных, я добавила:

– Давайте уже узнаем, что Кевилс желает *нам* сообщить!

Трое магов синхронно сделали глубокий вдох, выдохнули уже не столь синхронно. В головах магов прокручивались разные способы возразить мне, но они не стали ничего озвучивать, а просто последовали к выходу.

При выходе из дома меня охватила некая тревога: что теперь будет, с чем нам придется столкнуться? Но на улице ме-

ня встретил привычный с детства пейзаж. Ели, воздух, довольно прохладное утро, небо – все какое-то родное. Это планета Земля, населенная людьми, тут живем мы: маги, чародеи, вампиры и бессмертные, пожелавшие умереть. И хоть сама местность мне незнакома, привычная природа вокруг придавала сил и уверенности.

До баржи мы шли, как и предполагалось, минут тридцать. Вскоре мы вышли к реке, которая с этой стороны и в этот момент не казалась мне такой уж огромной и непреодолимой, как в прошлый раз. Да и обстоятельства иные. Но все-таки вид реки и противоположный берег, которого мы должны были достичь, возвращали меня к точке, в которой пересеклись наши с Кремером судьбы, объединив и наши жизни. В прошлый раз я бежала от Кремера, а теперь мы держимся за руки, и никто не сможет нас разлучить. Но некий страх перед Фейсалом остался – вдруг он опять запустит свой адский портал, чтобы доставить нас к себе на суд, и сообщит, что я тупица и ничего не поняла?!

– Все будет хорошо, обещаю.

Кремер умеет читать мысли или я настолько не умею скрывать свои эмоции?

Маркус не дал мне шанса ответить Кремеру. Он прошел между нами намеренно грубо, чтобы оттолкнуть нас друг от друга. Мы расцепили руки, чтобы пропустить его, гигантскими шагами направившегося к барже.

– Тебе бы лучше сдержать свое слово! – бросил он, рас-

талкивая нас.

Я не стала заострять внимание на грубости Маркуса, а предпочла продолжить диалог с Кремером:

– Я знаю, просто вспомнила, как мы с тобой были на этой барже и...

– И тогда-то все и изменилось?

Кремер улыбался. Он стал так часто улыбаться, что я уже начала забывать, как воспринимался наемник мною раньше: хмурый, убийственный, холодный. Я подмигнула ему. – Я изменилась, ты изменился.

Не только для меня эта река стала границей между прошлым и настоящим. Кремер тоже может разделить свою бессмертную жизнь на «ДО» и «ПОСЛЕ, даже если не признается мне в этом прямо сейчас.

– Не буду спорить, ты права, – так он признал, что после Фейсала между нами раскрылись двери полного доверия.

Нам не нужно теперь искать подходящие слова, мы прошли через многое, в том числе и через смерть, и после подобного мы имеем бонус – всегда иметь возможность оставаться собой в общении друг с другом.

– Если вы закончили мурлыкать, то мы готовы отправляться! – рявкнул Маркус.

Маги уже были на барже, встав рядом, как на линии огня, не хватает только пушки. Они все еще противопоставляют себя мне. Даже Ремис рядом с ними. Интересно, как Ремис будет вести себя, когда встретит своих друзей-чародеев? Он

поддерживает меня, но не доверяет Кремеру. А что насчет его бравой троицы бездельников-чародеев? Эта мысль заставила меня улыбнуться.

Да, благодаря этой реке я свернула со своего пути, полного страха неуверенности в себе. Те события придали мне сил, и я не о бессмертии сейчас, я наконец-то осознала слова мамы о том, чтобы не забывать, кто я. В то же время, пройдя суд, я поняла, в чем смысл моей силы. И еще могу сказать: если мне вернуть ту чужую – *не мою* жизнь, я бы тряслась от страха при мысли о встрече с Кевилсом, даже когда я была в замке и думала, что я – чародей. Теперь же все сильнее во мне укрепляется осознание того, что я не просто бессмертна, я – Источник. Нравится мне это или нет, готова ли я к этому, но, я – ужас для всех бессмертных, я – надежда для магов, я – новая сестра для Ремиса, я – женщина для Кремира, и я – это я – Алика, готовая признаться сама себе в том, что сильна! Я не просто владею силой, способной защитить себя и близких, я владею силой, с которой будут считаться ВСЕ!

Не оборачиваясь на Кремера, я влетела на баржу, минуя магов. Уже нет нужды убеждаться, последует ли за мной Кремер. Знаю, что последует, как и я за ним. Я потопала к человеку, который управлял тягачом баржи. Белые глаза, ровное выражение лица, машинальные действия. Да, чародеи уже его обработали, но других чародеев тут нет.

– Человек будет в порядке?

Могла бы и не спрашивать, и так знаю, что чародеи не вре-

дят людям.

Кремер подошел сзади и, притянув меня к себе, спокойно произнес:

– Конечно.

Я могла расслабиться и даже положить голову на грудь чародея, но на виду у магов не хотела больше «мурлыкать», как выразился Маркус.

Путь на противоположный берег прошел спокойно, хоть маги и вышагивали по пустой барже, словно выискивая слабые места в жестяном полу. Периодически они кидали на нас с Кремером хмурые взгляды, но чаще смотрели на противоположный берег, о чем-то перешептываясь. Ремис же был где-то посередине: он явно желал влиться в компанию магов, но и между нами с Кремером не хотел прокладывать дистанцию.

Чем ближе мы подплывали к берегу, тем отчетливее были видны два огромных джипа, которые чародеи подогнали к берегу. Это означало, что Кевилс нас ждет. Уверена, машины снабжены лучшей чародейской защитой, и внутри этих «танков» мы будем в абсолютной безопасности.

Когда баржа с хрустом причалила и опустила борт, по которому мы смогли спуститься, я первая ступила на берег. Зато подпрыгнула, когда один из джипов сделал попытку взлететь.

– Что...

Я замолчала, увидев вытянутые перед собой руки Элли и

ее фирменную улыбку.

– Простая предосторожность, я должна снять заклятья чародеев и поставить свою защиту, – она подмигнула Кремеру, – не возражаешь?

– На ней не было заклятий, но продолжай. Ключи в замке зажигания, машина в вашем распоряжении.

Кремер стал подталкивать меня к другому джипу, заодно кивнув Ремису, пригласив его тем самым следовать за нами.

Кремер сел за руль, я полезла на переднее сиденье, Ремис же вскочил на заднее, и, прежде чем закрыть за собой дверь, немного вздрогнул, когда Дориус жестко ухватился за дверцу.

– Ремис, мой номер тебе известен. Если появятся хоть малейшие сомнения, сразу звони мне, – Дориус протянул телефон Ремису, – сразу! Понял?

Кремер не стал вмешиваться в разговор двух магов, я же молча следила за беседующими магами, развернувшись к ним вполоборота.

– Понял, Дориус. Спасибо.

Ремис кивнул и запихнул телефон в карман джинсов. Дориус отошел от машины и захлопнул дверь. Ремис посмотрел в зеркало заднего вида и встретился там с взглядом Кремером.

– Ремис, я не допущу, чтобы у тебя возник повод воспользоваться советом Дориуса.

В ответ Ремис лишь кивнул, пристегнулся и, немного рас-

слабившись, удобнее расположился на сиденье.

Первыми на дорогу вырулили мы, маги не отставали, за рулем в машине магов был опять Дориус. Лица в машине, следовавшей за нами, были хмурыми, им не нравилось происходящее и то, что нам придется расстаться на время. Но ради всеобщего спокойствия я постаралась сама немного расслабиться и собраться с мыслями.

– Тут есть музыка? – Спросила, я Кремера, тыкая в разные кнопки огромной машины.

– Есть, но обожди с ней, я хотел бы вам кое-что сказать.

Я положила руки себе на колени и повернулась к Кремеру, Ремис же выпрямился и ухватился руками за подголовник на моем сиденье.

– Слушаем, – ответила я за нас с Ремисом.

– Я уже говорил, что все чародеи были в курсе, что вы маги, но теперь они все знают, что вы Источники.

Видимо, Кремер, сделав паузу, желал, чтобы мы переварили услышанное.

– И теперь у нас могут возникнуть проблемы? – Уточнил Ремис.

– Не все чародеи, скажем так, были в восторге, когда маги проживали в замке и свободно перемещались по нему, те же самые и сейчас будут против, тем более после того, как узнают, что эти маги – Источники.

– Это не ответ на мой вопрос, – напирал Ремис.

– Пока рядом я или Кевилс, никто не посмеет на вас напа-

сать, но вы должны понять, что чародеям сложно смириться с присутствием Источников в замке. Так что держитесь ближе ко мне и не отходите от меня. Договорились?

Я и так не собиралась отходить от Кремера, насчет Ремиса не уверена.

– Тогда, может быть, лучше устроить встречу с Кевилсом за пределами замка?

Ремису не понравилось предложение Кремера.

– Нет, если мы хотим показать всем чародеям, что, войдя в стены замка, Источники планируют мирно сосуществовать с чародеями. – Кремер говорил тихо, но уверенно.

– А это возможно? – Ремис еще чуть приблизился к Кремеру, – я хочу сказать, нас с Аликой и раньше пытались убить, а теперь?

– А теперь многое изменилось, про решение Фейсала вскоре узнают все – не только чародеи, но и другие бессмертные.

Это прозвучало как неопровержимый факт, с которым Кремер требует смириться.

– И как об этом узнают? В газете напишут? – Хмыкнул Ремис.

– Об этом позаботится Кевилс.

– Хорошо, но, если кто-то попытается сегодня напасть на меня или Алику, я отвечу. Просто чтобы потом без обид.

– Справедливо, но до этого не дойдет.

Ответив Ремису, Кремер посмотрел на меня.

– Алика, меняющийся цвет твоих глаз может шокировать чародеев, но постарайся не делать резких движений и сохранять спокойствие.

– Да, даже для меня это выглядит жутковато. – Ремис ухмылялся.

Он со стрессом всегда справлялся лучше меня. Готова поспорить, когда он достигнет бессмертия, намеренно будет использовать этот трюк с глазами для устрашения.

– Я не чувствую, когда цвет меняется, но я поняла тебя, Кремер.

Лучше буду смотреть себе под ноги, чтобы наше перемирие с чародеями не закончилось, не успев начаться. В то же время я не хочу больше стыдиться того, кем я являюсь. Нет, лучше вступлю в замок с гордо поднятой головой.

Остаток пути мы ехали молча, но по мере приближения к замку мое сердцебиение усиливалось. Ремис все чаще ерзал на заднем сиденье, Кремер же был само спокойствие и сосредоточенность.

Когда мы выехали на гравийную дорогу, которая через пятнадцать километров должна была привести нас к замку, машина магов свернула влево – на дорогу, ведущую к их дому. Кремер это никак не прокомментировал, а Ремис еще какое-то время следил за удаляющейся машиной магов. Все, дальше мы с Ремисом предоставлены самим себе, но не это меня сейчас беспокоило, а, как бы смешно это ни звучало, но меня, как и раньше, беспокоило, как будут на меня смот-

реть в замке.

Чародеи хорошо ладили с Ремисом, я же в их глазах была слабой и трусливой серой мышкой, которую если и замечали, то с плохо скрываемым негативным отношением. От этого мне хотелось стать еще более незаметной и скрыться где-то в темном углу, свернувшись калачиком.

Машина вплотную подъехала к большому металлическому забору с массивными воротами, и сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Теперь я уже не серая мышка, и спрятаться не получится. Я взглянула на Ремиса. Он вытянулся на сиденье в струну, на лице – уверенность и никакого страха. Привычный Ремис, почти привычный. Если добавить дерзкую ухмылку, тогда точно Ремис. Может, мне поучиться наконец-то у брата себя позиционировать? Он и раньше никому не позволял разговаривать с собой свысока, а теперь, когда знает, что он не просто какой-то чародей со средними способностями, а что он – Источник, уверена, Ремис выступит отлично. Да, буду брать пример с брата. В конце концов я тоже – Источник, да еще и женщина самого крутого мужчины среди бессмертных!

Ворота перед нами начали открываться, Кремер тронулся вперед, я улыбнулась ему, а он одарил меня ответной улыбкой и подмигиванием. Это помогло мне успокоить бешеный ритм сердца. Почему я так переживаю о том, что обо мне подумают? Пусть лучше Кремер переживает, а у меня все отлично. Я люблю его, он любит меня, и с толпой чародеев мы

уж как-нибудь разберемся. После всех перипетий, через которые мы прошли с этим чародеем, косые взгляды бессмертных не должны казаться мне проблемой.

Да, я готова к встрече с чародеями!

Глава 42

Кремер припарковал машину, и тут же из замка начали выходить чародеи. В окнах я тоже заметила любопытствующих, но пока никто из них не вызывал чувства тревоги, несмотря на то, что все были при своих поясах.

– Пойдемте, – пригласил нас Кремер.

Кремер заглушил двигатель и открыл свою дверь. Обойдя джип, подошел к моей двери и открыл ее, подав мне руку.

Это был не просто джентельменский жест, это скорее демонстрация окружающим, что чародей со мной и если кто-то вздумает напасть на меня, то будет иметь дело с самым сильным наемником.

Отстегнув ремень безопасности и приняв предложенную мне руку, я уверенно ступила на землю чародеев. Поправила волосы, откинув пряди волос себе за плечи, и развернулась к толпе, что теперь заполнила всю лестницу, ведущую в замок.

Ремис уже стоял по правую руку от меня, левую же руку надежно, но нежно удерживал Кремер. Наемник повел нас в замок. Никаких последствий недавней нашей с Ремисом попытки вырваться из замка я не обнаружила. Отлично прибрались, что тут еще добавить? Окна на месте, машины целые, дверь не треснутая – все как обычно. Разве что толпа чародеев все прибывала и прибывала. Помня о цвете глаз, я

постаралась шагать плавно и не делать резких движений, зато Ремис явно забыл о предупреждениях Кремера. Он поднял руку и махнул чародеям к плохо скрываемому ужасу последних.

– Всем привет! – Громко поприветствовал чародеев Ремис.

Кремер только вздохнул на этот жест Ремиса и ничего не сказал, продолжая сопровождать нас в замок.

Когда мы поднялись на верхнюю ступень лестницы и дошли к огромной деревянной двери с тяжелыми бронзовыми крепежами и ручкой, нам навстречу вышла троица друзей Ремиса. Вид у них был взволнованный при виде Ремиса и еще более взволнованный при виде меня. Ах да, мои глаза! Видимо, они поменяли цвет, и это шокировало чародеев. Интересно, выкинут они очередную шутку, направленную против меня, или на сей раз не рискнут? Внутренне я даже посмеялась над их изумленными лицами. Так-то!

– Ремис... – начал было Вилфред, но остановился, когда Кремер его прервал.

Вилфред – один из первых друзей Ремиса. Как всегда, очень модно одет, с огненно-рыжими волосами, неземного цвета глазами и доброй улыбкой. Они подружились, когда им было по девять лет. После к их теплой компании присоединились Джаник и Олав. Но именно Вилфред был ближе всего к Ремису, они чаще закрывались в комнате, и одному Дuff-Кайдену известно, что эти двое там делали.

– Привет, парни, я... – Кремер прервал и Ремиса. – Не сейчас, пообщаетесь позже, нас ждет Кевилс.

Кремер сделал шаг внутрь замка и ждал, когда Ремис и я последуем за ним.

– Да, конечно, – Ремис немного нервно глянул на Кремера, – да, пойдём.

Ремис, больше не глядя на друзей, последовал за мной и Кремером.

Мы оказались в большом холле, и мне пришлось тяжело сглотнуть, потому что резко подступившая тошнота грозила обернуться кошмаром, и все это оттого, что мы были буквально окружены чародеями. Такого скопления чародеев я, пожалуй, никогда и не видела, разве что на празднике Морифа. И хотя эта толпа бессмертных не тянулась к своим зельям, но на всех все также были пояса. Да и их перешептывания между собой немного поубавили мою уверенность в себе и свои силы. Я схватила руку Кремера, что не осталось незамеченным для окружающих. Чародеи смотрели на наши с Кремером руки так, словно в них был поводок, на котором мы привели в замок огнедышащего дракона. Огнедышащего дракона? Но, может, такое сравнение вполне справедливо, учитывая, что огнем я владею отлично. И лишь одна мысль о моем огне смогла вернуть мне смелость. Но не хотелось бы сейчас повторять то, что проделывали мы с Ремисом в этом холле полторы недели назад.

Толпа расступалась, не мешая нам идти вперед к широкой

лестнице, что вела на верхние этажи древнего замка. Мы же не стали задерживаться, а уверенными шагами направились к лестнице, но тут из толпы выскочил Феликс и преградил нам путь, чуть ли не ударившись грудью в Кремера.

– Кремер, это уже перебор! Ты и Кевилс совсем потеряли рассудок?

Несмотря на то что наш с Ремисом бывший наставник пылал яростью, сейчас мы его не боялись, да и он уже не демонстрировал того пренебрежения, как при нашей последней встрече в его кабинете.

– Уйди с дороги, Феликс!

Ледяной тон моего мужчины мог бы заморозить ад, но Феликс не сдвинулся с места.

– А то что? Что ты сделаешь мне, Кремер?

Кулаки Феликса были сжаты, но я смогла разглядеть, что его руки не пусты.

Кремер отпустил мою руку и загородил нас с Ремисом своей спиной.

– Убери зелье и дай пройти! Тебе не понравится, если я заставлю тебя уйти с дороги.

В тихом голосе Кремера звучала явная угроза, но она была направлена не только на Феликса.

– Если тебе что-то не нравится, уверен, Кевилс выслушает тебя, а сейчас мне необходимо с ним встретиться. Ты спрячешь зелье в свои карманы, остынешь и уберешься прочь с моих глаз! Сейчас!

Наверное, Феликс ждал, что кто-то из присутствующих чародеев примет его сторону, но произошло все ровным счетом наоборот – все отошли от нас на приличное расстояние, и теперь Феликс в буквальном смысле остался один против Кремера с двумя Источниками, которые стояли по обе руки от наемника. Мы не сговаривались с Ремисом, просто обступили Кремера в знак его поддержки.

Раньше я не рискнула бы так открыто выступить против своего наставника, но времена изменились, я изменилась.

Видя, что Феликс в меньшинстве, он, к его чести должна признать, не отступился.

– Источники должны быть уничтожены, таково решение Фейсала! И тебе прекрасно об этом известно! – Прорычал Феликс, указывая сжатым кулаком на меня и Ремиса.

– Таково *было* решение Фейсала, он сам это решение отменил.

Кремер сделал шаг навстречу Феликсу, который заметно побледнел и был вынужден отступить в сторону, чтобы не споткнуться о ступени и не свалиться.

– Этого не может... – проямлил наставник.

– Может! По этой причине назначена встреча Кевилса с Источниками, и ты не станешь перечить воле Фейсала.

Откровенно говоря, Фейсал не имеет отношения к встрече Кевилса с нами, но ведь другим чародеям об этом неизвестно, а значит, слова Кремера имеют совершенно другой привкус, окраску чего-то значимого и правильного в глазах

всех бессмертных, а не только для чародеев. Кремер умело играет словами и отлично пользуется своим заслуженным положением в мире бессмертных.

Реакция не заставила себя ждать: шепот стих, а в глазах некоторых можно отчетливо прочесть шок. Кто-то стал покидать холл, кто-то остался стоять на месте в напряженной позе, но Феликс все-таки отошел в сторону, давая возможность пройти нам к лестнице.

– Фейсал же не имеет к этому отношения, так? – Шепотом спросил Ремис, когда мы благополучно миновали лестничный пролет.

Кремер только кивнул в знак согласия, предпочитая сохранять молчание.

– Встречи Фейсал не планировал, но, учитывая логику его решения, я все же могу сказать, что этой встрече он способствовал. – Так же шепотом я ответила Ремису, когда убедилась, что на верхних этажах никого нет.

Мы прошли по лестнице еще один этаж.

Ремис, глядя себе под ноги, со вздохом ответил:

– Даже представить страшно, через что ты прошла, сестренка.

Чем ближе кабинет Кевилса, в котором я была только однажды, тем волнительнее мне становилось на душе.

На последнем этаже огромного замка была только одна дверь, которая вела в комнату главного чародея.

В голове всплыли яркие воспоминания.

Это случилось той ночью, когда чародеи нашли нас с Ремисом в шкафу. Нас привезли в этот замок и повели к Кевилсу. Я рыдала и звала маму, Ремис молчал, но его огромные глаза были наполнены страхом. Пока нас везли в замок, никто не удосужился успокоить маленьких детей, хотя никто и не обижал. Первым, кто проявил к нам заботу после той ужасной ночи, был Кевилс. Он усадил нас на диван и потребовал, чтобы нам немедленно принесли горячего молока и печенье. Но я отказывалась от еды, продолжая плакать и спрашивать про родителей.

– Где мамочка и папа? – Захлебываясь слезами и с трудом произнося слова, спросила я первого, кто был добр с нами.

Кевилс отставил в сторону поднос с угощением и присел на колени возле дивана, чтобы нам не приходилось задирать головы, разговаривая с ним.

– Боюсь, мы потеряли их.

Когда я разревелась еще сильнее, если такое было возможно, Кевилс взял в свои руки мои и поцеловал мою ледяную кожу.

– Тишиш, малышка, знаю, вам сейчас очень страшно и грустно, но я позабочусь о вас.

После этого Кевилс протянул нам с Ремисом теплое молоко, и если Ремис выпил его одним залпом, то я просто держала в руках стакан, согревая о него ладони.

– Пей, малышка с красивыми глазками. Как тебя зовут?

Меня зовут Кевилс.

– Алика, а это мой братик Ремис.

И я все-таки сделала глоток молока. Может, что-то было в том молоке, но я сразу немного успокоилась.

– Красивое у тебя имя.

Кевилс забрал пустой стакан у Ремиса, протянув ему печенье.

– Спасибо, – неуверенно прошептал Ремис, беря печенье. Он впервые заговорил после того, как нас вытащили из шкафа.

Мои воспоминания о той встрече с Кевилсом прервались, когда перед нами распахнулась дверь и Кремер жестом руки указал, чтобы мы вошли. Зайдя в комнату после меня и Ремиса, Кремер закрыл за собой дверь.

Да, в этой огромной комнате было все так, как и той ночью: ни одной лишней детали, в центре – массивный дубовый стол, а рядом – стул с высокой и широкой спинкой. С противоположной стороны стола были приставлены еще два стула, подозреваю, что специально для меня и Ремиса. Кремер сел на диван, который стоял чуть дальше, по правую сторону от стола. Кремер не стал ждать появления Кевилса в комнате, а сразу присел на диван так, словно зашел к своему другу выпить по баночке пива, разве что не прилег. Так он дает нам понять, чтобы и мы расслабились? Не успела я спросить, где же Кевилс, как позади нас скрипнула дверь, только эта была не та дверь, через которую мы вошли. Рядом

с ней располагалась другая, незаметная на первый взгляд. Выдавшись вперед, она отъехала в сторону. Из образовавшегося проема в стене появился Кевилс.

Первое, что бросилось в глаза, – он был без пояса. Снял оружие, чтобы сообщить, что это дружеская встреча? Умно.

Одет лидер чародеев был в джинсы и белую рубашку, которая была идеально разглажена, но, думаю, тут дело не в умении хозяйки приводить в порядок вещи этого мужчины, а в том, что материал этот был неземного происхождения. В тканях я пока еще плохо разбираюсь, но могу понять, что ткань куплена за пределами Земли.

– Приветствую.

Кевилс кивнул мне и Ремису, направляясь к своему столу, но, прежде чем сесть на свой огромный стул, жестом предложил присоединиться к нему.

– Присядете?

Меня немного нервировало то, как приветливо Кевилс обратился ко мне и Ремису. Я понимаю, что он всегда так со всеми разговаривает, но это не значит, что он мягкий человек. Он остается самым влиятельным чародеем, и от него зависит судьба магов. А он совершенно точно понимает, что мы с Ремисом не рядовые маги, мы – Источники, способные смести этот замок ко всем чертям. И я предпочла бы общаться открыто, без улыбок и наигранного радушия.

Так что я присела, а чуть позже и Ремис сел на стул и с грохотом придвинулся ближе к столу. Звук сдвигаемого сту-

ла по каменному полу в полупустой комнате получился нарочито громким, я даже немного поморщилась. Но Ремис словно и не заметил этого неуместного нарушения тишины, ведь мы даже не поприветствовали Кевилса в ответ.

– Рад видеть вас дома. – Сообщил Кевилс, тоже усаживаясь на стул.

– Это не наш дом. – Грубо отрезал Ремис.

Я не стала смягчать его слова, поскольку полностью с ним согласна. Но, признаться, я не знаю, где мой дом. Знаю только, что мое сердце принадлежит Кремеру, но не замку чародеев.

Кевилса не задели слова Ремиса, хотя улыбка с его лица испарилась. Теперь на его не по годам молодом, но мужественном лице, можно разглядеть усталость, тень которой пролегла под глазами. Без улыбки его лицо было уставшим, а голубые глаза потускневшими и даже безжизненными. Что с ним случилось? Он всегда источал силу и власть, но без агрессии и высокомерия. Такая тихая царственность без короны и помпезности. Кевилс не нуждался в троне, чтобы заставить чародеев следовать за собой. Я всегда восхищалась им, но в данную минуту он не походил сам на себя.

– Жаль, я хотел бы вас заверить, что вам по-прежнему здесь рады.

– Это не так, и вам известно об этом. Феликс... – я не успела договорить.

– Феликс будет делать то, что я скажу.

Недаром Кевилс и Кремер близкие друзья, у них есть общая черта: сказал как отрезал.

– Ни Кремер, ни ты, Кевилс, не сможете заставить чародеев полюбить нас. – Подражая резкому тону Ремиса, я ответила Кевилсу.

– Невозможно кого-то заставить полюбить, а вот уважать – вполне возможно, – возразил Кевилс.

Мы с Ремисом переглянулись, после чего брат спросил:

– И есть конкретные предложения?

– Да, но прежде позвольте узнать, каковы ваши планы. – поинтересовался глава чародеев и положил руки перед собой на столе, как бы предлагая: давайте выложим все карты на стол.

– Выжить? – То ли с вопросом, то ли утвердительно ответил Ремис.

– Это не ответ, выжить стремится любое живое существо, я не это хотел бы выяснить.

– Какие у нас могут быть еще планы? Мы только полторы недели назад узнали, что из нас не выйдет выдающихся наемников в рядах чародеев, – заступилась я за брата, – так что Ремис прав, прежде всего нас интересует вопрос выживания.

– Может, не наемниками, но в рядах чародеев я был бы рад вас видеть.

К чему он клонит?

– В роли кого? И скажу сразу: мы не станем помогать вам – выслеживать и убивать магов, – отрубил я сразу все воз-

возможные предложения подобного рода.

– Алика, ты правда думаешь, я захотел встретиться с двумя Источниками, чтобы предложить уничтожить парочку магов?

На лице Кевилса читалась смесь смеха и шока.

– Я похож на идиота?

После этих слов Кевилс обратился к Кремеру:

– Друг мой, что я сделал не так в этой жизни?

– Думаю, Источникам сложно поверить, что чародеи сегодня могут преследовать другую цель.

Кремер не смеялся, отвечая Кевилсу. Он был очень серьезен. Действительно, с чего бы чародеям перестать охотиться на магов?

Я решила внести ясность в разговор:

– О какой цели тогда идет речь?

– Ладно, перейдем к сути, прежде чем молодые маги опять случайно оскорбят мой интеллект.

Кевилс поднялся из-за стола и направился к стене кабинета.

С виду стена как стена, но, когда Кевилс провел по ней рукой, стена резко расступилась и в глубине появился потайной сейф. Сколько еще секретов сокрыто в кабинете Кевилса?

Руки главы ордена исчезли где-то в темном углублении стены, а после вытащили на свет нечто напоминающее черный мешок и при ближайшем рассмотрении стало понятно,

что это мешок – желудок трегверка. О его содержимом оставалось лишь гадать, но очевидно, что это нечто ценное иначе зачем такое расточительство для столь огромного мешка. Желудок трегверка не столь большой, и такого размера мешок должен стоить огромных денег.

Кевилс повернулся к нам, стена за ним вернулась в исходное положение, скрывая все, что там могло храниться.

Не теряя ни секунды, он расположил мешок на столе и устался на нас с Ремисом.

– Что это?

Ремис начал терять терпение, как всегда бывает, когда он не владеет информацией или темой разговора.

– Это то, ради чего мне понадобится ваша помощь.

Кевилс начал развязывать мешок, а в это время Кремер поднялся с дивана и подошел ближе ко мне.

Чародей сунул в мешок руку и вытащил что-то круглое в темно-серой обертке. Не сразу мне удалось распознать вещь, с помощью которой предполагается объединить магов и чародеев. Но когда глава чародеев положил штукину на стол и развернул, я даже подпрыгнула на стуле, чуть не свалившись на пол вместе со стулом. Ремис же вскочил на ноги.

– Что, черт возьми, это такое?

– Это череп, – ответил Кевилс. – Человеческий череп, если сказать точнее.

Череп человека от черепа бессмертного не сильно отличается, но ясности в ситуацию это не добавляло.

– Так, и что это должно нам с Ремисом сообщить? Что мы должны понять кроме того, что у вас в сейфе человеческие кости? – Голос я обрела, осталось вновь начать дышать ровно.

Кевилс достал из кармана брюк пузырек с темной жидкостью, и его рука с пузырьком нависла над черепом. Прежде чем вылить это на черепушку бедолаги, Кевилс обратился ко мне и Ремису со словами:

– У меня сейчас очень мощное зелье в руках, способное расплавить даже камень *роер*. Это зелье совершенно точно способно оставить только немного праха от человеческой кости.

Кевилс пролил примерно пару капель на череп, раздался громкий хлопок и повалил белый дым. Я вскочила со стула и отпрыгнула дальше от стола, поскольку искры, которые отлетали от черепа, разлетелись на большое расстояние, а мне совсем не хотелось, чтобы они достигли меня.

– Какого хрена? – Задал Ремис абсолютно логичный вопрос.

Он тоже отскочил от стола, когда началось светопреставление с дымовой завесой, но теперь сделал шаг к столу, чтобы разглядеть череп.

Когда рассеялся дым, стало отчетливо видно, что череп нисколько не пострадал. Зелье Кевилса на черепе не оставило даже мелкой царапинки – он как был гладким, так и остался, цвет тоже не изменился.

– Да, Ремис, именно такой вопрос задал и я, когда своим самым сильным зельем попытался разрушить этот череп в кабинете Кевилса, – ответил Кремер за главу чародеев, который молча и хмуро смотрел на череп.

– Может, – я прокашлялась, – может, ваше зелье было все-таки не самым сильным?

– Уж поверь мне, Алика, это зелье способно нанести значительный ущерб, – Кевилс посмотрел на меня, крутя в руке зелье. – В любом случае я испробовал на этой голове много своих зелий и заклинаний, как и Кремер. Но ни одно не было способно причинить хотя бы минимальный вред.

– Тогда эта голова не человека. С чего такая уверенность, что это человек? – предположил Ремис, подойдя к столу и прикоснувшись пальцем к черепу.

Фу, мерзость, ни за что я не стану трогать это.

– Это голова человека, я его сам убил.

О, эти слова ввергли меня в состояние полной растерянности и даже паники. Кевилс убил человека? Быть того не может!

Видя нашу реакцию, Кевилс продолжил говорить так спокойно, как если бы шок на наших лицах был чем-то странным.

– Это существо когда-то было человеком, но с ним что-то сделали, – Кевилс покачал головой, – кто и что именно, я не знаю, но, хоть он был рожден человеком, а в этом нет сомнений, перед смертью он был уже больше, чем человек.

И в этом я также уверен.

Чтобы слушать Кевилса и дальше, я решила сесть обратно на свой стул. Интуиция мне подсказывает, что мне не понравится дальнейший рассказ и то, что за этим последует.

– Это существо напало на меня без какой-либо причины. Но люди не могут отличить бессмертного от смертного, пока сам бессмертный не выдаст себя по глупости.

Кевилс тоже сел на свой стул, продолжая смотреть в одну точку – на череп, и продолжил:

– Мало того что он напал на меня, он отлично понимал, с кем имеет дело. Чтобы убить его, мне пришлось отрубить ему голову, не сразу я понял, что зелья мои ему никакого вреда не приносят. Он же в свою очередь...

– Погодите, – перебила я Кевилса, – так, может, он и не знал, что вы чародей, может, это случайное нападение?

– Нет, я был на частном складе, куда доставили мой груз. Там было много людей, но из всех он сразу выделил меня. Пока люди пытались понять что происходит, этот... человек почти убил меня, когда я отвлекся. Я вдруг понял, что драка происходит на глазах у смертных. Мне пришлось потом найти каждого из них, чтобы применить заклятье забвения. Это могло стоить смертным рассудка, но я не стал рисковать и раскрывать перед ними наш мир.

– Но, тогда проблема решена, разве нет? – Неуверенно спросил Ремис. – Я хочу сказать, вы его грохнули, люди об этом и не вспомнят. Так в чем проблема?

– Прежде чем мы продолжим говорить о проблеме, не могла бы ты применить свою силу Источника и попробовать уничтожить этот череп?

Я оторвала взгляд от черепа и посмотрела на Кевилса.

Предложение должно бы меня удивить – чародей просит Источника применить силу прямо в своем доме, но только теперь это нисколько не удивляет. Я начинаю понимать, для чего мы понадобились чародеям.

– Как бы я не спалила ваш прекрасный стол.

Я улыбнулась ему и вздернула бровь, как бы уточняя, уверен ли он в своей просьбе.

– Я готов пожертвовать столом ради эксперимента. Наука прежде всего! Так, кажется, говорят люди?

– Не думаю, что они так говорят, друг мой. Тебе чаще надо выходить за пределы замка просто развеяться. А еще смотри телевизор – отличная вещь, которую изобрели люди.

Кремер пожал плечами, в то время как Кевилс на такое предложение своего друга лишь нахмурился.

– Ладно, я могу попробовать применить огонь, но никто не может предсказать последствия. Вы же понимаете, что если от пары капель зелья был мини-взрыв, то мой огонь может устроить более яркое шоу в прямом смысле этого слова?

– Да, Алика, мы это понимаем, поэтому лучше всем отойти от стола, – предложил Кремер.

Все покорно подчинились логичному совету Кремера и отошли от стола на добрых три метра.

Вдох, выдох, рука перед собой, только немного огонька, не спали к чертям замок, Алика! – давала я сама себе указания прямо перед тем, как из пальцев правой руки вылетел огонь и я направила его прямо в череп.

Немедленно череп охватило огнем, хоть я и ждала взрыва, но, к счастью, его не последовало. Вместо этого от черепа повалил едкий дым, от которого все мы вскоре начали задыхаться и кашлять. Кевилс поспешил открыть окно, после чего стало значительно легче дышать и немного прояснилась картина происходящего. А она была довольно мерзкая: череп, шипя и потрескивая, очень медленно плавился и жидкой темной массой растекался по столу. Вскоре от черепа осталась небольшая темная лужа. Стол я все-таки испортила, должна признать, но и череп уничтожен.

Видимо, порча мебели не особо трогала Кевилса в этот момент. Он широко улыбался и был очень воодушевлен.

– Я же тебе говорил?! – Воскликнул Кевилс.

Уж не знаю, что именно говорил Кевилс Кремеру, но оба они выглядели очень довольными.

– Простите за стол.

А что мне еще надо было сказать?

– В топку стол, главное, что ты смогла это сделать, Алика!

– А можно наконец узнать, к чему все эти демонстрации возможностей прямо, как в шоу «Х-Фактор»?! – Заметно нервничая, спросил Ремис.

–Кевилс обошел стол и встал напротив меня и Ремиса,

Кремер стоял по правую руку от Кевилса.

– У нас с Кремером есть друг, и, хоть Кремер и считает, что его уже нет в живых, я все же верю, что смогу его найти. Он давно пропал без следа и свидетелей. Но он сильный чародей и без боя не сдался бы, кто бы на него ни напал. Мои поиски привели меня в земли территов. Однажды там пропал террит при схожих обстоятельствах: нет свидетелей, нет следов, был террит и нет террита.

Когда он надолго замолчал, я стала терять терпение:

– И? Какая между этим всем связь? И какое отношение к этому всему имеем мы?

Или он подозревает в случившемся магов?

– Террит нашелся, – Кевилс покачал головой, – случайно был обнаружен на Земле, он был в ужасном состоянии и нес какую-то чушь, понять его было почти невозможно. Мне удалось побеседовать с ним, если это можно назвать беседой.

Кевилс махнул рукой, словно это неважная информация, и продолжил:

– Главное, что я хочу сказать, так это то, что он бормотал о похищении и что он кого-то кормил. Именно кормил – это самое непонятное из всего, что он говорил.

– Может, он просто обезумел от долгого нахождения на Земле? Такое ведь случается с бессмертными? – Выказал непонимание Ремис.

– По идее для безумия подобного рода он провел недостаточно времени на Земле, но я не исключаю и этого. Я ничего

не исключаю, я просто вижу связь между этим человеком, – Кевилс махнул рукой в сторону растворенного черепа, – и исчезновением чародея и террита. И чем дольше я изучаю этот вопрос, тем больше узнаю о том, что и другие бессмертные исчезают бесследно.

– Предположим. Но при чем тут мы? – Спросила я.

Не считает же он, что за этим всем стоят маги?

– Мы столкнулись с некой новой угрозой, – Кевилс тяжело вздохнул...

– Мы? – Явно не веря Кевилсу, спросил Ремис.

– Именно мы, и я имею в виду всех бессмертных, маги – не исключение!

Тут мое сердце сжалось, я вспомнила исчезнувшую сестру Маркуса. Видимо, Ремис подумал об этом же, поскольку прошептал:

– Сестра Маркуса...

– Нет, я серьезно видел ее, она жива и не производила впечатления свихнувшейся, – остановил Ремиса Кремер.

– Ладно, допустим так, но я все же не понимаю, чем мы с Ремисом можем помочь.

– Я прошу помочь в поисках нашего друга, и если всем и правда угрожает новый враг и нам придется столкнуться в прямом бою с этой новой угрозой, то прошу быть на стороне чародеев.

Скрестив руки на груди, Ремис уточнил:

– В этом случае вы не считаете магов угрозой?

– Маги давно перестали быть угрозой.

Эти слова Кевилса больно полоснули мне по сердцу, ведь мои родители когда-то были угрозой, которую ликвидировали. Тем временем Кевилс продолжил:

– К тому же я не думаю, что за всем этим стоят маги. Но это повод объединиться с ними, тем более что решение Фейсала дало нам всем отличный шанс изменить жизнь к лучшему – как чародеям, так и магам.

Кевилс прав, конечно, только я не совсем понимаю, как привлечь на сторону чародеев других магов.

– Допустим, мы с Аликой готовы вам помочь, но я не могу гарантировать, что другие маги будут рады помогать чародеям, – подтвердил мои сомнения Ремис.

Наши отношения с Кремером не интересны магам, сомневаюсь, что и чародеи их одобряют.

– Если два Источника будут на нашей стороне, я уже буду рад, но...

Кевилс замолчал и улыбнулся.

– Что «но»? – Затребовал продолжения Ремис.

– Но... если Источники присоединятся, рано или поздно остальные маги последуют за нами. Думаю, Кевилс хотел сказать именно это, – ответила я за главу чародеев.

– Именно это я и хотел сказать, – Кевилс улыбнулся еще более открыто.

– Хорошо, допустим. Но я все еще не понимаю, как это все устроить. Где гарантия того, что ни один чародей не нападет

на мага, который будет свободно выходить из своего убежища, а магов потом опять не обвинят в жестокости, если они будут вынуждены защищаться и в процессе убьют кого-то? – Ремис задавал вполне логичные вопросы.

– Самооборона – не преступление, я приложу все усилия, чтобы донести как до чародеев, так и до остальных бессмертных, что Источники и маги – наши союзники.

Кевилс сделал паузу, и все веселье исчезло с его лица.

– Признаю, на изменения потребуется время. Но что вы теряете? Маги, вынужденные скрываться, не могут вести полноценную жизнь, а так есть возможность жить более свободно.

– Я согласна.

Ремис посмотрел на меня, и, судя по его выражению лица, его не убедили, вопросы еще не закончились.

– И мы с Аликой сможем приходить в замок?

В голосе Ремиса был слышен сарказм.

– В замке ваши комнаты остаются за вами, твоя машина в гараже, телефон, счета – все осталось, как и прежде. Двери замка для вас открыты, – отчитался Кевилс, проигнорировав саркастический тон Ремиса.

– А другие маги?

– Их не тронут, но желательно пока воздержаться от их визитов в замок. Как я сказал, на изменения потребуется время. Между нами века войны, за один день мир не создается. Даже если стороны желают этого, в каждой из них найдутся

горячие сердца и затуманенные мезтью разумь.

В этом я согласна с Кевилсом. Вспомнить хотя бы реакцию магов на Кремера еще утром – ему не были рады так же, как и не все чародеи были рады мне и Ремису сегодня в замке.

– Тогда я соглашусь с Аликой – я в деле.

Кремер подошел ко мне и обнял, прошептав на ухо:

– Я же говорил, что все будет хорошо.

Мне неизвестно, знает ли Кевилс о нас с Кремером, но, заметив, как он смотрит на нас и искренне улыбається, я поняла – он не против наших отношений. Я поцеловала Кремера в губы и тихо спросила:

– Может, пройдем в мою комнату?

– Если только собрать твои вещи, ты переезжаешь ко мне.

Это не было вопросом или предложением, это был озвученный свершившийся факт.

– Алике необходимо проводить время с магами, – возмутился Ремис.

– Она будет встречаться и проводить время с магами, когда и сколько пожелает, но теперь живет она у меня.

Говоря это, Кремер продолжал меня обнимать, улыбался, а в промежутках между словами, которые он произносил для Ремиса, нежно меня целовал.

– Мне надо позвонить магам, а то они переживают, – ответил Ремис, предварительно откашлявшись. Ему явно было неловко.

– Если у вас нет ко мне больше вопросов, то я вас не задерживаю, – вмешался Кевилс.

Втроем мы направились к выходу, вперед к новому этапу наших жизней.

Выйдя из кабинета главы чародеев, мы почти столкнулись с троицей дружков Ремиса.

– Что вы тут делаете? – Потребовал ответа Кремер.

Никто без приглашения Кевилса не ошивается у его кабинета, даже не смеет подниматься на его этаж.

– Мы... мы... – замычал Джаник.

Не успел он полностью промычать свой ответ, как Кремера окликнул Кевилс:

– Кремер, задержись на минутку!

– Конечно.

Нехотя Кремер отпустил мою руку.

– Жди меня тут, я сейчас.

– Алика, я задержу его на мгновение. Обещаю, что он вернется в твои ручки, ты и соскучиться не успеешь, сможешь и дальше его защищать.

Это было явное подтрунивание над Кремером. Но он не смутился, а только засмеялся.

– Я припомню тебе это, Кевилс.

С этими словами Кремер вернулся в кабинет и закрыл за собой дверь.

Мы остались одни: три чародея, явно нервничающие, Ремис с ухмылкой на лице и я. Ремис заговорил первый:

– Значит, вы, придурки, все знали обо мне и Алике и молчали? – стал притворно ругаться Ремис.

– Знали, – начал Олав.

Его каштановые волосы до лопаток были в беспорядке, словно, прежде чем подняться на этаж, ему пришлось драться. Глаза его блестели от плохо скрываемых эмоций, являя собой комок нервозности.

– Но нам было запрещено тебе об этом рассказывать. Ты же понимаешь?

– Но мы не знали, что вы – Источники. Это стало сюрпризом для всех, – добавил Джаник.

Джаник самый тихий из них. Может быть, на его характер повлияло воспитание родителей. Его отец – известный наемник, а мама – тихая затворница, которая при этом жестко контролировала жизнь сына.

– А что случилось, когда узнали? – спросила я.

Я не могла не спросить, ведь, когда мы тем утром пили свой кофе, зажевывая стресс бутербродом, нам не помешала бы дружеская помощь, Ремису – так точно.

– Наши родители потребовали, чтобы мы непременно вернулись домой, они опасались, что Ремис нас убьет, – смущаясь и краснея, ответил Вилфред.

Не могу винить родителей этих парней в подобной ситуации. Они и так, наверное, не были в восторге от дружбы своих детей с магами, а уж дружбу с Источником ни один здравый родитель не одобрит.

– Мы пытались до тебя дозвониться, – начал оправдываться Олав, – но твой номер был не доступен.

– Я выкинул телефон, чтобы нас не вычислили, – пояснил Ремис.

– Для чего вы звонили Ремису?

Тройка парней посмотрела на меня, они еще не привыкли к тому, что я могу твердо и уверенно с ними разговаривать, раньше обычно я мямлила и опускала глаза в пол. Но теперь именно они были смущены не только моим тоном, но и тем, как быстро меняется цвет моих глаз. Ох, сейчас мои глаза даже меня бы смутили.

– Чтобы помочь, – продолжил Олав, который раньше чаще всех донимал меня, теперь же предпочитал не смотреть мне в глаза. Да уж, многое меняется. Но мне нравятся эти изменения. – Когда мы узнали, что вы Источники, предположили, что все чародеи захотят вас прикончить. Но мы втроем не желали вам смерти. Мы же...

– Мы – друзья, Ремис, – Вилфред пришел на помощь Олаву. – Были, есть и, надеюсь, будем. Знаю, Кевилс запретил на вас охотиться, так что, думаю... если ты, конечно, не против, Ремис.

– А как именно вы хотели мне помочь? – С трудом сдерживая смех, спросил Ремис.

– Ну мы сняли квартиру на подставное имя и хотели помочь вам с Аликой спрятаться в ней, а потом что-нибудь бы придумали, – пожав плечами, поделился не очень гениаль-

ным планом нашего спасения Джаник.

– Нас бы быстро нашли, чародеи следили бы за вами, – встала я, тоже безуспешно пытаюсь не рассмеяться.

– Мы и не говорим, что план был идеальным, – постарался оправдаться Олав с обидой в голосе.

– И последний вопрос, – Ремис уже не скрывал веселья, – кто из вас подкидывал мне зелье на уроках?

– Все по очереди, – откровенно хохоча, ответил Джаник.

Ремис слегка треснул Джаника в живот.

– Эй! За что? – Потирая живот, спросил Джаник.

– За то, что ты не потрудился подсунуть мне зелье на том контрольном тесте три месяца назад и мне впаляли двойку, а потом заставили драить холл в качестве наказания целые две недели, говнюк!

– Я пытался, но ты, черт возьми, не выпускал свою склянку из рук, мне никак не удавалось ее подменить!

Джаник тоже треснул Ремиса, и так как у чародеев движения быстрее, чем у магов, Ремис не успел прикрыться.

– Так что сам ты – говнюк!

– Не могу понять, почему учителя ставили нам двойки, если знали, что мы маги? Они испытывали наши зелья, и, когда они, естественно, не срабатывали, нам ставили двойки и наказывали, – спросила я.

Сейчас это все смешно, но в то время мне было совсем не до смеха! Сколько слез я пролила из-за проклятых зелий, а сколько раз я обжигала свои руки, и все было зря!

– Чтобы все выглядело правдиво.

Я и не услышала, как из Кабинета вышел Кремер.

– Если бы вы поверили, что можете делать отличные зелья, то вскоре бы поняли, что отличные зелья у вас получают только на уроках, и рано или поздно сами догадались бы.

– Мы и так догадались, – я обняла Кремера, он прижал меня к себе, – так что в этом не было смысла.

– Если бы не тупость Феликса, вы бы еще какое-то время пребывали в неведении.

– Ладно, согласна. Теперь куда мы?

– Собираем твои вещи и переезжаем ко мне.

В этот момент надо было видеть лица чародеев и Ремиса! Если Ремис уже понимал, что мой переезд к Кремеру неизбежен, то для остальных это стало неожиданностью. Но к их чести никто не осмелился задавать вопросы.

– Ремис, ты позвонил магам? – Уточнил Кремер.

– Черт, нет. Сейчас позвоню. Но прежде у меня есть вопрос: а где буду жить я?

– Сам решай. Твоя комната остается за тобой, но если ты желаешь скорее научиться пользоваться своей силой, то рекомендую остаться у магов – так и тебе полезно, и им спокойней.

– Соглашусь с Кремером.

– Сестренка, – доставая телефон, обратился ко мне Ремис, – что-то мне подсказывает, что ты всегда будешь согла-

шаться с Кремером.

Троица чародеев имела наглость заржать, я покраснела и посмотрела на реакцию Кремера. И несколько не удивилась, увидев, как он пытается скрыть ухмылку довольного собой самца. Увидев же, что мне не смешно, он невинно захлопал глазами.

– Что? – Спросил Кремер.

– Не будь так уверен в себе, Кремер, я могу спорить с тобой.

– О! Так мне это известно.

Он склонился ко мне и на ухо прошептал:

– Но я знаю способы тебя убедить в своей правоте. Веди меня в свою комнату, Алика. Хочу продемонстрировать парочку приемчиков прямо сейчас.

Видимо, это расслышала не только я, поскольку захихикали все, даже Ремис, который дозвонился до Дориуса и уже разговаривал с ним по телефону.

Да и плевать на всех!

– Кремер, должна предупредить: мы будем долго собирать мои вещи, я захвачу все, чтобы поселиться у тебя, и еще, – я взяла его за руку и повела к лестнице, – а еще я буду много, очень много спорить с тобой, так что придется потрудиться, любимый!

– И у нас впереди целая вечность на споры, любимая!